ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

ИСКРА

№№ 1–52
1900–1903

ВЫПУСК
V

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

ИСКРА

№№ 1—52

ДЕКАБРЬ 1900—НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

№№ 31—37



«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД
1928



Ленинградский Областлит № 11985. Тираж 4.000 (П. 10. 12417/пр.) — 37 л. Заказ № 1594.

Государственная типография имени Евг. Соколовой. Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

ИСКРА № 31.

Идейные традиции и идейные задачи пролетарского социализма. *Л. Мартов* . . . 1
Знакомые речи. *В. Засулич* . . . 3
Московские зубатовцы в Петербурге. *Н. Ленин* . . . 5
Опекаемое студенчество. *Н. Троцкий* . . . 6
Вместо фельетона. *Юлия Гольдман* . . . 8
Из нашей общественной жизни . . . —
Тифлис . . . —
Москва . . . 9
Борьба политических в Митавской тюрьме . . . —
Из жизни сектантов на Сев. Кавказе . . . 10
Станица Владимирская . . . —
Обращение русских рабочих-переселенцев в Америке к русинам . . . 11
Харьков . . . —
Из деревни . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 13
Ростов-на-Дону . . . —
Тверь . . . 16
Из Ставрополя-Кавказского . . . —
Севастополь . . . —
Из посада Азова, Донской области . . . —
Из партии . . . 17
Международная социалистическая конференция в Брюсселе 29 декабря 1902 г. . . . —
Открытое письмо в редакцию «Искры» . . . 18
В начале сентября в Одессе . . . —
В течение октября и ноября Нижегородским Комитетом изданы . . . —
Полтавский Ком. Росс. С.-Д. Р. П. . . . —
Нас просят поместить след. резолюцию . . . —
Сведения о Персице . . . —
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . 19
Примечания . . . —

ИСКРА № 32.

Извещение об образовании «Организационного Комитета.» 21
Заявление вновь образовавшегося Организационного Комитета . . . *Н. Ленин* . . . 22
Значение ростовской стачки. *Г. Плеханов* . . . —
Пролетариат и крестьянство. *Г. Плеханов* . . . 24
Неудачный дебют. *Петербургские рабочие* . . . 26
Из нашей общественной жизни . . . 28
Н.-Новгород . . . —
Из частного письма одной из осужденных за саратовскую демонстрацию . . . 31
Из студенческой жизни . . . —
С.-Петербург . . . —
Буржуазное самоуправление в когтях у двуглавого орла . . . —
Гродно . . . 32
Затруднительное положение администратора или кто управляет в России . . . —
Ставрополь-Кавказский . . . —
Харьковский союз учащихся . . . 33
Владикавказ . . . —
Одесса . . . —
Из деревни . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 34
Ростов-на-Дону . . . —
Одесса . . . —
Киев . . . 35
Киев . . . —
Чернигов . . . —
Тифлис . . . —
Тифлис . . . —
Екатеринбург . . . 36
Алопаевский завод . . . —
Вильна . . . 36
Ковно . . . —
Из партии . . . —
Хроника революционной борьбы . . . 38
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 39

ИСКРА № 33.

За сорок лет. *Л. Мартов* . . . 41
Еще о ростовской стачке. *Г. Плеханов* . . . 42
Пролетариат и крестьянство. *Г. Плеханов* . . . 44
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . 47
Благородство вместо программы и нервность вместо тактики. *Н. Троцкий* . . . 51
По поводу заявления Бунда. *Н. Ленин* . . . 52
Идеалистическая гамма. *Н. Троцкий* . . . 54
Из нашей общественной жизни . . . 55
Москва . . . —
К юбилею В. Д. Новицкого . . . —
Новый успех генерала Новицкого . . . 56
Печать патриотического доноса о Финляндии . . . —
Юбилейное холопство . . . —
Самара . . . 57
Иркутск . . . —
Как строятся наши железные дороги . . . —
Тифлис . . . 58
Саратов . . . —
«Надежды Ростова-на-Дону» . . . —
Письмо в редакцию . . . —
Письмо в редакцию. *Н. Бауман* . . . 59
Городовой и политика . . . —
Из деревни . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 60
Ст. Панютино . . . —
Движение среди приказчиков Одессы . . . —
В Кишиневе . . . 61
Новороссийск . . . —
Батум . . . —
Рига . . . —
«Сим победиши!» . . . —
Из партии . . . 62
Письмо в редакцию . . . —
На Кавказе . . . —
Открытое письмо Организационному Комитету . . . 63
Мы получили следующее письмо . . . —
Ряд мелких заметок . . . —
Хроника революционной борьбы . . . 64
Почтовый ящик . . . 65
Примечания . . . —

ИСКРА № 34.

«Изволят тешиться». *Л Мартов* . . . 69
Новый поход г. фон-Плеве. *Н. Троцкий* . . . 71
Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату. *Н. Ленин* . . . 72
Пролетариат и крестьянство. *Г. Плеханов* . . . —
Письмо в «Искру» . . . 74
Некоторые факты о Степане Валерьян. Балмашеве . . . 76
О постановке пропаганды в кружках. *Северянин-В. А. Носков* . . . 77
Из нашей общественной жизни . . . 80
В мире мерзости и запустения *Н. Троцкий* . . . —
«Представители земли» против рабочих . . . —
Варшава . . . 81
Саратов . . . —
Самара . . . 82
Томск . . . —
Иркутск . . . —
Из Красноярска . . . —

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Екатеринодар. *Л. С. Федорченко* . . . 82
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . 83
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. —
Петербург . . . —
Тверь . . . —
Вильна . . . 84
Ростов-на-Дону *Леонский - Л. С. Федорченко* . . . —
Таганрог . . . —
Томск . . . —
Пермь . . . 85
Одесса . . . —
С. Коленцы . . . —
Из партии . . . 86
Организационный Комитет извещает . . . —
Открытое письмо в «Искру» . . . —
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . 87
Примечания . . . —

ИСКРА № 35.

Карл Маркс. *Г. Плеханов* . . . 89
Самодержавие колеблется... *Н. Ленин* . . . 92
Пролетариат и крестьянство. (Продолжение.) *Г.Плеханов.* —
Из-за решетки. *Заломов* . . . 95
О двуликой демократии. *А. Потресов* . . . 97
Как они «примиряют». *Н. Троцкий* . . . 101
Голос рабочего . . . 103
Из нашей общественной жизни . . . 104
Знаменательное явление . . . —
Петербург . . . 106
К побегу Инны Леман . . . 107
Москва . . . 108
Конец студенческой трагикомедии . . . —
Белосток . . . 109
Ярославль . . . —
Екатеринослав . . . —
Нам пишут . . . —
Любопытная справка . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 110
Казань . . . —
Ростов-на-Дону . . . 111
Эксплоатация железнодорожных служащих . . . 112
Стачка на сахарном заводе . . . —
Мелитополь . . . —
Чита . . . —
Из партии . . . —
Организационным Комитетом к 19 февраля издано воззвание . . . —
Вышедший в январе № 14 «Южного Рабочего» . . . —
Нижегородским Комитетом изданы прокламации . . . —
Ко всем социал-демократическим организациям России. —
В помеченной январем 1903 г. прокламации . . . 113
На первом собрании Казанского Комитета . . . —
Нам прислано следующее печатное заявление . . . —
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . —

ИСКРА № 36.

Мартовские иды. *Г. Плеханов* . . . 117
По поводу нового таможенного тарифа. *Д. Кольцов* . . . 119
Единая русская социал-демократия и интересы еврейского пролетариата. *Л. Мартов* . . . 120
Европейская реакция у ног русской полиции. *Л. Мартов.* 121
«Социализация», «кооперация» и почулярная литература «соц.-революционеров». *Н. Троцкий* . . . 124
Из нашей общественной жизни . . . 127
Новая демонстрация в Ростове-на-Дону . . . —
Томск . . . 129
Обвинительный акт . . . —
Из Тихорецкой сообщают . . . 131
Новый удачный побег . . . —
Москва . . . —
Москва . . . 132
Полтава . . . —

Стр.

Тверь . . . 132
Красноярск . . . —
Чита . . . —
Якутск . . . —
Из якутской области . . . —
К движению среди учащейся молодежи . . . 133
Из тайн департамента полиции . . . 134
Харьков . . . 135
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 136
Тверь . . . —
Пермь . . . 137
Екатеринослав . . . —
На ст. Панютино и Лозовой . . . —
В Тифлисе . . . 138
Из Батума . . . —
В Тифлисе . . . —
Сувалки . . . —
Белосток . . . —
В Казани . . . —
Кострома . . . —
Из партии . . . —
По поводу протеста Воронежского Комитета . . . —
Главное Правление «Социал-Демократии Царства Польского и Литвы» выпустило прокламацию . . 140
Вышли в свет новые изд. Лиги рев. русск. соц-дем. —
Последние известия . . . 141
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 142

ИСКРА № 37.

Русские бонапартисты в Финляндии. *Л. Мартов* . . . 143
Ограничение царской власти. *В. Северцов-В. В. Филатов.* 145
Убийство Сипягина — в провинции. *А. Светлов-Л. С. Федорченко* . . . 146
Г. Струве, изобличенный своим сотрудником. *Н. Ленин* 147
Снова кровь... *Л. Мартов* . . . 151
Об организации и национальности . . . 153
Из нашей общественной жизни . . . 156
К ростовской демонстрации 2 марта . . . —
Баку . . . 157
Баку . . . —
О демонстрации в Тифлисе . . . 158
Батум . . . —
Томские события . . . —
Замечательный документ . . . 159
Образчик генеральской «словесности» . . . —
Политический процесс . . . 160
Екатеринослав . . . 161
Тверская губ. . . . 162
Москва . . . —
Вологда . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 163
Трагедия в Златоусте . . . —
Уфа . . . 164
Письмо в «Искру» Тульского Комитета Росс Соц.-Дем. Раб. Партии . . . —
Ростов-на-Дому . . . —
Одесса . . . 165
Харьков . . . —
С Урала . . . —
Из Польши . . . —
Новочеркасск . . . —
Из партии . . . —
Заявление Организационного Комитета . . . —
Мы получили след. заявление . . . —
Заявление Тульского Комитета Росс. Соц.-Дем. Р. П. 166
Приветствуя выступление Сибирского Соц.-Дем. Союза . . . —
Заимствуем некоторые интересные данные из «Отчета о деятельности Донского Ком. за 1902 г.» . . . —
Ряд мелких заметок . . . —
Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . 167
Примечания . . . 168

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 31 1 ЯНВАРЯ 1903 ГОДА № 31

ИДЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ И ИДЕЙНЫЕ ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКОГО СОЦИАЛИЗМА.

«Не надо полемики!» кричат нам противники социал-демократии из других революционных и оппозиционных течений. Надо бороться с общим врагом — самодержавием, а не растрачивать силы на «братоубийственную» войну.

И в то же время почти каждый номер газет, издаваемых этими противниками, приносит с собой новое нападение на ту или иную идею, составляющую основной элемент нашего соц.-демократического мировоззрения. Люди, видимо, хотят «об'единения» или «сближения», но практика политической деятельности неудержимо заставляет их вырабатывать свою собственную программу, которая стала бы идейным центром для сплочения пробуждающихся сил тех классов, которых интересы они стремятся выразить. А так как эти интересы не совпадают с интересами пролетариата, так как поэтому политические партии, служащие этим интересам, стоят во всех основных социально-политических вопросах на иной точке зрения, чем какую занимает партия пролетариата, и так как, по условиям русского общественного развития последних десятилетий, партия пролетариата успела раньше других классовых партий определить основные элементы своего мировоззрения и утвердить их влияние на всю революционную среду, то естественно, что каждый шаг в формировании вновь выступающих партий должен сопровождаться атакой на то или иное — программное или тактическое — положение пролетарской партии.

Благодаря всему ходу русского политического развития общественные идеи, выражающие собою классовые интересы русского пролетариата, на время стали достоянием всей серьезно-революционной части русской интеллигенции. Знаменем для всех серьезных врагов самодержавия стал научный «марксистский» социализм — эта идеология классовой борьбы пролетариата. Было время — и еще недавно — когда активно бороться с основами самодержавия можно было только во имя рабочего движения. В легальной печати и в ученых обществах — конечно, в обесцвеченном виде — марксизм задавал тон всей передовой части интеллигенции.

Не особенными талантами русских социал-демократов об'яснялось это явление. Оно коренилось в том факте, что в эпоху общественной реакции 15 лет, последовавших за 1 марта, один только русский пролетариат, как класс, проявил политический смысл, один только он неудержимо развивался и оказался способным не только вести общественную борьбу, но и — в силу этого — поглощать общественные симпатии всех активно революционных элементов, выделявшихся нашим обществом. Старый русский социализм, разбитый на-голову в лице Нар. Воли, не мог уже возродиться в виде особого политического направления внеклассовой интеллигенции, отражавшей в своих воззрениях интересы еще не дифференцировавшейся, еще не разложившейся массы «трудящегося народа». Вместе с этой недифференцированной массой, которую капитализм быстро разлагал на мелкую буржуазию и пролетариат, исчезла и социальная почва для старого народнического социализма. Интеллигенция, тяготевшая к еще не пролетаризированной массе «народа», все более пропитывалась мелкобуржуазными взглядами и в эпоху общественной реакции все более подпадала под влияние буржуазного либерализма. Под флагом «традиций 70-х годов» эта интеллигенция к 90-м годам сохранила чисто-буржуазную программу крошечных социальных реформ для «спасения» кустаря и крестьянина от впадения в пролетариат, т. е., в сущности, от присоединения к классовой борьбе пролетариата. По мере того как эта классовая борьба росла и крепла, демократическая интеллигенция вынуждалась занять определенное положение на стороне того или другого класса, — и революционная ее часть усваивала идеи научного социализма, а нереволюционная масса навсегда прощалась с социализмом, плетясь во хвосте либеральной буржуазии с ее платоническими вздохами о конституции и с ее верой в социальное чудо грошовых реформ.

И в то время как почтенные «хранители заветов Желябовых и Перовских», болтая о терроре и ворча по поводу «узости» и «черствости» соц.-демократической программы, тихо-смирно сидели по провинциальным уголкам, ограничивая свою «политическую» деятельность содействием всяким «культурным начинаниям» либеральных пенкоснимателей, в то время как в унисон с либералами они хныкали по поводу «безыдейности молодого поколения», — это самое молодое поколение делало единственно-революционное дело, шло «в народ», в фабричную среду и — часто неумело, часто примитивно-кустарными способами, без какого бы то ни было опыта, без знания об опыте своих предшественников — неуклонно все же сеяло в широких массах пролетариата жажду борьбы с современной действительностью и возбуждало в них стремление к классовой организации. Тысячи рабочих и интеллигентов должны были наполнить собою тюрьмы и места ссылки, чтобы вырвать страну из того состояния безнадежного уныния и политической придавленности, в котором мы, русские соц.-демократы, получили ее в наследие от наших политических предшественников.

Таким образом, когда под влиянием той же классовой борьбы русского пролетариата радикально изменилась вся атмосфера нашей общественной жизни, когда революционное брожение, созданное этой борьбой, стало выдвигать на политическую арену новые и новые общественные

слои, — к этому времени в русской интеллигенции сложилась довольно прочная идейная традиция пролетарского социализма, и всякий шаг по пути образования новых партий, которые выразили бы интересы непролетарских классов, мог совершаться только за счет этой традиции, только путем вытравления ее из сознания революционно-настроенных элементов.

Открытому политическому выступлению новых общественных сил всегда предшествует чисто-идейная борьба, расчищающая им дорогу. Отраженное влияние пролетарского движения на массу демократии и на либеральную буржуазию проявлялось еще только в первом общестуденческом движении зимы 1898 — 1899 годов и в оживлении оппозиционного течения в земствах, когда в «передовой» нашей литературе начался открытый поход против пролетарского социализма под знаменем «критики марксизма» или бернштейнианства.

Появление этой новой струи не означало, — как казалось ее апостолам, — что мысль русского интеллигента переросла «узкие» рамки удовлетворившего ее на время пролетарского учения. Этот факт означал только, что под влиянием освежающей струи, внесенной в русскую жизнь борьбой пролетариата, политическое брожение охватило настолько широкие общественные слои, что создалась уже почва для нового оживления буржуазных и мелкобуржуазных программ, что буржуазный либерализм и мелкобуржуазная демократия могла уже пытаться отколоться в самостоятельные политические партии.

Против партии пролетариата крупная и мелкая, эксплоатирующая капиталистическое развитие и угнетенная им, буржуазия связана общей солидарностью интересов имущих против интересов неимущих. Против революционной в истинном смысле слова программы соц.-демократов солидарно выступили идеологические представители русского либерализма и русского демократизма. «Критика» об'единила русских «бернштейнианцев» лагеря Струве с народниками «Русского Богатства». Исторической задачей «критического» похода против пролетарской «догмы» было отнять у пролетариата часть примкнувших к нему демократических элементов («интеллигенции»). Из этой добычи вербуют себе нынче последователей наши либеральная и «соц.-революционная» партии. И по мере того, как они становятся на собственные ноги, они должны все более энергично подчеркивать те своеобразные положения своих программ, которые вырывают непроходимую пропасть между ними и партией пролетариата. Пока еще они прикрывают эти свои шаги умилительными речами об общности ближайших задач и т. п.; завтра, когда они почувствуют себя достаточно сильными, чтобы задаться прямой целью уничтожить социал-демократию, как самостоятельную партию русского пролетариата, — завтра они отбросят эти речи и поведут с нами войну «по-настоящему». Ибо существование такой партии не в интересах тех классов, интересы которых выражают эти партии *.

Мы не должны дожидаться этого завтрашнего дня, чтобы начать борьбу против тех идей упомянутых партий, которые являются или могут явиться факторами, подтачивающими силу классового движения пролетариата. Для развития этого классового движения пролетариата необходимо постоянное развитие его самосознания. А дело развития классового самосознания пролетариата требует критического отношения ко всем и всяким общественным программам, из каких бы классов таковые ни выходили; оно требует со стороны политических представителей пролетариата деятельного вмешательства в процесс выработки циркулирующих в прогрессивной части общества политических идей, дабы ни одна живая революционная сила не была поглощена нереволюционным по существу движением, дабы ни одна частица собственных сил пролетариата не была отвлечена в сторону преследования бессмысленных или реакционных задач.

В этом — оправдание той борьбы за чистоту «догмы», которая так часто ставится в упрек нам, революционным соц.-демократам. В этом — оправдание нашей «принципиальной неуживчивости» и нашей столь многим нелюбезной склонности к «теоретизированию» в «наше время, когда»... когда все непролетарские партии так кровно заинтересованы в том, чтобы живые силы русской революции бросились вырывать у царизма политическую свободу, не имея ни собственного «плана» политической борьбы, ни собственной активно-защищаемой политической программы. Мы не только не перестанем «теоретизировать», но мы усиленно будем звать к «теории» все живые силы революции, напоминая им, что цельное социально-политическое мировоззрение есть тот цемент, которым активные силы угнетенного общественного класса сплачиваются в политическую партию.

Все жалуются, что «людей много, и в то же время людей нет», что развитию революционного брожения вширь не соответствует рост умелых руководителей движения; что стихийно прорывающиеся вспышки пролетарской борьбы остаются неиспользованными для целей агитации и политической организации. Но нужные русскому пролетариату агитаторские и организаторские силы не могут в достаточном количестве выработаться на одной практике нашей «будничной» работы, так безжалостно втиснутой проклятым абсолютизмом в рамки почти сектантской кружковщины. Эта практика должна дополняться не только возможно частым выступлением революционных организаций на арену открытой общественной борьбы, но и постоянным развитием политической жизни в наших тайных организациях, во всех группах и кружках, составляющих нашу партию и тяготеющих к ней. Учить других и самим учиться политической науке, т. е. науке разбираться в выдвигаемых общественным движением политических и социальных вопросах, — это такое дело соц.-демократа, которое он не может запустить ни для каких «практических» задач, иначе он нанесет ущерб этим самым практическим задачам. И той рабочей и интеллигентной молодежи, которая несет на себе главное бремя нашей революционной работы, мы не устанем повторять: вопреки всем стихиям, вопреки всем — хорошо нам известным — трудностям вашей практической работы, отвоевывайте себе время и силы для выработки того главного орудия, без которого вы бессильны будете служить своему знамени, — оружия революционного мировоззрения,

* Это не значит, чтобы либералы или соц.-революционеры были заинтересованы в уничтожении рабочего движения. И та и другая партия понимают, что в их собственных интересах его усиление. Они лишь заинтересованы в том, чтобы пролетариат не выделялся в особую политическую партию с своей классовой программой.

революционной программы. Помните, что в момент, когда будет происходить ликвидация теперешнего, в сущности подготовительного, периода нашего движения, когда на расчищенной от самодержавия арене будет происходить открытая классовая борьба между враждебными социальными силами, — что в этот момент будет поздно искать ответа на вопросы, которые задаст пролетариату жизнь, — будет время без остатка отдать свои силы на борьбу за ответы, уже найденные.

[Л. Мартов]

ЗНАКОМЫЕ РЕЧИ.

Кто читает «Освобождение», тот помнит, вероятно, в № 7 этого журнала статью земского гласного г. Т., озаглавленную «Мирная оппозиция или революционная борьба?» В каждом революционере эта статья неизбежно вызывает пожелание: вот кабы побольше было земцев, думающих и чувствующих, как г. Т., так ярко отличающийся от трезвенных и осмотрительных земских голосов, обыкновенно раздающихся в «Освобождении». В № 12 этого журнала один из таких голосов — самый осмотрительный — делает г. Т. «серьезные» (по его собственному убеждению) возражения. Странное впечатление производит эта статья («Голос из земства» за подписью «Гласный») при первом беглом просмотре: впечатление чего-то давным-давно знакомого чуть не наизусть, чего-то чрезвычайно типичного и в то же время несерьезного. Если попытаться всмотреться в это впечатление, то в голове начинает мелькать целый ряд как литературных, так и личных воспоминаний, от «Либерала на rendez-vous» Чернышевского, различных мест из Щедрина, множества второстепенных лиц из различных романов и повестей, до подлинных речей солидных и осмотрительных, чуть-чуть либеральных практиков, читающих обиженно-кислым тоном не то нотацию своему несолидному, обыкновенно младшему по возрасту слушателю, не то панегирик своим собственным достоинствам, в непризнании которых заподозрен собеседник. Эти речи типичны вовсе не для одних земцев. Другим слогом, с другими данными, но с тем же духом их можно услышать во всякой другой «просвещенной» среде. Но как ни часто слышатся эти речи, всерьез их обыкновенно не принимают. В литературе они никогда не вкладываются в уста положительных типов. В качестве положительных речей они не годятся ни для верноподданнической, ни для оппозиционной печати. Для первой они недостаточно реакционны, для второй слишком консервативны. Они «не холодны и не горячи», и поэтому всякое хоть чуть-чуть определенное направление не может не «изблевать» их, как это и в священном писании сказано. Но по своей распространенности они все же представляют собою некоторую бессильную силу, ослабляющую, как сырость в воздухе, силу «пожара», о котором говорит г. Т. Прислушаемся же к одной из таких речей, раздающейся на этот раз с необычной для них трибуны свободного органа, редактор которого рекомендует ее в качестве статьи, «обильной меткими замечаниями».

Приступая к возражению, автор «Голоса из земства» прежде всего поднимает одно личное замечание г. Т. Указывая своим земским коллегам на все громадное значение начинающегося в России революционного «пожара», под действием которого «оппозиционные убеждения превращаются в неудержимую потребность действовать», г. Т. замечает, что и его собственное «политическое воспитание» завершилось под впечатлением демонстраций. Автор статьи «Голос из земства» спешит, в виде возражения, сообщить данные о своем собственном политическом воспитании. Ему для завершения курса этого воспитания никаких демонстраций не понадобилось, а было «вполне достаточно прочно сложившегося убеждения в совершенной несовместимости самодержавного строя с современными потребностями русского общества». Только такое убеждение, поучает он, и «может создать ту ганнибаловскую ненависть, при которой единственно возможна долгая и упорная борьба».

Зато при ненависти борьба, очевидно, возможна и вдобавок более долгая и упорная, чем у тех, которые получили менее солидное воспитание? Ничуть не бывало! Это так только вступление («мы, молодой человек, не так воспитывались, мы это лучше вас знаем» и проч.), а борьба, по мнению автора «Голоса из земства», совершенно невозможна, если не называть борьбой прошения. В опровержение слов г. Т., что «конституции не выпрашивают, а берут», он снова ссылается на собственный опыт земского гласного, пережившего все земские «реформы Александра III» [1] и ни разу не видевшего возможности бороться чем-либо иным, кроме прошений. Но ведь реформы были произведены полностью и, повидимому, из собственного опыта г. «Гласного» следует, что при отсутствии революционного пожара нельзя «выпросить» простой остановки «реформ», не говоря уже о новых поблажках. Но читатель сильно ошибется, если вообразит, что тот же вывод сделал и г. «Гласный». Пригласив г. Т. «смотреть на положение вещей спокойно» и «подсчитать силы», он неожиданно об'являет, что «ходатайствами достигнуто уже многое». А именно? «Невведение» медицинского устава и неприменение наказа Боголепова служат «блестящим доказательством» плодотворности ходатайств. Земство и впредь не должно сворачивать с пути, на котором уже достигнуты такие результаты. Г. «Гласный» желал бы только, чтобы земские ходатайства, «не изменяя своей традиционной форме», продолжая приурочиваться «к потребностям данного района, уезда или губернии», становились более категорическими по существу и подавались единодушнее. Другой роли для земства, по убеждению г. «Гласного», «быть не может».

И г. Т., страстно призывая земских деятелей принять участие в освободительной борьбе, допускает мысль, что они останутся при своей традиции и выйдут сказать свое «веское слово» лишь после крушения старого политического строя. «Но вряд ли такая роль птиц небесных, собирающих там, где не сеяли, — говорит он, — принесет много гражданской чести представителям земли». Нравственной силы и красоты в таком поведении он не видит.

Вот эти-то заключительные слова статьи г. Т. и вызвали, повидимому, к жизни всю статью г. «Гласного». В его глазах та роль мирных тружеников в немирное время, которая так возмущает г. Т., является самой почтенной и достойной гг. земцев. Кем и как будет произведен в России государственный переворот, это, думает г. «Гласный», еще неизвестно, земство же уже и теперь

своей прошлой и настоящей деятельностью «завоевало себе почетное место... в деле политического освобождения России». А в будущем, когда переворот совершится, именно от земцев, воспитанных в «школах парламентаризма» (как называет реакционная печать земские собрания), «можно всего больше... ожидать необходимой осмотрительности и умения при введении в жизнь нового политического строя... А что касается красоты и силы... их не меньше в мало заметной тяжелой и суровой работе земского труженика, чем в яркой роли политического мученика».

Странное противопоставление. «Мученичество» — не роль, а личные последствия немирного труда, как бывают последствия — приятные или неприятные — и у мирного труженичества: заработанный достаток или приобретенная в трудах болезнь. Во всяком случае активная «роль» в политических преследованиях принадлежит не «мученику», а правительству, которое часто мучает людей, не успевших сделать ему никакого зла, и не может поймать (правда, реже) и замучить своих активных врагов. Роль мирного земского труженика может быть законным образом противопоставлена лишь роли труженика немирного — борца, воина. Какая же роль в момент борьбы красивее для людей, «убежденных в несовместимости самодержавия с потребностями России»? Требует ли такое убеждение присоединения к борьбе (причем для публичного выражения своего убеждения земцам нет надобности выходить на улицу, как иронизирует г. «Гласный»: у них есть для этого более удобная арена) или совместимо с мирным продолжением в военное время традиционного труженичества под сенью самодержавия? В какой роли больше нравственной красоты и силы? Дело вкуса, а вкус всецело обусловливается положением в борьбе, отношением к этой борьбе того, кто оценивает.

Как ни узка сфера земского труженичества, всякий признает, что луженые рукомойники все же лучше нелуженых. Само по себе, безотносительно к борьбе, это труженичество так же почтенно и необходимо, как и заводская работа тружеников, выделывающих рукомойники, как чтение и слушание лекций, приготовляющих докторов для земских больниц. В обычное время всякий добрый человек может только пожелать успеха всем этим трудам. Но началась борьба, и оценка сразу меняется. Труженики из числа студентов, продолжающие слушать лекции во время забастовки, профессора, продолжающие читать их, тотчас же приобретают симпатии правительства и живейшее отвращение как протестующих студентов, так и сочувствующей им публики. То же с рабочими, желающими трудиться, когда их товарищи вступили в борьбу, — этих иногда бьют. И это вовсе не такого рода «нетерпимость», которой могло бы и не быть. Как ни солидна земская среда, но и она не застрахована от этих чувств, хотя здесь они выразились бы, конечно, дипломатичнее. Если бы из людей, как г. Т., завершивших свое политическое воспитание в атмосфере современной борьбы, и из таких стариков, которым политическая атмосфера их молодости помогла понять всю громадную важность теперешнего момента, образовалась партия борьбы, восьмидесятники же, вступившие в жизнь в момент общественной реакции и не видевшие ничего выше «малых дел» и холодного «подсчета сил» (в котором пропущена сила революционного под'ема, «вызывающего неудержимую потребность действовать»), решили остаться при своих малых делах и большой осмотрительности, то и в земской среде неизбежно произошло бы самое резкое расхождение во взаимной оценке общественного поведения обеих партий и распространилось бы на всю окружающую среду. Правительство сразу поняло бы всю «красоту и силу» земского «труженичества», сравнив его с безобразием борьбы, вся же освобождающаяся Россия произвела бы диаметрально-противоположную оценку. А если бы все земство, — чего, мы надеемся, не случится, — воспользовалось бы совершающейся вне его революционной борьбой лишь для того, чтобы выпросить неприменения кое-каких частных мероприятий, приберегая силы к моменту «введения в жизнь нового политического строя», то весьма возможно, что тогда-то именно вся накопленная им осмотрительность и осталась бы без применения. Чтобы направлять в такое время жизнь только что освободившейся страны, нужны симпатии населения, необходимо его доверие. А земцы стали бы к волнующейся стране в то же положение, в какое становится слишком осмотрительный студент к своим неосмотрительным товарищам, и возбудили бы того же рода чувства. Таким образом, их великая осмотрительность оказалась бы в конце концов неосмотрительной.

А редакция «Освобождения»? Напечатав в № 7 статью г. Т. и похвалив его за страстность и искренность, она прибавляет, что «на многое смотрит иначе, чем автор статьи», и обещается вернуться к затронутым им вопросам в следующем номере. Ни в одном из последующих номеров до самого 12-го о статье г. Т. речи не было. Зато в № 11 «Освобождения», предложив либеральным элементам русского общества взять лозунгом борьбы созвание Земского Собора, г. Струве утверждает, что когда (г. Струве пишет: «если») правительство ответит на это требование отказом и насилием, то «боевой клич: „долой самодержавие!“ неизбежно и окончательно станет всеобщим лозунгом национального освобождения». Именно этого присоединения либеральных элементов к революционному лозунгу требовал прежде всего и г. Т. Но вот в 12 № появляется, без всяких оговорок о несогласии и с рекомендацией редакции, ворчливый ответ г. «Гласного», и в полной гармонии с ним в редакционной статье программа **борьбы** вдруг заменяется старомужицкой мечтой сказать царю **правду**. Она так проста и потрясающа, мечтает редактор «Освобождения», что «не понять ее огромного и ужасного смысла мог бы только Павел I».

А вот не понял же автор статьи «Голос из земства» всего огромного значения современного момента, не умеет же отличить его от царствования Александра III и не хочет расстаться со старой традицией. На каком же основании можно ждать от Николая II большей понятливости и меньшей преданности традициям, чем от г. «Гласного», который читает «Освобождение» и с Павлом I не имеет ровно ничего общего?

[В. Засулич]

МОСКОВСКИЕ ЗУБАТОВЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ.

В «Московских Ведомостях» (№ 345, от 15 декабря 1902 г.) помещено «Письмо к издателю» рабочего Ф. А. Слепова, которое мы перепечатываем целиком ниже. Во-первых, нам хочется поощрить нашего почтеннейшего «собрата по перу», г. редактора «М. Вед.» Грингмута, поместившего столь интересный документ. А в поощрении г. Грингмут, несомненно, нуждается, ибо его высокополезная деятельность по доставлению (и освещению) материала для революционной агитации за последнее время как-то ослабела, потускнела... задора стало меньше. Стараться надо больше, коллега! Во-вторых, петербургским рабочим в высшей степени важно теперь следить за каждым шагом зубатовщины, регулярнее собирать, шире распространять и обстоятельнее раз'яснять всем и каждому сведения о том, как обнявшиеся с шпионами рабочие беседуют с бывшими, настоящими и будущими генералами, великосветскими дамами и «истинно-русскими» интеллигентами.

Вот это письмо, которое мы снабжаем некоторыми примечаниями в скобках:

«М. Г. Не найдете ли вы возможным напечатать в уважаемых истинно-Русскими людьми „Моск. Ведомостях" следующее:

10 числа текущего месяца в Петербурге, в помещении «Рус. Собрания», происходило заседание членов Совета названного «Русского Собрания», посвященное исключительно вопросам, касающимся быта русских заводско-фабричных рабочих.—Из наиболее видных представителей петербургского общества были следующие лица: бывший помощник варшавского генерал-губернатора генерал К. В. Комаров, генерал-контролер А. В. Васильев, полковник А. П. Веретенников, граф Апраксин, бывший киевский генерал-губернатор, граф А. П. Игнатьев, граф П. А. Голенищев-Кутузов, генерал Забудский, адмирал Назимов, Николай Вячеславович фон-Плеве, член Совета при Министерстве Народного Просвещения И. П. Хрущов, профессор Генерального Штаба Золотарев, В. С. Кривенко, граф Н. Ф. Гейден, ген. Демьяненков, протоиерей Орнасский и др. представители церкви; были также дамы великосветского петербургского общества, а также из городского управления — городской голова Лелянов и гласный Дехтерев. Из представителей печати — В. В. Комаров, редактор «Света», В. А. Величко, редактор «Русского Вестника», Сыромятников, сотрудник «Нового Времени», К. К. Случевский, бывший редактор «Правительственного Вестника», Лейкин, редактор-издатель журнала «Осколки», художник Каразин и др. — Заседание открылось чтением доклада о положении рабочих заводско-фабричной промышленности, каковой был прочитан рабочим И. С. Соколовым. (См. о нем в № 30 «Искры», где дан, со слов «Света», более полный список петербургских рабочих-зубатовцев. Ред.) Докладчик главным образом выяснил современное состояние рабочего класса в промышленных городах, их нужды материальные и духовные, их стремления к знанию и т. д. (Жаль, что не напечатан доклад г. Соколова! Интересно бы посмотреть, как он мог «выяснить» стремление рабочих к знанию, не говоря о полицейской травле этого стремления. Ред.) Затем представители рабочих Москвы (не правильнее ли было сказать: представители московского Охранного Отделения? Не на полицейские ли денежки и с'ездили вы с вашими товарищами в Питер, г. Слепов? Ред.), в числе которых был и я, также имели честь присутствовать на заседании «Русского Собрания» и докладывать почтенному собранию о положении дел в рабочем мире Москвы. В своем докладе мы прежде всего выразили глубокую благодарность от имени русских рабочих членам «Русского Собрания» за то, что они допустили их представителей выяснить то состояние, в котором находится в настоящее время рабочий класс в России. Далее мы просили представителей высшего русского общества обратить серьезное внимание на образование русских рабочих (ну, конечно! Именно от высших классов надо ждать рабочему образования — посредством нагайки, вероятно! Ред.), находящееся далеко не в удовлетворительном виде, чем с успехом пользуются злонамеренные личности для проведения социалистической пропаганды (если социалистам выгоден недостаток образования, то почему же это правительство закрывает школы для рабочих и закрывает читальни? что-то тут не так, г. Слепов! Ред.), нанося этим вред не только рабочим, но и всему Государству Русскому.— Затем мы старались обратить внимание почтенного собрания на несочувствие московских фабрикантов и заводчиков к идее рабочих Москвы об'единиться в тесную семью для учреждения своих касс взаимопомощи, столь важных для избавления от гнетущей их нужды. В связи с этим мы просили членов почтенного собрания возбудить в правительственных сферах вопрос о кредите для рабочих касс взаимопомощи (см. речь нижегородского рабочего Самылина на суде, в № 29 «Искры», о том, как его арестовали за участие в экономическом кружке. Вот вам и образование, вот вам и кассы! Ред.). Несомненно, что поддержка в материальных нуждах рабочих составила бы лучшее опровержение злонамеренной пропаганды в их среде (неужели г. Слепов — и попалась же такая удачная фамилия! — серьезно думает, что сознательный рабочий из-за жалких подачек откажется от стремления к свободе? А несознательную, темную массу «поддержать в материальных нуждах» не в силах даже самые высокопоставленные покровители зубатовцев, ибо для такой поддержки надо сначала изменить весь общественный строй, покоящийся на обездолении масс. Ред.). — Эти фальшивые «доброжелатели» рабочих говорят обыкновенно, что жизнь улучшить они могут только посредством бунтов, возмущений, сопротивлений власти и т. п. К несчастию нашему, такое подстрекательство имеет иногда успех, как все знают. Мирное улучшение быта рабочих лучше всего опровергает агитаторов. — Затем мы имели честь докладывать почтенному собранию, что в Москве, несмотря на сильнейшую безработицу, социалистическая пропаганда за последнее время потеряла всякий успех (а мы недавно только слышали о громадных арестах в Москве! К чему бы было и кого бы было арестовывать, если бы пропаганда теряла успех?? Ред.) именно потому, что рабочие начинают уже организовываться, имея у себя Общество взаимного вспомоществования, Общество потребителей, и потому, что сочувственное внимание власти обращено уже на нужды рабочих, дав возможность устроить для них общеобразовательные чтения и т. п. Кроме всего вышесказанного, мы докладывали также собранию о случаях, бывших

в Москве, где мы фигурировали в качестве посредников-примирителей рабочих с заводчиками и не только устраняли, но и предупреждали могущие вспыхнуть беспорядки; так, напр., было на заводе Гакенталь, на заводе бр. Бромлей, на заводе Добров-Набгольц. Мы упомянули также о стачке рабочих металлургического завода Гужон, где рабочие прокатного и гвоздильного отделений хотя прекратили работы, но только благодаря нашему вмешательству не дошли до беспорядков, и рабочие стали на работу, послушав наших товарищеских советов (таких «товарищеских» советов довольно уже слушают рабочие при каждой стачке и от полиции, и от фабричных инспекторов, которые всегда упрашивают «стать на работу». Это не товарищеские, а полицейские советы. Ред.).

«Члены „Русского Собрания" выслушали благосклонно (еще бы не благосклонно слушать рабочих, помогающих полиции в ее деле! Ред.) наши доклады и многие высказались в том смысле, что надо серьезно задуматься над вопросом о рабочих и дать рабочим возможность и способы выбиться из-под влияния социалистического учения (интересная картина: генералы и попы, зубатовские шпионы и верные полицейскому духу писатели собрались «помогать» рабочему выбиваться из-под влияния социалистического учения! — а кстати также и помогать вылавливать неосторожных рабочих, которые пойдут на удочку. Ред.), допустив их самодеятельность, под контролем правительственных узаконений и под руководством той части интеллигенции, которая истинно любит свою родину и стремится к благу и процветанию ее (хороша самодеятельность под контролем полиции! Нет, рабочие уже требуют теперь самодеятельности при условии свободы от полиции, свободы выбора в руководители таких интеллигентов, которым они, рабочие, доверяют. Ред.)— В. В. Комаров, А. В. Васильев, полковник Веретенников, г. Дегтярев, художник Каразин, князь Д. П. Голицин и многие другие чрезвычайно тепло отнеслись к вопросу о рабочих. Были высказаны мысли о необходимости учреждения особых советов от рабочих с центральным во главе, роль которых была бы благотворною в смысле предупреждения возникающих недоразумений между рабочими и заводчиками. По выражению г. Дегтярева, это следует допустить потому, что толпа никогда не может действовать сознательно, и что повлиять на толпу рабоч. могут лучше всего сами рабочие, приведя для примера существующие во Франции такого рода учреждения, с успехом выполняющие вышеуказанные задачи. (Да, советы от рабочих имеют успех во Франции и во всей Европе. Это правда. Но они имеют успех потому, что рабочие пользуются там политической свободой, имеют свои союзы, свои газеты, своих выборных в парламентах. Неужели г. Дегтярев думает, что петербургские рабочие все так наивны, чтобы не знать об этом? Ред.). Вопрос о правительственном кредите кассам взаимопомощи раб. также был встречен сочувственно членами «Русского Собрания». Заседание закончилось тем, что постановлено было избрать особую комиссию для обсуждения мер по данному вопросу. — Мы надеемся, что вы, г. редактор, как истинно-Русский человек, отнесетесь также сочувственно к нам, рабочим, и позволите сообщить в газете вашей вышеприведенное, дабы лучшие наши люди соединились все для совместной борьбы с врагами нашей родины, вносящими в народные массы смуты, сеющими семена междоусобиц и ослабляющими преданность к заветам старины, освященным веками, уважение и благоговение пред верховной Властью. — Мы твердо верим, что есть и на Руси люди, готовые посвятить свои силы на служение отчизне, положить на алтарь ее свои силы и способности и, дружно сплотясь, поставить непреодолимую преграду неправде и злу на Руси.

Рабочий Ф. А. Слепов».

А в конце не мог не проговориться г. Слепов! Вся поддержка рабочих нужд, все сочувствие со стороны правительства свелось к одному: из рабочих же образовать группы для борьбы с социализмом. Вот это правда. И рабочим очень интересно будет узнать, что кроме нагаек и тюрем, ссылки и тюрем в них будут еще внедрять «уважение и благоговение пред Верховной Властью» гг. зубатовские рабочие. На открытых собраниях ни один разумный рабочий не станет говорить то, что он думает, — это значило бы прямо отдаваться в руки полиции. А посредством своих газет, своих листков и своих собраний мы можем и должны добиться того, что новый зубатовский поход весь пойдет на пользу социализму.

[Н. Ленин]

ОПЕКАЕМОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

Всероссийский студенческий с'езд 1902 г. нашел, как известно, желательным, чтобы студенческие организационные комитеты «состояли в сношениях с местными комитетами Росс. С.-Д. Раб. Партии». В настоящее время Киевский Союзный Совет об'ед. земл. и орган. и Орган. Ком. Киевского Полит. института выступают против резолюций с'езда с «Открытым письмом». Своему протесту авторы его придают почему-то дипломатически-замаскированную форму, заявляя, что они не думают «вторгаться в сферу компетенции с'езда» и предлагают лишь «более широкое толкование» одного из параграфов Манифеста Всероссийского студенческого с'езда. «Студенчество, как таковое, — говорят авторы «Откр. письма», — не может примыкать всецело ни к партии соц.-рев. ни к соц.-дем. Студенчество, как таковое, представляет из себя источник, из которого вербуют себе членов как обе указанные партии, так и другие революционные организации и группы. В силу этого студенчество не может отдавать предпочтение той или иной революционной фракции». Мы не можем согласиться с мотивировкой авторов «Откр. письма». Предлагая студенческим организационным комитетам вступать в сношения с соц.-дем. комитетами, с'езд, разумеется, не обязывал революционное студенчество принимать всю программу соц.-демократии. Соответственная резолюция имела в виду сближение с партией, но не вступление в партию. «Студенчество, как таковое», т. е. как коллективный автор университетских беспорядков, демонстраций и политических резолюций, имеет свою физиономию, независимую от взглядов тех или иных входящих в его состав студентов. Эта физиономия — демократическая. На почве революционно-демократических требований «студенчества, как такового» (только от его имени и мог говорить с'езд, не посягавший, разумеется,

на убеждения отдельных студентов-революционеров), возможен и желателен его союз с революционным пролетариатом. В виду того, что между соц.-дем и соц.-рев. существует так наз. «междуфракционная» (в сущности, гораздо более глубокая) борьба, перед демократическим студенчеством стоит задача политически разумного выбора, — а поскольку преобладающую роль в рабочем движении играет соц.-демократия в лице своих местных комитетов, резолюция с'езда является политически - целесообразным актом. Вопрос однако поставлен жизнью не так. Лучшая часть студенчества уже не удерживается на чисто-политической почве февральских «резолюций» этого года и проявляет все усиливающиеся тяготения в сторону социализма. Мы можем лишь приветствовать это течение, и если оно связано с расколом, — мы приветствуем раскол!

Суеверный страх перед «разделением», хотя бы это разделение было глубоко-прогрессивно по существу, мы предоставляем соц.-револ. Там он на своем месте.

«Рев. Росс.» (№ 13), верная своим «соц.-рев.» методам — погребения реальных противоречий под мавзолеями «об'единительных» фраз, и на этот раз, вместо того чтобы углубиться в вопрос, отделывается общими добродетельными местами и неустанно

«Льет примирительный елей...»

Газета «с удовольствием» (еще бы!) печатает «Открытое письмо» организованного киевского студенчества и выражает уверенность, что «студенты других городов вполне согласятся с киевлянами, что не следует вводить в студенчество междуфракционной борьбы, столь вредной для успеха революционно - социалистического дела».

«Рев. Росс.», как видим, говорит о студенчестве не только как о революционно - демократической молодежи, но как об отряде, ведущем революционно - социалистическую (не просто демократическую) борьбу. Что же может рекомендовать «Рев. Росс.» этому студенчеству, стоящему перед фактом «междуфракционной» борьбы соц.-дем. и соц.-рев.? Создать «для успеха револ. - социалистического дела» какую - нибудь «об'единенную организацию» студентов соц. - рев. и студентов соц. - дем., рядом с уже существующими и борющимися партиями? Или заранее отказаться от углубления в смысл фракционных разногласий, а значит и от социалистической работы, ибо последняя предполагает выбор партий, а след., и раскол, «столь вредный для успехов» примирительской политики мелкобуржуазных революционеров. Итак — назад? Но ведь и та чисто-«политическая» борьба студенчества, которая выразилась в февральских «резолюциях», повела к расколу между академиками и политиками... В среде самих «политиков» рядом с демократическим большинством могут оказаться студенты, тяготеющие, под влиянием «отцов-умеренных», в сторону цензового либерализма, представленного г-ном Струве. Не отойти ли, во избежание раскола, назад и от политики?

Правда, «Рев. Росс.» ограничивает почему - то вред раскола лишь «революционно - социалистическим» студенчеством. Но неужели же достаточно назвать глубокие и все углубляющиеся разногласия между соц.-дем. и соц.-рев. «междуфракционной» борьбой, чтобы утратил в глазах мыслящей части студенчества весь смысл тот факт, что одна из «фракций» (чего?) считает авантюристскую тактику другой «фракции» «вредной для успехов революционно - социалистического дела?» Не пора ли, г-да соц.-рев., бросить эту негодную тактику недомолвок, этот язык «огорченности», эту дипломатию... страуса!

А членам Союзного Совета, от которых, конечно, нельзя требовать большей политической опытности, мы скажем так.

В области политики добрая ссора нередко выгоднее худого мира. Политические союзы опираются на отчетливо сознанную общность интересов, а не на затушевывание противоречий в задачах и методах борьбы.

3 ноября, т. е. через три недели после издания «Открытого письма», Киевский Союзный Совет выпустил прокламацию в память Балмашева, в которой засвидетельствовал свое тяготение к партии соц.-рев. Этот факт бросает отраженный свет и на самое «Открытое письмо». Оно представляет собою не распространенное «толкование» резолюции общестуденческого с'езда (какая наивная «примирительская» софистика!), а категорический протест против стремления этого с'езда связать борьбу студентов с борьбой соц.-демократии. Насильно мил не будешь! — можем мы сказать Киевскому Союзному Совету, — но негоже прикрывать свои истинные симпатии и антипатии салонными, а не политическими речами о том, что «студенчество не может отдавать предпочтение той или иной революционной фракции». Не может? Оно должно! Если только, конечно, оно не соглашается оставаться в приготовительном классе школы революционного развития...

Оно должно, — а соц.-дем. остается только пожелать, чтобы академическая молодежь серьезно относилась к вопросам революционной теории, которую теперь в моде третировать как каналью. Знакомство с царством социалистической мысли несомненно убедит, что вне марксизма, как боевой теории пролетариата, возможны революционные фразы, в лучшем случае — революционное настроение, но невозможно научное революционное мышление. Академическая молодежь могла снова удостовериться в этом на примере русских «критиков» революционного марксизма, которые крайне ускоренным темпом прошли, казалось бы, немалый путь от социализма до благоумеренного либерализма (г. Струве) или даже до христианской теософии (г. Булгаков). Можно с уверенностью сказать, что своеобразный теоретический «нигилизм» некоторых революционных групп скомпрометирует себя своею беспринципностью так же неоспоримо, как и «критическое» неистовство — своим оппортунизмом и идейной реакционностью. И тогда обновленный в идейной борьбе научный социализм снова безраздельно овладеет умами мыслящей академической молодежи, как это было в начале 90-х годов, когда марксизм эмансипировал прогрессивную общественную мысль от пережитков народничества.

Вступление «академика» в ряды соц.-демократии налагает на него серьезные теоретические обязательства. Марксизм не схватывается на-лету. Он требует углубления и углубления. Он требует, далее, строго - критического отношения ко всяким якобы - «критическим» посягательствам разложить революционную доктрину пролетариата привнесением в нее некритических элементов буржуазной

идеологии. В работе очищения, охранения и развития пролетарского социалистического учения революционеры-академики всегда найдут себе место, и революционный пролетариат всегда скажет им: «Добро пожаловать!»

[Н. Троцкий]

ВМЕСТО ФЕЛЬЕТОНА.

ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА.

(По личным воспоминаниям.)

Был поздний вечер накануне Нового года. Сквозь узкие щелочки форточки струился в мою камеру влажный зимний воздух. Пламя свечи колебалось и тускло освещало железный столик, привинченный к стене, густо испещренный надписями. Тут были и фамилии с указанием времени ареста, и революционные стихи, и прощание с тюрьмой, и привет и пожелание бодрости будущим узницам. Углы камеры утопали во мраке. Было тихо, ровно ни звука. Прислушаешься к этому жуткому безмолвию, и тогда в ушах переливается тихий мелодичный звон, как будто мириады легких, прозрачных крылышек невидимо трепещут в воздухе. Изредка доносился из-за стены глухой кашель уголовного арестанта и гулко отдавался под тюремными сводами. Хлопнет где-нибудь форточка, и снова все тихо. Быстро и нервно зашагал кто-то наверху в дальней камере — взад и вперед, взад и вперед...

Я сидела на маленькой железной скамеечке, тоже привинченной к стене, перед раскрытой тетрадкой с пером в руке и собиралась поведать дневнику свои думы под Новый год. Предо мной проносился ряд последних лет, другие встречи Нового года — сначала в кругу семьи среди веселого смеха, шуток и шалостей братьев и сестер, позднее в кругу друзей и товарищей. Оживленные лица, горячие споры, бодрые речи и пение. Позднею ночью расходятся товарищи, унося с вечеринки каждый частицу новых надежд и новой энергии на борьбу за дорогое заветное дело. Расходятся осторожно, по-двое, по-трое, чтобы не привлечь слишком рано внимания ночных церберов и юрких шпионов. И теперь, наверно, дружной семьей собираются на какой-нибудь конспиративной квартире, делают подсчет недавно павшим товарищам...

Громкий, частый стук в стену прервал мои мысли. Пауза и правильные удары выстукивали мое имя. Я поднялась и села в углу у противоположной стенки, так как стучали из нижней, наискось лежащей от меня камеры. Несколькими частыми ударами я дала знать, что слушаю. — Решено встречать Новый год всем вместе, — стучала соседка. Мудрено что-то. Слушаю дальше. — Условились, как только пробьет двенадцать, запеть «Марсельезу». Согласна ли ты? — Еще бы!

— Конечно, согласна! — взволнованно простучала я. Соседка длинной чертой по стене дала знать, что разговор кончен, и я быстро, взволнованно забегала по камере. Так вот как мы Новый год-то встречать будем. Славно придумали! Только удастся ли? Трудно ведь петь всем вместе, когда не видишь один другого. И чем все это кончится? Я ясно представила себе недоумение, злобу, ужас тощей, сухой надзирательницы, когда она, дремля внизу в коридоре на своем посту, услышит вдруг среди ночной тишины пение из всех камер. А завтра день свиданий. Не только нам принесут новости, но и мы будем иметь что рассказать.

Я долго ходила еще взад и вперед, устала, присела, снова задумалась. Вдруг среди гробовой тишины раздался бой коридорных часов. Я вздрогнула, встала и, вобрав в себя воздух, пыталась затянуть знакомую песню. Но дыхание сперлось, и из горла — ни звука. Холодный пот крупными каплями выступил у меня на лбу, сердце страшно колотится. Часы между тем продолжают бить громко, протяжно... И вместе с боем часов донесся до меня чей-то голос — робкий, неуверенный. За ним другой, третий, еще и еще, сверху, снизу, со всех сторон; я подхватила, пение становилось все дружнее, ровнее, громче:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры,
Ненавистен нам царский чертог!

торжественно и дерзко раздавалось под мрачными сводами.

«Это что такое? Ведь поют они! Да они с ума сошли!» — послышался снизу испуганный, негодующий голос надзирательницы, и, звеня ключами, она поднялась по лестнице, чтобы унять дерзких узниц, так необычайно нарушивших тюремный покой. Хлопнула форточка в двери, послышались сердитые пререкания. Кошачьими шагами она обходила все камеры, грозя и ругаясь. Пение смолкало и только чей-то упрямый голос раздавался еще некоторое время под сводами. И снова все стихло, только шумно кровь катилась по жилам, да сердце громко стучало. Часы давно пробили полночь. Новый год, Новый революционный год наступил и был встречен.

[Юлия Гольдман]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Тифлис. 22 апреля 1901 г. за демонстрацию «первого мая», о которой своевременно были напечатаны подробные сведения в нашей газете, задержали 41 чел., из них трех женщин-интеллигенток. В ноябре этого года стало известно, что оставшихся в тюрьме (большая часть была выпущена за недостатком улик) ссылают в г. Харьков и в другие города внутренней России. 21 ноября должны были сослать двух главных обвиняемых этапным порядком в Харьков. В 9 ч. 20 мин. утра отходит поезд. На платформе, кроме родных и семейств ссылаемых, собрались неожиданно рабочие, всего чел. триста. Пред третьим звонком рабочие оттеснили публику, разместились около арестантского вагона, затем запели: «Отречемся от старого мира» и выкинули красное знамя с надписью: «Долой самодержавие!» Поезд двинулся тихо, а наравне с ним, рядом с арестантским вагоном, двигались стройной массой рабочие, над головами которых развевалось большое красное знамя. Вот оно склонилось и окутало решетки окна, где сидели глубоко взволнованные уезжающие в ссылку товарищи. Пение лилось стройно и внятно, всех охватило воодушевление, крики: «долой самодержавие!» потрясали воздух, поезд усиливал ход, рабочие бежали рядом с арестантским вагоном, где сидели те, кто так много пострадал за общее дело борьбы за социализм, за политическое освобождение России от царского деспотизма... Так пробежали они всю платформу, поезд разогнался и умчал наших товарищей в ссылку.

Полиция и жандармы были не подготовлены. Они растерялись и были отброшены толпой. По окончании демонстрации знамя удалось свернуть и спрятать. Рабочие, выйдя плотной массой с вокзала беспрепятственно, быстро рассеялись по прилегающим улицам. Впечатление на публику эта неожиданная демонстрация, столь стройно проведенная, произвела сильное. За демонстрацию пока еще никто не пострадал.

Москва. Здешним Ком. Росс. С.-Д. Р. П. изданы листки: 1) «Письмо к товарищам» (октябрь 1902 г.) по поводу суда над демонстрантами и 2) «Письмо рабочего об обществе взаимопомощи механических рабочих г. Москвы». Перепечатываем целиком это письмо: оно приобретает в высшей степени современный интерес теперь, когда Зубатов устраивает провокаторское рабочее общество в Спб.

«Товарищи! Прошу вас обратить внимание на общество рабочих Москвы и прошу: войдите в защиту этих несчастных членов общества, разубедите их, кому придется встретиться, словом и литературой. Посмотрите, что было и что стало это общество и какая тонкая политика генерал-провокатора Зубатова: рабочих можно теперь стричь, как овец. Зубатов с мая 1901 года и до января 1902 года позволял рабочим говорить публично, что у них болит и что их допекает, а профессорам читать лекции. Рабочие стали публично говорить, что у них квартиры плохи, много времени работают и очень много голодают; когда и работа есть, так и то скверно питаются: мало получают; плохо знают грамоту, не по-человечески с ними обращаются и до невыносимости штрафуют, и, подведя итоги всех невзгод, оказалось, что рабочих здорово эксплоатируют. Рабочие начинают советоваться, как лучше им устроиться. Куда ни бросятся, за что ни возьмутся, все закон не позволяет. Чтобы обеспечить себя от голода, надо получать больше, а нельзя много получить, когда много безработных, которые труд свой дешевле предлагают. Сделать стачку, чтобы меньше времени работать, тогда меньше будет безработных, которые труд свой дешевле предлагают, но закон воспрещает стачки. В обществе видную роль играют заправилы: Афанасьев, Слепов, Красивский — провокаторы. Вот эти провокаторы рекомендуют себя руководителями: Красивский говорит, что без Афанасьева нам ничего не сделать, Афанасьев, — что без Слепова мы пропадем, Слепов, — что без Красивского никак не обойдемся. Хотя рабочие неоднократно просили Красивского не ходить на собрания, но он самым наглым образом опять ходил и продолжал свою деятельность.

«И вот, наплакавшись досыта на свое горе, рабочие обращаются к провокаторам: „что все говорить, да говорить, что мы плохо живем, надо устраивать, чтобы так не жить“. На такой щекотливый вопрос провокаторы заявляют рабочим: „Высказывайте свое мнение, как лучше устроить, все это секретарь запишет, соберем материал и тогда увидим, что делать“. Рабочие говорят, секретарь записывает и отдает Афанасьеву, а тот, конечно, Зубатову. Зубатов красным карандашом подчеркивает, кто знает, как это дело устроить. Рабочие ожидают устава кассы взаимопомощи каждый час. Вздыхают, что долго не разрешают. Между рабочими начинает проявляться солидарность и сознательность. На провокаторов косятся. Между рабочими и провокаторами каждое собрание полемика. Провокаторы к Зубатову. Зубатов предлагает устроить совет рабочих, противный духу устава общества. По уставу общества дела решаются общим собранием большинством голосов. По уставу зубатовского совета, в заседания совета не могут входить рабочие, не принадлежащие к совету. Совет без общего собрания может исключить из членов общества. В совет вошли три провокатора, четыре скептика, а остальные 13 чел. для мебели. Председатель — Афанасьев, секретарь — Слепов, Красивский — контролер на собраниях. Устав потерял силу. Общее собрание не играет никакой роли, потому что есть совет, который стоит выше общего собрания. И вот из демократического общества получился какой-то доселе небывалый полицейско-рабочий департамент. Директор — Зубатов, а заместитель — Афанасьев и К°. Власть общества перешла к одному лицу — начальнику охранного отделения.

«Я вам представлю работу совета в декабре прошлого года. По приказанию Зубатова, Афанасьев и К° выгоняют из общества нескольких рабочих. Рабочие начинают протестовать против такого произвола Афанасьева и К°, говорят, что эти рабочие не заслужили такой казни, чтобы их выгонять. Провокаторы говорят, что эти рабочие не по той дороге пошли: они знакомы с интеллигентами, которые наши враги. Они это врали: рабочие, которые высказывались на собраниях, говорили одну правду, которую они видели и без интеллигенции, а если интеллигенция враг рабочих, то интересно знать, за кого они считают профессоров, — за жандармов, что ли? Рабочие начинают доказывать невиновность этих рабочих и просят возвратить их обратно в это общество. Афанасьев говорит, что их выгнали на один только месяц, чтобы одумались, через месяц они будут посещать собрания. Но увы! не могли рабочие-изгнанники дождаться этого срока: заместитель Малюты Скуратова, Зубатов, бросил изгнанников в тюрьму. Дальше Зубатов организует ткачей, булочников, пуговичников в вышеупомянутый департамент. Профессором лекции читать воспрещают и заказывают целые кипы брошюр самого подозрительного свойства попам и буржуазным мыслителям, как-то г. Тихомирову, который написал „Рабочий вопрос и русские идеалы“, автору „Задушевного Слова“, не помню, как фамилия, и еще кое-кому. Рабочие читают, — все одного направления: повинуйтесь властям, яко данным богом. Итак, рабочие кончили думать сами улучшить свое положение, стали надеяться, что бог и без них все устроит, а им надо только слушаться попов да начальство. Книги, которые раньше хвалили и советовали друг другу читать, как-то Маркса, Лассаля, Энгельса, Зомбарта (? Ред.), Толстого, Горького, Некрасова и др., сменяют Тихомиров, Пазухин и очень многие попы. На смену профессорам, читавшим лекции по экономике, гигиена и проч., выезжают попы и цензоры. Я удивляюсь, почему Зубатов сам не прочел рабочим лекции, хотя бы членам совета, как должны вести себя опричники. Боже мой, что читают лицемерные служители Христа рабочим! Такие фантастические вещи, что просто из ума вон. Вот до чего дело дошло: рабочие сделались как будто загипнотизированными. Когда было неудачное покушение на Трепова, того самого Трепова, который неоднократно приказывал стегать рабочих нагайками, то рабочие, по приказанию совета, служили благодарственный молебен за избавление этого тирана. Дальше. Зубатов уезжает в Спб. на новую должность, чуть ли не на министерский пост. Конечно, самодержец даст, что угодно, людям, способным защищать его интересы. Он видит, как справился Зубатов с московскими рабочими: все голодают, а молчат, молятся только богу за начальство. Что же, может быть, Зубатов с нового поста и всех рабочих заставит работать, голодать, молчать и молить бога за начальство. Проводить своего начальника на Николаевский вокзал собрались жандармы, чиновники охранного отделения и рабочие, члены совета, конечно, здесь были. Зубатов говорил рабочим речь, от которой многие плакали, желал процветать обществу и жал руки своим провокаторам-рабочим. Бойтесь подобных ловушек. Не допускайте в это общество учеников, в нем все — шпионы».

Борьба политических в Митавской тюрьме. Каждая тюрьма представляет собою нечто вроде особого государства со своими особыми внутренними порядками. Уже с давних пор уголовные преступники считают наихудшей тюрьмой в Прибалтийском крае Митавскую, так наз. «царство тюремщика Гаазе». Это знали и жандармы и уже во время первого дела латышских социалистов прибегали к Митавской тюрьме, если нужно было вынудить показания от упрямых политических. Таких тогда переводили из Либавской и Рижской тюрем в Митаву и отдавали в полное распоряжение палача Гаазе. В Митавской тюрьме политические сами чистили свои камеры. Их кормили общими арестантскими супами, которые потом политические могли подправить, покупая на свой счет полфунта говядины. Каждый день приходилось выслушивать от Гаазе замечания то за убитого на стене клопа, то за высунутый в окно платок и другие подобного же рода преступления против внутренних правил. На жалобы

политических, что Гаазе не принимает для них от родственников никаких вещей и с'естных припасов, прокурор отвечал, что это дело жандармерии или начальника тюрьмы, т. е. самого Гаазе. Неудивительно, что в такой тюрьме гимназист Роберт Крейер был доведен до такой степени отчаяния, что покончил самоубийством. Тюремный врач Эйнерс неохотно посещает больных заключенных, и если арестант лежит уже больной на постели и отплевывается кровью, то и тогда еще Эйнерс спрашивает разрешения у Гаазе прежде, чем отправить больного в больницу. Политическому Бредису в 1901 г. Эйнерс под конец заявил, что для него нет больше лекарств в тюремной аптеке, и если он хочет получить лекарство, то должен выписать на свои деньги. После трагического случая с Крейером было отправлено много жалоб на Гаазе в Питер, но придирки его не прекращались. Гаазе попрежнему грубо обращался и вдобавок еще издевался над заключенными, указывая на бесполезность их жалоб. Осенью 1901 г. в Митавской тюрьме сидели политические: доктор Вайнейкис из Полангена, ученик митавского реального училища Линга, Янис Бредис и рабочий Ленцман. В октябре перевели в Митавскую тюрьму из Либавы за подстрекательство политических заключенных бывшего студента Э. Ролау, арестованного с транспортом, и писателя К. Петерсона. Вскоре после этого сюда же перевели из Либавы товарища Ролау, Э. Клява и цюрихского студента Тролле. Все эти политические сумели завоевать себе в Либаве кое-какие права и льготы, поэтому придирки Гаазе чувствовались ими еще сильнее. Не находя выхода, политические решили прибегнуть к голодовке. Первым отказался от пищи К. Петерсон, и на другой день к нему присоединился Э. Ролау. Результат оказался лучше, чем можно было ожидать. Гаазе испугался, но все-таки призвал прокурора и жаловался на Ролау, будто тот вел себя с ним грубо. На это Ролау ответил, что по закону начальник тюрьмы не смеет грубиянить, и потребовал, чтобы политическим были даны в Митавской тюрьме такие же права, как везде. Серьезный тон произвел впечатление. Вскоре заключенным об'явили, что они впредь могут гулять дважды в день, что тюфяки останутся и днем в комнате, что можно выписывать на свой счет обеды и получать с'естное и вещи от родных. Стали выпускать на прогулку тех, у кого кончилось дознание. Сам Гаазе тоже в это время значительно присмирел. Но борьба этим не кончилась. Ее подняли теперь уголовные. Они увидели успехи политических и перестали считать Гаазе непобедимым.

В марте 1902 г. получил, наконец, приговор доктор Вайнейкис. Приговор, изготовленный по рецепту ротмистра Вонсяцкого, был ужасно суров. После двух лет следственной тюрьмы Вайнейкис получил 5 лет Вост. Сиб. Вайнейкису не разрешили ехать на свой счет, так как Гаазе доносил, что Вайнейкис хочет бежать. Гаазе не разрешил Вайнейкису взять с собой вещей более 30 фунтов. 5 июля получился приговор по делу Ролау и Клява, первому 6 лет, второму 4 года Восточной Сибири. Оба теперь находятся по пути в местечко Туруханск, при впадении Енисея в Ледовитый океан. Энергичной борьбой Ролау добился разрешения взять с собой все вещи и видеться с родными не через решетку. В первых числах сентября последовал приговор и оставшимся политическим. По нему Петерсон, Линга и Тролле идут на 3 года в Вост. Сиб. Надо заметить, что Линга еще несовершеннолетний и что все пробыли больше полутора лет под следствием.

Из жизни сектантов на Сев. Кавказе. Сектанты, по преимуществу баптистского толка, разбросаны среди деревенского населения Ставропольской губернии повсюду, но наиболее сплоченной общиной баптисты живут по окраинам губернского города Ставрополя, где занимаются, главным образом, различного рода ремеслами и некоторые из них садоводством и огородничеством. Все они, как в губ., так особенно и в городе, составляют пришлый элемент, многие из них отбывают полицейский надзор: высланы они сюда преимущественно из Херсонской и Таврической губерний. Положение их здесь особенно печальное. Несмотря на то, что они поражают всех своим редким трудолюбием, чрезвычайно кротким характером и своим высоким культурным уровнем по сравнению с окружающим городским населением, они, время от времени, благодаря происками местной администрации и духовенства, делаются об'ектом различного рода варварских издевательств со стороны некоторой части православного невежественного населения, разжигаемого диким бесцеремонным науськиванием «пастырей христианского стада». Такого рода дикие «потехи» устраиваются над местными баптистами из года в год, и всякий раз после того, как полицейские провокации не достигают желанных результатов. Во что бы то ни стало местным полицейским держимордам нужно ежегодно создать несколько дел «сектантских» для того, чтобы перед лицом центрального правительства выказать свою «рачительность по службе», а кому неизвестно, что заработать на «крест и ордена» легче всего можно, искореняя отечественную «крамолу»...

И вот в известное время, когда у местных помпадуров начинают зудеть руки, они науськивают на беззащитных баптистов свою полицейскую орду; — если это не приводит ни к чему, принимается за дело местный жандармский ротмистр, который пускает в ход своих «людей-шпионов», которые вынюхивают следы «сектантских преступлений». В результате — облава на мирных сектантов, подрывающих основы «церкви и государства». В этом году весной было произведено несколько обысков среди сектантов, у одного или двух из них были отобраны заграничные издания Льва Толстого и еще что-то в том же роде. Но такие плоды «охоты» не удовлетворяют наших держиморд, и они, с соизволения губернатора Никифораки, устраивают собеседования православных попов с сектантами, на которых обыкновенно легче бывает вылавливать наиболее влиятельных сектантов. Это одно из наиболее могучих орудий, которыми пользуются наши полицейские в борьбе с сектантами. Для этого случая выдвигается на сцену местный губернский миссионер, поп Симеон Никольский, типичный сколок, по своему безграничному ханжеству и лицемерию, с знаменитого Иоанна Кронштадтского. Изувер с ног до головы, поп Никольский, верный раб полицейской и жандармской своры, охотно устраивает «собеседования», на которых так ловко разжигает темные инстинкты у невежественной православной толпы, что ему мог бы позавидовать и знаменитый поп-миссионер Паисий (из романа Степняка «Штундист Павел Руденко»), об'яснявший мирянам все стихийные беды, как пожар и проч., тем, что в их среде живут штундисты, делающие «подговоры» и «заговоры», и тем натравлявший на штундистов толпу, беспощадно избивающую ни в чем неповинных людей. К сожалению, в наших темных деревенских уголках есть еще почва для деятельности таких изуверов. Во всяком случае, наш ставропольский миссионер Симеон Никольский очень часто достигает своих гнусных результатов. Как в прошлом году весной, так и в этом году в мае месяце его «собеседования» окончились диким избиением сектантов пьяной толпой из его православной паствы, как только сектанты показались на улице. Полиция, обыкновенно, так чувствительно относящаяся ко всякому нарушению «общественной тишины и порядка», на этот раз изменила и понизила свою нервную впечатлительность, так как на сей случай она имела «особые инструкции»... Мымрецовский принцип «тащить и не пущать» остался в силе только по отношению к сектантам, двое из которых вскоре после побоища были заперты в участок по наущению попа Никольского. Говорят, что этими побоищами всецело руководила полицейская орда, подкупившая некоторых из босяков, которые и были главными участниками избиений. Платили, говорят, недорого, всего на «сороковку царской монополии». Отец Симеон очень доволен своими «воздействиями». Так-то живется сектантам в Ставрополе. Что же касается до деревенских сектантов, то, говорят, им тоже не дают жить урядники и попы, придирающиеся ко всему и строчащие доносы «по начальству».

Станица Владимирская, Куб. обл. (сообщено Донск. Комитетом). Постепенно уменьшение земельных наделов, недороды и, наряду с этим, увеличение расходов на снаряжение казаков все чаще и чаще заставляют кубанцев роптать на свою горькую нужду и на несправедливость «начальства», которое не желает входить в положение казаков и пред'являет к ним слишком большие требования

по части «справки» казаков на службу. Оно, бракуя коня или амуницию, часто руководствуется не инструкциями, а собственным произволом. Благодаря этому, снаряжение казаков становится прямо-таки разорительным и непосильным бременем для массы казаков. Недороды последних лет окончательно подрывают благосостояние масс. На этой почве и возрождается недовольство. Вот один из таких фактов.

В ст. Владимирской происходит осмотр казаков. Войсковой старшина, фамилии которого не удалось узнать, остался недовольным «амуницией» казаков и принялся распекать их и местных властей: кричал, топал ногами, запугивал «кутузкой» и проч. Надо заметить, что «казачье начальство» не церемонится со своим братом, казаком. Нередки случаи, когда за неисправность обмундировки казаков и за неимение лошади сажали на неделю, на две, а то и больше, не только отцов казаков, но и атаманов станиц. На этот раз «начальству» был дан дружный отпор. Казаки подступили к войсковому старшине и, «тыкая» ему в лицо кулаки, в свою очередь кричали: «Это вы нас довели до этого; у нас земли нет, а вы тысячи десятин отдаете принцу Ольденбургскому; у нас дров нет, а вы отдаете наши леса тому же Ольденбургскому и Владимиру для охоты; у нас не на что справить бедного казака, не чем платить жалование станичному атаману и писарям, а вы отобрали у нас трактирные, питейные и земельные доходы и т. д. Так давайте же нам средства на снаряжение казаков». От Маламы (кубанский наказный атаман) был затем получен приказ, чтобы к 23 ноября казаки были снаряжены. Станичные атаманы станиц Вознесенской и Владимирской ответили в том духе, что «рады бы стараться, да денег нет». К 23 ноября казаки опять явились неисправными. Тогда «начальство» назначило окончательный осмотр на 7 дек. и прочитало казакам такой «закон»: кто к 7 дек. не явится вполне исправным, тот будет заключен в тюрьму от двух недель до двух месяцев; кто после этого в течение семи суток не выполнит требуемое от него, — будет заключен в тюрьму от двух месяцев до двух лет; кто же и в третий раз не будет исправен, — тот будет лишен всех прав состояния и сослан в Сибирь или в каторжные работы. По прочтении этого «закона» поднялся невообразимый шум. Недовольство и возбуждение достигли крайних пределов. «Начальство» не принимает никаких репрессивных мер, ограничиваясь лишь запугиванием. Казаки же отчасти утешают себя тем, что для усмирения их не пошлют же собратьев-казаков.

Обращение русских рабочих-переселенцев в Америке к русинам. В русинской газете «Свобода», издающейся в Пенсильвании, напечатано нижеследующее, весьма характерное письмо русских рабочих, переселившихся в Америку и проживающих теперь в Нью Йорке. Мы перепечатываем это письмо, не изменяя в нем правописания.

«Мы, переселившиеся с родной нашей страны, Матушки России, в виду того, что там под гнетом батюшки царя невозможно прожить; ибо, если мы — православные, по артельному обсуждению не решаемся работать по 15 коп. (7½ цнт.) в день (от восход солнца до запада), то царское—„Христолюбивое воинство“ заставляет нас с ружьями, саблями, нагайками и проч... Так, что в последних годах не только политическими преступниками наполняются многочисленные тюрьмы, а даже и бедными работниками. Отсюда мы не признаем царского православия истинным Християнством, но тиранским и зверским... Здесь, в Нью-Йорк, есть православная церковь, но мы в ней не пойдем, мы хорошо понимаем, что то не церковь, а пот и кровь российского работника, который пухнет с голода, а царю подать должен заплатить, ибо царю хочется, чтобы его имя не только почитали в россиских церквах, но и заграницей. А истинные Христьяне подобного самолюбия и насилия не признают... Поэтому, если вы, Русины, обитающи на вольной земли Вашингтона не имеете намерения почитать за главу церкви ни папу римского, ни „батюшку царя“ — мы готовы к вам присоединиться».

Харьков. 14 ноября здесь была назначена Харьковским союзом учащихся (насчитывается около ста об'единенных кружков) демонстрация на кладбище на могиле застрелившегося гимназиста — новой жертвы средней школы. Несмотря на строгое запрещение инспектора не участвовать на похоронах, товарищи покойного совместно с учащимися во всех средне-учебных заведениях торжественно— ученики в мундирах, гимназистки в белых фартуках — отправились на кладбище устроить панихиду. Но честным детским сердцам, жаждущим протеста, не удалось найти удовлетворения — царский поп отказался служить панихиду в царский день!..

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Смоленск. В одном из номеров «Смоленского Вестника» (от 12 ноября) было сообщено о волнениях среди крестьян Бельского уезда, Смоленской губ. Сообщение это лживо, что вполне, впрочем, понятно, так как писал-то его сам же смоленский губернатор (Н. Звягинцев), действовавший при помощи штыков и розог на поле брани. Впрочем, почему же ему и не воспользоваться случаем, раз местная газета соглашается без всяких оговорок печатать заведуемую ложь? Зато, авось, он же милостивой рукой и пропустит какую-нибудь «хорошенькую статейку»...

Дело с «бунтующими» крестьянами состояло вот в чем. В Бельском уезде, Поникольской волости, есть несколько крупных имений, принадлежащих бывшим владельцам крепостных и охватывающих, как паутиной, крестьянские земли соседних девяти деревень. Чересполосица и неясность границ владений — страшная. Осенью этого года одна из помещиц, Рачинская, решила обмежевать свои владения, так как подозревала, что соседние крестьяне уж лет 15 пользуются небольшим клочком ее земли. Был приглашен казенный землемер Грудзинский, который и приступил к делу. Но крестьяне решили не допускать межевания, так как были уверены в законности своего владения. Несколько раз выезжал землемер в поле, но всякий раз наталкивался на толпы мужиков, которые предлагали ему убираться по добру, по здорову. Грудзинский сообщил о положении дел исправнику, а тот телеграфировал губернатору. Тотчас же на место «происшествия» отправились тов. прокурора Чебышев и судебный следователь. Мнения разделились: тов. прокурора указывал, что дело не так серьезно, чтобы пришлось прибегать к силе, но землемер Грудзинский и исправник Жигман настаивали, что без военной силы не обойдешься, и в этом смысле была дана губернатору телеграмма. Немедленно же был снаряжен батальон и во главе с славным Звягинцевым прибыл на место действий. Губернатор приказал созвать мужиков из деревень (они расположены неподалеку одна от другой), и когда те собрались—велел им всей толпой отправиться в лес и наломать воза два розог: «пороть вас буду с... детей!» Привезли мужички розог два воза, свалили их в кучу и по команде встали по одну сторону ее, а по другую расположились солдаты в полном боевом порядке. Между этими двумя людскими массами, рядом с кучей розог, расположилось начальство, и Звягинцев сказал речь к мужикам. Говорил о незаконности их действий, о том, что они такиесякие, должны уважать всякое свое начальство, поставленное царем, и что ему, губернатору, ничего не стоит сейчас разложить их всех и выпороть, а в крайнем случае — даже и подстрелить. Закончил напоминанием известного изречения Александра III: «слушайтесь своих предводителей дворянства и земских начальников».

Зачинщиков указывал урядник. Когда его следователь спросил, кто сказал, что межевать не надо, — он ответил, что не знает: «всех их видал с открытыми ртами». Дело обошлось без порки: достаточно было мужичкам собственными руками наломать для самих же себя розог!.

Губернатор настаивал, чтобы крестьяне были привлечены по обвинению в бунте, но тов. прокурора указывал, что здесь нет даже простого сопротивления властям, а тем более бунта. В результате — межевание производится под прикрытием батальона солдат, которые расквартированы по крестьянским дворам, на полном их содержании. 28 чел. арестовано и посажено в Бельскую тюрьму, а дело пере-

дано следователю по особо важным делам. К чести доблестного дворянства, нужно отметить следующую подробность. Когда власти расположились в гостеприимном доме помещицы Рачинской, то туда явился бельский уездный предводитель дворянства граф Уваров и от имени бельского дворянства благодарил губернатора за энергичную поддержку интересов благородного сословия.

Замечу в заключение, что крестьяне были правы не допускать межевания, так как по «Положению» 1899 г. (ст.ст. 19 и 20) так наз. административное размежевание возможно лишь при полюбовном соглашении смежных владельцев.

Из Полтавской губ. Настроение крестьян после весенних беспорядков повсюду тревожное. Крестьяне очень озлоблены против дворян и вообще против крупных землевладельцев. Вот несколько примеров. У нас в имении рабочие прекратили работу просто потому, что их посылали в поле в дождливую погоду. Организации у рабочих, разумеется, нет никакой; это темные люди, и, может быть, только десятая часть из них грамотны. Но тем не менее все были очень солидарны. Холодно, дождь идет, работать не хочется, и они спокойно идут домой. За рабочими пошли домой и женщины. Не помог ни урядник с угрозами, ни протокол. Даже от мальчишек я слышал такие рассуждения: «Нас ругают, что мы не желаем работать. Но зачем же мы станем трудиться для других?» Какой-то крестьянин судился с помещиком и проиграл дело. Крестьянин дал какому-то мальчишке полтинник, и тот поджег стог сена у помещика. На суде мальчишка показал, что сам «барин» дал ему денег и просил его поджечь стог. Помещик рад, что хлеб не был застрахован, — иначе самому бы нагорело.

Еще пример. Помещик сжигает на поле солому. Крестьянин, работавший у него летом, просит дать ему немного соломы. Помещик отказывает, и крестьянин тут же палкой бьет его по голове. Подобных фактов очень много, и они характерны для переживаемого времени. Крестьянин лежит в своей полуразвалившейся хате, грызет сухой хлеб, а на работу к помещику не идет. Только голод выгоняет его из дому. Многие называют это ленью. Но я думаю, что озлобление против помещиков не позволяет ему наниматься в батраки. «Пусть нам скверно без работы, но и помещику без нее не сладко. Все равно, скоро все будет наше», — так рассуждают они. Помещичьи хозяйства с каждым годом ухудшаются. В Полтавской губ. ежегодно 20 тыс. дес. переходят от дворян в руки крестьян. Но крестьянство от этого почти ничего не выигрывает, так как землю приобретают кулаки, точно так же эксплуатирующие крестьян, как дворяне. Условия труда крайне тяжелы: рабочий получает 40—60 руб. в год при «всем готовом». Под «всем готовым» надо понимать: голые доски для спанья, 1 куб. арш. воздуха и 5 коп. ежедневно на прокормление. Рабочее время не ограничено. Так же и штрафы. И так как крестьяне не умеют считать, то часто им уплачивают только половину заработной платы, а иногда и того меньше.

Один из наших помещиков устроил следующую историю. Осенью, когда работы кончены, хлеб собран и застрахован, он поджег сарай с хлебом. Там погибло и несколько рабочих. Остальным рабочим он не заплатил ничего на том основании, что хлеб сгорел. Рабочие так и не получили ничего.

Из Черноболотни (Ряз. губ.). Весенние события даже наше стоячее болото, от которого хоть три года скачи, ни до какого революционного или хоть культурного центра не доскачешь, — взбаломутили до дна. Прежде всего еще по весне сюда нагрянул урядник, которому предписано было предупреждать и пресекать революцию в Черноболотне, но он вел свою пропаганду так невнятно, что крестьяне формулировали впоследствии его речи так: «теперь, де, ни петь, ни играть нельзя, потому по всей России будто печаль идет». Подробнее узнали об этой «печали» крестьяне гораздо позже, хотя все тоже от официальных же пропагандистов — земских начальников. Как известно, им были разосланы тайные предписания об антиреволюционной агитации в крестьянстве с изложением вынуждающих к этому фактов. Многие из этих более просвещенных по сравнению с урядниками официозных миссионеров революции — поняли все же свою роль очень просто: они собрали сходы и торжественно на них «вычитывали» совершенно секретный циркуляр правительства. Для тех крестьян, которые были уже достаточно подготовлены этой предварительной агитацией, как нельзя более кстати явились вскоре и самородные апостолы, снабженные, впрочем, в отличие от апостолов библейских и применительно к специфическим русским условиям, известной печатью официальности — т. наз. «волчьими билетами». Эти апостолы в стиле горьковского «проходимца», проходя по деревням и захрдя в избы поесть и отдохнуть, говорили такие речи: «Вы, мол, спины не очень гните! Уж недолго царю студентов-то бить, и с ним скоро порасправятся, и на него управа найдется, вот уже в некоторых местах мужики-то бунтоваться начали» и т. д.

После таких речей мужичкам уже не трудно было, разумеется, догадаться, что «печаль», о которой по весне возвещал урядник, была — господской печалью.

В июле по соседству с Черноболотней случилось небывалое происшествие — «обыск у самого земского, у самого барина» *. Это событие вызвало массу толков, не свидетельствующих о высокой просвещенности или политическом смысле нашей Черноболотни. Так, одни об'ясняли обыск тем, что «земчиха очень много книг читала нехороших, в которых можно научиться, как полон дом воды напустить и как из собак людей сделать». Другие догадывались, что «господа хотят опять себе крестьян взять, а царь сначала никак не соглашался, потом схитрил и согласился отдать нас боярам на три года, только без права суда, в надежде, что, неподчиненные суду помещиков, крестьяне успеют за это время всех бояр перерезать. Господа на это не согласились, вот их царь и преследует».

Больше чем в политике смыслят и интересуются наши крестьяне вопросом о землице.

Вот образчик разговоров на эту тему в Черноболотне. Двум мужичкам были подробно рассказаны происшествия на юге, о которых они имели лишь самое общее представление. «Так-то так, — соображал по этому поводу старший из собеседников, — но ежели у нас так устроить, не выдет, не подойдет». — «Почему же?» — спросили его. — «Да потому, я полагаю, земли-то там больше, а у нас что! — развел он руками, — примерно разнесем мы сейчас нашего Самодурова, ну, разделим промеж себя, да нешто мы одни тут? Ведь к нам сейчас и Нееловские и Гореловские пристанут, а земли-то где же взять, нешто на всех хватит?» — «Ну да, не хватит, — порывисто возразил ему его младший товарищ с каким-то озлобленно-упрямым видом, а Собакевич **, а Разуваев ***, небось, как пойдем качать-то, мало их что ли, всем хватит».

Как видно, дебатируется у нас вопрос лишь о том, хватит или не хватит на всех землицы, о желательности же и возможности земельного равнения не возникает и спора.

Характерно еще, что в числе прочих сомнений, возникающих у крестьян, высказывается опасение, что за отнятую у помещиков землю придется потом выплачивать новые выкупные платежи—«потому, ведь даром не дадут».

Крестьяне чего-то ждут и иногда это проявляется по самым случайным поводам. У одной помещицы, сдающей свою землю крестьянам, можно было наблюдать такую сценку. Помещица призвала к себе своих арендаторов, чтобы поторопить их со взносом следуемой за истекший срок платы, и стала об'яснять им, почему ей желательно

---

* Кстати, этот почему-то заподозренный в либерализме земский отдан был под надзор крестьян своего участка еще задолго до обыска, причем организовавший этот надзор урядник соблазнял молодых парней на амплуа добровольцев сыска красными кумачными рубашками и, разумеется, продуктами отечественной «монополии».

** Ех-предводитель первенствующего сословия, владелец нескольких тысяч десятин.

*** Скупающий в большом количестве дворянские земли, рыцарь первоначального накопления.

было бы получить деньги поскорее. — «Да, да, конешно, а то как же, понимаю», — поддакивал «дядя Владимир», влиятельнейший в деревне хозяин, — понимаю, конешно,— повторял он, имея в виду что-то совсем другое, и вдруг неожиданно закончил свои успокоительные поддакиванья такой репликой: «Вы, матушка, Пульхерия Ивановна, не сумлевайтесь, ежели в случае чего, мы вас не выдадим, потому известно, вы всегда добры к нам были».

Классовое чувство ненависти к «господам» настолько уже назрело, что нередко выливается в самых резких формах.

«Уж и злоба не берет другой раз на вас, на господ, — прорывается вдруг иногда какая-нибудь обычно забитая и смиренная Марфуня, и ее воодушевленно-карающее лицо горит пламенем жгучего чувства негодования и мести. — Вяжешь это в поле, сверху солнышко так и жарит, так и обжигает, а снизу тебе прямо в лицо и грудь земля-матушка полымем пышет; поясницу разогнуть нельзя, ведь с самого утречка, вдвое перегнувшись, по полю ходишь; в глотке пересохло все и промочить-то ее нечем, в кувшине водицы-то уж ни звания нету; да в пылищи вся, да грязная, потная вся, загорелая, руки растрескались, ломят, гудут, и глядишь это: вы идете себе полегоньку, потихоньку, под зонтиком, с книжечкой, да полные, да румяные, да одеты-то во все чистенькое, белое — ну будто вот репка чистая, хорошая! Как увидишь это, так в сердце-то все и перевернется. Господи, за что же это я-то тут, как в аду мучаюсь, мучаюсь, а они знай себе погуливают! А другая-то из вас пройдет это, да остановится и так ласково скажет: „А трудно тебе работать?“ — Ах, идол те возьми. Взяла бы сама, да своими белыми ручками-то повязала бы так, как я вот, до самого солнышка... Да когда же это погибель на вас, на господ, придет!! Хучь бы мор какой на вас, что ли! Взяла бы палку, да выгнала бы всех бояр на наше место — в поле хоть денек поработать, небось жир бы спал, брюхо подвело бы у них.

«Нет, — гремит уже Марфунька с верой и непоколебимой убежденностью пророчицы. — Придет на вас погибель, придет, уж покажем мы за наши обиды всем вам, боярам и господам, довольно вы над нами издевались!»

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ростов-на-Дону. В прошлом номере мы сообщили краткие сведения о конце стачки. Помещаем теперь более подробное описание событий, сопровождавших окончание «борьбы ростовских рабочих». Начнем с 17 ноября, чтобы дать место изложению одного важного эпизода, не отмеченного еще до сих пор в печати.

В воскресенье, 17 ноября, администрацией были приняты самые решительные меры, чтобы не допустить сходки «на балке». На Темерник повалила масса народу, но вся она не была пропущена. В одном месте, близ фабрики Панченко, толпа пыталась прорвать цепь, но моментально прилетели казаки, исколотили и прогнали публику нагайками. На Темернике на каждом повороте были поставлены кордоны из казаков, солдат и полицейских. Стоило только сойтись пяти человекам, как христолюбивое воинство моментально обнажало шашки и, рассекая ими воздух, устремлялось форсированным маршем на собравшихся. Поэтому на Темернике было чрезвычайное обилие одиноко расхаживающих рабочих. Только в одном месте удалось собраться чел. 60 — 70, но и они были немедленно разогнаны. Тогда один из вожаков решил перенести сходку в другое рабочее предместье — на Пахаловку (Новое Поселение). Стоило только проронить несколько раз слова: «на Пахаловку», как немедленно они стали передаваться из уст в уста. Через час на Пахаловке собралась толпа чел. в 600. Но не успел оратор произнести речь, как туда же пожаловала сотня казаков и без предупреждения начала колотить нагайками толпу. К счастью, рабочие собрались недалеко от кирпичного завода, где вся площадь усеяна обломками кирпича. Град камней полетел в казаков и заставил их отступить. Оправившись от поражения, казаки обнажили сабли и бросились рубить непокорных, но град камней снова остановил их воинственный натиск. Оттеснив казаков, рабочие, опасаясь залпов, бросились во дворы. Население Нахичевани выступило им на помощь. Женщины и дети выносили рабочим ухваты и рогачи, собирали камни. Рабочие из-за заборов очень удачно обстреливали казацкие ряды. Казаки послали за подмогой, и скоро на место побоища примчались галопом еще четыре сотни казаков. Не дожидаясь их прибытия, рабочие поколотили еще казаков и разошлись. После этой битвы полицмейстер Колпинов издал распоряжение, по которому жители Ростова обязаны были тщательно очистить свои дворы от камней и других удобобросаемых предметов. Виновные в неисполнении будут подлежать строгой ответственности. Само собою разумеется, что постановления этого никто не исполнял. В городе даже распространился слух, что об'явление это выпустил Донской Комитет, желая дискредитировать полицмейстера в глазах населения. Слухи эти, однако, ошибочны: это был не злостный памфлет, а подлинное распоряжение начальства.

В тот же день было издано об'явление, сообщавшее, что завтра, 18-го, в мастерских будет дан призывной гудок на работу, по которому все рабочие должны явиться в мастерские, с неявившимися будет поступлено по всей строгости закона. Можно было опасаться, что рабочие станут на работу, но этого не произошло. С 6 час. утра до 4 час. дня 18 ноября несколько раз выли протяжные гудки. На работу стало всего чел. 60. После 2 час. по Темернику раз'езжали «герольды-казаки, громко кричавшие: «Идите на работу! Горе вам будет! Вот увидите, как теперь с вами поступать будут!» и т. п.

19-го на заре казаки стучали в окна рабочих и звали их на работу, грозя разными ужасами. Как и в предыдущий день, было дано несколько гудков, и тем не менее на работу явилось всего 91 чел. У ворот мастерских стояло чел. 500, которые решили не пускать на работу никого, но желающих итти работать было очень мало. Тут же рабочие исколотили нескольких мастеров за старые грехи.

20-го на работу явилось еще меньше рабочих, чем 19-го. В этот день началась административная высылка рабочих, обставленная варварскими подробностями. Громадные отряды полиции, жандармов и казаков врывались в квартиры рабочих и уводили кормильцев рабочих семей. Арестуемым не давали даже проститься с семьей и не говорили, куда их уводят. Их вытаскивали из квартир, не давая собрать необходимых пожитков, окружали казаками, державшими сабли на-голо, и уводили меж шпалерами конных казаков, расставленных от конца темерницких улиц до вокзала. Между рабочими стали распространяться разные дикие слухи о судьбе арестуемых (ссылка в Сибирь, избиение и даже казнь стачечников), причем слухи поддерживались и старательно раздувались чинами полиции. 21 и 22 ноября административные высылки и аресты продолжались — брали без всякого разбора. Высылки производили на рабочих удручающее впечатление. К тому же 22 ноября кем-то был пущен слух, что масса рабочих выдает расписки в том, что она желает стать на работу, но ей не позволяют это делать вожаки. Говорили, что уже «записалось» более 1.500 чел. и что нежелающим работать дорога выдает расчет, а полиция немедленно выселяет из города. Несмотря на усилия организованных рабочих разубедить массу в том, что все это неправда, не удалось. Вдобавок в этот день прибыли солдаты жел.-дор. батальона Закаспийской ж. д. в количестве 250 чел. Власти распространяли слухи, что сюда прибудут еще 1.500 солдат, при помощи которых работы будут продолжаться до тех пор, пока рабочие сдадутся. Тем не менее, была полная уверенность, что рабочие продержатся еще несколько дней. Вопреки этим ожиданиям, 23 ноября в мастерские на работу явилось около тысячи чел. Тогда организованные и наиболее боевые рабочие явились в мастерские якобы на работу. Но работать они не стали, а стали расхаживать по цехам и отпускать по адресу работающих язвительные словечки: иуды, изменники, пре-

датели, трусы и т. д. На работающих крики эти производили очень сильное впечатление, и днем все рабочие, за исключением электро-механического цеха, бросили работу и собрались на сходку в сборный цех. После речи, сказанной одним из рабочих, большинство высказывалось за то, чтобы продолжать стачку. В это время на сходку явился начальник мастерских Дзевонский и начал убеждать рабочих прекратить стачку, обещая удовлетворить главнейшие требования, за исключением 9-час. раб. дня. До тех пор, пока рабочие не станут на работу, — говорил Дзевонский, — «мы не имеем права, согласно распоряжению мин. путей сообщения, вступать с вами в переговоры, так как закон признает вас мятежниками и бунтовщиками». Дзевонский тут же поклялся, что часть требований будет удовлетворена в противном случае он отдает себя на суд рабочих. В конце концов, между Дзевонским и рабочими было достигнуто соглашение: рабочие должны стать на работу, а через неделю им будет об'явлено, какие требования удовлетворены. На воскресенье, 24 ноября, был назначен молебен по случаю достигнутого соглашения. На молебне депутаты от рабочих требовали, чтобы была отслужена панихида «по невинно-убиенным» во время стачки. Священник отказался служить.

Несмотря на все это, 25 ноября около тысячи рабочих не явились в мастерские. Но продолжать дальнейшее сопротивление было невозможно; это значило бы произвести раскол между рабочими, который закончился бы междоусобным побоищем. И Комитет в вышедшей 26 ноября прокламации не призывал к продолжению стачки, но предупреждал рабочих, что здесь может быть ловушка, и потому советовал, как только дорога начнет оттягивать ответ, немедленно вновь бросать работу. 26 ноября, на 23 день, все стачечники работали. В этот же день Дзевонский заявил во всех цехах, что могут быть удовлетворены след. требования: повышение платы на 20 процентов; повышение платы чернорабочим на 67 процентов (с 60 коп. до 1 руб.), прекращения работ по субботам и накануне праздников в 2 часа дня; выдача по 15 руб. в случае рождения ребенка или смерти кого-либо из членов семьи рабочего; выдача шести проездных билетов в год; устройство новых проходных будок и еще пара мелких требований.

В субботу должны были об'явить окончательно, какие требования удовлетворены, но вместо об'явления один из мастеров, Фонинетти, от имени управления дороги заявил, что рабочие все еще волнуются, а потому дорога откладывает ответ до тех пор, пока рабочие не успокоятся. Комитет выпустил новую прокламацию и, указывая, что рабочих нагло надули, призывал их к новой стачке и к демонстрации. Но вызвать новой стачки не удалось: рабочие слишком изголодались и задолжали, и к тому же приближаются праздники, что настраивает умы совсем не на боевой лад, особенно в виду того, что за все время, в течение почти целого месяца, среди рабочих не видно было ни одного пьяного.

Требований до сих пор не удовлетворяют, не видя надлежащего успокоения. Пока что удалены мастера Вицкевич и Чернявский и врач Попов; в мастерских начинают строить проходные будки.

После такого конца стачки естественно было ожидать сильной реакции, но ее не замечается. Большинство рабочих говорит о новой стачке. Одни предлагают начать ее в январе; другие находят необходимым хорошо подготовиться и приурочивают ее к первому мая. Весной, говорят рабочие, мы сможем три месяца держаться.

Политическое недовольство замечается даже у самых отсталых, религиозных стариков-рабочих.

Только среди некоторой части рабочих (преимущественно электро-механический цех) наступила реакция, сказавшаяся в том, что часть последних прокламаций была унесена в контору. Эти рабочие ругают Комитет за то, что он их «впутал в политику». Не будь «политики» и, главным образом, слов: «Долой самодержавие», — все было бы хорошо и все требования были бы удовлетворены. К счастью, таких рабочих ничтожный процент; несколько больше таких, которые думают, что царь ничего о ростовских событиях не знает; в противном случае, он сослал бы атамана на каторгу.

Почва для работы теперь великолепная; к сожалению, сеятелей нет или их слишком мало.

Вот еще выдержки из письма в «Искру», доставленного нам несколько кружным путем:

«Хочу поделиться с вами впечатлением, какое произвел на меня Ростов после колоссальных митингов, происходивших там в течение 8 — 9 дней и преобразивших в известном смысле физиономию города. Население его иначе не понимало движения, как чего-то, что должно вылиться в погром. А тут, стекаясь ежедневно на сходки рабочих, оно увидело сознательную, благородную, дисциплинированную массу, с напряженным вниманием слушавшую речи вождей и повиновавшуюся их приказаниям. Население услыхало здесь свободное слово, вылившееся из глубины души, почувствовало, на чьей стороне правда, и, что всего важнее, увидело силу, которой боится полиция. Оно увидело, что полиция далеко не так всесильна, как это раньше казалось, и подняло голову: перестало трусить, открыто давало деньги для стачечников и открыто выражало им свое сочувствие. С другой стороны, оно увидело защитников престола — диких казаков, и вряд ли найдется кто-либо, кто не говорит с ненавистью о казаках. Был, напр., такой случай. Вагоновожатый отказался вести вагон трамвая, пока не слезет севший казак, и тот принужден был слезть. Выстрелы не произвели угнетающего впечатления, а наоборот, озлобили население. Вообще, население не узнать. Очень важно то обстоятельство, что движение было вполне организованным. Комитет заранее распределил роли, кому дать свисток, кому позвать оратора, кому отбить мастеров и пропустить оратора. И в тот же день, т. е. 4 ноября, вышла первая печатная прокламация Комитета с призывом к стачке и с выставленными требованиями. Комитет во время ноябрьских дней выпустил около 26 тыс. экз. прокламаций. Типография жива и здорова, хотя ходят слухи об аресте ее то в том, то в другом месте. С особенным удовольствием рассказывают, что она найдена под той гостиницей, где останавливался атаман. Интересно, что все называют ее «типография Донского Комитета». Типография была устроена незадолго до стачки. Обошлась она недорого, благодаря активному участию в деле некоторых очень ловких рабочих. До стачки в Комитете шла усиленная организационная работа. Было, кажется, 13 кружков, в них представители разных фабрик и заводов. Всех организованных рабочих было, должно быть, чел. 120. Устав кружковый налагал известные обязательства, неисполнение которых наказывалось исключением и т. п. Человек восемь бежало из Ростова. Из них часть имела отношение к Комит., который несколько ослаблен, но продолжает энергично действовать. Тяжелое впечатление производит массовая высылка рабочих на родину. Остаются семьи без хлеба, без топлива. Высылают без особенного разбора. Выслано уже свыше 200 чел. В числе высланных есть и организ. рабочие».

Дальнейшие известия. Приехавший в Ростов фон-Валь (подробности его пребывания сообщим) приказал принять обратно на службу уволенных мастеров — Вицкевича и Чернявского. Появление их в мастерских вызвало целую бурю негодования. Чернявский забрался в контору и не высовывал оттуда носа. Вицкевич же осмелился в сопровождении казаков пойти в котельный цех, которым он заведывал. Как только он переступил порог цеха, сейчас же работа пошла значительно тише, а в воздухе начали циркулировать по всем направлениям гайки, заклепки и т. п. предметы, с зловещим стуком ударявшиеся о стенки цехов. Вицкевич благоразумно поспешил ретироваться.

После этого рабочие отправили к управляющему дорогой депутацию с категорическим требованием сообщить, какие именно требования дорога удовлетворит и когда именно. В ответ на требование управляющий вывесил об'явление следующего содержания: «Об'явление. Сегодня, 12 декабря, мною лично об'явлено выборным от мастеровых и рабочих ростовских мастерских, что настоящим подтверждаю: что в виду той формы, в какой были заявлены желания и претензии мастеровых и рабочих, я давать этим претензиям дальнейшего хода не имею права и не могу. Мастеровые и рабочие должны работать на основании добровольно принятых ими существующих усло-

вий и требований рабочей книжки, с соблюдением полного порядка и дисциплины и что только, убедившись в строгом, точном и спокойном исполнении мастеровыми и рабочими принятых ими по рабочей книжке обязанностей, я получу право рассмотреть в законном порядке выраженные желания и претензии и дать дальнейший ход ходатайству мастеровых и рабочих. Декабря 12 дня 1902 года. Подлинное: управляющий дорогой Иноземцев. С подлинным верно: начальник главных мастерских Дзевонский».

На это об'явление будет немедленно отвечено прокламацией.

Перепечатываемая нами прокламация Донского Комитета подводит итог замечательным событиям, дает в высшей степени яркую и верную оценку им и делает практические выводы, которые никогда не устанет повторять соц.-демократия. Прокламация эта была издана в 6.500 экз. и разослана в декабре в разные города России [2].

К ГРАЖДАНАМ ВСЕЙ РОССИИ.

Правительство изменило своей обычной тактике — замалчивать рабочие волнения или сообщать о них тогда, когда уже вся Россия знает о происшедших событиях из частных слухов, писем или подпольной печати. 4 ноября рабочие мастерских Влквк. ж. д. в Ростове забастовали, а 19 ноября, в разгар стачки, в «Прав. Вестнике» появляется официальное сообщение, по обыкновению, полное лжи и лицемерия; оно стремится приписать «буйной толпе» рабочих «назойливость», «глумление» и полную бессознательность требований, а войско и администрацию представить в умилительном образе ангела-хранителя порядка и законности. Дипломированные писатели департамента полиции пытаются придать рабочим «беспорядкам» в Ростове и Тихорецкой исключительно экономический характер, — и в этом первая, самая грубая и возмутительная ложь официального сообщения. Правда, начав стачку, ростовские рабочие пред'явили ряд требований, не заключавших в себе политической тенденции, — иного характера и не могла носить их первоначальная борьба с хозяевами. Но достаточно было агитаторам приложить усилия, и смутное политическое брожение превратилось в ясное политическое сознание. Да и само правительство способствовало этому. Уже на третий день стачки рабочим стало известно, что в их борьбу с предпринимателями вмешалось правительство, что их требования встретили отказ не в управлении дороги, а со стороны правительства, в лице министра путей сообщения. Рабочие увидели, как вся несметная стая царских слуг слетелась для того, чтобы задушить рабочее движение, подавить стремление рабочих к счастью и свободе. Тысячи казаков были мобилизованы против ростовских рабочих. Весь город превратился в военный лагерь, двинули даже артиллерию... Пользуясь смятением властей, растерявшихся в первое время, Донской Комитет, пока не прибыли войска, организовал народные собрания, каких еще не знало революционное движение в России. В течение целой недели, сперва в мастерских, а затем в громадной «балке», самой природой предназначенной для народных митингов, собиралась многотысячная толпа рабочих, чтобы впервые услышать свободное, смелое слово о рабочей нужде, о политическом гнете, давящем Россию, чтобы впервые открыто читать ежедневно появлявшиеся прокламации. Несколько ораторов в ряде речей раз'ясняли рабочим значение выставленных стачечниками требований, подвергали резкой критике самодержавный полицейский строй, выясняли сущность политической борьбы, ее необходимость для рабочих. Собрания эти, протекавшие в изумительном порядке и ничем не отличавшиеся от митингов на Западе, не могли не оставить глубокого следа в рабочих, не могли не вывести экономической борьбы на широкую дорогу политической демонстрации и протеста всего рабочего населения Ростова. Проклятия по адресу самодержавного правительства и призыв к политической свободе встречали взрыв энтузиазма в рабочей массе, которую не теория, не фраза, а сама жизнь приблизила к сознанию необходимости свободы стачек и союзов, собраний и печати, к сознанию, что без участия народных представителей в управлении страной масса никогда не добьется лучших условий жизни. Удивительно ли, что правительственное сообщение ни словом не обмолвилось об истинном характере ростовской стачки? Организованные 20 и даже 30-тысячные собрания рабочих, политические речи, строгая дисциплина стачечников и единодушная резолюция в пользу политических прав народа, — как все это далеко от «буйной» шайки нарушителей «общественной тишины и спокойствия», — этого трафарета, по которому строются все сообщения правительства об освободительном движении народных масс!

Зато для восхваления храброго воинства правительственное послание не жалеет слов и красок... «Рабочие позволяли себе глумиться над войсками»... «назойливость рабочих достигла крайних пределов»... «Рабочие не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать в войска камни»... — этим правительство пытается оправдать ружейные залпы в беззащитную толпу. Здесь все от первого до последнего слова — гнусная ложь!

В Ростове бойня была произведена 11 ноября. С раннего утра казаки стали разгонять прикладами и пиками являвшихся на сходку. И тогда началась героическая борьба. В кровавом бою, ценою человеческих жизней, рабочие покупали себе свободу сходок и свободу слова. Десять раз они отбивали и обращали в бегство казаков. В конце концов, казаки отступили, обычный митинг состоялся. И уже после собрания, когда на месте сходки остались дети да кучка любопытных, брошенный мальчишкой камень попал в казака, и этого было достаточно, чтобы воспламенить воинственный пыл донских башибузуков. Казаки врезались в кучу женщин и детей, началось избиение; и вот среди этой свалки, без всякого предупреждения, раздался внезапно залп, рассеявший толпу. Убитых оказалось, вопреки сообщению правительства, не 4, а 6, а раненых — более двух десятков.

Еще ужаснее были действия войск в Тихорецкой: здесь, в малонаселенном поселке, среди пустынной степи, вдали от нескромных взоров любопытствующих горожан, зверства царских опричников достигли высших размеров. 17 ноября не успели рабочие собраться, как на них была пущена дикая рать казаков. Рабочие, по примеру ростовских товарищей, сели, а потом даже легли на землю в надежде, что казацкая нагайка не коснется лежачего. Но напрасная надежда: казаки врезались в груду человеческих тел, рассекая ее шашками и нагайками. Рабочие поднялись на ноги, с беспримерным мужеством отбивались от казаков и обратили их в бегство. Тогда в толпу посыпались ружейные выстрелы. Подавленные силой, рабочие разбегаются по домам, но казаки, опьяненные жаждой крови, преследуют их, как загнанных зверей, и колотят, никого и ничего не разбирая...

Рабочий Обоенко, не бывший даже на сходке, идет домой с ведрами воды на плечах, казак выстрелом в упор убивает его наповал; другой, преследуя рабочего, врывается в его домишко, жена рабочего пытается остановить бандита, но тот выхватывает шашку и одним взмахом распарывает ей живот... Не довольствуясь дикой расправой, атаман отдает приказ выселить всех рабочих из железнодорожных казарм. Начинается настоящий погром... Убогие пожитки пролетариев летят на улицу, грудных младенцев швыряют через окно, кубанцы ломают сундуки и грабят имущество бедняков!.. На месте сражения валяются отрубленные части человеческого тела, несколько трупов и масса тяжело раненых. Так действовало славное русское воинство, так расправлялось со стачечниками народолюбивое правительство! Так правда глаголет устами департамента полиции! *.

Тяжела и самоотверженна борьба рабочих, многими жертвами и поражениями сопровождается она, но каждый день приближает нас к победе, все больше и больше появляется фактов, свидетельствующих о силе революционной энергии, скрывающейся в недрах их массы. Кто мог предвидеть, что в 1900 году харьковские рабочие впервые поднимут красное знамя политической демонстрации? Кто за неделю до стачки мог предсказать, что рабочие почти всех ростовских фабрик обнаружат чисто европейскую дисциплину, с сочувствием будут слушать политические речи, и на вопрос, поставленный собранию, «нужна ли политиче-

* Подробное описание стачки и сопровождавших ее событий Комитет издаст в виде брошюры в непродолжительном времени.

ская свобода?», единодушно ответят: «да, нужна!» Вихрь событий, пронесшийся в течение нескольких дней по юго-востоку России, показал пробуждение рабочего класса, силу развившейся в нем классовой солидарности и политического сознания. Достаточно было возникнуть стачке на ростовских железнодорожных мастерских, чтобы забастовали рабочие еще нескольких крупных фабрик; стоило проникнуть прокламациям в Тихорецкую и Новороссийск, как там все рабочие бросили работу. Движение сразу приняло ярко политический характер; тысячи рабочих, до того слабо затронутые пропагандой, воочию убеждались в истинном значении самодержавного строя и до боли осязательно почувствовали насущность политической свободы. Такой характер ростовской стачки, охватившей несколько тысяч рабочих, не должен пройти бесследно теперь, в минуту крайней реакции, общественной растерянности и предсмертных судорог самодержавия. В то время, как университетская молодежь колеблется и готова примириться с об'едками жалкой «автономии», а либералы, польщенные учреждением комитетов о нуждах сельского хозяйства, изобретают подпорки для гнилого здания самодержавия и униженно выслушивают издевательства лейб-жандарма Плеве, — один только пролетариат высоко держит знамя борьбы и среди всеобщего мрака не угашает светоча свободы. Эта позорная трусость командующих классов в настоящую минуту особенно рельефно оттеняет революционную и социально-прогрессивную роль пролетариата. Политическая тенденция ростовских событий дает лишний повод подчеркнуть первенствующее значение пролетариата в освободительном движении и потому должна повсюду вызвать сочувствие и поддержку, чтобы этим подкрепить их значение и показать солидарность всего рабочего класса России; зверская расправа со стачечниками, трупы убитых борцов и страдания сотни раненых взывают к протесту и открытому негодованию. Стыдно сказать, насилия против рабочих проходили до сих пор для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Марии Ветровой[3], избиение московских студентов дворниками, побоище на Казанской площади в Петербурге приводили к протесту и даже демонстрациям, в то время как смертоносные выстрелы в рабочих «молодцов-фанагорийцев», кубанских и донских зулусов, замирали с последним вздохом жертв... Пора положить конец столь постыдному равнодушию! Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрел в рабочих, каждая пущенная в ход нагайка всколыхнет революционную волну, которая с увеличенной силой прокатится по всей Руси, как грозное напоминание о смерти дряхлому самодержавию, как заря грядущей молодой России...

Ростовская стачка, как частное дело ростовских рабочих, закончена; требования рабочих, по всей вероятности, будут удовлетворены, а политическое значение происшедших волнений не замедлит сказаться в будущем. Но того, конечно, мало. Для великого дела политического освобождения страны ростовская стачка только тогда сыграет свою роль, когда она встретит сочувствие среди всех протестующих элементов, когда в той или иной форме ее поддержат революционные организации русского пролетариата. Пусть же пожар, вспыхнувший на Дону, разгорится грозным пламенем, пусть в ответ на ружейные залпы могучим эхом прогремят демонстрации, пусть стоны жертв покроет гром протеста, пусть повсюду так же единодушно, как в Ростове, вынесут смертный приговор самодержавию, гнетущему страну.

Долой самодержавие! Да здравствует грядущая революция!

Ростов-на-Дону. Ноябрь. 1902 г.

Донской Комитет Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Тверь. Здешний Ком. Росс. С.-Д. Р. П. выпустил «Летучий листок № 2», помеченный 14 декабря и озаглавленный «Памяти декабристов». Рассказав вкратце о событии 14 дек. 1825 г., листок отмечает, что из двух главных требований декабристов выполнено за 76 лет только одно: отмена крепостного права. Второе же их требование — участие народа в управлении государством, другими словами, политическая свобода, до сих пор остается невыполненным. «Товарищи рабочие! — заканчивает листок. — Сегодняшний день — день памяти первых мучеников русской свободы! Пусть имена их будут вам близки и дороги, пусть дело, за которое они погибли, сделается вашим собственным делом! Когда массы рабочих людей станут вокруг знамени, на котором написано: «Да здравствует политическая свобода!», тогда падет твердыня царского самодержавия. Под страхом крестьянских восстаний оно было вынуждено отменить крепостное право; упорной борьбой мы добьемся и политической свободы. Разносите же, товарищи, во все стороны наш боевой клич: «Долой самодержавие! Да здравствует Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия!» Чем скорее он будет известен всей России от мала до велика, тем скорее мы победим!»

Из Ставрополя-Кавказского. По линии Владикавказской ж. д. в сентябре пришлые на заработки крестьяне в некоторых имениях поломали машины вследствие безработицы. Администрация напугана и целыми вагонами отправляет «бунтовщиков» на родину. Настроение среди безработных крайне приподнятое. В местных деревнях очень много толкуют об этих происшествиях; во многих случаях выражаются симпатии к безработным. Среди безработных много крестьян Черниговской и Харьковской губ.

Приводим «Постановление» пом. нач. жандармского Терского Областного Управления, на основании которого был арестован 28 июня 1902 г. Н. П. Бессменов:

«Постановление № 4. Губ. Гор. Ставрополь.

«Пом. нач. жанд. Терск. Областн. Упр. в Ставрополе, ротмистр Скальковский, усматривая, что еще в 1897 г. Николай Бессменов обвинялся в возмущении крестьян против властей и что по этому поводу, по распоряжению главнокомандующего на Кавказе, произведено было дознание, что Николай Бессменов в устроенном им поселке «Николина Пристань» внушал крестьянам превратные понятия, советуя им сопротивляться администрации и суду, что в феврале 1902 г. он участвовал в преступных беспорядках, бывших в Москве и Петербурге, что есть основание предполагать его участие в возмущении крестьян, выступивших в марте с. г. в Полтавской и Харьковской губерниях, в апреле в Армавире, в мае в Тихорецкой, Кутаисской обл., что по донесении полиции Ставропольского и Новогригорьевского уездов, Ставропольской губ., в феврале 1902 г., он привез и распространил среди населения 500 экз. брошюры преступного содержания, под заглавием «Вторая Воля», что при личном обыске, произведенном силой (добровольно Николай Бессменов обыскивать себя не дал), у него найдены тенденциозного содержания рукописные произведения, под заглавием: «Разрушенный мол» и «Есть на Волге утес», что на вопрос о сообщниках ответил с глумлением: «с собой их у меня нет», в виду означенного постановлено: Ник. Ник. Бессменова, как изобличенного в государственном преступлении, на основ. 27 ст. полож. о Госуд. Охране, заключить в секретную камеру Ставропольской Губ. Тюрьмы, строго предписав смотрителю оной иметь особое наблюдение над означенным секретным арестантом и ключ от камеры иметь у себя.

Скальковский.

«Об'явлено 28 июня 1902 г., 11 ч. ночи».

Севастополь. Накануне приезда царя из Ливадии в наш город была выпущена здесь прокламация, раз'ясняющая рабочим непримиримость их интересов с самодержавием. Прокламация заканчивается словами: «Не криком „ура“, а криком „это злодей и кровопийцы“ встречай их (царя и министров), русский народ, где бы они ни показались. Долой самодержавие! Довольно самоуправства!»

Из посада Азова, Донской области. Нет, кажется, в настоящее время на Руси такого глухого уголка, куда бы не достигали отголоски тех раскатов политической борьбы, которые из конца в конец проносятся по стране, взбудораживая сонную мысль обитателя темных медвежьих берлог и вселяя собою страх и трепет в сердца лакействующей царской провинциальной рати. Так в начале октября утром (около 9—10 часов) обыватели тихого

города Азова, населенного невежественными донскими казаками, которые издавна славились своими особенно «дикообразными» нравами, прочитали на фонарных столбах и заборах «диковинное» «об'явление». Обыкновенно они привыкли читать разные «об'явления» от своего наказного атамана Максимовича, а здесь и не разобрать было, от кого. Не то от «атамана», не то не «от него»... В этом об'явлении говорилось о политических правах, за которые нужно «бороться» и вырывать их из рук «царя и его слуг», для того, чтобы стать народу свободным и сильным, чтобы никто над ним не издевался и т. д. Слова в «об'явлении» были все «мудреные», от которых азовчан бросало в пот и в жар, так как никогда им раньше о таких «словах» не приходилось не только слышать, но даже и читать. И к столбам и заборам собирались мало-по-малу кучки народа, а так как день был базарный, и вся площадь была запружена народом, то вскоре почти вся базарная толпа хлынула сюда. В толпе были казаки из станиц, близлежащих к Азову. Нашлись такие из толпы, которые бывали в Ростове, слыхали про социалистов и рабочих, которые хотят «народу волю дать» и, прочитавши такие об'явления», срывали их и прятали по карманам, чтобы прочитать их своим станичникам. Говорят, что почти всюду по посаду были расклеены до полуторы тысяч прокламаций, а также и разбросаны. Посадские власти вначале не обращали никакого внимания, но около полудня распорядились их сорвать, но многие прокламации были так крепко приклеены, что их пришлось замазывать, разгоняя при этом любопытную толпу. Прокламации все были соц.-демократические. В посаде после этого события только и разговоров, что про «об'явления», которые «больно хорошо написаны», как говорят обыватели-азовчане. Власти, по обыкновению, растерялись. Приезжали из Ростова жандармы, но никаких «корней и нитей» им в богоспасаемом граде отыскать не удалось. После же приезда жандармов здешние власти совершенно взвинтились и страшно «нервничали», что выразилось, между прочим, в том, что они устроили ночные патрули с целью накрыть и выловить «всех социалистов». Особенно сильное впечатление прокламации произвели на местных ремесленников, которые после этого начали разговаривать на ту тему, что не пора ли, «мол», и нам за ум взяться» и подобно ростовским рабочим добиваться прав.

ИЗ ПАРТИИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БРЮССЕЛЕ 29 ДЕК. 1902 г.

На одной из предыдущих конференций решено было, что каждая партия может, кроме избранного на международном конгрессе делегата, послать в международное бюро своего секретаря-корреспондента. В качестве такового я заменял товарища Плеханова на последней конференции, с решениями которой я и намерен познакомить вкратце наших товарищей.

Все вопросы, подлежавшие обсуждению конференции, касались будущего международного конгресса. Прежде всего, самый конгресс отложен на один год, т. е. до 1904 г. Предложение об отсрочке конгресса было внесено Зингером [4], мотивировавшим его предстоящей в ближайшем году для немецкой соц.-демократии избирательной борьбой (в 1903 г. предстоят выборы в рейхстаг, в прусский ландтаг, а также коммунальные выборы во многих местах Пруссии), которая потребует огромного напряжения сил партии и лишит ее возможности быть представленной достойным для нее образом на международном конгрессе. Предложение Зингера почти не встретило возражений. Напротив, очень многие делегаты выражали надежду, что конгресс в 1904 г. будет более внушителен, чем он был бы в 1903 г. Указывали, между прочим, на то, что во многих странах происходит, как в рядах пролетариата, так и в слоях, близко к нему стоящих, брожение, которое должно закончиться усилением рядов социалистической партии. Такие заявления были сделаны голландским делегатом Трульстра [5] и представителем соц.-дем. федерации Гайндманом [6]. Последний обратил внимание на новые течения в среде английского трэд-юнионизма, начинающего понимать необходимость образования политической рабочей партии, и на огромный рост социализма в Соед. Штатах Сев. Америки. С своей стороны, и мы, русские, можем надеяться, что до конгресса 1904 г. будет завершена та внутренняя организационная работа, которая теперь ведется в нашей партии, и мы явимся на конгресс как представители одной партии, об'единенной фактически общей программой и тактикой.

Предложение Зингера было принято единогласно, с той оговоркой, что окончательное решение будет зависеть от результата опроса всех партийных организаций. Решено было также, что отныне расходы по устройству международных конгрессов должны нести все социалистические партии, что каждый делегат на будущем конгрессе должен внести для покрытия этих расходов по 10 франков.

Другой пункт, вызвавший оживленные дебаты и приведший к принятию предложенной Жоресом [7] резолюции, касался вопроса о международной политике пролетариата. Резолюция гласит:

«Международное бюро полагает, что политическим партиям всех стран и самому бюро необходимо заняться более точным и более постоянным изучением вопросов международной политики. Бюро считает весьма важным, чтобы на будущий конгресс в Амстердаме социалистическими партиями всех стран были представлены доклады о международном положении, о народных предрассудках или правительственных комбинациях, могущих служить угрозой миру, и о лучших средствах к уничтожению вражды между народами и к предупреждению международных конфликтов».

Как видите, этот вопрос будет в той или иной форме дебатироваться и на будущем конгрессе, и будет нелишнее сказать пару слов о том, как смотрит на него сам автор резолюции. Говорю только об авторе, потому что, насколько я могу судить, резолюция была принята как одно из тех добрых пожеланий, которым особенного значения не придают, но против которых много спорить не приходится. Другое дело — сам автор. Кто следил в последнее время за писаниями и деятельностью Жореса, тот знает, что он носится с мыслью о всеобщем мире и всеобщем разоружении. Это будет один из тех кусков социализма, которые мало-по-малу вносятся в жизнь и незаметно для нас самих вводят нас в социалистический строй. До сих пор международные конгрессы заявляли, что «милитаризм есть фатальный результат современного порядка вещей», что только «создание социалистического строя положит конец милитаризму и обеспечит окончательно мир». Но такое решение, по мнению Жореса, слишком обще. Ему нужен готовый рецепт на всякий данный случай, и он надеется из международных докладов почерпнуть весь материал, необходи-

мый для его стряпни. Мы очень сомневаемся, чтобы выполнение соответствовало желаниям Жореса. Можно быть уверенным, что никаких других, кроме общих решений по вопросам о милитаризме, о войне и мире представители интернационального пролетариата не примут и в Амстердаме, и что та внушительная демонстрация пролетариата, какой несомненно будет Амстердамский конгресс, гораздо больше приблизит нас к всеобщему миру, чем все рассуждения об этом предмете буржуазных идеологов.

Брюссель, 31 (18) декабря 1902 г.

Б. Гинцбург (Д. Кольцов).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ».

Соц.-демократическое движение в России растет и ширится. Это признают и враги его. Но активная соц.-демократическая работа до сих пор носит на себе печать разрозненности и кустарничества. Местные интересы, местный колорит преобладают над общими задачами. В области теоретической мысли в недрах соц.-демократической партии заметно шатание и неустойчивость. Разброд мыслей и действий соц.-демократов в значительной степени об'ясняют возрождение группы соц.-революционеров; эта группа, хотя и называет себя социалистической, но, по существу, является группой демократических реформ на основе буржуазного строя и способна затемнить в умах многих конечную цель движения пролетариата, как класса. Теперь для всех ясно, что настала пора размежеваться и придать социал-демократическому движению организованность и стройность. Необходимо создать сильную своею сплоченностью и социальным единством соц.-дем. партию. Эта партия должна стать во главе русского рабочего класса и руководить его движением.

Исходя из этой мысли, Саратовский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии полагает, что группа «Искры» может быть тем ядром, вокруг которого следует сгруппироваться отдельным соц.-дем. ячейкам для организации и развития общероссийской соц.-демократической партии. Поэтому Саратовский Комитет считает необходимым признать «Искру» своим партийным органом и ставит себе в непременную обязанность помогать ей по мере сил. Вместе с тем Саратовский Комитет признает существенно важным, чтобы в непродолжительном времени был созван общероссийский соц.-демократический с'езд или найден был какой-либо другой путь для окончательного решения вопросов организации и тактики партии. Признавая «Искру» руководящим партийным органом, Саратовский Комитет полагает, что назревает жизненная потребность поставить на очереди вопрос о расширении литературного дела партии. Кроме руководящего органа, необходимо создать общерусскую популярную рабочую газету. Рабочей массе необходимо дать подходящий материал, руководясь которым она сама дошла бы до желательных для нас революционных выводов.

В тех же целях необходимо создание популярной брошюрной литературы. Во избежание недоразумений, Сарат. Комитет считает необходимым заявить, что он вполне присоединяется к основным принципам, высказываемым «Искрой», расходится же с ней по некоторым второстепенным вопросам.

Вместе с тем Саратовский Комитет заявляет, что с июня 1902 г. в Саратове прекратил свое существование Саратовский Соц.-Дем. Ремесл. Союз. Все члены его вошли полностью в состав Саратовского Комитета. В сентябре этого же года распалась «Об'единенная группа соц.-дем. и соц.-рев. г. Саратова». Соц.-демократические члены этой группы целиком вошли в состав Комитета.

Саратов. Декабрь. 1902 г.

Саратовский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

В начале сентября этого года в Одессе из местного Комитета нашей партии выделилась группа лиц и образовала самостоятельную организацию, под названием «Южного Революционного Союза Соц.-Демократов». Эта организация издала целый ряд прокламаций (манифест об образовании организации, Ко всему русскому народу, К новобранцам, К сельской интеллигенции, 14 декабря), брошюры: «Голод и самодержавие» и «К ростовским событиям», с послесловием: «Чему учит ростовская стачка». От этой организации мы только что получили следующее заявление: «Ю. Р. С. С.-Д. заявляет всем товарищам, что, сходясь во всех своих взглядах с „Искрой“, считая насущной задачей нашей партии возможно скорое и прочное об'единение всех революционных сил и видя в «Искре» единственную организацию, способную довести до конца начатую ею громадную работу по организации партии, Ю. Р. С. С.-Д., по предложению „Искры“, решил прекратить свое существование в качестве самостоятельной организации и, сливаясь с организацией „Искры“, будет всеми силами содействовать ей в ее организационной работе».

В течение октября и ноября Нижегородским Комитетом изданы следующие прокламации: 1) «К обществу» (суд над демонстрантами) печатная. 2) «Ко всем нижегородцам» о том же (печат.). 3) «О солдатчине» (к рабочим и крестьянам) — мимеогр. 4) «Суд над сормовскими демонстрантами» по поводу приговора над Заломовым и друг. (мимеогр.). 5) «Суд над городскими демонстрантами» (мимеогр.). 6) Отчет сормов. с.-д. раб. организации (гектогр.).

Одной группой соц.-дем. (как нам сообщают, сибиряков) издана гектографированная брошюрка, содержащая проект партийной программы, выработанный редакцией «Зари» и «Искры», и обстоятельное введение, в котором сочувственно характеризуется проект и дается общий обзор современного положения революционной социал-демократии и ее задач. Особенного внимания заслуживает удачная попытка авторов брошюр точно и ясно определить свою «революционно-пролетарскую точку зрения» и свое отношение ко всем современным «экономическим», «критическим» и «социалистско-революционн.» шатаниям.

Полтавский Ком. Росс. С.-Д. Р. П. выпустил прокламацию к полтавским рабочим (помеченную ноябрем 1902 г.) по поводу ростовских событий с раз'яснением их значения и призывает к нравственной и материальной поддержке.

Нас просят поместить следующую резолюцию:

«Российская учащаяся молодежь в Берне выражает самое полное и самое искреннее сочувствие свое ростовским рабочим, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрелости русского пролетариата.

«Она считает своей нравственной обязанностью всеми своими силами служить делу политического и экономического освобождения этого пролетариата, которое является в то же время делом освобождения всего трудящегося населения России».

Сведения о Персице. Нам сообщили, что провокатор Персиц (см. о нем № 24 «Искры») запасся в Женеве русским паспортом, выданным на имя Александра Кушелевского, крестьянина из Белостока, 21 года от роду. Пусть примут это к сведению все товарищи!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С 6 на 7 дек. в г. Харькове были аресты. Арестованы Павел Крафт, интелл., Лагутин, интелл., студ. унив.: Пустовойтов, Бабуник; студ.-техн. Ефименко, интеллигентки: Протопопова, Кириллова, Левандовская; акушерки Пузанова и Крамаровская, раб. Иванов. Высланы в Восточн. Сибирь: Крушель, Антонов, Бакшеева. — 28 октября в Чернигове были арестованы: г-жи Брегина (интелл.) и Брандт (акушерка). В середине ноября были освобождены. Были арестованы по провокации рабочего Шостинского

порохового завода, по фамилии Рудый. Из следствия оказалось, что обе они совершенно непричастны к делу. 3 дек. в том же городе арестована типография, при этом взято двое мужчин и одна женщина (люди не местные). Кроме того, арестован в ту же ночь ученик земской фельдшерской школы Мстиславский. Все четверо увезены в Спб. Открыта была типография не местными жандармами. Как была открыта типография, точно неизвестно. Говорят, что проследили одну даму, проезжавшую границу и будто что-то везшую с собою. Ее пропустили на границе и поехали вслед за нею. По слухам взято 7 пудов шрифта и уже отпечатанные прокламации. — В ноябре в Перми произведены обыски у служащих в Губ. Упр.: Житковой (вторично) и Наумова. По распоряжению губернатора оба эти лица удалены со службы. Устранен от должности также статист. Владимирский и г-жа Мутных. Мотив увольнения тот, что названные лица привлечены к дознанию жандармским управлением. 10 дек. арестованы два воспитанника промышл. учил., но через три дня выпущены.

В Тобольской губ. арестован еще в августе отбывший свой срок политический ссыльный Пигнатий, приехавший сюда по своим делам. У него найдено при обыске много адресов различных лиц. По всем этим адресам сделано распоряжение произвести обыски. Нам известно об обыске в Орловской губ. у одного помещика, адрес которого был найден у Пигнатия. Где теперь Пигнатий и что с ним, нам неизвестно.

Бежал из с. Верхне-Острожского, Балаганского уезда, и прибыл за границу Л. Стоцик. Был сослан туда до приговора по делу петерб. «Раб. Библиотеки».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Rb. Sp. Pn. Пришлите подробности. Вероятно, вы правы.

Zero. Дайте адрес для ответа.

Мазепа. Корреспонденция получена. Спасибо.

Б. «Неудачный дебют» и остальное получ., пойдет в № 32.

1900. Мы не можем считать вас своим представителем, так как для этого требуется полная солидарность и работа исключительно для одной организации.

Нас просят заявить, что Инсаров, читавший реферат в Женеве, не то лицо, которое помещает статьи под этой фамилией в легальных журналах.

Получено: из Карлсруэ с веч. 92,60 мар., за лит. 25 фр., для ростовцев 125,45 фр., от гр. Берне 150 р., из Гейдельберга 260 фр., из Мюнхена 200 мар., с реферата в Цюрихе 25,70 фр., оттуда же за литер. 40,20 фр., в пользу ростовцев чер. Ф. 50 фр., через Юлия 5,40 фр., для Красного Креста через него же 10 фр., из Г. 155 мар. для «И», оттуда же в пользу ростовцев 56,20 мар., от нового товарища 20 фр., из Льежа для ростовцев 35 фр., для них же из Лондона 3 фунта (в том числе из кассы русского рабочего кружка 1 фр. 5 шил.), от Ч-ев 50 р., от сибирского кружка 65 р., на Дитца от Г. на литературу 25 р. От организации юга 20 руб., от Филиппа через организацию Ю. 15 руб.

К этому номеру прилагается иллюстрированное приложение.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Земские «реформы» Александра III («Положение о земских учреждениях» 1890 г.) сводились почти к полному превращению земств в сословный орган дворянского землевладения и к полному их подчинению бюрократии. «Положению о земских учреждениях» предшествовал закон 1889 г. о земских начальниках, согласно которому над крестьянством учреждалась помещичье-административная опека в лице назначенных губернатором чиновников с широкими административными и судебными функциями. Земские начальники, рекрутировавшиеся по большей части из разорившегося дворянства, получили широкое право административной расправы с крестьянами (арест, штрафы, устранение от должности волостных старшин, сельских старост, отмена постановления сходов, отмена приговоров волостных судов и пр.). Наконец, в 1892 г. Александр III утвердил новое «Городовое положение», созданное по типу «Положения о земских учреждениях». Городское управление так же было подчинено произволу бюрократии, как и земство.

Прим. 2. Прокламация написана т. С. И. Гусевым.

Прим. 3. Курсистка Мария Ветрова в 1897 г. покончила самоубийством в тюрьме. Ее смерть вызвала демонстрации в Петербурге, на Казанской пл. и в других городах, известные под именем «ветровских».

Прим. 4. Зингер — Пауль (1844 — 1911), один из вождей германской социал-демократии, бессменный председатель ее партейтагов и международных социалистических конгрессов. Выйдя из рядов буржуазии (довольно долго был совладельцем большой мастерской женского платья), З. в начале своей политической деятельности примыкал к буржуазной демократии, отличаясь от массы буржуазных демократов последовательностью и бесстрашием. В 1870 г., когда германская буржуазия была опьянена победами над Францией, З. подписал протест против отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии. В 1878 г., когда на германскую социал-демократию обрушился исключительный закон против социалистов, Зингер окончательно порвал с буржуазией и вступил в ряды с.-д. С тех пор история жизни З. неразрывно связана с историей германской соц.-демократии. Но в то время, как многие вожди ее постепенно поддавались оппортунизму, З. всегда был среди самых решительных его противников. «Во время исключительного закона против социалистов», — писал о нем Ленин, — З. вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых» полу-анархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов во что бы то ни стало». В позднейшее время З. столь же решительно боролся с ревизионистами». (В. И. Ленин. Собр. соч. т. XI, часть II, стр. 218.)

Прим. 5. Трульстра, Питер (1860 г.) — один из основателей голландской соц.-дем. партии и ее парламентский лидер. Вождь крайнего правого крыла голландских социалистов. Один из самых правых деятелей II Интернационала.

Прим. 6. Гайндман, Г. М. (1842 — 1922) — один из основателей социал-демократической федерации (первоначально, до 1883 г. она именовалась «Демократической Федерацией»). Позже, в 1911 году, один из основателей Британской Социалистической Партии. В письме к Зорге от 15 декабря 1881 года Маркс называет Г. «прекраснодушным мелкобуржуазным писателем». В 1911 году Г. выпустил свои воспоминания: «Записки о полной приключений жизни». «Автобиография Гайндмана, — пишет Ленин по поводу этой книжки, — есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе в конце концов дорогу к социализму, никогда не отделываясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков» (Собр. соч., т. XI, ч. 2-я, стр. 407). Эти характеристики целиком подтвердились в годы войны, когда Г., подобно большинству типичных фигур II Интернационала, стал социал-шовинистом. В 1916 году Г., исключенный из Британской Социалистической Партии, вместе со своими сторонниками организовал национал-социалистическую партию.

Прим. 7. Жорес — см. прим. 4-е к № 18 «Искры».

ПРИЛОЖЕНИЕ К «ИСКРЕ» № 31.

ГАЗЕТНОЕ ИЗВЕСТИЕ:

«Государь Император на всеподданнейшем докладе Министра Внутренних Дел о выраженных пекоревским (Роменского уезда, Полтавской губ.) соединенным волостным сходом верноподданнических чувствах любви и благоговейной преданности к царскому кнуту и порицания зверски замученным жертвам российского правительства — собственноручно в 9-й день сего октября Всемилостивейше начертать соизволил: п р о ч е л с у д о в о л ь с т в и е м».



«Гей не дывуйтесь, добрiи люде,
Що на Вкраiнi повстало!...»

Украинская народная песня.



ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 32 | 15 ЯНВАРЯ 1903 ГОДА | № 32

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Декабрь 1902 года.

ИЗВЕЩЕНИЕ

ОБ ОБРАЗОВАНИИ «ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА» [1].

Четыре года тому назад несколько русских социал-демократических организаций об'единились в «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», выработав некоторый план организации и общие принципы деятельности, изложенные в изданном партией «Манифесте» [2]. К сожалению, эта первая попытка не увенчалась успехом: не было еще налицо необходимых элементов для создания единой, сильной социал-демократической партии, борющейся непреклонно за освобождение пролетариата от всех видов гнета и эксплоатации. С одной стороны, самые формы практической деятельности русской социал-демократии еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы социал-демократия еще искала путей для наилучшего проведения своих теоретических взглядов, она шла еще робкими, неуверенными шагами. Лежащее в основе ее деятельности рабочее движение, вылившееся в грандиозные стачки, только что вспыхнуло тем ярким блеском, который ослепил глаза многим, затмив для них столь ясные и определенные задачи и цели революционной социал-демократии, заставив увлечься узко-профессиональной борьбой. С другой стороны, непрестанные репрессии правительства, обрушиваясь на социал-демократические организации, еще не окрепшие, еще не успевшие пустить прочных корней, разрушали всякую преемственность, уничтожали всякие традиции в деятельности.

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла бесследно. Сама идея организационной политической партии пролетариата, руководившая нашими предшественниками, стала с тех пор путеводной звездой и желанной целью всех сознательных социал-демократических деятелей. В течение этих четырех лет делались неоднократные попытки осуществить эту завещанную нам первыми социал-демократическими деятелями идею. Но до сих пор мы все еще стоим перед нашей дезорганизованностью так же, как и четыре года тому назад.

А между тем жизнь пред'являет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили своей задачей пробуждение дремлющих в рабочих массах революционных сил, то перед нами стоит гораздо более сложная задача — направить пробуждающиеся силы туда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать призывный клич: „Ведите нас, куда вы нас звали!", и страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент. Пусть нам не говорят, что мы преувеличиваем серьезность момента. Кто способен заглядывать дальше поверхности ряби, кто способен распознавать совершающийся в глубине процесс, тот не заподозрит нас в преувеличении.

Но серьезность положения усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в связи с общим ходом русской жизни вызвало к деятельности различные общественные слои. С большей или меньшей сознательностью они стремятся организоваться, чтобы так или иначе примкнуть к борьбе с отжившим режимом. В добрый час! Социал-демократия может только приветствовать всякого примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тем, чтобы подобные союзники не сделали ее молотом в своих руках, не отодвинули ее от главной арены деятельности, не лишили руководящей роли в борьбе с самодержавием и, главное, не повредили бы поступательному ходу революционной борьбы, отклонив ее от правильного пути. Что подобная опасность не призрак воображения — ясно для всякого, внимательно следившего за революционной борьбой последних лет.

Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских социал-демократов, сплоченных в одну централизованную, дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя инициативу об'единения?

Вопрос этот обсуждался в прошлом году на конференции [3] представителей: Петербургского Союза Борьбы [4], Центрального Комитета об'единенных южных комитетов и организаций [5], организации «Искры», Центральных Комитетов (русского и заграничного) «Бунда», Союза Русских Социал-Демократов за границей и некоторых других организаций. Конференцией поручено было представителям некоторых организаций образовать организационный комитет, который взял бы на себя задачу фактического восстановления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Во исполнение этого постановления представители: Петербургского Союза Борьбы, организации «Искры» и груп-

пы «Южного Рабочего»* образовали «Организационный Комитет», который ставит своей первой и главной задачей подготовку условий для созыва партийного с'езда.

Но в виду того, что дело созыва с'езда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени, Организационный Комитет впредь до восстановления центральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.).

Само собою разумеется, что Организационный Комитет, возникший по частной инициативе некоторых организаций, находится в обязательных отношениях только к тем организациям, которые его уже уполномочили или дадут свои полномочия. Для всех же прочих Комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую им свои услуги.

Велика и ответственна задача, которую решается взять на себя Организационный Комитет, и если он все же дерзает сделать это, то лишь потому, что необходимость об'единения слишком настоятельна, разброд слишком дает себя чувствовать, дальнейшая дезорганизованность слишком угрожает общему делу. Приступая к деятельности, Организационный Комитет полагает, что успешность этой деятельности в значительной степени будет обусловливаться отношением к нему социал-демократических комитетов и организаций, и само это отношение будет для него критерием того, насколько правильно оценил он настоящий момент.

Организационный Комитет.

Печатано в типографии Организационного Комитета.

* * *

Заявление вновь образовавшегося Организационного Комитета нашей партии достаточно ясно говорит само за себя, и нам нечего тратить много слов о важном значении сделанного шага. Об'единение, восстановление целостности партии — самая насущная, настоятельно требующая немедленного решения задача русских социал-демократов. Эта задача очень трудна, потому что нам нужно не об'единение нескольких кучек революционно настроенных интеллигентов, а об'единение всех руководителей рабочего движения, поднявшего к самостоятельной жизни и борьбе целый широкий класс населения. Нам нужно об'единение на почве строгого принципиального единства, к которому должны сознательно и твердо притти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих, действующих в различной обстановке, при различных условиях, пришедших иногда самыми различными путями к своим социал-демократическим убеждениям. Такого об'единения нельзя не только декретировать, его нельзя и создать сразу, одними резолюциями собравшихся делегатов, его надо систематически и исподоволь подготовить и выработать, так, чтобы с'езд всей партии закреплял и исправлял уже сделанное, продолжал начатое, заканчивал и формально утверждал прочный фундамент для дальнейшей, более широкой и глубокой, работы. И мы особенно приветствуем поэтому разумно-осторожный и скромный приступ О. К. к своей работе. Не претендуя ни на какие обязательные отношения ко всей массе русских социал-демократов, О. К. ограничивается тем, что предлагает свои услуги всем им. Пусть же все русские социал-демократы без исключения, комитеты и кружки, организации и группы, люди, состоящие на действительной службе, и временно отставные (ссыльные и т. п.) поспешат ответить на этот призыв, постараются завязать непосредственные и живые сношения с О. К., примутся самым энергичным образом за активную поддержку всей громадной об'единительной работы. Нам надо добиться, чтобы не было ни одной группы русских социал-демократов, которая не была бы связана с О. К., которая бы не работала в товарищеском единении с ним. Далее, считая своей первой и главной задачей подготовку и созыв общепартийного с'езда, О. К. берет на себя и некоторые общие функции по обслуживанию движения. Мы уверены, что не найдется ни одного социал-демократа, который бы не признал настоятельной необходимости этого расширения функций О. К., ибо это есть лишь расширенное предложение услуг,— предложение, которое идет навстречу заявленным уже тысячи и тысячи раз запросам, — предложение не отказаться от каких-либо «прав», а отказаться лишь поскорее на практике от обособленности, взяться сообща за постановку ряда общих предприятий. Наконец, мы считаем также совершенно правильным и уместным решительное заявление О. К., что дело созыва с'езда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени. Это отнюдь не значит, конечно, чтобы созыв с'езда откладывался. Ничего подобного. Если говорить о настоятельности с'езда, то мы признали бы и месячный срок для его созыва чересчур «значительным». Но если вспомнить наши условия работы и необходимость серьезного представительства всего движения на с'езде, то и срок впятеро, вдесятеро больший не заставит еще притти в уныние ни одного сколько-нибудь опытного работника.

Пожелаем же всякого успеха делу скорейшего об'единения и восстановления партии, докажем свое сочувствие не только словами, но и немедленными делами всех и каждого, и да здравствует русская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

[Н. Ленин]

ЗНАЧЕНИЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ.

Всякий новый шаг, сделанный русским пролетариатом на пути своего политического развития, вызывает в нашей революционной среде новые споры по тактическим вопросам. Это вполне естественно и очень хорошо. Естественно — потому, что новые шаги рабочего движения служат для нас новыми «уроками жизни», а уроки жизни настоятельно требуют своего истолкования. Хорошо потому, что тактические споры содействуют этому истолкованию и тем избавляют нас, по крайней мере, от не-

* «Бунду» также было предложено прислать своего представителя в Организационный Комитет, но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на это приглашение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и Бунд не замедлит прислать своего представителя.

которых практических ошибок и от тяжелых разочарований, неизбежно следующих за практическими ошибками. «Практика» — великая и ничем незаменимая вещь. Но сама по себе она еще ровно ничему не учит. Чтобы пользоваться ее указаниями, надо уметь замечать и понимать их.

О недавних ростовских событиях много и горячо спорят теперь русские революционеры. Мы от души радуемся этим спорам, но мы позволим себе заметить, что иное дело судить о каком-нибудь общественном явлении, а иное дело судачить по его поводу. Судаченье бесплодно по самой природе своей. Оно не только ничего не выясняет, но, напротив, затемняет даже и то, что было ясно с самого начала. К сожалению, о ростовских событиях многие именно не судят, а судачат, и это очень, очень жаль, ибо эти события заслуживают самого серьезного внимания.

Результатом судаченья являются, между прочим, те обвинения, которые выдвигаются против нашего Донского Комитета. Эти обвинения подчас поистине комичны. Так, например, один «интеллигент» (как видно, весьма неинтеллигентный) публично (т. е. на большом собрании революционеров) упрекал названный Комитет в том, что тот не поддержал группы молодых людей, явившихся с революционными песнями на одно из первых собраний стачечников. Перед такими упреками можно не останавливаться. Всякий дельный революционер без труда поймет, что бывают положения, когда агитаторам совсем не до песен. Но есть обвинения, имеющие более серьезную видимость.

Некоторые сторонники политической агитации находят, что Донской Комитет дурно поступил, не воспользовавшись волнением ростовской рабочей массы для устройства демонстрации. А иные идут так далеко, что приписывают ему, на этом основании, склонность к печальной памяти «экономизму». Перед этим обвинением нельзя не остановиться, так как оно не только несправедливо, но и способно посеять ряд самых опасных тактических недоразумений.

Несправедливость его состоит в том, что оно совершенно неверно изображает дело. Демонстрация в Ростове была и притом очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась в четверг, 7 ноября, и окончилась только в следующий четверг, т. е. в тот день, когда состоялось последнее массовое собрание под открытым небом. Число участников этой величественной и необычайно продолжительной демонстрации, разумеется, не оставалось неизменным, но, несмотря на все колебания оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысяч. Таких демонстраций у нас еще никогда не бывало, и вот почему ростовские события составляют эпоху в истории нашего рабочего движения. Не понимать этого могут только те, которым вообще не ясны значение и задачи нашей агитации в рабочей массе.

Обвинителей ввела в ошибку внешность явления. Они привыкли думать, что уличное шествие составляет необходимый признак демонстрации, и потому, услыхав, что в Ростове уличного шествия не было, они умозаключили, что не было и демонстрации. Но названное шествие вовсе не составляет необходимого признака демонстрации. Его не было во время демонстрации перед Казанским собором в 1901 г.; его не было и во время демонстрации перед тем же собором в декабре 1876 года. Скажут ли нам, что тогда не было и демонстраций? Наконец, если бы ростовские народные собрания под открытым небом и не были демонстрациями в собственном смысле этого слова; если бы нам доказали, что их правильнее назвать, например, митингами для выражения народного неудовольствия, то мы и в этом не видим беды. Шекспир говорит где-то, что как бы мы ни назвали розу, она не утратит своего запаха. О ростовских собраниях мы скажем, что какое бы имя мы им ни дали, мы все-таки должны будем признать, что они имели колоссальное влияние на развитие классового самосознания ростовских рабочих. А развитие классового самосознания в рабочем классе и есть та великая цель, которую мы преследуем в своей агитации, и если Донской Комитет достиг ее, не прибегая к демонстрации, то от этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорят, что Донской Комитет должен был вести собравшихся «в балке» рабочих в город. Но мы не понимаем, почему это было обязательно. Зачем было итти из «балки» в город, когда весь город шел «в балку»? Почему Магомет непременно должен итти к горе даже в том случае, когда гора сама идет к Магомету? Агитация агитации рознь. Есть агитация, плодотворная с точки зрения социал-демократов, и есть агитация, полезная с точки зрения других партий, например, анархистов или так называющих себя социалистов-революционеров. Агитацией занимались люди, говорившие политические речи собравшимся «в балке» ростовским рабочим. И агитацией занимались бы люди, которые воспользовались первым загородным собранием рабочих для того, чтобы вести их в город. Но между тем как огромные собрания «в балке» послужили превосходнейшей школой политического воспитания ростовского пролетариата, демонстративное движение в город могло бы закончиться таким столкновением с военной силой, на которое потратилась бы вся энергия совершавшегося тогда массового движения и которое не только не подвинуло бы вперед самосознания массы, но надолго задержало бы его развитие. С точки зрения социал-демократии, такое столкновение было бы вредно. Мы должны не бояться жертв, когда они полезны для дела, но мы обязаны избегать их, когда они не приносят пользы делу или даже — как было в разбираемом случае — отодвигают его далеко назад. Но если бы мы не были социал-демократами, если бы неизменным критерием в наших суждениях нам не служил вопрос о том, как повлияет данный шаг революционеров на развитие классового самосознания рабочего класса, то мы рассуждали бы иначе. Мы твердили бы: «надо итти в город». А если бы шествие в город закончилось кровавой неудачей, мы сказали бы: вот новое доказательство того, что демонстрации ни к чему хорошему не ведут. Да здравствует террор! Да здравствует «боевая организация», которая завоюет рабочему классу политическую свободу! (ср. опубликованные «Рев. Росс.» письма Кочура). По-своему мы были бы очень логичны, но наша логика не имела бы ничего общего с логикой освободительного движения пролетариата.

Колоссальные ростовские собрания «в балке» не только представляют в своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацию, но и свидетельствуют о том, что наша политическая агитация может и

должна войти теперь в новую необходимую и плодотворную фазу.

До сих пор у нас и в демонстрациях обыкновенно обнаруживалось то разделение и та отчужденность «героев» от «толпы», которые были в одно и то же время и следствием и причиной слабости нашего революционного движения. «Герои» прохаживались перед «толпой», крича: «Долой самодержавие!», махая красными флагами и, по мере возможности, отбиваясь от полицейских бандитов. «Толпа» прислушивалась к «возмутительным» возгласам «героев», читала надписи на красных флагах, более или менее сильно возмущалась полицейскими зверствами и более или менее громко выражала свое сочувствие демонстрантам. Но дальше этого дело не шло или шло очень редко. Чаще всего «толпа» оставалась сама по себе, а «герои» сами по себе, и именно потому, что эти последние оставались сами по себе, им приходилось со стыдом уступать первому серьезному натиску со стороны полиции. А это приводило их к сомнению в целесообразности демонстраций как агитационного средства. Они — или, по крайней мере, некоторые из них — говорили себе и другим: «стоит ли выходить на улицу для того, чтобы после самого непродолжительного сопротивления улепетывать от полицейских кулаков и казацких нагаек? Не лучше ли, не целесообразнее ли давать единоличный отпор наиболее зарвавшимся царским опричникам?» И многим начало казаться, что поступать так будет действительно лучше и целесообразнее. А раз они приходили к этому убеждению, — они начинали смотреть на так называемый (на самом деле никого не пугающий) террор как на самое действительное средство революционной борьбы, приписывая демонстрациям лишь второстепенное, подчиненное значение. А террор роковым образом привел бы к еще большему отчуждению «героев» от «толпы» и к еще большему ослаблению сил «героев», Таким образом, весь ход нашей политической агитации неизбежно приводил нас к следующему противоречию: в интересах развития политического самосознания в массе мы должны были прибегать к демонстрациям, а прибегая к демонстрациям, мы, против всякого ожидания, укрепляли то настроение в революционной среде, в результате которого явился бы фактический отказ от непосредственного воздействия на массу. Разрешить это противоречие можно было только одним путем: путем устранения той причины, которая вызывала слабость сил демонстрантов. А так как эта причина заключалась в том, что демонстрации были делом не «толпы», а одних только «героев», то нужно было, чтобы «герои» перестали существовать в качестве отдельного от «толпы» элемента. Другими словами, необходимо было придать демонстрациям массовый характер. На эту необходимость мы указывали еще в № 14 нашего органа.

И вот ростовские события показали, что мысль о слиянии «героев» с «толпой» не имеет в себе ничего несбыточного. В ноябре прошлого года в Ростове-на-Дону не было ни «героев», ни «толпы», а была огромная многотысячная масса рабочих, неудержимо рвавшаяся в новую сознательную жизнь и готовая самоотверженно бороться со своими угнетателями и усыпителями. «Герои» исчезли в «толпе», «толпа» слилась с «героями». Она сама прониклась героическим самосознанием и потому перестала быть «толпою», превратившись в сознательный отряд сознательной армии международного пролетариата.

И как только состоялось это превращение, сейчас же всем стало ясно, что теперь полицейские бандиты совсем

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

I. Небольшая историческая справка.

В № 8 «Революц. России» в статье «Из партийной деятельности» мы читаем:

«Массовые волнения крестьян в Полтавской, Харьковской и других губерниях выдвинули и поставили ребром перед всеми русскими революционерами вопрос о воздействии революционных организаций на крестьянство. Теперь не остается уже места для каких-либо сомнений в необходимости, возможности и целесообразности этого воздействия. Даже те течения русской революционно-социалистической мысли, которые прежде категорически отрицали возможность и целесообразность работы в крестьянстве, теперь начинают признавать насущную необходимость ее».

Недавние крестьянские волнения действительно придали новый интерес вопросу о практических задачах социалистов в русской деревне. Это само собою понятно и этого никто оспаривать не станет. Но именно потому, что названный вопрос приобретает теперь новый интерес, полезно хорошенько выяснить себе, как решался он русскими социалистами в прежнее время. И прежде всего следует спросить себя, какие именно «течения русской революционно-социалистической мысли» отрицали у нас «возможность и целесообразность работы в крестьянстве». Что говорит об этом «Рев. Россия»?

Она говорит вот что: «Партия социалистов-революционеров и те организации, которые об'единились в ней, всегда ставили одной из основных задач своей деятельности — революционизирование деревни и приобщение крестьянства к общему социально-революционному движению. В этом и состояло одно из самых основных ее отличий от соц.-демократических организаций, в этом и заключался один из самых основных пунктов разногласий с ними. Признание необходимости и своевременности планомерного революционного воздействия сплошь и рядом делало для соц.-революционеров даже во времена их крайней численной слабости практически невозможным войти в те соц.-демократические группы, с которыми вместе приходилось все время работать, и раствориться в них. Приходилось отделяться и начинать самостоятельное дело».

Кажется, ясно. Именно русская соц.-демократия была тем течением, которое прежде «категорически отрицало» возможность и целесообразность деятельности между крестьянами. И в этом состояла черта, отличавшая нашу соц.-демократическую партию от соц.-революционеров, «всегда» (курсив «Рев. Росс.») имевших непреодолимое влечение к названной деятельности. «Рев. Росс.» не упускает случая поставить читателям на вид эту счастливую особенность своей «партии» и не пере-

не так сильны и страшны, как были прежде. «Боимся ли мы атамана?» спросил один из ораторов у рабочих, собравшихся на балке. — «Нет, не боимся!» — дружно отвечали рабочие. — «Стало быть, мы будем продолжать наше собрание?» — спросил он опять. — «Да, будем продолжать!» — как один человек отвечала вся огромная масса. И собрание продолжалось на глазах у удивленных и испуганных бандитов полицейского «порядка», которые должны были понять тогда, — если они еще не совсем утратили способность понимания, — что на общественную сцену России выступает новая, могучая сила.

Если дело приняло такой счастливый и многознаменательный оборот, то этим мы в значительной степени обязаны находчивости, благоразумию и такту нашего Донского Комитета, который сумел избежать тактических односторонностей и извлечь из событий наибольшую долю того, что можно было извлечь из них для политического воспитания рабочих. Этим он оказал нашему движению большую услугу. И чем скорее распространится в русской социал-демократической среде сознание важности этой услуги, тем более очевидно станет для каждого из нас, до какой степени неосновательны нападки *, сыплющиеся на Донской Комитет со стороны тех людей или даже целых направлений, у которых очень слаба сила суждения, но зато очень сильна потребность с у д а ч и т ь.

Да, ростовские события открыли собою новую эпоху, эпоху м а с с о в ы х д е м о н с т р а ц и и. Демонстрации «героев», прохаживающихся перед «толпою», отжили свое время и утратили свое значение. Теперь демонстрации должны быть массовыми или их вовсе не должно быть. Говоря это, мы ни на минуту не позабываем о том, что массовые движения не могут быть вызываемы по произволу той или другой революционной организацией. Они подготовляются общим ходом социального развития. Но люди, понимающие ход этого развития, могут способствовать е г о у с к о р е н и ю. В том и состоит отличие социальной демократии от других политических партий, что ее деятельность является сознательным выражением бессознательного общественного процесса, который делает из пролетариата передовую общественную силу. Раз мы убедились в том, что теперь начинается эпоха массовых демонстраций, мы должны сообразно с этим убеждением направить всю свою подготовительную агитационную работу. «Искра» уже указывала на агитацию в студенческой среде как на такую, которая в известной мере может служить образцом для агитации в среде пролетариата. Студенческим «волнениям» последних лет предшествовала обыкновенно систематическая, подготовительная работа, выяснявшая смысл начинавшейся борьбы и значение выставляемых требований. Известно, что даже и такая систематическая работа не приводила к полному единодушию между студентами. В их среде всегда находились элементы, относившиеся к движению несочувственно или просто равнодушно. Это неудивительно: такие элементы найдутся всегда и везде. Но важно то, что благодаря систематической подготовке движения к нему присоединялись все студенты, по своему умственному развитию и по своим нравственным свойствам способные к нему присоединиться. Студенческое движение располагало, вследствие этого, наибольшим числом тех сил, которыми оно могло располагать. И потому с ним так трудно было справиться.

* Эта статья была уже набрана, когда мы получили № 15 «Рев. России», дающий замечательные образчики этих неосновательных нападок.

стает, как говорится, шпынять русских социал-демократов за их пренебрежение к крестьянству.

«Тяжелы были условия, — сочувственно повествует она, — при которых приходилось начинать и вести эту работу. Сверху, с высот теорий и программ, громко и решительно заявлялось о невозможности и даже нецелесообразности какой бы то ни было революционной работы в крестьянстве. В 1896 г. на Лондонском конгрессе, перед лицом международного пролетариата, представители русской социал-демократии, одни составлявшие всю русскую секцию конгресса *, торжественно заявили, что при современных политических условиях русским революционерам нечего и думать о воздействии на сельское население. Манифест [2] Росс. Соц.-Дем. Партии 1898 г. ни словом не затрагивает вопроса о работе среди крестьянства, как будто последнего совсем и не существует. И неудивительно, ибо с'езд южно-русских соц.-дем. организаций, состоявшийся в январе 1902 г. [6], можно сказать, накануне грандиознейших крестьянских волнений на юге России, совершенно не счел нужным поставить в программу своих занятий вопрос об отношении к крестьянству, опять-таки, как будто его и не бывало».

Перечислив прегрешения русских социал-демократов перед крестьянством, «Рев. Росс.» замечает: «Эти примеры достаточно ярко показывают, что на крестьянство смотрели как на quantité négligeable, как на чистый нуль в политическом отношении. В лучшем случае работа в крестьянстве лишь допускалась и то лишь для лиц, силою обстоятельств прикрепленных к деревне».

Мы скоро увидим, насколько в самом деле «ярки» приведенные «Рев. Росс.» примеры. Теперь же скажем, что они ни в каком случае не «достаточно» характеризуют взгляды русских социалистов на крестьянство. Для полноты картины «Рев. Росс.» должна была бы несколько подальше заглянуть в прошлое и вспомнить, как смотрело на работу в крестьянской среде «течение», непосредственно предшествовавшее у нас соц.-демократии. Так как она почему-то не пожелала или не сумела сделать эту историческую справку, то мы вынуждены взяться за нее сами.

Еще в 1879 г., — т. е. в то время, когда русская соц.-демократия не существовала даже и в зачатке, — в пер-

* В примечании «Револ. Росс.» поясняет: «Представитель „Союза соц.-рев.“ тогда не был ими допущен на конгресс, а представитель „Группы старых народовольцев“ удалился в виде протеста против этого исключения». Это н е п р а в д а: представитель «Группы старых народовольцев» удалился совершенно по другому поводу, что же касается представителя «Союза соц.-рев.», то он явился с мандатом, подписанным лишь несколькими заграничными русскими студентами, и был «не допущен» (конгрессом, а не только русскими соц.-демократами) именно потому, что не представлял ничего серьезного. Об этом см. брошюру Г. Плеханова «Новый поход против русской соц.-демократии».

А то политическое движение, которое должно увлечь за собой все живые элементы пролетариата, до сих пор увлекало только незначительный его слой, между тем как другие его слои оставались неподвижны, несмотря на то, что и в них накопился уже не малый запас революционной энергии. До них не достигали политические призывы социальной демократии, и потому они не давали на них никакого отклика. А этим неизбежно обусловливалась слабость нашего политического движения. Чтобы устранить ее, нам нужно подготовить свои демонстрации так же старательно, как подготовляет передовое студенчество свои «волнения» в среде учащейся молодежи. Нам нужно звать на борьбу все те элементы рабочей массы, которые уже способны примкнуть к ней. В этом случае нам помогут «возмутительные воззвания», если только мы сумеем — а мы обязаны суметь — придать им действительно массовое распространение. Наконец, нам необходимо способствовать развитию тех элементов пролетариата, которые еще не пробудились от своей политической дремоты. Это — наши товарищи будущего времени. Сегодня они еще боятся «политики» и потому неохотно слушают политических агитаторов. Но скоро, — может быть, не далее как завтра, — они поймут, что «политика» социал-демократии есть политика их собственных, насущных и осязательных классовых интересов, — и тогда они будут отвечать восторженным «ура!» на наши политические речи. А чтобы им стал понятен смысл нашей «политики», мы, принимаясь за агитацию в их среде, должны исходить именно из насущных и осязательных интересов, всеми силами стараясь, в то же время, обнаружить противоречие этих интересов с интересами существующего порядка. Ростовские события показали, между прочим, что при умелом ведении дела нас ждет здесь верный и скорый успех. А успех означает в этом случае не более, не менее как то, что к революционной армии постоянно будут примыкать свежие, все более и более густые, все более и более многочисленные колонны, и политическая борьба, начатая «революционной бациллой», все более и более будет становиться массовым движением, борьбой целого класса.

Много тяжелой работы предстоит нам впереди! Но это-то и хорошо! Даром ничто не дается, а наша тяжелая работа быстро приближает нас к нашей великой цели. Весело жить в такое время!

[Г. Плеханов]

НЕУДАЧНЫЙ ДЕБЮТ.

Как и следовало ожидать, с переводом Зубатова в Петербург, Петербург будет лицезреть зубатовские собрания рабочих по типу московских. Союз московских рабочих механического производства[7] так удачно поставлен был при самом начале, притом при особом участии московских профессоров, что он слишком заманчиво рисовал Зубатову перспективу петербургских рабочих собраний. В Москве простак-рабочий думал и даже думает: все это, мол, для нашего блага; а простак-профессор думает: вот, мол, наконец, и мы призваны указать, как следует встать на слабые ножки нашему некультурному рабочему, и тогда-то пошли поучения, наподобие тех, что не потому, мол, мельничное колесо стоит, что воды нет, а потому, что мельник некультурен и не понимает, что такое гигиена. Ловко была задумана махинация Зубатовым, но не всегда и всюду ее легко удается проводить в жизнь без всякой задоринки. Мы знаем, что жандармскому полковнику Васильеву не повезло с подобными собраниями. Это — благодаря неумению поставить дело, думал Зубатов, и вот теперь он сам чуть не плачет от неудачи первого выхода, да и есть от чего.

Вернемся к началу предприятия.

вом же номере «Нар. Воли» (выходившего в России органа очень известной партии того же имени) была весьма «категорически» высказана та мысль, что при современных наших политических условиях работать в народе значит биться, как рыба об лед. «Нар. Воля» тогда же заявила, что она считает себя обязанной настойчиво повторять эту мысль, разделяя то мнение Прудона, что повторение служит незаменимым средством распространения истины. И она, действительно, «категорически» повторяла ее каждый раз, когда ей приходилось формулировать свой взгляд на практические задачи русских революционеров. И чем более распространялись в нашей революционной среде идеи «Партии Нар. Воли», тем более «категорическим» становилось отрицательное отношение ко всяким попыткам агитационной и организационной деятельности в крестьянстве. Это знает всякий, кто хоть немного знаком с историей нашего революционного движения. И это подтверждается «народовольческой» литературой. «Привлечение в организацию отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть,— говорит «Календарь Народной Воли», — конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы* совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов*.

Эти строки «достаточно ярко показывают», что «Партия Нар. Воли» смотрела на крестьянство как на quantité négligeable, как на чистый нуль в политическом отношении. Они показывают также — и не менее «ярко» — что если русская соц.-демократия в самом деле всегда смотрела на работу в крестьянской среде как на безусловно бесполезную трату революционных сил (мы еще посмотрим, в какой мере справедлив этот упрек), то в этом случае она совершенно сходилась со своей предшественницей, «Партией Нар. Воли», и что, следовательно, сваливать вину такого взгляда исключительно на русские соц.-демократические «программы и теории» значит жестоко искажать истину. «Р. Росс.» именно и предается такому искажению. Очень может быть, что она делает это совершенно неумышленно. Но невежество — плохое извинение.

Факты, приведенные нами, «достаточно ярко показывают» еще и то, что на лондонском международном социалистическом конгрессе представитель «Группы старых народовольцев» отнюдь не мог бы разойтись с русскими соц.-демократами по вопросу о своевременности революционной работы в крестьянской среде, если бы только он остался верен взглядам старой «Партии Нар. Воли».

* Речь идет о программе «Партии Нар. Воли».

* Календарь, стр. 129, примечание.

Пионерами зубатовщины в Петербурге являются: Горшков (работает на заводе Растеряева), Пикунов (на заводе Лемериха), Старожилов (на заводе Леснера), Устюжанин (тоже), Кузьмин (тоже), Солодовников (на Обуховском заводе), Соколов (московский рабочий, без дела, живет на средства моск. раб.), Егоров, Пахомов, Семенов, Одинцов. Хлопотали они об этом давно, и Горшков ездил в Москву знакомиться с этим делом и, очевидно, суть московских собраний понимает в духе Афанасьева. Как смотрит на это дело Соколов, мы знаем по его деятельности в Москве: он самый крайний и ярый ненавистник интеллигенции, и на первых же собраниях здесь он говорил против интеллигенции, причем, конечно, старался говорить так, что своя своих не познаша: приводит для примера какого-нибудь буржуа-прохвоста и потом называет его интеллигентом. При помощи таких примеров стараются зубатовцы натравить на истинную интеллигенцию, и им в этом деле помогают те же узкодумцы, иногда ради какого-либо крестика. Конечно, теперь уже и речи быть не может о том, что зубатовщину не всякий поймет сразу. Горшков резюмировал свою мысль на одном собрании так: «Мы обязаны передавать в руки полиции всех, кто противодействует нашему благому начинанию». Гг. Озеровы, поскребите в своей памяти, и вы, может быть, после подобных формулировок откровенно сознаетесь, что работали вместе с жандармами и в их же пользу — не будем говорить, что сознательно, но с профессора достаточно и этого! Пикунов говорил так: «Мы должны заручиться благоволением какой-либо высокопоставленной особы и защититься крестом и подойти под священную рясу». Мысль тоже очень понятная, и такой высокопоставленной особы, как министр внутренних дел г. Плеве и градоначальник Клейгельс, вполне достаточно, а в защите крестом и рясой может быть полезен хотя бы обер-плут, то бишь обер-прокурор святейшего синода г. Победоносцев или митрополит из Лавры. Оказалось, что петербургские товарищи не особенно хватаются за крест и священную рясу и говорят: «Ну, куда нам еще попов, мы и без них обойдемся». Насчет же высокопоставленной особы, то Слепов постарался стащить пионеров к г. Плеве, который «милостиво беседовал» или «выслушал благодарность рабочих за данное им разрешение собираться». Плохо только, что Слепов не выдержал роли до конца, и там же, оставив своих товарищей по представлению вне учреждения, сам отправился к какому-то чиновнику в этом же учреждении, якобы занять денег. Это породило неудовольствие против него, и по этому поводу следующее собрание много шумело, и шум кончился не в пользу Слепова; даже больше — раздор проник в среду самих организаторов-пионеров этого дела.

Да, и сторублевая лошадь спотыкается, говорит русская пословица. И самый ловкий и опытный враг русск. рев. соц.-дем. споткнулся, скажем мы. Представьте себе, что Зубатов призвал из Москвы самых опытных организаторов и самых влиятельных лиц из московских рабочих собраний, — лиц, которых московские рабочие послали на свои средства. И вдруг наши петербургские товарищи не только не питают к этим лицам уважения, но относятся с большим недоверием к их речам и действиям! И если некоторые товарищи не вполне точно понимают зубатовщину, то они инстинктивно чувствуют омерзительность истинной цели. Благодаря этому и вышло то, что самого главного зубатовского агента, Слепова, почти выгнали из собрания после того, как он пришел из общества Комаровых и Богдановичей (см. № 31 «Искры». Р е д.), очевидно, услышавши от них слова Александра III, что «Россия для русских». И как только Слепов произнес эту фразу, как ее тотчас же перефразировали и сказали: «А Петербург для петербуржцев, но не для москвичей, долой москвичей, вон их, вон отсюда!» И после этого Слепову не позволили говорить, и дело даже дошло до того, что было основание опасаться за кости господ Слеповых и Соколовых. И вот, когда Слепов доложил об этом Зубатову, то последний пришел в самое крайнее отчаяние, просто не знал, что ему предпринять, и остановился на старом способе, так часто выводившем его из затруднений. Призвал одного рабочего из сторонников этих собраний, только говорившего против Слепова и Соколова, предлагал ему жалованье и хорошее место и еще кое-что, только бы он согласился говорить за этих господ, т. е. за Соколова и Слепова. Рабочий отказывался и приводил в оправдание себя невозможность говорить з а них, когда только вчера говорил против. Злые языки говорят, что Зубатов горько плакал по своем детище... На отказ рабочего защищать этих

Делегат соц.-революционеров, может быть, высказался бы по этому вопросу в другом смысле. Но какое практическое значение мог бы иметь взгляд человека, представлявшего микроскопическую горсточку русских юношей, живших за границей?

Дальше. Перед нами лежит первая книжка «Вестн. Русской Революции», где в статье «Наша программа» (заметьте, читатель: п р о г р а м м а) мы встречаем следующие интересные строки:

«Каково должно быть наше отношение к крестьянству? Не забудем, что в числе политических приобретений, сделанных „Нар. Волей“ в период ее героической борьбы и завещанных ею русскому движению, был отрицательный взгляд на деревню как на исходную точку демократического переворота, как на инициативную силу революции. „Народная Воля“ подчеркивала важность общинных идеалов мужика, указывала на громадное значение аграрного вопроса для России. Но она не думала, чтобы революционная деятельность могла, по примеру прежних лет, искать отправного пункта для себя в деревне и непосредственно опереться на мужика. И, по нашему крайнему убеждению, с тех пор не произошло здесь ничего существенно нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда».

Редакция «Вестника» признает, что «возникновение сельской интеллигенции» сделало деревню доступнее для революционной пропаганды. Она не сомневается также в том, что «демократический переворот, начатый в центрах интеллигенцией и рабочими», был бы теперь более сознательно поддержан деревней. Но она твердо стоит на том, что инициатива переворота должна исходить от «рабочих и интеллигенции городов». И она думает, что неуместно было бы отделять революционные силы, работающие в городе, на пропаганду в деревне. Такое отделение «пока» представляется «операцией, решительно невыгодной, разбивающей дружный натиск революционной армии на самодержавие».

Эти строки тоже «достаточно ярко показывают», что если русские соц.-демократы и в самом деле провинились перед «мужиком» (а это, повторяем, покажет нам новая историческая справка), то вину их вполне разделяют люди, занимающие теперь очень видное место в «Партии Социал.-Рев.», и что этой партии очень полезно будет вспомнить слова медведя в басне «Зеркало и обезьяна»:

Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?

«Рев. Росс.» негодует на с'езд южно-русских соц.-дем. организаций, который состоялся «можно сказать, накануне грандиознейших крестьянских волнений на юге России» и который не нашел нужным заниматься крестьянским вопросом. Допустим, что ее негодование совершенно основательно, но вы помните, читатель, когда

господ Зубатов пообещал силой ввести их, на что рабочий ответил не менее грозно, что нельзя вводить силой, ибо тогда, чего доброго, разнесут вдребезги и их, и собрание, и ничего нельзя будет сделать. Вот когда оказалось, что с огнем шутить нельзя! Вот как обстоят дела Зубатова в данный момент, и есть от чего притти в отчаяние, особенно если взять во внимание необходимость считаться с режимом: говорить да не проговариваться. Совсем не то было в Москве, где Красивский и Игнатов говорили очень резко против капиталистов, разных «пиавок», как они выражались, против монтеров на железных дорогах и прибавляли при этом, что правительство, де, ничего не имеет против устранения «кровососов», словом, говорили очень красно, чем и ввели в заблуждение некоторых московских рабочих. Теперь же здесь в Петербурге совсем не то начинают говорить: против стачек, против социализма, против интеллигенции, а на этом далеко не уедешь, почему и приходится зубатовцам играть на национальных чувствах, разжигая страсти против иностранцев и других народностей, дабы отвести этим способом петербургских рабочих от политики против самодержавия. Что будет дальше, посмотрим, а пока нам пришлось наблюдать одни неудачные попытки его детища хоть как-нибудь встать на ноги в резиденции «Обмановых»[8]. Между прочим, довольно небезынтересно видеть способы зубатовщины. Когда Соколова исключили из членов общества, как шпиона, Слепову же не позволили говорить и ему ничего не оставалось делать, как уехать обратно в Москву, то Соколов — полагаем, по совету Зубатова — послал письмо в рабочее собрание, якобы писанное и посланное рабочими патронного завода. В этом письме мнимые рабочие патронного завода особенно защищают Соколова и просят не гнать его с собрания, потому что они его знают как очень хорошего человека. Только эта штука дела не поправила, и один из ораторов прямо указал, что письмо послал не кто иной, как сам Соколов, и почти все собрание было того же мнения, так как горячо защищало этого оратора.

Очевидно, самое интересное будет то, как опять перед рабочими, но теперь не перед московскими, а перед петербургскими, с трибуны появится буржуазная наука, и весьма, вероятно, что даже с примесью человеконенавистнической националистической окраски. Как поймут и как оценят ее петербургские товарищи? И от этого, думаем мы, зависит судьба дальнейшего зубатовского предприятия в Петербурге.

Петербургские рабочие.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н.-Новгород. В дополнение к корреспонденции, помещенной в № 29 нашей газеты, приводим еще небезынтересные данные о впечатлении, произведенном здешним судом над демонстрантами. Из одного письма:

«Нечего говорить о том, что полиция страшно боялась, что будет демонстрация перед судом. Штаты шпионов и конных были увеличены, всюду по городу число „скромных наблюдателей" увеличилось, околоточные и пристава разгуливали по городу в удвоенном количестве. Даже тюремный начальник стороной старался выведать у пришедших просить свидания с заключенными, не ожидается ли 28-го демонстрация. Но Комитет решил демонстрацию не устраивать, так как рассчитывать на большое количество участников было трудно (самый факт назначения суда был долго не известен и подготовить массу к пониманию этого факта не удалось: листок о суде вышел только за два дня до суда). Кроме того, наибольшая масса сознательной публики — в Сормове, которое лежит в шести верстах от города при очень неправильной переправе исключительно на пароходах. До суда были также выпущены листки, где говорилось, что Комитет демонстрации не устраивает.

«По городу было очень много разговоров о суде, по крайней мере в интеллигентных слоях целую неделю только об этом и говорили. Но и на конках, на улицах, особенно в дни суда (четыре дня) слышно было много толков об этом факте. Нечего и говорить, что отношение у всех было сочувственное. Во многих местах собирались деньги путем лотерей, подписки. В них принимали участие и

вышла первая книга «Вестника Русской Револ.»? Она вышла в июле 1901 года. Это тоже «можно сказать накануне» все тех же «грандиознейших крестьянских волнений». Мы знаем, что сказала — в своей программной статье — редакция «Вестника» по поводу крестьянского вопроса: она признала политическим приобретением уже известный нам отрицательный взгляд «Партии Нар. Воли» на деревню и «категорически» высказалась против направления в крестьянство хотя бы некоторой части революционных сил, работающих теперь в городах. Это очень ясно и совсем недвусмысленно. Казалось бы, что «Рев. Росс.» не могла пройти мимо такого заявления; казалось бы, что ей следовало обратить серьезное внимание на «политическое приобретение», унаследованное «Вестником Русской Рев.» от «Партии Нар. Воли» и рекомендуемое редакцией этого издания русским революционерам наших дней; казалось бы, наконец, что, обратив на это «приобретение» свое просвещенное внимание, она должна была отнести «течение», выраженное «Вестником», к числу тех «течений русской революц.-социалистической мысли», которые «категорически отрицали возможность и целесообразность работы в деревне». Но вышло совсем иначе. «Шпыняя» соц.-демократов, «Рев. Росс.» ни одним словом не обмолвилась о «Вестн. Русск. Рев.». Почему? Не потому ли, что ей неприятно было «на себя оборотиться»? Может быть. Но в таком случае где же справедливость?

Нам скажут, пожалуй, что редакция «Вестн. Р. Рев.» все-таки не совсем отрицала возможность и целесообразность работы в деревне, ведь она «горячо приветствовала, однако, пропаганду в деревне со стороны тех элементов, которые самым образом своих занятий прикреплены, так сказать, к ней» *. Вероятно, на основании этого горячего приветствования редакция «Вестника» сочла даже возможным сказать, что «ее отношение к земледельческому классу не основано на отрицании революционной деятельности в деревне», хотя «чуждо преувеличения результатов ее при теперешних условиях» **. Читатель подумает, может быть, что именно на этом основании «Рев. Росс.» и не зачислила редакции «Вестн.» по ведомству «тех течений русской революционно-социалистической мысли, которые...» и проч. и проч. Но в таком случае читатель ошибется. Дело в том, что, признавая желательность революционной пропаганды в крестьянстве со стороны революционных элементов, которые привязаны к деревне по своей профессии, редакция «Вестника» только повторила, в 1901 году, то, что сказано было шестнадцать лет тому назад в программе группы «Освобождение Труда», родоначальницы русской соц.-демократии. Стало быть, с этой стороны взгляд «Вестника» не отличается от взгляда указанной группы.

* «Вестн.», кн. I, назв. статья, стр. 12 — 13.
** Там же, стр. 13.

люди, кажется, по своему положению ничего общего с протестом и демонстрацией не имеющие.

«Обвиняемых привезли в суд в 4 часа утра в вагонах трамвая, по бокам которого скакали во весь опор конные, так как трамвай везли с быстротой молнии. Увезли их из суда в 2-3 ч. ночи, причем даже ночью немногих обывателей, случившихся на совершенно пустынной улице, полиция просила не останавливаться и итти дальше.

«В день суда на Покровке публику усиленно просили не замедлять шаги, а многих, шедших по той стороне улицы, где был суд, околоточные лаконически просили „перейти на другую сторону". И, как рассказывает один обыватель, „вспомнив, что у меня жена и дети, я покорно перешел на другую сторону".

«В общем, суд произвел очень хорошее впечатление. Он имел громадное агитационное значение. Среди рабочих очень интересуются им и речами товарищей. В Сормове говорят: „теперь мы не побоимся пойти на демонстрацию". Несомненно, что будущая демонстрация привлечет, вероятно, очень много народу; настроение очень бодрое, и все жаждут настоящего дела и борьбы».

Из другого письма:

«Еще накануне здание суда было основательно укреплено. Тщательно заколочено большинство выходов; у каждого из незаколоченных выходов поставлена сильная стража. В ночь перед судом в здание введен отряд солдат, который занял на все четыре дня одну из комнат канцелярии. На заднем (втором) дворе, невидимом с улицы, устроена засада из 60 городовых. В день суда, еще задолго до рассвета, обвиняемых под сильным конвоем привезли в вагоне электрического трамвая в здание суда. Снаружи в продолжение всех четырех дней заседания палаты здание охраняли высшие чины города да по улице растянулась линия бравых усачей, одетых в разнообразные штатские костюмы и вооруженных, неизвестно зачем, дворницкими метлами. Всеми этими приготовлениями распоряжался сам „генерал" (т. е. губернатор), который, как передавал один помощник пристава, „сам накануне прибыл в суд и долго там оставался, взволнованно осматривая все двери и отдавая приказания". Повидимому, ожидали демонстрации у здания суда, хотя прокламация, изданная Комитетом и разбросанная по всему городу в ночь на 28-е, заканчивается ясными словами: „Комитет уведомляет всех интересующихся, что им не будет предпринято никакой демонстрации 28 числа. Поэтому предлагаем всем, кто будет стоять в этот день у входа в суд или проходить мимо, держаться по возможности спокойно и осторожно, не произносить речей, не выкидывать флага, чтобы избегнуть напрасных жертв. Демонстрацию Комитет откладывает до другого случая". В день суда в городе чувствовалось какое-то особенное настроение, но демонстрации все же не было. Только на улице против суда гуляющей публики было более обыкновенного.

«Председательствовал старший председатель московской судебной палаты Попов. Защищали: Маклаков, Молянтович, Муравьев, Тесленко, из нижегородцев Ланин и др. В качестве свидетелей выступила теплая компания, состоящая из жандармов, чинов полиции, сыщиков, провокаторов. Пустынные комнаты сильно укрепленного здания, шныряющая свора „свидетелей" — создавали обстановку застенка. Кажется, сановные судьи, убеленные сединами старики и в особенности сословные представители чувствовали себя неловко в такой обстановке и в такой роли. С первых же шагов свидетели обнаружили свою ценность как свидетелей. На вопрос председателя: „не имеете ли еще чего сказать, свидетель?" один жандармский унтерофицер, не подумав, брякнул по-военному: „Никак нет, больше сказать не приказано". За ним выступил помощник пристава. Прежде чем ответить на заданный вопрос, он вынул из кармана записку, развернул ее и по ней стал читать свой ответ, причем все сразу почувствовали близкое сходство его показаний с текстом обвинительного акта. „Почему вы читаете по записке?" — спросили его. „На память не могу", был ответ. Когда свидетеля ловили и уличали в подтасовке, он отказывался дальше говорить, ссылаясь на служебные тайны. Вот диалог, образец своеобразного отношения свидетелей к законному судебному допросу. Передаю не дословно, но почти точно:

«З а щ. Свидетель, скажите, в то время, к которому относятся ваши показания, вы состояли агентом жандармского управления? — С в и д. (говоривший с апломбом на вопросы прокурора). Я этого не могу ответить. — З а щ. Очень хорошо. Может быть, вы можете ответить, не получали ли вы тогда наград от жанд. упр.? — С в и д. мол-

---

И если уж миловать редакцию «Вестника», то надо было помиловать и группу. А «Рев. Росс.» не только не милует этой группы, но кидает в ее огород камушек презрительной иронии, замечая, что некоторые из «течений», сбитых с толку своими «теориями и программами», в лучшем случае допускали работу в крестьянстве «лишь для лиц, силою обстоятельств прикрепленных к деревне». Ясно, стало быть, что такое допущение не составляет в ее глазах даже и самомалейшего смягчающего обстоятельства. Но тогда почему же щадит она «Вестн. Русск. Рев.»? Не потому ли, что она предпочитает «считать кумушек»? Очень на то похоже!

Правда, в эпоху появления первой книжки «Вестн. Русской Революции» этот журнал еще не был официальным органом «социалистов-революционеров». Его об'явили таковым лишь впоследствии. Но впоследствии его редакция нигде и ничего не сообщала своим читателям о том, что она изменила свой взгляд на «политическое приобретение», сделанное «Партией Нар. Воли». Приходится думать поэтому, что она и теперь очень дорожит им. А из этого следует, что ее и до сих пор надо относить к числу тех «течений», которые так строго осуждаются «Рев. Росс.» за их отрицательное отношение к деревне.

Это — довольно интересный вывод. А еще более интересен следующий. «Рев. Росс.» говорит, что «Партия соц.-революционеров и те организации, которые об'единились с ней, в с е г д а (курсив «Рев. Росс.») ставили одной из основных задач своей деятельности — революционизирование деревни». Теперь оказывается, что это неправда, по крайней мере в применении к той группе, которой принадлежал почин издания «Вестн. Русск. Рев.»: эта группа, очевидно, н и к о г д а (курсив наш) не относила работы в крестьянстве к числу «основных задач» своей деятельности. Так пишут историю!

Но и это еще не все. Если п и с а н а я и с т о р и я отличается подчас некоторыми странностями, то д е й с т в и т е л ь н а я и с т о р и я идет иногда совершенно невероятными путями, как это было засвидетельствовано еще покойным Тихомировым в покойном «Вестн. Нар. Воли».

Указывая на известное нам «политическое приобретение», сделанное «Нар. Вол.», редакция «Вестн. Русск. Рев.» утверждала, как мы видели, что и до сих пор — т. е. до июля 1901 года — «не произошло здесь (т. е. в деревне) ничего существенно нового, что заставило бы нас отказаться от такого взгляда», т. е. от того же «приобретения». Не видя этого нового, она думала, что нецелесообразно отделять часть революц. сил на пропаганду в деревне. А новое, оказывается, давно уже было. Соц.-революционеры,—как мы узнаем это из «Рев. Росс.»,— деятельно работали в крестьянской среде. «Во многих местах отзывчивость крестьян превосходила самые смелые надежды революционеров». И скоро «обнаружилось, что

чит. — Предс. Свидетель, по закону вы обязаны отвечать не только на вопросы обвинения, но и на вопросы защиты. Свид. молчит. — Защ. Скажите в таком случае, не вы ли это давали тогда такому-то нелегальную брошюрку? — Свид. Да. — Защ. Очень хорошо. Скажите, не являлось ли как бы вашим постоянным занятием давать товарищам нелегальные брошюрки? — Прок. Я не понимаю подобных вопросов! — Предс. Нет, вопрос задан понятно. Г. Защитник спрашивает свидетеля: не являлась ли его постоянным занятием раздача нелегальных брошюр? — Свид. Не могу ответить.

«С первых шагов ясно чувствовалось, что суд одна только пошлая комедия. Одно время даже казалось, что сам председатель (70-летний чиновник) почувствовал бесконечную разницу между высокой степенью личного достоинства обвиняемых и ярко бьющей в глаза низостью свидетелей. Так, когда обвиняемый Быков (оправданный) рассказывал длинную историю, как его подкупали, склоняя к доносу на товарищей, как грозили арестом, как потом осуществили угрозу, как безобразно обращались во время заключения, как после этого опять приступили к подкупу,— председатель спросил: „Вы говорите, вам потом опять предлагали 200 р. единовременно?“ — Да. — „Вы, конечно, отказались?“, и слово „конечно“ было так сказано, что ответ сам собою вылился: конечно, я живу честным трудом.

«Речи сормовских рабочих вам известны, поэтому сообщаю только кратко и притом далеко не дословно содержание речей интеллигентов в процессе 5 мая. Моисеев проводил, между прочим, параллель между Россией до падения крепостного права и Россией теперь. Как тогда всякое благое намерение, всякая попытка облегчить участь обездоленного народа разбивались об одно и то же препятствие — крепостное право еще не отменено, так и теперь: самодержавие еще не свергнуто. Самая простая, естественная логика, самая жизнь ежедневно и ежечасно толкает на этот простой и ясный выход из всех затруднений... Далее Моисеев рассказал подробно о том, как пришел к теперешним убеждениям, и закончил речь словами, что он убежденный, сознательный революционер, что делу борьбы с самодержавием он посвятил свою жизнь и, куда бы ни послал его приговор суда, всюду его заветным, святым желанием будет: „Да здравствует политическая свобода, долой самодержавие!“ Последние слова оратор произнес громко и ими закончил одночасовую речь. — Доброхотова вспомнила Ветровскую историю, 4 марта, голод в Самарской губернии и помощь правительства голодающим, выражавшуюся в том, что чиновники пили шампанское на деньги Кр. Креста, говорила о своей жизни за границей, провела параллель между уважением личности там и у нас. — Синева говорила о положении просвещения и печати. Закончила горячо. Приблизительно так: „Я не боюсь никаких кар, никакого наказания, какое только придумает мне суд, потому что я твердо верю, что самодержавие будет свергнуто и политическая свобода восторжествует!“ — Дертев говорил о русском духовенстве и о преподавании в семинариях и высших учебных заведениях.

«Речи произвели, повидимому, на всех сильнейшее впечатление. Председатель почти не прерывал обвиняемых, иногда даже задавая вопросы и останавливая только тогда, когда ораторы, по его мнению, повторялись. Обрывал только часто Дертева, и то, повидимому, потому, что его хотели оправдать за неимением улик.

«Защитник Ланин угадал, повидимому, общее настроение залы. Дрожащим голосом он говорил с большою искренностью. — „Я, гг. судьи, уже старик, совсем седой. Вы тоже. Нам уже недолго жить. Перед нами же лучшая, симпатичная молодежь. Ей еще предстоит долгая жизнь, которую мы сейчас готовимся искалечить своими приговорами. Подумаем же теперь, чем живет эта молодежь, что она чувствует *. Ведь, в сущности, все мы, вы, гг. судьи, вы, г. прокурор, и вы, гг. защитники, спутаны с ними толстейшими веревками. Мы читали те же книги, воспитывались на тех же идеях, выросли в той же обстановке, в той же атмосфере. Только то, что у нас остается в голове, то у молодежи неизбежно переходит в дело. Ее ли вина, что она честна, искренна, самоотверженна, что она не так „благоразумна“ и осторожна, как мы, старики...“ Речь Ланина привожу далеко не дословно, но за общий тон ее ручаюсь вполне. Его речь еще усилила впечатление от всего процесса и, несомненно, усилила неловкое чувство судей. И, правда, что им было делать? Ясно было,

* Ланин выступал по делу 5 мая, и потому речь его относилась только к интеллигентам.

работа в деревне требует более широкой постановки, которая была уже не под силу отдельным лицам и кружкам», и потому «идея о необходимости и неотложности работы в крестьянстве охватывала все большие круги революционных деятелей, не удовлетворявшихся соц.-демократической постановкой вопроса». А редакция «Вестн. Русск. Рев.» ровнехонько ничего об этом не знала! Разве это не поразительно? И впоследствии, когда «Вестник» сделался органом «Партии Соц.-Революционеров», его редакция не сочла нужным открыто покаяться в том, что она совершенно даже и не подозревала столь плодотворной деятельности тех самых элементов, из соединения которых составилась ее новая партия. Разве это не изумительно?

Но известно, что невежество — вовсе не доказательство. Если редакция «Вестн. Русск. Рев.» ничего не знала о засвидетельствованных «Рев. Росс.» и поистине невероятных успехах соц.-революционеров в крестьянской среде, то успехи эти все-таки существовали — разве «Вестн. Р. Р.» осмелится усомниться в этом? — и росли не по дням, а по часам. Со времени об'единения соц.-рев. в одну партию дело пошло поистине гигантскими шагами. В качестве увенчания здания возник недавно «Крестьянский Союз», опубликовавший воззвание: «Ко всем работникам революционного социализма в России», чрезвычайно замечательное тем, что оно написано слогом передовых статей «Р. Р.». Это важное обстоятельство «ярко» доказывает, что упомянутые статьи производят на крестьянские умы не только сильное, но прямо неизгладимое впечатление. И это, разумеется, прекрасно. Но плохо то, что, ослепленная невероятными успехами своей партии, «Рев. Росс.» совсем, как видно, позабыла историю революционной мысли в России.

Мы напомнили ей эту историю, поскольку она касается «Партии Нар. Воли», и группы, начавшей издание «Вестника Русск. Рев.». Мы скоро напомним ей и историю отношений к «земледельческому классу» русской соц.-демократии. Но предварительно нам нужно определить, в чем именно понятие: пролетарий отличается от понятия: крестьянин. Такое выяснение необходимо именно затем, чтобы мы могли точнее определить наши практические задачи в крестьянстве.

[Г. Плеханов]

что все хотели оправдать побольше человек, хотели высказать побольше мягкости, но... разумеется, в пределах законности и применительно... В совещательной комнате, по слухам, судьи в недоумении разводили руками. Ведь если судить по закону за все то, что наговорили на себя обвиняемые, — их надо приговорить чуть ли не к смертной казни, а если судить по совести... то при чем останутся законы? Кончилось не оправданием и не „всей строгостью закона", а чем-то средним, что, очевидно, было указано сверху.

«Нижегородский суд оказал революционному делу громадную услугу. Посредством суда правительство само дало революционерам редкий случай одержать громадную моральную победу. На сцене суда фигурировало гнусное и грязное насилие (свидетели), слабое, колеблющееся правосудие (судьи) и смелые, чистые, сильные духом представители светлой и жизненной идеи — обвиняемые. Казалось, точно нарочно создали такой черный, грязный фон из отрепьев старой, отживающей России с острым полицейски-шпионским букетом, нарочно поставили дряхлых статистов-судей, чтобы выделить, поднять представителей молодой и честной России, чтобы контраст был больше, чтобы моральная победа была сильнее. Как ни дорого куплена победа, мы можем быть довольны судом, а обвиненным товарищам он дал такое наглядное нравственное удовлетворение, какое редко кому из ссылаемых приходится переживать».

Из частного письма одной из осужденных за саратовскую демонстрацию. «...Скажу несколько слов о своем положении. 7 ноября меня осудили по процессу о саратовской демонстрации на поселение с лишением прав и навечно. Конечно, ничего не бывает вечного, и я в это не верю, но все же, когда произносится это слово, то что-то скребет на сердце. Человек — удивительное существо, он больше всего боится страшных слов. Вот и слова „вечно" и „никогда" имеют какую-то магическую власть над его душой, вопреки всем доводам рассудка. Я теперь сижу в Саратовской тюрьме и дожидаюсь утверждения приговора, так как, вероятно, будет еще кассация нашего дела, то отправимся в Сибирь только весной. На поселение нас всех осуждено семь человек: четверо мужчин и три женщины. Процесс наш длился три дня, и эти три дня, я думаю, навсегда оставят глубокий след в моей жизни. Все это время мы жили какой-то особенной жизнью; все время оставались в страшном напряжении все чувства, когда следили за состязанием сторон, потом, когда произносились прекрасные речи защитниками. Вообще, все время этот открытый и резкий контраст и противоположение двух лагерей. Даже свидетели делились прокуратурой на „наших" и „ваших", — с одной стороны, выступили чины полиции, агенты тайной полиции и чины жандармерии, а с другой — интеллигентная публика — фельдшерицы, статистики, поднадзорные; некоторые свидетели были раньше арестованы и приводились под конвоем в залу суда. И знаете, как хорошо было чувствовать все время, что на нашей стороне правда и свет, а на той?.. Она олицетворяется теперь для меня в образе мрачного сифилитика, агента тайной полиции Куприанова, с отталкивающей физиономией и с шипящим и свистящим голосом, и злобного жандарма Гринюшина, который сорвал на демонстрации шляпу с одной девицы и на суде со злобой заявил, что в ту пору следовало бы и кофту сорвать. а когда он сказал, что демонстранты пели: „Вставай, подымайся, черный народ!", то должен был перевести дух от душившего его злопыхательства. И вот, мне казалось тогда, что и сами судьи (у которых, конечно, еще не совсем заглохло все человеческое под сословными предрассудками и страхом начальства) чувствовали, что мы правы, что, осуждая нас, они являются поборниками той тьмы, из которой выползли Куприанов, Гринюшин. Когда подсудимые стали говорить свои последние слова, я не могла удержаться и сказала, что разделяю их убеждения. Может быть, за это только меня и осудили, ибо я не была на демонстрации, и это было доказано свидетелями. За одно слово иду на поселение, но я не жалею и не раскаиваюсь в этом».

Из студенческой жизни. Под таким заглавием поместил «Киевский Соц.-Дем. Листок № 1» (изд. Киевск. Ком. Росс. С.-Д. Р. П.) заметку о чествовании памяти Балмашева 4 ноября. «В обоих учебных заведениях,— читаем мы о Политехн. инст. и Университете, — в этот день раздавалось революционное пение. Взволнованное воспоминаниями, студенчество торжественным шествием по старинному зданию николаевской постройки заставило умолкнуть казенные лекции, замалчивающие правду жизни. Шесть студентов университета, по желанию министра, преданы за это теперь суду, состоящему из их же учителей, под председательством проф. Гуляева, к тому же и члена окружного суда. Один из судей, профессор Чернов, допрашивая 25 ноября обвиняемых, ставил им вопрос, не пели ли они 4 ноября революционных песен в пьяном виде? Вот как профессора относятся к лучшим чувствам своих учеников. Понятно, что суд этот может повести к новым демонстрациям. — Признавая за студенческим движением политическое значение, мы предполагаем в нашем „Листке" следить за его развитием в Киеве и знакомить социал-демократов с сущностью его. Одних, подобно Балмашеву, студенческое движение наталкивает на мысль о покушении, как единственном способе борьбы с нашим чудовищным самодержавным строем; на ту же мысль наталкиваются представители различных классов русского народа, и покушения тем чаще будут повторяться, чем свирепее и невыносимее будет становиться гнет царского правительства. Другие студенты в борьбе за политическую свободу приходят к уверенности, что, только примкнувши к рабочему классу, организованному в партию, они достигнут своей цели. Признавая путь политических убийств ложным, способным завести русскую революцию в тупой угол отчаянного, но геройского единоборства с царизмом кучки революционеров, мы считаем увлечение террором опасной помехой для роста социал-демократии. — Однако для нас, социал-демократов, чуткий, самоотверженный революционер Балмашев, не видевший иного исхода из окружающего зла, должен быть близок и понятен своею жаждой свободы и справедливости, своею решимостью, своею ненавистью к угнетателям русского народа. Этот бесстрашный мститель вдвойне нам близок, так как незадолго до покушения на Сипягина он просил Киевский Комитет о принятии его в соц.-дем. партию».

Обращаем внимание читателей на это последнее заявление, бросающее некоторый свет на «спорный» вопрос о так называемой «боевой организации» социал-революционеров.

С.-Петербург. На-днях здесь, в стенах дворянского собрания, как пишут, был дан студенческий благотворительный концерт, окончившийся демонстрацией в память убитых в Ростове и станции Тихорецкой. Дело было так. На эстраде появились студенты и стали петь, затем появилась артистка Яворская, продекламировавшая несколько стихотворений. Должны были начаться танцы, играла музыка, но она была внезапно заглушена громким, стройным, заунывным общим пением «вечной памяти» погибшим ростовцам и на Тихорецкой. К этому времени явилось полчище конных жандармов и пеших городовых. Кончилось тем, что всех присутствовавших конвоировали и развели по домам. Говорят, были большие аресты.

Буржуазное самоуправление в когтях у двуглавого орла. Русский царизм, всегда подозрительный к разумным начинаниям своих «подданных», относится вдвое подозрительнее к тому, что исходит от обитателей имперских окраин. Между тифлисской городской думой и главноначальствующим (ныне кн. Голицын) идет постоянная война, в которой последнее слово («цыц»), конечно, всегда остается за помпадуром, но, вместе с тем, после каждой схватки среди здешнего населения растет негодование и возмущение против самодержавных порядков.

Школьное дело в Тифлисе находилось до сих пор в руках Училищного Комитета, состоящего при городской думе в качестве довольно самостоятельного органа. Введенное «миротворцем» Городовое положение 1892 г. упразднило Комитеты, как независимые от городской управы

органы, заменив их подчиненными управе комиссиями. Либеральная тифлисская дума до последнего времени оставляла неизменным старый порядок. Член управы г. Шестаков, один из тех представителей «самоуправления», которые делают себе карьеру путем забегания перед администрацией, вступив за смертью головы во временное исправление его должности, счел нужным донести кн. Голицыну о незаконном существовании Училищного Комитета. В бумаге, адресованной губернатором управе по этому поводу, значилось: «на основании ваших донесений... предлагается упразднить Комитет». Управа заявила, что она донесений не делала и передала вопрос в думу. В думе произошло бурное заседание, г. Шестакова многие гласные публично обозвали «доносчиком» и требовали пред'явления текста его донесения. Г. Шестаков от этого уклонился и, в качестве председателя, закрыл бурное заседание.

По поводу этой истории, имевшей место в сентябре, местная социал-демократическая группа выпустила прокламацию на армянском и русском языках под заглавием: «Самодержавная лапа в городской думе».

Гродно. В здешнюю тюрьму привезли из Одессы 15 человек политических, участвовавших в тамошнем бунте. Положение их отвратительно прямо до ужаса. Тюремное начальство обходится с ними в высшей степени грубо; дело не обходится без издевательств со стороны сторожей.

Всех заключенных бреют еженедельно; во время процесса бритья сторожа завязывают арестантам руки за спину и тогда только, убедившись, что заключенный не имеет возможности оказывать сопротивление, приступают к этой операции. До сих пор бритье (для политических), сколько нам известно, не практиковалось даже на этапных пунктах по всему сибирскому тракту. Заключенные (преимущественно молодые люди) неоднократно выражали свой протест. Их родные заявляли об этом товарищу прокурора и губернатору, но на все заявления следовал один ответ: «Не ваше дело нас учить; мы имеем право (?) брить и бреем. Не мы виноваты, что мальчишкам не нравится закон, дающий нам на это право».

Некоторые из заключенных (они сидят 11 месяцев) начали голодовку, об'явив, что перестанут голодать только в случае отмены бритья. В случае же, если к ним будут применены меры искусственного кормления, они покончат с собой. Когда об этом доложили помпадуру г. Гродно, то он, с истинно христианским смирением, сказал: «Что же, в жизни и смерти волен только один бог».

Затруднительное положение администратора или кто управляет в России. Черниговский губернатор Андреевский, узнав, что в одном из уездных комитетов высказываются очень либерально, шлет циркуляр исправнику, с приказанием немедленно донести, кто и о чем говорил. Циркуляр пришел после закрытия заседаний комитета. Исправник поручает своему помощнику собрать нужные сведения. Помощник, добродушный хохол, поставленный в затруднительное положение, почесав затылок, только и мог сказать: «Ну ще его робить, Витте каже, чтоб увсе казали, Плеве каже, что нельзя, да чего ж доси мовчал Андреевский?»

Ставрополь-Кавказский. Весь ноябрь месяц в местной реальной и классической гимназии среди воспитанников этих учебных заведений происходило сильное брожение, которое переполошило не только начальство этих учебных заведений, но доставило немало «бессонных ночей» и губернской полицейской администрации, во главе с местным жандармским ротмистром Скальковским. Дело началось со следующего. На квартиру местного учителя словесности Россикова было совершено «вооруженное нападение». Стреляли холостыми. Этот факт напугал начальство гимназии настолько, что оно боялось показываться по вечерам на улицах. Подозрение пало, конечно, на гимназистов, так как Россиков немало испортил жизней гимназистов своим особенно ретивым «опеканием». Лица, напавшие на квартиру педагога, были загримированы и переодеты. В тот же день, вечером, были выбиты стекла в квартире директора гимназии Мельникова-Разведенкова, в квартире инспектора Лорионова, недавно переведенного в Ставрополь из Екатеринодара. Кроме этого, одного педагога, Кониева, только что окончившего университет и прозванного гимназистами «джигитуй нога», измяли так в этот вечер, что он недели две не показывал своих «очей» в гимназию. Возле бань в тот же вечер новобранцы избили четырех педагогов. Но на этих событиях не окончилось брожение, оно перенеслось в стены гимназий. Так, на другой день после описанного, гимназистами старших классов (реального и классического отделений) были взяты под носом у инспектора кондуитные журналы, которые и были сожжены. Об'ясняют происходившее «празднованием годовщины 6 ноября». Для того, чтобы найти подоплеку описанных событий, я должен остановиться подробно на прошлогодних ставропольских гимназических волнениях. Такие волнения неизбежны, покуда царит бюрократизм и самодержавие, накладывающие и на наши гимназии специфическую печать зачумленности, вытравливающие из школы всякую независимую мысль. Педагогов, с особенным усердием калечащих мысль и душу своих питомцев, особенно много в далеких провинциях, где и даровитый наш писатель Антон Чехов взял несомненно своего «человека в футляре». Таких экземпляров много и в ставропольской гимназии. Достаточно только указать на бывшего директора гимназии Гнипова, чтобы притти в ужас от того, кого только ни назначает в руководители юношества наше выродившееся самодержавно-бюрократическое правительство, боящееся, как огня, всякого свободного слова, всякой свободной мысли.

На Гнипова было несколько покушений со стороны воспитанников за 25-летнее его правление гимназией. Этот циничный представитель катковского классического режима прилагал все свои старания, чтобы сделать из гимназии военные казармы, а из воспитанников «преданных царю и отечеству» раболепных слуг. Он не останавливался ни перед чем. Для того, чтобы вытравить из гимназии «душу живу», он часто прибегал к трогательному единению с представителями жандармского застенка. Но в прошлом 1901 г., когда стеснения гимназистов дошли до геркулесовых столбов, особенно живущих в пансионе, старшие классы гимназии решили протестовать. Дело было осенью. Гимназистов, как пансионеров, так и приходящих, Гнипов решил совершенно не пускать в театр, а пансионеров кроме того в отпуск, так как де они «на свободе» набираются «преступных идей». Боязнь «крамольных идей» особенно усилилась у Гнипова после того, как он узнал через своих фискалов, что в гимназии читаются революц. издания, и после того, как в седьмом классе после ухода из классов был найден № 1 «Искры», ходивший, как говорят, во время уроков по рукам. Гнипов решил «пресечь крамолу» посредством замуравливания в четырех стенах своих воспитанников. Но воспитанники решили протестовать. К этому еще присоединились и другие стеснения. Всех водили гулять по парам, под неослабным наблюдением педелей и благонадежных учителей, имеющих «сыскной образ мыслей и нюх». В отпуск из пансиона пускали только тех, кто имел родных, а остальных пускали только в праздники на 1 час по 4 человека из класса по алфавиту. В театр, как я сказал, запретили всем ходить. Особенно против театра восстал законоучитель, очень ехидный поп, которого даже из семинарии прогнали за тайную продажу казенных сухарей и по этой причине его прозвали «сухарником». Чтобы отвлечь от театра, поп этот, Петр Руткевич, советовал директору под праздники устраивать чтения «божественного характера». Помимо этого пансионеров кормили какой-то дрянью: картофель, например, терял свой природный запах и получал запах стеарина. Тараканы, мухи и тому подобные насекомые в пище — это обыкновенная вещь. Жизнь в гимназическом пансионе превратилась в целую систему исправительных испытаний, каждый шаг регламентировался целой сетью заведенных шпионов, как в пансионе из среды воспитанников, так и за стенами гимназии. «Сердечное попечение» выразилось в том, что Гнипов, желая «итти рука об руку с родителями», предложил им взять на себя обязанности шпионов, так как де для осуществления «сердечного попечения» не хватает педелей. Словом, «сердечное попечение» здесь приняло форму

усовершенствованного сыска и ежевых рукавиц, как и следовало, впрочем, ожидать.

Собравшись вместе, гимназисты выработали форму протеста против хлынувшей на них волны «сердечных попечений». Они потребовали на поданной Гнипову бумаге: чтобы отпусками пользовались все каждый день от обеда до первых занятий, т. е. от 4 до 6 ч. вечера, без педелей и дядек, и в праздники на целый день, чтобы пользование театром не было обставлено никакими «усмотрениями начальства», а было доступно всякому гимназисту без разрешения на это начальства. А чтобы устранить злоупотребления на кухне, гимназисты потребовали присутствия в кухне выборных из своей же среды. Все эти требования и еще несколько других подали директору Гнипову 1 ноября 1901 г. Прошла неделя, а ответа все нет, как нет. Тогда 6 ноября все старшие классы собрались в сборный зал и потребовали для об'яснения к себе директора Гнипова. Директор вышел, но остался около двери учительской. Дальше Гнипов не решался подойти, а передал через инспектора, что разговаривать с «бунтовщиками» не будет. В это время кто-то из гимназистов закричал, что Гнипов назвал их толпой негодяев. Недолго думая, кто-то из толпы бросил камень в окно, после чего начался настоящий разгром гимназического зала. Все это продолжалось до 2 ч. ночи. Испуганный директор и педагоги на другой день дали знать полиции и жандармерии, которые начали «сыск» по всем правилам застеночного искусства, с целью найти «корни и нити». Между тем беспорядки в гимназии все продолжались и принимали угрожающий характер. Тогда телеграммой был вызван попечитель Кавказского Округа Завадский, который и приказал удовлетворить требования гимназистов. Искали подстрекателей «со стороны», но неудачно, поиски были основаны на песце. После от'езда Завадского, беспорядки не прекращались, так как Гнипов гнул свою линию: он пользовался благоволением свыше и прерогативами, как самый опытный и нужный педагог-инквизитор. Гимназисты стали ему бить окна, тогда Гнипов сдался, удовлетворил требования, но зато сам бежал ночью из Ставрополя неизвестно куда. Исчезновение директора произвело в городе сильное впечатление. Оказалось потом, что он подал в отставку, не имея сил дальше бороться с гимназической «крамолой». После него гимназисты было вздохнули свободно, тем более, что наместник Гнипова был под влиянием Ванновского. Но потом, когда пошли другие веяния, то новый директор вспомнил «гниповское время» и стал прибирать вожжи к рукам довольно круто. И вот гимназисты 6 ноября этого года вспомнили также и свой прошлогодний протест.

[Л. С. Федорченко]

Харьковский союз учащихся прислал нам свою прокламацию «Ко всем учащимся средних учебных заведений Харькова» (сентябрь 1902 г.) и три номера «Летучего Листка» вместе со след. письмом: «В мае месяце 1902 г. было издано и распространено в довольно большом количестве воззвание с призывом к устройству ученических организаций средних школ, как безусловно необходимого противодействия губительному влиянию школьной жизни. Воззвание это было подписано „Организационный кружок харьковских учащихся“. С начала настоящего учебного года кружок этот деятельно принялся за устройство предполагаемой им организации и, встретив со стороны многих своих товарищей очень сочувственное отношение к затеваемому делу, быстро привлек к себе довольно многочисленные силы. В настоящее время эта организация, принявшая название „Харьковского Союза Учащихся“, об'единяет деятельность значительного количества кружков и все средне-учебные заведения г. Харькова. Союз выпустил три номера „Летучего Листка“, за ноябрь и декабрь месяцы, из которых каждый расходился в количестве 400—500 экз. В № 2 помещена выработанная Союзом программа его деятельности, или, вернее, направления его деятельности. Констатируя, в конечном результате, значительные успехи, которых ему удалось достигнуть, Союз не может не упомянуть о том сочувственном отношении и поддержке, которые он встретил со стороны местных революционных организаций. Союз приносит свою искреннюю благодарность всем, оказавшим ему помощь в трудном для него сначала деле, и надеется, что эта помощь не пропадет даром. Союз приложит все усилия к тому, чтобы выработать из своих членов убежденных и стойких борцов за идеи социализма».

Из статьи № 2 «Листка» «Наша программа» отметим след., вполне справедливое, место: «Нам, товарищи, надо держаться с величайшей осторожностью и хранить все дела в Союзе в строгой тайне. Наша работа исключительно подготовительная»... От души желаем успеха «Союзу» в этой серьезной работе. В № 3 «Листка» сообщается о глупом и позорном факте исключения ученика VI кл. Иваницкого, который «оказался, к величайшему нашему удивлению» (пишет «Союз»), редактором «Листка». Сознавая свой промах, педагоги-сыщики (ярость их по поводу удачного выхода и распространения «Листка» безгранична) обеляют себя в глазах общества тем, что Иваницкого, мол, не «уволили», а «посоветовали (!) ему выйти из гимназии».

Владикавказ. Почти одновременно с празднованием протеста 6 ноября в ставропольской гимназии, во Владикавказе, в реальном училище, учащиеся также обнаружили тенденцию к протесту. Так, в начале ноября они разгромили весь пансион, разнесли все в стенах училища и все повыкидывали на улицу. Мебель, стекла — все перебито. Директор училища, как говорят, застрелился. (? Ред.) Причины волнений во владикавказском реальном училище: сырое белье пансионерам, отвратительная пища и скверное обращение с учащимися.

Одесса. У нас недавно был провал в трактире «Орле» (что на углу Б. Арнаутской и Треугольной улиц). Арестовано 19 чел. Имена всех пока не известны, кроме одного Айзенберга (интелл.), при котором найдены были революционные рукописи. При всех остальных найдена нелегальная литература, приблизительно, как говорят, около десяти фунтов. Все арестованы. Трактир закрыт. Арестован Кричевский (инт.). При нем найдено 120 экз. брошюр Дикштейна «Кто чем живет». Обыск и арест случайный. В том доме, где лежала литература, произошла кража у околоточного надзирателя, живущего там же. Надзиратель начал обыскивать всех жильцов дома. Кричевский, желая спасти литературу, обложил себя всеми 120 экз. Дикштейна и вышел со двора. Это заметил дворник и при первом городовом арестовал его. Кричевский болен чахоткой; говорят, что он не в силах подняться с койки, — до того его положение плохо.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Саратов (из частного письма). ... «Здесь происходит теперь сессия Саратовской Суд. Палаты, которая разбирает некоторые интересные дела. Между прочим, 16-го разбирается дело по обвинению 15 крестьян д. Федоровки, Кирсановского уезда, в том, что они силой попытались воспрепятствовать исполнению судебного приговора над их общественником Цидиленковым. По приказу министра юстиции дело это слушается при закрытых дверях, след., в печать об этом ничего не попадет. В нем есть некоторые любопытные подробности. В двух словах, суть в следующем. Среди земли, принадлежащей федоровцам, есть кусок в 70 дес., принадлежащий княг. Барятинской. Землю эту крестьяне арендовали у княгини. Почему-то вышло так, что несколько лет под-ряд они пользовались этой землей, но обычной платы в виде земледельческих работ (барщина!) не давали. Среди них распространилась мысль, что земля эта принадлежит им, а княгиня владеет ею неправильно. Началось у них с княгиней судебное дело, которое, конечно, было крестьянами проиграно. Поверенными крестьян были Цидиленков и Гаврюшкин. В одной из бумаг, которые они подали в суд, они употребили невежливые выражения, вроде того, что назвали одного судью глупым. За это Гаврюшкин и Цидиленков были преданы уголовному суду за оскорбление и приговорены к ничтожному наказанию — не более двух недель ареста. Но до этого суда и без всякого суда их

постигла большая неприятность: кирсановский исправник решил, что эти поверенные — люди опасные, могущие произвести смуту и волнения. Результатом этого решения вышло то, что оба они были высланы административным порядком в Балашов. Цидиленков был отправлен туда этапным порядком из Петербурга, куда он отправился хлопотать по делу своих однообщественников. После того, как состоялся над поверенными уголовный суд, они ушли к себе в деревню, и крестьяне решили не выдавать их, по всей вероятности, зная, что, кроме двух недель ареста, им предстоит еще административная ссылка. Исправник же, чтобы захватить их и сослать, решил воспользоваться состоявшимся над ними приговором об аресте и внушал крестьянам, что Цидиленков и Гаврюшкин должны отбыть наказание, наложенное на них по суду, и чтобы поэтому их выдали. Но крестьяне упорствовали. После долгих убеждений Гаврюшкин, наконец, согласился подвергнуться аресту и ссылке. Цидиленкова же три раза безуспешно пытались арестовать: всякий раз крестьяне собирались толпой и прогоняли урядников. Наконец, им удалось обманом, при помощи решительных людей, т. е. мелких воришек (по выражению урядника), захватить Цидиленкова. На время до отхода поезда (дело происходит около станции Краснослободск) урядники поместили Цидиленкова в доме управляющего на хуторе Барятинской. Крестьяне деревни Федоровки моментально узнали об этом и, собравшись толпой чел. в сто, явились на хутор, потребовали освобождения и, когда урядники медлили, стали ломать окна, кидать поленьями и т. д. Урядники испугались и выпустили Цидиленкова, которого крестьяне с песнями и криками „ура“ повезли с торжеством к себе. Через неделю в Федоровку прибыл губернатор с двумя ротами солдат и, после долгих и напрасных убеждений, арестовал человек 15 „зачинщиков“ и Цидиленкова. Крестьяне об'явили, что они все освобождали и защищали Ц., и требовали, чтобы арестовали их всех. Исправник обещал им это, но когда из толпы вышли вызванные по именам „зачинщики“, то они были схвачены солдатами и отведены, а толпа разогнана.

«У нас теперь новый губернатор, который производит на всех весьма „отрадное“ впечатление... В речи, обращенной к собранным им земским начальникам, он, говорят, рекомендовал применять телесные наказания к крестьянам, причем уподобил их разного рода лошадям: английскую лошадь нельзя бить, а битюга можно и следует. Так и среди крестьян есть разные сорта. Нельзя ставить на одну доску зажиточного, почтенного крестьянина, у которого, может быть, дети учатся в гимназиях, который может ссужать деньгами и является истинной опорой порядка, смешивать их с беднотой, которая так и вожделеет кого-нибудь ограбить из состоятельных...»

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ростов-на-Дону. Город наш в настоящее время принял уже свой обычный вид. Стачка окончилась, работы производятся повсюду. Из требований, выставленных рабочими во время забастовки, удовлетворены самые ничтожные. Сменили только двух мастеров: Вицкевича и Чернявского, доктора Попова, расширили проходную будку в мастерские. Несмотря на это, а также на жестокие репрессии, которым подверглись забастовщики во время стачки и после нее (масса из них была выслана этапным порядком из Ростова), настроение среди рабочих в высшей степени приподнятое. Сознание моральной победы, а также необходимости сильной политической организации окрыляет более передовую часть рабочих. Остальная часть массовых рабочих также разбужена стачечными событиями, которые воочию показали, что сила рабочих — в их организованности. Последние события всколыхнули и наше обывательское болото. Администрация выбита из своей позиции и до сих пор не может оправиться. Хотя стачечные события и закончились, но администрация все ждет их осложнений: так, здесь и до сих пор живут солдаты железнодорожного батальона, в вагонах; их пригнали сюда на работу, боясь полнейшего застоя. 6 декабря здесь на параде присутствовал знаменитый фон-Валь со своей свитой. По окончании всей процедуры он обратился с речью к присутствовавшим обывателям о том, что они не должны были принимать такого близкого участия в «бунте» и выражать свои симпатии «бунтовщикам». Этот царский сатрап выразил дальше свое удивление по поводу того известного факта, что жители Ростова «подданные царя», несмотря на то, что под каждым листком было напечатано «долой самодержавие!», давали деньги и оказывали всякую помощь бунтовавшим. «Этого», мол, «не следует больше делать», так как «мы, т. е. я (фон-Валь) и все верные царю, не в силах будем справиться с „крамолой“, если только ее будет поддерживать сам же обыватель». Так поучал фон-Валь на параде 6 декабря своих «верноподданных», предлагая им свой союз для борьбы с «бунтовщиками».

Вообще симпатии обывателей к стачечникам страшно обескуражили администрацию, как в Ростове, так и в Питере, и фон-Валь, очевидно, был подослан фон-Плеве в Ростов со специальной целью выразить «высочайшее неудовольствие» жителям, осмелившимся поддерживать «внутренних врагов». «Высочайшие выговоры», как известно, теперь в моде...

Известно также, куда жандармы, туда и попы. Так, поп на Темернике, очевидно, чтобы подслужиться, подогреваемый свыше, вздумал в церкви также обличить крамолу. Он стал всячески чернить и забрасывать грязью рабочих, осмелившихся требовать себе прав и лучшей доли в жизни. Речь его была встречена глухим ропотом, и он сократился, не стал дальше пытаться «обличать». Во всяком случае такие попы нам на руку, они открывают глаза и посторонним людям на бесправное положение русского народа.

Л-й [Леонский-Л. Федорченко]

Одесса. В нашем городе в последнее время подвергаются большому обсуждению обывателей — по преимуществу бедняков — коренные реформы у известного одесского чаеторговца Высоцкого. Этот «столп промышленности» задумал и выполнил весьма остроумный план действия, чтобы избавиться от сознательных рабочих, освободиться раз и навсегда от стачек и требований увеличения заработной платы. Высоцкий считается у нас за одного из самых юрких дельцов, умеющего кого угодно обернуть вокруг пальца да еще так, что он, Высоцкий, всегда выйдет не только сух из воды, но приобретет еще славу отца-благодетеля «труждающихся и обремененных». Так и в этот раз. Он решил заменить всех рабочих в рассыпочном отделении девочками-подростками не старше 15 лет. Уволенные рабочие получали небольшое вознаграждение сверх жалованья, но за это они принуждены были давать подписку, что никаких претензий не имеют на своего «хозяина» за этот неожиданный расчет. Это увольнение рабочих произвело на них удручающее впечатление. Перспектива безработицы, а стало быть и голода для себя и для семьи, — достать работу особенно по чайному делу у нас теперь очень трудно, — повергла некоторых в полное отчаяние и двое из уволенных покончили с собой: один повесился, а другой распорол себе живот ножом. Вот одна сторона «реформы» Высоцкого. Другая же заключается в том, что вся еврейская беднота, которая здесь, особенно в последние годы благодаря кризису и застою в делах, дошла до невероятных размеров, бросилась в об'ятия алчного Высоцкого и привела к нему толпы своих детей — девочек, начиная с 12 лет. Высоцкий дает им нищенское жалованье в 7 руб. в месяц и кроме того обещает, по прошествии нескольких лет службы, — кажется десяти, — выдавать 200 р. на приданое. Эти обещания столь заманчивы, что, повторяю, дети повалили валом со всех сторон к Высоцкому. Конкуренция так велика, что Высоцкий имеет возможность делать тщательный выбор. Ребенок рассматривается со стороны здоровья, чистоплотности, аккуратности в одежде и даже со стороны образования. Теперь принимают только со свидетельством об окончании народного, а то и четырехклассного училища. Мне из-

вестна одна еврейская школа, образцово поставленная, где детям выдают бесплатно пищу, одежду, лекарство, бесплатно обучают как общим предметам, так и ремеслу, и вот эта-то школа пользуется особенным «покровительством» Высоцкого: он принимает из нее девочек, даже не окончивших полного курса, «без аттестата». Соблазн заработка так велик, а нищета и нужда так безысходны, что из этой школы уже взяты родителями двадцать восемь девочек и отданы на эксплоатацию «благодетельному» Высоцкому. И вот, вместо того, чтобы получить более или менее сносное образование, аттестат, дающий права на повсеместное учительство в России (огромное право для еврейского пролетария), — эти несчастные девочки, вытащенные Высоцким из училища, будут подвергнуты жестокой эксплоатации и через 3-4 года, несомненно, как «износившиеся», ничего не знающие, ни к чему не годные, больные и изнуренные, будут выкинуты этим «благотворителем»-капиталистом на улицу...

Как читатель видел выше, «благотворительность» Высоцкого уже повлекла за собой самоубийство двух кормильцев семей, и эти ужасные случаи не были опубликованы в одесских легальных газетах благодаря содействию нашего директора института дворников — графа П. П. Шувалова, перед которым Высоцкий всячески угодничает.

Киев. (Из «Киевского Соц.-Дем. Листка», № 1). Положение типографских рабочих. В настоящее время в среде типографских рабочих наступило временное затишье. Несмотря на то, что условия труда в большей части киевских типографий крайне неудовлетворительны, в виду непомерной длины рабочего дня и низкой платы, — притеснения хозяев не встречают со стороны рабочих надлежащего отпора. Мало того, недостаток товарищества и готовности начать борьбу сказался на-днях хотя бы в том, что 12 киевских типографщиков поехали в Житомир, по приглашению владельцев житомирских типографий, для того, чтобы заменить забастовавших там рабочих (см. особ. листок ком.). Причиной такого затишья и отсутствия дружного товарищества среди киевских типографщиков являются, отчасти, преследования правительства. Произведенные этой осенью аресты рабочих собраний в Голоевеевском лесу и на Кожемякской улице, видимо, не прошли бесследно. Лишь организовавшись и примкнув к соц.-демократической партии, типографщики, как и все рабочие, получат возможность дружно отстаивать свои права против посягательств хозяев и начать борьбу с правительством, которое стоит им на пути к лучшей жизни.

Киев. (Из «Киевского С.-Д. Листка», № 1). Положение рабочих во многих переплетных мастерских совершенно невозможное; так, напр., в переплетной Панько, нанимая рабочих, условливаются с ними на один месяц, но через неделю отказывают в работе. Обращение с рабочими ужасное: в переплетной Кушнарева работают на один час больше положенного, помещение для 10 чел., работают же в нем 18, плата не во-время. В других переплетных мастерских положение рабочих также невыносимо. Много безработных среди мастеров, так как повсюду работает много мальчиков, — по 18-20 час. в сутки. Нечего и говорить, что недавно опубликованные киевским губернатором Треповым правила о 10-часовом рабочем дне нигде не исполняются. Да оно и понятно, так как единственной целью их издания было, очевидно, желание губернатора выказать лицемерную заботливость о рабочих для предупреждения их недовольства. Ближайшим же поводом их опубликования была стачка портных. Г. Трепову не мешало бы вспомнить, все-таки, что даже градоначальник города Глупова руководствовался мудрым правилом: «всуе законы писать, ежели их не исполнять».

Чернигов. Стачка портных в г. Нежине, о которой было сообщено в № 27 «Искры», окончилась победой рабочих. Момент для стачки был выбран очень удачно: сезон заказов побудил некоторых хозяев уступить немедленно; другие же хозяева, подождав некоторое время в надежде, что полиция им поможет, также в конце концов должны были уступить требованиям рабочих. Сочувствие публики было на стороне рабочих. Поступили со стороны пожертвования в пользу стачечников. Между прочим, в числе пожертвований из Чернигова поступило 10 р. «от офицера». Среди стачечников обращали на себя внимание две немые работницы, с большою охотою и энергией примкнувшие к забастовавшим. Рассказывают, что эти немые проявили необычайный интерес к стачке и вообще к делу забастовавших рабочих. Возбуждение и повышенное настроение, проявлявшиеся во время стачки среди рабочих-портных г. Нежина, передались и этим двум работницам, обиженным природой... Стачка была ведена самими рабочими. По словам рабочих, там сильно чувствуется отсутствие интеллигентного руководителя. Требуется агитационная литература, а ее как раз в городе и нет.

Тифлис. В конце августа здесь бастовали рабочие механической обуви Адельханова. Поводом послужил вычет из заработной платы, произведенный за «самовольное» празднование рабочими одного праздника. В сентябре забастовали рабочие табачной фабрики Базарджьянца. Причина стачки не известна.

В сентябре же была стачка портных, занятых в пяти главных здешних мастерских дамского платья. Рабочие — в числе 130 (грузины и армяне) — одновременно приостановили работу, пред'явив мастерам ряд точно формулированных требований. Главными из них были: установление постоянных расценков, распределение работы между всеми рабочими так, чтобы холостым был обеспечен еженедельный минимум в 4, а женатым в 5 р.; более правильное распределение работы между «сезонным» и «мертвым» временем, так, чтобы на последнее время было перенесено производство «готовых» платьев, и, наконец, обязательство не увольнять рабочего без предупреждения за две недели. Рабочие проявили большую солидарность и держались три недели. В конце концов хозяева уступили по всем пунктам, настояв только на том, чтобы обязательство о предупреждении за две недели о нарушении договора было принято на себя и рабочими.

Стачкой портных руководили Комитет Партии и армянская социал-демокр. группа, позднее вступившая в комитет.

Тифлис. Последние месяцы у нас в Тифлисе ознаменовались целым рядом покушений выведенных из терпения рабочих на старших мастеров. Читателям нашим уже известна достойная казнь начальника Закавказских жел. дор. Веденеева. До сих пор лицо, убившее его, не разыскано, несмотря на все старания местной полиции. Достойный заместитель его, инженер Ивановский, начал свою деятельность с того, что приказал ограничить прием на службу по железной дороге женщин и, если возможно, то вытеснить женщин из наличного состава. Второй мерой, не уступающей первой по своей культурности, было ограничение в приеме в мастерские железной дороги рабочих-кавказцев и запрещение назначать их на должность старших мастеров.

Боясь подвергнуться участи своего блаженной памяти предшественника, Ивановский пытался расположить к себе местных рабочих жалкими подачками в виде проведения водопроводов на заводы и прочих мелочей. Однако, эти жалкие паллиативы не возымели желанного действия.

Возмущенные самодурным произволом старших мастеров и администрации, рабочие послали предостерегающие письма наиболее отличавшимся самодурам. Однако, это не подействовало. Тогда рабочие прибегли к расправе «своими средствиями». Вместо изложения последующих событий, мы приведем пресловутый приказ по этому поводу, циркулярно пущенный Ивановским:

«М.П.С. Закавказские жел. дор. Приказ по главным тифлисским мастерским. № 280, 3 августа 1902 г., г. Тифлис.

В течение последнего времени в жизни главных мастерских произошли крайне прискорбные события: толпой вооруженных людей избит бригадир столярного цеха Царев; таким же образом избили бригадира кузнеца Данилюка, намереваясь избить старшего рабочего товарного цеха Сошкина, и, наконец, 31 июля злодейски убит старший литейщик Плотто. Так как во всех этих случаях нападения

были произведены не с целью ограбления, то очевидно, что нападающие были руководимы какими-то особыми целями и, несомненно, принадлежали к составу незначительной части рабочих или мастеровых главных мастерских. Все эти случаи повергают меня в глубокое огорчение. Вступая в управление дорогами, я посетил мастерские, где был радушно (?? Ред.) встречен хлебом-солью, и надеялся, что жизнь в мастерских будет протекать мирно. За короткое время управления моего дорогами мастеровые могли убедиться, что начальство вникло в их нужды (похоже на то! Ред.). Я укажу на три ближайшие примера, которые, разумеется, известны мастеровым:

«1) 640 чел., замешанных в беспорядках 1900 г., прощены и им возвращены утерянные ими весьма ценные права (а администрации возвращено ценное право эксплоатировать рабочих по-старому! Рабочих вернули, потому что без рабочих дорога встала, а г. Ивановский нашел тут какую-то заслугу. Ред.). 2) Как только оказалось, что вода, привозимая со ст. Мцхет в мастерские, не вполне прохладна и прозрачна, — начальство не остановилось перед крупным расходом, чтобы в течение десяти дней организовать привоз прекрасной воды со станции Ксанка, а пока это было устроено — вода доставлялась бочками из тифлисского городского водопровода. 3) Лишь только сделалось известным, по заявлению одного из цехов, что не все мастеровые и рабочие желают посещать вечерние работы, тотчас же сделано распоряжение, чтобы по возможности (т. е. по усмотрению тех же мастеров? Да это же прямое нарушение закона, который требует, чтобы всегда и исключительно, а не только „по возможности“ привлекали лишь добровольно желающих на вечерние работы! Г. Ивановский сам признается в нарушении закона и имеет еще дерзость хвастаться тем, что он велел нарушать закон „по возможности“ реже. Ред.) к таковым привлекать лишь добровольно желающих выполнять эти работы.

«Кроме того начальство озабочено открытием с осени настоящего года обширной дешевой столовой в вагонном сарае (сарай, конечно, самое место для столовой «черного народа»! А не хочет ли также г. Ивановский воспользоваться „столовой“ для провокаторства и шпионства? Ред.) на станции Тифлис, с целью дать возможность бессемейным и вообще всем желающим мастеровым и рабочим получать дешевую, здоровую пищу, даже в кредит (не хочет ли еще г. Ивановский облагодетельствовать рабочих новым видом расплаты товаром? Ред.).

«Но все эти заботы и старания начальства остаются как бы без всякого понимания, и я с горечью вижу, что преступная работа злонамеренных лиц приносит печальные плоды. Обращаюсь к благоразумию всех и в особенности старейших мастеровых и прошу оказать влияние на ту часть, надеюсь, немногих, которые бросают на наши главные мастерские тень как на какой-то притон, где из-за угла убивают и даже убивают своих же сотоварищей (?? Ред.). Считаю необходимым предупредить, что такое положение дела может привести к неисчислимым бедствиям и потерям самих же мастеровых и рабочих. — Начальник дорог, инженер И. Ивановский, правитель канцелярии Григорьев».

Однако этот приказ подлил масла в огонь. Не далее как 23 ноября был ранен пулей в столярной мастерской старший мастер Блюмберг за выдачу товарищей рабочих организаций. В воскресенье, 24 ноября, на вокзале собралась тысячная толпа провожать высылаемых из местной Метехской тюрьмы товарищей. Не обошлось при этом без стычек с жандармами, из которых один серьезно ранен пулей. Арестовать не удалось никого, так как толпа энергично защищала товарищей. В четверг, 28 ноября, был контужен пулей мастер Чепурнов, тоже за провокаторство. И, наконец, в среду, 4 декабря, контужен пулей начальник депо Шпиганович. Настроение крайне приподнятое. Паника среди чинов администрации. Ожидаются более серьезные события. Начальник дорог Ивановский экстренно вызван в Петербург.

Крайне печально, что вся эта стихийная сила неудовольствия не находит более целесообразного выражения. Чувствуется сильный недостаток в интеллигентных руководителях, чтобы направить все эти ключом бьющие силы в одно общее русло всероссийского рабочего движения.

Полиция начала повальные обыски, но все мимо. Иногда прямо-таки смешно, у кого только не делает она обысков, иногда даже с арестами.

Мы надеемся, что русская рабочая партия обратит внимание на положение дел в Тифлисе и выделит из своих рядов опытных руководителей для пополнения нашего Комитета, оставляющего еще многого желать, так как от этого зависит успех дела на всем Кавказе.

Екатеринбург (Пермской губ.). Среди заводских рабочих в конце ноября замечено сильное брожение, вызванное сокращением работ на горных заводах. Масса осталась без работы, на улице. Кризис в этом году здесь жестокий. Ждут осложнений недовольства среди рабочих. Полагают, что возможно ждать повторения «ростовских событий», поэтому предупредительное начальство «на случай чего ежели» двинуло в Екатеринбург целую дивизию солдат, которые, очевидно, будут насыщать голодных прикладами и пулями...

Алопаевский завод (Верхотурского уезда, Пермской губ.). Приводим целиком (исправив лишь орфографию) письмо одного местного рабочего, пересланное нам без всяких дополнительных сведений: «Уведомляю, товарищи, что здесь, в д. Алопаихе, разыгралась одна из драм, без которых не обходится ни одно движение: они напали на несколько частей рудников, сделали разрушения и грабежи; никакие веские доводы ни к чему не привели: довольно, говорят, натерпелись. Что вперед будет, не знаю. Первые удары грома и молнии революционеров стоят жертв. Взято пять человек, в том числе Гав. Ив. Кабаков, патриархальный тип крестьянина. Да, кулак самодержавия бьет прямо сверху... Народ обездолен; не может выносить экономической борьбы (автор хотел, видимо, сказать: не может ограничиваться экономической борьбой Ред.), да и верно. Братья, она не по силам, везде слышится глухой рокот волн народных. Братья, у нас не хватает литературы. Уральский Союз молчит; везде просят почитать книжонок, в которых описывается про жизнь рабочих. Шпионов много, — здорово следят, но да я еще покуда на свободе, на зло врагам народа. Работа плохая, заработок мал, кое-как бьемся, да покуда не помрем, все равно будем бороться. Братья, пишите, что Урал движется, посылайте «Искру» или «Жизнь». Наши обрадуются, что дело наше известно всем товарищам».

Вильна (из № 104 «Последних Известий» «Бунда». Драконовский приговор виленским демонстрантам. Ботвинник и приказчик Вейнбрем, обвиняемые в ношении знамени, приговорены к двум годам Креста; 4 человека, подозреваемые в разбрасывании первомайских карточек в театре, ссылаются в Сибирь; Певзнер (акуш.), Немзер (акуш.), Рехес (дантист) — на 5 лет, Альфес (дантист) — на 9 лет.

Ковно (из № 104 «Посл. Изв.» «Бунда»). 14 декабря у нас были два собрания (по 160 на каждом), посвященные памяти декабристов. Первая речь была на тему «Декабристы и их время». Были и другие речи. Сошло очень живо. Собрано на нужды политической агитации 20 руб.

ИЗ ПАРТИИ

К ВОПРОСУ О МЕСТНОЙ РАБОТЕ.

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу только теперь, по приезде за границу, попавшегося мне в руки «Письма к товарищам-пропагандистам» — авось чересчур нескорый отклик, может быть, все-таки не будет запоздалым.

С живым интересом читается эта брошюра, в которой рисуется неприглядное положение у нас дела устной пропаганды и дается посильное решение вопроса о постановке

этого дела, но решение это, близко подходящее к истине, к сожалению, страдает большой незаконченностью и не совсем еще отделалось от традиционного взгляда на устную пропаганду.

Авторы «письма», руководя до поры до времени кружками рабочих, вдруг в одно прекрасное время были смущены тем, что интеллигенты, находившиеся к рабочим в отношении пропагандистов, не знали, что делать и как быть, когда в феврале и марте всколыхнувшиеся массы, «толпы народа, точно выросшие из недр земли, с восторгом встречали (нас) „студентов" как вождей своих, предлагали (нам) силу и руки». Обратившись к причинам, которые не дали „студентам" откликнуться на этот призыв, авторы «письма» увидели их в том, что, при настоящем положении дела кружковой пропаганды среди рабочих, пропагандисты не только ничего не дают рабочим — авторы «письма» изображают безрезультатность занятий в кружках, — но настолько далеки от них, настолько не близки с ними, что совершенно незнакомы с их настроением и в силу этого, разумеется, откликнуться на него во-время не в состоянии, с другой стороны, благодаря такой постановке пропаганды комитеты не могли создать подходящей организации рабочих, которыми могли бы воспользоваться в каждый данный момент. След., остается известным образом изменить постановку пропаганды, чтобы достичь и одного, и другого, и особенно третьего. Что же для этого предлагают авторы «письма»? Вместо теперешней кружковой работы, при которой пропагандист подолгу засиживается в одном и том же кружке и лишен вследствие этого возможности видеть настолько достаточное количество рабочих, чтобы познакомиться с ними хорошо, — вместо такой работы авторы «письма» рекомендуют, разделив рабочих на «агитаторов» и на «массу», с первыми заниматься по самой широкой программе, а среди широкой массы устраивать кружки, в которых читать 3-4 лекции (на темы: 1) борьба классов, 2) необходимость борьбы с правительством, 3) Росс. С.-Д. Раб. Партия и тактика ее) и затем передавать эти кружки рабочим-агитаторам, через которых интеллигенты сносятся потом с этими кружками, передавая туда литературу от комитета, подготовляя их через рабочих-агитаторов к демонстрациям, протестам и т. д. Члены массовых кружков, в свою очередь, привлекают в партию лиц — из неорганизованной рабочей массы. Таким образом к услугам комитетов будут революционные организации, которыми они и пользуются. Это создало бы «постоянную и не фиктивную революционную организацию, охватывающую десятки тысяч рабочих, опираясь на которую можно было бы начать штурмовать крепость самодержавия...», говорят авторы «письма». Значит, комитетам нужно создать таких два типа кружков рабочих с целью личной в них пропаганды, уделяя много личного внимания первому типу, и второму очень небольшое личное, а воздействуя главным образом путем соответствующей литературы. Вот в кратких чертах «письмо», если опустить некоторые детали его.

Раньше всего скажу мимоходом, что тот переполох, который произошел среди интеллигентов, когда рабочие предложили им «вести» их, и отсутствие отклика, последовавшее в силу этого, произошел, правда, благодаря отсутствию соответствующей организации, но не рабочей, а организации вообще, всей действующей организации.

Постановка пропаганды, таким образом, не может решить вопроса о готовности и возможности комитета откликаться на требования жизни — это скорее вопрос об организованности, приспособленности организации к формам деятельности. Что же касается утверждения «авторов», что быстрые переходы интеллигенции из кружка в кружок дадут им возможность познакомиться с массой, улавливать ее настроение, то вряд ли такие мимолетные столкновения с рабочими дадут такую возможность — если полгода работы в кружке не дает этой возможности, то чего ожидать от 3-4 лекций! Но это все мимоходом.

Мне хочется высказаться специально по вопросу о пропаганде, так как думаю, что точка зрения при решении вопроса о пропаганде должна быть совсем другая, нежели та, которую выставляют авторы «письма».

Авторы «письма» несомненно сделали громадный шаг вперед, став, с одной стороны, в отрицательное отношение к той постановке пропаганды, которая у нас практикуется, и, с другой стороны, предлагая ввести кружки «агитаторов». Совершенно верно, что постановка пропаганды требует реорганизации. В действительности дело обстоит, может быть, еще хуже, чем рисует «письмо». Мало того, что, как признает и «письмо», это долгое засиживание в кружках при занятиях по широкой программе дает очень мало в результате даже при том благоприятном условии, которое присутствует у «авторов» в их рассуждениях об интересующем нас вопросе, — я имею в виду занятия, которые ведутся людьми, достаточно подготовленными для этого, по программе, в той или иной мере систематические — мало того, что мы даже и при этом условии, надо признаться, топчемся на одном месте, — если вспомнить, что в действительности большинство молодежи, выступающей в роли пропагандистов, мало подготовлены к ней, просто таки в смысле знаний, что занятия ведутся часто бессистемно, без ясного представления цели их и тех задач, которые пропаганда должна преследовать, подчас без программы или придерживаясь уже устарелой системы передачи рабочим разрозненных сведений по политической экономии или просто вертясь вокруг да около неизменных «Кто чем живет», «Рабочий день» и т. д. в этом роде, то можно представить себе, насколько дело обстоит плохо. Необходима реформа этой области, необходимо установить даже систему занятий. Но в каком направлении произвести реформу? Что принять за исходный пункт?

Та форма, в которую вылилась рекомендуемая брошюрой организация этого дела, могла бы с оговорками, впрочем, может быть, существенными, показаться удовлетворительной. Но нужно, повторяю, существенно видоизменить точку зрения на пропаганду личную, кружковую, а ее-то именно и имели в виду авторы «письма» — и уж во всяком случае точно формулировать ее. Мы до сих пор плохо уяснили себе, что теперь, когда фактически — как бы она ни была поставлена плохо — имеет и может иметь место только широкая литературная пропаганда в массах, что теперь кружковая пропаганда не может иметь того значения, какое придавалось ей в то время, когда широкая массовая пропаганда еще не велась. Фактически она вытесняется все больше и больше, но мы все еще, несмотря на наше тяготение к массовой пропаганде, не отделались от старого, традиционного взгляда на кружковую пропаганду. Все это происходит от нашей неорганизованности, в силу которой мы не умеем еще обнять весь действующий механизм, составные части которого занимают то или другое место.

И авторы «письма», с одной стороны, как бы отказываются от старой точки зрения на пропаганду, когда указывают на невозможность заниматься по обширной программе, и предлагают серьезную работу только с «агитаторами», но, с другой стороны, они ее вновь незаметным образом вводят, когда рассматривают кружковую пропаганду с точки зрения задачи комитетов, которую они определяют как «влияние на массы и организацию этих масс в революционную партию». Что это такое как не старозаветный взгляд? Конечно, теперь не те времена, когда можно думать, что эта задача может быть достигнута путем пропаганды в кружках. Авторы «письма» и выдвигают литературную пропаганду, но это не заставило их, повидимому, отрешиться еще и от старого взгляда на кружковую пропаганду. А смутность, невыясненность точки зрения не позволила им дать и выраженное, законченное решение вопроса, хоть они все-таки несколько подошли к нему, когда имели в виду образование «агитаторов». И хотя вопрос не исключительно в выработке «агитаторов», но в выработке среди рабочих лиц, сознательно действующих в организации, чем бы они в ней ни были, но, только подойдя к этой точке зрения, авторы «письма» становятся на правильный путь. Кружковую пропаганду можно рассматривать только с точки зрения образования и постоянного поддерживания известного контингента лиц среди рабочих, лиц, которые в состоянии войти в организацию как сознательно действующие в ней. Но если это так, то по вопросу о личной пропаганде необходимо поэтому точно и ясно высказаться в том смысле, что вопрос о кружковой пропаганде есть, в сущности, вопрос организационный; сама по себе, как достаточно ясно свидетель-

ствует и «письмо», как пропаганда по существу, кружковая пропаганда значения не имеет и должна быть изгнана из практики, ибо вопрос о поднятии масс на довольно значительный умственный уровень мы с нашими силами решить не можем, но за ней остается значение в том смысле, что при ее посредстве мы можем выработать известный контингент сознательных рабочих для действующей организации из подходящих для этого лиц.

И с этой точки зрения, точки зрения организационной, а не с точки зрения «развития», и приходится ее рассматривать и так или иначе приурочить к ней и программу занятий, в которой, может быть, непропорционально видное место придется уделить вопросам тактики, организации, конспирации, а вообще не очень засиживаться в кружке, ограничиваясь лишь известной более или менее минимальной программой. Мимоходом скажу, что гораздо больше широкой программы имеет значение приучение к самостоятельной работе, которая одна и гарантирует успех работы и продолжение ее по выходе из кружка.

От этих колебаний и неясности взгляда на кружковую пропаганду необходимо отделаться. Если можно так или иначе принять выставляемую «письмом» вторую сторону вопроса — организацию, только не рабочей массы, а «агитаторов», то приходится наотрез отказаться от первой — кружковой пропаганды в массах — и резко формулировать свое отношение к вопросу. Таким образом, кружковая пропаганда войдет в довольно тесные пределы. Точно уяснив себе эту точку зрения, отрешившись от всяких в ее отношении колебаний, мы не станем тратить лишние силы на кружки. Определить количество нужных для этого интеллигентных сил — дело руководящих организаций, комитетов. Но правильную перспективу при распределении работающих сил и в том числе и сил, направляемых в кружки, можно будет соблюсти только тогда, если мы будем обладать хорошо сформированной действующей организацией. Таким образом, разрешение вопроса о кружковой пропаганде на практике в значительной мере зависит от разрешения вопроса об организации вообще, которое еще ждет своей очереди. Пока не будет решен этот вопрос, до тех пор и кружковая пропаганда, вместе с другими видами революционной деятельности, будет итти вразброд. Надо начать с организации — это первый и самый насущный для нас вопрос.

После всего изложенного понятно, что в отношении кружковой пропаганды можно говорить только о рабочих кружках первого типа, совершенно отказавшись от кружков второго типа, в которых, к слову сказать, прочтение 3-4 популярных лекций даст очень, очень мало, так как там необходимо долгое и постоянное воздействие. Это возможно только при помощи подходящей популярной литературы.

Что эта же «масса» может в известной своей части быть сорганизована в кружки рабочими с целью создания сознательного ядра, которое может проявлять планомерные действия — это уже другой вопрос, и поскольку авторы «письма» имели это в виду, они, конечно, правы».

Мы напечатали без всяких изменений эту статью, желая дать подробнее высказаться всем оттенкам мнений по важному практическому вопросу. Автор прав, по нашему мнению, поскольку подчеркивает необходимость особенно иметь в виду цель выработки из «кружковых» рабочих лиц, способных войти в организацию. Эта сторона дела действительно наиболее отстала у нас, и ее стоит особенно подчеркнуть, но при этом не надо забывать, конечно, и о целях пропаганды самой по себе. Автор, в слишком абсолютной форме, осуждает кружковую пропаганду вообще, сводит ее исключительно к «организационному вопросу», отвергает совершенно чтение по 3-4 лекции во многих кружках и т. п. Это неверно в такой абсолютной форме, но это, конечно, не какое-либо разногласие по существу, а только результат желания особенно выпукло оттенить одну сторону дела. И именно эта сторона действительно приобретает теперь особенное значение в общепартийной работе.

Ред.

Нас просят поместить следующее сообщение из Женевы:

16 января,[9] после окончания дебатов по поводу сообщений, сделанных ростовскими товарищами-рабочими о последних событиях в г. Ростове-на-Дону, присутствовавшим в зале заседания большинством, состоящим из 93 человек, была принята нижеследующая резолюция:

«Присутствующие на собрании в г. Женеве 16 января 1905 г.[9] выражают самое полное и самое искреннее сочувствие свое ростовским рабочим, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрелости русского пролетариата. Они считают своей нравственной обязанностью всеми своими силами служить делу политического и экономического освобождения этого пролетариата, которое является в то же время делом освобождения всего трудящегося населения России. Они выражают свое презрение и свою ненависть к царскому правительству, которое держится лишь посредством грубого насилия и вопиющего нарушения всех прав человека и гражданина».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С 23 на 24 декабря в Нижнем-Новгороде были обыски и аресты. Взяты: бывш. курс. Геринг, учит. Никитина, женщ.-врач Бродская, купец Позняк, хоз. часового магазина Перельман. Еще сельский учитель Бочкарев (из подгородного села Пегор). Был обыск у хозяев аптекарского магазина Зуль. Публика по поводу этих арестов недоумевает. Недавно взят на улице с прокламациями реалист 5 кл. Нефедов. В декабре было взято 6 рабочих из молитовской льнопрядильни, но вскоре выпущены, за исключением двух. Недавно же взят сормовский рабочий Шорин. — Рига. В течение октября и ноября 1902 г. в местные тюрьмы прибыли и выбыли из них следующие лица: следств. тюрьма: Израиль Абелев, мясник, прибыл 21 окт. и выбыл 15 нояб., Шмуйла Янкелев Гольдкин выбыл 6 нояб., Шолом Янкелев Баркан выбыл 15 нояб.; губернск. тюрьма: Генег Янкелев Каган 12 окт. прибыл и выбыл 15 нояб., Сруль Абрамов Хмельницкий арест. 14 окт. на пароходе «Остзе» по прибытии в Ригу (по слухам с литер.), выбыл 19 нояб.; женск. тюрьма: Наталия Цирит с 3 нояб. — 6 мес. тюремного заключения. 18 дек. арест. в Риге ученик Митавск. горного учил. Дикман, по распоряжению митавск. жанд. Кладо, по доносу анненбургского урядника за некрасовское стих., 24 дек. выпущен под залог 500 р. — 5 нояб. на Финл. ж. д. с некоторым количеством № 10 «Рев. Росс.» учитель Скаличев и курсистки Госкова и Надбель. — Казань. В ночь с 22 на 23 декабря произведены несколько обысков, результатом которых был арест следующих лиц: бывш. студ. Н. А. Кроленицкий, бывш. студ. Ю. А. Кроленицкий, бывш. студ. Кибардин, студ. медик Витман, студ. Харьковск. техн. инст. А. М. Горохов, раб. Беляевский, курс. зубоврач. школы Солонина и Деканова, слушт-ца фельдш. курсов Леви.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Автору корреспонденции из Панютина. Просим писать. По поводу вашей жалобы немедленно сделали запрос в тот город, где был товарищ за литературой. Надеемся, что это ошибка или недоразумение.

Дусе. Письмо получено. Первый адрес не разобран. Повторите. Сообщите также адрес для писем вам, а то не можем ответить.

Шварцу. К сожалению, не можем пока исполнить вашей просьбы, так как не имеем еще вашего ключа.

Недоумевающему (в Либаве). Повидимому, вы очень неправильно поняли то, о чем пишете. Выскажитесь обстоятельнее и постарайтесь дать адрес для ответа.

Получено: от Ф. Р. 9,65 м., от Ш. 20 мар., от Кост. 20 фр., от «земляков» 100 р., от NNN 15 р., из Ма. 33 м., собранные на реферате. Из Л. через Матвеевскую 16 м. в пользу ростовцев, за литер. 148,75 м., от Х 8 мар., от Матв—ой 5 м., с реферата 11,25 м. Через Цюрих: для Сиб. Кассы из Давоса через Г. А. по листу № 94 100 фр. Из Вены через В.: с вечеринки 14 фр., за литературу 13,62 фр., немцы — ростовцам 11 фр., с реферата 8,34 фр. Из Давоса за литературу 4,60 фр. Из Назарета от друга «Искры» 50 р. Из Цюриха с реферата 75,10 фр. От барона 22,15 фр. Из Цюриха за литературу 38,60 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Организ. Комитет» по созыву II с'езда Р. С.-Д. Р. П. был впервые создан на Белостокской конференции, состоявшейся в конце марта 1902 г. Но в апреле 1902 г. почти все участники конференции были арестованы и «О. К.» вскоре распался. В напечатанном в № 32 «Искры» «Извещении» речь идет об «О. К.», основание которому было положено на Псковской конференции (2—3 ноября 1902 г.), в которой принимали участие представители «Искры» (И. И. Радченко), «Южного Рабочего» (С. Левин) и Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (В. П. Краснуха). На эту конференцию было послано приглашение и Бунду, но его представитель не явился, благодаря чему Бунд впоследствии оспаривал правомощность конференции и выбранного ею «О. К.». Затем после долгих переговоров представитель Бунда К. Портной вошел в «О. К.». Организованный на Псковской конференции «О. К.» первоначально состоял из трех лиц (Радченко, Левин и Краснуха), которые кооптировали в свой состав Ф. В. Ленгника, Г. М. Кржижановского, П. А. Красикова, П. И. Лепешинского и А. М. Стопани. Но уже 4 ноября Радченко, Краснуха и Лепешинский были арестованы, что все-таки не помешало «О. К.» энергично развивать свою деятельность, закончившуюся, как известно, созывом II с'езда Р. С.-Д. Р. П. Позже в «О. К.» были кооптированы В. Н. Розанов (из группы «Южн. Рабочего») и Александрова. На-ряду с подготовкой с'езда «О. К.» выполнял временно — до образования с'ездом партии Центрального Комитета — общепартийные функции. Социал-демократические организации одна за другой выступили на страницах «Искры» со своими приветствиями «О. К.» и признали его инициативу по созыву общепартийного с'езда. После ожесточенной полемики и Бунд счел необходимым послать в «О. К.» своего представителя (К. Портного). Только Воронежский Комитет, во главе которого стояла ярая «экономистка» Лидия Махновец, ответил на образование «О. К.» злобной и неумной выходкой, — изданием полного инсинуаций и ругательств воззвания с протестом против «Извещения» Организационного Комитета. Последний дал на это воззвание ответ в № 36 «Искры», отметив в нем печальное одиночество Воронежского Комитета. Что касается общепартийных функций «О. К.», то право на них признали все организации Р. С.-Д. Р. П., обещавшие ему свою поддержку в деле созыва II с'езда партии, за исключением Одесского и Николаевского Комитетов.

Прим. 2. Здесь имеется в виду «Манифест Р. С.-Д. Р. П., опубликованный после I с'езда (1898 г.).

Прим. 3. В конце марта 1902 г. состоялась конференция в Белостоке, на которой присутствовали представители «Бунда»: «Заграничного союза с.-д.», «Южного Союза», Петербургского Комитета, Екатеринославского Комитета и «Искры». Конференция не пришла ни к каким положительным решениям и постановила лишь выбрать Организационный Комитет по созыву II с'езда из представителей от участвовавших организаций. Вскоре после конференции были арестованы почти все участники ее и избранный «О. К.» распался.

Прим. 4. См. прим. 5-е к № 2 «Искры».

Прим. 5. Ц. К. об'единенных южных комитетов и организаций с.-д.—организация на юге России, образовавшаяся к началу 900-х годов.

Прим. 6. В конце января 1902 г. состоялся 1-й с'езд представителей южных комитетов и организаций Р. С.-Д. Р. П., организованный по инициативе группы «Южный Рабочий». Большинство участников с'езда стояло на позиции, близкой к направлению «Искры». В порядке дня с'езда стоял вопрос о выработке партийной программы. С'езд единогласно постановил, что «выработка точной программы есть дело общепартийное и требует предварительного обсуждения в отдельных организациях и в партийной печати, с'езд находит возможным отказаться от выработки подробной программы и ставит этот вопрос на очередь в ближайшем будущем». После обсуждения ряда принципиальных вопросов: сущность самодержавия, экономическая борьба и т. д., с'езд постановил образовать об'единенную социал-демократическую организацию южного района, принявшую название «Союз Южных Комитетов и Организаций Российской С.-Д. Р. Партии». Наибольшие разногласия возбудил вопрос о «сущности самодержавия». В результате прений большинство и меньшинство приняли различные резолюции. С'езд однако особым голосованием единогласно принял, что различие взглядов по этому вопросу не может служить препятствием к совместной работе в пределах об'единенной организации. По вопросу о политической борьбе с'езд принял след. резолюцию: «Заявляя свою солидарность с „Манифестом Р. С.-Д. Р. П.“ (1898 г.) и с основными традициями русской соц.-дем., мы признаем ближайшей политической задачей рабочего класса в России низвержение самодержавия, как необходимое предварительное условие его полного социального освобождения. В борьбе за политическую свободу необходимо сохранить за движением его классовый характер».

Прим. 7. См. прим. 1-е к № 24 «Искры».

Прим. 8. См. «Искра» № 16, стр. 5. «Из нашей общественной жизни».

Прим. 9. Так в оригинале.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 33 1 ФЕВРАЛЯ 1903 ГОДА № 33

ЗА СОРОК ЛЕТ.

Минуло сорок лет со времени начала последнего польского восстания [1]. Польская демократия, рассеянная по всем концам Европы и Америки, вспоминает о своих славных героях, о бесчисленных жертвах своей национальной борьбы. А для русского человека день сорокалетия польского восстания говорит об одном из печальнейших моментов истории его родины, напоминает о неискупленных преступлениях, о позорных подвигах, совершенных во имя русского народа.

Феодальная Европа покоилась не только на порабощении всех «низших» классов дворянством, церковью и монархами, но и на порабощении целых наций несколькими сильными государствами. Сословный гнет внутри этих «счастливых» государств поддерживался их тираническим господством над частью завоеванными, частью поставленными в полную политическую зависимость слабыми нациями. И когда буря великой французской революции разбудила от политической дремоты западноевропейские народы, она одновременно вызвала к жизни и демократическое движение против монархии, против дворянства и церкви и национально-освободительное движение наций порабощенных против чужеземных государств-поработителей.

Исторической задачей политических движений XIX века стало утвердить в социально-политическом устройстве государств принципы демократической свободы, а вместе с тем уничтожить старую, феодально-бюрократическими интересами обусловленную национальную группировку, чтобы водворить на ее месте начала свободного самоопределения и самоуправления европейских народностей. Идея демократии слилась с идеей национального освобождения, и европейская демократия с полным правом увидела своих главных врагов в Австрийской, Прусской и Российской монархиях, основавших свое могущество на раздроблении, уничтожении и порабощении немецкой, итальянской, польской и других наций.

Освобождение Польши, разделенной между тремя отсталыми государствами, стало в сознании европейской демократии важнейшим моментом в деле освобождения всего угнетенного человечества. Освобождение Польши означало освобождение всей Европы от реакционного кошмара, от тираннического владычества пропитанных средневековьем монархий и прежде всего — России, этого «европейского жандарма», могущество которого означало вечную опасность для дела свободы. Раздробить, уничтожить, «отбросить в Азию» русское чудовище — значило бесконечно ослабить силу сопротивления европейской реакции перед революционным напором.

И когда польский народ в 1863 г. вновь попытался свергнуть с себя владычество русской короны, к его отчаянной героической борьбе с живейшим сочувствием отнеслась вся революционная Европа. Но к этому времени сама европейская демократия перестала быть единой, а потому и утратила часть своей прежней силы. Буржуазия, стоявшая в первой половине XIX века во главе демократических движений, изменила делу свободы, когда увидала позади себя быстро формировавшийся пролетариат. Перед красным призраком социализма не устояло свободолюбие буржуазии, и она, отказавшись от завершения начатого ею исторического дела, спешила заключить союз с недобитым своим врагом — с дворянством, монархией и церковью, с бюрократическим и военным государством. Она предала реакционным силам борцов за политическую свободу, она предала им и борцов за национальное освобождение. Оставленные буржуазной Европой, поляки должны были на своих плечах вынести борьбу с чудовищем русского царизма. Освободившись от страха перед Европой, царизм с неслыханным варварством подавил восстание. Расстрелы и виселицы, конфискации и массовые ссылки, нагайка и изгнание — этими обычными мерами водворялся в Польше «порядок». После 16 месяцев борьбы, исполненной удивительного героизма, поляки были побеждены.

Они пытались перебросить восстание в самое сердце своего поработителя. Они обратились к только-что освобождавшейся от крепостного ига молодой России, к русской демократии. «За вольность нашу и вашу!» писали повстанцы на своем боевом знамени. Тщетно! Напрасно властитель дум тогдашних передовых русских людей — А. И. Герцен — призывал русское общество понять, что успех польского восстания двинет вперед дело русской свободы. Напрасно немногие русские революционные кружки того времени пытались разбудить крестьянскую массу, чтобы парализовать силу правительства. Только небольшой слой русской революционной молодежи и офицерства встал на помощь повстанцам. Русское «либеральное» общество пошло не за Герценом, а за Катковым [2], его демократизм не выдержал испытания; пропитанное рабскими традициями, русское общество дало себя опьянить лживой песнью о «русском национальном деле». И немногие русские демократы - революционеры — Потебня [3] и др. — остались одинокими. Они сложили свои головы в рядах польских повстанцев или на эшафоте, спасая честь русского народа.

Еще раз Польша была раздавлена, еще раз надежда польских патриотов была безжалостно обманута. Еще раз реакционная волна прокатилась по Европе и России. Вернувшиеся с театра восстания российские «ташкентцы» [4] стали искоренять русскую «крамолу» и обрызганный польскою кровью Муравьев-Вешатель [5] вскоре стал все-

российским жандармским диктатором. А на Западе опозорившая себя еще одним предательством буржуазия продолжала итти по пути сделок с абсолютизмом и в союзе с ним бороться с демократией. Дело свободы отныне имело за себя только одну мировую силу, но зато такую, которая способна довести его до конца. Этой силой явился пролетариат.

Собранная для выражения сочувствия польскому восстанию конференция из представителей рабочих разных стран положила в 1864 году начало «Международному Обществу Рабочих», благодаря которому идеи революционного социализма в короткое время овладели европейским и американским пролетариатом. Об'единяясь в самостоятельную политическую партию, международный пролетариат брал на себя осуществление исторических задач, оставшихся невыполненными буржуазией, и в числе их — освобождение национальностей, порабощенных реакционными государствами.

Освободить Европу от владычества главнейшего из этих государств — России, а для этого освободить Польшу, так формулировалась эта демократическая задача международного социализма. Дело Польши стало делом пролетариата, и дело европейского пролетариата стало своим для передовых польских революционеров, как Домбровский[6] и др., боровшиеся и павшие в рядах парижских коммунаров.

Рабочему движению Европы не удалось до сих пор поразить русское самодержавие и освободить цивилизованный мир от этого оплота всякой реакции. Но то, чего не сделала революционная сила международного пролетариата, отчасти уже сделано силой экономического развития. Оно проложило себе путь в Россию и преобразовало ее общественные отношения. Оно расшатало старинный социальный уклад и создало условия, в которых могло развиться современное революционное движение. Прошло тридцать лет со времени польского восстания, и русское самодержавие приобрело себе опасного врага в собственной стране — российский пролетариат, который так быстро формируется в громадную революционную силу.

Эта сила сломит царское самодержавие, она сделает то, чего не удалось сделать европейской демократии и польской революции.

Хозяйничающая в европейских странах буржуазия все более и более сближается с общественной реакцией и забывает интересы свободы. И пока эта буржуазия господствует в политической жизни Европы, нет никакой надежды на радикальное решение тех национальных вопросов, которые история оставила пролетариату в наследство. Только социальная революция пролетариата положит конец всем видам общественного гнета, в том числе и гнета национального.

Свержение русского самодержавия нанесет сильный удар европейской реакции и будет прологом пролетарской социальной революции. Надежда европейской демократии на то, что ее победа над царизмом будет достигнута в Варшаве, не оправдалась историей. Ей не удалось «отбросить за Урал» русский абсолютизм. Но та самая сила, которая предала дело демократии, — европейский капитализм, — подточила могущество российского колосса и сделала то, что царизм получил непобедимых внутренних врагов во всех концах России — вплоть до Урала и даже за Уралом. Смертельный удар царизму будет нанесен одновременно и в Варшаве, и в Петербурге, и в Москве, и везде в империи, где армия международного социализма имеет свои отряды. Историческая миссия освобождения Европы от царистского чудовища перешла от демократической Польши к пролетариату всей России.

Лелеянный повстанцами 1863 г., Герценом и борцами «Земли и Воли» союз русских и польских демократов не осуществился в те годы. Спустя полвека он осуществится как союз польского и русского пролетариата во имя требования демократической республики, которая обеспечит всем нациям право свободного самоопределения.

[Л. Мартов]

ЕЩЕ О РОСТОВСКОЙ СТАЧКЕ.

«Революционная Россия», которая находит, что непозволительно пользоваться ростовскими событиями как предлогом для сведения счетов между разными фракциями нашей революционной партии, не устояла, однако, перед искушением кинуть, по поводу этих событий, несколько камешков в огород русской социал-демократии. Она поместила корреспонденцию, изображающую действия нашего Донского Комитета в совершенно ложном свете, а в передовой статье преподнесла читателям длинное рассуждение о том, как не следует поступать во время движений, подобных ростовскому. Из этого рассуждения безо всяких «счетов», как бы само собой выходит, что не следует поступать именно так, как поступал наш Донской Комитет... если верить г. корреспонденту.

Вот посмотрите сами. Корреспондент «Р. Р.» утверждает, что Донской Комитет в своей агитации не выходил из рамок чисто экономических вопросов; с своей стороны, автор передовой статьи, совершенно позабыв все «минутные расчеты междуфракционной политики», а просто желая об'яснить, какую тактику рекомендовали бы его единомышленники, пишет: «Для тысячных толп рабочих из'езженная колея мирной, «чисто экономической» стачки теперь слишком узка, и если ее не покидают сами рабочие, — является полиция, являются войска и выгоняют их силою из этой колеи». Корреспондент повествует о том, что на одной из сходок Комитет старался «сдерживать рабочих, водворить полное спокойствие и хладнокровие», между тем как настроение участников сходки «сильно подымалось, искало выхода в чем-нибудь активном»; автор передовой статьи, отнюдь не желая намекать на кого бы то ни было, а так себе, вообще, подпевает: «Говорить рабочей массе: веди себя смирно и спокойно, но стойко, бастуй, пока не уважены твои требования, — сим победишь!—теперь не приходится». Корреспондент очень недоволен тем, что наш Комитет не повел рабочих в город на демонстрацию; автор передовой статьи «Революционной России» очень кстати высказывает такую общую мысль: «Положение вовсе не таково, чтобы нам представлялось на выбор: или мирная, спокойная стачка, или бурная, сопровождаемая столкновением демонстрация». Видите, как удивительно тонко выходит!

Автор передовой статьи не порицает никого из действовавших в Ростове. Он просто высказывает свое мнение о том, как надо пользоваться событиями, вроде ростовских, и как пользовались бы ими соц.-рев. А корреспондент описывает, как повели дело ростовские соц.-дем., и каждую вообще высказанную мысль передовой статьи подтверждает примером того или другого тактического промаха Донского Комитета. И подтверждает совсем неумышленно. Помилуйте! Он тоже чужд «минутных расчетов междуфракционной распри». Тут не более, как совпадение, полная гармония между тем, что описывает один, и тем, что думает вслух другой. И эта гармония так поражает читателя, так настраивает его против с.-дем. и в пользу их противников, что он восклицает: «Жаль, очень жаль, что влияние Д. К. на рабочих было так сильно! Досадно, очень досадно, что соц.-рев. блистали своим отсутствием именно там, где они были так нужны!» И расстроенный читатель отдыхает душой только тогда, когда прочитывает следующие успокоительные строки: «Придавая весьма важное значение экономической борьбе пролетариата и принимая на себя руководство этой борьбой, мы нравственно обязаны не раскрывать перед рабочими обманчивых, слишком радужно окрашенных перспектив». «Р. Р.» не только придает важное значение экономической борьбе пролетариата, но и «принимает на себя руководство» ею. Какое счастье! Теперь все пойдет хорошо!

Плохо только то, что описание ростовских событий, сделанное корреспондентом «Р. Р.», не соответствует истине, а потому указанная нами отрадная и поучительная гармония приобретает такой вид, как будто она была предустановлена, и предустановлена не при сотворении мира, а совсем, совсем недавно, почти на-днях, и не в силу тех общих метафизических причин, которым обязана своим происхождением гармония, открытая Лейбницем [7], а именно ради «минутных расчетов междуфракционной политики». А потому и впечатление, производимое ею, получает совсем другой и вовсе не «радужный» характер. Кто знает, как в самом деле агитировал наш Донской Комитет, тот ясно видит, что публицисты «Р. Р.» больше руководствуются «минутными расчетами междуфракционной политики» именно тогда, когда они закатывают глаза вверх, бьют себя в перси и кричат, что они не думают ни о чем, кроме истины. «Р. Р.» выразила однажды резкое отвращение к полемике à la Буренин [8]. Мы понимаем ее. Она предпочитает полемизировать в духе одного из славных представителей славного рода Головлевых [9]...

Правдолюбивый и хорошо осведомленный корреспондент «Рев. Росс.» сообщает, что Донской Комитет «поспешил вмешаться» в стачку, когда она уже началась без его ведома. Это неверно. Не говоря уже о том, что стачке предшествовали многочисленные прокламации Комитета, призывавшие рабочих к борьбе с их эксплоататорами, надо заметить, что едва заволновались рабочие котельного цеха, Комитет тотчас же был извещен об этом с в о и м человеком и немедленно принялся агитировать в пользу забастовки во всех мастерских. Если его агитация не осталась безуспешной, то этим он обязан был организованным рабочим, которые находились с ним в беспрерывных сношениях. Так ли ведут себя люди, «идущие в хвосте событий»? Совсем не так. Но какое дело до всего этого корресподенту «Р. Р.»? Какое дело до всего этого ее редакции? Как бы ни вел себя наш Донской Комитет; как бы ни были трудны те условия, при которых происходила его многолетняя, упорная и плодотворная работа, — в глазах «товарищей» из лагеря так называющихся социалистов-революционеров он всегда будет виновен уже одним тем, что носит название социал-демократического Комитета. Соц.-демократы всегда идут «во хвосте событий»; они всегда преисполнены «квиетизма». Это известно всем беззубым старушкам русской легальной и нелегальной литературы.

«Правда, в Ростове не было Комитета нашей Партии, — рассказывает автор передовой статьи; — но были там, как и везде, элементы, тяготеющие ко взглядам и методу действий, которым теперь обычно присвоивается имя «социал-революционных». Там даже образовался было небольшой кружок, попытавшийся самостоятельно вмешаться в стачку и выпустивший прокламацию, за подписью «группы соц.-революционеров». Как ни была мимолетна эта попытка, но и в ней обнаружилась одна характерная особенность всех людей и кружков, тяготеющих — несмотря на те или другие индивидуальные оттенки — к социально-революционным течениям».

Во всей этой тираде несомненно только то, что «элементы», симпатичные «Р. Р.», не имели никаких связей в ростовской рабочей среде, ничего в ней не делали и никакого влияния на нее не имели. Стало быть, знать о том, когда, что и как делалось и делается в этой среде, они в лучшем случае могли только «с пятого на десятое». А отсюда следует, что если редакция «Рев. России» хотела дать своим читателям достоверные сведения о событиях в Ростове, то ей надо было внимательно относиться к показаниям существовавшей там серьезной революционной организации, т. е. организации все тех же социал-демократов. Это представляется тем более обязательным, что — по собственному признанию собственного корреспондента «Рев. Росс.» — все ораторы, выступавшие перед стачечниками, по крайней мере, со вторника, 5 ноября, должны были заручиться полномочием от нашего Комитета, — так велико было его влияние! Но уже знакомая нам предустановленная гармония и нетерпеливая, хотя и великодушная, готовность «принять на себя» руководство экономической и всякой другой борьбой пролетариата заставляет «Рев. Росс.» поступать иначе. Вот яркий пример. О прокламации соц.-революционеров в приведенной нами тираде говорится, очевидно со слов корреспондента, который пишет, что на сходке стачечников 5 ноября «была разбросана среди рабочих гектографированная прокламация за подписью группы соц.-рев.». Но на сходке 5 ноября не было разбросано никакой прокламации, кроме той, которую написало от имени нашего Комитета, но без его согласия, лицо, обозначенное в корреспонденции буквой X [10]. Эту прокламацию стачечники разорвали, даже не дав себе труда прочесть ее, потому что на ней не было так хорошо известной им печати Донского Комитета. Именно этот факт и убедил лицо, обозначенное буквой X, в том, что ему следует выступить не иначе, как по соглашению с Комитетом *. Очевидец-корреспондент «Рев. Росс.»

* Заметим кстати, что X может быть заподозрен в симпатии к соц.-рев. разве только потому, что он слегка сочувствовал Эд. Бернштейну. Других указаний на эту симпатию не имеется

изобразил все это дело совершенно неверно, — грех, тысячи раз случавшийся с тысячью других корреспондентов-очевидцев. Желая поправить ошибку корреспондента, один из членов Комитета написал в «Р. Р.» письмо, изображавшее инцидент с прокламацией в его истинном свете. Но эта поправка разрушала предустановленную гармонию и потому явилась незванным гостем, который, как известно, хуже татарина. Редакция напечатала по ее поводу, — на последней странице, мелким шрифтом, — лишь след. двусмысленную заметку: «Нами получено письмо за подписью: «член Донского Комитета Амвросий»[11]. Г. Амвросий заявляет, что гектографированная прокламация, носившая, по словам нашего корреспондента, подпись «Группа социалистов-революционеров», была подписана: «Донской Комитет». Наш корреспондент настаивает на правильности своего сообщения». Очень хорошо! «Корреспондент настаивает». Но желательно было бы знать, что думает об его настойчивости сама редакция и «настаивает» ли она, в свою очередь, «на правильности» того места передовой статьи № 15, где о небывалой прокламации группы соц.-рев. говорится как раз то, что сообщил о ней настойчивый корреспондент. К сожалению, о сем редакция умалчивает. «Обычно» крайне многоречивая, она вдруг стала чрезвычайно скупа на слова. Оно и понятно. Письмо товарища Амвросия противоречило «минутным расчетам междуфракционной политики», так что смущенной редакции оставалось только умыть руки, подобно Понтию Пилату. И она совершила этот обряд с большим искусством в одной из самых задних комнат своего обширного помещения. А на переднем фоне, на глазах у большой публики, осталось все то же показание корреспондента. И все та же предустановленная гармония, заставляющая читателя терпеливо ждать того счастливого времени, когда «Р. Р.» и ее единомышленники в самом деле — а не только в бессильной мечте — примут на себя руководство борьбой пролетариата.

Очень хорошо. Но эта очень хорошая история имеет свою мораль, на которой не мешает остановиться.

Редакция «Р. Р.» не сочла себя обязанной во всеуслышание повторить вслед за нашим Донским Комитетом, что прокламация, распространенная 5 ноября, была подписана его именем, хотя и без его согласия. Это ее дело, — дело ее логики, ее здравого смысла. Ее недоверчивое отношение к свидетельству Донского Комитета может наводить на некоторые невыгодные для нее мысли, но собственно вины оно не составляет. И однако... Однако,

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я!

Когда мы не сочли себя обязанными повторить, вслед за так называемой «Боевой Организацией», что Балмашов стрелял в Сипягина по ее поручению, то с «Р. Р.» сделалась жесточайшая литературная истерика, а симпатизирующие ей «элементы» стали на все голоса и на «все Европы» жалобно кричать о том, что мы совершили какую-то неслыханную провинность, неслыханным образом погрешив против какого-то обычного революционного права. Так «возмущались» они, когда дело коснулось свидетельства их товарищей. А теперь все они находят, повидимому, что в поведении «Р. Р.» нет ничего «возмутительного». Где же справедливость?

Корреспондент «Р. Р.» очень сожалеет о том, что Донской Комитет не организовал демонстрации. Ему и в голову не приходит, что в Ростове в продолжение нескольких дней, и притом именно благодаря умелости и такту соц.-дем. вожаков рабочих, происходила колоссальная, еще небывалая в России демонстрация. Корреспондент «Р. Р.» подобен крыловскому чудаку, слона-то

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

II. Пролетариат и крестьянство «на Западе».

Мы начинаем с «Запада». Почему? Это выяснится самим ходом исследования. Теперь же мы просим читателя удовольствоваться пока тем общим соображением, что западные страны более «развиты», чем наше отечество, а более развитые страны до некоторой степени показывают то, что предстоит «отсталым».

Что такое пролетарий? Это производитель, который не имеет никаких средств производства и потому вынужден продавать свою рабочую силу обладателю таковых, капиталисту, т. е. должен работать по найму.

А что такое крестьянин? Это, прежде всего, землевладелец. Но прусский юнкер тоже — землевладелец, а между тем его никто не назовет крестьянином. Стало быть, землевладение составляет хотя необходимый, но еще недостаточный признак того общественного слоя, который называется крестьянством.

Каковы же его другие признаки? Прежде, в то доброе старое время, когда «западные» страны — напр., хоть та же Пруссия, — были отсталыми в том самом смысле, в каком мы назвали отсталой Россию, крестьянская поземельная собственность отличалась там от дворянской правовым положением собственника. Теперь правовые различия этого рода, можно сказать, совсем исчезли даже в наименее «передовых» из западно-европейских стран, и потому крестьянское землевладение характеризуется там лишь своими размерами.

Согласно определению, даваемому известным немецким экономистом Конрадом, крестьянским считается такой участок, который достаточно велик для того, чтобы занять своей обработкой всю рабочую силу своего обладателя и его семьи, но слишком мал для того, чтобы его обладатель мог не принимать личного участия в его возделывании и ограничиться трудом управления и надзора за наемными рабочими *.

Конрад противопоставляет крестьянина обладателю парцеллы, который не может жить доходом со своего клочка земли и вынужден искать заработка на стороне (там же, стр. 438).

Если мы последуем за Конрадом в этом противопоставлении, — а последовать полезно в интересах точного разграничения понятий, — то крестьянское землевладение все-таки окажется у нас охватывающим участки весьма неодинаковой величины. В Германии называют крестьянскими такие участки, которые простираются от 2 до 100 гектаров (гектар — 0,9 десятины). В виду этого

* Handwörterbuch d. Staatsw., B. II, S. 437.

и не заметившему. Но чудачество, доводящее людей до того, что они не замечают самых величественных явлений, имеет, как и все на свете, свою причину. В политике оно «обычно» вызывается детской слабостью силы суждения. Человек запоминает какой-нибудь внешний, вовсе не необходимый признак явления и воображает, что дело именно в этом признаке. Там, где он его не видит, он не замечает и явления, хотя бы оно было и настоящим «слоном» между другими явлениями. Жертвой такого... «промаха незрелой мысли» сделался и корреспондент «Рев. Росс.». Он запомнил один из внешних признаков демонстрации — шествие по улицам, сопровождаемое противоправительственными возгласами и пением революционных песен, решил, что демонстрации не было, так как стачечники по улицам не ходили и песен не пели (отсутствие песен огорчило его, повидимому, особенно сильно). Кроме того, он слыхал, что ведущие политическую борьбу прибегают к демонстрациям, и решил, что, так как демонстрации в Ростове не было, то Донской Комитет склонен к «экономизму». А редакция «Р. Р.» охотно поверила этой удивительной цепи силлогизмов, так как ей давно уже хочется «принять на себя руководство» борьбой русского пролетариата.

Как именно вел себя наш Донской Комитет,—это отчасти уже знают наши читатели из опубликованных нами известий; а еще больше выяснится им это из известий, которые будут опубликованы нами в самом непродолжительном времени. А теперь мы спешим успокоить «Рев. Росс.» насчет характера нашей агитационной деятельности в среде рабочих.

Не беспокойтесь, господа, и не торопитесь «принять на себя руководство» освободительным движением этого класса. Беспокоиться вам решительно нечего, а в руководители пролетариата вы решительно не годитесь. Вы охотно и часто повторяете, что мы идем «в хвосте» событий и что мы задерживаем движение вместо того, чтобы содействовать его ускорению. Вы ссылаетесь при этом на наши собственные признания. И в этом последнем случае вы отчасти говорите правду. Очень нередко, критикуя свою собственную деятельность, мы говорим: «события опередили нас; мы идем в их хвосте» и т. п. Но эти самообличения — к слову сказать, свидетельствующие о том, что мы вовсе не такие самодовольные доктринеры, какими вы нас изображаете — не только не говорят против наших воззрений, а наоборот, представляют собою блестящее, хотя и косвенное подтверждение их неоспоримой правильности. В самом деле, о каких событиях здесь говорится и в каком смысле они нас обгоняют? Здесь говорится о тех событиях, совокупность которых обусловливается быстрым ростом классового сознания русского пролетариата. Число и значение этих событий увеличиваются так быстро, что часто мы оказываемся не в состоянии использовать их во всей их полноте. И мы, разумеется, очень жалеем об этом обстоятельстве; мы указываем на него, чтобы побудить себя и других к новой работе, к новым усилиям. Но самый факт этого быстрого роста классового самосознания в среде русских пролетариев показывает, что правда на нашей стороне, а не на стороне тех стародумов русской революции, которые еще так недавно с упорством закоснелых старообрядцев твердили, что так как капитализму не суждено у нас развиться, то нелепо видеть в пролетариате главного и самого надежного носителя революционной идеи в России. Когда мы говорили нашим революционерам: «идите к рабочим», над нами смеялись, на нас смотрели почти как на безумцев. Не далее, как в 1889 г. издававшаяся в Женеве «Свободная Россия», оспаривая нас, писала: «Если даже в Германии, где соц.-демократы представляют уже известную поли-

---

нельзя не согласиться с А. Толстым, утверждающим, что «есть мужик и мужик». Крестьянин, владеющий двумя-тремя гектарами живет «трудами рук своих» и в лучшем случае кое-как сводит концы с концами; а крестьянин, имеющий сто гектаров, не только пользуется благосостоянием, но — и это для нас главное — не может обойтись в своем хозяйстве без наемных рабочих. Поэтому он принадлежит к классу предпринимателей, эксплоататоров.

Но эти две категории крестьян соединяются между собою множеством промежуточных ступеней, делающих почти незаметным переход от одной из них к другой. Притом же крестьянин, эксплоатирующий наемных рабочих, сам принимает участие в их труде и этим отличается от крупного предпринимателя, который только распоряжается и управляет «делом». Характер крестьянина, имеющего батраков, отличается, стало быть, двойственностью: такой крестьянин не только эксплоататор, он также и производитель.

Чем больше у него батраков, тем меньше, обыкновенно, его личное участие в их труде и тем более в его характере преобладают черты эксплоататора; а чем незначительнее число его батраков, тем больше приходится работать ему самому и тем более он приближается к мелким самостоятельным производителям.

Так как его характер определяется этими двумя чертами, то для понимания этого характера надо иметь ясное представление: 1) о том, что такое эксплоататор; 2) о том, что такое самостоятельный производитель.

Всякий социалист хорошо знает, что такое эксплоататор. На этот счет распространяться излишне. Поэтому мы прямо переходим к выяснению того, что такое мелкий самостоятельный производитель. Выяснить это нам тем более полезно, что значительная часть крестьянства целиком принадлежит к этой категории, обрабатывая свои участки своими собственными силами и вовсе не прибегая к покупке чужой рабочей силы.

Прежде всего, мы наталкиваемся здесь на такие вопросы: имеем ли мы право отождествить понятие «мелкий самостоятельный производитель» с понятием «пролетарий»? А если для их отождествления нет достаточного основания, то не можем ли мы, по крайней мере, об'единить их в одном общем, более широком понятии, напр., в понятии «трудящееся население»?

И да, и нет! Здесь все зависит от точки зрения.

Если мы станем на точку зрения морали и, об'явив эксплоатацию чужого труда безнравственной, будем классифицировать членов современного цивилизованного общества сообразно тому, живут или не живут они такой

тическую силу, результаты, достигнутые ими, далеко не блестящи, то у нас, конечно, нельзя даже думать серьезно о том, что наши рабочие будут служить en masse активными и сознательными борцами за добывание политической свободы». И затем, развивая свою мысль, она прибавляла, что «даже успешная пропаганда среди отдельных даровитых рабочих не окупает той массы жертв, которых требует». В редактировании «Свободной России» принимал участие г. Вл. Бурцев [12], отчаянный террорист и, если не ошибаемся, единомышленник нынешних соц.-рев. Конечно, в настоящее время г. Вл. Бурцев уже не согласился бы напечатать цитированные нами строки. Но не согласился бы только потому, что теперь уже слишком очевидна нелепость высказанной в ней мысли и слишком уже ясно теперь, что мы были правы. Теперь нас уже не смеют уверять, что русский пролетариат не способен на борьбу за политическую свободу; но теперь нас пытаются поймать на слове, когда мы говорим, что силы пролетариата растут быстрее, чем могли ожидать даже очень многие из нас. Жалкая попытка! Наши противники не понимают, что, чем более события опережают соц.-демократов, тем злее и беспощаднее насмехаются они, эти события, над ними, нашими противниками.

Да, события опережают нас. Но какие события? Те самые, которые мы давно уже считали неизбежными и которые вам и вашим духовным предкам представлялись несоответствующими «судьбам русского капитализма». Вы не замечаете, как жестоко насмеялась над вами та самая «жизнь», которую вы об'являете единственной учительницей. Вы до такой степени не сознаете глубочайшего комизма своего положения, что выражаете благосклонную готовность стать руководителями того самого общественного класса, исторического значения которого вы не понимали прежде и не поняли до сих пор, как это доказывается вашими усилиями отождествить понятие «пролетарий» с понятием «крестьянин». Нечего сказать, хорошие вышли бы из вас руководители. Письма Качура, подпавшего под ваше влияние, ясно показывают, как отразилось бы ваше руководительство на самосознании рабочих. Благодаря вам, он совершенно позабыл ту истину, — составляющую основное положение всей политики современных социалистов, — что освобождение пролетариата должно быть делом самого пролетариата. Вместо сознания этой истины, вы сообщили ему детскую веру в чудотворную силу вашей «Боевой Организации». Чем так влиять на рабочих, лучше, по евангельскому выражению, навязать себе жернов на шею и броситься в воду. Такое влияние не принесет ничего, кроме непоправимого вреда для русского пролетариата и для всей вообще русской революции. И вот почему глубоко прав был наш товарищ, сказавший в «Заре», что ваша партия носит двойное название социалистов-революционеров по двум причинам: потому, что ваш социализм не революционен, и еще потому, что ваша революционность не имеет ничего общего с социализмом. И поэтому же вы напрасно думаете, что вы и мы составляем лишь две фракции одной и той же революционной партии: нет, господа, нам нельзя с вами «родными счесться»; социал-демократы не могут принадлежать к одной партии с «социалистами-революционерами». Первые представляют в революционном движении пролетариат, вторые — мелкую буржуазию.

[Г. Плеханов]

эксплоатацией, то у нас непременно выйдет, что и пролетарий, работающий по найму, и ремесленник, не имеющий наемных рабочих, и крестьянин, собственным трудом возделывающий свое поле, принадлежат к одному общественному классу — классу производителей, неповинных в эксплоатации своих сограждан. И этому классу будет противостоять у нас класс эксплоататоров.

Но можем ли мы довольствоваться точкой зрения морали?

Нам опять приходится ответить: и да, и нет. Здесь все зависит от нашей умственной требовательности.

Было время, когда многие социалисты совершенно довольствовались точкой зрения морали. Это время было временем утопического социализма. А потом социалисты перестали довольствоваться точкой зрения морали и перешли на точку зрения науки. Тогда началась эпоха научного социализма *.

Последователи научного социализма стремятся к научному пониманию и к научной классификации явлений. А научная классификация явлений основывается на их свойствах или на их происхождении, а не на тех моральных суждениях, которые мы произносим по их поводу. Мы можем сколько угодно порицать волка и хвалить собаку. Это не мешает зоологу отнести того и другого к одному роду canis.

Как же представляется дело с научной точки зрения? Чтобы понять это, надо сначала разрешить вопрос о том, что именно называется классом в современной общественной науке.

Маркс задался этим вопросом в последней главе третьего тома «Капитала», причем формулировал его так: почему наемные рабочие, капиталисты и землевладельцы составляют три великих класса современного общества? Указанная глава осталась неоконченной, и потому не дает полного ответа. Однако даже и то, что сказано там, достаточно определяет мысль автора, если не с положительной, то с отрицательной ее стороны. Именно, мы узнаем, что, по мнению Маркса, только на первый взгляд кажется, будто дело тут (в вышеприведенной классификации) заключается в одинаковости дохода и источника дохода; дальнейший анализ приводит к другому выводу. Каков этот вывод — осталось, повидимому, неизвестным, так как именно в этом месте оборвалась рукопись третьего тома. Но совершенно ясно, по крайней мере, то,

* Во избежание недоразумений заметим, что многие социалисты-утописты уже понимали неудовлетворительность моральной точки зрения и стремились к научному анализу общественной жизни. Но они еще не знали, где искать основы этой жизни, и потому их анализ не мог итти далеко.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Каждый день русское правительство наносит один удар за другим небольшой, но культурной стране, пользовавшейся до 1899 г. политической свободой и не имевшей до самого последнего времени ни малейшего представления о всех прелестях российского самодержавия. Царские опричники, со своим жалким господином во главе, самым грубым образом попирают вековые права и вольности финского народа; сознавая приближение конца своего разбойнического хозяйничания и в самой России, эта шайка бандитов спешит насладиться в Финляндии самым диким вандализмом — уничтожением созданного веками свободного политического и общественного строя. Словно из рога изобилия сыплются на эту несчастную страну новые «законы», «распоряжения», «предначертания» и «мероприятия» Ники-Милуши [13] и его верных слуг. Нет никакой возможности в газетной статье познакомить читателя со всеми возмутительными подвигами Плеве, Бобрикова и прочей братии за последние два месяца; поэтому мы ограничимся лишь наиболее тяжкими политическими преступлениями издыхающего самодержавия.

В последний раз (№ 29) мы говорили о летнем секретном циркуляре Плеве о вскрытии писем. Финляндская почта была во всех отношениях поставлена превосходно, и до сих пор никому не приходилось в Финляндии опасаться за судьбу своих писем. Уже вскоре по приезде в Гельсингфорс Бобриков начал делать попытки введения русских почтовых порядков, но финляндцы были уверены в несбыточности дерзких «мечтаний» сатрапа, пока пост почтдиректора занимает г. Лагерборг. Заранее предвидя невозможность устройства в Финляндии черных кабинетов при финляндских почтмейстерах и прочих почтовых чиновниках, Плеве решил постепенно приучать финляндцев к жандармским обычаям. Поэтому, для начала «реформы», он вздумал избрать «честный» образ действий, повелев почтовым учреждениям «вскрывать подобные отправления (т. е. относительно которых возникает подозрение) в присутствии адресата и направлять недозволенные произведения печати губернатору для дальнейших мероприятий». Финляндский почтдиректор наотрез отказался от проведения этой «реформы», несмотря на неоднократные напоминания Бобрикова. В конце ноября г. Лагерборга вызвали для об'яснений в Петербург, и он тотчас же подал в отставку. Представление финляндского сената по вопросу о «реформе» было г-ном Плеве оставлено «без последствий». 27 дек. Николай II «всемилостивейше уволил, согласно прошению», г. Лагерборга в отставку. Его помощник и следующий за ним высший чиновник финляндского почтового ведомства «по болезни» одновременно отказались от исполнения служебных обязанностей. Бобриков, недолго думая, приказал одному из чиновников своей канцелярии исполнять должность почтдиректора. Повидимому, приближается в Финляндии осуществление почтовых идеалов Плеве, но можно смело предсказать, что проведение его «реформы» встретит упорное сопротивление как со стороны всех честных почтовых чиновников, так и со стороны публики, которая не дозволит безнаказанно совершать над собою такого наглого насилия. Независимо от проведения «реформы», как мы слышали, ездит особый русский чиновник между Петербургом и Белоостровом для надзора за «подозрительными» письмами. Нелегальной же литературы не поймают опричники даже и при осуществлении жандармских вожделений относительно почты. Правда, один из сентябрьских царских преступных «законов» позволяет заменять финляндских чиновников «русскими уроженцами», которым, вопреки финляндской конституции, предоставлены в Финляндии права государственной службы. Не правда ли, коротко и ясно? Обрусители начали применять этот закон еще задолго до его существования и, по всей вероятности, его в будущем ждет самое широкое применение. В финляндских газетах 8, 9, 12 и 22 января сообщается, что подали в отставку четыре финляндских губернатора-гражданина, пользующихся всеобщим уважением и оставшихся верными конституции, пятый же губернатор вышел в отставку очень недавно. Так они действовали по приказанию свыше. Губернатору же Абоской губ., которому недавно был об'явлен «высочайший» выговор за вмешательство в распоряжения Кайгородова во время избиения мирной публики на Сенатской площади 5 (18) апреля, официально повелено подать в отставку. Ближайший повод к такому мероприятию пока нам неизвестен, причина же ясна: Плеве заменит финляндских губернаторов-граждан русскими помпадурами и послушными финляндцами-рабами. Из остальных же трех губернаторов (русских уроженцев) финляндских губерний особенно отличился нюландский губернатор Кайгородов и недавно

что не распределением общественного дохода, т. е. не подразделением его на заработную плату, предпринимательскую прибыль и поземельную ренту, обусловливается разделение современного общества на три великих класса: наемных рабочих, капиталистов и землевладельцев. Распределение дохода не может, стало быть, служить научной основой классификации этого рода.

Если это так, — а мы сейчас увидим, что это на самом деле так, — то, очевидно, очень ошибаются те люди, которые относят крестьянина или вообще мелкого самостоятельного производителя к одному классу с пролетарием на том основании, что доход такого производителя не выше, а иногда и ниже, чем доход пролетария, или же в силу того соображения, что крупный капитал эксплоатирует не только пролетария, но также и мелкого производителя. Факты, на которые при этом указывают, очень часто совершенно неоспоримы; но они имеют не то общественное значение, какое им обыкновенно приписывают.

Чем же обусловливается разделение общества на классы? На этот вопрос отвечает другая, предпоследняя глава «Капитала».

Общий вывод, который из нее вытекает, может быть выражен словами самого Маркса: данные отношения распределения являются выражением исторически определенных отношений производства.

Но выражение предполагает существование того, что выражается. Поэтому данные отношения распределения, т. е. данный способ распределения продукта, предполагают известное производственное отношение. Предполагают не только логически, но и исторически. Наемный рабочий получает известный доход в виде заработной платы. Это — факт, характеризующий собой отношения распределения. Наемный рабочий не имеет ничего, кроме своей рабочей силы; все средства производства принадлежат другим классам: капиталистам и землевладельцам. Это — факт, относящийся к области производственных отношений. Но почему же рабочий получает только заработную плату, т. е. только часть продукта, созданного его трудом? Именно потому, что у него нет ничего, кроме рабочей силы. Отношения распределения выражают собой отношения производства. Но они не только выражают их, а также и обусловливаются ими. Если бы не было свойственных капиталистическому обществу производственных отношений, то и не было бы свойственных ему отношений распределения. А его производственные отношения представляют собою лишь один период в экономической истории человечества. Они возникли вследствие экономического развития

назначенный выборгский губернатор Мясоедов, прозванный финляндцами Каннибаловым. Последний попросту превращает губернское управление в жандармское и во всем следует мудрым указаниям жандармского ротмистра Крамаренки. Сей славный помпадур совершенно произвольно смещает годных сельских и городских полицейских чиновников и вообще не знает никаких границ в своих возмутительных выходках. Между прочим, он недавно потребовал от всех обществ и союзов их уставы; видно, он мечтает вмешаться в их порядки. Подобные сатрапы в ближайшем будущем займут все губернаторские посты в Финляндии.

Кроме губернаторов, за последнее время подали в отставку несколько членов судов второй инстанции. В прошлой статье мы говорили о разгроме Николаем II этих учреждений. Нынешний рабский финляндский сенат, стараясь во всем угодить Плеве и Бобрикову, поспешил 7 (20) декабря обратиться к последнему с покорнейшей просьбой о разрешении применить сентябрьский «закон» (о смещении административным путем чиновников) к протокольному секретарю Столбергу, отказавшемуся от доклада в сенат противозаконного распоряжения по вопросу о воинской повинности. Само собою разумеется, что милостивый ответ не замедлил последовать. На-днях было приказано в течение трех суток подать в отставку другому протокольному секретарю Фуругельму за участие в демонстрации 10 (23) февраля в Новой кирке при попытке обнародования пресловутого «закона» о воинской повинности. Это дело весной разбиралось судом, который приговорил полицейского комиссара за неправильное задержание г. Фуругельма к аресту на два месяца, а г. Фуругельма за удар комиссара к штрафу в 25 м. В обоих этих случаях незаконного смещения чиновников-граждан выказал свою энергию новый помощник Бобрикова Дейтрих. Как видит читатель из приведенных нами фактов, лучшая часть финляндских чиновников не подчиняется беззаконным приказаниям царя и его верных сподвижников; это доказывают, между прочим, и правильные приговоры весной финляндских судов, на которые не могли оказать давление обрусители. Положение всех честных финляндских чиновников, разумеется, при новом режиме с каждым днем становится невыносимее и им постоянно угрожает лишение места.

К сожалению, русское правительство нашло себе союзников в оппортунистической консервативной старофенноманской[14] партии, отличающейся преступной недальвидностью. Члены этой партии за некоторые уступки, новидностью. Члены этой партии за некоторые уступки, ждениях финского языка, а главным образом, конечно, за назначение на разные должности старо-фенноманнов и т. п., — в буквальном смысле продают за чечевичную похлебку свободу своей родины. Из этой среды Плеве вербует себе покорных рабов среди финляндцев, так как пока немыслимо все должности заместить русскими, не знающими ни языков, ни обычаев, ни нравов финского народа. Благодаря лишь стараниям и агитации членов этой все уменьшающейся партии, в прошлом году в воинские присутствия, по самым последним и точным данным, явилось 41,6 проц., или 10.438 юношей, тогда как 14.642 юноши избрали благую часть и, несмотря на приказ царя, не явились. Представители старо-финноманской партии и теперь продолжают употреблять все усилия для достижения благих результатов. Для такой великой цели превратился в публициста даже сам архиепископ Иогансон, нередко украшающий своими наивными статьями столбцы лейб-органа этой партии. Этот почтенный муж не брезгает распускать подчас самые нелепые слухи о великодушии Плеве, царя и т. п. Члены старо-финноманской партии, пользующейся за последнее время расположением опричников и их достойной «официальной» «Финляндск. Газ.», являются, действительно, опасными «агитаторами», о вредном влиянии которых постоянно с пеной во рту кричит жандармский орган, а отнюдь не те благородные граждане, которые принадлежат к «партии протеста и противодействия», к «подпольным сторонникам дерзкого протеста» и т. п. 12 ноября в Гельсингфорсе состоялся с'езд 235 финляндских граждан, среди которых было много крестьян. Эти граждане из всех классов и из разных местностей страны единогласно признали необходимым продолжать во всех областях энергичное «пассивное» сопротивление для спасения государственного и национального бытия финского народа до тех пор, пока не будет восстановлен в стране законный порядок; далее, собрание постановило, что должно продолжать непрерывную, интенсивную работу по распространению среди широких слоев народа ясного понимания необходимости «пассивного» сопротивления. Собрание увещевает всех граждан уважать

и исчезнут под его же влиянием. Кто хочет понять судьбу, ожидающую нынешнее буржуазное общество, тот ни на шаг не приблизится к своей цели, когда узнает, как совершается в нем распределение продукта; дело станет ему ясно только тогда, когда он поймет исторический характер, переходное, временное значение свойственных этому обществу отношений производства.

Теперь мы знаем, что такое общественный класс. Это — более или менее обширный разряд лиц, находящихся в одинаковых отношениях производства к другим разрядам. Разделение общества на классы обусловливается существующими в нем производственными отношениями. Стало быть, к этим отношениям мы должны обратиться и при решении вопроса о том, принадлежат ли мелкие самостоятельные производители к одному классу с пролетариями?

С точки зрения производственных отношений пролетарий совсем не то, что мелкий самостоятельный производитель. И тот и другой трудятся; это так. Но один трудится для себя, а другой — для хозяина; в этим существенная разница. Если мелкий производитель трудится для себя, а не для хозяина, то этим он обязан не своему труду, а своему положению обладателя известных средств производства. Это положение составляет отличительный признак этой категории производителей, заставляющий выделить ее в особый общественный класс.

Кто думает, что понятие пролетарий должно раствориться в более «широком» понятии трудящийся, тот или ничего не понимает в современном социализме, или умышленно насаждает теоретическую путаницу ради какой-нибудь практической цели, не имеющей ровно ничего общего с делом истинного освобождения «трудящихся».

Производственные отношения всякого данного общества не только обусловливают собою разделение его на классы и свойственное ему распределение продукта. Ими определяется также направление всех великих общественных движений. Производственными отношениями капиталистического общества обусловливается то обстоятельство, что пролетарий не может сбросить с себя ига капитала иначе, как совершив социальную революцию. Поэтому пролетариат является теперь классом революционным по преимуществу. Не то с мелкими производителями. Принадлежность им средств производства является, как мы видели, залогом их экономической самостоятельности. Поэтому их жизненный интерес требует сохранения частной собственности на средства производства. Если производственные отношения делают из пролетария революционера, то из мелкого произво-

интересы рабочего класса, чтобы таким образом рассеялись недоразумения и недоверие среди различных общественных классов и весь народ мог единодушно принимать участие в защите своих самых дорогих прав. Собрание признало необходимым, чтобы народ ясно выражал неодобрение тем газетам и лицам, которые проповедуют необходимость подчинения обрусительной политике русского правительства. Далее, собрание постановило, чтобы на все выборные должности избирались лишь такие граждане, которые, несмотря на давление правительства, твердо стояли за исполнение законов и за права финского народа. Мы не будем излагать всех пунктов решения; упомянем только о постановлении относительно чиновников, которым вменено в обязанность, несмотря ни на какие препятствия, не отступать от соблюдения конституции. Долгом общества является материальная поддержка пострадавших чиновников. Постановления этого с'езда были изданы в виде особого листка и получили самое широкое распространение. Сама «Фин. Газета» очень недипломатично жалуется на то, что в иностранной прессе было опубликовано решение этого с'езда. Бобриков узнал о нем лишь на следующий день и пригрозил отставкой полицмейстеру, если он впредь не будет пресекать подобные «беззаконные и преступные сборища». Несмотря, однако, на гнев Бобрикова, подобных с'ездов и собраний за последнее время состоялось, как я слышал из достоверного источника, до двадцати в разных местностях Финляндии.

Старо-финноманская партия, в противовес истинным гражданам Финляндии, также имела в двух-трех местах с'езды и собрания, которые отличались вялостью и очень мало посещались. Особенно трагикомичным является их партийное собрание в Выборге, где оно происходило по программе, одобренной Мясоедовым, который вначале было решил разогнать финноманов. Однако читатель сделал бы совершенно неправильное заключение, если бы он причислил всех членов этой партии к изменникам. Большая часть из них, несомненно, ослеплена своими узкими партийными и классовыми интересами и сама не сознает причиняемого вреда. Эта партия на развалинах свободы отечества, которую она якобы спасает, торжествует «победу» над своими политическими противниками. Это страшно недальновидно: русское правительство намеревается впоследствии, справившись с оппозицией, разделаться и со своими нынешними союзниками.

Тем нелепее вся эта агитация за подчинение, что результаты сопротивления имеются налицо. Только дружный отпор, оказанный новобранцами и другими элементами финского народа в прошлом году, мог поставить втупик правительство и заставить его медленнее проводить военную «реформу». Куропаткин на 1903 год решил призвать к активной службе еще меньше новобранцев в Финляндии, чем в прошлом году, — всего 190 чел., для пополнения одного лишь финского гвардейского батальона. Это распоряжение превосходно доказывает все бессилие русского правительства перед единодушным народным сопротивлением. «Фин. Газ.» постоянно разглагольствует о «царской милости». «По уставу 1878 г., ежегодно призывалось на службу от 2.000 до 2.300 новобранцев; ныне же требуется от Финляндии впредь до изменения (курсив наш) лишь меньше десятой этого последнего числа, хотя население возросло до 2.700.000 и, по общеимперскому уровню, с края причислялось бы свыше 2.700 новобранцев». В том-то и штука, что финский народ не надуешь так легко, как хотелось бы гг. Бобрикову и К°. Он понимает, какие милости его ожидают в будущем, если он теперь согласится подчиниться незаконным требованиям клятвопреступника. Дружное сопротивление финских юношей в этом году должно быть еще сильнее и внушительнее, тогда правительство будет вынуждено совершенно отказаться от «реформы». Не будучи в состоянии придумать наказания для всех новобранцев, опричники Николая II хотели-было сорвать гнев за свое бессилие на нескольких стах интеллигентных юношей, т. е. на студентах. Начальство Гельсингфорсского университета отказалось содействовать выполнению «благих предначертаний» г. Плеве. За это на-днях в Петербурге приказано было подать в отставку вице-канцлеру университета, проф. Рейну, который вполне правильно отказался подчиниться и этому беззаконному требованию. Его преемник уже избран: это профессор Даниельсон, один из руководителей старо-фенноманской партии. Он, несомненно, согласится на все подлости, но, понятно, лишь «для спасения отечества», а не по другим мотивам. Во имя патриотизма во всем мире проделываются разные гадости. Но на примере Финляндии мы видим, что патриотизм при некоторых условиях может вести истинных граждан и к самоотверженной борьбе с поборниками мракобесия и героями виселицы и застенка.

дителя они делают консерватора. Само собою разумеется, что этот консерватор далеко не всегда доволен своим положением. Он тоже может роптать и волноваться. Но пока он стоит на своей собственной точке зрения, пока он усиливается защитить или восстановить характерные для него отношения производства, до тех пор его недовольство пропитано духом консерватизма или даже реакции. Оно направляется не против частной собственности на средства производства, а против того, что мешает ему пользоваться выгодами такой собственности. Он хотел бы остановить или повернуть назад колесо истории. И это давно и хорошо сознали гг. «охранители». Так, уже цитированный нами Конрад говорит о крестьянах: «Крестьянство всегда было консервативнейшим элементом государства; оно всегда упорно держалось за старое и защищало его с величайшей энергией. Понимание важного значения имущества и любовь к отечеству делают его естественным противником свойственных городам революционных идей и твердым оплотом против соц.-дем. стремлений» (там же, стр. 439). Такое же отрадное упование на консерватизм крестьянина не раз высказывали «охранители» других западноевропейских стран; для примера укажем на книгу французского экономиста Сушона *.

* «La propriété paysanne», Paris, 1899.

Правда, в течение последнего десятилетия в социалистической литературе все чаще и чаще раздаются голоса, выражающие твердое убеждение в том, что крестьянин может и должен быть привлечен к социализму. И не в одной только европейской литературе высказывается подобная уверенность. Совсем недавно в Чикаго вышла книжка «The american Farmer», автор которой, американский социал-демократ Саймонс, полагает, что мелкий фермер является теперь естественным союзником промышленного пролетария. Но это мнение Саймонса не противоречит нашей мысли. Его только надо понять как следует.

Капиталистические производственные отношения все более и более расширяют область своего господства в передовых странах нашего времени. Это расширение области господства названных отношений делает положение мелкого производителя, — как в промышленности, так и в земледелии, — все более и более непрочным, зависимым и тяжелым. Саймонс приводит много интересных примеров, показывающих, что мелкий американский фермер часто кругом опутан сетями капитала. В виду этого северо-американская социал-демократия может найти и должна искать себе сторонников также и между мелкими фермерами. Но для того, чтобы мелкий фермер пошел под ее знамя, безусловно необходимо

Политический гнет в Финляндии вызвал страшную эмиграцию. Число лиц, эмигрировавших лишь через Ганге за 1902 г., достигает, по словам «Свободн. Слова», до 22.265 чел. Всю цифру эмигрантов за 1902 г. эта свободная финляндская газета исчисляет приблизительно в 25 тыс. чел. Среднее же число эмигрантов в год, уехавших через Ганге, за период времени от 1891 до 1898 гг., составляло лишь 3.378 чел. Разница, поистине, ужасающая! Эмиграция начала сильно возрастать немедленно с введения нового режима в стране; об этом красноречиво говорят следующие цифры: за 1899 г. — 12.357, 1900 — 10.642, за 1901—12.659 (все эти данные мы заимствуем из того же источника). Само собой разумеется, виновниками этого социального бедствия являются мудрые советники Ники-Милуши, но в этом они не хотят ни за что сознаться, а потому все валят на экономические причины. Недурны «Фин. Газ.», «Нов. Время» и проч. в роли политико-экономических органов!

Гг. обрусители давно уже хотят ввести в Финляндии все усовершенствования жандармско-полицейской цивилизации. В одной из предыдущих статей мы говорили о проекте введения дворницкого ига в Гельсингфорсе. Теперь, по царскому приказанию, проект этот обсуждался финляндским сенатом, который временно ассигновал значительную сумму в 42.200 мар. на усиление состава гельсингфорсской полиции. Во главе ее попрежнему стоит отчаянный взяточник и настоящий шут гороховый Карлстедт, который так печально отличился во время демонстрации 5 (18) апреля *.

Жандармский режим, сопровождающийся неслыханным разгромом периодической печати, вызвал в Финляндии быстрое развитие всевозможной нелегальной прессы, о которой до 1900 года никто не имел никакого представления. Теперь «Фин. Газ.» постоянно вопит о «подпольной» печати. В шведских и финских газетах, печатающихся в Стокгольме, много сравнительно места и внимания уделяется революционной борьбе в России. Финляндцы с большим сочувствием следят за ее развитием, понимая, что будущность их страны тесно связана с грядущей революцией в нашем отечестве. Русское правительство энергично содействует революционизированию целого народа, гордившегося до последнего времени своею лойяльностью. Теперь же в свободной финляндской прессе начинает обсуждаться столь важный вопрос, как вопрос об отношении финляндской оппозиции к русскому революционному движению и о необходимости совместной борьбы финского народа и русских революционных элементов. Правда, в финляндских свободных (оппозиционных, но только умеренных и отнюдь не революционных) изданиях высказываются мнения за и против этого вопроса. Но уже важен самый факт обсуждения его. Открытое выражение наших симпатий к народу, страдающему под гнетом той же шайки разбойников, которая бесконтрольно и безнаказанно распоряжается судьбой миллионов русских граждан, несомненно, усилило бы мужество финляндских борцов и вселило бы в них доверие к русским революционерам. Мы, подобно автору прекрасной брошюры: «Рабочее дело в России» [15], считаем вполне уместным выражение русским пролетариатом своего мнения по финляндскому вопросу во время демонстраций. Соответствующие надписи на знаменах и дружные крики борцов-рабочих произведут, по нашему мнению, сильное впечатление не только на финский народ, но и на правительство, которое увидит в этом политическую зрелость русского пролетариата, умеющего протестовать против водворения самодержавия в свободной доселе стране. Я не настаиваю теперь же на необходимости устройства специальных демонстраций по финляндскому вопросу, но предлагаю соединить протесты против русского бесправия с протестами против грубого произвола в Финляндии. Это наглядно показало бы финляндцам, кто их истинные друзья в России, и с достаточной силой подчеркнуло бы разницу между симпатиями русских либералов, осмеливающихся, в лучшем случае, про себя вздохнуть, и симпатиями русских революционеров. Многие финляндцы, к сожалению, еще отожествляют различные фракции русских революционеров с легальной оппозицией наших, по большей части, беззубых либералов. Наш открытый протест по поводу коварной политики русского правительства в Финляндии был бы в одно и то же время протестом против нынешнего фактического главы самодержавия, Плеве, главного палача русских революционеров и палача финляндской свободы. Финляндцы тогда еще лучше поняли

* Интересующимся этим вопросом можно рекомендовать небольшую брошюру: «Растление гельсингфорсской полиции», Берлин, 1902 года.

одно важнейшее психологическое условие: он должен убедиться в том, что мелкое землевладение отжило свой век и что частная собственность на средства производства должна уступить место общественной. Другими словами, ему надо покинуть точку зрения мелкого производителя и встать на точку зрения пролетариата. При наличности этого условия соц.-демократия, разумеется, обязана принять его в свои ряды. Более того: она обязана облегчить ему своей пропагандой и агитацией переход на новую, непривычную для него точку зрения. Но до тех пор, пока такой переход не состоялся, пока фермер требует таких мер, которые обеспечили бы его существование, как мелкого производителя, пока он стремится не к социальной революции, а лишь к некоторым социальным реформам, которые задержали бы победоносное шествие крупного капитала или ограничили бы область его вторжения, — до тех пор он не социалист и ему нечего делать между социалистами. И если бы социальная демократия вздумала поддерживать эти его стремления, то она тем самым пришла бы в непримиримое противоречие со своей собственной коренной задачей, которая заключается совсем не в том, чтобы задерживать развитие капитализма, а в том, чтобы воспользоваться этим развитием в интересах социальной революции.

Мы знаем, что в социалистических партиях всего цивилизованного мира есть теперь «товарищи», изображающие этот вопрос в другом свете. Эти «товарищи» говорят, что социализм нисколько не изменит себе, взяв на себя отстаивание интересов крестьянства, как такового. Но своими доводами эти господа обнаруживают лишь неясность и непоследовательность своих собственных воззрений.

Святой Бернар, споря с людьми, утверждавшими, что взгляды Аристотеля тождественны с учением Иисуса, воскликнул: «Вы доказали не то, что Аристотель был христианином, а то, что вы сами язычники».

Подобно этому мы можем сказать о многих и многих из «товарищей», которые рекомендуют западным социалистам «новую тактику» по отношению к крестьянству: они доказали не то, что предлагаемые ими меры облегчат торжество социализма, а то, что это торжество им, нашим будто бы товарищам, совсем не нужно.

Пора кончить. Расставаясь с читателем до следующей статьи, мы настоятельно просим его твердо помнить, что мы говорим пока только о «Западе», а о России речь у нас впереди.

[Г. Плеханов]

бы, что наш девиз: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует демократическая республика!» должен быть и их девизом. Лишь когда осуществится наш девиз, лучи политической свободы снова и уж навсегда засияют в Финляндии.

* * *

В дополнение к письму нашего финляндского корреспондента сообщаем доставленный нам одним товарищем перевод «Программы финской рабочей партии», принятой на рабочем конгрессе в Або в июле 1899 г. (Эта же программа принята и всеобщим Союзом по-шведски говорящих рабочих Финляндии, из органа которого «Arbetaren» мы и заимствуем ее.)

Финская Рабочая Партия [16], исходя из основных положений рабочего движения в вопросе о развитии общества, стремится к экономическому и социальному освобождению финских рабочих. Подчеркивая, что главным условием этого освобождения является сохранение и защита национальной самостоятельности Финляндии, Партия поставила своей ближайшей задачей выполнение след. программы:

1) Всеобщее, равное и прямое избирательное право во всех выборах и голосованиях для каждого финского гражданина, достигшего 21-летнего возраста, и безразлично какого пола. Пропорциональная система выборов. Двухгодичные законодательные периоды. Производство выборов и перебаллотировок в определенный законом праздничный день.

2) Право народа через представительство издавать законы и самому облагать себя податями (право законодательства и самообложения).

3) Полная свобода союзов, собраний, слова и печати.

4) Рабочий день не должен превышать восьми часов. Максимум рабочего дня и минимум заработной платы должны быть немедленно установлены при государственных и коммунальных работах.

5) Всеобщее обязательное школьное обучение. Бесплатное обучение во всех учебных заведениях. Народная школа должна быть преобразована в подготовительную школу для всех высших учебных заведений.

6) Военные расходы должны быть в высшей степени уменьшены, идея мира развита и осуществлена в действительности.

7) Полное равноправие мужчин и женщин.

8) Закон об общем запрещении изготовления и продажи спиртных напитков.

9) Развитие фабричного законодательства. Число фабричных инспекторов сильно увеличено; назначение помощников фабричных инспекторов из среды рабочего класса. Назначение женских фабричных инспектрис.

10) Равномерно увеличивающийся подоходный налог и налог на наследства. Уничтожение всех косвенных налогов.

11) Страхование рабочих государством.

12) Бесплатная юридическая и медицинская помощь.

13) Улучшение положения безземельного населения, арендаторов и мелких крестьян.

[В. М. Смирнов]

БЛАГОРОДСТВО ВМЕСТО ПРОГРАММЫ И НЕРВНОСТЬ ВМЕСТО ТАКТИКИ.

Давая политическую оценку ростовских событий, наша газета, между прочим, писала: «Впрочем, соц.-рев. дело представляется, вероятно, в ином свете и, с их точки зрения, было бы, должно быть, «целесообразнее», если бы шестеро убитых в Ростове товарищей отдали свою жизнь на покушения против тех или иных полицейских извергов?» По поводу этих слов «Рев. Росс.» делает попытку обварить читателя лавой клокочущего благородства: «Трудно себе представить, чтобы после только что разгромленного, подавленного движения, над свежеусыпанными могилами погибших борцов, над их пролитой и едва успевшей высохнуть кровью, революционеры двух фракций могли поднимать между собою спор о том, в каком виде они предпочли бы смерть своих товарищей. Такие кощунственные (как я благороден!) пререкания — если бы они были возможны — свидетельствовали бы о том, что в сектантском ослеплении люди способны забыть, до какой степени является для них драгоценной эта кровь, святыми — эти жертвы, серьезными и подавляюще-трагичными — эти события... Что за извращенное, что за изумительное представление о революционерах!» (№ 15).

Свежеусыпанные могилы... кровь... кощунство... трупы... жертвы... сектантское ослепление... а над всем этим — сверкающие молнии «внефракционного» благородства. Благочестивый читатель ослеплен и оглушен, и в результате — вопрос благополучно эскамотирован.

А вопрос между тем требует категорического ответа. В № 12 «Рев. Росс.» мы читали, что невооруженные демонстрации в будущем «вряд ли могут оказывать то же воодушевляющее, бодрящее действие... Нарастает опасность, что они иногда окажут д е м о р а л и з у ю щ е е действие» (курсив автора). Но к массовому вооруженному отпору мы еще не готовы, — рассуждала далее «Рев. Росс.», — остается террор, сколько бы против него ни восставали «противники решительных способов действия». Конечно, террор стоит жертв. «Но вот, во время одной только батумской рабочей демонстрации перебито около тридцати человек из безоружной толпы. Мирная демонстрация во время обуховской забастовки также оканчивается побоищем, льется кровь». Пора перестать быть «только наковальней, миссия которой — принимать удары молота», пора отвечать на удары по массе... револьверными выстрелами (не всегда, как известно, попадающими в цель).

Логика истинно-революционных событий, разыгравшихся в Ростове, сдунула, как карточный домик, хрупкую террористическую логику «Р. Р.». Значение ростовских дней неоценимо, между прочим, потому, что при их свете террористические акты должны были получить настоящую, не романтическую оценку... Мы предложили нашим противникам, сторонникам «решительных способов действия», приложить соображения, развитые в № 12, к конкретному факту — и решить, не лучше ли было бы для дела теперь, когда вооруженная демонстрация в Ростове была еще невозможной, чтобы шесть погибших товарищей сложили свою жизнь в шести террористических актах. «Коли смерть, то уж лучше смерть с оружием в руках, — смерть, которая обходится недешево и врагу».

И в ответ — шумный поток неотразимо благородных слов. Конечно, господа, вы благородны. Конечно, вы выше «минутных расчетов междуфракционной борьбы», но неужели же это лишало нас права надеяться, что великий наглядный урок ростовских событий внушит вам истинно-революционный ответ на вопрос: «Как отвечать на правительственные зверства?» (заглавие цитированной статьи в № 12 «Р. Р.»), — подготовлением ли массового отпора или же символизацией революции

при помощи отдельных ударов? Вы находите, что «ростовские события слишком сложны, чтобы избрать их поводом для сведения счетов с другими фракциями»? Что значит эта банальная увертка? Ростовские события сложны, ростовские события важны, — их нужно понять, их нужно оценить. Но оценка зависит от классовой точки зрения, понимание зависит от доктрины. Где же еще место «для сведения счетов» с революционным авантюризмом, с принципиальной беспринципностью, как не здесь, в оценке этих сложных и важных событий?

Вам не нравится наша соц.-дем. оценка? Это понятно, если принять во внимание вашу собственную «демократическую» природу. Давайте нам вашу оценку. Разбивайте нашу. Это будет полезной борьбой взглядов. Но это прятание головы в песок «об'единительства»; но это эквилибристика со словом «фракция»; но это стремление прикрыть плющем фразеологии коренные разногласия по вопросам программы и тактики, — что, кроме вящшей путаницы, может произвести подобная «тактика»?

Да и вы сами, при всей вашей «внефракционной» добродетели, не удерживаетесь ведь от «кощунственных прекеканий» по поводу ростовских событий. И хорошо делаете, что не удерживаетесь. Желая противопоставить с в о ю тактику тактике соц.-демократической, вы договариваетесь в той же статье до крайне поучительных вещей. В Ростове, — рассказываете вы, — «образовался было небольшой кружок, пытавшийся самостоятельно вмешаться в стачку и выпустивший прокламацию за подписью «группы соц.-рев.». Как ни мимолетна была эта попытка, — говорите вы, — но и в ней все-таки обнаружилась одна характерная особенность всех людей и кружков, тяготеющих... к социально-революционному течению. Это — стремление не итти в хвосте событий, а толкать их вперед, требование смелой революционной инициативы» и пр. и пр.

Образовался было кружок... попробовал вмешаться... но попытка оказалась «мимолетной». Это, действительно, довольно «характерная особенность»! Когда идет систематическая работа революционизирования масс, — соц.-демократия одинока. Но как только поднятая ею общественная температура дает место революционной «мимолетности», — появляется группа соц.-революционеров и пытается «самостоятельно вмешаться». Эта характеристика, данная соц.-рев. публицистом, поистине превосходна. Она полна глубокого значения. В нескольких строках с самоубийственной ясностью вскрыт и с т о р и ч е с к и й «с м ы с л» в о з н и к н о в е н и я в с е й п а р т и и с о ц.-р е в.

В течение целого ряда лет соц.-дем. в полном одиночестве разрыхляла общественную почву, внося революционные идеи в рабочие кварталы, под громом насмешек и издевательств всего так наз. прогрессивного общества. Доктринеры, догматики, фанатики, фаталисты, социал-буржуа... целая свита таких эпитетов сопровождала русских «учеников». Эти эпитеты фабриковались отставными вождями и пророками, с которыми гг. соц.-рев. состоят в несомненном духовном родстве. И что же? Все формы оппозиционной и революционной борьбы, свидетелями которых мы были в последние годы, являются производными или отраженными эпизодами основного революционного процесса: политического пробуждения рабочего класса. Через его посредство соц.-дем. вызвала студентов на улицу. Крестьянство, поскольку в его бунтах имеются зародыши политической идеи, восприняло их от революционизированного соц.-дем. пролетариата. Она же оживила эту бедную земскую оппозицию, подарив ей под конец в качестве вождя ex-социалиста, воспитанного на марксизме. И, наконец, — это не парадокс! — сама партия соц.-рев. обязана соц.-демократии своим существованием.

Эмансипированные от революционной доктрины, лишенные классовой силы, соц.-рев. не способны на самостоятельную революционную роль. Все, на что они уполномочены своей природой, — это «мимолетная» попытка «самостоятельно вмешаться» в ход событий, не ими вызванный, с их работой не связанный. Они хотят сразу «сорвать банк». Это вполне естественное желание для беспринципной, политически-нервной группы интеллигентов. Сегодня, после ростовских событий, она говорит о необходимости знать, где лежит оружие, где расположены войска, дабы «воспользоваться стачкой, овладеть городом», а завтра, когда попытка овладеть городом окажется неудачной, она будет призывать нас («пока»!) к террористическим экзерсисам. Ва-банк! Это называется «требованием смелой революционной инициативы», «стремлением не итти в хвосте событий, а толкать их вперед»! От кого вы т р е б у е т е революционной инициативы? Проявите ее! Какие события вы толкали вперед? Мы не знаем таких событий! Весь ваш революционизм есть оборотная сторона оппортунизма. Вся ваша практика — полное отсутствие революционной инициативы и беспомощное, рабье заигрывание с революционным моментом...

[Н. Троцкий]

ПО ПОВОДУ ЗАЯВЛЕНИЯ БУНДА.

Мы только что получили № 106 «Последних Известий»[17] Бунда (от 3/21 января), содержащий сообщение о чрезвычайно важном, решительном и до последней степени печальном шаге Бунда. Оказывается, что в России вышло заявление Центрального Комитета Бунда по поводу извещения Организационного Комитета. Вернее, впрочем, было бы сказать: заявление по поводу п р и м е ч а н и я в извещении О. К., ибо г л а в н ы м о б р а з о м по поводу одного этого примечания и рассуждает Бунд в своем заявлении.

Дело вот в чем. Как знают наши читатели, О. К. сказал в этом ужасном «примечании», из которого (будто бы из которого!) загорелся сыр-бор, буквально следующее:

«Бунду также было предложено прислать своего представитедя в О. К., но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на наше предложение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и Бунд не замедлит прислать своего представителя».

Спрашивается, что может быть естественнее и невиннее этого примечания? Как мог поступить иначе О. К.? Умолчать о Бунде было бы неправдой, ибо О. К. не игнорировал его, да и не мог игнорировать, пока Бунд, на основании решения партийного с'езда 1898 г., входит в Росс. С.-Д.Р. Партию. А если не умолчать, то надо сказать, что мы приглашали. Кажется, это ясно? И еще

более ясно, что если причины молчания Бунда были неизвестны О. К., то он должен был именно так и сказать: «по неизвестным нам причинам». Прибавкой слов: надеемся, что причины были чисто случайные и что Бунд не замедлит прислать представителя, — О. К. заявлял открыто и прямо о своем желании работать вместе с Бундом над организацией с'езда и восстановлением Партии.

Очевидно, что если бы Бунд тоже разделял это желание, то ему оставалось только послать своего представителя, которого приглашали и конспиративным путем и в печатном заявлении. Вместо этого Бунд вступает в полемику с примечанием (!!) и в печатном заявлении излагает отдельно и особо свои мнения и свои взгляды на задачи О. К., на условия созыва с'езда. Прежде чем рассматривать «полемику» Бунда, прежде чем разбирать его взгляды, мы должны самым решительным образом протестовать против выступления Бунда с особым печатным заявлением, ибо это выступление нарушает элементарнейшие правила совместного ведения революционного дела, и особенно организационного дела. Одно из двух, господа: или вы не хотите работать в одном общем О. К., и тогда никто не посетует, конечно, на ваши отдельные выступления. Или вы хотите работать сообща, и тогда вы обязаны заявлять свои мнения не отдельно перед публикой, а перед товарищами по О. К., каковой О. К. лишь как целое выступает уже публично.

Бунд сам прекрасно видит, конечно, что его выступление бьет в лицо всем правилам товарищеского ведения общего дела, и он пытается прибегнуть к след., совсем уже слабому, оправданию: «Не имев возможности выразить свои взгляды на задачи предстоящего с'езда ни путем личного участия в совещании, ни путем участия в редактировании «Извещения», мы вынуждены хотя бы до некоторой степени восполнить этот пробел в настоящем заявлении». Спрашивается, неужели Бунд серьезно вздумает уверять, что он «не имел возможности» послать письма в О. К.? или послать письмо в Спб. Комитет? в организацию «Искры», в «Южный Рабочий»? А послать своего делегата в одну из этих организаций тоже не было возможности? Пытался ли Бунд сделать хоть один из этих «невозможно» трудных шагов, особенно, вероятно, трудных для такой слабенькой, неопытной и лишенной всяких связей организации, как Бунд?

Нечего играть в прятки, господа! Это и неумно, и недостойно. Вы выступили отдельно, потому что вы захотели выступить отдельно. А захотели вы выступить отдельно, чтобы сразу же показать и провести свое решение поставить на новую почву отношения к русским товарищам: не входить в Росс. С.-Д. Раб. Партию на основании устава 1898 г., а быть в федеративном союзе с нею. Вместо того, чтобы обсудить этот вопрос обстоятельно и всесторонне перед всем с'ездом, как хотели это сделать мы, воздерживавшиеся очень уже долго от продолжения начатой нами полемики по вопросу о федеративности и национальности, — как хотели сделать, несомненно, все или громадное большинство русских товарищей, вместо этого вы сорвали совместное обсуждение. Вы выступили не как товарищ Петербурга, Юга, «Искры», желающий сообща с ними обсудить (и до с'езда и на с'езде) наилучшую форму отношений, — вы выступили прямо как сторона, отдельно от всех членов Р.С.-Д.Р.П. ставящая всей этой Партии свои условия.

Насильно мил не будешь, говорит русская пословица. Если Бунд не хочет оставаться в той теснейшей связи с Росс. С.-Д.Р.П., которую правильно наметил с'езд 1898 [18] года, то, конечно, он не останется в старых отношениях. Мы не отрицаем его «право» проводить свое мнение и свое желание (мы вообще не прибегаем, без крайней нужды, к разговорам о «правах» в революционном деле). Но мы очень жалеем, что Бунд потерял всякое чувство такта, проводя свое мнение путем отдельного публичного выступления в то самое время, когда его пригласили в общую организацию (О. К.), не высказывающую заранее никакого категорического мнения по данному вопросу и созывающую с'езд именно для обсуждения всех и всяких мнений.

Бунд пожелал провоцировать на немедленное заявление своего мнения всех, кто иначе смотрит на вопрос. Ну, что ж! От этого мы, разумеется, не откажемся. Мы скажем русскому и специально повторим еврейскому пролетариату, что теперешние вожди Бунда делают серьезную политическую ошибку, которую, несомненно, исправит время, исправит опыт, исправит рост движения. Некогда Бунд поддерживал экономизм, содействовал расколу за границей, принимал решения, что экономическая борьба есть лучшее средство политической агитации. Мы восставали против этого и боролись. И борьба помогла исправлению старых ошибок, от которых теперь, вероятно, не осталось и следа. Мы боролись против террористических увлечений, которые миновали, повидимому, еще гораздо скорее. Мы уверены, что минуют и увлечения националистические. Еврейский пролетариат поймет, в конце концов, что теснейшее единение с русским в одной партии требуется самыми насущными его интересами, что верх неразумия предрешать заранее, будет ли эволюция еврейства в свободной России отличаться от его эволюции в свободной Европе, что Бунду не следует итти дальше требования (в Росс. С.-Д. Раб. Партии) той полной автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, которая вполне признана с'ездом 1898 г. и никогда никем не была отрицаема.

Но вернемся к заявлению Бунда. Примечание к «Извещению» О. К. он называет «двусмысленным». Это — неправда, стоящая на границе инсинуации. Ц. К. Бунда сам признает парой строк далее, что «причины отсутствия нашего представителя на совещании были чисто случайные». А что сказал О. К.? Он выразил надежду, что представитель Бунда не явился по случайной причине. Вы сами подтверждаете его предположение и сами же сердитесь. За что? Далее. Случайного никому не дано знать наперед. Значит, слова Заграничного Комитета Бунда, будто О. К. знал помешавшие явке причины, совсем неосновательны. З. К. Бунда играет вообще самую неприличную роль в этой истории: З. К. Б. добавляет к заявлению Ц. К. Бунда свои измышления, прямо противоречащие даже словам самого Ц. К.! Каким образом З. К. Бунда мог осведомиться, что О. К. знал причины отсутствия Бунда, когда приглашен был Ц. К. (а не З. К.) Бунда? Когда сам Ц. К. Бунда называет эти причины отсутствия чисто случайными??

«Мы уверены, — говорит Ц. К. Бунда, — что, употреби инициаторы совещания несколько больше усилий, эти случайные причины не могли бы помешать нам отозваться»... Мы спросили бы всякого беспристрастного человека: если два товарища, собирающиеся с'ехаться в О. К., признают в один голос, что причины, помешавшие свиданию, были «чисто случайные», то уместно ли, прилично ли поднимать публичную полемику о том, кто больше виноват в неявке? С своей стороны заметим, что мы уже давно выражали (конечно, не в печати, а в письме) сожаление по поводу отсутствия Бунда, и нам было сообщено, что Бунд был приглашен дважды: во-первых, письмом и, во-вторых, личным сообщением через ...ский Комитет Бунда.

Делегат явился почти месяц спустя после совещания, жалуется Бунд. Да, это ужасное преступление, достойное, конечно, пропечатания, ибо оно особенно рельефно оттеняет аккуратность Бунда, не собравшегося послать делегата даже и два месяца спустя.

Делегат «не выполнил своего обещания» прислать «Извещение» О. К. в рукописи или в печати, но обязательно до распространения... Мы советуем нашим русским товарищам не разговаривать с некоторыми людьми без протоколов. Мы вот уже имели обещание от организации «Искры» прислать нам и рукопись и печатный экземпляр «Извещения», но, тем не менее, рукописи не имели вовсе, а печатный экземпляр увидали гораздо позднее, чем члены организаций, не имеющих сношений с организацией «Искры». Пусть решат бундисты вопрос о том, прилично ли было бы с нашей стороны, если бы мы печатно стали обвинять организацию «Искры» в нарушении обещания? Делегат О. К. обещал Ц. К. Бунда немедленно написать товарищу, распоряжавшемуся печатанием «Извещения», о задержании этого печатания: вот каково было настоящее обещание (насколько мы можем судить по нашим сведениям). Оно было выполнено, но задержать печатание оказалось уже невозможным, ибо снестись с техникой не оставалось времени.

Резюмируем: инициаторы О. К. писали письма, делали сообщения лично через ...ский Комитет, посылали делегата в Ц. К. Бунда, а Бунд в течение месяцев не послал ни одного письма, не говоря о посылке делегата! И Бунд же выступает печатно с обвинениями! И З. К. Бунда имеет странность уверять, что «странно» вели себя инициаторы совещания, что их действия стоят в резком противоречии с их целью, что они проявили «поспешность» (Ц. К. Бунда, наоборот, обвиняют в медленности!), что они хотят «произвести впечатление», будто Бунд» отнесся индифферентно»!!

Нам остается еще сказать несколько слов по поводу обвинения О. К. в том, что он не сделал «единственно правильного вывода», состоящего в следующем: «Раз Партия фактически не существует, то предстоящий с'езд должен носить характер учредительного, а потому право участия в нем должно принадлежать всем существующим в России соц.-дем. организациям как русской, так и всех других национальностей». Бунд пытается обойти тот неприятный для него факт, что, не имея единого центра, Росс. С.-Д. Раб. Партия существует в ряде комитетов и органов, имеет «Манифест» и решения первого с'езда, на котором, между прочим, и от имени еврейского пролетариата действовали люди, не преуспевшие еще в экономических, террористических и националистических шатаниях. Выдвинувши формально «права» «всех» национальностей на учреждение давно уже учрежденной Росс. С.-Д. Раб. Партии, Бунд наглядно подтверждает этим, что именно из-за вопроса о пресловутой «федерации» и поднял он всю историю. Но не Бунду бы об этом вопросе заговаривать, и не о «правах» должна тут итти речь между серьезными революционерами. Что на очереди дня стоит сплочение и об'единение главного ядра Росс. С.-Д. Раб. Партии, это всем известно. Нельзя не сочувствовать представительству на с'езде «всех» национальностей, но нельзя и забывать, что о расширении ядра или о союзе его с другими организациями можно думать только после завершения образования (или, по крайней мере, после несомненного упрочения) этого ядра. Пока мы сами не стали едины организационно и не встали твердо на верный путь, соединение с нами ничего не даст «всем другим» национальностям! И решение вопроса о возможности (а не о «праве», господа!) представительства на нашем с'езде «всех других» национальностей зависит от целого ряда тактических и организационных шагов О. К. и русских комитетов, зависит, одним словом, от успеха деятельности О. К. А что Бунд с самого начала постарался бросить палки под колеса О. К., это — исторический факт.

[Н. Ленин]

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ГАММА.

Русский интеллигент скоро захлебнется в волнах идеализма [19]. С 1 марта в Петербурге начнет выходить ежедневная газета «Заря», очевидно, в противовес штутгартской «Заре». Редактировать ее будет Ярмонкин, автор «Писем идеалиста». Цель газеты, по словам об'явления, — «проводить в сознание образованного общества идеи правды и добра». Благородная цель попала в надежные руки.

Не слагает идеалистического оружия и автор «Письма к ближним», г. Меньшиков [20], состоящий на содержании у г. Суворина, который в свою очередь состоит на содержании у министерства финансов, а впрочем и у других лиц и ведомств...

Г. Минский [21], г. Мережковский [22], г. Розанов [23], г. Перцев ... ведь это все идеалисты, все божьи работнички по части проведения, куда следует, идей правды и добра.

Через христианскую теософию Булгакова эта плеяда связывается с созвездием «Проблем идеализма»... Их двенадцать этих звезд более или менее первой величины.

Идеализм критико-философский, идеализм христианский, идеализм нововременский... Который из них достолюбезнее?...

Мы готовы, впрочем, думать, что это не разные типы, а лишь разные степени. Бедный г. Бердяев [24] быстро, точно кот в сапогах, шагает в сторону гг. Волынских [25], Минских и Мережковских...*. Различные этапы

---

* В своей статье г. Бердяев с гордостью заявляет, что со времени появления его книги он «далеко ушел вперед» — в сторону «метафизического идеализма и спиритуализма».

«ищущего духа» мелькают перед взорами читателя, точно в панораме. Кто знает, что будет завтра?

Приятно после этой скачки отдохнуть душой на вполне законченном идеализме г. Сигмы и его коллеги г. Меньшикова. Здесь нет места ни опасениям, ни надеждам. Все ясно.

Узколобые материалисты, — жалуется г. Сигма, — утверждают, что «человек есть химическое соединение, вскисшее на особых дрожжах жизни», и все это говорится для того, чтобы сказать, что бога нет, что нет ничего выше человека и что обязательно только то, чего желает человек. А если человек — бог, то ему некому молиться, не перед кем каяться, не из-за чего страдать. На место закона ставится человеческая воля, на место мирового разума — рассудок человеческий, вместо космоса — анархия, вместо лада — разброд». С глубоким раздумьем останавливается г. Сигма перед двумя «лестницами мысли»: «или точные науки, развитие мышления, обоготворение человеческого ума, анархия; или гармоническое развитие духа, свобода совести, общинность, гармония жизни» (патриархальное грабительство)?

Вспомнив, очевидно, о призыве г. Булгакова от Маркса назад к Николе-чудотворцу (от «ограниченной западной науки» — к «христианской теософии»), г. Сигма справедливо замечает: «В самом деле, что такое современные попытки спиритуалистов, как не примирение точных наук с умозрительными выводами церковного знания? Возьмите,—продолжает благочестивый построчный идеалист—увещания Антония Великого, пустынника IV века, старавшегося обожить, сделать богопободными * египетских рыбаков и ребят... Способ уразуметь бога,—учил пустынножитель, — есть благость. Дело благого человека не продавать свободное произволение, внимая приятию богатства, если бы и вельми много было ему даваемо («ни за какие блага мира, ниже за власть и успех в жизни»— вторит г. Бердяев). Ибо сну подобны суть житейские вещи и богатство есть только безвестная и маловременная мечта».

«...Единственно, чем народ воспитывается, — дополняет г. Меньшиков своего товарища, — это религией: кроткая религия, серьезно проповеданная темным массам, в состоянии дать человеческой душе облики самого высокого благородства».

Как хорошо было бы в самом деле раз навсегда внушить этим «темным массам» через посредство «кроткой религии», что «богатство есть безвестная и маловременная мечта», а гнет и эксплоатация, как «житейские вещи», суть подобны сну!..

Тут мы подходим к блаженной памяти идеалисту государственно-полицейскому Леонтьеву, который просто и ясно говорит: «религия — это великое учение... столь практическое и верное для сдерживания людских масс железной рукавицею».

Вот она полная идеалистическая гамма.

— Прочь грязные руки!—вопит Бердяев **, заметив, что в «храме» идеализма его окружает не весьма опрятное общество... А Всемирный Дух смотрит на маленького растерянного Бердяева с высоты храма и иронически смеется...

[Н. Троцкий]

---

* Точь в точь, как и г. Бердяев, который учит нас, что «своего права на образ и подобие божества (курсив авт.) нельзя уступить ни за какие блага мира, ни за счастье и довольство..., ни за власть и успех в жизни» («Пробл. идеализма», стр. 136).

** См. его книжку.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Москва. (Из частного письма.) Сообщаю вам сейчас полученные сведения о состоявшемся на Рождестве в Москве учительском с'езде. Эти сведения принадлежат голосу из публики... «О с'езде вы, вероятно, читали уже и представляете себе, в чем он заключается. Дело не обошлось без скандала, но зато скандала очень и очень поучительного. Из-за него чуть-было не закрыли с'езда раньше времени. События происходили в следующем порядке: еще на одном, прежде бывшем, заседании читался доклад г-жи Вагнер «Правовое положение учителя»; на заседании секции с'езда его разбирать не стали, а передали в комиссию. Комиссия разработала этот доклад и наметила целый ряд коренных изменений в положении учителей, который и представила на рассмотрение с'езда. В следующее заседание председатель, после чтения доклада комиссии, заявил, что он не может допустить обсуждения всех затронутых им вопросов, в виду известных законоположений. Один из делегатов ответил на заявление председателя горячей речью, полною горькой правды о бесправном положении нашего учителя, которого лишают, кроме того, еще права говорить об этом положении. Кончив свою речь, он демонстративно удалился из залы заседания; за ними последовали почти все делегаты и публика. Настроение было бодрое, приподнятое; все действовали дружно. Тотчас был написан протест против председателя за такое ведение дел. На другой день в начале заседания один из делегатов просил слова для об'яснения по поводу вчерашнего инцидента. Председатель не дал ему слова и настаивал на переходе к чтению следующего доклада. Делегаты и публика протестуют, председатель звонит, но ничего не может сделать. Наконец, дело кончается голосованием, причем 40 голосов оказалось за предложение председателя и 34 — против. Высказавшиеся отрицательно покинули зал заседания. Они собрались в одной аудитории и начали говорить о том, как нужно действовать дальше. Каждый высказывал свое мнение и, наконец, договорились до того, что было предложено выразить порицание министру за такие ужасные законы, что нельзя говорить о самых обыкновенных вещах; высказывались за закрытие с'езда, раз нельзя говорить свободно, и многое, многое кое-что говорилось. Кн. Долгоруков высказался за то, что гораздо благоразумнее довести дело до конца — остался всего один день, что нужно дорожить, что при современных условиях удалось добиться хотя и такого с'езда, и т. п. При этом он заметил, что нужно было действовать не так, как они это сделали, т. е. открыто заявили свой протест и отказались присутствовать на заседании. — «Это напоминает собой действия студентов». — Многих задело это заявление. Один из присутствовавших ответил кн. Долгорукову, что они не только не выражают порицания студенческим волнениям, а наоборот, высказывают им полное сочувствие. («Браво!» из публики.) Завтра будет закрытие с'езда...»

От редакции. Мы еще в первом номере «Искры» обращались с призывом к народным учителям. Поздравим же их с тем, что они удостоились выслушать от благоразумных пискарей сравнение их с протестующими студентами. Пожелаем им поскорее заслужить своей политической борьбой сравнение и с революционным пролетариатом!

К юбилею В. Д. Новицкого. Адрес. Киевский Комитет Российской Соц.-Демократической Раб. Пар-

тии генералу Новицкому по поводу двадцатипятилетия его жандармской деятельности и предполагаемого оставления им поста начальника Киевского губернского жандармского управления.

Ваше Пр-ство, Высокопочитаемый Василий Дементьевич!

До нас дошли вести, что вы, ваше превосходительство, собираетесь покинуть тот пост, на котором вы со славой подвизались уже четверть века; они повергли нас в глубочайшую скорбь. Не думайте, ваше превосходительство, что это — шаблонная фраза, столь обычная при проводах высокопоставленных лиц. Нет, не имея высокой, хотя, может быть, несколько опасной чести быть лично известными вашему превосходительству, мы не видим нужды заискивать перед вами и говорим от полноты сердца.

Четверть века стояли вы на своем посту. Многие тысячи лиц подвергнуты вами за это время аресту, еще большее число — обыскам, несколько сотен людей отправили вы в более или менее отдаленные места Европейской и Азиатской России. При этом у вас была своя система. Лишь в редких случаях вы искали себе жертв в рядах той или другой революционной фракции, и систематически избегали трогать нас, — членов комитета социал-демократической партии, уже по многу лет принадлежащих к его составу. Наша новая типография существует в Киеве уже почти четыре года; за эти годы беспрерывной работы шрифт успел стереться, и хотя за это время вы обшарили не менее тысячи квартир, но при этом вы всегда выбирали именно те, где типографии нет и быть не может. Зато вы охотно направляли ваши удары на умеренно-либеральных представителей интеллигентного и буржуазного общества, когда те каким-либо образом, основательно или неосновательно, приобретали себе репутацию людей неблагонамеренных; ваши удары падали на студентов, недовольных университетскими порядками; всего чаще — на рабочих, причем вы никогда не считали нужным разбирать, кто из них принадлежит к социал-демократической партии, кто ей только сочувствует, а кто даже и вовсе не сочувствует.

Нам не дано проникнуть в глубокий, но сокровенный смысл ваших целей, но мы хорошо знаем, что сотни людей из интеллигентного общества, ранее бывших либералами, колеблющимися, иногда даже консерваторами, и тысячи рабочих, никогда ранее не задумавшихся о своем положении, на которых не действовали самые горячие наши убеждения, — приходили к нам после того, как они оканчивали курс в школе вашего превосходительства. Вас упрекают за жестокость, многие говорят о вашем бездушии и свирепости, некоторые по поводу вашей деятельности вспоминали того щедринского генерала Топтыгина, которого послали «учинять кровопролития» и который вместо того «чижика с'ел», но мы считаем такое сравнение неправильным, так как, во-первых, вы не раз учиняли действительные «кровопролития», а во-вторых, и с'еденный вами чижик своим предсмертным писком немало содействовал пробуждению киевских обывателей от их вековечного сна.

Либеральные и просто мирные обыватели Киева говорят о вас с ужасом и ненавистью, чуть ли не пугая вами маленьких детей; с ненавистью и злорадством они повторяют слухи о вашем покровительстве притонам тайного разврата. Но мы не имеем основания ни ненавидеть вас, ни бояться. Напротив, именно вы, благодаря всем только что отмеченным чертам вашей деятельности, помогли нам стать на ноги, окрепнуть и развернуть нашу деятельность во всей ее нынешней широте.

Глубоко благодарные вам за все ваши услуги, мы не без зависти смотрим на наших московских товарищей, которые отныне, судя по газетным слухам, будут осчастливлены вашей помощью, и шлем вам пожелание еще многие годы продолжать вашу столь же целесообразную деятельность, хотя и вдали от нас. Мы уверены, что высшее начальство и впредь будет оказывать вам свое благоволение, как оно его оказало в текущем году, вверив вам ведение всероссийского дела о революционной организации «Искры». Вы любезно предоставили возможность десяти обвиняемым по этому делу уйти из Киевской тюрьмы и, затем, благоразумно направили следствие по ложному следу. Если слух о переводе вашем в Москву не окажется газетной уткой и вы действительно покинете нас, смеем надеяться, что ваш заместитель окажется достойным вас. Преданный вам

Киевский Комитет Росс. Соц.-Демократической Рабоч. Партии.

Новый успех генерала Новицкого. Генералу решительно не везет в его борьбе с «Искрой». Незадолго до августовского побега из Киевской тюрьмы туда была привезена нелегальная, арестованная 7 августа в Кременчуге на вокзале с литературой «Искры». Нелегальная оказалась Инной Леман (урожд. Смидович), раньше сосланной по делам Спб. Союза на 4 г. в Вятск. губ., откуда бежала в 1899 г. Привлеченная по делу «Искры», И. Леман была подвергнута, не в пример прочим, «строгому одиночному заключению», которое, конечно, усилилось после августовского побега. 13 января И. Леман последовала примеру своих товарищей и покинула гостеприимную Киевскую тюрьму, причем для совершения своего побега избрала логовище самого генерала Новицкого—жандармское управление. О подробностях побега сообщим в следующем номере. Пока же выразим надежду, что администрация, которая за августовский побег привлекла к суду помощн. начальника тюрьмы Сулиму, заподозрив его соучастие, не замедлит ныне обратить свое подозрение и на жандармского юбиляра.

Печать патриотического доноса о Финляндии. Леонтьев, «знаменитый» наперсник «знаменитого» Каткова, говорил: «Пора перестать слову „донос“ придавать унизительное значение». Эта фраза была не простой цинической выходкой, но удачной формулировкой политической программы нашей реакционной печати. «Моск. Вед.», «Свет», «Гражданин», «Новое Время» всей своей газетной практикой стараются привить обывателю эту срамную мысль, что благовременный донос есть естественная функция человека и гражданина.

«Политический горизонт» Финляндии, — читаем мы в одном из последних №№ «Нов. Вр.», — попрежнему покрыт тучами... Всюду наблюдается внешнее спокойствие, но подпольная работа местных крамольников в полном ходу... Агенты шведской партии разошлись по краю и удвоили свое усердие в деле распространения смуты. Нелегальные сходки продолжаются... Суда в Финляндии, в сущности, теперь нет, ибо политиканствующие судьи не жрецы закона, а слуги партии смуты. На свободе по той же причине остаются и главари агитации, но с ними недолго справиться путем некоторых административных полномочий, предоставленных начальнику края (№ 9648)». Что это? Газетная статья или секретное донесение полицейского агента, по недоразумению попавшее в печать? И это в такое время, когда у нас даже «главари» мирной земской «агитации» устраняются при помощи «административных полномочий», когда вся страна изнывает в борьбе с тем самым режимом, который теперь стремятся ввести в Финляндии... И петербургская газета открыто служит делу самодержавного сыска в непокорной Финляндии! И русское образованное общество не находит средств, чтобы заставить замолчать эту похотливую тварь.

Позор, позор, позор!!

«Моск. Ведомости», ратуя за введение в Финляндии русских судов вместо финляндских, «потакающих крамоле», говорят: «... нигде так близко не узнает финский народ русской сердечности, русской справедливости и русского великодушия, как в русских судах, действующих именем российского монарха!». Вот именно!.. Последние политические процессы могут служить для финляндцев превосходной иллюстрацией этой «патриотической» мысли. Беспощадная жизнь! Охранительный пафос она с тонким коварством превращает в революционную сатиру.

Юбилейное холопство. Одесский городской голова отправил президенту Академии Наук вел. кн. Константину Константиновичу следующую телеграмму:

«Представители печати, Общества вспомоществования литераторам и Общества любителей науки, совместно с 400 наборщиками, празднуя двухсотлетие периодической

печати и вспоминая неусыпные (!) труды вашего высочества на пользу просвещения и в честь литературы, единодушно (!!) почтительно приветствуют ваше высочество, прося принять сердечные пожелания многих лет и многих сил для процветания и славы (!) родной литературы».

«Слава родной литературы» — это князь Константин, исключивший по полицейско-сыскным соображениям М. Горького из Академии Наук. И одесские литераторы, в союзе с наборщиками, «единодушно и почтительно» склоняются перед одним из насильников «просвещения и литературы». Что это? Фальсификация «единодушия» со стороны одесского городского головы? Или политическое растление деятелей одесской печати?

Самара. В конце 1902 г. в Самаре впервые появились прокламации за подписью Самарского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Прокламаций с этой подписью было всего три. Одна, коротенькая, на полулисте, обращала внимание товарищей на пример рабочих других городов, поднявшихся против экономического и политического гнета, и указывала на демонстрации как на средство политического протеста, заканчиваясь призывом в светлое царство социализма. Другая выпущена была специально на винный завод, где в то время намечались следующие поводы недовольства: сокращение числа праздников (отняты были Сретение, Николин день, третий день Рождества и Пасхи и др.); принудительная безвозмездная работа для устройства сцены и декораций для домашних спектаклей и, наконец, несправедливо наложенный штраф. Прокламация говорила о всех этих притеснениях и призывала к протесту. В третьей, программной, раз'яснялось значение соц.-демократии и намечалась в общих чертах программа деятельности Самарского Комитета: освещать все назревающие нужды самарского пролетариата, не теряя из виду общего дела партии, пробуждать политическое самосознание в тяготеющих к Самаре крестьянских массах, пробуждать самарское либеральное общество от его постыдного равнодушия к делу народного освобождения.

Непосредственно практический результат листки эти дали на винном заводе, где после третьей прокламации администрация завода вернула праздники, отменила несправедливый штраф и назначила плату за работу по устройству театра. Учесть эффект, произведенный прокламацией в других местах, не представляется возможным, так как никаких ближайших непосредственных нужд листки не касались. К числу недостатков первого опыта систематической агитации в местных массах следует отнести недостаточно популярное изложение задач соц.-демократии в третьей прокламации, на что со всех сторон слышатся жалобы. Надо надеяться, что Комитет впоследствии примет более верный тон в разговоре с массами. Некультурность и малоподвижность местного рабочего, в массе принадлежащего к имеющему оседлость в Самаре мещанству и недавно оторванному от земли крестьянству, сказалась в том, что в некоторых местах, напр., на спичечной фабрике Зелихмана (все) и в ж.-д. мастерских (часть рабочих) доставили найденные листки в контору. В других местах (тип. Левенсона, на мельнице Бобермана и на зав. Журавлева) мастера и некоторые рабочие указывали полиции на подозрительных рабочих. Особенно отличился в этом отношении мастер токарного цеха Журавлевского завода Райков, и раньше проявлявший свои шпионские способности. По его наветам арестованы два брата Мальковы, Хальцов и еще один рабочий. Прокламация найдена лишь у одного из Мальковых. Обыски были на трех мельницах: Бобермана, Шадрина и Ромашева. У первого взято трое рабочих. По оговору одного из них арестован и выпущен через три дня бывший раб. тип. Яковлева Балов. При допросе квартирной хозяйки одного из рабочих жандармы разыграли комедию приведения к присяге (без священника): поставили икону и портрет царя и велели говорить правду и никому не рассказывать о допросе.

В декабре же вышла прокламация «Группы об'единенного протеста» по поводу небольшого волнения на фельдшерских курсах из-за грубого обращения одного из врачей с учащимися. Прокламация призывала всех учащихся к об'единению на почве борьбы против притеснений непосредственного начальства.

Иркутск. Нами получены четыре прокламации Иркутского Комитета Сибирского С.-Дем. Союза №№ 12, 15, 16 и 17. Первая, от 10 ноября, «К новобранцам», описывает борьбу рабочих, восстание крестьян и заканчивается словами: «Как в тюрьме вся Россия. И невмоготу стало это: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Батуме и многих других городах пошел народ толпой на улицы. Впереди несли знамена, на которых выставил народ свои требования и желания; было там написано: „Долой царское самодержавие, да здравствует свобода, да здравствует социализм!“. Всполошилось правительство и послало солдат. И темные солдаты стреляли в народ. В кого стреляли солдаты? В своих друзей, своих близких, в рабочих, в крестьян. Кого защищали они? Своих врагов: царя, хозяев, помещиков. Новобранцы! На такие же позорные дела, на такую же позорную бойню могут вас послать; и когда вы, с ружьями в руках, будете стоять перед толпой своих же братьев, и услышите команду „стреляй!“, вспомните тогда, кто вы? в кого должны стрелять? кого защищаете? Вспомните, что до службы вы были такими же людьми, как те, в кого вам велят стрелять; что после службы вы опять вернетесь в их среду. Вспомните, что ваши братья и сестры борются за счастье рабочего народа, за ваше собственное счастье. И когда вы это вспомните, вы повернете дула ваших ружей против тех, кто приказывает вам стрелять в ваших друзей, — против царских слуг, против защитников хозяев-богачей».

Вторая, «Еще о ростовской и тихорецкой бойнях», посвящена ростовским событиям. «Смотрите, — говорит прокламация сибирским рабочим. — Они (правительство и его слуги) напали на наших безоружных ростовских товарищей, и десять раз они, вооруженные, должны были позорно отступать. А, ведь, у рабочих были только голые, мозолистые руки да правдивое, смелое сердце. Но придет время, и в мозолистых руках рабочего люда окажется не камень, а оружие. Рабочий сумеет взяться за него и раздавит тогда своих убийц. Товарищи! Готовьтесь же повсюду, где бы вы ни были, к великой, славной борьбе. Царское самодержавие должно пасть: русский рабочий, хоть он измучен и задавлен неволей, умеет бороться, как герой. Привет наш из далекой Сибири товарищам-борцам! Вечная память погибшим в бою братьям! И будь же ты проклят, царь-убийца!

Но страшись, грозный царь,
Мы не будем, как встарь,
Безответно сносить свое горе;
За волною волной, подымаясь от сна,
Люд рабочий бушует, как море.

Твой роскошный дворец
Мы разрушим в конец,
И лишь пепел оставим от трона;
А порфиру твою мы отымем в бою
И порежем себе на знамена.

Фабрикантов-купцов,
Твоих верных сынов,
Мы, как тучи, развеем по полю;
А на место вражды да суровой нужды
Установим мы счастье и волю».

Третья прокламация сообщает о борьбе омских и красноярских ж.-д. рабочих (о ней уже было известие в «Искре»), призывая готовиться повсеместно к борьбе за политическую свободу и за социализм.

Прокламация № 17, от 6 дек., посвящена «именинам» Николая Романова.

Как строятся наши железные дороги. Постройка Ташкентской ж. д. за последнее время быстро подвинулась вперед: так, по крайней мере, сообщают газеты; но чем сопровождается это «подвинулась вперед»,— в газетах ни-гугу. Не стоит говорить об обсчитывании рядчиками рабочих, о чрезмерной эксплоатации, о ямах, покрытых соломой, носящих название бараков, о щах из

гнилых сушеных овощей — все это слишком заурядные явления, чтобы об этом стоило говорить. Ни одна постройка жел. дороги не обошлась без этого: примером могут служить порядки на постройке Волго-Донской жел. дор., увековеченные статьей Добролюбова: «Опыт отучения людей от пищи». Но на постройке Ташкентской дороги недавно произошел случай, который заставил многих задуматься. Одним из крупных подрядчиков на постройке этой дороги был некий Калита, осенью 1902 г. обанкротившийся. Многие тогда укоризненно покачивали головами и жалели о «бедных» пострадавших кредиторах Калиты. Никто не знал о той трагедии, которая разыгрывалась в среде его рабочих на седьмом участке, закончившейся страшной катастрофой. Выдачу денег рабочим Калита под разными предлогами затягивал и, обанкротившись, совсем перестал платить. Ограбленные, таким образом, рабочие решили двинуться пешком за 450 верст в Оренбург. Это было в то время, когда в степи морозы достигали 30 градусов и многие рабочие в ситцевых рубахах, в дырявых сапогах отправились в дальний путь. Калита, по договору, к наступлению холодного времени должен был доставить рабочим теплую одежду и обувь, и, конечно, этого не исполнил. Рабочим путешествие в такую стужу, чуть не нагишом, даром не обошлось: многие себе отморозили руки, ноги и лицо, а 46 чел. за Ак-Тюбе замерзли совсем (по другим источникам число мертвых от 25 до 35 чел.). Рабочий отдал Калите свою рабочую силу, — другими словами, все свое существование, а взамен этого получил систематическое голодание и, в конце концов, смерть, вдали от родной деревни, в киргизской степи. Вот благодеяния, которыми капитал дарит род человеческий... Постройка Ташкентской дороги будет скоро закончена, и первый поезд, после торжественного молебствия, с громкими речами о культурной миссии железнодорожных жандармов, двинется по трупам убитых адской эксплоатацией рабочих. Говорят, что Калита обанкротился, благодаря вымогательствам казенных инженеров. Если это так, то в смерти 46 рабочих, кроме Калиты, виновно наше самодержавно-попечительное правительство. Еще одна капля в том море крови, которое оно пролило и проливает.

Тифлис. Здешний Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии выпустил печатную прокламацию следующего содержания:

«Товарищи! Правительство, этот ярый враг народа, не дремлет! Оно о том только и думает, как подавить народные движения, как задушить голос правды, и тем дать больше простору своему зверскому произволу. Ему уже недостаточны полиция, войско, жандармы и тюрьмы, оно переходит к высылке наших братьев. Тифлисским манифестантам 22 апреля об'явлено изгнание из отечества. Да, изгоняют, и за что? За то, что они героически противостояли врагам, за то, что они публично подняли знамя истины и благосостояния. И вот правительство об'являет им: мы не желаем для вас ни истины, ни благосостояния, вы родились рабами и оставайтесь ими! Они открыто потребовали свободы слова и собраний. На это правительство отвечает: ваша свобода — ограничение нашего произвола, а облегчение вашего ига — наша могила. Рабочие! Вы видите, как безжалостно обращается с нами правительство, какими зверскими мерами хочет затушить пробуждающееся в нас сознание человеческого достоинства и воскресить старое холопство. Нет! Не хотим мы прежних кандалов, — они уже сброшены, разрушены, и никакая сила нас к ним не вернет, в них не закует. Нет! Нас не вернуть к старинному неведению, оно уже рассеяно лучами истины. Пусть нас ссылают, пусть наказывают; это нас не сломит, ни на миг не остановит и не заставит свернуть с нашего пути. Будем помнить, что за нами правда, за нас весь рабочий Кавказ и вся рабочая Россия. Пусть нас гонят с родины, мы и в России найдем почву для своей работы, — в России, где давно уже поднято знамя революции и весь народ волнуется. Мы с еще большей энергией пойдем с ними и, разрушив существующий «порядок», с торжеством вернемся на родину. Товарищи! Теперь больше, чем когда-либо, нужна работа, работа дружная, с удвоенной энергией, теперь-то и нужны сила воли и решимость, чтобы ускорить окончательное падение произвола и тем приблизить час освобождения наших изгнанных товарищей. Изгнанные товарищи! Как видите, ваше возвращение на родину зависит от разрушения существующего деспотизма, а потому, где бы вы ни были, в каком бы положении вы ни очутились, не забывайте ни на минуту нашей общей цели, не изменяйте общему делу и продолжайте борьбу против царизма. В этой надежде прощаемся мы с вами, наши самоотверженные друзья, с пожеланием счастливого пути, туда, для продолжения борьбы и победоносного возвращения сюда... Да здравствует свобода! Долой царизм!»

Саратов. В ночь на 1 ноября в Мариинском земском училище произведен поголовный обыск у учеников и четырех преподавателей. Забрали 10 учеников. В ночь на 19 декабря обыск снова повторился. Арестовали еще 4 учен. Преподаватели на свободе. У них забрали переписку, которая возвращена. Кроме этого, в том же селе (училище в 40 верст. от Саратова) арестованы крестьянин Александр Кузнецов, один рабочий и председатель артели кузнечно-слесарной мастерской; много учеников отдано под надзор полиции до суда.

«Надежды Ростова-на-Дону». Так в «Нов. Вр.» озаглавлена корреспонденция из Ростова. Надежды — на что? На учреждение в Ростове... особого градоначальства. Вопрос о самостоятельном ростовском градоначальстве поднимался не раз. Но только теперь вопрос получит, повидимому, практическое разрешение, «своевременность» которого несомненно доказана ростовскими событиями. Недаром корреспондент вскользь упоминает о «кочующих рабочих» и выражает жалобу на то, что Ростов в полицейском отношении лишен необходимой развязности и свободы административных телодвижений, так как соединен с Нахичеванью.

Один ответ на все запросы жизни, одно разрешение всех задач — еще жандарм, еще шпион, еще пристав, еще градоначальник.

Письмо в редакцию. Не имея возможности снестись с органами литовских организаций, обращаюсь к вам с просьбой обратить внимание лиц, коим близки и знакомы интересы литовского народа, на след. обстоятельство.

Все пограничные тюрьмы (литовского района) полны крестьян «политических» преступников, обвиняемых и обвиненных за транспорт, распространение и даже одно пользование литовскими молитвенниками, напечатанными латинским шрифтом. Преследуется самый шрифт, так как в молитвенниках этих ничего «предосудительного» не находят даже учреждения, преследующие их *.

В российском законодательстве существуют «пункты и параграфы», ограничивающие и дозволяющие печатание литовских книг латинским шрифтом. Существует об этом и высочайшее повеление и даже какое-то особенное, коему хотя и «придается сила и форма закона», но оно «не публикуется ко всеобщему руководству» (судьба всех остальных высочайших повелений!). Вот газетное сообщение об этом не лишенном интереса деле:

14 дек. 1902 г. в соединенном присутствии первого и гражданского кассационного департаментов сената слушалось дело инженера Мациевского с бывшим начальником главного управления по делам печати князем Н. В. Шаховским по поводу конфискации последним географической карты Литвы. Докладывал дело сенатор Эйден, заключение давал обер-прокурор Щербачев. Со стороны истца выступил прис. пов. А. В. Каминка, со стороны ответчика — прис. пов. Чистяков. Из прений сторон выяснилось, что в 1900 г. инженером Мациевским была издана и напечатана у братьев Ильиных в Петербурге совершенно легальным путем географическая карта Литвы, на которой литовские названия рек и селений изображены латинским

* Правда, в них находят часто листки «преступного» содержания, но надо полагать, что это вызвано лишь нелегальным положением этих книг вообще.

шрифтом. Карта эта беспрепятственно распространялась восемь месяцев. Затем князь Шаховской распорядился изъять эту карту из обращения по России повсеместно. На это распоряжение Мациевский принес кассационную жалобу в сенат, доказывая, что князь Шаховской превысил свою власть, что конфискация подобного издания могла бы исходить только от министра внутренних дел, с разрешения комитета министров. В случае появления в свет изданий, опасных в государственном или общественном смысле, совету управления по делам печати предоставляется право арестовывать издание, с тем, однако, условием, чтобы против издателя было возбуждено немедленно уголовное преследование. В данном случае и это условие не было выполнено. Князь Шаховской в оправдание своих действий представил циркуляр министра внутренних дел от 13 сентября 1865 г., за № 141, и ссылался на высочайшее повеление о воспрещении частных литовских изданий с латинским шрифтом. Поверенный истца на суде подчеркнул, что высочайшее повеление печатать литовские издания русским шрифтом существует только для казенных изданий, что согласно раз'яснению сената, высочайшие мнения, которым придается форма и сила закона, непременно публикуются ко всеобщему руководству, чего нет по отношению к литовским изданиям. Даже если бы признать наличность ограничительных мер по отношению к литовским изданиям, то их следовало бы применять при выходе изданий в свет, а не спустя восемь месяцев. Правительствующий сенат внял доводам истца и вынес резолюцию: признать за инженером Мациевским право взыскать с князя Шаховского убытки в размере 1.200 руб.

Поверенный истца подчеркивал на суде разные стороны узаконений о печатании литовских изданий, указывая, что запрещение не относится к частным изданиям. Трудно сказать, чтобы именно эти указания послужили мотивом решения суда в пользу истца, но, во всяком случае, вопрос этот не мешало бы детально рассмотреть, так как, если проводить последовательно неопровергнутое сенатом толкование высочайшего повеления поверенным Мациевского, то, быть может, судебным порядком можно было бы добиться освобождения из тюремных камер массы людей и открыть возможность распространения изданий, напечатанных знакомым народу шрифтом.

Повторяю: «темна вода во облацех», и краткие сведения о высочайшем повелении в связи с циркулярами, упомянутыми ответчиком, дают очень мало, но детальное расследование их, быть может, даст основание для судебных преследований нежелательного явления. Тем более, что опыт г. Мациевского может послужить некоторым источником знаний в этой области. Быть может, удастся восстановить попранные права латинского шрифта!

Письмо в редакцию. Факт предательства Вележева вполне правильно изложен в № 20 «Искры». К этому могу добавить только следующее: перед началом разговора с Вележевым я спросил его, одни ли мы в квартире? Вележев ответил утвердительно, что в квартире, кроме нас, никого нет, и что я могу говорить вполне откровенно. В течение нашего разговора Вележев выходил раза два или три под предлогом посещения амбулатории.

Вскоре после ухода Вележева в последний раз явилась женская прислуга и потребовала от имени барина, чтобы я немедленно удалился. Уходя, я заметил в одной из комнат находящегося в засаде дворника, который старательно прятался от моих взоров. Не прошло и восьми минут, как я вышел из квартиры Вележева, у околицы села меня арестовали. Донести мог только Вележев.

Женева. 20 декабря н. с. 1902 г.

Н. Бауман [26].

Городовой и политика. Ехал я из Екатеринослава. Около меня уселся детина громадного роста, который вскоре вступил со мною в разговор. Как оказалось, он служил городовым в Екатеринославе, теперь же рассчитался и ехал искать себе места. «Почему же вы бросили службу?» — спрашиваю я его. — Какая наша служба! Что городовой, что собака — один чорт! Губернатор наш так просто зверь: человека совсем не жалеет; полицмейстер тоже с——с—— и прямо шкуру дерет с нашего брата. Напр., в нашей части 44 человека, так 24 в денщиках у губернатора, у полицмейстера, у приставов и у других, а тебе нет ни дня ни ночи. То пожар в городе, то воров ловить надо, то политических. — «Каких-таких политических?» — Как каких, а которые политику разную пущают. — «Что же они делают?» — А бумажки разные бросают. Вот вчера нас 50 чел. погнали политических ловить; оцепили дом и пробрались в квартеру, а там в одной комнате 12 чел. и сидит. А бумажек, бумажек тьма тьмущая и много разных плантов. Счастье их, что они смирно сдались, а то нам было приказание: чуть что, лупи их, подлецов, ответственности за это никакой, еще награду получишь. — «Чего же хотят политические?». Он почесал затылок. — Они хотят, чтобы я, напр., был три года царем, а потом к чорту; после меня, напр., вы. А не понравился я, другого на мое место. Да!— «А кто же это все бунтует?» — Студенты больше всего. Вот я, напр., знаю одного барина полковника, у него 12 тыс. десятин земли и еще жалованье ему от казны, сыны его так те на военной службе, чего ж ему бунтовать?! А вот студенты, они всякую науку превзошли, всякие такие курсы учили и всякое происшествие знают, а вот делов никаких, вот они и бунтовать, чтобы, значит, местов им хороших дать, так-то! — «Неужто только студенты бунтуют?» Городовой в недоумении развел руками. — Да, нет, мещане и наш брат мужик лезет, а все, должно быть оттого, что плохо им живется, — от хорошего житья не станешь бунтовать. — «За что же вы их ловите?» — Как же их не ловить! Государь, значит, хочет сделать разные облегчения нашему брату мужику, а они бунтуют и мешают ему. Он их боится и ничего для нас не делает, а как всех бунтовщиков перебьем, тогда облегчение и выйдет. Нам наше начальство так говорило...

Вот как царские чиновники наставляют «пушечное мясо» против его защитников!

Бунтовщик.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Из Приозерного края. Полтавско-харьковские страхи задают тревогу полицейскому начальству и нашего Приозерного края. В Старорусском у. имеется поместье дворянина Сократа Николаевича Дирина. Этот человек, известный у нас как мот и прощалыга, служит вице-губернатором в Курляндской губ., в поместье же назначил крестьянина за 20 руб. в год. Крестьянин оказался с знанием всех четырех правил арифметики и, видя свою нужду и нужду мужицкую, смекнул, как можно эту нужду подправить. Он предложил крестьянам воровать помещичий лес, с платой ему за уворованные бревна. Такса оказалась настолько дешевой, что с ней не могли конкурировать таксы известных наших казнокрадов-чиновников лесного ведомства. Дело пошло ходко, и крестьяне ездили за помещичьим лесом, как за своим. За эти проделки сметливого управляющего заменяют другим. Новоиспеченный управляющий в холопском усердии посылает своему барину в Курляндию описание, как прежде у него крестьяне скопом лес воровали. Вице-губернатор Дирин, на основании этого письма, дает телеграмму новгородскому губернатору, что у него крестьяне воруют лес скопом и чтобы он защитил его. Последний шлет телеграмму старорусскому исправнику, с приказанием принять меры и усмирить бунтовщиков. Незнающий ничего исправник перепугался на-смерть, тою же ночью собрал полицейских и выехал усмирять бунтовщиков. Под'езжает к назначенному месту, — там тишина, вся деревня в глубоком сне, только изредка слышится вой голодной собаки. Через некоторое время вся деревня приходит в движение, собирается в кучу без шапок пред допросом исправника, а через несколько часов губернатор получает телеграмму: «бунта нет, в уезде все обстоит благополучно».

По части классического выражения: «все обстоит благополучно» следует сказать, что в действительности это далеко не так. Минувший год для крестьян нашего края, более всех прочих, оказался тяжелым и разорительным. Бескормица и бесхлебица поголовная. Начальство с диким упорством выколачивает подати, но успеха имеет

мало. Голодные и измученные крестьяне чрезвычайно озлоблены. Настроение умов крестьянства благоприятствует развитию в нем самосознания. Крестьяне пытливо стараются разгадать причину своего каторжного житья. Всякая книжка, помогающая раз'яснить эту причину, принимается и читается чрезвычайно охотно и с усердием, — читается на глазах у начальства и последнее ничего не может поделать. В одном селении крестьяне читали такую книжку целым сходом, и она очень понравилась им. Узнав про это, полиция нагрянула в селение, потребовала выдать книжку, но крестьяне ответили: «не видать вам этой книжки, как ушей своих». Так книжка и до сих пор гуляет, переходя из рук в руки, словно молитвенник. Следует еще отметить, что начальство становится ласковым по отношению к крестьянам. В одном городе крестьяне принесли исправнику картинку о современных социальных порядках, прося раз'яснить, что эта картинка означает. Исправник, по выражению самих крестьян, сделался шелковым и все твердил: «братцы, не бунтуйтесь, не деритесь, обращайтесь за всем к начальству». Крестьяне это обращение понимают и смекают.

Борисоглебский у. (Тамбовск. губ.). 21 декабря были произведены обыски в Уваровской земской школе, в больнице и в квартире земского учителя Трескина. Кроме Трескина, у которого была найдена кое-какая рукописная литература, обыски ничего не дали. Так как в это время сам Трескин гостил у своего отца, священника села Чуево-Алабушки (в 20 в. от Уварова), то был произведен обыск и там. Обыски опять не остались безрезультатными, и Трескин был отправлен в Тамбов. Обвиняется Трескин в том, что на одном из публичных чтений в школе он прочел крестьянам сказку о царе Ахреяне. Донос был сделан местным священником о. Яхонтовым, который перед этим посылал своих шпионов на чтения.

К этому делу, в качестве свидетельницы, была привлечена учительница Петрова, но когда жандармы сказали ей, что Трескин всю вину взял на себя, то она призналась в том, что половину этой сказки читала и она. Этим признанием она думала снять половину вины с Трескина, а следовательно, уменьшить ему и наказание. Теперь она привлекается к делу уже в качестве обвиняемой.

Интересная подробность: на допросе жандармский полковник, между прочим, сказал Петровой, что она, как интеллигентная особа, имеет право держать у себя литературу, но только для личного чтения, а не для распространения среди крестьян.

Одновременно с уваровским обыском были произведены обыски в с. Шибряе, у земских учителей. Обыски об'ясняются доносами Рклицкого, прославившегося столкновением с шибряевскими крестьянами. Всего в обысках участвовало около 25 жандармов.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ст. Панютино (К. Х.-С. ж. д.). Наши порядки. Дорога наша принадлежит казне. Не знаю, где лучше служить, на частной или казенной дороге, но знаю, что нам житья нет. Особенно достается у нас помощникам и машинистам. Наш маршрут Харьков, Синельниково и Славянск. Между каждыми двумя поездками должен быть восьмичасовой отдых, но в настоящее время, по случаю усиленного движения, его сократили до 2 час. и менее, так что машинистам и помощникам приходится прямо с поезда на поезд. Через каждые пять поездок полагается отдых в 36 час. или поставить, как говорят, паровоз «на простывку». Теперь часто паровоз ставят на отдых, а людей посылают на другом паровозе. Если же и дают отдых, так не 36, а 20 или менее. Посчитаем же, сколько приходится отдыхать машинистам и помощникам. Приехав на место, нужно сейчас же пойти «под воду», затем «под уголь»; на это уходит не менее двух часов. Затем нужно отправить паровоз в депо. Здесь нужно почистить арматуру, движение, почистить медные части, везде просалить и промаслить, осмотреть паровоз со всех сторон, нет ли где починки. На все это уходит 8—10 час. Перед тем, как выезжать, нужно растопить паровоз, приготовить его к поездке, для чего нужно, самое меньшее, два часа. Таким образом, из 20 час. действительного отдыха остается 6—8 час. Всем известно, что товарные поезда стоят подолгу на всех станциях и раз'ездах. Часто нам, например, до Синельникова (расстояние 92 версты) приходится ехать больше трех суток. Стоишь на каждом полустанке от 6 ч. и более; отлучиться от паровоза нельзя: паровоз нужно топить, чтобы во всякое время быть готовым в дорогу, конечно, в такую поездку угля уходит больше, чем полагается по расписанию, а за «пережог угля» высчитывают с машинистов и помощников. Недостаточно того, что они по трое суток пропадают в степи, не видят живого человека и не получают поверстных, с них вычет за пережог угля. Но это еще не все. Кто больше определенного времени был в дороге, тот не имеет права пользоваться отдыхом. Это покажется лишенным всякого смысла, но, к сожалению, это так.

Администрация наша всеми силами проводит систему «выжимания пота». Еще один пример. Недалеко от Славянска есть раз'езд № 15. Отсюда на расстоянии нескольких верст дорога идет в гору. Один паровоз не в состоянии тащить поезд на гору, поэтому сзади идет еще один и подталкивает поезд. Паровозы эти называются «толкачами». Администрация дороги обязана здесь держать два дежурных паровоза, которые и исполняют это. Показывая в отчете расход по содержанию двух паровозов и штата к ним, администрация дороги их там не держит, а сбережения прячет в свои бездонные карманы. Но ведь «паровозы-толкачи» нужны, а потому практикуется след. способ: все паровозы из Славянска (товарные) задерживаются на 15-м раз'езде. Здесь они ждут несколько часов, пока придет товарный поезд, подталкивают этот поезд до следующей станции, возвращаются назад и только после этого отправляются во-свояси. На все это уходит от 6—8 час., которые пропадают совершенно непроизводительно, конечно, для помощников и машинистов, а не для железнодорожной администрации. Куда ни взглянуть, всюду эксплоатация на законном основании. — Посылаю также первую распространенную у нас прокламацию, успех которой был громадный. Все читали и были довольны, что нашлись люди, не постеснявшиеся обнаружить злоупотребления администрации. Прокламации эти попали также в окрестные деревни, где встретили сочувствие. Вся беда, что у нас литературы почти ничего нет, а между тем, она необходима.

Один из многих.

От редакции. Полученная нами прокламация превосходно издана Екатер. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. в его типографии и подписана «Организованные рабочие Панютинской жел.-дор. мастерской». Прокламация описывает тяжелое житье рабочих и бессовестную эксплоатацию их, зовет к товарищескому единению их и заканчивается восклицаниями: «Да здравствует солидарность среди рабочих! — Долой царское правительство, правительство насилия и произвола, правительство хищников и грабителей! — Да здравствует Земский Собор из выборных от всего народа, издающий законы и управляющий страной!».

Движение среди приказчиков Одессы. 5 янв. здесь вышла следующая прокламация, подписанная «Организованные приказчики»:

«Товарищи! Новый год ознаменовался уже новым проявлением нашего духовного порабощения!.. Вам, вероятно, уже известно, что 2 января в магазине Ландесмана приказчик Бродский отравился нашатырным спиртом. Случайно его удалось спасти и в настоящее время он помещен в больнице. Как оказалось, сын Ландесмана, «современный либерал», утром позвал Бродского в контору, дал ему пощечину... Преступление товарища заключалось в том, что в день Нового года он, желая пополнить свои скудные средства, воспользовался штемпелем фирмы Ландесмана для поздравительной карточки, предназначенной кредитору магазина. Бродский смыл с себя пятно позора

самоубийством... Товарищи! Можем ли мы смотреть на этот факт, как на единичный случай? Не приносит ли нам наша будничная жизнь тысячи таких примеров оскорбления, топтания в грязь нашей человеческой личности? Принизить, подавить в нас всякое сознание своего «я», привести нас к потере самоуважения, создать безответного, пассивного к обидам, неспособного на самозащиту человека-слугу — вот цель всех капиталистов для облегчения своей цели — эксплоатации. Вот что они преследуют своим невероятно грубым обращением с ними. «Как, — удивляется даже г. Ландесман, узнавши о поступке Бродского, — как мог я думать, что такой мальчишка, который еще должен добиваться своей карьеры, будет способен на самоубийство из-за оскорбления его чести!». Пройти школу пощечин, последних ругательств и обид — это значит на языке Ландесманов «создавать себе карьеру»! Привыкшие к нашей безответности, они даже удивляются, что мы способны чувствовать наносимые нам оскорбления, как люди, и предпочитаем им смерть... Но вы ошиблись, гг. Ландесман и К°. Уже и мы, одесские приказчики, начинаем пробуждаться от тяжелого сна. Мы стряхиваем с себя то непростительное равнодушие к нашему положению, которое до сих пор нас отличало. И мы приветствуем поэтому поступок товарища Бродского,—поступок, который так ярко нам говорит о пробуждающемся человеке и в приказчике. Но, приветствуя его пробуждение, мы должны сказать, что не молчанием, не самоуничтожением мы должны отвечать на подобные дикие выходки всех наших врагов. Сопротивление, сопротивление тут же, на месте, всегда и повсюду, где бы и от кого бы оскорбление ни исходило, от хозяина ли кулака, от царского ли чиновника-самодура, — вот наш ответ этой кулачной расправе! И не только оскорбление со стороны оскорбляемой личности; стойкая поддержка, заступничество за честь наших товарищей — нравственная обязанность каждого из нас. Но мало уметь защищать себя от поношений, надо уничтожить и самую возможность подобного насилия над человеком. И только совместная организованная борьба в рядах пролетариата может внушить нашим врагам уважение к нашей личности и ее священнейшему праву — неприкосновенности. Она одна освободит нас от оков капитала и, искоренив весь гнет и произвол современного общества, приведет в царство справедливости и свободы—царство социализма».

В Кишиневе образовался «Комитет Кишин. с.-д. организации». В прокламации «К товарищам» он сообщает об этом и намечает широкую программу работы. Комитетом выпущена также печатная прокламация (декабрь 1902 г.) по поводу ростовских событий. Прокламация подводит итоги вооруженной борьбе нашего правительства с народом, кровопролитиям в Риге и Ярославле, в Домброве и Батуме, в деревнях и рабочих кварталах, и зовет рабочий люд на борьбу с «преступным правительством», на свержение «проклятого самодержавия». — Тем же комитетом выпущена от 18 дек. печатная прокламация по поводу «несчастного случая» на фабрике Двантмана: «Слабого 14-летнего мальчика хозяин заставил надеть на движущийся вал пас, и вот его, неопытного, ослабевшего, захватывает трансмиссией, и в одну секунду живой человек превращается в бесформенную груду мяса... Хозяева жалеют лишний грош, чтобы хоть сколько-нибудь оградить дешевую жизнь рабочих... Вот Двантман, когда по его вине погиб мальчик, запер на ключ всех своих рабочих, а сам побежал поговорить, попросить, кланяться, купить кого надо, — и все вышло чинно и благородно». Прокламация обстоятельно раз'ясняет связь этого случая со всем современным капиталистическим строем и зовет к борьбе за социализм. Обе последние прокламации были распространены очень удачно.

Новороссийск. Забастовавшие здесь рабочие стали уже на работу. Стачка продолжалась всего пять дней. Дело обошлось без кровопролития. Бастовали рабочие цементного завода, некоторые требования рабочих удовлетворены.

Батум (из частного письма). С 9 декабря 1902 г. здесь большая стачка. Забастовало 1.500 чел. раб. на промыслах у Ротшильда. Требуют, между прочим, возвращения всех штрафных денег и наградных к Рождеству, в размере месячной заработной платы. Сообщает об этом крупный служащий в конторе промыслов. Как близко стоящий к делам предприятия, добавляет от себя, что штрафных денег накопилось около 600 тыс. руб. По его словам, предприятие считает требование вернуть подобную сумму безумием. 21-го все рабочие уволены. В конторе дежурят солдаты. Решено не принимать назад ни одного выгнанного рабочего и набрать совершенно новый состав. Среди стачечников появляются предатели: выдают вожаков, надеясь заслужить прощение.

Рига. На Рождество, во время богослужения, у нас во всех церквах были распространены прокламации от соц.-демократ. Прибалтийской рабочей организации. Пасторы, узнав про это, с кафедр «громили» социалистов и тем оказали нашим агитаторам большую услугу. Масса народа, ранее не тронутая социалистической пропагандой, заинтересовалась узнать, какие такие люди эти «социалисты» и чему они учат?.. В городе много разговоров и о распространенной прокламации и о пасторской «пропаганде».

«Сим победиши!» (Письмо в редакцию.) Так заканчивается передовая статья в № 29 «Искры». Каким глубоким смыслом, правдой веет от этих слов. Правдой, вытекающей из самой жизни. Еще раз разбираясь в результатах ростовской стачки, в этих только что полученных нами уроках — богатых уроках! — невольно хочется вскрикнуть: товарищи-рабочие, за нас никто не заступится, кроме нас самих! Да и некому заступиться, потому что интересы нашего рабочего класса противоположны другим группам населения. Что им до нас! И потому не очевидно ли вам, товарищи, что только в социализме наша сила! Под его свободными красными знаменами с требованием политической свободы, равенства и справедливости, мы, организованная Рабочая Партия, страшны современному царскому правительству. Товарищи, вы видели, как наше царское правительство усердно заступилось за ростовских фабрикантов и за правление ж. д. Вы видели, как оно отнеслось к нашим требованиям об улучшении условий труда и платы, как оно запрещало нам сообща обсуждать наши дела! Самодержавное правительство и не могло поступить иначе, товарищи, оно не могло уступить нам. Ему это невыгодно. Потому уж очень ему вольготно на нашей спине. Куда и как привольно всем тем полковникам, офицерам, с царем во главе, проживать на хорошем жалованьи, ничего не делая, благо русский народ темен, покорно голодает, покорно платит большие подати. Вот и выходит: уступи нам — значит, прощай теплые места, даровые денежки. Потому наше царское правительство и подавило стачку оружием.

Но настанет время, когда оно не в силах будет это делать. И это время наступит тем раньше, чем чаще у нас будут стачки и демонстрации, подобно ростовской. Сколько тысяч из нас, мало думающих над своим политическим положением, увидали, что наше благополучие немыслимо без политической свободы. Потому только оно может защитить нас от царских пуль и нагаек, принуждающих нас покорно работать по несходным нам ценам, на тяжких условиях. Это правительству на руку: чем покорней мы, тем больше выжмут из нас капиталисты, тем больше перепадет и на долю правительства.

Итак, стачки и демонстрации для нас очень полезны. Они осаживают чересчур жадные аппетиты капиталистов, вынуждают правительство играть в-открытую, из чего видно, что нам от него ждать нечего и чем скорее ему капут, тем лучше для нас. С каждой такой стачкой или демонстрацией нашего полку будет прибывать все больше и больше и, наконец, наступит то время, когда будут уничтожены грозной, справедливой силой рабочего народа царь со своей ордой чиновников-палачей. Через несколько месяцев наступит наш праздник «первое мая», праздник рабочего класса. В этот день те, кто хочет лучшей участи в жизни, те, кто хочет с нами бороться за свободу рабо-

чего класса, должны не работать, должны показать мирной демонстрацией, как велика, как могуча наша рабочая рать. Но мы должны также не забыть погибших товарищей в ростовской стачке. Общим протестом, все русские рабочие, должны мы выразить нашу ненависть царскому правительству за пролитую кровь товарищей-борцов за нашу свободу.

Босяк.

ИЗ ПАРТИИ

Письмо в редакцию. В заявлении Центрального Комитета Бунда Организационный Комитет обвиняется в том, что не исполнил обещания своего делегата, данного предварительно Ц. К. Бунда — прислать извещение о конституировании О. К., чтобы Ц. К. Бунда мог принять участие в редактировании этого заявления обязательно до распространения его. Это фактически неверно. Делегат О. К., узнав из личных переговоров с представителем Ц. К., что, несмотря на письмо, посланное Ц-у К-у Б. по данному Ц. К. адресу с извещением о времени и месте совещания, несмотря на то, что это же извещение, для большей верности, было передано лично одному из Комитетов Бунда с просьбой передать Ц. К., — все же не получил извещения, заявил, что он сделает попытку, если еще возможно, чтобы Ц. К. Бунда мог ознакомиться с текстом «Извещения» до его выхода и дал бы свою подпись в случае согласия. При этом представителю Ц. К. было указано, что если почему-либо этого сделать будет уже нельзя, то это никоим образом не может служить препятствием для дальнейших совместных действий и не устраняет нисколько возможности участия Бунда в работах по подготовке с'езда Партии. Таким образом, об обязательстве не выпускать «Извещения» до просмотра его Ц. К. Б. не могло быть и речи. Зачем понадобилось представителю Ц. К. извращать смысл слов делегата О. К., а Ц. К. Б., не проверив их более об'ективным путем, возвестить всему миру, что его изобидели, мы не знаем, — может быть, это необходимо для дела об'единения.

Делегат Орг. Комитета.

На Кавказе появилась новая соц.-дем. организация: «Союз армянских социал-демократов». Союз этот, как нам известно, более полугода как начал свою практическую деятельность и имеет уже свой орган на армянском языке. Нами получен № 1 этого органа, называемого «Пролетариат» и помеченного в заголовке: «Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия». Он заключает в себе ряд статей-заметок и корреспонденций, выясняющих общественные и политические условия, вызвавшие к существованию «Союз армянских соц.-демократов» и намечающих, в общих чертах, программу его деятельности.

В передовой статье, называемой «Манифест арм. соц.-дем.», мы читаем: «Являясь одной из ветвей Росс. С.-Д. Р. П., широко раскинувшей свою сеть на всем пространстве России, Союз арм. соц.-дем. вполне с нею солидарен в своей деятельности и будет бороться вместе с нею за интересы российского пролетариата вообще и армянского в частности». Далее, указывая на быстрое развитие капитализма на Кавказе и на те чудовищные, по своей силе и многосторонности, результаты, которыми сопровождается этот процесс, авторы переходят к вопросу о современном положении рабочего движения на Кавказе. В промышленных центрах Кавказа, каковыми являются Баку, Тифлис и Батум, с их крупными капиталистическими предприятиями и многочисленным фабричным пролетариатом, движение это пустило уже глубокие корни. Но борьба кавказских рабочих с хозяевами, в виду их крайне низкого культурного уровня, естественно, носила до сих пор более или менее бессознательный, стихийный характер. Необходима была сила, которая могла бы об'единить разрозненные силы рабочих, придать их требованиям членораздельную форму и выработать в них классовое самосознание. Такой силой является социализм. — Изложив затем вкратце основные положения научного социализма, Союз выясняет свою позицию по отношению к современным течениям в международной и, в частности, русской соц.-демократии. «Осуществление социалистического идеала, — говорится в манифесте, — немыслимо, по нашему мнению, ни экономической самодеятельностью рабочего класса, ни частичными политическими и социальными реформами; оно возможно лишь посредством коренной ломки всего существующего строя, посредством социальной революции, необходимым прологом к которой должна служить политическая диктатура пролетариата». Далее, указывая на существующий в России политический строй, как враждебный всякому общественному и в особенности рабочему движению, Союз заявляет, что он ставит своей ближайшей задачей политическое воспитание армянского пролетариата и приобщение его к борьбе всего российского пролетариата для свержения царского самодержавия. Не отрицая вполне необходимости частичной экономической борьбы рабочих с хозяевами, Союз не придает ей, однако, самостоятельного значения. Он признает эту борьбу, поскольку она улучшает материальное положение рабочих и способствует выработке в них политического самосознания и классовой солидарности.

Особенно интересным для нас является отношение Союза к национальному вопросу. «Принимая во внимание, — говорится в манифесте, — что в состав русского государства входит много различных народностей, находящихся на разных ступенях культурного развития, и полагая, что только широкое развитие местного самоуправления может обеспечить интересы этих разнородных элементов, мы считаем необходимым в будущей свободной России учреждение федеративной (курсив наш) республики. Что же касается Кавказа, то, имея в виду крайнюю разноплеменность его населения, мы будем стремиться к об'единению всех местных социалистических элементов и всех рабочих, принадлежащих к различным национальностям; мы будем стремиться к созданию единой крепкой соц.-дем. организации для более успешной борьбы с самодержавием. В будущей России мы признаем за всеми нациями право на свободное самоопределение, так как в национальной свободе мы усматриваем только один из видов гражданской свободы вообще. Исходя из этого положения и считаясь, как мы указали выше, с разноплеменным составом Кавказа и с отсутствием географического разделения между отдельными племенами, мы не находим возможным внести в нашу программу требование политической автономии для кавказских народностей; мы требуем только автономии относительно культурной жизни, т. е. свободу языка, школ, образования и т. п.».

Мы от всей души приветствуем «Манифест» Союза арм. соц.-дем. и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу. Было бы весьма желательно, чтобы эта попытка была доведена до конца. Два основных принципа, которыми должны руководиться все соц.-дем. России в национальном вопросе, намечены Союзом совершенно правильно. Это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности; это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства. Но оба эти принципа не вполне еще последовательно проведены Союзом арм. соц.-дем. В самом деле, можно ли, с их точки зрения, говорить о требовании федеративной республики? Федерация предполагает автономные национальные политические целые, а Союз отказывается от требования национальной автономии. Чтобы быть вполне последовательным, Союз должен устранить из своей программы требование федеративной республики, ограничиваясь требованием демократической республики вообще. Не дело пролетариата проповедывать федерализм и национальную автономию, не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное классовое государство. Дело пролетариата — теснее сплачивать как можно более широкие массы рабочих всех и всяких национальностей,—сплачивать для борьбы на возможно более

широкой арене за демократическую республику и за социализм. И если данная нам в настоящее время государственная арена создана, поддерживается и расширяется посредством ряда возмутительных насилий, то мы должны именно для успешной борьбы со всеми видами эксплоатации и гнета не раздроблять, а соединять силы наиболее угнетенного и наиболее способного к борьбе рабочего класса. Требование признания права на самоопределение за каждою национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно против всякой попытки насилием или несправедливостью влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия), мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Таким образом, общая, основная, всегда обязательная программа соц.-дем. России должна состоять лишь в требовании полного равноправия граждан (независимо от пола, языка, религии, расы, нации и т. д.) и права их на свободное демократическое самоопределение. Что же касается до поддержки требований национальной автономии, то эта поддержка отнюдь не является постоянной, программной обязанностью пролетариата. Эта поддержка может стать для него необходимой лишь в отдельных, исключительных случаях. По отношению к армянской соц.-дем. отсутствие таких исключительных обстоятельств признано самим Союзом арм. с.-д.

Мы надеемся еще вернуться к вопросу о федеративности и национальности. А теперь закончим еще раз приветствием новому члену Росс. С.-Д. Р. П. — Союзу армянских соц.-дем.

Открытое письмо «Организационному Комитету».

Мы горячо приветствуем призыв «Организационного Комитета» к делу создания у нас «единой, сильной социал-демократической партии». Мы глубоко убеждены, что время не терпит и жизнь не ждет. Настоящий момент более, чем когда-либо, настоятельно требует об'единения всех сознательных участников нашего рабочего движения под знаменем единой и сильной социал-демократической рабочей партии.

Мы глубоко убеждены в том, что пора, наконец, положить предел той розни, которая так мешает успеху нашей и без того трудной партийной деятельности. Пусть все чувства прежних обид и недоброжелательства, вызванные нашей внутренней взаимной борьбой, заглушатся скорее и окончательно тем чувством ненависти, которые вызываются в нас свистом нагаек и пуль, посылаемых в безоружные толпы рабочих и голодающих крестьян, торжествующим видом жандармов и несмолкаемым лязгом замков тюрем, в которые бросают наших товарищей. И пусть чувство смертельной заклятой вражды к давящему всю нашу жизнь произволу вольет в нас лишь новые силы для той освободительной пролетарской борьбы, высшее руководство которой должен взять на себя Центральный Комитет нашей партии!

Движимые этими чувствами, мы, — старые участники петербургского рабочего движения 90-х годов, бывшие члены центральной группы Петербургского Союза Борьбы и одни из главных сотрудников прежней «Рабочей Мысли», — хотим откликнуться на призыв Организационного Комитета и присоединиться к организации «Искры», которая больше всех других социал-демократических организаций настаивала на необходимости создания у нас центрального руководящего учреждения партии и которая так сильно содействовала появлению «Организационного Комитета».

В настоящее время выступления на поле русской политической деятельности двух новых партий — партии либералов и партии революционных радикалов («социалистов-революционеров»), мы более, чем когда-либо, являемся убежденными, что только социал-демократическое движение, тожественное в наших глазах с сознательным движением рабочего класса, руководимым социал-демократическою рабочею партиею, может обеспечить нашей родине все выгоды решительной и полной победы над самодержавием.

Мы остаемся попрежнему убежденными в том, что единственно верной тактикой партии будет лишь та, руководясь которою Комитеты нашей партии, относясь самым внимательным образом к самодеятельности рабочих, сочувствуя каждому прогрессивному начинанию с их стороны, будут сознательно об'единять вокруг себя все самостоятельно возникающие рабочие организации через посредство своих членов, входящих в эти организации и деятельно участвующих в их работе. Тогда эти организации, видя в Комитетах партии лучших защитников интересов рабочего класса, будут невольно стремиться стать под общепартийное знамя. Только такая тактика может действительно упорядочить отношения между Комитетом и рабочими организациями и даже уничтожить самую почву для повторения впредь тех нежелательных столкновений, от которых, наравне с движением в некоторых других городах, так сильно страдало наше петербургское рабочее движение.

Но целесообразное отношение Комитетов к рабочим организациям, так и друг к другу и к своей общей деятельности, конечно, может быть обеспечено лишь созданием сильной центральной организации партии. Создание же и прочное существование самой общепартийной организации может быть обеспечено лишь в том случае, если каждый Комитет, отказавшись от узкого, чисто группового эгоизма и проникнувшись общепартийными целями, введет более правильное разделение труда среди своих членов и немедленно и раз навсегда сделает одною из своих важнейших задач подготовление и выделение из своего личного состава работников для общепартийного дела, т. е. кандидатов в деятели Центрального Комитета партии. Ничем другим, как учреждением этой новой функции комитетской работы, может быть обеспечено прочное, постоянное существование центральной партийной организации. И ничем другим, как прочным и постоянным существованием такой центральной организации, может быть обеспечена целесообразная тактика и плодотворная общая и местная деятельность партии.

Мы естественно кончаем тем, с чего начали, — самым горячим и самым искренним пожеланием успеха «Организационному Комитету». Мы надеемся, что на его своевременный призыв деятельно откликнутся все те, кто считает дело самоосвобождения рабочего класса своим собственным делом; откликнутся все, кому действительно дороги интересы нашего социал-демократического рабочего движения, и откликнутся так, что слова «да здравствует наша социал-демократическая рабочая партия» из простого лозунга превратится в грозный боевой клич!

Бывшие члены центр. группы Петербургского Союза Борьбы и сотрудники прежней «Рабочей Мысли».

Мы получили следующее письмо:

В редакцию «Искры». Товарищи! Я послал в «Союз русских социал-демократов» мотивированное заявление о своем выходе из членов этой организации. В заявлении я говорю о роли «Союза» последнего времени в нашем движении и со своею оценкою его хотел бы познакомить возможно большее число товарищей. С этою целью я посылаю вам полную копию моего заявления в «Союз» и прошу напечатать его в вашей газете в тех или других выдержках, так как размеры заявления не позволяют думать о полном воспроизведении его на страницах «Искры» — 8 февр. 1903 года.

С товарищеским приветом В. Иваншин[27].

От редакции. Отмечая с удовольствием, что товарищ В. Иваншин солидарен с нами в главнейших вопросах программы и тактики, мы не считаем в настоящее время возможным опубликовать его письма «Союзу», так как продолжаем надеяться, что ход событий окончательно приблизит оставшихся в этой организации товарищей к нашей точке зрения и сделает ненужным продолжение внутренней борьбы в нашей партии в такое время, когда

для громадного большинства действующих социал-демократов основные партийные задачи представляются вполне выясненными.

Нами получен № 2 Киевского С.-Д. Лист. от 9 дек. 1902 г., содержащий две статейки. Первая — «Движение ж.-дор. рабочих» — дает общий свод последним известиям о движении ж.-дор. рабочих в Ростове-на-Дону, Тихорецкой, Новороссийске, Екатеринодаре, в Сибири, и характеризует зверскую политику правительства по отношению к бесправному рабочему люду. Вторая статья представляет из себя письмо раб. из мастерск. Ю.-З. ж. д., дающее яркую картину той бездны угнетения, в которую погружены рабочие; в нем обрисовано то ужасное положение, когда «честь, свобода и совесть человека зависят от какой-нибудь мелкой сошки и обер-шпиона, вроде мастера Голембиовского, самодержавного начальника над сотнями людей».

Листок издан очень хорошо в типографском отношении. Заметим, со своей стороны, что вышеозначенное содержание «Листка» делает из него чрезвычайно удачно составленную прокламацию к рабочим, обобщающую данные о движении рабочих различных местностей в известной отрасли промышленности и пытающуюся вызвать соответствующее движение и в Киеве. Пожелаем успеха Комитету в издании подобных прокламаций, которые, по нашему мнению, совершенно необходимы для оживления, расширения и углубления местной работы.

С 14 декабря по 18 января вышло еще пять номеров того же «Листка» с разнообразным содержанием. Отметим статьи: «Памяти декабристов», «Ценное признание ген. Драгомирова», «К евреям-рабочим». Кроме того, Киевск. Комитет издал еще листки: «К рабочим южно-русского завода», «Ко всем типографщикам», «К юбилею ген. Новицкого» (перепечатываем его выше) и Отчет Комитета за сентябрь — ноябрь. — За время с 1 июля по 1 декабря Комитет выпустил 15 воззваний, в 11.460 экз. Доход Комитета за время от 1 сент. до 1 дек. составил 1.320 р. 15 к., расход — 1.622 р. 15 к.

Организационным Комитетом партии издана прокламация «Ко всем русским рабочим и работницам», заключающая рассказ о ростовских событиях и освещающая их значение. Прокламация напечатана в типографии О. К.

«Южный Рабочий», организация которого теперь об'единилась с нашей, вышел десятым номером.

Печатную прокламацию издала Елисаветградская организация по поводу ростовских событий.

Екатеринославским Комитетом выпущена прокламация «К еврейским рабочим», весьма удачно составленная.

Николаевский Комитет возобновил газету «Наше Дело», выходившую в конце 1897 г. от имени тогдашней Николаевской группы социал-демократов. Комитетом изданы (печатно) №№ 4, 5 и 6 газеты.

Петербургским Комитетом партии издан и распространен листок (от 3 янв. 1903 г.) «Двухсотлетие подневольной печати». В листке клеймится позорная система цензуры, существующая в России, описывается борьба за свободное слово (начиная с Радищева и продолжая Герценом), широкое развитие революционной печати в последнее время и делается призыв к борьбе за свободное слово, за уничтожение самодержавия. Другая прокламация издана Комит. по тому же поводу гектографским способом. Тем же Комит. изданы семь «Листков Раб. Мысли» и прокламация «Царь в Курске».

Воронежский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. издал печатную прокламацию «Ко всем воронежским рабочим» по поводу известного ареста Мартынова и Бунакова. Прокламация очень толково, просто и ясно рассказывает о наших политических порядках, о содержании «преступных» речей арестованных, об эксплоатации и угнетении рабочего народа в России, и призывает к борьбе за политическую свободу в рядах Росс. С.-Д. Р. П. Приветствуем прекрасный почин Воронежского Комитета в широкой политической агитации!

Донским Ком. выпущена прокламация «О самодержавии».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Нижний-Новгород. Январь. На-днях были аресты среди рабочих (в Канавине, на другом берегу Оки). Арестованы также некоторые интеллигенты: Позняк, Никифорова, Бродская, Геринг и мн. друг. Среди интеллигентов попались многие сионисты.—Ростов-на-Дону. 31 дек. выпущены из тюрьмы Рейсман (выслан в Екатеринослав), Охнянский, Миндлин (тоже в Екатеринослав). Кроме того, Котелевец, Шпитальный и Тавлинов (взятые в Азове). Сидят: Серебряков (инт.), Скоробогатый (раб.), Синицин (раб.) и Анна Зиммель (инт.) по приговору из Либавы. 24 декабря было 8 обысков. — Одесса. Сидевшие по севастопольскому делу о распространении нелегальной литературы Я. Бейзерман, Мойс. Шулькройт и Сергей Андреев посланы на 5 л. в В. Сибирь. Высланы туда 6 января. 17 янв. из одесск. тюрьмы выслано 20 чел. (в том числе К. Захарова и еще две женщины), куда — неизвестно. Через несколько дней ожидалась высылка остальных, сидящих с февр. прошл. года. 17 и 18 янв. были большие аресты. — Киев. 10 дек. арестован врач Фрумин (отвезен в Петербург), 17 пом. пр. пов. С. Волосевич (выпущен 23-го), 23 рабочие, А. Лола и Н. Барановский. В ночь с 1 на 2 янв. арестовано несколько рабочих на Степановской улице, а в следующую ночь — около 12 рабочих в других местах. Согласно отчету Киевск. «Красн. Креста» в течение минувшего года в киевских тюрьмах перебывало 453 (четыреста пятьдесят три) человека, которые вместе просидели 28.368 дней, или 77,7 лет. В 1901 г. число заключенных составляло 285, число дней ареста 14.335, или 39,27 лет. Вместе с числом арестуемых растет и среднее число дней ареста, приходящееся на одного (в 1901 г. — 50, в 1902 г. — 62, и это несмотря на то, что десять бежавших в августе «похитили» у тюремного чудовища около 500 дней — считая до конца года). По месяцам число заключенных колебалось от 25 (в январе) до 255 (в феврале) и 205 (в апреле). Все это в отчете «Кр. Кр.» воспроизведено на очень интересной картограмме. Желательно, чтобы другие общества помощи заключенным также подробно регистрировали борьбу жертв революционной борьбы. — Рязань. По предписанию из Симбирска был обыск у рабочего Гольцмана.

Орел. В конце января в Орловском у. был арестован учитель земской сельско-хоз. школы Александр Акуратов, привезен в Орел. У народного учителя Скворцова и его брата-семинариста были обыски. Семинарист под домашним арестом. Обвиняются в распространении прокламаций среди крестьян. — С.-Петербург. Арестован Федор Шипулинский, медичка Фокарева, лес. Алексеенко, инт. Грожан, был обыск у Хмелевцева. — Новгород. Арест. М. Ю. Гольдштейн.

Бежал удачно из Омска ссыльный В. Вановский (бывш. офицер), который с 1892 г. почти непрерывно переходит из тюрьмы в ссылку.

Из Сибири сообщают о благополучном бегстве из Нижнеудинска Арона Сольц и работницы Зевин. Оба привлекались по делу «Раб. Знамени» и «Раб. Библиотеки». Оба находятся за границей.

Приводим главные места из обращенного к нам неизвестным нам товарищем письма, которое еще раз поднимает один из действительно больных вопросов нашей практики.

«Товарищи! Мы хотим предложить вам одну меру, которая кажется нам весьма важной для русской практической революционной деятельности. Вы, наверное, согласитесь с нами, что русские революционеры в массе не обладают большой конспиративностью, большим практи-

ческим чутьем. Частые провалы, частые массовые аресты, крупные поражения пропаганды в отдельных городах, парализование деятельности революционеров на продолжительное время вместе с крупной потерей людей, связей и средств, имели причиной очень часто какое-нибудь непростительное легкомыслие одного из участников дела, напр., излишнюю откровенность, вернее, болтливость, которая имела следствием то, что предмет строгой тайны становится известным улице. Революционеры, в большинстве случаев, народ молодой, относятся недостаточно благоразумно, недостаточно обдуманно к своему практическому делу... Такое поверхностное отношение к делу станет понятным, если мы вспомним, что молодому революционеру буквально неоткуда набраться революционной практической мудрости, так как опытных революционеров в России всюду весьма немного, и эти вне возможности руководить всеми действиями своих молодых товарищей; затем, в большинстве случаев молодые совершенно вне влияния опытных революционеров. В нелегальной литературе, насколько нам известно, совершенно нет руководств или книжек с изложением конспиративных правил, добытых долголетним опытом русской революции. Издание такой книжки и ее широкое распространение в России и за границей — в русских колониях — было бы чрезвычайно полезно. Вспомните завещание А. Михайлова. Эти краткие, выразительные правила драгоценного революционного опыта почти совершенно неизвестны, а между тем тот факт, что Михайлов, этот удивительный организатор, в своем завещании излагает почти исключительно правила конспирации, говорит сам за себя. Краткость и сила этих заповедей также очень характерны. Необходимо, наконец, позаботиться об исполнении его завещания, т. е. прежде всего о широком распространении его правил. К этим могут и должны присоединиться и другие правила, приноровленные к условиям рабочей и студенческой жизни... На-ряду с такими правилами брошюры, обстоятельно трактующие о практике революционного дела вроде книжки, изданной Союзом: „Как держать себя на допросах“, крайне небоходимы».

Заметим, с своей стороны, что одним из лучших средств распространения в массе конспиративных правил является ознакомление в деталях с историей русского революционного движения. Далее, совершенно незаменимы в нашем деле личное воздействие на молодежь со стороны профессиональных революционеров и систематизация этого воздействия (вроде обязательного чтения рефератов на эту тему в рабочих и студенческих кружках, обмен между организациями выработанной практики подбора и «искуса» членов и т. п.). Наконец, и издание брошюры о правилах поведения тоже очень желательно, ибо поразительно быстрый рост нашего движения вширь исключает всякую мысль о возможности ограничиться одним личным воздействием. Не как единственное или главное средство, а как одно из средств, — такая брошюра сыграла бы, несомненно, свою роль. Может быть, следовало бы начать прямо с перевода или переделки той брошюры на эту тему, которая имеется в польской литературе.

А. О. Либрехт (некролог). Весной этого года умер в Сухум-Кале от туберкулеза Александр Осипович Либрехт. Покойному было всего 20 лет с небольшим. 1 марта 1901 г. он был арестован, в числе прочих, по делу Московского Комитета партии. На квартире у него нашли (спрятанные под полом) мимеограф, прокламации и рукописи первого номера предполагавшегося к изданию соц.-демократического журнала «Рабочее Слово». Улик этих оказалось достаточно для того, чтобы продержать его в тюрьме 9 месяцев. Тюрьма сломила его силы и здоровье: он вышел из нее обреченным на смерть. Еще одним верным товарищем стало меньше, еще одним именем больше в синодике мучеников русской свободы... Пусть же будет легка ему земля, а мы — живые — будем бороться за то дело, за которое он погиб!

Киевский Комитет об'являет предателем булочника Ивана Точилова, арестованного 22 июля 1901 г. и оговорившего Шнапера и булочника Эбергарда, арестованного 30 нояб. 1902 года.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

От ред. Отлагается до след. ном. ответ на № 105 «Посл. Изв.» Бунда, так как прокламация Екатеринославского Комитета партии, вызвавшая гнев Бунда, получена нами, к сожалению, слишком поздно.

Лекарству. Письмо получено. Ключ и адрес переданы. Очень рады. Пишите.

А. И. Письмо об аграрной программе получено. Дайте адрес для ответа.

Господам a, b, c, d. Об'яснившийся с вами «Питэр» действительно находится в связи с нашим представителем в городе «СП» и вполне компетентен устанавливать, кто не принадлежит к орган. «Искра» в этом городе.

Льву Львовичу. Письмо получено и разобрано.

Василью. Пора бы написать нам: не имеем от вас ни одного письма.

Заканчивается печатанием и скоро выйдет в свет «Эрфуртская программа» Каутского.

Получено: Чер. Цюрих: из Давоса для Сиб. касс. по лист. № 93 чер. НН 84 фр., оттуда же за литер. 10 фр. и от друга 15 фр., из Ма за лит. 14,77 фр., из Лиона для Сиб. касс. 15 фр. и от N 62 фр. Из Берна экстренный сбор 263 фр. и за лит. 182 фр. Из Парижа в пользу ростовских стачечников 122,40 фр., из Брюсселя 53,65 фр. и на издание зап. Павлова 18,20 фр. Из «мягкого знака» 154,10 фр., от нового тов. за «И» 20 фр., в п. рост. стач. 15 фр. и от больной Кати из Брюсселя 30 фр. Из Нью-Иорка от местной гр. рев. соц.-дем. 300 долл. От Без—ной 3 руб. Из Женевы: за лит. 53,55 и 90,85 фр., с реф. Плеханова 145 фр. Из Вост. Сиб. 35 р. Из Мюнхена чер. Линдова 30 руб. От Др. Юн. в два приема 1.000 р. Чер. Орг. Ком. перед. рост. стач. от П. 60 р., от Настойчивого из Б. 20 р., на орг. дела 60 р. От земляков 100 р., от А. А. 50 р., «Крысой» получено: 100 р. от Союза Борьбы, 100 р. от Пт., 220 р. от С.С., от «своего» 22 р., от А. С. за №№ 32 р., от приятельницы 10 р., занято Л-во 100 р. Итого 455 р.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу:
Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Восстания в той части Польши, которая была захвачена царской Россией, возникли вследствие жестокого национального угнетения поляков со стороны царизма. До второй половины XVIII века Польша была самостоятельным государством. После ряда насильственных разделов и переделов (1772, 1793, 1795, 1807, 1809 и 1815 гг.) Польша подпала под власть более сильных, чем она, соседних государств (Россия, Австрия и Пруссия). В разделенной между тремя державами Польше развивается национальное движение, приводящее к ряду восстаний. Наиболее крупные восстания в захваченной Российской империей части Польши произошли в 1831 и 1863 гг. Оба эти восстания, несмотря на героическую борьбу повстанцев, были подавлены

с невероятной жестокостью. Восстанию 1863 г. предшествовал значительный подготовительный период, во время которого усиленно работали мелкобуржуазные подпольные революционные кружки, происходили демонстрации, покушения на агентов царского правительства и пр. Непосредственным поводом к восстанию было об'явление в январе 1863 г. рекрутского набора в царскую армию, причем в рекрутские списки были включены все участники демонстраций. Во многих местах русской Польши возникли партизанские отряды, действовавшие иногда довольно успешно. Было образовано повстанческое Временное Правительство (Ржонд), которое провозгласило демократические свободы, равноправие вероисповедания и национальностей и обещало наделить крестьян землей. Но классовые противоречия между помещиками и крестьянством, между буржуазией и рабочими и между крупной буржуазией и помещиками, с одной стороны, слабость повстанческих отрядов в боевом отношении и громадный численный перевес царских войск — с другой, привели в марте 1864 г. к полному подавлению восстания. В феврале 1864 г. был рассеян наиболее крупный повстанческий отряд (Босака). Усмиритель восстания Муравьев, прозванный с тех пор Вешателем, расправился с крайней жестокостью со всеми теми, кто имел хотя бы отдаленное отношение к восстанию. Десятки тысяч людей погибли на виселицах, в тюрьмах и ссылке. Поляки массами эмигрировали из страны. Но национальное движение, после некоторого затишья, продолжало свое развитие. На-ряду с ним в конце 70-х и начале 80-х годов возникло социалистическое движение рабочего класса, ставившее своей целью освобождение не только от национального гнета, но и от какого бы то ни было политического и экономического угнетения трудящихся масс. С другой стороны, часть польской буржуазии, сбывавшая с громадной прибылью свои товары на русском рынке, начала приспособленческую политику по отношению к царскому правительству.

Прим. 2. Катков М. Н. (1818 — 1887) — известный публицист, редактор «Московских Ведомостей». В начале 50 — 60-х годов либерал, позже крайний реакционер. Поступив в 1834 г. в Московский университет, К. сблизился с кружком Станкевича, Белинского, Бакунина и др., с которыми изучал Гегеля. Окончив университет, уехал в Берлин, где вместе с Бакуниным изучал философию. По возвращении в Россию читал в Моск. унив. лекции по философии, с 1851 г. стал редактором «Московских Ведомостей», а с 1856 г. — вместе с Леонтьевым издавал «Русский Вестник», журнал либерального направления с манчестерской подкладкой и стремлением к английскому конституционализму. С начала 60-х годов К. начал нападать на «нигилистскую» интеллигенцию и постепенно превратился в ярого защитника самодержавия и националиста. Уже в 1863 г., вторично став редактором «Московских Ведомостей», К. обрушился на поляков за их стремление к национальному освобождению от самодержавной России. В эпоху Александра III он был самым ярым шовинистом-реакционером, «гонителем» инородцев.

Прим. 3. Потебня А. Ф.—русский офицер, активный деятель общества «Земля и Воля». Принимал видное участие в польском восстании, возглавляя учрежденный им же революционный офицерский комитет в Польше. 4 марта 1863 г. убит в сражении с царскими войсками.

Прим. 4. «Ташкентцы»—термин, пущенный в ход известным сатириком Мих. Евграф. Салтыковым-Щедриным (1826—1889) в его произведении «Господа Ташкентцы». Термин «Ташкент» был употреблен Щедриным не в географическом, а в отвлеченном смысле — в смысле страны, лежащей всюду где «бьют по зубам и где имеет право гражданственности предание о Макаре, телят не гоняющем». Под «ташкентцами» автор подразумевал всевозможных корыстных проводников грабительской обрусительной политики царизма.

Прим. 5. Муравьев Мих. Ник., граф (1796 — 1866) — усмиритель польского восстания 1863 г. Известен под прозвищем «Вешатель». В молодости своей имел некоторые связи с декабристами, а впоследствии заявил, что он «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают».

Прим. 6. Домбровский Ярослав.— Дезертировав из русской армии, 22 л. от роду принял участие в экспедиции Гарибальди. Затем — один из руководителей польского восстания 1863 г. После разгрома восстания — вождь польских социалистов в эмиграции. Один из виднейших деятелей Парижской Коммуны, во время которой был комендантом революционного Парижа и генералом армии коммунаров. Погиб в бою с версальскими войсками 23 мая 1871 г.

Прим. 7. Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646 — 1716) — знаменитый немецкий философ (идеалист-метафизик) и математик.

Прим. 8. Буренин В. П. (р. в 1841) — реакционный публицист, писавший в «Новом Времени» и прославившийся грубостью и неразборчивостью в средствах, к которым прибегал в литературной полемике.

Прим. 9. «Славный род Головлевых» описан М. Е. Салтыковым в его произведении «Господа Головлевы». Одним из центральных лиц в этом произведении является «кровопивушка» Иудушка Головлев, лицемер, сутяга и мошенник.

Прим. 10. Под буквой Х здесь подразумевается Брагин, незадолго до стачки вышедший из организации. Это был малодисциплинированный человек с большой путаницей во взглядах. Когда началась забастовка, Б. выступал на митингах в балке с согласия Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П., произнося блестящие речи на политические темы (см. «Искра» № 29). Но вскоре Б. начал доказывать, что бастующих рабочих необходимо повести на демонстрацию в город. Донской Комитет был против этого, предвидя, что демонстрация рабочих в городе приведет к напрасному избиению рабочих войсками, уже приготовленными властями, и к срыву стачки. Но Б. 5 ноября разбросал на митинге гектографированную прокламацию с призывом итти в город. Руководитель стачки, член Д. К. И. И. Ставский, предложил рабочим порвать прокламации, так как они не имели печати Д. К. Тогда Б. пытался позвать рабочих за собой. Но за ним двинулось несколько десятков человек из пяти или шести тысяч присутствующих. Во всем этом инциденте социалисты-революционеры, не имевшие влияния на рабочие массы, не играли никакой роли и их орган «Рев. Россия» без всяких оснований пытался приписать прокламации своей группе.

Прим. 11. Амвросий — псевдоним члена Донского Комитета Мочалова, который все время присутствовал на митингах во время стачки и после того, как Брагин, потрясенный расстрелом рабочих, добровольно отдался в руки жандармов, по постановлению Д. К. заменил его.

Прим. 12. Бурцев Вл. Льв. (р. в 1862 г.) — народник, впоследствии с.-р., в настоящее время один из активных врагов Советской России. В 1885 г. за сношения с народовольческими организациями был арестован и после $2^1/_2$ лет Петропавловской тюрьмы был сослан в Иркутскую губ., откуда в 1888 г. бежал за границу. За границей издавал ряд народнических журналов и сборников («Свободная Россия», «Народоволец», «За 100 лет» и др.), проповедуя в них террор. После 1905 г., вернувшись в Россию, Б. вместе с Богучарским и Щеголевым основал журнал «Былое». На-ряду с этим Бурцев занялся разоблачением провокаторов (Ландезен-Гартинг, Азеф). Во время империалистической войны стал ярым социал-патриотом и шовинистом. После Февральской революции 1917 г. повел ожесточенную борьбу против большевиков, а с октября 1917 года и против Советской власти, докатившись до активной поддержки белогвардейских генералов (Юденича, Деникина, Врангеля и др.) и иностранной интервенции.

Прим. 13. «Ника-Милуша» — под этим именем был выведен в фельетоне Амфитеатрова «Господа Обмановы», помещенном в газете «Россия», Николай II. См. «Искра» № 16, стр. 5.

Прим. 14. Старо-фенноманы (суометарианы) — буржуазная реакционно-националистическая партия. Стремясь к освобождению Финляндии от шведского влияния, старо-фенноманы по отношению к русскому правительству вели политику соглашения, ставя своей задачей замещение постов высшей бюрократии в Финляндии представителями своей партии.

Прим. 15. Брошюра «Рабочее Дело в России» была написана Л. Мартовым и вышла за границей в изд. «Союза русских социал-демократов» во второй половине 1899 г.

Прим. 16. Финская Рабочая Партия была основана на с'езде в 1898 г. На втором с'езде в 1903 году была переименована в соц.-дем. финляндскую партию (см. «События в Финляндии» в № 48 «Искры»). Партия легально существовала, имела ряд своих газет как на финском, так и на шведском языках и значительное количество своих представителей в Сейме.

Прим. 17. «Последние Известия»—информационный бюллетень Заграничного Комитета Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунда), выходил в 1901—1905 гг. Всего вышло 256 №№.

Прим. 18. Резолюция I с'езда гласит: «Организация Союза Борьбы за освобождение рабочего класса группы «Рабочей Газеты» и Общееврейского Рабочего Союза в России и Польше сливаются в единую под названием Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, причем Общееврейский Рабочий Союз в России и Польше входит в партию как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».

Прим. 19. Начало 900-х годов ознаменовалось пышным расцветом идеалистической литературы. Либеральная и народническая интеллигенция ухватилась за идеализм обеими руками, видя в нем орудие для борьбы с революционным марксизмом. Обоснованию и пропаганде идеализма был посвящен ряд статей в различных журналах того времени и целый сборник, вышедший под названием «Проблемы идеализма».

Против этой волны идеализма энергично выступил издававшийся в Штутгарте теоретический орган Р. С.-Д. Р. П. «Заря», на страницах которого Г. В. Плеханов, Л. И. Аксельрод и др. разоблачали реакционную сущность и ненаучность идеализма.

Прим. 20. Меньшиков М. О. (р. в 1859 г.) — публицист, в 80-х годах сотрудничал в журнале «Неделя», где проповедывал в елейном духе толстовскую мораль. С 90-х годов М. — один из наиболее лицемерных и беззастенчивых сотрудников рептильного «Нового Времени».

Прим. 21. Минский — псевдоним Виленкина Н. М., род. в 1855 г., поэт-переводчик «Илиады» Гомера, философ. В первый период своей поэтической деятельности Н. Минский пытался в довольно плохих стихах отразить общественную жизнь, вводя в свою поэзию гражданские мотивы. Впоследствии перешел к проповеди независимого от общественности «чистого» искусства, мистицизма и крайнего индивидуализма. («При свете совести».) В 1905 г. делает попытку соединить мистицизм с социализмом и на короткое время становится издателем и членом редакции газеты «Новая Жизнь», органа с.-д. большевиков, с которыми вскоре расходится.

Прим. 22. Мережковский Д. С. (р. в 1866 г.) — поэт, критик и беллетрист, автор многих произведений, написанных в духе мистицизма. Начав свою литературную карьеру с гражданских мотивов, Мережковский позже переходит к декадентству, модернизму, индивидуализму и мистицизму. Мистицизм проявляется в целом ряде его крупнейших произведений («Трилогия», «Грядущий Хам», «Не мир, но меч» и т. д.) и в его общественном мировоззрении. В настоящее время Мережковский подвизается в рядах белогвардейской эмиграции, среди которых является одним из злейших врагов Сов. России.

Прим. 23. Розанов В. В. (р. в 1856 г.) — реакционный публицист, критик и философ, защищал православие и проповедывал мистицизм. Написал ряд критических произведений («Этюды о Гоголе», «Легенда о Великом Инквизиторе» и т. д.).

Прим. 24. Бердяев Н. А. (р. в 1874 г.) — видный буржуазный публицист. В 90-х годах состоял членом Киевской соц.-дем. организации, сидел в тюрьме и отбывал ссылку в Вологодской губ. С 1897 г. начинает отходить от марксизма, предприняв вместе с Булгаковым и Струве «критику» учения К. Маркса, продолжает этот отход в своем труде «Суб'ективизм и индивидуализм в общественной философии» и в «Проблемах идеализма», где он становится на почву идеалистического мировоззрения. Впоследствии Б. переходит к апологии религии и национализма и скатывается, в конце-концов, к неприкрытой реакции.

Прим. 25. Волынский (псевд. Флексера А. А. (1863—1926) — критик и философ, с начала 90-х годов становится во главе журнала «Северный Вестник». Волынский искал осуществления индивидуальной свободы в религии, отстаивал идею «искусство для искусства», и являлся одним из самых горячих сторонников декадентства и модернизма в художественной литературе. В философии сторонник идеализма.

Прим. 26. Бауман Ник. Эрн. (1879—1905) — один из наиболее деятельных и талантливых «искровцев». Начав свою социал-демократическую работу в Петербурге в середине 90-х годов, он был арестован за участие в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» и после продолжительного заключения в Петропавловской крепости в декабре 1898 г. был выслан в Вятскую губ. Оттуда через год бежал за границу и там принял участие в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей работы. Неоднократно ездил нелегально в Россию. 11 декабря 1902 г. был арестован в г. Задонске, Воронежской губ., и переведен в Киевскую тюрьму в качестве обвиняемого по делу Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. и организации «Искры». 18 августа 1902 г. ему удалось бежать из Киевской тюрьмы вместе с 10 тов. соц.-дем. Был делегатом от Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. на II с'езде Р. С.-Д. Р. П. под псевдонимом Сорокин, примкнул к большевикам. После с'езда приехал в Россию, где в июне 1904 г. был арестован (в Москве) и освободился лишь 10 октября 1905 г. Через несколько дней — 18 октября 1905 г. Б. был убит черносотенцами. Об аресте Б. см. «Искра» № 20, стр. 19, столб. 2-й.

Прим. 27. Иваншин Влад. Павл., с.-д., работавший в 90-х годах в Петербурге. Осенью 1896 г. вместе с Б. Гольдманом, Потресовым и Тахтаревым активно участвовал в работе «Петербургского Союза бoрьбы за освобождение рабочего класса». Будучи вскоре арестован, И., после двухлетнего тюремного заключения в 1898 г., выехал за границу, где стал одним из активнейших деятелей «Союза русских социал-демократов». В конце 90-х и начале 900-х годов И. был крайним экономистом, входил в состав редакции «Рабочего Дела». В № 6 этого журнала он поместил статью «Фабричная инспекция в России», которая вызвала резкое нападение на редакцию «Рабочего Дела» и заставила последнюю заявить, что она не согласна с автором статьи. Впоследствии, в конце 1902 г. и начале 1903 г., И. разошелся с экономистами и принял точку зрения «Искры». Вскоре после письма своего в № 33 «Искры» он вступил в «Заграничную лигу». Умер в феврале 1904 г. в Париже.

Прим. 28. Так в подлиннике. Повидимому, следовало бы: «судьбу».

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 34 | 15 ФЕВРАЛЯ 1903 ГОДА | № 34

«ИЗВОЛЯТ ТЕШИТЬСЯ».

«Изволят тешиться» — так переводила подцензурная русская печать сороковых годов название известной драмы Виктора Гюго «Le roi s'amuse» («Государь забавляется»). Драма была проникнута сильным анти-монархическим настроением, в ней изображалась беззащитность чести «верноподданных» от посягательств коронованного самодержца; пьеса была запрещена тогдашним французским правительством, — немудрено, что благочестивая русская цензура того времени запретила даже при передаче заглавия драмы упоминать, что речь в ней идет о «высочайшей особе».

Когда самодержцы изволят тешиться, верноподданным приходится плохо. На верхах общественной лестницы люди чувствуют себя свободными от тех уз обычной морали, которые, худо ли, хорошо ли, сдерживают в «простых» смертных не вытравленные культурой инстинкты и которые у простых смертных поддерживаются условиями труда и жизни, развивающими в тех или иных, более или менее узких, пределах чувства человеческой солидарности; а сознание безнаказанности «самодержавного» положения эмансипирует венценосцев от спасительного страха перед людским «правосудием», воплощенным в полицейском чиновнике.

Благодать самодержавия — что бы ни говорили против этого славянофилы вроде Шарапова — благодать самодержавия не пребывает концентрированной в одном «помазаннике божием»; нет, эта благодать царским соизволением переносится на всю армию «царских представителей» — от министра и губернатора до последнего урядника и жандарма. Каждый из них — носитель той божественной и безответственной самодержавной власти, источником которой является власть царя. Это положение еще недавно с полной определенностью провозгласили «Моск. Вед.» в передовой статье от 16 января. А при передаче самодержавной благодати на «царских представителей» переносится и свойственная самодержцам привычка «тешиться» за счет обывательской чести, обывательских слез, а подчас и обывательской жизни.

Девять месяцев назад на станции Тихорецкой разыгралась мрачная драма. Облеченный частицей самодержавной власти, следователь Пуссеп арестовал по лживому обвинению в краже, изнасиловал и передал в распоряжение казаков и полицейских приглянувшуюся ему пассажирку Золотову. 6 мая несчастная «лишила себя жизни». 9 мая железнодорожные рабочие ст. Тихорецкой пытались сурово наказать гнусных убийц неизвестной им женщины. Произведенные ими «беспорядки» были подавлены начальством, суд. следователь Пуссеп временно уехал с места, где так жестоко «потешился» над одной из русских обывательниц. Но дело не заглохло. Бурное выступление тихорецких рабочих раз навсегда извлекло его из-под груды протоколов и донесений, которые должны были его похоронить.

Вслед за нелегальной печатью (см. № 22 «Искры») отозвалась и подцензурная. «Пет. Вед.» открыто об'явили, что Золотова была незаконно арестована Пуссепом, что он же запретил ей снестись со своими родными, что он изнасиловал ее, после чего ею торговали станичные казаки, и что все это побудило ее к самоубийству.

Молчать было нельзя. Министерство юстиции выступило с категорическим опровержением утверждений «Пет. Вед.». Оно признало действия Пуссепа законными, рассказало, что покойная Золотова была проституткой, состоявшей под врачебно-полицейским надзором, что у нее в арестантской камере происходили попойки и оргии (так что, очевидно, ей сидеть было достаточно весело) и что виновные в беспорядках железнодорожные рабочие преданы суду.

Газета не сдалась. Посланный ею корреспондент собрал на месте новые данные и 16 января за полной подписью опубликовал результаты своего собственного дознания. С необычайной для нашей печати решительностью и смелостью кн. Андронников утверждает, что произведенное посланными м-ством юстиции чиновниками расследование было направлено к тому, чтобы схоронить все концы совершенного тихорецкими самодержцами преступления. Самое преступление, как теперь оказывается, еще более ужасно, чем предполагалось раньше: Золотова была замучена до смерти и ей влили в рот карболовую кислоту, чтобы симулировать самоубийство. Присланный для вскрытия (казенный!) врач заявил, что на теле нет никаких следов насилия, тогда как частные лица, видевшие труп, свидетельствуют о следах истязаний. Утверждение министерства, что Золотова была проституткой, кн. М. Андронников об'являет сознательной ложью; он выяснил, что Золотова нигде в списки проституток не занесена. Гг. следователи хотели «успокоить» публику насчет того, что жертва тихорецкой драмы не заслуживает вообще ее внимания, а для этого записали ее после смерти в сословие отверженных.

В горячей статье под названием «Нельзя молчать» «Спб. Вед.» требуют выяснения дела и наказания виновных. При этом газета констатирует, что хотя Пуссеп и возбудил обвинение в клевете против кн. Ухтомского, но всячески оттягивает разбор дела.

Неслыханный у нас факт обвинения газетой целого ведомства в сознательном укрывании следов преступления, совершенного одним из чиновников, прошел для газеты

безнаказанно *. Никакой кары со стороны цензурного ведомства. Появляется новое «правительственное сообщение».

Ни слова о том, была ли Золотова проституткой, как утверждалось в июне, или это — лживая выдумка. Ни слова о том, имел ли Пуссеп право задержать Золотову после снятия с нее показания и отказать ей в освобождении без залога. Перед нами только перечисление тех чиновников судебного ведомства, которые поочередно отправлялись для «перерасследования» уже якобы расследованного дела. Первое сообщение «Спб. Вед.» «вполне опроверглось доставленными в м-ство юстиции местным прокурорским надзором сведениями о результатах» трех расследований (по обвинению Золотовой в краже, по обвинению Пуссепа отцом Золотовой и по обвинению рабочих в учинении «беспорядков»). Однако «в видах всесторонней проверки газетных сообщений и слухов» министерство послало для нового расследования товар. прок. Петерб. палаты Зарудного, а сверх того произвели свои расследования «председатель и прокурор Екатеринодарск. окружн. суда, а равно и исправляющий должн. прок. Тифлисск. суд. палаты Лемерман». Целый букет служителей правосудия! И все в один голос утверждают, что действия Пуссепа были вполне законны, что Золотова—проститутка, покончившая с собой неизвестно почему, и что единственные преступники в тихорецкой драме — это железнодорожные рабочие. Все начатые расследования прекращены: одно — за смертью Золотовой, другое — за отсутствием состава преступления в действиях Пуссепа и только «дело о беспорядках рабочих на хуторе Тихорецком заканчивается и в непродолжительном времени будет направлено с обвинительным актом о предании суду лиц, изобличенных в беспорядках». Все оформлено и округлено, но так как публика все же не верит правительственным сообщениям, то «хотя означенные (в «Пет. Вед.») указания находятся в полном противоречии с результатами произведенных по настоящему делу предварительных следствий и со всеми другими имеющимися в распоряжении мин. юстиции подробными и тщательно проверенными по сему делу сведениями», то министр «признал нужным в целях окончательного расследования» командировать на место еще двух чиновников и обещает опубликовать впоследствии все производство по новому следствию, т. е. новую ложь.

Для русской публики достаточно, однако, уже и того, что сделано. Не подлежит никакому сомнению, что весь аппарат бюрократической машины старательно занят сокрытием следов гнусного дела, произведенного одним из мелких носителей самодержавной благодати. Не останавливаясь перед такой подлостью, как позорение памяти своей несчастной жертвы, перед фальсификацией и явной ложью, чины м-ства юстиции в течение почти года «округляют» дело, так некстати извлеченное из области канцелярской тайны честным пролетарским порывом. Вокруг трупа замученной молодой женщины уже образовалась та густая сеть лжи, в которой неминуемо запутается всякий новый посланец министра, даже если бы таковой искренно желал «окончательно расследовать» дело. Но о каком искренном желании может итти речь у чиновника, который знает, что его высшее начальство провозглашает после новых разоблачений печати результаты старых следствий «тщательно проверенными»? Для министерства дело идет теперь о «сохранении престижа власти» во что бы то ни стало, и ради его сохранения новые следователи покажут новую ложь, совершат, если нужно, новые преступления.

И у общества нет никаких средств прорвать эту паутину лжи. У него нет ни парламента, через посредство которого могут быть притянуты к ответу носители благодати самодержавия, у него нет свободной печати, у него нет права сходок. У него нет права громко кричать, когда совершилось преступление, затрагивающее самые интимные интересы самого мирного обывателя, когда перед ним стала воочию опасность, угрожающая чести и жизни каждого, имевшего несчастье подвергнуться нападению на большой дороге российского «правосудия».

Начальство «изволит тешиться». Потешившись досыта над выхваченной из толпы обывателей жертвой, оно продолжает свою потеху над ее трупом. Оно чинит — для потехи — ряд «следствий», одно другого «полнее», одно другое подтверждающее — каждое, снабженное печатью более высокого по табели о рангах чиновника — и каждое следствие нагромождает на старую кучу лжи новую ложь, пополняет ряд служебных подлогов и лжесвидетельств — новыми, еще более бесстыдными. Для потехи правительственное сообщение хватается за ничтожную ошибку в газетной корреспонденции и заявляет, что никакой «дочери чиновника Золотовой» Пуссеп не арестовывал и что все сюда относящееся — утка — для того, чтобы затем заявить, что была им арестована «румынская подданная Золотова», которая украла какие-то вещи. Начальство продолжает тешиться — и возвещает всему миру, что эта Золотова была проституткой, и после смерти заносит ее в казенные списки женщин, состоящих под врачебным надзором. Начальство, улыбаясь, рассказывает, что Золотовой жилось в тюрьме совсем хорошо, о чем свидетельствует факт, что в ее камере казаки пили водку (те самые казаки, которые над ней надругались после судебного следователя и затем продавали ее по 40 к. любому желающему!). И веселость тешащего себя начальства доходит до сардонического хохота, когда оно «успокаивает» публику, что единственные обнаруженные по трем следствиям виновные—ж.-д. рабочие — вскоре предстанут перед судом.

Начальство изволит тешиться, и обыватель, у которого есть жена, сестра или дочь, лишен всяких законных средств отстаивать себя против этой громадной орды любителей потехи. А к средствам «незаконным» буржуазный обыватель питает либеральное отвращение.

Вот тихорецкие пролетарии — те не замедлили вмешаться в «естественный ход вещей», когда услыхали о происшедшем злодеянии. Не в пример просвещенным людям во фраках и перчатках, эти люди в рабочих блузах без всяких экивоков представили агентам самодержавия счет за загубленную человеческую жизнь. Они манифестировали на могиле замученной жертвы и разгромили казенные здания глухого поселка, — счастье г. Пуссепа, что он успел во-время ускользнуть из рук грозной народной толпы. Но мужественное выступление тихорецких пролетариев осталось одиноким. Люди во

* Циркуляром от 17 января газетам запрещено перепечатывать сообщ. «Спб. Вед.» и вообще говорить о деле Золотовой.

фраках и перчатках не отозвались на громко заявленный протест. И безвестные рыцари, вступившиеся за поруганную честь незнакомой им женщины, теперь в руках тех самых Пуссепов, тех самых убийц и фальсификаторов судебного и жандармского ведомств, против которых они демонстрировали. Они — на скамье подсудимых и тюрьма для них, разорение для их семей — вот та награда, которая ждет их бескорыстный поступок. Но еще до суда они успели понести жестокую кару. 9 мая тихорецкие рабочие подняли свой голос в защиту неприкосновенности личности. 15 ноября те же тихорецкие рабочие — и опять бескорыстно—демонстрировали во имя классовой солидарности: поголовной стачкой они выразили свое сочувствие ростовским рабочим. Башибузуки самодержавия сразу отплатили рабочим за оба протеста. После бойни 17 ноября (6 убитых и несколько десятков раненых) казаки произвели разгром Тихорецкого поселка. Пролетарии протестовали в мае против изнасилования башибузуками женщины из общества, теперь — в ноябре — казаки насиловали и убивали жен и дочерей пролетариев (см. «Искру» № 30). Судя по всем сообщениям в печати, то, что происходило в ноябре на Тихорецкой, превышает все доселе совершенное «христолюбивым воинством». И те из рабочих, которые избегли суда по делу Золотовой, теперь будут преданы суду за то, что защищались от казацких насилий.

Жертвы гнуснейшего из самодержавий, те и другие займут свое место на скамье подсудимых с поднятым челом. Они исполнили свой долг. Исполнит ли свой русское «общество», за высшие интересы которого боролись эти «темные» пролетарии? Поддержит ли оно своим бескорыстным сочувствием и материальной помощью тех, кто ценой своей свободы протестовал против «разбойницкой» моды начальства, которое изволить тешиться?

[Л. Мартов]

НОВЫЙ ПОХОД Г. ФОН-ПЛЕВЕ.

(По поводу юбилейно-программной речи мин. вн. дел.)

Старый заплечных дел мастер заговорил о предстоящих «реформах» чуть ли не слогом либерала «Русск. Вед.». В ближайшем будущем, видите ли, предстоит серьезное «крестьянское преобразование» «по образцу, завещанному нам эпохой составления крестьянского положения 1861 года».

«Было бы, — скромничает Плеве, — легкомысленным самомнением полагать, что с этими вопросами министерство вн. дел может справиться своими силами; оно желало бы внести свой труд, как лепту, в сокровищницу всех творческих духовных сил страны». К работе «будут привлечены лучшие знатоки крестьянского дела на месте».

Будут «привлечены»! Очень пикантное, по нынешним временам, слово! Не напомнит ли двусмысленное выражение о гг. Бунакове, Мартынове, Щербине, Новикове и других [1], которые за лепту, внесенную ими «в сокровищницу духовных сил страны», были мин. вн. дел (по департаменту гос. полиции) «привлечены»... по всей строгости статей Улож. о наказаниях!

Но российские общественные деятели одарены удивительным бесстыдством, если они реакционны, и удивительной незлопамятностью, когда они либеральны. Краткость «тронной» речи Плеве позволила российской печати, живущей выморочными темами, проявить бездну находчивости и остроумия в толковании посулов министра. Либералы толкуют их либерально, реакционеры — реакционно. «Боже! — умиляется «Нов. Время»,—что может сделать со скучными людьми надежда, хотя бы обманчивая, как сон!»

Подойдем, однако, к надежде ближе. «Престарелый» писатель К. Ф. Головин следующим образом представляет себе «единение» между страной и управляющим Петербургом.

«Губернские предводители дворянства и выборные от земских собраний, по два от каждого, составили бы «контингент в 130 лиц приблизительно, вполне достаточный для образования совещательных учреждений при трех министерствах, заведующих экономическими вопросами, т. е. при министерствах вн. дел, финансов и земледелия». Это — увенчание здания. А «на местах, в самой губернии нужно создать инстанцию смешанного состава, где действовали бы заодно выборные и административные лица» под компетентным председательством гг. губернаторов.

Этот об'единительный проект, представляющий вариацию лорис-меликовской «конституции» [2] (конституцией она, как известно, называется потому, что имела своей задачей спасти самодержавие от конституционных ограничений), этот счастливый плод политического шарлатанства встретил теплый прием у г. Сигмы, у первой скрипки суворинского оркестра. Побольше дружелюбия, побольше веры в «государственный смысл сословий» — и расколотая Русь об'единится, зло сменится добром, а «идея самодержавия получит новый ореол в стране, население которой инстинктивно стремится приблизиться к своему государю».

Не нужно, конечно, думать,—пресмыкается другой «из стаи славных», — что «сведущие люди» могут действительно чему-нибудь научить гг. министров. Где уж!.. Но у каждого человека существует неодолимое требование посмотреть, что выходит из его работы. Оказывается, что «и бюрократы не свободны от этой потребности». Из этой бюрократической общечеловеческой черты и исходит будто бы идея призвать к трем министерским тронам 130 «сведущих людей».

Смысл этой грубой «политики» ясен: существуют строптивые общественные силы. Попробуем их усмирить: орудиями репрессии не оскудела царская десница. Они не усмиряются. Попробуем их политически подкупить. Пошлем к рабочим Зубатова, к студентам — Ванновского, к земцам — Плеве. «Привлечем» земских вождей в недра министерских канцелярий, если понадобится, оплатим их «совещательный» труд, развратим их гражданскую совесть чинами, усыпим их оппозиционную честь орденами... и вчерашние земские строптивцы превратятся в прихвостней «подлежащих» ведомств. В итоге — животворное единение власти с «творческими силами страны».

Разумеется, этот проект не что иное, как попытка г. Плеве обокрасть общество. Но попытка с негодными средствами. Ибо от того, что ничтожная доля земщины уйдет (если уйдет) в опричину, не исчезнет бездонная пропасть между русским самодержавием и русским народом.

[Н. Троцкий]

НУЖНА ЛИ «САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ» ЕВРЕЙСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

В № 105 «Последних Известий» (от 28/15 января 1903 г.), издаваемых «Заграничным Комитетом Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России», в статейке «По поводу одной прокламации» (именно прокламации Екатеринославского Комитета Росс. С.-Д. Р. П.), мы находим следующее столь же удивительное, сколько важное и поистине «чреватое последствиями» утверждение: «еврейский пролетариат сложился (sic!) в самостоятельную (sic!) политическую партию Бунд».

Мы этого до сих пор не знали. Это новость.

До сих пор Бунд был составной частью Росс. С.-Д. Р. П. и еще (еще!) в № 106 «Посл. Изв.» мы встречаем заявление Центрального Комитета Бунда с заголовком на этом заявлении: «Росс. С.-Д. Р. П.». Правда, Бунд постановил на своем последнем IV с'езде изменить свое название (без оговорки о желании выслушать мнение русских товарищей по вопросу о названии той или иной части Росс. Соц.-Дем. Р. П.) и «провести» новые федеративные отношения в устав росс. партии. Заграничный Комитет Бунда даже и «провел» уже эти отношения, если можно назвать этим словом его выход из заграничного Союза русс. с.-д. и заключение федеративного договора с этим союзом.

Но сам же Бунд, когда «Искра» полемизировала с решениями его IV с'езда, заявил совершенно определенно, что он намерен лишь провести в Росс. С.-Д. Р. П. свои желания и решения, т. е. прямо и категорически признавал, что остается частью Росс. С.-Д. Р. П. впредь до принятия этой партией нового устава, впредь до выработки ею новых форм отношений к Бунду.

И вдруг теперь оказывается, что еврейский пролетариат сложился уже в самостоятельную политическую партию! Повторяем еще раз: это новость.

Такой же новостью является грозное и неумное нападение З. К. Бунда на Екатеринославский Комитет. Мы получили, наконец (хотя, к сожалению, с большим опозданием), эту прокламацию и, не колеблясь, скажем, что нападение на такую прокламацию представляет из себя, несомненно, крупный политический шаг со стороны Бунда *. Этот шаг находится в полном соответствии с об'явлением Бунда самостоятельною политическою партиею и проливает, с своей стороны, много света на физиономию и образ действий этой новой партии.

К сожалению, недостаток места мешает нам воспроизвести целиком Екат. прокламацию (она заняла бы около двух столбцов «Искры» **, и мы ограничимся замечанием, что эта прекрасная прокламация превосходно раз'ясняет еврейским рабочим города Екатеринослава (мы сейчас об'ясним, почему мы подчеркиваем эти слова) соц.-демокр. отношение к сионизму и антисемитизму. При этом прокламация настолько заботливо, товарищески заботливо относится к чувствам, настроениям и желаниям евр. рабочих, что специально оговаривает и подчеркивает необходимость борьбы под знаменем Росс. С.-Д. Р. П. «даже для сохранения и дальнейшего развития вашей (прокламация обращается к евреям-рабочим) национальной культуры», «даже в интересах чисто национальных»(подчеркнуто и набрано курсивом в самой прокламации).

И тем не менее З. К. Бунда (мы чуть не сказали: Ц. К. новой партии) обрушился на эту прокламацию за то, что она ни словом не упоминает о Бунде. Вот ее единственное, но зато непростительное, ужасное

* Если, конечно, З. К. Бунда в этом вопросе выражает взгляды «Бунда» как целого.

** Мы намерены перепечатать целиком эту прокламацию и нападение на нее З. К. Бунда в брошюре, подготовляемой нами к печати.

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

III. Пролетариат и крестьянство «на Западе».

(Продолжение.)

Мы видели, что по учению Маркса разделение общества на классы обусловливается существующими в нем производственными отношениями, и что с точки зрения этих отношений пролетарий совсем не то, что мелкий самостоятельный производитель ремесленник или крестьянин. И теперь нам легко решить, много ли правды в словах г. Виктора Чернова, который в статье: «Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя» развязно утверждает, что в своем взгляде на крестьянина Маркс гораздо ближе к оппортунисту Фольмару [3], чем к «ортодоксальному марксисту Каутскому» *. Г. В. Чернов ссылается на те слова Маркса, что в руках мелкого крестьянина земля есть простое средство производства. Он не понимает того, что в глазах автора «Капитала» именно это обстоятельство — обладание средствами производства — и составляет признак, не позволяющий причислить крестьянина — и вообще мелкого производителя — к одному классу с пролетарием. По Марксу, земля в руках мелкого крестьянина есть не только простое средство производства; в этих руках она является самым главным средством производства, необходимым полем крестьянского труда и капитала. Г. В. Чернов не заметил этого неприятного для него словечка, — «капитала», — а его полезно было бы заметить: оно уясняет, каким образом крупный капитал может эксплоатировать мелкого крестьянина. Маркс хорошо знал факт такой эксплоатации, но он столь же хорошо знал и то, в чем она заключается. А заключается она в том, что крупный капитал ухитряется тем или другим способом отнять у крестьянина ту прибавочную стоимость, которую при других, более благоприятных условиях получил бы этот последний, как обладатель необходимой для производства движимости и недвижимости, как «мелкий капиталист» и «землевладелец» *. И вот почему крестьянин, подвер-

* Излишне прибавлять, что взгляд Фольмара представляется г. В. Чернову очень близким по взгляду на крестьянство наших суб'ективистов и народников. В аграрном вопросе все симпатии этих господ принадлежат Фольмарам, Бернштейнам, Герцам и прочим жрецам оппортунизма.

* Ср. стр. 339 и 340 второй части третьего тома «Капитала».

преступление. Вот почему Ек. Ком. обвиняется в недостатке «политического смысла». Ек. товарищи караются за то, что они не «переварили все еще мысли о необходимости отдельной организации (глубокая и важная мысль!) сил (!!) еврейского пролетариата», за то, что они «все еще носятся с бессмысленной мечтой как-нибудь от него (Бунда) отделаться», что они распространяют «не менее вредную (чем сионистская) сказку» о связи антисемитизма с буржуазными, а не рабочими силами и интересами этих слоев. Вот почему Ек. Комитету советуют «бросить вредную привычку замалчивать самостоятельное еврейское рабочее движение» и примириться с фактом существования Бунда.

Спрашивается теперь: действительно ли есть преступление со стороны Ек. Ком.? действительно ли следовало ему непременно упомянуть о Бунде? На эти вопросы можно ответить только отрицательно по той простой причине, что прокламация обращена не к «евреям-рабочим» вообще (как обозначает ее совершенно неверно З. К. Б.), а «к еврейским рабочим г. Екатеринослава» (З. К. Бунда позабыл цитировать два последних слова!). В Екатеринославе нет никакой бундовской организации. (И вообще относительно юга России IV с'езд Бунда постановил отдельных комитетов Бунда не устраивать в тех городах, где еврейская организация входит в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения из этих комитетов). Раз евреи-рабочие не организованы в Екатеринославе в особый комитет, то, значит, их движение (нераздельно со всем рабочим движением данной местности) ведает всецело Ек. Ком., который непосредственно соподчиняет их Росс. С.-Д. Раб. Партии, который должен звать их к работе на всю партию, а не на отдельные части ее. Очевидно, что при таких условиях Ек. Ком. не только не обязан был упоминать о Бунде, а напротив, если бы он вздумал проповедывать «необходимость отдельной организации сил (это была бы, вернее и вероятнее, организация бессилия * еврейского пролетариата» (чего хотят бундовцы), то это было бы с его стороны величайшей ошибкой и прямым нарушением не только устава партии, но и интересов единства пролетарской классовой борьбы.

Далее. Обвиняется Ек. Ком. в недостатке «ориентированности» в вопросе об антисемитизме. З. К. Бунда обнаруживает поистине ребяческие воззрения на крупные социальные движения. Ек. Ком. говорит о международном антисемитическом движении последних десятилетий и замечает, что «из Германии это движение перекочевало в другие страны и повсюду нашло сторонников именно среди буржуазных, а не рабочих слоев населения». «Это не менее вредная сказка» (чем сионистские сказки), выпаливает совсем сердито З. К. Б. Антисемитизм «пустил корни в рабочей массе», в доказательство чего «ориентированный» Бунд приводит два факта: 1) участие рабочих в ченстоховском погроме и 2) поступок 12 (двенадцати!) рабочих-христиан в Житомире, которые заняли места стачечников и грозили «вырезать всех жидов». Доказательства, действительно, веские, особенно последнее! Ред. «П. И.» так привыкла оперировать с крупными стачками в 5 или 10 чел., что поступок 12 темных рабочих в Житомире вытаскивается для оценки связи международного антисемитизма с теми или другими слоями населения! Это, право, великолепно! Если бы бундовцы, вместо своего неумного и смешного гнева против Ек. Ком., подумали

* Именно такому делу «организации бессилия» служит Бунд, употребляя, напр., выражение: наши товарищи из «христианских рабочих организаций». Это так же дико, как и вся выходка против Екат. Ком. Мы никаких «христианских» рабочих организаций не знаем. Организации, принадлежащие к Росс. С.-Д. Р. П., никогда не делали различия между своими членами по их религии, никогда не спрашивали об их религии и никогда не будут делать этого, — даже и тогда, когда Бунд на самом деле «сложится в самостоятельную политическую партию».

гающийся такой эксплоатации, восстает, — как мы сказали в предыдущей статье, — не против частной собственности на средства производства, а только против тех неблагоприятных для него условий, которые мешают ему воспользоваться преимуществами своего положения, как собственника. Вот почему он склоняется не к социальной революции, а к социальным реформам, которые ограничили бы власть крупного капитала и вообще замедлили бы ход экономического развития современного общества. Короче, вот почему его положение делает его не революционером, а консерватором или даже реакционером. Революционером он делается только тогда, когда, — отчаявшись в возможности защитить или вернуть свою экономическую независимость, — переходит на точку зрения пролетария и стремится уже не отстоять мелкую собственность на средства производства, а устранить присвоение этих средств частными лицами.

Указанная нами статья В. Чернова напечатана в сборнике «На славном посту», посвященном г. Н. Михайловскому по случаю сороковой годовщины его литературной деятельности. Таким образом, статья является как бы «вещественным выражением невещественных отношений». И, признаемся, нас поражает мысль г. Чернова снабдить фальшивой ссылкой на Маркса литературный подарок юбиляру. Неужели г. Михайловский не заслуживает правдивого приношения? Правда и то, что г. В. Чернову невозможно было обойтись без фальшивой ссылки: слишком уж слаба его теоретическая позиция. Но если г. Михайловский удосужился прочитать третий том «Капитала», — что кажется нам, впрочем, довольно невероятным, — то он и сам, конечно, заметил фальшь и, наверно, очень огорчился ею: она должна была лишний раз напомнить ему о том, что дело, которое он защищал так долго и так упорно, в сущности безвозвратно проиграно. Уместно ли, деликатно ли было наводить маститого юбиляра на такие безотрадные размышления?

Но оставим г. Чернова «на славном посту» его фальшивой ссылки и вернемся к нашей теме. Постараемся пояснить наши общие положения несколькими отдельными примерами.

Возьмем сначала ремесленников, этих типичных представителей мелкого производства в области обрабатывающей промышленности. Их положение в Германии, как и во всем цивилизованном мире, становится все более и более затруднительным: крупный капитал беспо-

немного над этим вопросом и справились хотя бы с изданной ими недавно на жаргоне брошюрой Каутского о социальной революции, то они поняли бы несомненную связь антисемитизма с интересами именно буржуазных, а не рабочих слоев населения. Подумав еще немного, они могли бы сообразить и то, что общественный характер современного антисемитизма не изменяется от факта участия в том или ином погроме не только десятков, но и сотен неорганизованных и на девять десятых совершенно еще темных рабочих.

Ек. Ком. восстал (и законно восстал) против сказки сионистов о вечности антисемитизма, Бунд же своей сердитой поправкой только запутал вопрос и посеял среди еврейских рабочих идеи, ведущие к затемнению их классового сознания.

С точки зрения борьбы всего рабочего класса России за политическую свободу и за социализм, выходка Бунда против Ек. Ком. есть верх неразумия. С точки зрения «самостоятельной политической партии Бунда» выходка эта становится понятной: не смейте нигде организовать «еврейских» рабочих вместе и нераздельно с «христианскими»! не смейте от имени Росс. С.-Д. Р. П. или ее комитетов обращаться к еврейским рабочим прямо, «мимо ряду», не через посредство Бунда, без упоминания о Бунде!

И, ведь, этот глубоко-прискорбный факт — не случайность. Раз вместо автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, вы потребовали «федерации», вам пришлось об'явить Бунд «самостоятельной политической партией», чтобы иметь возможность провести эту федерацию во что бы то ни стало. Но об'явление Бунда самостоятельной политической партией есть именно то доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата и еврейских социал-демократов вообще. «Автономия» устава 1898 г. обеспечивает еврейскому рабочему движению все, что может быть ему нужно: пропаганду и агитацию на жаргоне, литературу и с'езды, выставление особых требований в развитие одной общей с.-дем. программы и удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта. Во всем остальном необходимо полное и теснейшее слияние с пролетариатом русским,—необходимо в интересах борьбы всего пролетариата России. И неосновательна, по самому существу дела, боязнь всякого «майоризирования» при таком слиянии, ибо от майоризирования в особых вопросах еврейского движения гарантирует именно автономия, а в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой «федерации».

[Н. Ленин]

ПИСЬМО В «ИСКРУ».

Мы прочли в № 10 «Революционной России» сообщенные «Боевой Организацией» данные относительно участия в ней С. В. Балмашева. Из этого номера мы узнаем, что «в сентябре 1901 г. боевая организация была совершенно сформирована, тогда же было решено убить Сипягина и Победоносцева и им был послан смертный приговор; «когда члены организации, которые должны были произвести нападение, были уже намечены, поступило (в сентябре

щадно отнимает у них одну позицию за другою. Они недовольны, они ропщут, им хочется завоевать себе лучшее будущее. Но что же делают они с этою целью? Они стараются замедлить ход экономического развития. Их социально-политические программы насквозь проникнуты консервативным, — более того: реакционным духом. Чтобы не итти «в глубь времен», укажем хоть на программу существующего с 1882 г. «Всеобщего немецкого союза ремесленников»: от нее несет средними веками С другой стороны, неоспорим тот факт, что в рядах немецкой соц.-демократии встречается немало ремесленников. Но эти ремесленники уже не защищают интересов мелкой собственности: они уже покинули точку зрения мелкого самостоятельного производителя и перешли на точку зрения пролетария.

Теперь обратимся к земледельцам. Северо-американские фермеры давно уже чувствуют, что их дело обстоит не очень благополучно и давно уже пытаются об'единиться в борьбе против крупного капитала. Очень интересной и, в свое время, довольно влиятельной организацией фермеров является союз т. н. «Patrons of Husbandry» или «Grangers» («фермеров» или «земледельцев»). Наивысшей точки своего процветания эта организация достигла, повидимому, около 1876 года, когда ей принадлежало пять пароходов, тридцать два элеватора и двадцать два магазина для склада товаров. Она охотно называла себя рабочей организацией * и находилась в дружественных сношениях с так наз. «Рыцарями Труда». Но ее программа не заключала в себе даже и намека на необходимость устранения капитализма. Напротив, в ней категорически сказано: «Мы не враги капитала, но мы восстаем против тирании монополий» **. И это понятно: крупный капитал подчиняет себе фермера не в процессе производства продуктов, а в процессе их обращения, а также в области кредита. Поэтому и усилия «Гренджеров» направились не против производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, а только против некоторых капиталистических «монополий», касающихся кредита, перевозки товаров и торговли ими. Иляй надеется, что сближение «деревни с городом» сообщит рабочему движению «здоровый консерватизм» (там же, стр. 73 — 74). Он прав

---

* M. R. Ely. «The Labour Movement in America». New-York, pp. 178 and 73.

** Там же, стр. 74.

1901 г.) [курсив наш. Киев. Ком.] предложение принять нового члена на активную роль — С. В. Балмашева» («Р. Р.», № 10, стр. 27). «Свидание члена организации со С. В. произвело на первого сильное, неотразимое впечатление». «При первом же свидании выяснилось, что один из предназначавшихся к нападению должен был уступить на время свой мученический венец Ст. Вал-чу».

В №№ 20, 23 и 24 «Искры» помещены статьи, в которых высказывается принципиальное осуждение террору, как партийному средству борьбы с произволом и беззаконием, и мимоходом выражено сомнение в правильности того освещения единоличного террористического акта Балмашева, какое дает ему «Боев. Орг.», как акту боевому, партийному; в статьях этих «Искра» заявляет, что утверждение «Боевой Орг.» о принадлежности к ней Балмашева покоится «на догадках и предположениях, неизвестно на чем основанных», и что «принадлежность Балм. к этой организации... более чем сомнительна».

Эти статьи «Искры» и в особенности выраженное ею сомнение в принадлежности Балмашева к фиктивной на наш взгляд «Боевой Организации» крайне возмутили «Рев. Росс.». В № 11 этого издания помещены по этому поводу: статья «Беспримерный поступок» (так аттестуется поступок «Искры»), протест против «Искры» саратовской об'единенной группы с.-р-ов и с.-д-ов, статья «по поводу полемики «Искры» и постановление центрального комитета партии с.-р-ов». Авторы всех этих статей и постановлений не скупятся на выражения, порицая образ действия «Искры», во всех этих статьях подтверждается принадлежность Балмашева к «Боевой Орг.» и, в заключение, предлагается соц.-дем. комитетам «подтвердить или с негодованием отвергнуть всякую солидарность с поведением этого органа».

Киевский соц.-дем. Комитет охотно принимает это приглашение откликнуться, так как, помимо удовольствия лишний раз подтвердить свою солидарность с «Искрой», он рад случаю сообщить некоторые сведения о жизни С. В. Балмашева в Киеве в последние месяцы перед убийством Сипягина. Комитет делает это не для того, чтобы изобличить «Боев. Орг.» и «Рев. Рос.» в мистификации, а чтобы защитить «Искру» от неосновательных обвинений, доказать законность ее сомнений в принадлежности Балмашева к «Боевой Орг.» и добавить несколько данных к характеристике такого выдающегося и самоотверженного человека, каким был Балмашев.

В октябре и ноябре 1901 г., т. е. значительно позднее того, как, по уверению «Боевой Организации», Балмашев предложил ей себя «на активную роль», Киев. Ком. С.-Д. Р. П. велись переговоры по поводу просьбы Балмашева о принятии его и пятерых его друзей в Комитет на правах пропагандистов. Тому лицу, через которого Балмашев вел переговоры с Комитетом, он передал собственноручно написанный им список кандидатов в пропагандисты с обозначением их адресов и указанием на предшествующую революционную деятельность каждого из них. В конце списка сообщалось, что перечисленные в нем лица признают начала международной соц.-дем. и предлагают вести пропаганду среди рабочих, руководствуясь общими принципами научного социализма. То же самое заявлялось им и в устных беседах. Вопрос о принятии Балмашева и его друзей затянулся, так как первые же попытки поближе познакомиться с ними не увенчались успехом: когда член Комитета явился по одному из указанных в списке адресов и познакомился со студентом, отрекомендованным Балмашевым, то из разговора с ним относительно основных положений соц.-дем. программы выяснилось, что он далеко не разделяет всех ее положений и приближается по своим взглядам к соц.-революционерам.

Балмашев и его товарищи показались Комитету слишком молодыми, экспансивными и не подходящими для успешного исполнения соц.-дем. повседневной работы требующей, помимо непримиримого идеализма, значительной опытности, конспиративности и революционной выдержки. Поэтому приблизительно в конце ноября вопрос о принятии Балмашева и его товарищей в Комитет в качестве пропагандистов был решен в отрицательном смысле (о чем после его покушения и было сообщено «Искре»). Вскоре после того Балмашев уехал из Киева.

Насколько нам удалось познакомиться с этим героически-самоотверженным юношей, нам представляется совершенно невероятным то освещение, какое дает его личности «Рев. Росс.», и то громадное значение, какое она приписывает «Боевой Орг.» в деле 2 апреля. Общее впечатление от ее писаний получается такое, что центральным лицом в деле 2 апреля является вовсе не Балмашев, а сама «Боевая Орг.»: она решила убийство Сипягина еще в сентябре 1901 г., один из ее членов уступил «на время свой мученический венец С. В-чу», ею выбран момент для убийства, ею выработан до мельчайших подробностей план его, ее участие гарантировало успех покушения... Балмашев же представлен какой-то пешкой в руках «Боевой

в том смысле, что, пока фермеры не покинут точки зрения мелкого производителя и не перейдут на точку зрения пролетария, их сближение с рабочими будет замедлять успехи социализма. Вся история рабочего движения в С.-Американских Штатах подтверждает это как нельзя лучше.

А что мы видим в нашей старой Европе? Гг. «критики» Маркса усердно твердят, что экономическая и социально-политическая жизнь западно-европейской деревни резко противоречит марксовой «догме». Посмотрим же, верно ли это в применении к безусловно - «ортодоксальной» догме, лежащей в основе всей нашей статьи.

Как ведут себя, напр., немецкие «крестьянские союзы»? Каковы их программы? Каково их отношение к освободительному движению пролетариата? Эти союзы тоже борются с «монополиями» капитала в области товарного обращения и кредита и в то же время всеми силами защищают «монополию» частной собственности. Их социально-политические тенденции достаточно характеризуются тем, что во многие из них закрыт доступ евреям и пролетариям *.

* Georges Blondel. «Etudes sur les Populations Rurales de l'Allemagne». Paris, 1896, pp. 239, 241.

А Франция? Здесь очень распространены сельскохозяйственные синдикаты, громадное большинство членов которых состоит из крестьян. Но эти организации, за ничтожными исключениями, легко об'яснимыми нашей «догмой», чужды всякой мысли о революционной борьбе с капиталом, т. е. об устранении капитализма и замене его социализмом. С этой стороны они могут служить образцами мелкобуржуазной умеренности и консервативного благоразумия. И потому французские охранители видят в них лучший оплот против социализма *.

Но есть же в Зап. Европе такие счастливые уголки, в которых крестьяне оказываются очень доступными для социалистической пропаганды и агитации? Разве крестьяне не пристают к социалистам в Венгрии и Италии? И разве г. Юрий Гардени [4] не показал нам, что социалистическое движение между итальянскими и венгерскими крестьянами в пух и прах бьет относящуюся к крестьянскому вопросу «догму» марксистов **?

* «Les Syndicats agricoles et leur oeuvre» par le Cte de Rocquigny. Paris, 1900, p. 392.

** См. его статью: «Чему нас учит социалистическое движение в Венгрии и Италии» во второй книжке «Вестника Русской Революции».

Орг.», каким-то персонажем «на активные роли», который с трепетом ждет приказа... На деле, вне всякого сомнения, центральным лицом всего этого события был С. В. Балмашев, всей своей предшествовавшей жизнью и борьбой, которую он вел как студент русского университета, с психологической неизбежностью пришедший к осуществленному им решению. Несомненно, что без посторонней помощи он обойтись не мог, и около него — личности сильной и убежденной — немедленно образовался соответствующий антураж из склонных к террору лиц; они раздобыли ему деньги, заготовили листок, помогали советом и нравственной поддержкой; но от этого, понятно, еще далеко до той роли, какую приписывает себе «Боевая Орг.» в ущерб значению Балмашева.

Киевский Комитет Р.-С.-Д. Р. П.

P. S. Присылая настоящее фактическое сообщение, Киевский Комитет просит «Искру» прекратить всякую полемику с с.-р.

От редакции. В свою очередь, мы надеемся, что инцидент с «Боевой Организацией» настоящими заявлениями Киевского Комитета и саратовских товарищей вполне исчерпан.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ О СТЕПАНЕ ВАЛЕРИЯН. БАЛМАШЕВЕ.

Самоотверженный поступок Степ. Валер. Балмашева возбудил и всколыхнул русское общество. Понятый как акт индивидуальной воли, он возбудил симпатии всех, кто угнетен и возмущен игом деспотизма, даже принципиальных врагов террора — соц.-демократов. При современных русских условиях являются весьма понятными и даже неизбежными как подобная форма мщения оскорбленной в лучших чувствах личности, так и такое широкое сочувствие. Понятно также, что таким актам мщения особенно должна радоваться та группа людей, которая называет себя «соц.-рев.» и признает как индивидуальный, так и организованный террор, как средство политической борьбы. Но является несколько непонятным то недоразумение, в которое ввели общество соц.-революционеры, назвав С. В. Балмашева своим и приписав ему не индивидуальные действия, а действия от организации соц.-рев. Это недоразумение до сих пор не раз'яснено окончательно, и будет нелишним привести по этому поводу несколько фактов, насколько это возможно пока по различным причинам.

Факты, которые будут изложены, касаются времени, когда С. В. Балмашев жил в Саратове, приехав сюда из Киева, т. е. приблизительно с конца января по апрель 1902 г. Приехав в Саратов, С. В. Балмашев, по своей энергичной и деятельной натуре, не мог сидеть сложа руки. В то время было здесь несколько — теперь соединившихся — организаций, но Балмашев, не присоединившись ни к одной из них, а также и к соц.-рев., начал работу одиночкой в незатронутой еще тогда движением ремесленной среде. Через короткое время он нашел себе несколько товарищей, и они решили организовать ремесленный соц.-демократический союз и, в виду отсутствия специально ремесленной литературы, издавать свой орган. Таковой вскоре и появился под заглавием: «Ремесленный Листок. Издание Саратовского Социалистического Ремесленного Союза. 1902 г.» (без №) — изд. гектограф. «Листок» имел целью, главным образом, заинтересовать ремесленников местной хроникой. Здесь можно обратить внимание на название ремесленного Союза социалистическим. В данном случае инициаторы Союза ни при чем: название социалистический принято по предложению некоторых ремесленников, мотивировавших свое предложение тем, что в такой нетронутой среде это слово известно хоть понаслышке и больше возбудит внимание. Самое содержание этого выпуска «Листка» не может возбуждать сомнения в том, что ремесленникам отнюдь не проповедывались «истины» соц.-рев. В нем статья «Как наши ремесленники могут улучшить свое положение?» принадлежит перу С. В. Балмашева, и в ней изложена вкратце история ремесленного движения в городах южной и западной России (каковое движение всегда было соц.-дем.). Сам С. В. Балмашев говорил, что участвовал в Киеве в соц.-дем. ремесленном движении. Через некоторое время инициаторы Союза нашли возможность увеличить число членов некоторым числом интеллигентов соц.-демократов и тогда была окончательно выработана программа организационной и литературной деятельности Союза, который, приняв название соц.-дем., выпустил несколько изданий, в том числе иллюстрированный (гектогр.) № 1 «Ремесл. Листка», экз. которого своевременно был послан в ред. «Искры».

Собственно деятельность С. В. Балмашева в ремесл. Союзе была весьма энергична. Он сразу занимался с не-

---

Г. Ю. Гарденин, действительно, показал нам нечто весьма поучительное. Жаль только, что это нечто говорит не против нашей «догмы», а наоборот, против него самого и его единомышленников.

Взглянем хоть на Венгрию. Здесь, прежде всего, надо заметить, что огромное большинство крестьян обладает совершенно незначительными поземельными участками и потому не может существовать доходом со своих участков. Венгерские крестьяне вынуждены продавать свою рабочую силу крупным землевладельцам. По знакомой уже нам терминологии Конрада, их надо называть не крестьянами в собственном смысле этого слова, а обладателями парцелл. Но поскольку обладатель парцеллы продает другим свою рабочую силу, постольку он перестает быть самостоятельным производителем и делается пролетарием. И именно по этой причине ему вообще гораздо легче целиком перейти на точку зрения пролетария. Чтобы перейти на нее, ему надо только потерять надежду на улучшение своего положения в качестве собственника микроскопических средств производства и сосредоточить свои усилия на защите своих интересов, как продавца рабочей силы. А раз он перешел на точку зрения пролетария, сама логика борьбы рано или поздно приводит его к мысли об устранении капиталистических производственных отношений, т. е. к социальной революции. Пример венгерских обладателей парцелл* подтверждает это с изумительной ясностью.

В 1890 году в Венгрии считалось 1.440.000 крестьян, участки которых были меньше пяти иохов (иох — полдесятины с небольшим). Но тамошние сельскохозяйственные условия таковы, что даже десяти иохов недостаточно для прокормления средней крестьянской семьи. Венгерские крестьяне — как мы уже сказали — полупролетарии по своему экономическому положению. Эти полупролетарии арендуют у крупных землевладельцев землю из доли урожая или за отработки или же нанимаются на земляные работы, предпринимаемые для регулирования течения рек. Однако условия арендования земли все более изменялись в течение последних десятилетий к невыгоде крестьян. Развитие сельскохозяйственного капитализма уничтожило старые полупатриархальные отношения между крестьянами и крупными землевладельцами и научило некогда нерасчетливых

* Французы называют очень маленькие земельные участки носовыми платками.

сколькими кружками ремесленников и имел у них успех, приобретая, как лектор и руководитель, полное уважение. Между прочим, можно привести такой случай, который характеризует отношение С. В. Балмашева к делу рем. Союза. Однажды он назначил собраться большому кружку рабочих, чел. в 30, на одной квартире. Придя туда раньше всех, С. В., к огорчению своему, узнал, что в данное время они не могут заниматься на этой квартире. Что было делать? Он стал ждать на улице и первым прибывшим рассказал, в чем дело, и предложил итти к нему, чтобы не пропадал вечер, хотя это и было не совсем удобно. Приунывшие было рабочие оживились, пошли навстречу другим, и все направились на квартиру к Ст. Вал., приняв известные меры предосторожности. И посейчас многие из них с грустью вспоминают своего учителя, которого постигла такая мученическая участь. Ни товарищи по организации, ни ремесленники никогда не слыхали от С. В. Балмашева проповеди идей соц.-рев.

Его от'езд из Саратова собственно не был неожиданностью для членов Союза; в последнее время его стала беспокоить полиция по киевским делам, и он несколько раз говорил, что ему, пожалуй, придется уехать. Но никто не слыхал от него о его замыслах. Правда, он говорил, что ему надоела жизнь, что он устал, — и весьма вероятно, что это и имело влияние на его решимость. Некоторое время жил он в Саратове нелегально, а затем, достав частным образом 350 руб., уехал. И услышали о нем только на второй день после выстрела в министра, хотя еще долгое время не верили, что стрелял именно Ст. Вал. Обошелся ли он в своем предприятии этой суммой или достал еще где-нибудь, кроме Саратова, неизвестно.

Таким образом, имея в виду эти факты и другие, которых оглашать пока неудобно, является полная возможность заявить, что Ст. Балмашев **не был соц.-рев.** и действовал не от организации, а по чисто суб'ективным побуждениям и личному чувству.

Члены бывшего Сарат.
Соц.-Дем. Ремесл. Союза.

О ПОСТАНОВКЕ ПРОПАГАНДЫ В КРУЖКАХ.

(Письмо к товарищам.)

«Нам нужны товарищи, которые смотрели бы на нас как на равных и учили бы всему» («Приложение к „Откликам"», № 1) — прочел я недавно эти слова рабочих и лишний раз задумался о постановке занятий в рабочих кружках. Захотелось поделиться запросто с товарищами своими мыслями на этот счет. Кого собственно хотим мы выработать из своих слушателей? Не ясно ли, что революционеров, соц.-демократов? От революционера же соц.-демократа мы в праве ожидать правильного понимания задач партии и, кроме того, как от члена боевой армии — умения проводить эти задачи в жизнь, бороться за них. Занятия в кружках обычно носят слишком академический характер. Вспомните слова рабочего: «Учи нас, как в бой итти!» Рабочий, который, несмотря на опасность, идет в наши кружки, прежде всего — борец, у которого уже много накипело на душе, и наша задача развернуть силы и способности этого борца, вложить в его руки остроотточенное орудие революционного социализма, научить пользоваться им. Я опускаю период предварительного знакомства с рабочим, когда убеждаются в его благонадежности, и беру период начала систематических занятий в кружке. Заметьте себе психологию рабочего, вступающего в кружок. Еще ранее он почувствовал всю безысходность своего положения, порой в его душу закрадывалось отчаяние и уныние от серой, тусклой жизни раба капитала; он не мог примириться с своей долей и, быть может, долго тщетно искал выхода. Это желание превратилось в его страсть... Он слышал не то правду, не то легенды о старых революционерах, о каких-то кружках, а может быть, и о нашем комитете. Революционная деятельность рисуется чем-то таинственным и вместе с тем таким высоким захватывающим, от чего так легко забыть муку жизни... И вот он, наконец, в кружке, он ждет вашего слова. Многим пропагандистам, наверное, памятно это выражение ожидания на лицах многих слушателей. Начните с того, чего он ждет, с истории нашей борьбы. Страницу за страницей раскрывайте перед слушателем историю нашей борьбы, дышащую кровью, зовущую к отмщению. Две вечно враждебные силы встают перед ним: самодержавное правительство и революционеры, два чуждых друг другу мира. Чем дальше идет рассказ, тем сильнее разгорается ненависть слушателей к этому проклятию нашей родины;

магнатов расчетливости: отработки становились все тяжелее, а достававшаяся крестьянам доля урожая постоянно уменьшалась *. На этой экономической основе и возникла та, временами очень ожесточенная борьба классов, которая чрезвычайно сильно содействовала проникновению в крестьянскую среду социалистических учений. Мы видим, что во всем этом пока еще нет ровно ничего противоречащего нашей «догме». Но главный вопрос заключается в том, какие требования выставляют в своей борьбе венгерские полупролетарии. Характером этих требований определяется весь характер их движения. А эти требования были очень определенно формулированы двумя крестьянскими конгрессами, один из которых состоялся 31 января — 2 февраля 1897 г. в Будапеште, а другой 14 — 16 февр. того же года в Чегледе.

Будапештский конгресс выставил требования двоякого характера: одни из них касались правового положения венгерского сельскохозяйственного работника (всеобщее, равное и прямое избирательное право; свобода стачек; свобода передвижения; уничтожение устава о найме прислуги и т. п.); другие относились к условиям продажи работником своей рабочей силы (сокращение рабочего дня; расширение законодательства, охраняющего интересы рабочего, и распространение его на сельское хозяйство; назначение сельскохозяйственных инспекторов и т. д.). В обоих случаях представители мелкого крестьянства целиком становились на точку зрения пролетариата, и во всем их поведении не было ровнехонько ничего, могущего хоть немного поколебать марксову «догму». Совершенно наоборот: когда эти представители, заканчивая список своих требований, об'явили себя социалистами, венгерские социал-демократы могли без всяких колебаний и оговорок признать их своими «ортодоксальными» товарищами.

То же приходится сказать и о конгрессе в Чегледе. Хотя некоторые из заседавших там представителей мелкого крестьянства, повидимому, были отчасти заражены анархизмом и даже антисемитизмом *, но в своих решениях и этот конгресс показал себя чуждым того мелкобур-

* «Zwei sozial-demokratische Bauern Kongresse», «Neue Zeit». 15. Jahrgang, I. Band, S. 811 sq.

* «Von der Bauernbewegung in Ungarn». XVI. Jahrgang, I. Band, S. 691.

мысленно пережитая жизнь революционеров тесней привяжет их к революционной семье. «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть». Сколько надежд, мечтаний, сколько страданий пронесется перед кружком! Рассказ следует сопровождать чтением отрывков из нелегальной литературы *. То, что слушатель считал полулегендой, оказывается действительностью; вот он — тот мир, о котором мечтала его честная душа, к которому он рвался... Быстро сроднится он с этим миром. Перед ним пройдут образы настоящих, закаленных революционеров; он увидит примеры революционной стойкости на допросах, судах, при самых тяжелых минутах (жизнь Халтурина во дворце, последние дни работы С. Перовской) вплоть до смертной казни (Осинский, Желябов и др.). Самая атмосфера этой жизни, которая так или иначе сообщается слушателям, закаляет их... Но вот 1 марта 1881 г. и быстрая затем гибель партии Н. В. Партия, казавшаяся могучей, блиставшая самоотверженными борцами, разбита на-голову правительством; оно торжествует, справляет дикую вакханалию над трупом поверженного врага **. Аудитория замерла. Она пережила начало борьбы, под'ем деятельности, она ждала конца этой борьбы, всем сердцем желала победы... и проводила героев на казнь. Вот и последнее письмо С. Перовской к ее матери... Многое пережила аудитория, и если в ней царит теперь молчание, то это не молчание засыпающих. Этот момент подобен моменту мертвой точки махового колеса. Почему же, почему же их разбили? не разобьют ли и нас? — читаете вы в глазах слушателей, и вы раскрываете причины неудач прежних революционеров, освещаете отдельные моменты борьбы и показываете логическую неизбежность подобного конца ***. Вы указываете на необходимость для революционно-социалистической партии опираться на массы, на широкое массовое движение. Это послужит переходом к истории и учению социал-демократии. Дав отрицательный анализ, вы указываете необходимые элементы победного движения. Короткая, но уж богатая история соц.-дем. движения убедит в том, как много успела сделать русская соц.-демократия. В истории соц.-демократии следует остановиться на периоде экономизма, когда русские соц.-демократы, исходя из абстрактных понятий марксизма, выводили упрощенную программу борьбы, забыв о национальных задачах русской соц.-дем., даже о главной из них — свержении самодержавия. Понятие борьбы за свержение самодержавия следует расширить до понимания борьбы со всем отживающим полукрепостническим порядком нашей страны. Впоследствии, исходя из этого положения, вы разовьете перед слушателями аграрную программу русских соц.-дем. После этого вы подробно излагаете учение научного социализма. Это не требует пояснений, так как более или менее удачно ведется и теперь. Но наше движение не ведется в пустоте. Рабочая партия, это — одна из политических сил России, на-ряду с ней существуют другие. В кратких чертах следует обрисовать задачу и тактику этих несоц.-демократических направлений, особенно их отношение к освободительной борьбе пролетариата. Параллельное сравнение еще резче оттенит точку зрения соц.-дем. партии пролетариата. Говоря о современной России особенно серьезное внимание следует обратить на те «межсословные узлы политических интересов» различных слоев населения, в которых эти интересы переплетаются *. Рассмотрев мотивы, руководящие в борьбе, казалось бы, часто за одни и те же требования, следует показать все величие стремлений борющегося пролетариата и его передового отряда, соц.-дем. рабочей партии, — этого авангарда русской оппозиции. Ваши слушатели должны глубоко это продумать.

Итак, вы проследили исторический генезис русской соц.-демократии, вы раскрыли задачи и содержание нашей партии, подвергнув ее, так сказать, перекрестному допросу со стороны других фракций. Этим вы дали вашей аудитории теоретическое оружие, но вы не должны забыть еще, что наша партия есть борющаяся армия, а не клуб для собеседований. Уяснив, за что бороться, вы должны детально показать, как бороться. Исходя из принципиальных положений соц.-дем., вы развертываете тактику партии в ее целом. Внутренний характер деятельности партии определяет ее отношение к непролетарским слоям населения. Особенно отчетливо следует представить

* Тун, «История рев. движения в России»; Степняк, «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов»; Бурцев, «За сто лет»; Деб.-Мокриевич, ««Воспоминания».

** Чтобы соблюсти последовательность в рассказе, можете справляться по брошюре «Красное знамя в России».

*** С этого места пособием может быть «Красное Знамя в России». Можно прямо читать по ней с об'яснением.

* Аксельрод, «Взаимное положение либеральной и социалистической демократии»; «Современная Россия».

жуазного социализма, точкой отправления которого является утопическое стремление поддержать мелкую собственность на средства производства. Выставленные этим конгрессом требования имели в виду интересы сельскохозяйственного рабочего, как пролетария, а не как мелкого собственника. Это хорошо видно из категорического заявления Чегледского конгресса насчет того, что все рецепты, придумываемые для спасения мелкого землевладения, являются пустыми обещаниями или в лучшем случае бессильными паллиативами. Конгресс об'явил себя солидарным с социал-демократией именно потому, что убедился в невозможности остановить упадок мелкого землевладения *. В качестве закоренелого «догматика» пишущий эти строки очень хотел бы, чтобы защищаемая им «догма» почаще опровергалась так, как опровергли ее мелкие крестьяне Венгрии на Будапештском и Чегледском конгрессах.

Впрочем, зачем ограничиваться этими двумя конгрессами? Все последующее движение венгерских крестьян совершилось именно в том направлении, которое так ясно обозначилось в Будапеште и Чегледе. И неудивительно, что на своих позднейших конгрессах они сумели сохранить точку зрения пролетариев. Для примера укажем на второй Будапештский конгресс (25—27 дек. 1897 года) и на конгресс южно-венгерских крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Темешваре (в янв. 1898 г.) *.

Если, несмотря на все эти совершенно неоспоримые факты, г. Ю. Гарденин все-таки пытается сконфузить русских марксистов ссылками на Венгрию, то нам остается предположить одно из двух: или этот развязный сочинитель не понимает ни того, что он оспаривает, ни того, на что ссылается, или он рассчитывает на легковерие своих читателей. Какое бы из этих двух предположений ни было ближе к истине, несомненно то, что его статья посрамляет его самого, а вовсе не сторонников марксовой «догмы».

[Г. Плеханов]

(Продолжение следует.)

* Paul Engelmann, l. c., S. 817.

* «Von der Bauernbewegung in Ungarn» II, 691 и 692. Заметим, однако, что на втором Будапештском конгрессе большинство представителей состояло из безземельных сельскохозяйственных поденщиков.

отношение русских соц.-демократов к крестьянству и в этом месте будет вполне уместно изложение аграрной программы, причем хорошо бы посвятить особую беседу как теоретическому рассмотрению вопроса, так и возможной практической работе в деревне. Во многих местах нашего отечества эти беседы должны вызвать самое оживленное отношение, как это можно заключить по некоторым письмам в «Искре» (см., например, письмо из Орехова-Зуева).

После этого остается рассмотреть орудия борьбы. Значение каждого орудия (газета, листки, стачки, демонстрации и проч.) рассматривается как отдельно, независимо от других, так и в их общей связи; легче всего последнее изобразить в виде примерной деятельности комитета в частности и партии в общем, вплоть хотя бы до момента вооруженного народного восстания, к возможности которого мы должны теперь же подготовлять рабочих. Выражаясь, может быть, шире, мы скажем: последняя часть наших занятий сводится к выяснению организационных и технических вопросов нашей партии. Как известно, обсуждение этих вопросов всегда принимается с живейшим интересом. Остановимся также на моменте свержения самодержавия, с целью показать и уяснить всю его серьезность и важность для пролетариата. Здесь перед слушателями откроется созидательная работа нашей партии и ее борьба за окончательное освобождение пролетариата. Рабочим должно стать ясным все огромное значение для классового пробуждения пролетариата организованной соц.-дем., вся ее необходимость в деле отстаивания его интересов *. Выразителем идейных стремлений партии служит газета, и рабочий должен знать ее, уметь понимать ее. Поэтому, в связи с изложенным планом занятий, я ставлю систематическое чтение газеты в кружке. Чтение газеты дает возможность лишний раз вспомнить сказанное уже на занятиях или же при помощи фактов, сообщаемых газетой, живее осветит некоторые вопросы. Это чтение устраивается не в очередь обычных занятий, пользуясь для этого хотя бы днем получения свежего номера газеты. Полученный номер сначала прочитывается комитетом и обсуждается, каким образом наилучше использовать полученный номер в целях пропаганды и агитации. То же делается в рабочем подкомитете и пропагандистском совете. Запасшись советами товарищей, пропагандист устраивает чтение. Богатый по содержанию, каждый номер «Искры» дает пропагандисту возможность ввести своих слушателей в круг замечательно широких интересов. Возьмите хоть 30 № «Искры». Прочтите «Осенние итоги» и подумайте, сколько вы можете сообщать кстати своим слушателям. Вы можете изложить перед ними неудачную попытку Александра II ввести «суд скорый, правый и милостивый для всех»; последовавшее затем уродование и без того не идеального суда и подробнее осветить мысль автора, что законность и самодержавие — исключающие друг друга понятия, а дойдя, при конце номера, до иностранного обозрения, стачки французских рабочих, укажите, что рабочий вне закона вообще в буржуазном обществе. Ряд приговоров по политическим делам дает повод вспомнить историю судебных политических процессов. Прочтите кстати речь на суде кого-нибудь из товарищей, напр., речь Мышкина. Идет дело о либеральном течении,— познакомьте подробнее с ним, выясните взаимное наше положение, сошлитесь на факты. Зубатовщина в Петербурге — поставьте вопрос, как следует бороться с ней. Рабочие, поняв вредное значение зубатовщины для их освободительного движения, сумеют многое найти против нее. Но самое главное, что рабочий уже в кружке будет думать о задачах комитета и стремиться помочь осуществить их. — «Борьба направлений — пожива демагогам» вскрывает больное место в жизни нашей партии в настоящий момент ее роста; не раз и не два принуждены вы будете остановиться на этом, чтобы слушатели по достоинству могли оценить этих людей, которые, по верному замечанию одного товарища, «свою судьбу строят на несчастии партии». Полемика с этими элементами, главным образом, затрагивает чрезвычайно важную область вопросов организационных; полемика значительно уясняет эти вопросы. Заметка о терроре, по всей вероятности, еще и еще раз возбудит прения; так же, как и заметка об «отрезках». Ростовские события сами собой просят вашей оценки. Пропагандисту должна быть хорошо известна история соц.-дем. движения, особенно внимательно он должен следить за деятельностью всей партии в настоящий момент. Он должен подвергать разбору деятельность комитетов в частности и партии вообще, не останавливаясь, когда нужно, и перед резкой критикой; но, критикуя, он должен, по возможности, указать и надлежащий путь. В отделе корреспонденций вы всегда найдете достаточно материала о том, как и что следовало бы сделать в таком-то и таком-то случае. Это будет развивать в рабочих сметливость, и они яснее поймут тактическую точку зрения соц.-дем., преломленную в русской действительности. Извещение социалистического Бюро можно связать с историей Интернационала и новейшими попытками закрепить моральную связь между отдельными членами нашей великой международной семьи. Петербургский раскол конкретнее уяснит нам организационные разногласия... Я далеко не исчерпал всего, что можно и должно сказать при чтении взятого номера «Искры». Пересмотрите несколько номеров, и вы увидите, что каждый номер дает подобную возможность. Вечер не только не может быть скучным, но у вас едва хватит времени ответить на все и всем. Разумеется, в один вечер вы это не сможете сделать, но систематическое чтение нескольких номеров позволит это, и через несколько вечеров вы многое будете уже только вспоминать, останавливаясь подробно лишь на новых вопросах. Следя за жизнью партии, вы оцените способность «Искры» отзываться на нее; когда же почувствуете недочет, спешите, как настоящие друзья вашей газеты, указать ей на него. Кроме того, обращайте внимание членов кружка на удачные корреспонденции или на их недостатки: научить обслуживать газету материалом — одна из наших задач; тем самым рабочим еще ближе будет газета, когда они будут работать над ней. Так, тесней и тесней жизнь вашего кружка будет сплетаться с жизнью партии.

Таков общий основной план занятий. Предлагая его, я не хочу сказать, что не надо говорить о дарвинизме, о том, как создан мир, о крестовых походах и других вещах. Я хочу лишь указать на то, что мы обязаны, как соц.-демократы, сообщить нашим слушателям. Учите всему! Но надо принять во внимание, что времени-то обычно у нас немного и редко удается провести полный законченный курс, поэтому не следует его чрезмерно расширять. Закончив же основной курс, не только можно, но желательно сделать к нему ряд дополнений: из истории европейской соц.-дем. и революционного движения, несколько очерков из истории, о религии и т. п. При таком способе прекращение лекций (что все-таки случается обыкновенно не в самом начале) не лишит их своей цельности. Конечно, эти отдельные беседы должны связываться с общим курсом. Пользуясь набросанными общими положениями, вы сможете расширять или сужать ваш курс по условиям места и времени. Но, сохраняя остов этих занятий, вы всегда сможете дать слушателям законченное целое.

Чтение «Искры» указанным способом должно рекомендовать и вне связи с правильными занятиями в кружках. Так и делается в некоторых местах. В этом случае чтение, соединенное с беседой, является способом занятий по кружкам. Ваши слушатели после прочтения «Искры» в кружке могут с успехом организовать чтение в более широких размерах (по числу участников), могут воспользоваться «Искрой» как агитационным орудием. Этим самым ваши слушатели будут двинуты по пути развития в них самодеятельности, о которой так много толкуют те, кто для этого ничего не делает; с другой стороны, агитация пойдет глубже, живее. Учите пользоваться газетой, как орудием борьбы, возможно больший круг революционных работников. Так, сопровождаемая живым словом, «Искра» пойдет, начиная с фабрики большого города, вплоть до самой глухой деревушки.

Северянин [В. А. Носков]

* В помощь пропагандистам комитет должен озаботиться составлением надлежащей библиотеки.

* * *

От редакции. Мы надеемся, что работающие на местах товарищи обратят на это в высшей степени содержательное письмо все то внимание, какое заслуживает предлагаемый в нем оригинальный план пропаганды в рабочих кружках. Было бы очень желательно, чтобы пропагандисты и рабочие, занимающиеся в кружках, поделились на столбцах «Искры» с товарищами теми доводами в пользу или против деталей этого плана, которые могли быть вынесены ими из личного опыта.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В мире мерзости и запустения. 14 января Петербургская судебная палата приступила к рассмотрению дела о бывшем кронштадтском полицмейстере подполковнике Шафрове.

Мы не будем излагать подробностей этого замечательного дела, — отсылаем наших читателей к «легальной» русской прессе, где процесс Шафрова изложен очень обстоятельно. Мы остановимся только на особенно выразительных сторонах в деле бывшего полицмейстера и на некоторых выводах, которых подцензурная печать сделать не может, если бы и хотела.

В течение долгого ряда лет Шафров служил в петербургской и в московской полиции. Его поведение было таково, что обер-полицмейстер отзывался о нем как о «первом взяточнике среди московских приставов» (остальные пристава отличались, следовательно, от Шафрова только меньшей смелостью размаха). Из петербургской полиции Шафров был удален за взятку, в результате которой половой Огнев, избитый хозяином, был выслан на родину, вместо того чтобы получить удовлетворение. Эта небольшая «заминка» в карьере не помешала Шафрову занять в 1896 г. пост кронштадтского полицмейстера. На запрос кронштадтского губернатора о Шафрове петербургское градоначальство ответило: «вышел в отставку по домашним обстоятельствам». В Кронштадте Шафров получил возможность развернуть все данные ему от бога таланты. Он распоряжался казенным денежным сундуком с такой непринужденностью, как если бы это был его собственный кошелек. Пристава, под страхом исключения, были обложены в пользу полицмейстера серьезной данью. Наградные деньги, поступавшие в пользу служащих пожарной команды, стекались к Шафрову. Городовые штрафовались на каждом шагу,—и штрафные суммы поглощались полицмейстером. Но особенным вниманием его пользовались дома терпимости. Он их лелеял, по собственному выражению, как отец родных детей. Разумеется, нежность полицмейстера не была платонической. Содержательницы притонов умели быть благодарными Шафрову за его «отеческое» отношение к беспатентной продаже спиртных напитков, ночной торговле и нередким уголовным «осложнениям». По остроумному замечанию одного из свидетелей, кронштадтские обыватели еще при жизни поставили своему полицмейстеру памятник, наименовав один из публичных домов, основанных при содействии полицмейстера, «Шафровкой»...

Чего же смотрели обыватели? Почему не жаловались? Некоторые жаловались. Но на чиновника у нас можно жаловаться только «по начальству», а не в суд. Начальство же неизменно оставляло жалобы «без последствий». Лишь на четвертом году от начала его царствования прокурорский надзор произвел негласное расследование, которое подтвердило все жалобы. Казалось бы, теперь Шафрову уж наверно место на скамье подсудимых? Нисколько. Нужно добиться распоряжения начальника Шафрова, кронштадтского военного губернатора, на производство предварительного следствия. Но губернатор нашел, что пред'явленные против Шафрова обвинения «недостаточны» и, что особенно великолепно, «основаны лишь на доносах неблагонамеренных людей». Губернатор все же произвел административное (т. е. полицейское, а не судебное) «расследование» обвинений, в результате которых Шафров оказался чище голубя. На этом дело могло бы и закончиться, как в большинстве случаев у нас бывает. Но прокурор судебной палаты не успокоился и обратился в правительствующий сенат. Не знаем, что побудило прокурора сделать этот шаг (весьма вероятно, что простые нелады с губернатором), — но Шафров все-таки оказался на скамье подсудимых...

Взаимное укрывательство не прекратилось и на суде. Допрошенный на дому в качестве свидетеля, вице-адмирал Казнаков дал от своего имени и, со слов бывшего петербургского градоначальника фон-Валя, о Шафрове лучшую аттестацию.

Шафров не выродок в своей полицейской «семье» *. Нет, в лучшем случае он лишь первый среди равных. Да, ведь, почти такими словами характеризовал оступившегося кронштадтского полицмейстера его бывший начальник!

И все эти Шафровы соединены во всесильный орден, связанный круговой порукой во имя взятки, во имя привилегии безнаказанно издеваться над обывателем. Столь частые теперь попытки «очищения» полицейских управлений ничего не изменят в «славных» традициях ведомства. Честный человек, попав в полицию, или развратится или уйдет из нее. «Орден» сильнее входящих в его состав членов. Спасение одно — в «предоставлении всякому гражданину права преследовать всякого чиновника пред судом без жалобы по начальству» («Проект программы Р. С.-Д. Р. П.», «Искра», № 21).

[Н. Троцкий]

«Представители земли» против рабочих. Теперь, когда работы «Комитетов Особого Совещания» приходят к концу, никто не станет отрицать, что наши земские либералы, в общем, проявили чрезвычайную сдержанность и умеренность в выражении своих политических пожеланий. Нельзя того же сказать о земских реакционерах. Там, где они имели за собой большинство, реакционеры громогласно провозгласили свои крепостнические вожделения.

В Смоленск[ом] губ. комитете, по словам «Русск. Вед.» (от 20 янв[аря]) рассматривалось предложение уездного Гжатского комитета в том смысле, что «высылка на родину рабочих, замеченных в фабричных, а тем более политических беспорядках, должна бы быть безусловно воспрещена, ибо вредный элемент развращает иногда население

* В середине 80-х годов прошумел процесс другого кронштадтского же полицмейстера Головачева, осужденного в Сибирь за целый ряд преступлений, из которых не последнее место занимали тоже сделки с домами терпимости.

целых волостей. Если проживание таких лиц в больших центрах нежелательно, то в деревнях оно совершенно нетерпимо». Самым справедливым, по мнению Гжатского комитета, было бы пребывание таких лиц в рабочих домах английского типа, содержание которых должно ложиться на счет фабрик и заводов, создавших этот никому ненужный, вредный элемент».

Принудительное водворение в рабочие дома «английского типа» тех, кто отказывается покорно подчиняться капиталу, — вот как думают разрешить социальный вопрос представители реакционной помещичьей партии. И это в то самое время, когда орган этой партии «Моск. Вед.» грубо заигрывает с русскими рабочими и зовет их под ее знамена. Мы очень благодарны гжатским Собакевичам за их откровенность. Старайтесь, господа!

Поучительно также авторитетное указание на то, как влияет «городская» пропаганда на политическое пробуждение (по выражению Собакевичей — «развращение») русской деревни. Русская социал-демократия никогда не «шумела» о «мужике», не сочиняла для него особого «социализма» (за что и подвергается обвинению в бесчувственности), а между тем, именно ее работа «в городе» пролагает пути политическому движению в деревне.

Варшава. В годовщину казни пролетариатцев состоялись демонстрации в театрах. В Большом театре во время оперы «Тангейзер» несколько раз с галлереи раздались крики «долой царизм!», «да здравствует свобода!» и партер был засыпан листками политического содержания. Полиция сидела тихо. В другом театре, после того как были брошены листки, городовой арестовал девушку и повел было ее в участок; какой-то молодой человек потребовал от городового отпустить арестованную и, получив отказ, пырнул полицейского ножом; тот упал, и оба молодые люди скрылись. Арестовано на галлерее 40 чел., из них через два дня 35 выпустили, остальные сидят.

Саратов, январь 1903 г. Политика «сильной» власти г-на фон-Плеве прочно водворилась в Саратове. Все больше и больше стали практиковаться обычные приемы этой политики: провокаторство, шпионство, массовые аресты и обыски и подавление малейших проявлений общественной жизни. Не успело в обществе улечься волнение и смолкнуть разговоры по поводу массовых ноябрьских арестов и суда над демонстрантами, как опять город был взволнован обыском городской управы и арестом очень уважаемого жителями члена управы А. В. Милашевского. Жандармы и шпионы дошли до страшной наглости: за некоторыми из обывателей сыщики ходили по пятам, пробирались на кухню и ловили на улицах прислугу, чтобы от нее узнать что-нибудь о подозреваемых; иногда шпионы переодевались женщинами и вступали в беседу с кухарками и горничными, стараясь выведать, что делают их хозяева. У матери одного из арестованных (Буланова) шпионы высмотрели при обыске, где лежат деньги, и через несколько дней после ареста сына выкрали более тысячи рублей из шкатулки с двойным дном.

После ареста Милашевского по городу стали распространяться самые невероятные слухи. Говорили, между прочим, что в скором времени предстоят обыски и аресты, которые захватят широкие либеральные круги. Вероятно, сами жандармы распространяют подобные слухи, чтобы терроризировать либеральное общество; последнее после убийства Сипягина боится, что, чего доброго, начнется чтение мыслей, и жандармы узнают, каким сочувствием встретило оно выстрел С. Балмашева. Губернатор Энгельгарт по поводу ареста Милашевского воскликнул: «Вот после этого и утверждай их членами управ! А еще жалуются, что за ними следят шпионы».

Из арестованных 1 ноября многие были выпущены через три недели, причем их даже не допрашивали, а только сняли фотографические карточки и пред'явили ко всем обвинение в принадлежности к тайному сообществу, образовавшемуся в Саратове. Говорят, что начальник жандармского управления Померанцев был против освобождения арестованных, ссылаясь на то, что если продержать их в тюрьме месяца три, то против каждого из них найдутся улики; в противном случае он в скором времени опять принужден будет произвести массовые аресты. Выходило, как в донесении губернатору чеховского градоправителя: «Виновные за недостатком улик посажены в кутузку»... Впрочем, г. Померанцев отчасти прав, полагая, что против каждого обывателя, продержав его месяца три-четыре в тюрьме, в настоящее время можно найти улики в неблагонадежности. Кто не читает теперь нелегальных газет? Кто не возмущается современной политикой «сильной» власти? Кто из честных людей не желает, чтобы Россия, наконец, избавилась от своры шпионов, жандармов и провокаторов, с Плеве во главе? Вот в Пензе, напр., арестовали вполне благонамеренного прис. пов. Балдина только за то, что прис. пов. Тарасов, на квартире которого обнаружена была тайная типография, уезжая из Пензы, передал свои адвокатские дела Балдину. Последнего увезли в Петербург и обвинили в участии в тайной типографии. Балдин струсил и, оправдывая себя, рассказал, кто из его знакомых читал нелегальную литературу, кто собирал деньги и проч. Его оговор опять вызвал массовые аресты в Пензе. — Из арестованных в Саратове 1 ноября увезены в Петербург: В. Хотемкина, А. Рыков, Ф. Рыкова, Буланов, Милашевский, Сорокин, Шиллеров и два ученика земледельческого училища. Шесть учеников земледельческого училища перевезены в Царицынскую тюрьму. Воеводин, осужденный на 2½ года, увезен на днях в Крест. Доктора Ченыкаева отправили на пять лет в Вологодскую губ. только за то, что он пользовался влиянием среди либеральных помещиков. Тюрьма очищается, чтобы принять новые жертвы во славу самодержавия.

Усиленная охрана у нас с 1 декабря не возобновлена *, но тем не менее обыски, аресты и высылки практикуются в самых широких размерах. Высылают, даже не пред'являя обвинений, без всяких допросов, — просто по распоряжению «законника» фон-Плеве. Так, высылают Дьякову, мать многочисленного семейства, с запрещением ей жить в Саратовской и смежных губ.; ей не разрешили даже поехать в ее имение Тамбовской губ. Высылают Каратаева и доктора Окиншевича, тоже без всякого допроса и с запрещением жить в 30 губ. Европ. России. Говорят, что это только начало. Предстоят массовые высылки. Жандармская оргия у нас в Саратове продолжается уже более года. Чего же она достигла? В самый разгар ноябрьских погромов оба существующие здесь комитета продолжали свою работу. Соц.-демократический комитет даже проявил именно в это время усиленную деятельность, — им выпущена была масса прокламаций: по поводу суда над демонстрантами, очень хорошо написанная прокламация к солдатам, прокламация о массовых арестах и проч.

Революционное настроение начинает захватывать все более широкие круги народа, и это, несмотря на то, что существующие в Саратове организации слишком ушли в мелкую и случайную работу пропаганды. Полицейско-жандармский режим давит не только радикальные элементы общества, но одинаково дает себя чувствовать всему народу и все более становится ненавистен самым мирным обывателям. При каждом удобном случае это вырывается наружу. Так, недавно, на студенческом вечере, где было более тысячи человек самой разнообразной публики, читалось воззвание студентов, сосланных в Сибирь (см. № 30 «Искры»), и 250—300 чел. с энтузиазмом подхватили крик: «Долой самодержавие!» Вслед за этим вечером, по распоряжению из Петербурга, был арестован пом. прис. пов. К. К. Мауеров по обвинению в том, что он произнес на вечере речь и кричал «долой самодержавие». В этом случае козлом отпущения явился самый обыкновенный клубный кутила.

В январе же арестованы сестры Кудряшевы и произведен обыск у В. А. Балмашева; у него отобрали белье с метками сына; полицмейстер от имени губернатора просил Балмашева не бывать на вечерах, так как его присутствие возбуждает публику.

---

* Теперь уже возобновлена. Ред.

Легальная общественная жизнь у нас вполне подавлена; писать из этой области почти нечего. Предполагавшееся празднование 200-летнего юбилея печати не состоялось, — литераторы решили в виде демонстрации от него отказаться, так как губернатор по распоряжению Плеве, вычеркнул из программы празднования чтение резолюции с указанием на неотложную необходимость свободы печати. — Работы губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности свелись к чтению и обсуждению записок губернатора Энгельгарда о травосеянии, облесении, пьянстве и тому подобных вопросах, излюбленных в настоящее время русской бюрократией.

Самара. Местные либералы не проявляют особенного гражданского мужества. Правда, самарский уездный комитет о нуждах сельскохоз. промышленности поднял вопрос чуть ли не о земском соборе, но сделал это в крайне робкой форме и таким эзоповским языком, что усмотреть конституционную тенденцию в его резолюции можно было только через весьма и весьма увеличительные стекла. Судите сами: в виду насущности некоторых общеземских нужд, как-то — борьба с эпидемиями, эпизоотиями и пр. (буквальные выражения проекта), юридическая комиссия комитета выразила пожелание об учреждении общеземского органа. Когда представители особого мнения приперли к стене авторов проекта, они заявили, что под общеземским органом разумели периодические с'езды земских деятелей. Глаже прошел вопрос о свободе печати и обучения. Этот же вопрос, поднятый в новоиспеченном местном либеральном учреждении — семейно-педагогическом кружке, вызвал бурю протестов со стороны людей, находивших, что поднимать «такие вопросы» не тактично. Поднят же вопрос о ходатайстве в пользу свободы печати в виду того, что совет общества затеял справлять 200-летний юбилей рабства русской печати. По мнению всех порядочных людей, единственно приличной формой чествования печати является демонстрация в пользу ее освобождения от цензурной кабалы. Но господствующие в кружке акцизные и банковые чиновники-либералы думают иначе и тех, у кого не атрофировано гражданское самочувствие, попросту отстраняют от обсуждения щекотливого вопроса о чествовании.

Нет, конечно, ничего удивительного в том, что губерн. предводитель дворянства (он же по закону и председатель земского собрания) Чемодуров принимает участие в юбилейном празднике жандармов и поднимает тост «за утирающих слезы вдовам и сиротам». Правда, положение земского деятеля обязывает, но странно было бы требовать политического такта от человека, пытавшегося в последнем земском собрании провалить вопрос о земских книгоношах из-за опасения заноса ими в деревню политической и социальной заразы. Гораздо более странно видеть в компании с жандармскими офицерами нового избранника земства, выбранного чуть ли не единогласно и при громе рукоплесканий в председатели управы — г. Ушакова. Но поистине достоин занесения на позорные скрижали нашей общественности следующий факт. Есть в нашем городе земская фельдшерская школа, в которой преподают разные местные медицинские светила. Светила эти, исходя, очевидно, из того соображения, что их ученики и ученицы вечно будут у них в повиновении в качестве фельдшеров и фельдшериц, третируют их, как низшую касту, ругая «скотами», «коровами», «болванами» и т. п. Месяца два тому назад ученики одного класса не выдержали и заявили протест. В результате — увольнение трех «коноводов». Одновременно с этим, по требованию жандармов, из школы изгоняется за пропаганду среди товарищей ученик другого класса, причем увольнение мотивируется якобы нетрезвым поведением уволенного. Заседающие в разных просветительных учреждениях медики не постеснялись оказать приятельскую услугу жандармам. Исключение было санкционировано предс. управы Племянниковым. Но жертва произвола не пожелала молчать и наградила пощечиной директора школы доктора Гожанского. В результате — материал для уголовного дела.

Не отстает в выражении симпатий к полицейскому мундиру и молодое поколение. На вечере в пользу недостаточных студентов университетов молодежь «качала» местного полицмейстера.

Вышла и распространена четвертая прокламация Комитета партии «К самарским рабочим, крестьянам и всему самарскому обществу», написанная по поводу речи местного архиепископа, в которой разносились революционеры за то, что учат народ своеволию и грабежам. Кроме заводов и мастерских, прокламации были разбросаны на рыночных площадях, ходили по рукам в фельдшерской школе. Были обыски в железнодорожных мастерских. Арестованные на заводе Журавлева выпущены.

Томск. 6 декабря происходил бал технологов. Это день тезоименитства их имп. вел. и т. д. и бал должен был открыться гимном «Боже, царя...» И действительно с эстрады собрания грянул хор с оркестром — все встали; но в это время из противоположного конца зала, где столпилась масса студентов, послышались звуки другого мотива; не менее сильный хор запел «Сбейте оковы». Публика, удивленная и испуганная, повернулась спиной к исполнителям царского гимна. Оба хора пели дружно, и когда первый кончил, второй еще кончал, и когда он смолк, то раздались дружные аплодисменты. Манифестация прошла безнаказанно. Она была устроена Комитетом об'единенных землячеств и организаций.

Иркутск. В первых числах января приехал сюда Кулябко-Корецкий — старик, совершенно слепой. Он прочитал в общественном собрании целый ряд лекций о положении Европы в XVIII и XIX веке. Первые три лекции о Франции: до революции, во время ее и после революции; одну — о состоянии Германии до конституции; одну — о Сербии и одну лекцию об Австрии. Последняя лекция была о французской коммуне. На последнюю собралось до 1.500 чел., настроение было приподнятое. Сейчас же после окончания лекции один студент из толпы стал читать адрес лектору. Окончить ему не пришлось, так как полицмейстер вскочил на сцену и потребовал прекратить чтение. В это время по всему собранию раздались революционные возгласы и посыпались прокламации Иркутского Комитета. Полиции было мало, — полицмейстер и несколько городовых. Арестов не было. Читавший адрес скрылся. Теперь всех ссыльных зовут в полицию и расспрашивают, кто читал адрес. Демонстрация наделала много шуму — всюду говорят об ней.

Из Красноярска от 21 января сообщают: Кулябко-Корецкий, читавший лекции в Томске и Иркутске, хотел прочитать их и здесь, но, благодаря иркутской демонстрации, нам не пришлось его услышать, так как он арестован и сидит в здешнем тюремном замке.

Екатеринодар. У нас в последнее время несколько раз были расклеены прокламации по поводу разных событий, между прочим и по поводу ростовских событий. 3 декабря произошел такой случай. Недалеко от полицейского управления шел молодой человек в казацкой бурке. Навстречу ему попался полицмейстер. Молодой человек уронил сверток, завернутый в платок; увидав полицмейстера, он сильно смутился и так неловко поднял, что из платка высыпалась масса (до 150) запечатанных писем. Полицмейстер остановил его: «Что это у вас? — «А тебе какое дело?» Полицмейстер взял одно письмо, другое... Оказались прокламации к казакам на малорусском языке, подписанные Р.У.П. (революционная украинская партия) с надписанными адресами по всем станицам. Молодой человек оказался служащим на городской бойне Григорием Ткаченко, перекочевавшим нынешним летом из Полтавской губ. Его арестовали и сейчас же сделали обыск еще у нескольких полтавцев. У учителя Семена Васильевича Петлюра нашли еще полтораста таких же прокламаций с надписанными тоже адресами. Обыски были еще у служащего в городской управе Ив. Парфентьевича Бородыня, бывшего студента Н. В. Маслова, у городского ветеринарного врача И. Е. Крутикова (нашли нелегальную литературу) и пом. прис. пов. П. С. Ширского.

[Л. С. Федорченко]

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

В последней статье мы уже упомянули об одновременной вынужденной подаче в отставку пяти финляндских губернаторов, отказавшихся превратиться в послушное орудие русского сатрапа Бобрикова. Из опубликованного на-днях в финляндской свободной газете «Свободное Слово» текста прошения об отставке четырех губернаторов мы видим, что злополучный вопрос о воинской повинности является причиной устранения и лучших финляндских губернаторов-граждан, как осенью он дал повод Плеве и его державному владыке произвести массовый разгром всех трех финляндских судов второй инстанции (гофгерихтов). Обрусители, уже заранее уверенные в том, что состряпанный ими новый «закон» о воинской повинности снова встретит достойный финского народа солидарный ответ, решили во-время принять надлежащие меры для его проведения. Бобриков еще в ноябре настрочил два секретных циркуляра губернаторам, в которых он предписывает им энергично бороться с «подпольной агитацией и пропагандой» против проведения беззаконного постановления о воинской повинности в нынешнем году (один из этих цирк. опубликован в № 15 «Освобождения»). В ответ на эти азиатские циркуляры упомянутые губернаторы вошли к сатрапу с достойными представлениями, которые, по их требованию, были доложены Николаю II. Последний, по наущению Плеве, приказал им подать в течение недели в отставку.

Мы уже упоминали в прошлый раз о предательской деятельности так называемой старо-фенноманской партии, которая на развалинах свободы своей отчизны сводит неуместные старинные счеты с либеральной «свеноманской» (шведской) партией и принимает милости и подачки от врагов своего народа. Такой своей политикой эта партия в значительной степени способствует уничтожению вековой финской конституции. К счастью, сия славная партия теперь находит приверженцев почти только среди карьеристов, спокойно занимающих должности только что увольняемых чиновников-граждан. Русское правительство уже давно почуяло будущих союзников в этой ожесточенной консервативной партии, которая всегда опиралась на такие реакционные социальные слои, как духовенство, мелкая буржуазия и крестьянство. Начав свой разбойнический поход, оно рассчитывало на могущественную поддержку старо-фенноманов, иначе оно вряд ли бы отважилось на такую безумную травлю маленького культурного народа. Еще правительство Александра III в своей финляндской политике следовало коварному принципу российского самодержавия: «разделяй и господствуй». Наглость нынешних бандитов, величающих себя русским правительством, в этом отношении, как и во всех остальных, не знает границ. В начале января жандармское «Росс. телегр. агентство» осчастливило нашу легальную прессу телеграммой о вышедшей в Париже на французском языке брошюре шефа тайной русской полиции в Париже Эммануеля «Россия и Финляндия». Это исследование написано обер-сыщиком по приказанию главы сыщиков, Плеве *. Напомним читателям конец этой телеграммы: «В Финляндии Россия является освободительницей ** народности, угнетенной и обездоленной в продолжение веков завоевателями-шведами». В таком роде все это произведение «Росс. телегр. агентства», неоднократно уже игравшего провокаторскую роль в финляндском вопросе ***.

Как на отрадный противовес недальновидной и позорной деятельности старо-фенноманской партии, мы укажем на происходящий в настоящее время усиленный процесс демократизации финляндской интеллигенции, начинающей, в лице своей передовой молодежи, интересоваться социализмом и примыкать к рабочей партии. Справедливость, однако, требует сказать, что финляндская рабочая партия, стоящая на легальной почве, до сих пор отнюдь еще не занимает особенно видного места в борьбе финского народа за свою конституцию. Несомненно, настанет момент, когда и финляндская соц.-демократия, подобно российской, пойдет в авангарде освободительного движения своей страны. Мы надеемся вперед больше посвящать внимания рабочему движению в Финляндии.

На-днях вновь назначенный почтдиректор Финляндии, бывший помощник начальника отделения канцелярии Бобрикова, эстонец Ямалайцен, разослал по всем финляндским почтовым учреждениям секретный рескрипт о вскрытии писем. Он не «мог найти себе помощника среди чиновников почтового ведомства» и поэтому назначил одного чиновника из губернской канцелярии, от'явленного негодяя. Однако почтовая «реформа» Плеве еще далеко не проведена и, без сомнения, встретит упорное сопротивление со стороны всех честных финлядских почтовых чиновников.

Режим Бобрикова и Плеве построен исключительно на деморализации служащего класса и, в особенности, полиции. Достойный приверженец временщиков, нынешний гельсингфорсский полицмейстер Карлстет ухитрился в короткое время наполнить вверенную ему полицию настоящими бандитами, не останавливающимися перед грубым насилием и провокаторскими выходками. 5 февраля (нов. стиля), в национальный праздник Финляндии, день рождения знаменитого поэта Рунеберга, полиция грубо, хотя и без успеха, старалась помешать грандиозной иллюминации. Ей, правда, удалось потушить газовые «солнца» у памятника поэта, но зато она потерпела полное поражение при подобных попытках в частных домах.

Дикий произвол самодержавия в Финляндии побуждает, по нашему мнению, русский пролетариат открыто выражать свои симпатии этому энергично борящемуся с русским правительством маленькому народу. Финляндцы могут окончательно свергнуть с себя дикое, зверское иго лишь при совместной борьбе с российской социал-демократией против азиатского деспотизма. — Девиз наш «Долой самодержавие, да здравствует политическая свобода!» должен сделаться девизом всех жаждущих освободиться от невыносимого произвола русского правительства. Эти слова должны быть написаны на знаменах всех врагов российской тирании. Сим победишь!

[В. М. Смирнов]

1 февраля 1903 г.

---

* Главный палач финляндской свободы давно уже занимается подобным заграничным и домашним издательством по финляндскому вопросу. Этим он старается противодействовать тем симпатиям, с которыми всемирная пресса следит за борьбой финского народа.

** Подобной «освободительницей» являлось правительство уже неоднократно: в Польше, Остзейском крае и т. п.

*** Чрезвычайно интересный вопрос о взаимных отношениях различных партий мы обстоятельно рассмотрим в особой главе нашей брошюры о событиях в Финляндии.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Петербург. На ниточной фабрике Штиглица 23 января началась забастовка. Причина — длинный рабочий день (с 5 ч. утра до 8 ч. веч., один час на обед) и сокращение расценков. Требуют обычных 13 час. работы с полуторачасовым перерывом на обед, а также прибавки 1 коп. на аршин. Контора первоначально вступила в переговоры, но вмешался Клейгельс, и «по приказу градоначальника» 3.000 раб. рассчитано. Это не помешало другой фабрике того же общества примкнуть 28 января к забастовке.

Тверь. Тяжело положение тверских стеклянщиков. Все условия их жизни таковы, что хуже трудно представить. Обстановка, в которой им приходится работать, норма заработка заставляют многих даже в период безработицы предпочесть нищенское существование работе на стеклянном заводе Куровой. «Стеклянщик» в устах обывателей почти равносильно слову «золоторотец». Всего на стеклянном заводе Куровой работает около 200 человек. Большинство взрослых мужчин — мастера. Работают мальчики от 12 лет и женщины. Длина дня для разных родов труда различна: от 8 до 12 часов. Работают они

сдельно, по преимуществу бутылки, по расценку, утвержденному фабричной инспекцией. Высота заработка очень непостоянна, полтора рубля — максимум того, что можно выработать за день. Но часто выработка падает до нескольких копеек в день. Много посуды бракуется и уничтожается. Сплошь и рядом тому виной недоброкачественность материала, поломка горшка, в котором плавится стекло, или атмосферические осадки, которые протекают сквозь дырявую крышу, падают на не остывшую еще посуду, отчего та дает трещины. Немалое значение имеет, конечно, и прямая недобросовестность приемщика. За последнее время браковка сделалась совсем обычным явлением. Семейные мастера вырабатывают едва 20 к. в день. Кроме того, на заводе установлены «череды», в течение которых рабочие, замененные запасными, остаются без заработка. Гигиенические условия ужасны. Завод представляет из себя грязный, темный сарай, в котором без помехи гуляет ветер, а работать приходится в адской жаре.

Простужаются постоянно. Летом рабочим дозволялось в жары (чтобы предупредить полный упадок сил) купаться в небольшом прудике около завода. Прудик этот отравлен нефтью (рядом нефтяной склад). Собственно, в нем нельзя даже белье полоскать, а рабочие вынуждены купаться по 5—6 раз в день. Белье рабочих, купающихся в пруду, делается твердым, как крахмальное, и покрывается кристаллами какой-то соли. Эту соль — по общему мнению рабочих — выделяет из себя пот (!). И вот, когда униженные и ограбленные люди сделали попытку отстоять свои права, тверские представители власти усмирили их немедленно. Дело было так: на заводе издавна существовал «обычай» уплачивать не за все количество выработанных бутылок, а за произвольно взятое (из-за этого теперь ведется дело судебным порядком). Кроме того, как уже было сказано, сильно браковали при приемке, но бутылки не уничтожались, как полагается по закону, а под видом «третьего сорта» шли в продажу. Наконец, терпение рабочих лопнуло. Началось брожение, стали они собираться жаловаться фабричной инспекции. Администрация завода, очевидно, нашла для себя такой исход невыгодным. Рабочих позвали в контору и спросили, хотят ли они работать «третий сорт» бесплатно. Те, конечно, отказались. Дело было в конце июня, кончался срок найма. Несмотря на отрицательный ответ, данный рабочими, их всех записали на новый месяц... и все пошло по-старому. 2 июля рабочие сами отправились в контору и заявили, что они не намерены работать бесплатно «третий сорт». Управляющий предложил им не приходить на работу на следующий день. 3-го числа в обычное время пошли на завод и нашли там полицию, жандармов, прокурора и фабричного инспектора. Городовые ходили по квартирам и собирали запоздавших рабочих. Удивлению рабочих не было границ: шли мирно на работу — и вдруг полиция!.. Та стала расспрашивать, какой повод для стачки. Рабочие отвечали, что никакой стачки нет; что если они не идут на работу, то потому только, что завод оцеплен. Потребовали управляющего, тогда выступил полицмейстер Киреевский, от'явленный мерзавец, изругал рабочих и, сбив одного с ног ударом кулака, он сказал, что теперь на заводе управляющий он, Киреевский, и с ним надо вести переговоры. Затем рабочих скоро оцепили и отправили в тюрьму. Там их продержали некоторое время (110 чел.), допрашивали, но не нашли состава преступления и выслали по месту жительства. Позднее их приняли всех обратно. Следует отметить сочувственное отношение обывателей к стеклянщикам. Полицию ругали на всех углах, в вагонах трамвая, на вокзале. Она сама чувствовала себя неловко. Местный комитет выпустил гектографированную прокламацию по поводу этой истории.

Вильна. 2 февраля еврейские рабочие хоронили своего умершего от чахотки товарища. Около 4 час. кладбище было наполнено толпою рабочих, достигшею 800 чел. Смотритель кладбища, почуявши, что в его мирном мертвом городе предстоит нарушение общественной тишины и спокойствия, сделал поползновение известить полицию. Обещание немедленно перерезать телефонную проволоку, соединяющую кладбище с городом, и угроза самого его «лишить свободы» — успокоили смотрителя. Ворота были заперты на ключ, и один из рабочих произнес горячую речь над могилой покойного; речь была покрыта возгласами: «долой самодержавие!», «да здравствует пролетариат!», «да здравствует политическая свобода!». Посторонние слушатели, оказавшиеся на кладбище, рыдали, слушая эту речь и зараженные приподнятым настроением пролетарской толпы, собравшейся над могилой пролетария. С кладбища собравшиеся направились в город с пением революционных песен и «возмутительными» возгласами. Оторопевшие городовые не делали даже попыток остановить шествие и убедительно просили «не шуметь в их участке». Через центр города демонстранты беспрепятственно достигли рабочего квартала и здесь разошлись. Арестов не было. «Это рабочие добывают себе свободу!»—пояснил какой-то обыватель заинтересовавшейся публике. Если принять во внимание повод к демонстрации, не позволявший заблаговременно оповестить о ней широкие круги, и то, что похороны состоялись в будний для евреев день, то ее следует признать вполне удавшейся.

Ростов-на-Дону. Социал-демократическая работа в среде ростовских рабочих после окончания стачки заметно возрастает, несмотря на усиленный дозор «царевых очей». Особенно, конечно, работа идет быстрыми шагами среди железнодорожных рабочих, сыгравших в последних событиях роль передового отряда. Так, железнодорожные мастерские буквально наводнены «листками» Донского Комитета. Ежедневно старые «листки» сменяются «новыми». Продуктивность в этом отношении изумительная. Старики-рабочие давно уже не запомнят такого наплыва «листков» в будничное время. «Листки» производят на рабочих сильное, бодрящее впечатление. Но особенно сильное впечатление произвели на рабочих «листки» 3 января, выпущенные по поводу 200-летнего юбилея печати. Листки эти были озаглавлены «К гражданам» и в многочисленных экземплярах циркулировали также и среди обывателей-горожан. Они были разбросаны всюду и как бы знаменовали собой поздравление «с новым» революционным годом... «Листки» эти возбудили массу толков и разговоров среди разнообразных слоев местного городского населения, в глазах которых мало-по-малу «гидра ростовской революции»—Донской Комитет—принимает импозантный характер. Среди мещанства, особенно, Донской Комитет окружен почти-что мистическим ореолом. Совершенно противоположное настроение царит среди жандармерии. Здесь господствует уныние и растерянность. Подполковник Артемьев убран отсюда в Кишинев за «ненадобностью», вследствие того, что не сумел «предотвратить» рабочих митингов и не успел «во время» перехватить «ораторов».

Л-ий [Леонский - Л. С. Федорченко]

Таганрог. Здесь забастовало 16 янв. из общего числа 850 чел. 750 чел. на металлургическом заводе Вильде и Невс и К°. Поводом послужил несвоевременный расчет (через 3 недели), практиковавшийся заводом уже не один раз. Рабочие требовали немедленного расчета за двухнедельный срок. Завод отказал. Тогда большинство оставило работы. Стачка продолжалась до полудня 20 января. Завод уступил. Стачка прошла мирно и без особенных хлопот для полиции, так как здесь не оказалось никаких комитетов и даже просто «злоумышленников».

Томск, 22 января. Забастовка типографских рабочих. В типографии Орлова все рабочие взяли расчет, не работают уже неделю, в других типографиях только отделами не работают. Требования: сокращение рабочего дня, уничтожение сверхурочных работ, хорошее обращение; кроме того, в типографии Орлова — увольнение управляющего. У Яковлева сверхурочные работы отменены и во всех типографиях введено хорошее обращение. Было шесть арестов, после допроса все арестованные выпущены. Настроение рабочих приподнятое, во всех типографиях ежедневно разбрасываются прокламации.

Из бюллетеня стачки, издаваемого Томским Комитетом Сиб. Союза (№ 4, от 19 янв.), мы узнаем, что в типографии Яковлева в течение нескольких месяцев сверхурочные работы были обязательными (еще лишнее дока-

зательство полной несостоятельности той части закона 2 июня 1897 г., которая «регулирует» сверхурочные работы!). Другими поводами для недовольства являлись грубая ругань и, местами, кулачные расправы со стороны заведующих.

«Томский Ком.,—говорится в бюллетене,—в интересах развития политического сознания масс, решил воспользоваться благоприятным для массовой агитации моментом и за последнее время усилил свою деятельность среди типографщиков. Среди них во множестве распространялись прокламации, как специально им посвященные, так и предназначенные для заводов и общие; среди них распространялась литература и работало несколько агитаторов. Эта работа комитета привела к тому, что его призыв к стачке нашел живой отклик в сердцах рабочих».

Кроме рабочих типографии Орлова и Яковлева, в стачке участвовали переплетчики типографии Макушина.

По словам Комитета, несмотря на частно-экономические поводы к стачке, настроение рабочих революционное и «на сходках, в которых обыкновенно принимают участие все стачечники, сами стачечники держат политические речи, говорят о настоятельности и необходимости политической борьбы с самодержавием. Стачечники со второго дня забастовки настаивают на уличной демонстрации, и Комитету приходится из сил выбиваться, уговаривая рабочих выждать более удобного времени. Отдельные демонстративные возгласы, вроде „долой самодержавие!“ на глазах полиции — обычное теперь явление».

Пермь. Начиная с сентября, в Мотовилихинском заводе начали появляться прокламации Пермского Комитета Росс. С.-Д. Р. П. Издано три прокламации: о поднесении подарков мастерам, о заигрывании начальства с рабочими и об усилении жандармской полиции в Перми и Мотовилихе. Начальство, заметив несомненные признаки возрастающего рабочего движения в Перми и в особенности в Мотовилихе, встревожилось. С одной стороны решили задобрить рабочих некоторыми мелкими уступками: уволили или перевели на другие места наиболее ненавистных мастеров, устраивают похоронную кассу и проч.; с другой стороны, в противовес революционной пропаганде и агитации, повели свою: попы говорят проповеди о пагубных увлечениях вредными идеями, инженеры на народных чтениях читают пресловутую брошюру генерала Богдановича «Душевное слово русским рабочим», земский начальник на волостном сходе в Мотовилихе произносит речь о смутьянах, разбрасывающих и расклеивающих прокламации, угрожает тюрьмой, ссылкой и даже кровопролитием. Состав жандармского управления в Перми усилен тремя офицерами и пятью унтер-офицерами. Из Московского охранного отделения выписан отряд сыщиков в девять человек. В Мотовилихе значительно усилена сельская полиция»

Одесса. 14 декабря прошлого года в память декабристов у нас был устроен агитационный вечер, на котором присутствовало около ста человек. Оратор говорил о декабристах, после чего, в кратких чертах охарактеризовав всю революционную деятельность в России, перешел к современному соц.-дем. движению. Речь свою оратор закончил следующими словами: «Мы, правоверные соц.-демократы, будем продолжать нашу борьбу теми же средствами, которые употребляли до сих пор». Пели революционные песни, читали стихотворения и разошлись поздно ночью.

Недавно у нас произошла стачка на зав. Бродского, которая была подготовлена соц.-революционерами. Стачка эта носила скорее стихийный характер, чем сознательный. Агитация велась здесь крайне нетактично. Агитаторы не старались подготовить некоторых сознательных, активных работников, которые в случае вспышки могли бы сознательно повести свое дело. А вспышки могут очень часто возникнуть при малейшем брожении в недовольных массах. Долго такой вспышки на заводе ожидать не пришлось. Директор завода выгнал одного рабочего за то, что тот просил следуемые ему залоговые деньги. Когда рабочий прибежал к своим товарищам и рассказал им обо всем происшедшем, все вспылили, и решено было, что они не пойдут на работу до тех пор, пока не будут отменены залоговые и наградные (так как заведено, что с каждого рабочего удерживают залоговые с получки для того, чтобы он был прикован к заводу и не мог уходить, когда ему заблагорассудится; а наградные дают ему тогда, когда рабочий производит больше установленной нормы) и вместо двух смен введены три, чтобы рабочие работали по 8 ч. в сутки.

Если бы там было сознательное активное ядро, которое все могло бы ясно формулировать и поддерживать в массах дисциплину, то могли бы все это превратить в политический протест, как в Ростове. Но этого, к сожалению, не было. Прибыла полиция, казаки, жандармы; рабочие стояли три дня, а затем пошли на работу, ничего не выиграв. Около ста человек, которые упорствовали и не хотели итти на работу, выслано на родину. Человек двадцать пять арестовано. Рабочие выдают многих из интеллигентов. По этому поводу арестовали человек десять интеллигентов. Многие скрылись. В последнее время у нас были частые обыски; арестовано человек пятнадцать. На этой неделе выслали из тюрьмы многих арестованных. 17 января была выслана группа в 18 мужчин и 6 женщин. Когда их привезли на Большой вокзал, они были встречены железнодорожными рабочими, которые в числе 70 чел. пришли туда с целью устроить манифестацию по этому поводу. Манифестация при криках: «долой самодержавие! да здравствует политическая свобода!» состоялась. Вмешались жандармы; арестовали шесть человек, которых на следующий день освободили.

Много шуму в городе наделал бунт уголовных в тюрьме. Он начался 2 января, в 2 часа дня. Все камеры у уголовных были открыты. Когда некоторые политические хотели выйти разузнать обо всем, то уголовные не пускали их, и, крича: «мы сами справимся с ними», запретили им вмешиваться. Один из уголовных был убит и один ранен. Через два часа прибыли войска и водворили порядок. 3 янв. женщины-уголовные также устроили бунт, причем две из них поплатились жизнью. Из тюрьмы пишут, что «весь этот бунт был подготовлен низшей тюремной администрацией, чтобы этим показать высшему начальству города, что новый начальник тюрьмы на свою должность не годится. К тюремным надзирателям он относится очень строго и взыскательно».

У нас в Одессе неофициально начал свою деятельность Бунд. Приказчики, вчерашние сионисты, сегодня стали бундистами. Бунд собирается петь у нас на Юге национальные мотивы. О нем мы поговорим в другой раз.

Комитетом С.-Д. Р. П. были выпущены листки: «К приказчикам», «К рабочим пробочных заводов» и «К рабочим завода Бродского» (после стачки).

С. Коленцы (Пронск. у., Рязанск. губ.). В Пронском уезде есть села Истье, Столпцы, Коленцы... До 1861 года ими владели помещики и завели в этих селах фабрики и заводы.

С 1861 года крестьяне этих сел попрежнему остались на фабриках, потому что земли им не дали и хлебопашеством они заниматься не могли. В настоящее время Столпянская и Истьинская фабрики и заводы закрываются, и рабочие остаются без всякой возможности жить и существовать в селах. Начинается голодовка, часть рабочих идет в города на фабрики, другие остаются влачить нищенское существование, пробиваясь кое-какими заработками. В Коленцах фабрики просуществовали дольше всех и только в последнее время начали сокращать штат рабочих, число которых теперь доведено до десяти, да и те держатся для того, чтобы можно было сказать крестьянам, что де фабрика еще пойдет, и тем избежать разгрома. Благодаря такому постепенному сокращению числа рабочих, число безработных дошло до высокой цифры и они в надежде на работу не приискивали себе занятий и не уезжали.

Теперь здесь царит ужасная голодовка. Все окрестные села наводнены нищими, в селе разламываются жилые помещения для топлива. Крестьяне обращаются за помощью к земскому, собирают ежедневно сходы, но из

этого ничего не выходит и голодовка принимает грандиозные размеры.

Недавно с Коленецкой фабрики отправили депутацию в Рязань к губернатору. Рабочие просили «хлеба и работы», но наш помпадур ничего не нашелся ответить и отослал их к фабричному инспектору.

Положение безвыходное, и можно ожидать печальных осложнений... возможно новое столкновение рабочих с войсками, наподобие бунта на Чулковских шахтах.

В настоящее время коленецкие рабочие наиболее восприимчивы к соц.-демократическим идеям, и желательно было бы, чтобы наши рязанские товарищи использовали момент в интересах социалистической пропаганды.

Ранее здесь велась агитация, на Истье и в Коленцах заводились кружки, циркулировала литература, но за последнее время движение заглохло, а между тем здесь богатая почва...

ИЗ ПАРТИИ

Организационный Комитет извещает:

1) Что представитель Бунда вошел в его состав.

2) Что, кроме организаций, принявших участие в его образовании (орг. «Искры», Бунд, Петерб. Комитет и группа «Южн. Рабочего»), его исключительную инициативу по созыву с'езда признали к 1 февраля след. Комитеты: Московский, Киевский, Харьковский, Екатеринославский, Донской, Сев. Союз, Одесский и Николаевский.

Вторую же часть его задачи (выполнение временно — до образования Центрального Комитета — общепартийных функций) признали все упомянутые организации, за исключением Одесского и Николаевского Комитетов.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В «ИСКРУ».

Важнейшей задачей настоящего времени Северный Раб. Союз считает об'единение российской соц.-дем. в партию, существующую фактически, не только номинально. Уверенность в благоприятных результатах об'единительного движения могла стать общей, могла расшевелить местные комитеты и вывести их из доселе замкнутого состояния малопродуктивной, исключительно местной работы лишь после того, как экономизм, оппортунизм и прочие факторы нашей неурядицы стали стыдливо прятаться по немногим, еще не вполне освещенным углам. Такое положение вещей, позволяющее русским революционным соц.-демократам с надеждою смотреть на будущее и побуждающее их к работе с удвоенной энергией, создано в значительной степени, если не всецело, организацией «Искры» и «Зари» и ее литературными органами. Сев. Союз, будучи всецело солидарен с принципиальной и тактической частью программы «Искры» и «Зари» и с брошюрой Ленина: «Что делать?» и, за малыми, быть может, исключениями с организационными их взглядами, — признает «Искру» и «Зарю» органами Р. С.-Д. Р. П. Вместе с тем, Сев. Союз берет на себя задачу всяческого содействия организационной работе настоящего О. К. в деле об'единения и укрепления Росс. С.-Д. Р. П.

Считаем нужным заявить, что вообще мы не видим основания для осуществления всяких порайонных организаций при наличности хорошо организованного партийного центра, способного равномерно выполнять организационные задачи в различных местностях России, в том числе и на Севере, в районе влияния Сев. Союза. Однакоже, за отсутствием такового центра и отчасти благодаря местным особенностям и революционному прошлому Севера (части Севера, об'единенного Сев. Союзом), существование об'единенной организации последнего не только не должно вредить делу об'единения российской соц.-демократии в единую партию, а напротив, облегчит эту задачу, поскольку отдельные северные комитеты находятся в сфере влияния Сев. Союза.

Северный Рабочий Союз [5].

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Александрово. 25 дек. арестована и увезена в Петербург студ-ка Брюссельского университета Софья Файнберг. — Ревель. 15 янв. арест. раб. Мих. Калинин (в третий раз), аптек. помощник И. Элион и М. Блюмберг и железнодорожн. техник А. Титвелит (трое последних выпущены). — Петербург. В декабре арест. раб. Петерсон.—В Меленковск. и Муромск. уездах Владимирской губ. летом 1902 г. были арестованы народные учителя Диев, Киселев и Иванов; студент Соловьев, интеллигентка Шокина и еще несколько интеллигентов, крестьян и рабочих села Гусь. У крестьян найдена литература. В конце октября в Муроме произведен ряд обысков после появления на улицах города прокламаций. — Рига. 1 февр. арестован Эд. Штейн.

Сосланы по делу Спб. Союза борьбы (янв. 1901 г.) на 3 г. в Вологодск. губ. технолог Самойлов, лесник Богданов, акушерка Щепотева; на 4 г. в Вятскую электротехник Мавромати; на 1 г. в Крест рабочий Егоров, курсистки Колачевская и Фессалоницкая приговорены к тюремному заключению. В Вологодск. губ. сосланы в последнее время: Алекс. Лебедева, бывшая курсистка, по делу о «террористическом сообществе в Самаре»» (1901 г.) на 5 лет, нелегальная Марья Иваницкая по соц.-дем. делам в Туле и Твери на 3 г., врач Ченыкаев и фельдшерица Обухова на 5 лет по делу о пропаганде среди крестьян Балашовск. уезда (февр. 1902 г.), по тому же делу сослано в Архангельскую губ. несколько крестьян, в их числе Арефьев, 70-летний старик (отец покойного революционера Арефьева), Борис Мойсеенко, студ.-горняк, на 3 г. по петерб. делу «Рабочего Знамени» в февр. 1901 г., ученик земледельческого училища Иванов на 3 г. по делу о пропаганде среди крестьян Чембарского уезда, Вячеслав Карпинский, арест. в апр. 1902 г. по делу Харьков. «Союза борьбы» под особ. надзор до приговора.

Бежали: Из Вост. Сиб. из села Елани рабочий Илья Виленский, сосланный, как наборщик «Южн. Рабочего», после 2½ л. тюрьмы. Из Вятск. губ. Замятин, арест. в 1901 г. в Киеве и приговоренный к ссылке в Сибирь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Эмбриону. Корреспонденция получена, отчего ничего не пишете?

Тоб... из Сиб. Ключ непонятен, а потому не разобрали письма, посланного вами на Вас... Пошлите по тому же адресу раз'яснение.

Кашне. Просим возобновить сношения по старому ключу. Л. Х. Ч. передал нам временный адрес, по которому пишет вам. Ваше письмо получено, но не разобрано: сообщите ключ.

Лаврушке. Ваши адреса и свой ключ с вами нам передал Б., так что вы можете писать нам его ключом.

Одесскому рабочему. Письмо ваше получили— пойдет в следующий №.

Товарищам, обратившимся через посредство Ф.: все материалы по истории донского казачества и об его современном положении просим направить в редакцию. Постараемся удовлетворить все ваши пожелания.

Прокламация «военно-революционной группы» получена к концу настоящего номера и будет напечатана в следующем.

Заканчивается печатанием и на-днях выйдет в свет Тун, История революционного движения в России.

За недостатком места отложен до след. номера отчет Сибирской кассы в Цюрихе.

Получено: от немецкого социал-демократа через латышского: для Организационного Комитета 200 мар., для «Искры» 100 мар.; от Ш. 112,05 фр.; тоже за литературу

17,30 фр.; из Винтертура 10 фр.; от Б—й 20 фр.; из Лондона 10 мар.; из Базеля сбор 4 фр.; от Цюрихской групп. от предприятия 21 фр.; из Москвы через Париж 100 р. и 8 р.; из Лозанны за литературу 175 фр.; от друзей для Орг. Ком. 101 р.; с 1 дек. поступило от Ю. Г. 75 р.; через Ю. Г. для «Искры» 82 р.; за литературу из Кременчуга 10 р.; за то же от Полт. Ком. 11 р.; «от друзей сев. захолустья» 80 р.; рабочие г. Полтавы передали в Ростов для ростовск. товарищей 23 р. 55 к.; туда же передано от группы интеллигентов 36 р.; от Ив. Петр. получено 20 р.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Речь идет о земских деятелях, подвергшихся репрессиям за оппозицию правительству. См. «Искра» № 28 «Воронеж. (Из частного письма.)» и № 29 «Исключение подтверждает правило».

Прим. 2. Лорис-Меликов М. Т. (1825—1888) — генерал, разбитый турками на Кавказе в 1877 г., а потом взявший у них Карс и получивший при заключении мира титул графа. После взрыва в Зимнем дворце, произведенного Халтуриным 5 февраля 1880 г., Л.-М. получил от Александра II диктаторские полномочия и был назначен сначала председателем верховной распорядительной комиссии, имевшей целью «положить предел покушениям на государственный и общественный строй и внести успокоение в общество», а затем с августа 1880 г. министром внутренних дел. 28 января 1881 г. Лор.-Мел. представил Александру II доклад, в котором доказывал, что для борьбы с крамолой необходимо «призвать общество к разработке необходимых для настоящего времени мероприятий», и предлагал созвать законосовещательную комиссию из выборных от тех губерний, где было введено земство, по два от губернии и города; из лиц по назначению правительством от неземских губерний, представителей центральных ведомств и из назначенных императором сведущих лиц. Эта комиссия обсуждает законопроекты, выработанные правительством, причем решения ее по этим законопроектам должны иметь лишь совещательный характер и поступают в Государственный Совет, который пополняется 10—15 человеками — «представителями общественных учреждений». Эта «конституция» имела целью ослабить либералов, подкупить либеральствующие круги буржуазии, чтобы затем путем репрессий расправиться с революционным движением. Убийство Александра II народовольцами и отставка Л.-М. помешали проведению проекта лорис-меликовской конституции в жизнь.

Прим. 3. Фольмар Георг Генрихович (род. в 1850 г.) — один из вождей оппортунизма в германской социал-демократии, неоднократно избирался в рейхстаг. «Критик» Маркса в аграрном вопросе, доказывавший жизненность мелкого сельского хозяйства в его борьбе с крупным капиталистическим производством. Уже в 1891 г. на партейтаге в Эрфурте Ф. защищал оппортунистическую тактику, названную им тогда «новым курсом». После отмены исключительного закона социалисты Бебель и В. Либкнехт дали Фольмару самый решительный отпор. Но и впоследствии Ф. всегда стремился увлечь партию на путь оппортунизма и ревизионизма. В 90-х же годах он выступил с критикой К. Маркса в аграрном вопросе и в 1895 г. (на партейтаге в Бреславле) отстаивал ревизионистскую аграрную программу. Еще позже (на партейтаге в Эссене) он боролся против антимилитаристской пропаганды, а на международном конгрессе в Штутгарте (1907 г.) он защищал участие социалистов в войне и заявил, что «вся любовь к человечеству не может нам помешать быть хорошими немцами». Во время войны 1914 — 1918 гг. Ф. сделался крайним социал-шовинистом, вошел в тесный союз с буржуазией и принял все меры к тому, чтобы вовлечь немецких рабочих в мировую бойню.

Прим. 4. Псевдоним В. Чернова.

Прим. 5. Северный Рабочий Союз возник летом 1901 г. и руководил деятельностью Ярославского, Костромского, Иваново-Вознесенского соц.-дем. Комитетов и Владимирской с.-д. группы. Основателями его были В. А. Носков, О. А. Варенцова, Доливо-Добровольский и рабочий М. А. Багаев. Самой сильной организацией Союза была Иваново-Вознесенская, в которой образовался еще с середины 90-х годов «немногочисленный, но стойкий и опытный рабочий авангард». Союз организовал два с'езда представителей — входящих в него организаций (в августе 1901 г. в Кинешме и в январе 1902 г. в Воронеже) и уже на первом из них было решено установить союзные отношения с организацией «Искры». Вопрос о признании «Искры» руководящим органом остался открытым вследствие колебания представителей Костромского Комитета, в котором существовали сильные примиренческие по отношению к «экономистам» тенденции. На с'езде Союза в Воронеже, где в 1902 г. находилась группа социал-демократов (В. А. Носков, А. И. Любимов, Н. Н. Кардашев, Л. Я. Карпов и Д. В. Костерник), тесно связанная с «Союзом» и принимавшая участие в этом с'езде, были обсуждены три основных вопроса: 1) программа Союза, 2) организационный вопрос и 3) выборы в Центральный Комитет Союза. Программа, принятая на с'езде, отмежевывается от экономизма и др. видов оппортунизма, хотя и не осуждает их «решительно и прямо» (Варенцова), и, признавая конечной целью рабочего движения уничтожение капитализма, в качестве ближайшей и важнейшей задачи пролетариата выдвигает низвержение самодержавия. В программе были допущены важные ошибки (напр., отсутствовало положение о диктатуре пролетариата), и она в свое время подверглась, по замечанию т. Варенцовой, основательной критике со стороны заграничных искровцев. Но, в общем, эта программа показывала стремление с'езда Союза стать на почву революционного марксизма. В Ц. К. Союза на с'езде были избраны: М. А. Багаев, Н. Н. Панин, О. А. Варенцова, Вайсман и Е. Дюбюк. Помимо них и указанных выше, в работе Союза принимали участие: Е. А. Володина, В. С. Бубнов, Александр и Василий Заварины, М. С. Александрова, Зарохович (из Одессы), Г. Колесников, И. П. Александров, Б. П. Новицкая и др. С'езды очень содействовали сплочению организации и оживлению ее работы. Влияние «Искры» постоянно росло, и «Союз» в феврале 1903 г. официально признал ее и «Зарю» руководящим «органом» Р. С.-Д. Р. П., отметив некоторые разногласия в организационном вопросе. На II с'езде Р.С.-Д.Р.П. представители «Союза» Ланге (А. М. Стопани) и Дедов (Лидия Книпович, по кличке «Дяденька») стали в ряды большевиков. В 1902 г. «Сев. Раб. Союз» очень сильно пострадал от набегов жандармерии, почти разгромившей его. Но борьба с оппортунизмом, начатая Союзом, не прошла бесследно. Комитеты и группы, входившие в Союз, и в последующие годы крепко держались позиции револ. соц.-демократии и оставались большевистскими. После II с'езда Р. С.-Д. Р. П. Союз был переименован в «Северный Комитет Р. С.-Д. Р. П.» В июле 1905 года на конференции в Костроме он был окончательно ликвидирован. На место его встали отдельные Комитеты Р. С.-Д. Р. П. (Иваново-Вознесенский Костромской и Ярославский).

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 35 1 МАРТА 1903 ГОДА № 35

КАРЛ МАРКС.

Тридцать пятый номер «Искры» выходит в свет в день двадцатилетия смерти Карла Маркса, которому и принадлежит в нем первое место.

Если верно то, что великое международное движение пролетариата было самым замечательным общественным явлением девятнадцатого столетия, то нельзя не признать, что основатель Международного Товарищества Рабочих был самым замечательным человеком этого столетия. Борец и мыслитель в одно и то же время, он не только организовал первые кадры международной армии рабочих, но и выковал для нее, в сотрудничестве со своим неизменным другом Фридрихом Энгельсом, то могучее духовное оружие, с помощью которого она уже нанесла множество поражений неприятелю и которое со временем даст ей полную победу. Если социализм стал наукой, то этим мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетарии хорошо понимают теперь, что для окончательного освобождения рабочего класса необходима социальная революция и что эта революция должна быть делом самого рабочего класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазного порядка, то в этом сказывается влияние научного социализма. С точки зрения «практического разума» научный социализм отличается от утопического именно тем, что решительно разоблачает коренные противоречия капиталистического общества и беспощадно обнаруживает всю наивную тщету всех тех, иногда очень остроумных и всегда вполне благожелательных планов общественной реформы, которые предлагались социалистами-утопистами разных школ, как вернейшее средство прекращения борьбы классов и примирения пролетариата с буржуазией. Современный пролетарий, усвоивший теорию научного социализма и остающийся верным ее духу, не может не быть революционером и по логике и по чувству, т. е. не может не принадлежать к самой «опасной» разновидности революционеров.

Марксу досталась великая честь сделаться наиболее ненавистным для буржуазии социалистом девятнадцатого века. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболее уважаемым учителем пролетариата той же эпохи. В то время как вокруг него сосредоточивалась злоба эксплоататоров, его имя приобретало все более и более почетную известность в среде эксплоатируемых. И теперь, в начале двадцатого века, сознательные пролетарии всех стран видят в нем своего учителя и гордятся им как одним из самых всеоб'емлющих и глубоких умов, одним из самых благородных и самоотверженных характеров, какие только знает история.

«Святой, память которого празднуется первого мая, называется Карл Маркс»,— писала одна буржуазная венская газета в конце апреля 1890 года. И действительно, ежегодная майская демонстрация рабочих всего мира представляет собою величественное, хотя и не предумышленное, чествование памяти гениального человека, программа которого об'единила в одно стройное целое повседневную борьбу рабочих за лучшие условия продажи своей рабочей силы с революционной борьбой против существующего экономического строя. Только чествование это не имеет ничего общего с религиозными праздниками; современный пролетариат тем больше чтит своих «святых», чем больше их деятельность способствовала приближению того счастливого времени, когда освобожденное человечество устроит свое царство небесное на земле, а небо предоставит в распоряжение ангелов и птиц...

К числу злых нелепостей, распространявшихся насчет Маркса, принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, — всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение, где бы оно ни начиналось.

За всеми серьезными проявлениями внутреннего развития России Маркс следил с таким глубоким интересом и—главное—с таким основательным знанием предмета, какие едва ли можно было встретить у кого-нибудь из его западноевропейских современников. Немецкий рабочий Лесснер рассказывает в своих воспоминаниях о нем, как радовался он появлению русского перевода «Капитала» и как приятно было ему верить, что в России появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научного социализма. Из предисловия к русскому переводу «Манифеста Коммунистической Партии», — подписанного им и Энгельсом, — видно, что сочувствие русским революционерам и нетерпеливое желание поскорее увидеть их победителями приводило его даже к значительной переоценке тогдашнего нашего революционного движения. А какой радушный прием встречали в его гостеприимном доме * русские изгнанники, показывают его отношения к Лопатину [1] и Гартману [2]. Его разлад с Герценом вызван был частью случайным недоразумением, а частью вполне заслуженным недоверием к тому славянофильскому социализму, провозвестником которого в западноевропейской литературе, к сожалению, сделался наш блестящий соотечественник под влиянием тяжелых разочарований 1848—1851 годов. Резкая выходка Маркса против этого славянофильского социализма в первом издании первого тома «Капитала» заслуживает не осуждения, а похвалы, особенно в настоящее время, когда этот социализм возрождается у нас

* Тот же рабочий Лесснер говорит, что дом Маркса «всегда был открыт для всех надежных товарищей».

в виде программы партии так называющихся социалистов-революционеров. Наконец, что касается ожесточенной борьбы Маркса с Бакуниным в Международном Товариществе Рабочих, то она не имеет ни самомалейшего отношения к русскому происхождению этого анархиста и очень просто об'ясняется непримиримой противоположностью взглядов *. Когда издания группы «Освобождение Труда» положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс, в письме к В. И. Засулич, выразил сожаление о том, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы. Что же сказал бы великий автор «Капитала», если бы ему довелось дожить до настоящего времени и узнать, что у него есть уже много и много последователей в среде русских рабочих! Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услыхать о событиях, подобных недавним событиям в Ростове-на-Дону? В его время русский марксист был редкостью, и передовые русские люди посматривали на эту редкость в лучшем случае с улыбкой добродушного сожаления; теперь идеи Маркса господствуют в русском революционном движении, а те русские революционеры, которые, по старой привычке, отвергают их вполне или отчасти, в действительности давно уже, — и несмотря на свою, по большей части, очень громкую революционную фразеологию, — перестали быть передовыми и незаметно для себя перешли в обширный лагерь отсталых.

Немало пустяков говорилось и повторялось также об его частых полемических стычках с противниками. Миролюбивые, но недалекие люди об'ясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью к полемике, которая, в свою очередь, будто бы порождалась его будто бы злым характером. На самом деле, та почти беспрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести, особенно в начале своей общественной деятельности, вызывалась не свойствами его личного характера, а общественным значением защищаемой им идеи. Он был одним из первых социалистов, сумевших, и в теории и на практике, всецело стать на точку зрения классовой борьбы и отделить интересы пролетариата от интересов мелкой буржуазии. Неудивительно поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться с теоретиками мелкобуржуазного социализма, очень многочисленными тогда особенно в среде германской «интеллигенции». Прекращение полемики с этими теоретиками означало бы отказ от мысли сплотить пролетариат в особую партию, имеющую свою собственную историческую цель, а не плетущуюся в хвосте мелкой буржуазии. «Наша задача, — говорил журнал Маркса «Новая Рейнская Газета» в апреле 1850 года, — состоит в беспощадной критике, направляемой даже более против наших мнимых друзей, чем против наших явных врагов; и, занимая такую позицию, мы с удовольствием отказываемся от дешевой демократической популярности». Явные враги были менее опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознание пролетариев, между тем как мелкобуржуазные социалисты с их «внеклассовыми» программами продолжали вести за собой многих и многих рабочих. Борьба с ними была неизбежна, и Маркс вел ее со свойственным ему неподражаемым уменьем. Его примера не должны забывать мы, русские социал-демократы, которым приходится действовать при условиях, очень похожих на условия, существовавшие в дореволюционной Германии. Мы, можно сказать, со всех сторон окруженные мелкобуржуазными теоретиками специфического «русского социализма», должны твердо помнить, что интересы пролетариата и нас обязывают беспощадно критиковать наших мнимых друзей, — напр., хорошо известных нашим читателям «соц.-революционеров», — как бы ни возмущала наша беспощадная критика добродушных, но недалеких друзей мира и согласия между различными революционными «фракциями».

Учение Маркса — современная «алгебра революции». Понимание его необходимо для всех тех, которые хотят вести сознательную борьбу с существующим у нас порядком вещей. И это до такой степени верно, что даже многие идеологи русской буржуазии одно время чувствовали потребность сделаться марксистами. Идеи Маркса были незаменимы для них в их борьбе с допотопными теориями народничества, пришедшими в резкое противоречие с новыми экономическими отношениями России. Это хорошо поняли те наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше других были знакомы с современной литературой общественных наук. Они стали под знамя марксизма и, борясь под этим знаменем, приобрели довольно громкую известность. А когда народники были разбиты наголову, когда их старозаветные теории превратились в груду безобразных развалин, тогда наши новоявленные марксисты решили, что марксизм уже сделал свое дело и что пора подвергнуть его строгой критике. Эта «критика» совершалась под тем предлогом, что общественная мысль должна итти в п е р е д, но единственным ее результатом оказалось то, что под ее прикрытием наши недавние союзники совершили п о п я т н о е движение и расположились на теоретических позициях западно-европейских буржуа социал-реформаторского оттенка. Как ни жалок был этот результат столь крикливо возвещенного «критического» похода и как ни тяжело было русским социал-демократам присутствовать при этих «критических» превращениях людей, вместе с которыми они только что выступали против одного общего врага и с которыми они надеялись впоследствии окончательно сблизиться, но по зрелом рассуждении они должны были сознаться, что отступление наших неомарксистов на «священную гору» буржуазного реформаторства не только вполне естественно, но еще является косвенным подтверждением правильности выработанного Марксом материалистического понимания истории. В 1895—96 гг. у нас увлекались марксизмом такие лица, которые ни по общественному своему положению, ни по умственному и нравственному своему складу не имели

* Бывший «марксист», а ныне вульгарный экономист, г. М. Туган-Барановский в своих «Очерках из новейшей истории политической экономии» (стр. 294) повторяет анархическую сплетню о том, что Маркс будто бы содействовал распространению печатной клеветы на Бакунина. Здесь не место разбирать доводы, приводимые обыкновенно в подкрепление этой выдумки. Мы подробно поговорим о них в «Заре», где легкомысленное произведение г. Туган-Барановского получит достойную оценку. Но не мешает заметить, что наш бывший «марксист» вовсе не потрудился подвергнуть критике свои источники. Он голословно повторяет обвинение, которое, не будучи доказано, в свою очередь становится к л е в е т о й.

ничего общего ни с пролетариатом ни с его освободительной борьбой. Одно время на марксизм была мода во всех петербургских канцеляриях. Если бы такое положение дел могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научного социализма ошибались, утверждая, что образ мыслей определяется образом жизни и что высшие классы не могут стать носителями социально-революционных идей нашего времени. Но «критика Маркса», начавшаяся немедленно после того, как закончилась борьба против реакционных стремлений народничества, лишний раз подтвердила, что Маркс и Энгельс были правы: образ мыслей «критиков» определился их общественным положением; восставая против «фанатизма догмы», они в действительности восставали только против социально-революционного содержания марксовой теории. Им нужен был не тот Маркс, который в течение всей своей жизни, — полной труда, борьбы и лишений, — горел священным огнем ненависти против капиталистической эксплоатации: Маркс — вожак революционного пролетариата казался им неприличным и «ненаучным». Им нужен был только тот Маркс, который в «Манифесте Коммунистической Партии» об'явил, что он готов поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной в своей борьбе с абсолютной монархией и мелким мещанством. Их интересовала только демократическая половина социально-демократической программы Маркса. Это было как нельзя более естественно; но именно эти совершенно естественные стремления наших «критиков» делали очевидной полную неосновательность всяких расчетов на них, как на социалистов. Их место — в рядах либеральной оппозиции, которой они и дали, — в лице редактора «Освобождения», г. П. Струве, — внимательного, старательного и талантливого литературного выразителя.

Судьба марксовой теории доказывает ее верность. И это не только в России. Известно, что западные ученые долго пренебрегали ею, как неудачным плодом социально-революционного фанатизма, но время шло, и с течением времени делалось все более и более ясным даже и для глаз, смотревших сквозь очки буржуазной ограниченности, что плод социально-революционного фанатизма имеет, по крайней мере, одно неоспоримое преимущество: он дает чрезвычайно плодотворный метод исследования общественной жизни. Чем более подвигалось вперед научное изучение первобытной культуры, истории, права, литературы и искусства, тем плотнее и плотнее подходили исследователи к историческому материализму * несмотря на то, что большинство из них или совсем ничего не знало об исторической теории Маркса, или, как огня, боялось его материалистических, — т. е. в глазах современной буржуазии безнравственных и опасных для общественного спокойствия, — взглядов. И мы видим, что материалистическое об'яснение уже начинает приобретать себе в ученом мире право гражданства. Недавно появившееся на английском языке сочинение американского профессора Зелигмана «Экономическое об'яснение истории» свидетельствует о том, что официальные жрецы науки понемногу проникаются сознанием великого научного значения исторической теории Маркса. Зелигман дает нам понять, между прочим, и те психологические причины, которые препятствовали до сих пор правильному признанию и пониманию этой теории буржуазным ученым миром. Он прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основании историческую теорию. Это остроумное соображение, которое, заметим кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже в «Критич. заметках» г. П. Струве, служит новым доказательством той неновой уже истины, что легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем идеологу буржуазии перейти на точку зрения пролетариата. Маркс был революционером до конца ногтей. Он восставал против бога капитала, как гетевский Прометей восставал против Зевса. И, подобно этому Прометею, он мог сказать о себе, что его задача заключается в воспитании таких людей, которые, умея по-человечески страдать и по-человечески наслаждаться, сумели бы «не уважать тебя», божество, враждебное людям. А буржуазные идеологи именно этому-то божеству и служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным. Признанием буржуазных ученых будет пользоваться только такая теория, которая не покажется им опасной для бога капитала. Ученые Франции и вообще стран французского языка в этом отношении гораздо откровеннее всех других. Так, еще известный Лавелэ [3] говорил, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа компрометировал защиту существующего порядка. А совсем недавно А. Бэшо в книге, посвященной французской школе политической экономии, нисколько не конфузясь, оценивал различные экономические учения с той точки зрения, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». В виду этого понятно, что идеологи буржуазии, усваивающие себе идеи Маркса, непременно будут стоять «под знаком критики». Мера их «критического» отношения к Марксу является мерой несоответствия взглядов этого непримиримого и неутомимого революционера с интересами господствующего класса. Понятно также и то, что последовательно мыслящий буржуа скорее признает верными исторические идеи Маркса, чем его экономическую теорию: исторический материализм легче обезвредить, чем, например, учение о прибавочной стоимости. Это последнее, — которому один из самых выдающихся буржуазных «критиков» Маркса дал выразительное название теории эксплоатации, — навсегда сохранит за собою в образованных и ученых кругах буржуазии репутацию неосновательного. Экономической теории Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитают «суб'ективную» экономическую теорию, имеющую то хорошее свойство, что явления экономической жизни общества рассматриваются ею вне всякой связи их с его производственными отношениями, в которых коренится источник эксплоатации пролетариата буржуазией и напоминать о которых очень неудобно поэтому теперь, когда классовое самосознание рабочих подвигается вперед такими быстрыми шагами.

* Из новейших авторов упомянем Бюхера, фон-дер-Штейнена, Гильдебранда, Эспинаса, Гёрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и целую школу американских этнологов.

Экономические, исторические и философские идеи Маркса могут быть приняты во всей грозной полноте их революционного содержания только идеологами пролетариата, классовый интерес которого связан не с сохранением, а с устранением капиталистического порядка, с социальной революцией...

[Г. Плеханов]

САМОДЕРЖАВИЕ КОЛЕБЛЕТСЯ...

Самодержавие колеблется. Самодержец сам признается в этом публично перед народом. Таково громадное значение царского манифеста от 26 февраля [4], и никакие условные фразы, никакие оговорки и отговорки, переполняющие манифест, не изменят исторического значения сделанного шага.

Царь начинает по-старому—пока еще по-старому—«божиею милостью»... и кончает полутрусливым, полулицемерным обращением за помощью к людям, облеченным доверием общественным. Царь чувствует уже сам, что безвозвратно проходят те времена, когда могло держаться на Руси правительство божиею милостью, что единственным прочным правительством в России может быть отныне правительство волею народа.

Царь подтверждает свой священный обет хранить вековые устои российской державы. В переводе с казенного на русский язык это значит: хранить самодержавие. Некогда Александр III заявил это не обинуясь и прямо (в манифесте от 29 апреля 1881 года), когда революционное движение шло на убыль и падало. Ныне, когда боевой клич «долой самодержавие» раздается все громче и все внушительнее, Николай II предпочитает прикрывать свое заявление маленьким фиговым листком и стыдливо ссылаться на незабвенного родителя. Бессмысленная и презренная уловка! Вопрос поставлен прямо и вынесен на улицу: быть или не быть самодержавию. И всякое обещание «реформ», — с позволения сказать, «реформ»! — начинающееся обещанием хранить самодержавие, есть вопиющая ложь, издевка над русским народом. Но нет лучшего повода для всенародного изобличения правительственной власти, как обращение самой этой власти ко всему народу с лицемерными и фальшивыми обещаниями.

Царь говорит (опять-таки с фиговым листком) о революционном движении, жалуясь на то, что «смута» мешает работе над улучшением народного благосостояния, что она волнует умы, что она отрывает народ от производительного труда, что она губит силы, дорогие царскому сердцу, губит молодые силы, необходимые для родины. И вот, так как гибнущие участники революционного движения дороги царскому сердцу, поэтому царь тут же и обещает строго пресекать всякое уклонение от нормального хода общественной жизни, т. е. свирепо преследовать за свободное слово, за рабочие стачки, за народные демонстрации.

Этого довольно... Этого слишком довольно. Иезуитская речь говорит сама за себя. Мы осмелимся только выразить уверенность, что это «царское слово», разойдясь по всем уголкам и захолустьям России, будет самой великолепной агитацией в пользу революционных требований. У кого осталась хоть капля чести, в том это царское слово может вызвать один ответ: требование безусловного и немедленного освобождения всех, отбывающих по суду или без суда, после приговора или до приговора, тюремное заключение, ссылку или арест по

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

IV. Пролетариат и крестьянство «на Западе».

(Продолжение.)

Теперь перенесемся в Италию и посмотрим, как обстоит дело с движением тамошнего крестьянства.

Из очень известной книги Наполеона Колаяни мы узнаем (стр. 19), что «официальной» программой сицилийских рабочих союзов служит «программа итальянских рабочих, программа марксовой школы» *. Надеемся, что это обстоятельство даже расторопным г. Ю. Гарденину не может быть использовано как довод против марксизма. Но ведь тут говорится об официальной программе: ясно, что, по мнению Колаяни, есть еще какая-то другая программа, не признанная вожаками движения, но зато, может быть, более соответствующая взглядам и стремлениям сицилийского крестьянства. Каково же содержание этой программы? Колаяни характеризует ее словами некоего Энея Кавальери, который говорит, что в сущности сицилийские Fasci являются «обществами сопротивления» вроде английских трэд-юнионов (стр. 21). Но что же такое английский трэд-юнион? Это — организация, имеющая целью улучшить положение рабочего как продавца рабочей силы. Если рабочие, принадлежащие к такой организации, не идут в своих стремлениях дальше этой цели, то они тем самым показывают, что ими еще не сознается истинное положение их класса и определяемая этим положением революционная общественная задача. Таких рабочих можно и должно признать людьми ограниченными; но и этим ограниченным людям не следует приписывать таких стремлений, каких они вовсе не имеют: нельзя выставлять их защитниками мелкого производства. «Чистый трэд-юнионист» стоит на пролетарской точке зрения, хотя по свойственной ему близорукости он и не способен охватить своим взглядом всю, открывающуюся оттуда величественную перспективу. Следовательно, даже если Колаяни прав, если «официальная» марксистская программа признавалась только вожаками сицилийских союзов, между тем как масса не шла дальше своеобразного трэд-юнионизма, то и тогда наша «догма» остается незыблемой; и тогда мы сохраняем полное право повторить, что в нынешнем обществе движение земледельцев может быть прогрессивным только в том случае, если они покидают точку зрения мелких собственников и переходят на точку зрения пролетариев.

Вообще необходимо помнить, что сицилийское движение может быть названо крестьянским только с большими оговорками. За исключением небольшой береговой полосы, которая идет от Марсалы через Палермо и Мес-

* Il programma della scuola marxista.

политическим и религиозным делам и делам о стачках и сопротивлении властям.

Мы видели, каким двуличным языком говорит царь. Посмотрим теперь, о чем он говорит.

Главным образом о трех предметах. Во-первых, о веротерпимости. Должны быть подтверждены и закреплены наши основные законы, обеспечивающие свободу вероисповедания для всех вероучений. Но православное вероисповедание должно пребыть господствующим. Во-вторых, царь говорит о пересмотре законов, касающихся сельского состояния, об участии в этом пересмотре лиц, пользующихся доверием общества, о совместной работе всех подданных над укреплением нравственных начал в семье, школе и общественной жизни. В-третьих, об облегчении выхода крестьян из их обществ, об освобождении крестьян от стеснительной круговой поруки.

На три заявления, обещания, предложения Николая II русская социал-демократия отвечает тремя требованиями, которые она давно уже выставила, всегда защищала и всеми силами распространяла и которые надо особенно внушительно подтвердить теперь в связи с царским манифестом и в ответ на него.

Во-первых, мы требуем немедленного и безусловного признания законом свободы сходок, свободы печати и амнистии всех «политиков» и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не об'явлена свобода сходок, слова и печати, — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! Долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови.

Во-вторых, мы требуем созыва всенародного Учредительного Собрания, которое должно быть выбрано всеми гражданами без из'ятий и которое должно установить в России выборную форму правления. Довольно этой игры в совещания местных людей, в помещичьи парламенты при губернаторах, в представительное правление господ предводителей (а, может быть, и делегатов еще?) дворянства! Довольно уже забавлялось всевластное чиновничество со всякими земствами, как кошка с мышью, то отпуская, то лаская их своими бархатными лапками! Пока не созвано всенародное собрание депутатов, — до тех пор ложью и ложью будут всякие слова о доверии общества, о нравственных началах общественной жизни. До тех пор не ослабнет революционная борьба русского рабочего класса с русским самодержавием.

В-третьих, мы требуем немедленного и безусловного признания законом полной равноправности крестьян со всеми остальными сословиями и созыва крестьянских комитетов для уничтожения всех остатков крепостного права в деревне, для принятия серьезных мер к улучшению положения крестьянства.

Бесправие крестьянства, составляющего девять десятых населения России, не может быть терпимо ни одного дня далее. От этого бесправия страдает и весь рабочий класс и вся страна; на этом бесправии держится вся азиатчина в русской жизни; от этого бесправия проходят бесследно (или со вредом для крестьян) все и всяческие совещания и комиссии. Царь и теперь хочет отделаться прежними «совещаниями» чиновников и дворян, царь говорит даже о «сильной власти» для руководства трудами местных людей. Крестьяне знают

сину до Катании и от Катании до Этны и в которой преобладает мелкая поземельная собственность и половничество, на всем остальном пространстве «благодатного острова» господствует крупное землевладение и земледельцы являются настоящими пролетариями *. Заметьте еще, что в области, отличающейся преобладанием половничества и мелкой собственности, союзы были распространены гораздо менее, чем в пролетарских местностях (там же, стр. 59). Это интересное явление, кажется, говорит тоже не против марксизма; вероятно, по этой причине г. Гарденин и не счел нужным довести о нем до сведения своих читателей.

Так называемое крестьянское движение на итальянском полуострове тоже в весьма значительной степени имеет чисто пролетарский характер: союзы крестьян и там чаще всего являются обществами сопротивления, стремящимися обеспечить сельскохозяйственному рабочему возможно более выгодные условия продажи его рабочей силы. В доказательство сошлемся на брошюру Иваное Бономи и Карло Веццани ** и на брошюру Джиожани Монтемартини ***. «Крестьянские» союзы всего чаще и называются союзами «для улучшения» (условий найма) *.

Обо всем этом г. Ю. Гарденин хранит в своей статье самое глубокое молчание, а редакция «Вестника Русской Революции» тоже не находит нужным сказать по этому поводу хотя бы одно маленькое словечко. Молчаливость доходит у них в этом случае до курьеза, который не мешает отметить.

Желая пристыдить нас той «позицией», которую «заняли в аграрном вопросе» итальянские социалисты, г. Ю. Гарденин указывает на решение, принятое Болонским конгрессом сельских рабочих, состоявшимся в конце 1901 года. Вот какой вид принимает у него это решение:

«принимая во внимание, что, несмотря на очевидные различия, разделяющие земледельческих работников, — трудящихся за плату, трудящихся из доли урожая, мелких арендаторов и мелких крестьян - собственников, — все земледельческие работники подвергаются одинаковой эксплоатации как со стороны частных лиц, так и со стороны государства;

«принимая во внимание, что только деятельность всех эксплоатируемых, основанная на гуманистическом и цивилизующем принципе солидарности, может обеспечить делу морального, политического и хозяйственного освобождения трудящегося класса достаточную силу и вес, —

---

* Colajani, «Gei Avvenimenti», pp. 58—65.

** «Il movimento proletario nil mantovano», Milano 1901».

*** «Le leghe di miglioramento fra i contadini nell'oltrepo pavese».

* «Le leghe di miglioramento».

очень хорошо на примере земских начальников, что значит эта «сильная власть». Крестьяне недаром прожили сорок лет нужды, нищеты и постоянного голодания после благодеяния дворянских комитетов. Крестьяне поймут теперь, что всякие «реформы» и улучшения останутся обманом, если они не проведены самими крестьянами же. Крестьяне поймут, — и мы поможем им понять, — что только крестьянские комитеты способны уничтожить действительно не одну круговую поруку, а все и всякие остатки барщины и крепостного права, гнетущие вплоть до двадцатого века десятки миллионов народа. Городским рабочим вполне достаточно свободы сходок и свободы печати: мы уже сумеем использовать эти свободы!! Но крестьянам, разбросанным по захолустьям, забитым и одичалым, этого мало, — и рабочие должны помочь им, должны раз'яснить им, что они неминуемо и неизбежно останутся жалкими рабами, пока не возьмут сами в свои руки своей судьбы, пока не добьются, как первого и основного шага, учреждения крестьянских комитетов для действительного, а не обманного освобождения крестьянства.

Давно уже замечено опытными и умными людьми, что нет опаснее момента для правительства в революционную эпоху, как начало уступок, начало колебаний. Русская политическая жизнь последних лет блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебание в вопросе о рабочем движении, дав ход зубатовщине,— и оскандалилось, сыграв прекрасно на-руку революционной агитации. Правительство хотело-было уступить в студенческом вопросе — и оскандалилось, подвинув семимильными шагами революционизирование студенчества. Правительство повторяет теперь тот же прием в широких размерах по отношению ко всем вопросам внутренней политики, — и оно неминуемо оскандалится, неминуемо облегчит, усилит и разовьет революционный натиск на самодержавие!

* * *

Нам необходимо еще остановиться на практическом вопросе о том, как воспользоваться царским манифестом 26 февраля для агитации. Русские социал-демократы давно уже давали этот ответ на вопрос о средствах борьбы: организация и агитация, — и их не смущали насмешки наивных людей, находивших это «неопределенным» и считающих «определенными» средствами только выстрелы. И вот в такие моменты, как теперь, когда перед нами внезапно встает такой благодарный, так настоятельно требующий напряжения всех сил повод для всенародной агитации, — в такие минуты особенно чувствуется недочет в этом, попрежнему в этом, все в этом же самом: в организованности, в способности быстро развернуть агитацию.

Но мы еще наверстаем и не раз наверстаем потерянное!

Мы должны прежде всего ответить на манифест 26 февраля листками общерусскими и местными. Если прежде листки выходили по всей Руси в десятках тысяч экземпляров, пусть теперь они будут распространены в миллионах экземпляров, чтобы весь народ узнал ответ русского сознательного пролетариата на царское обращение к народу, чтобы все видели наши определенные, практические требования в сопоставлении с речью царя на ту же тему.

Далее. Мы не должны допустить, чтобы одни только легальные собрания благонамеренных земцев и дворян, купцов и профессоров и пр. и пр. отвечали с благого-

---

«конгресс сельских работников высказывается за необходимость об'единить в одном национальном союзе все кооперативные и профессиональные товарищества: именно организации тех работников, которые охватывают на основе классовой борьбы совокупность следующих трудящихся классов: сельских батраков и чернорабочих, издольщиков, мелких арендаторов и крестьян, если последние самолично обрабатывают свою собственную или арендованную землю» *.

Тут на первый взгляд кажется, что «позиция» итальянских социалистов резко расходится с «позицией» марксистов: мелкие производители должны быть об'единены в одном союзе с пролетариями. Но так кажется только на первый взгляд.

Во-первых, г. Гарденин привел неполный текст решения Болонского конгресса. В полном тексте находятся еще следующие очень важные строки: «что касается мелких арендаторов, издольщиков и арендаторов, то их прием в отдельные организации сельскохозяйственных рабочих должен зависеть от того, насколько они заинтересованы в тех улучшениях, которых эти организации добиваются» **.

На самом деле выходит, стало быть, так: существуют организации для защиты интересов сельскохозяйственных работников как продавцов рабочей силы; и в эти организации принимаются не только сельские пролетарии, но также и мелкие арендаторы, издольщики и собственники, поскольку они заинтересованы в борьбе этих организаций, т. е. поскольку им самим приходится продавать свою силу. Это совершенно естественно и необходимо. Но те лица, т. е. докладчики Болонского конгресса, которые предложили это решение, отнюдь не смешивали понятие «мелкий крестьянин» с понятием «пролетарий». Если бы они были повинны в таком смешении, то они не сделали бы оговорки, приведенной нами и опущенной г. Гарденины по свойственной ему молчаливости; они не сказали бы, что мелкие собственники и пр. принимаются лишь постольку и т. д.

Во-вторых, дополнение, предложенное Гатти и принятое громаднейшим большинством конгресса, предписывает, чтобы потребительные организации мелких собственников действовали по возможности солидарно с организациями сельскохозяйственных работников, но отдельно от них *. Это дополнение, о котором ни г. Гарденин, ни редакция «Вестника Р. Р.» тоже не сказали ни одного слова, с полной ясностью показывает, что итальянские социалисты очень хорошо понимают, как велика

---

* «Вестник Русской Революции», кн. 2-я, стр. 207—208.

** «Quanto ai piccoli fittavoli, mezzadrie proprietori, la loro accetazione nelle singole organizzazioni dei lavarotori della ferra deve ossere subordinata al fatto che essi siano interessati al miglioramento di quelle categorie cui le dette organizzazione si riferiscouo». «Avanti», 26/XI 1901.

* «Avanti», No, di 25/XI 1901.

вейным восторгом на манифест 26 февраля. Недостаточно и тех ответов, которые в листках дадут организации социал-демократов. Пусть в каждом кружке, на каждом собрании рабочих вырабатывается свой ответ, подтверждаются формально и торжественно требования социал-демократии. Пусть решения этих рабочих (а если и удастся, и крестьянских) собраний публикуются в местных листках и сообщаются в наши газеты. Пусть все знают, что только ответы самих рабочих и крестьян мы считаем народным ответом. Пусть теперь же начнут готовиться все кружки к тому, чтобы поддержать наши основные требования силою.

Затем, мы не должны допустить, чтобы благодарственные адресы царю вырабатывались на всяких собраниях без противодействия. Довольно уже подделывали русское народное мнение наши гг. либералы! Довольно лгали они, говоря не то, что они думают, говоря не то, что думает вся мыслящая и готовая к борьбе часть народа! Надо стараться проникать в их собрания, заявлять и там, возможно бодее широко, публично и открыто, свои мнения, свой протест против холопской благодарности, свой настоящий ответ царю, заявлять и распространением листков и, по мере возможности, публичными речами на всяких таких собраниях (хотя бы гг. председатели и пытались остановить такие речи).

Наконец, мы должны стараться вынести ответ рабочих и на улицу, заявить свои требования путем демонстрации, показать открыто численность и силу рабочих, сознательность и решительность их. Пусть предстоящая маевка вместе с общим заявлением наших пролетарских требований будет и особым, специальным, определенным ответом на манифест 26 февраля!

[Н. Ленин]

ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ.

От редакции. Печатаем письмо одного из осужденных в Нижнем-Новгороде рабочих-демонстрантов. Мы не решаемся назвать его имя, чтобы не подвергнуть опасности новых респрессалий со стороны врагов, во власти которых находится ныне наш самоотверженный товарищ. Близкие друзья, без сомнения, и без подписи узнают светлую личность писавшего. Для тех же, кто не знал автора лично, печатаемое здесь письмо явится завещанием всех тех, кто вместе с ним вырван из наших рядов, кто с такой же смелостью и беззаветностью продолжал на скамье подсудимых бороться за дело социал-демократии.

Мы хотели бы сказать несколько слов по поводу взглядов автора на роль подсудимых в политическом процессе. Теперь, когда правительство начало менять свою тактику в политических делах и судебное разбирательство может предстоять каждому социалисту, — весьма важно наметить правильную тактику, которой должны держаться на суде революционеры.

Протест против всякого чиновничьего суда должен быть заявлен нами в каждом отдельном случае — в этом автор прав. Но такой протест не требует «отказа от всякой защиты» и, тем более, от произнесения речей на суде. Наше участие в суде есть продолжение нашей борьбы на воле и, как в этой борьбе мы не ограничиваемся тем, что протестуем, но и разоблачаем в подробностях политику нашего врага и агитируем против него и в пользу наших идей, — так и на суде мы должны активно раскрывать всю гниль царского «правосудия» и развивать нашу программу. Вот почему участие в судебном следствии в целях разоблачения приемов жандармского дознания и пользование правом последнего слова — для защиты своих убеждений, — представляются важным орудием политической борьбы нашей партии, от употребления которого нам не приходится отказываться. Мы укажем здесь на пример такого политического деятеля, как Желябов. В процессе 1 марта Желябов протестовал против самого суда, но это ему не помешало воспользоваться всеми своими правами для продолжения борьбы и в течение судебного следствия и в защитительной речи. И было бы большим уроном для дела, если бы Воеводин, Заломов, Самылин и др. осу-

---

разница между пролетариями, с одной стороны, и мелкими крестьянами—с другой.

До какой степени ясно они понимают это, — видно из происходивших на Болонском конгрессе прений. Во время этих прений Энрико Ферри [5] — вождь левого крыла итальянских социалистов — прямо требовал, чтобы мелких собственников совсем не принимали в рабочие организации, а Филиппо Туратти [6] — вождь правого крыла — хотя и восстал против этого требования, но единственно потому, что, по его словам, мелкий собственник — наполовину рыба, наполовину птица; что иногда в нем преобладает один характер, а иногда — другой и что в каждом данном случае преобладание того или другого характера зависит от местных условий *. Принятое конгрессом решение ближе к «позиции» Туратти. Но эта «позиция» вполне согласна с нашей «догмой». Основная мысль хотя бы наших статей о пролетариате и крестьянстве на Западе именно к тому и сводится, что сельскохозяйственный производитель представляет собою «рыбу», пока имеющиеся у него средства производства обеспечивают ему экономическую самостоятельность, и становится отчасти «птицей», когда оказывается вынужденным время от времени продавать свою рабочую силу. И тогда в нем преобладает то характер «рыбы», то характер «птицы», смотря по тому, в какой мере он производит самостоятельно и в какой мере ему приходится работать по найму. Кто понял это, тот никогда не скажет,—как это говорят наши так называющиеся соц.-революционеры, — что мелкий крестьянин и пролетарий принадлежат к одному общественному классу. А именно это и «требуется доказать». Партия, старающаяся отождествить мелкого производителя с пролетарием, есть партия, мешающая пролетариату отделить свою «позицию» от «позиции» мелкой буржуазии. А мешать пролетариату сделать это — значит работать на пользу мелких буржуа и во вред рабочему классу. Поэтому... но вывод ясен даже и для тех, которые были удивлены тем, что «Искра» назвала наших «соц.-революционеров» мелкобуржуазной партией.

[Г. Плеханов]

---

* Ma in sezione separata da essi.

жденные сошли со сцены, не сказав своих последних агитационных речей. Что касается взгляда тех, которые подчеркивают необходимость «беречь силы для будущего», то само собою разумеется, что руководство исключительно одним этим соображением не может быть признано правильным. На суде революционер представляет, как-никак, перед известной частью общества свою партию и обязан выполнить эту роль с достоинством. Но это, конечно, еще не значит, что революционер при всяких условиях должен итти навстречу обвинению и собственными признаниями выручать судей из затруднительного положения, в какое они часто попадают, благодаря отсутствию материальных улик. А бесцеремонность наших обвинителей такова, что они не отказываются и не будут отказываться от привлечения к суду тех или других лиц на основании одного «внутреннего убеждения». Известно, что в саратовск. процессе одна из обвиняемых была осуждена благодаря тому, что заявила о своей солидарности с товарищами, хотя прокурор отказался от тех данных жандармского дознания, которые только имелись против нее. Очевидно, что в подобных случаях следует добиваться (кассацией) оправдания. Там, где можно суд заставить оправдать обвиняемого за недостатком улик, это должно быть сделано, ибо мы слишком бедны силами, чтобы отдавать их добровольно во власть врага. Дело такта революционера, дело его революционного чутья — понять, когда чисто-юридическая почва самозащиты должна быть покинута...

Мы надеемся, что партия наша займется этим важным вопросом. Пока же пожелаем широкого распространения печатаемому нами письму «из-за решетки», которое не одного молодого борца заразит своим идеалистическим энтузиазмом.

* * *

«Здравствуйте, товарищи! Шлю вам свой горячий привет и лучшие пожелания. Нас долго занимал вопрос о кассации. Думали, что кассация необходима для того, чтобы лишний раз показать, что у нас нет законов, что у нас царит произвол и что даже такое высшее судебное учреждение, как сенат, является простым орудием в руках правительства и что он готов каждую минуту в корень нарушить даже те законы, хранителем которых он является. Разбирая полезность кассации с этой стороны, мы упустили из виду, что она может дурно подействовать на малосознательные массы, которые не смогут разобраться в юридических тонкостях и припишут нам желание, которого у нас нет и не было, а именно желание смягчить свою участь. Подобное последствие, как роняющее настроение, созданное демонстрацией, разумеется, для нас страшно нежелательно, и когда мы лучше разобрались в этом вопросе, то решительно отказались от кассации. Подали кассацию только те лица, которые на суде не признали себя сознательными участниками демонстрации. Не знаю, как вы находите мою речь; я, со своей стороны, очень ею недоволен. Она недостаточно продумана и в некоторых местах прямо натянута. Постараюсь об'яснить вам, отчего она вышла у меня неудовлетворительной. Надо вам сказать, что я вообще против тактики, которой мы держались на суде, и примкнул к ней чисто из чувства товарищества. Я сначала вдвоем, а потом один против всех, отстаивал совершенно противоположную тактику. Я настаивал на том, что мы должны отказаться от всякой защиты, что должны сами заявить на суде о том, что не признаем над собою никакого суда, что всякий суд над собой признаем насилием, а судей — простым орудием в руках правительства, которое не останавливается ни перед какими средствами, чтобы сломить своих врагов. Я думал раньше и теперь так думаю, что при такой тактике получилось бы более яркое и сильное впечатление от всего нашего процесса. И мой совет товарищам держаться в будущем подобной тактики. Вам, наверное, интересно знать, как пришло большинство осужденных теперь к решению говорить на суде и как бы признать законность суда? У нас было три направления: первое, которого я придерживаюсь, я уже описал; второе заключалось в том, что мы, дескать, должны беречь свои силы для будущего и сделать все от нас зависящее, чтобы получить более мягкое наказание; третьим направлением было то, которого и держалось на суде большинство осужденных. Споров, и самых оживленных, конечно, была масса, так что долго не могли притти к какому-нибудь определенному решению. Одно время думали, что само собой выйдет так, что мы окажемся без защитников. Как вам уже известно, в самый разгар наших разногласий у нас произошло столкновение с тюремной администрацией, кончившееся голодовкой. Мы отказались тогда не только от пищи, но и от прогулок и от свиданий, а следовательно, связь наша с внешним миром была нарушена. Для подачи заявления о желании иметь защитника нам дали недельный срок и он мог пройти раньше того времени, когда мы вновь могли бы сноситься с внешним миром. Итак, мы думали, что голодовка затянется и мы не будем иметь возможности снестись с адвокатами и вопрос о защите падет сам собой. Я был отправлен в больницу и попал в тюрьму как раз в последний день срока, в который можно заявить о желании иметь защиту. Прибыв в тюрьму, я узнал, что все уже подали заявления и что, следовательно, в обоих процессах будет защита. Мое предложение было провалено, и я тоже присоединился к остальным. У нас было очень мало времени для того, чтобы как следует обдумать свои речи на суде. Я, например, набросал свою речь в самое последнее время в течение суток. О серьезной ее обработке не могло быть и речи, так как в воскресенье у нас были защитники, с которыми мы провели большую часть дня, а в понедельник нас подняли в четыре часа утра и отвели в суд. Еще одно обстоятельство мне сильно повредило. Защитники уверяли нас, что мы не должны допускать в своих речах никакой резкости и что в противном случае нас совсем могут лишить слова. Разумеется, раз уже мы пригласили защитников и решили говорить на суде, то нам во что бы то ни стало надо было высказаться. Пришлось приспособляться, стараться придать речи более мягкую форму и в то же время все сказать. А знаете вы басню Крылова, в которой говорится: „Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник“? Так и мы до некоторой степени взялись не за свое дело. Где же там у чертей мы привыкли речи говорить, а тут хочешь не хочешь, пришлось говорить! Мне теперь страшно досадно, что я не смог провести свой взгляд на суд и что не употребил все возможные, находящиеся у меня в руках средства. Ну, да теперь уже поздно, — „снявши голову, по волосам не плачут“! Вот если бы снова пришлось нам судиться! Я думаю, что нашим опытом воспользуются другие, идущие за нами.

«Мы теперь вычеркнуты из списка живых и опасаемся, что на менее сознательных рабочих полученное нами наказание произведет дурное впечатление, запугает их до некоторой степени. Я бы дорого дал за то, чтобы опасения эти не оправдались. Там, на воле, все представляется в более ужасном виде. На самом же деле все их наказания — сущие пустяки. Самое большее, что в их власти, это то, что они могут отнять у нас жизнь. Вот если бы они могли отнять у нас наши убеждения, — это было бы действительно ужасно. У нас против наших врагов имеется сильнейшее оружие, — это вера в правоту нашего дела, вера в близкую победу, вера, что на наше место встанут товарищи, более сильные духом, чем мы, вера в то, что с каждым днем число борцов за свободу и справедливость увеличивается и что борцы эти на полдороге не остановятся, доведут свое дело до конца и отдадут всю свою кровь до капли за наше дело. Я скажу вам, что за все время моего сидения в тюрьме ни разу мной не овладевала слабость, — напротив, настроение все время повышенное. Я только жалел, что не получил образования, так как образованный человек может сделать гораздо больше, чем малоразвитый, а я чувствую за собой слабость в этом отношении. Я теперь совершенно убедился, что тюрьма не в состоянии сломить ни энергии, ни силы убеждения; она, напротив, закаляет человека, делает его более непримиримым — и я говорю не по теории, а сам на себе испытавши все это. Я жалею об одном: что так мало могу дать нашему родному делу — дать только одну жизнь!.. Я бы пошел теперь на муки, на пытки, а мне дали... всего вечную ссылку.

«Шлю я всем товарищам свой горячий, братский привет. Пусть меня лихом не поминают. Я знаю, что делал много ошибок, знаю, что мной многие были недовольны. Меня можно упрекнуть во многом, но если я и поступал иногда, не согласуясь с мнением своих товарищей, то мной руководило исключительно желание больше сделать для общего великого дела. В этом деле заключается весь смысл, вся цель, все наиболее страстные желания моей жизни.

«Да! Я теперь вычеркнут из жизни! Но пока у меня останется хоть капля крови, во мне не умрет неудержимо-страстное стремление к свободе, не умрет твердая вера в нашу неизбежную победу над врагом. Да! Жизнь идет вперед. Она требует все больше и больше самоотверженности и стойкости у борцов за свободу. И мы пойдем ей навстречу, товарищи; мы отдадим ей все наши лучшие силы без остатка. Счастливцы мы, что живем в такое славное время. Нам не приходится искать пути в беспросветном мраке, как приходилось это делать людям, расчищавшим нам путь. Нас не мучают сомнения, то ли дело мы делаем, которое нужно, необходимо для блага народа. Перед нами лежит широкая прямая дорога, в конце которой виден вход в более светлую жизнь. Правда, — на этой дороге много препятствий, но мы польем эту дорогу своею кровью и заполним рытвины своими телами, и ничто уже не остановит победного шествия борцов за народное счастье и свободу. Да! счастливы мы, что не родились сотней лет позднее, что имеем возможность отдать свои слабые силы за дело и счастье всего человечества!

«Что еще сказать вам? Я от всей души обнимаю своих товарищей по делу и желаю им больше счастья, больше успеха в их деле. Нравственная связь между нами никогда не порвется, хотя нас будут разделять громадные пространства. Крепко жму руки. Привет вам, смелые сердца!»

[Заломов]

О ДВУЛИКОЙ ДЕМОКРАТИИ.

Грандиозные митинги, изо дня в день сходящиеся под открытом небом, в виду леса штыков. Тысячи народа, внимающие речам оратора. Громада-толпа, сомкнувшая ряды вокруг трупа товарища. Громада, дерущаяся как лев, ломая казацкие пики, обезоруживая неприятеля...

Мы не знаем в истории нашего движения другого момента, равного — по трагической красоте и историческому смыслу — этой провинциальной стачке!

А между тем посмотрите: ростовская стачка проходит, на добрую долю, мимо сознания современного зрителя. Как напряженно следила оппозиционная Россия 1896 года за всеми перипетиями петербургских событий. Стачка ткачей казалась своего рода откровением, прообразом возможного и близкого освобождения. Рабочий человек стал вдруг à l'ordre du jour [7], тем магнитом, к которому влекутся сердца и тянутся мысли.

Прошло шесть с половиной лет Молодое движение разрослось, окрепло. Одинокие когда-то побеги разветвились и покрыли своею сетью Россию. Где только высится фабричное здание и раздается заводский гудок, там с каждым днем все сильнее шевелится трудящаяся масса и все более разгорается революционный протест. И вот, наконец, эпопея в Ростове...

О происшедшем в Ростове говорят, как и говорят о многом другом в наше богатое новинками время: о сельскохозяйственных комитетах, о воронежских земцах, о выстреле Качура, об амнистии ссыльным студентам. Но странное дело: внимание демократии — вообще взбудораженное — регистрирует наше событие, не связывая с ним каких-либо повышенных надежд.

Почему же? Да потому, что вчерашний «магнит» потерял свою силу, потому что широкие слои интеллигенции, даже революционно-настроенной, ушли из сферы его притяжения. Конечно, пробуждающийся пролетариат — не прежнее неподвижное крестьянство, и ныне переживаемое демократией настроение во многом не походит на старый эпизод интеллигентного отказа от народа. Пролетариата — по нынешним временам — нельзя скинуть со счетов ни одной из разновидностей современных течений. Отсюда неизбежное следствие — специфическая форма новейшего «разочарования»: идея пролетариата, руководящего освободительной борьбой, сменяется идеей освободительной борьбы, в которой пролетариату отведено подчиненное место.

«Культурное и политическое освобождение России не может быть ни исключительно, ни преимущественно делом одного класса, одной партии, одного учения»,— говорит демократия устами литературного своего представителя — «разочарованного» г. Струве (см. «Освобождение» № 1).

«Что могут интеллигенция и пролетариат без крестьянства, а тем более вопреки крестьянству?» — спрашивает более активная часть той же демократии, так называемые социалисты-революционеры. И ответ гласит: ничего. Даже и в том случае, если крестьянство останется нейтральным, оно в лице своих сынов, одетых в солдатские мундиры, затушит поднявшийся пожар. Тогда один только «неуловимый и непобедимый» террор, быть может, спасет еще положение (см. «Революц. Россию» № 8, «От крестьянского союза партии социалистов-революционеров»).

Поворот в умах демократии — совершившийся факт. Но подготовлялся этот поворот исподволь, долго, рядом воздействий, бивших в одну точку, изменяя представление демократии о возможном соотношении общественных сил. Демократия весьма скоро заметила начинающееся брожение пролетариата — уже при первых его дебютах. Дебюты поразили ее, но не дали ей разумения. Она не понимала и не могла понимать движения, в существенных своих частях невидимого взору стороннего зрителя. Только нарочито острые и сравнительно редкие — особенно в начале движения — моменты выступали на свет широкой общественности. Наоборот, повседневные, будничные факты, те несчетные слагаемые, которые, суммируясь, и составляют душу движения, которые растят и формуют борцов, проходили, не оставляя следов в сознании, или представлялись малоинтересными, стоящими вне связи с основной мечтой демократии. И даже тогда, когда революционно-настроенная часть ее, уже много позже, сделала попытку подойти к рабочим массам, она принесла прежде всего свой груз демократического непонимания. В гордом сознании «революционного превосходства, она сумела лишь сверху вниз взглянуть на всю предшествовавшую ей «муравьиную», «почти культурную», «с двухвершковым размахом» работу и все «формы» многолетней пролетарской «борьбы»—ничто же сумняся— приравнять к «экономизму» *.

У демократии не нашлось элементарных предпосылок для понимания того механизма, при посредстве которого

* См. «Рев. Россию» № 6, ст. «Прежде и теперь», стр. 3 и 4.

совершается рост политического сознания в массах. У нее не оказалось и надлежащего масштаба для определения темпа рабочего движения. Движение выросло вширь и вглубь, но не произвело еще осязательного для всех эффекта. Рабочий становился с каждым днем все сознательнее, но готовый революционный боец не выходил из него — со вчера на сегодня — как Минерва из Юпитера. Ведь рабочий народ не демократическая интеллигенция, так легко воспламеняющаяся и так же легко потухающая. Идея, чтобы стать достоянием массы, должна войти в плоть и кровь этой массы, ощутиться ею как нечто конкретное. Естественно, что при таких условиях пробуждение рабочего класса казалось нестерпимо медлительным и уже, конечно, не отвечающим на те запросы, которые пред'являла к нему ищущая опоры демократия. Улита едет, когда-то будет! Интерес, первоначально возбужденный пролетариатом, слабел, и надежды, к нему приуроченные, облетали, что засохшие листья, по мере того как демократия сама начала шевелиться, а вновь возникающие центры брожения все более отвлекали к себе внимание. Студенческая среда явилась первым подобным центром. Как и вся демократия, она впитала в себя то возбуждение, которое шло к ней из рядов пролетариата, но, раз впитав, развила его в самостоятельное движение с большой притягательной силой и с долгое время нараставшим влиянием. В противоположность брожению рабочих масс, здесь все было значительно и важно для демократии. Каждый шаг находил себе резонанс, всякая мелочь подхватывалась молвою. Тысячи нитей пролегали между учащейся молодежью и оппозиционно-настроенным обществом. Все было свое, близкое, в чем каждый член этого общества заинтересован кровно, а не только отраженно, через посредство более или менее отдаленных целей. Что дальше, то больше дело молодежи становилось делом всей демократии. Вместе со студентами спустилась демократия на улицу. Вместе со студентами прошла через эволюцию борьбы, обостряющейся и не связанной органически с массами. Вместе болела она и вместе радовалась. Действительные или кажущиеся успехи движения подымали дух демократии, изменяли ее представление о собственных силах, о ее возможном значении.

Правда, полицейские репрессалии сыпались градом. Свободолюбивое студенчество исключалось, сдавалось в солдаты, ссылалось в Сибирь. И тем не менее в правительственной машине — при полном ходе назад — начинали чувствоваться как бы колебания. После хлещущей нагайки — эра сердечного попечения. Посреди оргии политических процессов — внезапная «амнистия» московским студентам. Враг не только крушит, но и обхаживает; не только куражится властью, но и пускается на военные хитрости — верный симптом не вполне уверенной в себе силы!

Опыт студенческого движения, обнадеживая, казалось, говорил о возможности самостоятельного пути демократического развития. Демократии нет необходимости приспособляться во что бы то ни стало к движению масс и ждать от масс решающего слова. Напротив того, — умело пользуясь массами и развивая в то же время собственную независимую программу действий, демократия скорее всего пристанет к заветной пристани конституционного режима.

И в самом деле, в связи с этим «опытом», привившимся на почве, удобренной разочарованием, стоит появление новейших веяний в русской демократии. Только освободив сознание от угнетавшего его призрака пролетарской гегемонии и демократического бессилия, демократия ощутила, наконец, в себе силы — освободить и свою логику из плена социалистической теории.

Вместе с ростом политического возбуждения, шедшего из очагов университетских волнений, демократию все сильнее охватывало равнодушно-скептическое отношение к интересам социалистического развития. Эмансипированному от пролетариата общественному слою не надо было более приспособлять социалистического учения к потребностям своей психологии. Вступив на путь «самостоятельного» действия, демократия выбрасывала за борт, как ненужный для своего полета балласт, все ранее занимавшие ее положения. Ненавистна, конечно, «ортодоксия»; но излишня, пожалуй, и «критика». Освобожденная демократия не нуждается в ином лозунге, как «бей самодержавие!», и признает лишь веления момента. Вот почему, как последняя переходная ступень к откровенному разрыву с обветшалой традицией, как своего рода приготовительный класс для формирующейся либеральной демократии, начал распространяться и приобретать значение в кругах интеллигенции тот вид покладистого — с позволения сказать — «социализма», который удачно сочетает размашистую революционную внешность — столь существенно необходимую для успеха в наше бурно-подвижное время — с пустопорожним нутром, наполняемым каждым по желанию. Но в то время, когда часть демократии еще хранит — как хранят иногда ни к чему непригодные, но почему-либо памятные вещи — безразличную оболочку социализма — во имя годами закреплявшейся связи между социалистическими тенденциями и революционным настроением русской молодежи, другая ее часть шествует бойко вперед по пути ликвидации старых понятий.

Мы рекомендуем товарищам обратить свое внимание на новейшую profession de foi [8] этой эмансипированной демократии. В 14 № «Освобождения» помещено «открытое письмо» сосланных в В. Сибирь студентов Москвы и Петербурга, — «всех, за исключением немногих». В этом письме нет, конечно, и зерна социализма, но нет и его суррогатов, зато есть последовательно проведенная точка зрения либеральной демократии, только что произведшей себя — под опьяняющим впечатлением студенческих историй — в «авангард» освободительной борьбы, в «высшего представителя русской культуры».

«Студенческие волнения, — говорит этот примечательный документ, — встряхивают все русское общество от его самых верхних командующих до глубоких и угнетенных слоев; ... Они делаются ярким и истинным выражением общественного мнения. Они приучают общество к тому, что создало славу и свободу Англии, — к мужественной борьбе за поруганное право; они заставляют правительство со скрытою боязнью задуматься над положением дела; они ставят ему преграду в его беспредельном и безудержном самовластии» (курсив наш). «Неумирающее студенческое движение — одно из лучших средств» к тому, чтобы «дать

понять» правительству «самым решительным образом», что оно должно уступить так или иначе: кто не подчиняется исторической необходимости, тот сметается ею с лица земли».

Интеллигенция — «авангард», народ — «армия» (там же), идущая за ним следом. Такова формула, подсказанная студенческим движением. Народ есть «стихийная могучая сила», без содействия которой не обойтись современному «авангарду», как нельзя войску, осаждающему вражескую крепость, обойтись без «стенобитных машин» и всяческой пиротехники. Народ — разящая дубина, демократическая интеллигенция — рука, направляющая эту дубину. И не только рука, но и самодовлеющий политический фактор, который заставляет правительство с «боязнью» задумываться, который «ставит преграды» его «самовластию», который представляет «одно из лучших средств» «дать понять» правительству о необходимости уступок. А раз это так, отчего бы демократии, отходящей от масс в сферу самостоятельного действия, не усовершенствовать своей «программы» и не применить к противнику тактики, столь свойственной меньшинству, вступившему на путь единоборства? Демократии, увидавшей в студенческих волнениях не больше, не меньше, как «преграду беспредельному и безудержному самовластию», нетрудно притти — рано или поздно — к террористическим выводам.

И она действительно пришла к этим выводам. Зрелище энергичных студенческих групп, действующих на собственный страх и производящих сенсацию в «обществе», создало ту психологическую основу, на которой расцвели террористические надежды демократии. Террор, явившийся в результате переместившегося внимания демократии от пролетарских масс к интеллигентному меньшинству, в свою очередь оказался весьма действительным средством для дальнейшего отвлечения демократии от задач рабочего движения. Не рабочее движение вынесет на плечах своих свободу России, а кучка решительных людей: она — эта кучка — «не позволит проливать народную кровь», она «заступится» за крестьян и рабочих, она «добьется», чтобы рабочее и крестьянское движение могло «свободно развиваться» (слова социалиста-революционера Качура, см. «Р. Р.» № 10).

Наконец, под впечатлением крестьянских бунтов, изменилось у демократии и самое представление массы. Крестьянская масса стала массой по преимуществу. Что значат какие-нибудь сотни тысяч рабочих перед многомиллионной громадой деревенского люда? Рабочий народ незаметно уходил из кругозора демократии, исчезая в необ'ятном море крестьянских голов, сократившись почти до размеров демократической интеллигенции. Демократия опять, как и в старые годы, связала с крестьянином свои комбинации на будущее. Истинный характер начинающегося движения, цели его и его отношение к борьбе пролетариата — эти вопросы стушевались все перед одним, основным и для демократии единственно важным — перед вопросом о политическом использовании крестьянского движения. Крестьянство — многоголосый хор, солистка — демократия, на фоне вторящего хора поющая собственную арию, — для такого политического сотрудничества годилось даже и стихийное, даже и малосознательное движение неорганизованных масс и численность крестьянской толпы становилась на первую очередь. Крестьянство приобретало для демократии специфическое значение, и сознательно или бессознательно изменялось отношение демократии к крестьянству. Она заражалась, как и встарь, «народолюбием» и обращалась к давно отвергнутым тезисам, потому что эти тезисы сплетались в ее представлении с возможною ролью крестьянства в предстоящем освобождении. Обрывки омертвелого народничества оживали и завоевывали себе почву в демократии, в среде, где, казалось, еще недавно покончили все расчеты с отжившим учением.

* * *

Мы набросали в предыдущем характеристику поворота, проделанного за последние годы демократией, — от пролетарской борьбы к самостоятельной деятельности. Но сама демократия есть клубок разнородных элементов, об'единяемых в одно целое общими чертами социального положения и обусловленной им психологии, с присущими, однако, каждому элементу индивидуальными особенностями, со способностью по-своему реагировать на привходящие изменения. Впечатления, вызвавшие демократический поворот, оседали в отдельных слоях демократии, своеобразно преломляясь в каждом из них и создавая то разнообразие форм и оттенков, которыми в настоящий момент так пестрит демократия. Все спутано в этом калейдоскопе, и не сразу улавливает глаз из-за поверхностных и проходящих настроений господствующие тенденции основного процесса. Не улавливает потому, что групповые — официальные — перегородки далеко не во всем совпадают с теми живыми перегородками, которые существуют между отдельными демократическими течениями в действительности, и случайные комбинации сегодняшнего дня передвигают перспективу, сближая разнородное и заставляя являться в различных партийных сочетаниях элементы одной формации. Демократия то еле виднеется, заслоненная фигурою умеренного земца, то утопает в потоках социалистической фразеологии. И все же, в этом хаосе оттенков нетрудно различить две основные разновидности — правый и левый фланги демократии.

Лица свободных профессий — адвокаты, врачи, литераторы, служащие в земских и других общественных учреждениях, — в большинстве поколение 90-х годов, — вот главный контингент демократической правой. В ней много бывших «марксистов» и бывших народников, вообще много бывших людей, растерявших свое credo [9], но подхваченных волной возбуждения. Не принимая непосредственного участия в эксплоатации труда капиталом и крестьянина помещиком, эта «правая» готова смотреть на крестьянские волнения подобно тому, как уже раньше смотрела на движение рабочих, — как на серьезное подсобное средство при расшатке самодержавных устоев. Плоть от плоти буржуазного строя, она достаточная, однако, реалистка, чтобы не пугаться и не брать всерьез какого бы то ни было «черного передела» и каких бы то ни было революционных деклараций «социалистов-революционеров»; и настолько в то же время дипломатична, чтобы, сочувствуя террористической сенсации, не подымать щекотливого вопроса о боевых способностях «боевой организации». Не вынося революционную со-

циал-демократию, она чувствует, наоборот, известную близость к так называемым социалистам-революционерам и, свободная от «предрассудков» социализма, проявляет широкую терпимость к этой слабости демократической левой.

Но у нее есть свой путь и своя собственная форма деятельности. Величайший скептик относительно масс, она полна романтизма по отношению к представителям имущих классов. Она верит в конституционную подоплеку будирующего агрария и в современных общественных организациях провидит тот единственный рычаг, который сдвинет самодержавную твердыню, подточенную всенародным движением. Стремясь приспособить к своим целям излюбленных земских людей, она — как истая оппортунистка — приспособляет свои цели к этим людям, и, презрительно косясь на «мавров» социал-демократии *, с восторгом идет на службу к «умеренным» земцам, — в «регистраторы» земской политической мысли **. Фальцетом г. П. Струве она выводит рулады, умильно поглядывая на новых друзей, в ожидании движения воды и ради прекрасных глаз гг. Стаховича и Шипова спешит заранее отречься от первичного требования демократии — от всеобщего избирательного права ***.

Если на демократическую правую наложило свою печать поколение 90-х годов, то характеризующими элементами для левой являются те слои интеллигенции, которые родились для сознательной жизни уже в бурный период последних лет, в разгар описанного нами поворота: такова демократия, вовлеченная в круговорот политических интересов недавними событиями, а до этих событий мирно дремавшая по градам и весям, далекая от арены пролетарской борьбы, но близкая запросам провинциального и деревенского укладов; такова же в особенности молодежь, выраставшая в атмосфере университетских волнений, с совершенно определенною ненавистью к самодержавно-полицейскому строю и со столь же неопределенным желанием — всего лучшего для мира.

Слагавшаяся в то время, когда события уже следовали за событиями и взволнованное чувство искало немедленного выхода, демократическая левая свободна от теории, которая неизбежно рисуется ей в виде мертвой абстракции, камнем висящей на живом организме борьбы. Она свободна и от идейной преемственности и не ведает даже того, что недавно еще было достоянием всего молодого поколения демократии. Русская демократическая интеллигенция в свое время очень много мудрила над революционным учением пролетариата, но одной стороной этого учения она воспользовалась в полной мере. Вооруженная его аргументацией, она справилась, наконец, с утопизмом, так долго тяготевшим над умами, и поколение, прошедшее через школу марксизма, навсегда застраховало себя от рецидива допотопного народничества. Многие из нынешних представителей демократической правой когда-то проходили эту выучку. Теперь они вельми приспособились и не прочь — при случае — воскурить фимиам тем «общественным соединениям» в крестьянстве, которые так близки душе социалиста-революционера, и охотно развили бы окрашенную крестьянофильством программу, если бы только испытующий взор Стаховича с компанией, покоясь на них, не прилеплял языка их к гортани. Но все-таки они прошли эту выучку, не все позабыли и уж, конечно, не способны поддаться фантому крестьянского движения, провозвещающего, якобы, демократическую — и совсем «не буржуазную революцию». Другое дело — демократическая левая, новичок на общественной сцене. Но и она, чтобы дойти до положения, в каком она находится в настоящий момент, принимая с благодарностью все, что ни подносится ей прыткими перьями социально-революционных писателей, должна была, выйдя из состояния политического небытия, вступить в полосу теоретического детства и беспринципной одичалости.

Только при условии такого «развития» становились возможными разговоры о том, что «ни один класс в России так не подталкивается к чисто политической борьбе, как именно крестьянство», что «экономические интересы крестьянства... все яснее им сознаются и складываются в еще туманном, еще неясном социальном идеале, до известной степени родственном своей тенденцией нашему собственному», что, «погружаясь в глубины крестьянского моря, мы как бы опускаем кристалл революционизма в раствор, пересыщенный для революционной кристаллизации» (см. «От Крестьянского Союза Партии Соц.-Рев.», «Рев. Россия» № 8, стр. 8 и 13).

Все эти «наглядные несообразности» проникают в среду демократической левой, — проникают потому, что представляются производными того пестрого и отнюдь не «догматического» направления, которое господствует над умами, являясь в своем культе террористической борьбы и интеллигентного «авангарда» лишь выражением стихийного освободительного порыва молодой демократии, а в своей идеализации крестьянства — ее вспыхнувшей надеждой на новый операционный базис. Террор и крестьянство — на этих двух устоях покоится идеология демократической левой.

Демократия умеренная и демократия революционно-настроенная — у каждой из них свой практический лозунг, свой излюбленный тактический прием. Они говорят на различных жаргонах и в то время как одна изощряется в дипломатично размеренных речах, другая не устает козырять своей революционностью. Тем не менее противоположности сходятся; подчеркнутые в литературе «противоположности» чувствуют общность той почвы, на которой стоят в действительности. Мы уже видели характерный документ — письмо ссыльных студентов, которому рукоплещет г. Струве за его либерализм и в котором однако так много мотивов, принадлежащих по праву «социально-революционным» писателям. Жизнь сближает отдельные части двуликой демократии и ставит зачастую наблюдателя перед затруднительным вопросом о том, где кончается «социалист-революционер» и где начинается сторонник «Освобождения».

Не так давно, об'являя об издании своей газеты, г. Струве обронил афоризм — об умеренных-отцах и ре-

---

* «Никогда ни в какой теории я ни в „мавры", ни в рабы или крепостные не поступал и поступить не был бы способен» (курсив наш), — писал г. Струве в июне 1901 года, раскланиваясь с русской социал-демократией (см. «М. Б.», ст. «Против ортодоксальной нетерпимости»).

** См. «Освобождение» № 1, «От редактора», стр. 6.

*** Статья была уже набрана, когда мы прочли в № 17 «Освоб.» о попытке демократической правой порвать свою компрометирующую связь с гг. Стаховичем и Шиповым. О новом либерально-демократическом курсе скажем в другой раз.

понять» правительству «самым решительным образом», что оно должно уступить так или иначе: кто не подчиняется исторической необходимости, тот сметается ею с лица земли».

Интеллигенция — «авангард», народ — «армия» (там же), идущая за ним следом. Такова формула, подсказанная студенческим движением. Народ есть «стихийная могучая сила», без содействия которой не обойтись современному «авангарду», как нельзя войску, осаждающему вражескую крепость, обойтись без «стенобитных машин» и всяческой пиротехники. Народ — разящая дубина, демократическая интеллигенция — рука, направляющая эту дубину. И не только рука, но и самодовлеющий политический фактор, который заставляет правительство с «боязнью» задумываться, который «ставит преграды» его «самовластию», который представляет «одно из лучших средств» «дать понять» правительству о необходимости уступок. А раз это так, отчего бы демократии, отходящей от масс в сферу самостоятельного действия, не усовершенствовать своей «программы» и не применить к противнику тактики, столь свойственной меньшинству, вступившему на путь единоборства? Демократии, увидавшей в студенческих волнениях не больше, не меньше, как «преграду беспредельному и безудержному самовластию», нетрудно притти — рано или поздно — к террористическим выводам.

И она действительно пришла к этим выводам. Зрелище энергичных студенческих групп, действующих на собственный страх и производящих сенсацию в «обществе», создало ту психологическую основу, на которой расцвели террористические надежды демократии. Террор, явившийся в результате переместившегося внимания демократии от пролетарских масс к интеллигентному меньшинству, в свою очередь оказался весьма действительным средством для дальнейшего отвлечения демократии от задач рабочего движения. Не рабочее движение вынесет на плечах своих свободу России, а кучка решительных людей: она — эта кучка — «не позволит проливать народную кровь», она «заступится» за крестьян и рабочих, она «добьется», чтобы рабочее и крестьянское движение могло «свободно развиваться» (слова социалиста-революционера Качура, см. «Р. Р.» № 10).

Наконец, под впечатлением крестьянских бунтов, изменилось у демократии и самое представление массы. Крестьянская масса стала массой по преимуществу. Что значат какие-нибудь сотни тысяч рабочих перед многомиллионной громадой деревенского люда? Рабочий народ незаметно уходил из кругозора демократии, исчезая в необ'ятном море крестьянских голов, сократившись почти до размеров демократической интеллигенции. Демократия опять, как и в старые годы, связала с крестьянином свои комбинации на будущее. Истинный характер начинающегося движения, цели его и его отношение к борьбе пролетариата — эти вопросы стушевались все перед одним, основным и для демократии единственно важным — перед вопросом о политическом использовании крестьянского движения. Крестьянство — многоголосый хор, солистка — демократия, на фоне вторящего хора поющая собственную арию, — для такого политического сотрудничества годилось даже и стихийное, даже и малосознательное движение неорганизованных масс и численность крестьянской толпы становилась на первую очередь. Крестьянство приобретало для демократии специфическое значение, и сознательно или бессознательно изменялось отношение демократии к крестьянству. Она заражалась, как и встарь, «народолюбием» и обращалась к давно отвергнутым тезисам, потому что эти тезисы сплетались в ее представлении с возможною ролью крестьянства в предстоящем освобождении. Обрывки омертвелого народничества оживали и завоевывали себе почву в демократии, в среде, где, казалось, еще недавно покончили все расчеты с отжившим учением.

* * *

Мы набросали в предыдущем характеристику поворота, проделанного за последние годы демократией, — от пролетарской борьбы к самостоятельной деятельности. Но сама демократия есть клубок разнородных элементов, об'единяемых в одно целое общими чертами социального положения и обусловленной им психологии, с присущими, однако, каждому элементу индивидуальными особенностями, со способностью по-своему реагировать на привходящие изменения. Впечатления, вызвавшие демократический поворот, оседали в отдельных слоях демократии, своеобразно преломляясь в каждом из них и создавая то разнообразие форм и оттенков, которыми в настоящий момент так пестрит демократия. Все спутано в этом калейдоскопе, и не сразу улавливает глаз из-за поверхностных и проходящих настроений господствующие тенденции основного процесса. Не улавливает потому, что групповые — официальные — перегородки далеко не во всем совпадают с теми живыми перегородками, которые существуют между отдельными демократическими течениями в действительности, и случайные комбинации сегодняшнего дня передвигают перспективу, сближая разнородное и заставляя являться в различных партийных сочетаниях элементы одной формации. Демократия то еле виднеется, заслоненная фигурою умеренного земца, то утопает в потоках социалистической фразеологии. И все же, в этом хаосе оттенков нетрудно различить две основные разновидности — правый и левый фланги демократии.

Лица свободных профессий — адвокаты, врачи, литераторы, служащие в земских и других общественных учреждениях, — в большинстве поколение 90-х годов, — вот главный контингент демократической правой. В ней много бывших «марксистов» и бывших народников, вообще много бывших людей, растерявших свое credo [9], но подхваченных волной возбуждения. Не принимая непосредственного участия в эксплоатации труда капиталом и крестьянина помещиком, эта «правая» готова смотреть на крестьянские волнения подобно тому, как уже раньше смотрела на движение рабочих, — как на серьезное подсобное средство при расшатке самодержавных устоев. Плоть от плоти буржуазного строя, она достаточная, однако, реалистка, чтобы не пугаться и не брать всерьез какого бы то ни было «черного передела» и каких бы то ни было революционных деклараций «социалистов-революционеров»; и настолько в то же время дипломатична, чтобы, сочувствуя террористической сенсации, не подымать щекотливого вопроса о боевых способностях «боевой организации». Не вынося революционную со-

пунктом социалистической программы, с'езд находит желательным возможно широкую пропаганду социалистических идей среди студентов. Последнее необходимо для ясного понимания роли и степени участия пролетариата в нашем движении. Для лучшего достижения этой цели с'езд находит желательным учреждение при всех высших учебных заведениях постоянных организационных комитетов, состоящих в сношениях с местными Комитетами Российской Социал-Демократической Партии, к которым с'езд обращается с предложением оказать содействие проектируемым организациям».

И эту резолюцию мы называли политически-целесообразным актом, ибо, поскольку студенчество выступает «на почве борьбы за политическую свободу», оно не может не искать поддержки у революционной партии, которая боролась до него, которая борется впереди него, — поскольку оно вступает в мир социалитических идей, оно не может не искать руководства у партии, опирающейся на принципы научного социализма. Может быть, социалисты-революционеры скажут, что такую политическую поддержку и такое идейное руководство могут представить они сами? Прекрасно! Но ведь этим не обходится вопрос о выборе? Да и нельзя его обойти. Помните, что «революционная партия» — только понятие, только отвлечение. Такой партии нет. Есть партия социал-демократическая, есть партия социалистов-революционеров. Можно «сходиться с обеими партиями на почве борьбы за полит. свободу, но нельзя зараз становиться к обеим в определенные организационные отношения, раз между самими партиями не существует организационной связи. Можно об этом жалеть, можно это порицать, но нельзя это игнорировать. Нельзя забывать, что политический союз — как бы он скромен ни был — налагает на обе стороны определенные политические обязательства. Студенческий с'езд вполне правильно поставил вопрос на почву постоянных «сношений», на почву политического союза, сказали бы мы, если б это не было слишком громко. Отсюда он необходимо должен был притти к вопросу: союза — с кем? И политический разум заставил его обратиться в сторону социал-демократии. Прежние студенческие с'езды не делали таких разграничений, жалуется «Рев.. Росс.» Прежние с'езды... Но ведь они происходили до вашего рождения, коллега. Тогда не было необходимости выбора, ибо не было возможности выбора. Вас не было. Социал-демократия была одинокой.

Нет, мы совсем не джеки-потрошители всяких «самостоятельных, нам не подчиненных» групп — не пожиратели организаций, основанных на «общестуденческом деле» — «освободительной борьбе с самодержавным режимом». Но мы находим нужным за комбинацией слов искать комбинации понятий. «Борьба с самодержавным режимом»? — несомненно, эта задача лишь с большими оговорками может быть названа «общестуденческим делом». Когда союзные советы обслуживали нужды взаимопомощи студентов, — они не переходили за порог университета. Когда лозунгом организованного студенчества стало требование отмены временных правил или восстановления устава 1863 г., — движение все еще оставалось чисто «академическим». Но репрессии совершали свое воспитующее дело. Школа русской военной службы сделалась для студента военной школой русской революции. В начале прошлого года движение стало уверенной ногою на революционно-политическую почву. С этого момента оно перестало быть общестуденческим, оно стало общедемократическим. Но оно перестало быть и общестуденческим, так как выступление на широкую арену демократической борьбы было связано с расколом в среде оппозиционного студенчества: «академики» с протестами оставляли сходки, на которых принимались революционно-политические резолюции. И мы спрашиваем нашего грозного, но несправедливого обличителя со страниц «Рев. Росс.»: как он оценивает этот раскол? И какая из расколовшихся сторон играла прогрессивную роль: та ли, которая требовала, чтобы во имя «студенческого дела» студенты не переходили на почву политики и не изменяли «трудному делу солидарной работы», — или другая, с легким сердцем усвоившая «ремесло раз'единений и расколов»? Мы боимся, что этот вопрос может поселить «раскол» даже в девственно-примирительном сердце нашего критика...

Пойдем далее. Киевский Союзный Совет не удержался на голой почве резолюций 1902 г. — да и не мог удержаться: его толкала внутренняя логика революционной работы. Выдвинув радикальную демократическую программу, студенчество стало лицом к лицу с задачами революционной тактики. К этому времени благополучно родилась Боевая Организация, — и студенчеству пришлось решать вопрос о систематическом терроре. Киевский Союзный Совет сказал свое террористическое «да» *. Тем самым он сказал социал-демократии свое «нет». Это его право. Но не перенес ли он «междуфракционные» разногласия в «общестуденческое дело»? И мог ли он их не перенести? И нет ли тут ущерба так называемой «дружной и солидарной работе»? Или ущерб устраняется наивно-политиканским заявлением, что «студенчество не может отдавать предпочтения»?..

А сама «Рев. Росс.» — об'ясняет ли она оберегаемому ею от раскольников студенчеству весь вред террористических тяготений, от них же разделение, раз'единение и дезорганизация, — ибо, насколько известно, террор не составляет «общестуденческого дела»? Нет, не об'ясняет. Наоборот, она находит, что студенчество «высказало политическое чутье, выдвинув из своей среды героя — Карповича». Конечно, в этой полумистической, полусимволической фразе нет никакого содержания. Но цель ее, разумеется, — поощрить студенчество к дальнейшим проявлениям «политического чутья». Насколько нам известно, террор не принадлежит к тем пунктам революционной тактики, которые способствуют всеобщему «при-

* См. прокламацию Союзного Совета от 3 ноября, в которой повествуется, как «партия соц.-рев., признающая, наряду с другими средствами борьбы, террор, решила выделить из себя «Боевую Организацию», которая занялась бы устранением наиболее вредных представителей правительства»... Совсем как в передовицах «Рев. Росс.». Но любопытно вот что: последний студенческий с'езд, искавший сближения с соц.-дем., оказался виновным в том, что «увлекся случайным подбором лиц известного направления на с'езде» (№ 17). Не виновен ли в том же и Киевский Союзный Совет? Беспристрастное мнение «Рев. Росс.» значительно помогло бы уяснению этого интересного вопроса.

мирению». Не думает же «Рев. Росс.», что террористическое «чутье» успело сделаться «внефракционным» качеством?

Конечно, не думает — и, тем не менее, выражает надежду, что «социалистическая часть студенчества будет стремиться... чтобы студенчество поддерживало всеми силами все проявления освободительной и (?) революционной борьбы — будут ли то рабочие демонстрации, террористические акты (курсив наш) вроде Карповича или Балмашева и т. п.». Далее, от той же «Рев. Росс.» мы слышали, что «рабочие демонстрации» могут оказывать деморализующее влияние и что до поры до времени их уместно заменить «террористическими актами, вроде Карповича или Балмашева». Социал-демократия этого не думает. Как же быть опекаемому студенчеству, которое не может «отдавать предпочтение»?..

Да, пора читателям «Рев. Росс.» расшифровать немудрые «примирительные» шифры органа «партии соц.-рев.». Пора понять, как пустошны, как фальшивы безбрежные речи о «примирении» и «об'единении» со стороны тех людей, которые по всей линии ведут ожесточенную борьбу против пролетарского мировоззрения!..

Всюду и везде они стараются сеять скептицизм, голый скептицизм к основам научного социализма и к методам классовой пролетарской борьбы, — и эту свою «критическую» работу они прикрывают глубокомысленно-авторитетными фразами на тему о том, что «самостоятельно выработанные убеждения» важнее «легко наклеиваемых фракционных ярлыков», что «революционные организации (не в пример «Искре») могут приветствовать развитие об'единенного студенческого движения» и пр. и пр. По поводу этих банальностей мы можем лишь с недоумением пожать плечами и подивиться, как это мыслящие люди могут не задохнуться в атмосфере, насквозь пропитанной азбучными испарениями?

[Н. Троцкий]

ГОЛОС РАБОЧЕГО.

«Что нам более всего нужно?», под этим заглавием было помещено письмо в изданной ред. «Свободы» брошюре: «Рабочие и интеллигенция». Авторы этого письма стараются доказать необходимость изгнания интеллигенции из рабочей среды и для этого приводят слова Маркса: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Замечательно то, что многие места самой статьи отрицают смысл всей оной. Возьмем хотя бы слова, которыми она начинается: освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих. Великолепная мысль! Да, было бы безумием желать, чтобы в рабочем деле принимали участие враги рабочего класса; но это еще не значит, что мы должны выгнать всех тех социалистов, которые не занимаются физическим трудом. Если мы так будем думать, то мы скорее окажемся сектантами, чем социалистами. Мы, как партия социалистов, принимаем всех тех, кто сочувствует нашему делу, мы не хотим знать, к какому классу человек принадлежит по рождению, раз мы знаем, что он социалист. Главная беда в том, что многие не понимают, что такое рабочие и интеллигенция, и проводят резкую грань между ними. Но если мы себе выясним, что под словом «интеллигент» мы не подразумеваем известную форму, оболочку, ярлычок, а сознательного человека, т. е. человека, который мог бы быть руководителем, организатором, агитатором, пропагандистом, тогда мы свободно эту грань можем стереть и заколдованное слово «интеллигент», что так пугает питерского корреспондента, игнорировать. Конечно, в нашу среду часто попадают буржуазные интеллигенты, которые действительно не обращают никакого внимания на дело. Но ведь это только волки в овчарне! Но если таковые оказываются в наших центрах, то из этого отнюдь не следует сказать, что мы должны выгнать всех социалистов, которые не имеют мозолей на руках. Напрасно авторы стараются об'яснить все наши неустройства тем, что в организациях сидят интеллигенты. Если бы авторы обвинительного акта не страдали куриной слепотой, то они весьма легко могли бы убедиться в том, что наша организация получает сильные тормозы не потому, что интеллигенты стоят во главе наших центров, а потому, что мы до сих пор еще находимся на ступени кустарничества, у нас нет надлежащей организации, организация наша не централистическая, а мелко-кустарническая. Но мысль о необходимости централизации расстраивает автору нервы. Он знает, что у нас часто отсутствует необходимая конспирация, он советует комитету действовать особенно осторожно, но это не мешает ему патетически восклицать по адресу сторонников централизации: «Как можно вносить царизм в дело свободы!»

Самый большой грех интеллигентов, по мнению автора письма, состоит в том, что они отрицают самодеятельность рабочих. Но если в этом можно упрекнуть какой-либо из органов, то уж не «Искру» и не «Зарю», ибо кто первый, если не «Искра», указал на необходимость выработать из рабочей среды организаторов, агитаторов, пропагандистов? «Искра» и говорит, что мы должны посвятить все наши силы выработке таких рабочих, которые могли бы с успехом выполнять роль членов комитетов. Кто знает, как сложна работа правильно действующей организации, как многообразны и разнообразны ее функции, тот поймет, что в такой работе, направляемой понимающим свои задачи Комитетом, масса будет принимать самое активное участие. Поставьте правильно конспиративную организацию революционеров, и вам будет нетрудно заботиться о том, чтобы правильно развивалась самостоятельность массы.

Если наши петербургские товарищи настаивают на том, чтобы все конспиративные дела ведала вся масса и все были руководителями, то это только свидетельствует о том, как плохо они знают психологию масс и то, при каких условиях живет русский социалист... Если бы наш грозный судия не смотрел так узко на дело, он бы убедился, что централизация есть дело печальной необходимости.

Пойдем дальше. Наши организации еще слабы, но они уже сила. Все враги рабочего класса боятся их. Поэтому надо стараться укрепить существующие организации, завязать новые, где еще нет их, и стараться связать их в одну рабочую партию. Истина неопровержимая! Но спрашивается: думает ли, работает ли в этом направлении кто-либо из всех органов, кроме «Искры»? Более всего удивительно, что именно те, кто так тонко поняли необходимость сплочения всех групп в одну сплоченную партию, протестуют против постановления о признании «Искры» и «Зари» руководящими органами! Протест их есть только выражение необходимости «нянек» и «командиров» для них же, в качестве каковых и является почтеннейший Л. Надеждин [10]. Поощряемые им, они не стараются вникнуть в суть дела и продолжают кричать (и при этом довольно бессознательно), что мы в настоящее время ни один из существующих органов не можем признать выражающим наше направление и желаем переорганизоваться и выработать собственную программу и устав. Да ведь это ребенок, который, желая показать, что он уже взрослый, одевает сапоги своей няньки и, получая от нее похвалы, не замечает, какие мозоли натер он себе на ногах. Дело это большое и застоя не выносит, — уверяет нас автор письма. Каждый потерянный день много значит, пора нам, как следует, за дело взяться! В этом отношении и я вполне согласен с автором, но не хочу быть так слеп, как он, ибо наше дело, действительно, застоя не выносит, и мы должны принять самые решительные меры. Поэтому каждый честный соц.-дем. должен желать, чтобы во главе наших организаций стояли самые сознательные товарищи, и при этом не спрашивать у них паспорта и не смотреть им на ладони.

Л. Надеждин, как интеллигент, сильно оскорбленный петербургским протестом против интеллигенции вообще,

употребляет всю свою мораль для пристыжения протестующих за узость их понимания, но при этом старается не раздражать капризного ребенка и приобрести его расположение. И вот он ему напевает колыбельную песню на все демагогические мотивы, какие только есть в его распоряжении. Как приятно это ласкает его собственное ухо! И, зажмурив глаза, он не обращает внимания на ту грязь, коей мажет свое собственное лицо. Надеждин, как демагог, улавливает все слабые стороны читателя и желает обратить их в сильное оружие против своих оппонентов, но для приличия делает это так, чтобы не было заметно. Он начинает громить интеллигенцию и между строк вставляет факты в ее оправдание. Потом опять нападает на нее с тылу, желая разбить на-голову, но из великодушия этого не делает, и только так, слегка, толкает ее в загривок и уходит дальше. Главное его стремление — это не подорвать доверия рабочих к интеллигенции, а указать, что если есть такие интеллигенты, которые становятся поперек дороги рабочим, то это — искровцы. И вот он начинает с того, что «Искра», как руководящий орган, ничего не делает в пользу той массы, которую считает главной своей опорой. Новая волна жизни, говорит истинный друг рабочих, начавшись со студенческих беспорядков, подняла дух интеллигенции и в то же время значительно искалечила мысль о самодеятельности рабочих. Рабочая среда, как целое, как-то потускнела, отступила на задний план; ярче стал вырисовываться тот рабочий, который выступает на демонстрациях, т. е. самые интеллигентные рабочие, и на них только и обращают внимание! А масса, масса — ничто, масса — пигмей против маленькой кучки сознательных рабочих,—отечески вздыхает Надеждин. И, как видно, для того, чтобы окончательно унизить своего врага, сейчас же приводит конкретные факты, как-то: цитаты из отдельных номеров «Искры». Этим выстрелом, как видно, думал сразить врага в самое сердце. Но, к счастью «Искры», он стрелок довольно неопытный. И если бы Надеждин не увлекался своей демагогией, он бы убедился, что собственными словами он отрицает самого себя. Когда в «Искре» появилась заметка о том, что «Искра» назначается для более или менее интеллигентных рабочих, а для серой массы существует агитационная литература, в виде листков, брошюр и т. п., то Надеждин с иронией подчеркнул: и является руководящим органом рабочей партии! Словом, он из кожи лезет вон, чтобы доказать, что «Искра» существует только для интеллигенции, но ничуть не для рабочих, и продолжает вопрошать: что за странное разделение рабочих на понимающих достаточно сложную для понимания интеллигентскую «Искру» и на ничего не читавших. Это-де полное незнание рабочей среды, незнание того, что в ней существует очень обширный слой, берущий и из библиотек, и у знакомых, и покупающий всякие, какие придется, книги и газеты. Этот слой достаточно развит, у него много запросов, и с ним надо говорить серьезным языком. Но если так, о мудрейший философ, если у нас, действительно, есть такой слой развитых рабочих (и притом еще довольно обширный), то к чему же кричать до изнеможения, что «Искра» никак не может быть понята рабочими!? Для рабочих-середняков, говорит автор в своей заметке, нужна своя толковая, ясная литература, и для подкрепления этого факта прибавляет, что «Искра» навязывает рабочим думы о каких-то университетах, земствах, земских статистиках и еще о каких-то учреждениях. Надеюсь, что читатель поймет, какая здесь бессознательная ирония. Если не забыть, что мы, как общественное целое, не можем рассчитывать на успех до тех пор, пока мы не будем критически относиться ко всем общественным явлениям, т. е. пока мы не будем сознательно понимать отношение одних классов к другим и все в совокупности по отношению к рабочим,— то отсюда будет ясно, почему «Искра» обличает все общественные явления и всю закулисную жизнь. И рабочий это читает с жадностью, и часто, слишком часто чувствуется недостаток в таком материале: как видно, рабочие лучше понимают, что им нужно, нежели Надеждин. Мы, которые стремимся к социализму, должны всколыхнуть народное море, нашими могучими волнами мы должны давить всей тяжестью на исторический мол. Но не философией, не астрономией мы достигнем этого; для этого мы должны беспрестанно будить народные массы, каждое общественное явление показать в полном его виде, и чем интенсивнее будет наша работа в этом направлении, тем шире будет наш авангард, тем больше шансов у нас на успех. «Искра», и никто другой, задалась этой целью...

При таких обстоятельствах ясно, что наша работа становится все сложнее и сложнее, все больше чувствуется недостаток в руководящих силах, и поэтому-то «Искра» обращает внимание на наиболее способных рабочих, и если наш друг рабочих плачет над этим, то это еще раз доказывает, как мало он понимает интересы нашего дела. И, кажется, нелишними будут слова: «избави нас, боже, от друзей, а с врагами мы и сами справимся».

Одесский рабочий.

* * *

Выше мы поместили письмо одесского рабочего по поводу брошюры «Рабочие и интеллигенция» (повидимому, это не что иное, как пресловутое приложение к «Откликам»). Той же брошюре посвящена передовая статья № 11 «Южного Рабочего», озаглавленная: «Дело освобождения рабочего класса должно быть делом самих рабочих». Раз'яснив значение этого девиза социалистического движения, редакция спрашивает тех, кто, как авторы известного петербургского воззвания, всуе употребляют эти слова: «Зачем же вы делаете из них такое употребление? зачем вы злоупотребляете дорогим для нас всех именем? Рабочий класс должен взять свою судьбу в свои руки. Рабочий класс... понимаете, а не вы: Иван, Степан и т. д.», — остроумно возражает редакция той группе, которая вообразила, что противопоставление рабочего класса буржуазии можно подменить противопоставлением социалиста-рабочего социалисту-интеллигенту.

«В рабочем классе, — говорится далее, — пробуждается стремление к самодеятельности: он сознает себя гражданином, человеком; но путы нашего самодержавного режима не дают выхода этим стремлениям. И прекрасно! Столкните рабочий класс с этими путами, и он разорвет их. Обостряйте это противоречие. А вы... что вы предлагаете? Вы предлагаете создать какие-то мифические рабочие организации, которые могут в лучшем случае охватить сотни сознательных рабочих, и думаете, что вы призвали к „самодеятельности“ рабочий „класс“. Другие из ваших единомышленников предлагают всем рабочим об'единиться в кассы, внося „хоть две копейки с заработанного рубля“. Вы, сами того не зная, играете на руку врагам, так как вместо обострения противоречий, вместо того, чтобы заставить рабочий класс почувствовать во всей силе удары бьющих его по ногам оков, вы затуманиваете ему глаза какой-то мнимой „самодеятельностью“. Или вы действительно настолько наивны, что думаете об'единить значительную часть русского пролетариата в тайное общество?»

Призывая к работе над организацией партии, редакция замечает по поводу нападок на «Что делать?» Ленина: «К сожалению, его (Ленина) не только не поняли многие из массы действующих товарищей, но даже такие, которые претендуют на руководящую роль. Многие приписывали Ленину и его товарищам свои собственные желания и помышления. Нас глубоко возмущают все те разговоры о командовании и диктатуре, которые всегда на устах господ из „Борьбы“ и отчасти Надеждиных и родственного им автора статьи в брошюре „Рабочие и интеллигенция“... Бросьте всякие неприличные фразы о командовании, так как в данном случае они более оскорбительны для произносящих, чем для того, против кого они направлены. Вашей свободе не угрожает ни малейшая опасность».

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Нами получена вышедшая в России в декабре печатная прокламация «К офицерам», за подписью «Военно-Революционная Организация». Приводим целиком текст прокламации для того, чтобы товарищи, имеющие к этому возмож-

ность, ознакомили с нею (напр., путем воспроизведения) те военные округи, в которых ее не удалось распространить издателям.

«События последних лет, совершившиеся в нашем отечестве, указывают, что революционное движение широкой волной охватило все слои русского общества. Явление это не новое и за последние десятилетия выросли только его размеры, изменились формы борьбы. Причины его коренятся в тех ненормальностях, которые мы получили по наследству от крепостного права, и тех, которые создала современность. Самым вредным и крупным пережитком «доброго старого времени», в устранении которого заинтересованы все элементы нашего общества, является самодержавная власть, опирающаяся на невежество, произвол и насилие, враждебная всякому свободному культурному развитию.

«В „эпоху великих иллюзий", когда Россия переживала еще медовый месяц своей „свободы" от крепостного права; когда общество еще ждало многого от правительства, выступившего в роли „освободителя", — недовольство самодержавным режимом не могло захватить широких кругов населения; противоречия его с новым нарождающимся укладом жизни были понятны только тем, кто на себе чувствовал их тяжесть; поэтому и борьба с самодержавием носила характер героической схватки сравнительно немногочисленной группы интеллигентов, ряды которой пополнялись отдельными личностями из другой среды, яснее других сознавшими и почувствовавшими всю неправду, вносимую в жизнь деспотизмом царской власти. Время изменило условия и характер борьбы и вовлекло в нее широкие массы: усложнились экономические, а с ними и правовые отношения, народились новые общественные классы, и перед русскою жизнью все настойчивее и неотложнее встает вопрос о необходимости гражданской свободы и законного правопорядка. Абсолютизм, исконный враг этих начал общественной жизни, неизбежно должен был восстановить против себя все слои населения, даже те общественные группы, которые пользовались поддержкой правительства и были до настоящего времени его верными союзниками. Сознание необходимости человеческих прав побороло суеверие о святости самодержавия, проникло в народную среду; недовольство формулируется и вырастает в ненависть, протест из стихийного становится организованным, борьба принимает массовый и планомерный характер, а правительство своими жестокими мероприятиями и тупым упрямством вносит в борьбу все более озлобления и страстности.

«Бесправная, невежественная крестьянская масса, отданная во власть помещиков и администрации, выносящая на своих плечах весь многомиллионный бюджет, страдающая от малоземелья, изнуренная голодовками, просыпается, тянется к свету, к знанию, пред'являет права на человеческое существование и протестует против общественной неурядицы. Последния события в Харьковской и Полтавской губерниях, нашедшие отклик во многих губерниях, особенно на Юге, указывают на размеры этого протеста и на его характер; зверская расправа правительства над участниками крестьянских волнений окончательно разбила жалкий остаток мужицких иллюзий о царе-народолюбце.

«Но если громадная масса крестьянства еще не вполне ясно представляет себе все детали гнетущего ее государственного механизма, зато городской рабочий, поставленный жизнью в условия наиболее частого соприкосновения с властью, все яснее сознает, что его борьбе за лучшее будущее, за освобождение от гнета капитала должна предшествовать борьба с самодержавием. Он первый стал пополнять ряды интеллигентных бойцов, и в настоящее время представляет правильно организованную силу, которая выступила в борьбу как класс, с вполне ясными и определенными требованиями: на красном знамени рабочих, развевающемся во время демонстраций, рядом с требованиями 8-часового рабочего дня, красуются надписи: „Долой самодержавие! да здравствует свобода!" Все усилия власти, все заботы ее направлены к тому, чтобы подавить это движение, растущее с каждым днем; варварские же средства, которые для этого пускает в ход правительство, вносят в борьбу лишь ожесточение и толкают массу на путь кровопролития, на путь террора.

«К тем же мерам прибегло правительство для подавления студенческого движения, возникшего сначала на почве недовольства академическими порядками. На требование студентов правительство ответило избиением их в аудиториях, на улице, тюрьмой, отдачей в солдаты, ссылкой в Сибирь — и тем толкнуло их в ряды борющихся за попранные права человека-гражданина, на путь общеполитической борьбы.

«Царское самовластье, полный административный произвол, пренебрежение интересами не только отдельных личностей, но и целых общественных групп накопили много горечи даже в верноподданническом сердце буржуазии и землевладельцев. Земство, которому правительство оставило лишь тень самоуправления, уже организует свои силы для борьбы, об'явило заграничный орган „Освобождение" литературным выразителем своих стремлений и, наконец, в уездных комитетах, созванных для обсуждения мероприятий к поднятию народного хозяйства, открыто высказалось за необходимость изменения всей правовой конституции страны, за широкие общие меры к поднятию всей ее культуры. Таким языком говорит не „увлекающаяся" молодежь, а землевладельцы, чуждые всяких „иллюзий" и „увлечений".

«Близорукое правительство, неспособное понимать запросы времени, везде создает себе врагов. Политика „умиротворения» окраин вызывает лишь обострение отношений, национальный гнет воспитывает национальную ненависть и сепаратные стремления. Веками созданная культура Финляндии, отличная от русской, и особая ее конституция показалась несовместима с самодержавием. Одним почерком пера Николай II отменяет основные законы страны, на верность которым он сам присягал. Финский народ, сжившийся со своей свободой, протестует против такого грубого попрания его прав, и вот в стране, где неприкосновенность личности — святое право каждого, начинается казацкая расправа, и лойяльная до сих пор Финляндия стала злейшим врагом русского деспота.

«В какой бы уголок вы ни заглянули, всюду встречаетесь вы с самым бесшабашным произволом, с самым грубым насилием, но и всюду вы чувствуете, что находитесь в атмосфере общего недовольства, протеста, сознательных желаний, требований; всюду встречаете элементы борьбы, присутствуете при самой борьбе. Правительство видит, что почва уходит из-под его ног, — теряет голову, бросается из стороны в сторону, и то идет на уступки, то опять хватается за насилие, как единственное средство спасения, не замечая, что само подрывает свои основы и увеличивает пропасть между собой и страной.

«Бюрократия и армия — вот те силы, на которые возлагает надежды правительство в своей борьбе с народом; в них оно видит себе опору, на них покоится трон...

«Но жизнь ясно показывает, что бюрократия, поскольку она связана с землей или капиталом, сама способна стать и действительно становится в ряды недовольных; что же касается той ее части, которая пополняется из среды выгнанных офицеров и разорившихся помещиков, то ее дикая разнузданность оказывает правительству плохую услугу, толкая его в ту пропасть, где суждено погибнуть всему теперешнему правовому строю.

«Посмотрим теперь, насколько правильны расчеты правительства на другую свою опору — армию, и в праве ли оно считать ее настолько надежной и преданной, чтобы относиться с полным пренебрежением к общественным требованиям; может ли оно и впредь за охраной штыков так безнаказанно и цинично попирать права народа, как оно поступает до сих пор?

«В серую, „дисциплинированную" солдатскую массу все чаще и чаще проникает правдивое слово жизни и находит себе отклик; участие армии совместно с полицией в прекращении беспорядков, близкое соприкосновение ее с рабочими и сознание солдатом своей кровной связи с ними ставит перед ним целый ряд вопросов и кто может ручиться, какая мысль роится [11], какое решение сложится в этих с виду покорных головах? Недаром военный министр в письме к командующим войсками призывает к охранению армии „от тлетворного влияния противоправительственной пропаганды", считая это делом „первостепенной важности".

«И если присмотримся к жизни повнимательнее, то мы заметим много таких явлений, которые указывают, что опасения его высокопревосходительства небезосновательны.

«Четыре года твердят солдату о „святости присяги", о дисциплине, об его обязанностях, воспитывают в нем преданность престолу, и тот же самый солдат в запасе — стоит в рядах „внутренних врагов" во время стачек, демонстраций, беспорядков. Вот еще факт того же рода. М. В. Д. в письме к старшим войсковым начальникам предупреждает их, что, по его сведениям, пребывание в войсках студентов, сданных за беспорядки, оставило „неблагоприятные следы" на офицерах и нижних чинах и что с уходом их со службы связь не порвалась. Не ясно ли отсюда, что вся солдатская выучка не может проникнуть глубоко в сознание, что жизнь сильнее ее, и все искусственно привитое при столкновении с жизнью исчезает быстро, без следа? Не крепка, значит, солдатская муштровка, если жалкая горсть молодежи, в большинстве случаев и сама плохо осведомленная, за краткий период службы, находясь под усиленным надзором, вместо собственного „исправления", могла оставить следы своего влияния!

«Трудно создать из солдата живую машину, которая только и рассуждала бы в пределах отданного приказания: всегда в нем кроется способность критического отношения к этому приказанию и протеста при его исполнении, а какую форму он примет, — все зависит от условий места и времени. Кто близко соприкасается с этой средой, кто старается проникнуть в солдатскую психологию, допускает в солдате наличность человека, а не третирует его, как существо низшего порядка, — тот знает, насколько мы правы. Жизнь богата фактами этого рода, и на них нельзя закрывать глаза, с ними надо считаться.

«Вы, без сомнения, неоднократно читали правительственные сообщения о беспорядках, в прекращении которых на долю армии выпадала позорнейшая роль; обратили ли вы внимание, что после нескольких залпов в упор в толпу число убитых и раненых весьма незначительно? Когда один из начальников дивизии, указывая на это, ставил в вину офицерам слабую подготовку к стрельбе их частей, ни у кого из присутствующих нехватило достаточно мужества сказать, — хотя все это сознавали, — что в народ стреляли только безнадежные тупицы, которых в каждой роте найдется до десятка; что только они беспрекословно исполняют всякое приказание, — только они „настоящие" солдаты, а все прочие стреляли через головы, потому что они прежде всего люди. И это совершенно понятно. Солдаты — дети народа, и если находятся среди них такие, у которых не дрогнет сердце, когда они посылают смерть в своих близких, то вся вина, весь позор за это падает не на этих несчастных, а на их руководителей. Правительство понимает это и, чтобы подавить в солдате чувство кровной связи, отправляет его на службу подальше от родины.

«Мы обращаемся к вам, товарищи, и предлагаем вам вникнуть в совершающиеся перед вами события; мы убеждены, что роль, назначенная вам правительством, найдет протест в вашей среде; что и вы разделяете ненависть всего народа к царю-самодержцу, сделавшему из вас покорное оружие национального порабощения и политического гнета, участниками его преступлений и виновников за пролитую кровь и слезы, загубленные жизни, разбитые надежды; вы не можете забыть, что офицер прежде всего гражданин и сын народа, что у вас есть обязанности перед родиной, изголодавшейся, засеченной, избитой. Мы знаем, что только недоразумение да малое знакомство с законами социальной жизни держит вас в лагере правительства; мы предлагаем вам изучать исторические судьбы нашего отечества и ознакомиться с текущей действительностью, так как только знание поможет найти правду, лишь оно одно укажет, какое место в рядах борющихся вы, как общественные личности, должны занять; только оно одно даст вам возможность разобраться в совершающихся событиях нашей эпохи, когда старое рушится, а на его развалинах создается новое.

«Наши свободные станки, которые растут, несмотря на все преследования правительства, придут вам на помощь; их свободное слово будет проникать к вам, несмотря на рогатки жандармов; мы хотим говорить правду не под'яремным языком, не в освещении правительства, так как право на это мы окупаем годами тюрьмы и ссылки; но мы просим вас лишь об одном — выслушать это слово, и мы знаем, куда направятся ваши симпатии.

«Товарищи! Армия, эта плоть от плоти, кость от костей народа, не должна и не может быть чуждой народу и его интересам; ее место не в среде тех, кто кует цепи, а там, где их разбивают. Народ в союзе с армией вырвет с корнем вековую неправду и найдет дорогу к своему счастью! Ваше участие необходимо, но ваше сопротивление не может спасти того, что обречено на гибель, оно создаст только лишние могилы бойцов.

«Самодержавие д о л ж н о погибнуть — это его историческая судьба, ибо „нельзя влить молодое вино в мехи старые"!..

«Размеры настоящего письма не позволяют нам подробно остановиться ни на одном из затронутых нами вопросов, указать на их литературу, статистические и другие данные; это мы сделаем в наших отдельных изданиях. Там мы познакомим вас с законами социальной жизни, обратим внимание на те явления, которые лишь мельком попадают или вовсе не попадают в нашу подцензурную печать и мимо которых нетрудно пройти; мы соберем их вместе и дадим им надлежащее освещение.

«Мы уверены, что товарищи, сочувствующие освободительному движению, не останутся безучастными зрителями кипящей вокруг них „битвы жизни", ибо „кто не за нас, тот против нас", а примут в ней деятельное участие, влияя на своих товарищей словом, примером, организуя кружки, помогая работающим уже революционным организациям, распространяя литературу и т. д. Декабрь 1902 г.

В о е н н о - Р е в о л ю ц и о н н а я Г р у п п а».

От всей души приветствуем новую революционную организацию и желаем ей успеха в ее трудном и очень важном деле. С удовольствием отмечаем серьезность тона и убедительность и ясность изложения, характеризующие это литературное произведение. И с полным удовлетворением мы констатируем, что наши военные товарищи с самым серьезным вниманием и с глубоким сочувствием отнеслись к революционному пробуждению пролетариата и сумели оценить политическое значение русского рабочего движения. Это обстоятельство позволяет надеяться на то, что революционное дело, начатое «Военно-Революционной Группой», будет ею вестись в тесном согласии с русской соц.-демократией.

Сведения, которыми мы располагаем о новой организации, позволяют утверждать, что поднятое ею знамя находится в надежных руках и что она приступила к открытой агитации не прежде, чем укрепила свои силы и стала твердо в организационном отношении.

Нам пишут, что прокламация была распространена среди офицеров в городах: Петербурге, Москве, Риге, Ковне, Вильне, Двинске, Гродне, Гомеле, Варшаве, Житомире, Одессе, Харькове и Киеве.

Привет от партии русского пролетариата пионерам революционной идеи в самой цитадели нашего заклятого врага!

П е т е р б у р г. На студенческом собрании в день университетской годовщины 8 февраля было прочитано следующее воззвание наших петербургских товарищей:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

О т к р ы т о е п и с ь м о к с т у д е н ч е с т в у.

К 8 февраля 1903 г. мы принуждены констатировать «заминку» в студенческой жизни. Затихли споры в кружках, затихла жизнь землячеств, затихли протесты против университетской неурядицы... Эту «заминку» мы об'ясняем себе не столько децимированием студенчества в последние три-четыре года, не столько усилением реакции, сколько основным настроением студенчества. Какое-то уныние и растерянность охватили его. И хотя в жизни эти настроения являются лишними и ненужными, психологически и

исторически они вполне понятны. Они вытекают из отсутствия стройного революционного миропонимания, из отсутствия солидного теоретического обоснования. Не будет преувеличением, если мы скажем, что наша молодежь в массе своей отошла от научного социализма, увлекаемая чорт знает в какие дебри и метафизики, и религии, и эстетики разными дипломированными и недипломированными пророками нашего времени, отличительным и общим признаком которых служит, однако, отступничество от убеждений золотого периода их жизни.

Товарищи! По отношению к вам мы — старое поколение. Начало нашей сознательной жизни относится к началу девяностых годов. Наше вдохновение и миропонимание мы черпали из первоисточников. Нашим евангелием был «Капитал» Карла Маркса, комментариями к нему была почти вся библиотека научного социализма — социализма, не прошедшего через русскую цензуру, не обесцвеченного применительно к обстоятельствам. Выступление теорий научного социализма из студенческих кружков в официальную литературу было началом упадка по сравнению с тем временем. Принужденный пользоваться эзоповским языком нашей литературы, принужденный к недомолвкам, научный социализм должен был естественно исказиться в проповеди русских официальных глашатаев его. Кроме всего этого, он, в силу политических условий русской жизни, не мог итти рука об руку с рабочим движением и черпать из него свое воодушевление, свой революционный пыл, свою энергию, он поневоле становился академичным, т. е. лишался своего исходного пункта, своей жизни, что так хорошо выразил Либкнехт: «Мы хотим сражаться, мы хотим победить». Лишенный души, научный социализм неизбежно должен был превратиться в русской литературе в схоластику, в фразеологию. Вполне естественно, конечно, что увлечение официальной литературой отвлекало силы от разработки теории в литературе подпольной. Дальнейшую эволюцию вы знаете... Официальная литература, не имея ни возможности, ни сил заняться уяснением, разработкой широкими штрихами намеченной теории, ударилась в «критику», — благо критика вообще легка, — да и в критику одностороннюю, которая была более всего по зубам, более всего соответствовала настроению: выше лба уши не растут... Молодое поколение, приехавшее в столицы, скоро стало питаться исключительно критикой теории, критикой такой плодовитой, что из-за нее уже некогда было заняться самой теорией. С тех пор вожди литературы этого направления пошли дальше... И критику сменили свои теории. На сцене появились и метафизика, и мистика... и все это в оригинальном русском переложении с немецкого, как у большинства, или в менее оригинальном богословском стиле, как у Булгакова... А жизнь тем временем шла и развивалась своим путем, стихийно и быстро... Молодому участнику быстро текущей жизни предыдущих лет не могло не казаться, что наконец-то революция началась: народ, доселе тупо смотревший на студенческие сходки, пошел, наконец, в лице городских рабочих, вместе с ними... на демонстрации и даже впереди их... Но этот народ несколько поубавился на следующих демонстрациях и, повидимому, стал снова уходить от студенчества. Естественно в уме зарождается мысль, что «раз счастье было так близко, так возможно», то еще напор и... враг бежит... Что начато демонстрациями, то докончит террор... Но террор не пошел... террор не приводит к желанным результатам... Что же делать? Молодые люди должны были растеряться, настолько, конечно, насколько у них не было точного и ясного понимания законов развития всякого общества и, в частности, общества русского. Если бы у них была хорошая теоретическая подготовка, они бы знали, что без широкого участия в движении рабочего класса, городского пролетариата, никакая революция невозможна (кроме дворцовой, конечно). Если бы они знали действительную жизнь, они должны были бы быть далеко от всяких очарований, а следовательно, и разочарований. Нет никакого сомнения, что рабочий класс в России не по дням, а по часам растет умственно, нравственно и численно. Однако одного роста недостаточно для революции, для этого еще нужна организация его в одну большую партию, сильную своим единством, сильную своим единодушием. 15 лет упорной работы социал-демократов в рабочей среде создали массу оазисов в ней, массу сознательных рабочих... Это была необходимая подготовительная работа... И эти-то сознательные рабочие и пришли на демонстрации. Децимирование их рядов сильно отразилось не на рабочем движении,—об этом не может быть и речи,—а на ходе организационной работы... С другой стороны, и студенчество создало в течение нескольких лет относительного затишья в своей среде довольно стойкие организации... Вся эта незаметная, кропотливая подготовительная работа и сделала возможным те демонстрации, которые так удивили всех, начиная с официальной России, своею грандиозностью. Дальнейший путь был намечен всей предыдущей жизнью: надо было усиливать пропаганду и организацию и избыток сил вести на демонстрации. Между тем произошло наоборот: демонстрации стали главной целью и отвлекли от будничной работы — изучения, пропаганды и организации... Отсюда недалеко и от нетерпеливого молодечества и от мрачного отчаяния, выразителями которых является террор.

И вот теперь мы стоим перед странным на первый взгляд явлением: волнуется крестьянство, волнуется городской рабочий, поднимают голос забитые либералы, а русское студенчество, этот «барометр русской жизни», безмолвствует... Затихла революционная мысль... Маркс и Энгельс и вся библиотека научного социализма отодвинуты в сторону и покрылись пылью, а на первом месте красуются «Проблемы Идеализма». Чуткий к общественной неправде, страстный в осуществлении идеалов, материализм сменился равнодушным ко всему на свете дряблым резонирующим идеализмом...

8 февраля мы пришли сказать вам от имени рабочего класса: Проснитесь, готовьтесь к жизни — вас ждут на работу...

С.-Петербургский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Собрание ответило на это воззвание следующей резолюцией:

Постановление собрания, происходившего 8 февраля в студенческой столовой в количестве 2.500 чел. (Принято единогласно.)

«Приветствуя призыв социал-демократического комитета к совместной работе и сознавая свой долг оправдать надежды, возлагаемые на интеллигенцию, как активную революционную силу, собрание 8 февраля выражает готовность всеми средствами содействовать росту революционного движения, а в ближайшем будущем надеется принять активное участие в открытых заявлениях протеста в той форме, в какой к этому призовут авторитетные организации, и приглашает учащихся в высших учебных заведениях собраться на следующей неделе на сходки для обсуждения мер протеста против арестов товарищей, расправы с донцами и рабочими Штиглицкой фабрики».

По этому поводу очевидец пишет: «Под слов[ами] „авторитетных организаций“ должно подразумевать соц.-дем. партию и ее боевую организацию. 8 февраля на вопрос, заданный одним из присутствовавших о том, что подразумевается под понятием „авторитетных организаций“, бюро ответило, что под „авторитетными организациями“ надо подразумевать соц.-дем. партию и ее боевую организацию. Число человек на этом собрании было по-моему и насколько подтверждают мое заключение другие, 2.500 чел. или около этого.

«На этом собрании попробовал говорить и очень красиво умеренный; начавши с восхваления всего, чем, мол, мы должны гордиться: земцы работают, крестьяне работают, интеллигенция работает, про рабочих — и говорить нечего, а поэтому незачем нам итти против кого следует открытым восстанием, что, де, бунты и демонстрации ни к чему не приведут... Речь его была покрыта таким зловещим свистом, какого я уже давно не слыхал».

К побегу Инны Леман. О своем удивительно-удавшемся побеге из жанд. управления при Старо-Киевском участке И. Г. Леман нам пишет: «Все до мелочей вышло так, как я наметила заранее, как по писаному. О моем плане знало сравнительно очень много людей, потому что я обращалась за помощью и советом. На воле

отнеслись очень отрицательно, приблизительно как к безумным фантазиям расстроенного тюрьмой воображения. Я и сама почти потеряла надежду, что представится благоприятный случай для исполнения моего плана (войти в ватер и затем моментально выйти, изменив несколько костюм, и пройти мимо часовых, стоящих тут же у дверей). Надо было, чтобы до нашего прихода около ватера не было других полицейских чинов: зная, что до меня никто не входил, они не могли бы не обратить на меня внимания. Как на зло, в те дни, когда брали меня, больше никого не брали (очень часто берут на допросы по два и по три человека), и карета со всем штатом (с кучером три или четыре человека) все время оставалась тут же на дворе, в том же углу, где и ватер. Кроме того, за два шага от ватера всегда оказывались один или два городовика. Я заподозрила даже, что в жандармском проведали о моем предприятии. Слишком много народу знало, и нам передавали даже, что в жандармском «что-то» знают о предприятии на женском отделении. В понедельник 13 января, идя с допроса по лестнице, в сопровождении, как обыкновенно, одного конвойного впереди, другого сзади, я еще на лестнице заглянула в окно и увидела, что карета, хотя и стоит во дворе, но без штата. Было очень холодно, — очевидно, ушли погреться. Как обыкновенно, меня хотели завести в камеру, тут же в подвальном этаже, в ожидании, когда приготовят или позовут карету. Я запротестовала. „Зачем, мол, мне еще ждать в камере, карета во дворе, можно сейчас же ехать". Выходим на двор; смотрю: и городовика на обычном месте нет. Двор громаднейший, и в других концах были люди, но этот угол оказался чист. Один часовой побежал за „штатом", а я, ни слова не говоря, направилась в ватер. Под накидкой у меня была осенняя драповая черная кофточка (на допросе я сидела перед жандармом в ней) и на плечах небольшой вязаный платок из серой шерсти. Чтобы сбросить накидку и шапку, набросить на голову платок и снять пенснэ, понадобился один момент — часовому должно было показаться, что я вошла, а другая вышла в одно и то же время. По двору я шла медленным шагом, немного вразвалку, чтобы изменить походку. Двор мне показался прямо бесконечным. Каждую минуту я ждала, что меня схватят сзади за плечи (за Старо-Киевским участком установилась слава, что в нем избивают арестуемых, в прошлом году страшно избили демонстрантов — это факт). Только подойдя к воротам, каменным, широким, шагов в пять, я почувствовала нечто вроде надежды. „Неужели, неужели? Да не может быть!" У ворот, точно нарочно для этого случая, оказалось несколько извозчиков (обыкновенно их тут не бывает). Я села на крайнего и велела ему ехать на первую пришедшую в голову улицу — на „исторический" Крещатик. „Неужели, неужели? Не может быть!" — не переставая, продолжало звучать в голове. Я прямо отказывалась верить, что это не сон, тем более, что в тюрьме, благодаря тому, что мысли работали в этом направлении, часто видела подобные и поразительно яркие сны, так что, проснувшись, не сразу догадывалась, что это только сон. Только на Крещатике, по обыкновению многолюдном, когда меня подхватила толпа, мной овладела жгучая радость. И тут только я заволновалась и потеряла самообладание. Все время я была совершенно спокойна, и если бы меня взяли, нисколько бы не удивилась. Я была готова к этому и отнеслась бы, как к неизбежному, совершенно спокойно (бить себя я бы, конечно, не допустила). Но теперь на меня точно пахнуло свободой и вспыхнула страшная жажда затеряться, замешаться в толпе, избежать того отвратительного, неизбежного. Я, как бомба, вылетела с извозчика и, пробежав несколько шагов, влетела в какой-то магазин. Изумленные лица приказчиков заставили меня опомниться; я что-то спросила, выслушала, что этого нет, и, сделав усилие воли, снова взяла себя в руки. Выйдя на улицу, я себя почувствовала отчасти обывательницей. Все еще не веря, что это не сон, я села на конку и уехала с Крещатика (это самая опасная улица, всегда масса шпионов и полиции) куда-то на окраину. Только тут, в одном небольшом магазине, я купила большой байковый платок, заметив, что на улице много женщин в таких платках (было очень холодно), и надела его на их манер, так что от всего лица торчал только один нос. Тут я почувствовала себя в полной безопасности и отправилась на розыски — частью пешком, частью на извозчиках. Вы видите, что во всем этом происшествии громадную роль сыграл случай. К неудаче я была вполне готова и заранее решила отнестись с философским спокойствием ко всем тем нареканиям, которые должны были посыпаться на мою голову со стороны „скептиков на воле"! Но, вот, неожиданно для всех и даже для меня самой, удача... Случай, счастливая звезда... Несмотря на захватывающую радость и блаженство сознания, что ты свободна, несмотря на невыразимо-сладкое чувство торжества при мысли о бешенстве Новицкого и комп. (он, говорят, ужасно бесновался, будто бы сам выбежал на улицу в одном мундире и кричал: „лови ее, лови ее!", когда меня уже давно не было; потом будто бы отдал приказ: „достать ее во что бы то ни стало". Может быть, это и выдумки, масса сплетен ходила по городу, но если это и выдумки, то они характерны. В первый день, когда меня, очевидно, надеялись еще поймать где-нибудь на улице, многие, не зная, в чем дело, обратили внимание на массу конных городовых по всем улицам, — думали, что опять студенческие беспорядки начинаются, — несмотря на все это, я все-таки не могла не сознавать, что я обязана всем этим счастливому случаю. Между прочим, в „Освобождении" сказано, что побег совершился „без всякой помощи со стороны". Это фактически неверно: помощь со стороны была... Хотелось бы подчеркнуть громадное сочувствие и готовность оказать активную помощь со стороны общества. Только при таких условиях, когда мы оказываемся окруженными друзьями, а полиция во вражеском лагере, подобные вещи могут оканчиваться успехом...»

Москва, 15 февр. В Москве тихо... Тихо в рабочих слоях, тихо в «обществе» и в среде учащейся молодежи. Г. Трепов может с довольной уверенностью повторять: «У меня чистота, у меня порядок»... Быть может, это тишина перед бурей и в зловещем затишьи первопрестольной незримо, незаметно для тысяч шпионских глаз молчаливо идет молекулярный процесс переоценки ценностей самодержавия. Это — возможно, это — наверно. Но верно и то, что на поверхности московской жизни в данный момент царит молчание и покой. Молчание, в котором, словно под колоколом воздушного насоса, беззвучно замер и погас протест бутырских заключенных, голодовкой хотевших принудить инквизиторов самодержавия смягчить суровый, возмутительный режим, измышленный ими для т. Гурвича. Покой, которого «не возмутили» ни прокламации студ. группы «Буревестник», ни воззвание «протестующих интеллигентов» — правду сказать, воззвание весьма спокойное, сонное... даже и для мирно дремлющих либералов. «Буревестник» призывал учащихся однодневной забастовкой почтить годовщину прошлогоднего университетского сиденья, протестующие же интеллигенты — не верить заигрываниям бюрократов, якобы идущих на уступки и даже облегчающих участь своих пленников-революционеров. Но студенчество не вняло зову товарищей. В университете сходки не состоялось, лекции продолжались, а вечером 9 февр. тихо и смирно прошло общее собрание студентов филолог. общества, каковое собрание предполагалось отложить во избежание «нежелательных инцидентов». На высших женских курсах, на лекциях 8 февраля, народу было даже больше, чем обыкновенно, так как многие девицы шли на них «принципиально», — есть и такие «принципиальные девицы». Словом, московской администрации пока-что бояться и нечего, она безбоязненно может продолжать наводить чистоту и порядок среди московских «людей и человеков», что она от времени до времени и делает. Не так давно арестована на одном из вокзалов дама, вместе с которой был взят ящик с литературой; на-днях арестовано, как говорят, несколько студентов Межевого института, причем взяты тоже милые жандармскому сердцу приложения.

Конец студенческой трагикомедии. Во второй половине декабря об'явлено было в Якутской области об окончательной амнистии всех студентов, выраженной в телеграмме от 6 декабря. На этот раз они ее приняли и двинулись в путь отдельными группами. При возвращении с ними было поступлено неизмеримо «мило-

стивее», чем с обыкновенными кончающими срок политическими ссыльными. Их снабдили деньгами для покупки теплой одежды и выдали всем прогоны, вместо того чтобы отправлять на «обывательских» в сопровождении казака. В Иркутск с'ехалось множество студентов и там возникла новая история. У нескольких студентов, живших в Нижнеудинске, произведены были обыски; найдена нелегальная литература и устав кассы. В результате пятеро из них были арестованы и посажены в Иркутскую тюрьму. С'ехавшиеся студенты стали требовать их освобождения, но, конечно, безуспешно. Тогда часть решила протестовать отказом вернуться в Россию. Большинство же к протесту не примкнуло и раз'ехалось по домам — «учиться порядку» под кровом родительским. Впрочем, в самое последнее время прошел слух, что арестованные в Иркутске выпущены и что поэтому последние упрямые могикане тоже возвращаются домой. Так окончилась «студенческая революция» 1 февраля 1902 г.

Белосток. (Из частного письма.) В театре на «Мещанах» была громадная демонстрация. Кричали: «долой самодержавие, произвол, долой Метленко (полицмейстер), да здравствует свобода!». Бросали карточки с теми же надписями. Городовые с шашками наголо в театре же начали бить куда попало. Произошла схватка. В театре стоял крик, шум, некоторые зрители падали в обморок, так что не окончили играть. Потом перенесли демонстрацию на улицу. Было сильное возбуждение. Озверевшая полиция начала стрелять. Полицмейстер с револьвером в руках метался, как раз'яренный зверь, по городу. Были вызваны войска, закрыли все магазины (в 6 час. вечера). Убит один рабочий, есть и раненые. Арестовали до 30 человек: рабочих, гимназисток и учеников Коммерч. училища. Возмущенная этими зверствами учащаяся молодежь энергично протестовала. Вообще, демонстрация имела громадное воспитательное значение. «Публика» воочию увидела, к чему приводит произвол грубой полиции. Демонстрация продолжалась 4 часа, охватив почти все улицы. Возбуждение в городе громадное. Со всех фабрик начали собираться рабочие, вооруженные палками. Все это было 15 февраля.

Ярославль. Этой осенью было небольшое столкновение рабочих с полицией. Барабанщик Фанагорийского полка, рота которого была выслана для усмирения, с опасностью для жизни бросился выручать городового, на которого надвигалась толпа, и получил рану в голову. Царь прислал ему свое «спасибо» и пожаловал пять рублей. Приказ, в котором излагается этот поступок, велено прочесть по три раза всем солдатам Московск. военного округа. Такая нетактичность вызвала ироническое отношение даже у самых умеренных офицеров.

Екатеринослав. Не успели наши екатеринославцы притти в себя после декабрьского нашествия на соц.-революц., как на-днях весь город был взбудоражен новыми подвигами «средиземной эскадры». 2 февраля, в 9 час. вечера, на квартиру инженера-технолога Иловайского явилось множество полиции: там оказалось собрание человек в 30-35, все из местного «общества». Их стали переписывать и обыскивать, производя в то же время обыски и на квартирах. Таким образом было перерыто около 35 квартир. Но жатва для полиции была не особенно обильная: на квартире найдено немного нелегальной литературы, да у одного из гостей найдена дома литература. Арестованы четверо: хозяин квартиры Иловайский, занимавший видную должность в мин. пут. сообщения, Шапошников, поднадзорный Полонский и один нелегальный, назвавшийся сначала Славиным, а потом, когда обнаружилось, что такого не существует, заявивший, что в жандармском управлении назовет свою настоящую фамилию.

Часть публики отпустили в 4 часа утра, а остальных лишь в 8 час. Паспорта, у кого были, отобраны, и до сих пор не возвращаются.

По поводу Иловайского завязалась, говорят, переписка между мин. пут. сообщения и жандармским упр. Последнее написало, чтобы Иловайскому искали заместителя.

Нам пишут: В харьковских «Губ. Ведом.» появился в конце января циркуляр начальника Курско-Харьк.-Севастоп. ж. д. о том, чтобы старшие кондуктора, обходя поезда для проверки билетов, «приглашали станционных жандармов для ознакомления с пассажирами». Пассажиры уже испытали на себе действие этой новой выдумки обер-ищейки Плеве или Зубатова: по вечерам жандарм идет вслед за кондуктором, и последний наводит фонарь прямо на физиономию пассажиров.

Любопытная справка. В марте 1876 г. министерство юстиции конфиденциально разослало прокурорам судебных палат следующий циркуляр: «Бывшие случаи показали, что весьма часто в качестве свидетелей в процессах по государственным преступлениям привлекаются лица, услугами которых пользуется тайный дозор, столь необходимый при открытии и преследовании преступлений этого рода. Принимая во внимание, что суд по государственным преступлениям чинится особым порядком, причем функции судей исполняют лица, удостоенные монаршего доверия, и дабы одно присутствие на этом суде лиц, которых известные слои нашего общества по своей малой развитости и непониманию важности задач, преследуемых тайными правительственными агентами, могут пятнать нелестным (sic) эпитетом шпионов, — не могло навлечь и малейшей тени подозрения относительно беспристрастия в выполнении великого святого долга суда, или поколебать в слоях лучшей части истинно развитого русского общества то доверие, на которое бесспорно имеет право этот высший суд, вменяю в. пр-ству в обязанность принять к руководству и исполнению привлекать вышеупомянутых лиц в качестве свидетелей в делах подобного рода только в исключительных случаях, о чем уполномочиваю вас, м. г., сообщить от моего имени и всем подведомственным в. п. лицам прокурорского надзора. Министр юстиции, ст. секретарь гр. Пален» («Община», 1878. № 1, стр. 7).

Прошло 26 лет — и на последних политических процессах перед нами открыто дефилировали Куприяновы, Осиповы, Саловы и пр. «лица», которых принято называть «нелестными эпитетами шпионов». Как понять это? Думает ли теперешний министр юстиции, что русское общество развилось, наконец, до такой высокой степени, что прониклось уважением к «важности задач», выполняемых шпионами? Или русское самодержавие попало в такие «исключительные» условия, что ему не до забот об уважении общества к суду, облеченному «монаршим доверием»?..

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Грубый произвол и возмутительные беззакония русского правительства в Финляндии переходят уже всякую границу. Царю, как известно уже читателям из легальных газет, «благоугодно было» уволить недавно от службы, «согласно прошениям», тех четырех финляндских губернаторов, которые отказались исполнить жандармские циркуляры Бобрикова о борьбе с «крамолой» в Финляндии. На место двух из них уже назначены русские «верноподданные»; в настоящее время, таким образом, совершенно противозаконно пять русских помпадуров занимают финляндские посты. Недавнее назначение на должность ландсекретаря Нюландской губ. (эта должность, первая после губернаторской в губернском правлении, требует специально-юридического образования) одного из руссификаторов — русского офицера Рейнбота — вызвала негодование даже и консервативной оппортунистической старофенноманской партии. Орган этой партии посвятил этому инциденту резкую передовую статью, за что сразу получил предостережение. Словом, эти временщики широко пользуются сентябрьским беззаконным царским указом о назначении на финляндские должности и «русских уроженцев». Так же щедро применяются и другие сентябрьские указы, о которых мы уже неоднократно говорили в предыдущих статьях. Наглым руссификаторам очень важно отделаться от всех финляндских чиновников, преданных конституции и основным законам своей отчизны, и окружить себя одними лишь покорными рабами, ревностными исполнителями «высочайших предначертаний». Почти

с самого начала своего разбойнического похода на Финляндию царское правительство проводит на практике этот преступный «принцип». Оно, разумеется, начало, по своему обыкновению, проводить его постепенно: сначала был очищен финляндский сенат*, затем гельсингфорсская полиция; эту осень, по царскому повелению, было уволено: тринадцать чиновников, в том числе по три старших члена всех трех гофгерихтов, т. е. апелляционных судов второй инстанции, и т. д. На-днях наглость русского правительства в этом отношении достигла кульминационной точки: царю-клятвопреступнику «благоугодно было» 10 (23) февраля уволить от службы без пенсии 16 чинов абоского гофгерихта, т. е. всех, за исключением трех его членов. Поводом к такому «всемилостивейшему» мероприятию является след. обстоятельство: после грубого избиения на Сенатской площади в Гельсингфорсе безоружных граждан 5 (18) апреля 1901 г. (см. № 22 «Искры») некоторые из пострадавших подали в начале лета жалобы на незаконные действия губернатора Кайгородова в абоский гофгерихт. Видя, что верным исполнителям его приказаний грозит законный суд, Плеве и состряпал осенние царские указы, запрещающие, между прочим, привлекать к суду чиновников без особого разрешения их начальства (этим указам была дана обратная сила). Абоский гофгерихт, не обратив внимания на эти преступные «законы», рассмотрел жалобы на Кайгородова и в начале февраля (н. ст.) отправил гельсингфорсскому ратгаузскому суду приказ произвести следствие по этому делу и слушать показания многочисленных свидетелей (около ста чел.). Гельсингфорсский суд назначил опрос свидетелей на 13 (26) и 14 (27) февраля. Убедившись, что финляндские суды не подчиняются, подобно нашим коронным судам, административному воздействию, Плеве, Бобриков и финляндский сенат всполошились; они прекрасно сознавали, что суд осудил бы Кайгородова «по всей строгости законов» и отнесся бы к нему как к тяжкому преступнику. 11 (24) февраля в сенат прибыло от Бобрикова след. отношение:

«Финляндский генерал-губернатор. В Гельсингфорсе. 11 (24) февраля 1903 г., № 1139. Экстренно. В императорский финляндский сенат.

«Препровождая при сем в сенат, для надлежащего исполнения, телеграмму министра статс-секретаря Великого Княжества Финляндского от 10 (23) февраля о высочайшем повелении об отмене всех последовавших, в нарушение закона 1 (14) августа 1902 г., распоряжений судебных мест по делам о должностных преступлениях и о принятии мною, совместно с сенатом, мер к недопущению нарушений высочайших по сему повелений, во исполнение таковой монаршей воли с своей стороны признавал бы необходимым: 1) безотлагательно же поставить о таковом высочайшем повелении в известность все судебные установления и губернаторов в Финляндии; 2) об'явить о сем в официальных газетах края и 3) предписать губернаторам и губернским правлениям принять все зависящие от них меры к недопущению отступлений от из'ясненной высочайшей воли, обращаясь в необходимых случаях к содействию военного начальства. К сему присовокупляю, что для выигрыша во времени и в видах недопущения заседаний Гельсингфорсского ратгаузского суда, назначенных на 13 (26) и 14 (27) сего февраля, мною даны соответствующие приказания нюландскому губернатору. В случае уклонения подлежащих лиц от своевременного исполнения распоряжения сената, в предупреждение возможных случайностей, полагал бы мерами полиции закрыть вход в зал заседаний и вывесить об'явление согласно прилагаемого для того проекта. Генерал-ад'ютант Бобриков. Директор канцелярии генерального штаба полковник Зейн.

«Проект об'явления **. Сим об'является, что во исполнение высочайшего повеления от 10 (23) февраля 1903 г., распоряжением генерал-губернатора и императорского финляндского сената, назначенный по жалобам кандидата медицины Хофстрема, магистра философии Термана и друг. лиц на 13 (26) и 14 (27) сего февраля допрос свидетелей отменен и заседания ратгаузского суда, как по этим, так и по другим однородным с ним делам, и впредь допущены не будут. Директор канцелярии финл. г.-губ. штаба полк. Зейн. Начальн. отделения Ганскау.

«Телеграмма. Гельсингфорс. Ген.-губернатору, № 820. Принята 10 февр. 1903 г. Государю императору 10 (23) февр. благоугодно было отменить все распоряжения, последовавшие по делам о должностных преступлениях в нарушение высочайших постановлений и повеления от 1 (14) августа 1902 года, и поручить ген.-губернатору и сенату принять все зависящие меры к недопущению каких-либо от сих постановлений и повелений отступлений. Министр статс-секретарь Плеве».

Сенат отправил подобное приказание ратгаузскому суду. Одновременно получено было известие и об отставке 16 членов абоского гофгерихта. 13 (26) февраля, когда суд явился в 10 час. утра в ратушу для опроса свидетелей, у дверей, на лестницах и в коридорах были расставлены десятки полицейских, не впускавших публику в помещение суда. Когда было об'явлено слушание дела и сторож начал призывать стороны и свидетелей, то оказалось, что полиция никого из них не впускает в ратушу. «Блюстители порядка» исполняли приказание Бобрикова и Кайгородова, место которого должно было быть на скамье подсудимых. Суду осталось лишь занести в протокол протест против насилия полиции и довести до сведения разгромленного гофгерихта о причине временного отложения дела. 14 (27) февраля повторилась та же самая история. Российский самодержец снова нагло попирает ногами правосудие в Финляндии, как он привык это делать в России, стонущей под гнетом полнейшего бесправия обывателя. При выходе уволенных судей-граждан из помещения гофгерихта публика устроила им на улице овацию и поднесла цветы. За исключением двух, все служащие в абоском гофгерихте, низшие чиновники, писцы и даже сторож немедленно подали в отставку. Нравственным долгом всех честных финляндских граждан является материальная поддержка всех этих лишенных царем куска хлеба чиновников, исполнивших долг по отношению к своему народу.

В Финляндии, как известно, в настоящее время сильный голод. Финлядское общество отлично организовало подачу помощи. Выбранный центральный комитет вспомоществования голодающим получает значительные пожертвования не только из Финляндии, но и из других стран, как, например, из Америки, и действует вполне энергично. Бобрикову хотелось, по примеру других русских администраторов, разыграть роль народного благодетеля, но собранные в России средства продолжали преспокойно поступать в центральный комитет. Это бесило русского сатрапа, канцелярия которого также принимает пожертвования. На-днях он обратился за содействием к финляндскому сенату с предложением «совместной деятельности» недавно образованных им отделений Красного Креста, председателем которых состоит его жена. Нам хорошо известно, как у нас Красный Крест обыкновенно оказывает помощь «пострадавшим от недорода». Если в России это благотворительное учреждение почти совершенно бесполезно, то в Финляндии оно лишь комично. Но надо же Бобрикову и его супруге фигурировать в роли «благодетелей», столь приличествующей высокопоставленным разбойникам. Сам царь пожертвовал в пользу ограбленного им финского народа (см. № 28) из финляндской же казны всего 10 тыс. марок, его мать облагодетельствовала голодающих 5.000 руб., а наследник — 3.000 руб. Как видит читатель, «августейшие» пожертвования не велики.

[В. М. Смирнов]

* В 1900 г. вышли в отставку 12 сенаторов, отказавшихся обнародовать беззаконные указы царя, в 1901 г. уволено четыре сенатора, протестовавшие против «закона» о воинской повинности.

** Этот «проект», за подписью гельсингфорсского полицмейстера 13 (26) февраля был наклеен на стене ратуши.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Казань. Прошло более двух лет с тех пор, как на страницах революционной печати появилось последнее сообщение из Казани. Этот долгий перерыв обязывает нас

дать краткий исторический очерк казанского движения. Несомненно, что и до 1898 года, с которого у нас имеются более достоверные данные, пропаганда среди казанских рабочих велась. Но, повидимому, она носила совершенно неорганизованный, так сказать, кустарный характер: вели ее не группы, а отдельные лица. Только в 1898 г. организуется уже группа и ставит своею целью пропаганду соц.-демократ. идей среди казанских рабочих. Группа эта завязывает связи только с одним из заводов, Алафузовским, и городскими типографиями. Дело, несмотря на малочисленность группы, пошло довольно успешно; среди рабочих были организованы боевые кассы, заведены библиотеки из легальных и нелегальных книг, а в апреле того же года была устроена маевка, правда, очень небольшая (до 40 раб.). На этой маевке было сказано несколько речей по поводу рабочего движения вообще и в частности по поводу начинающегося казанского. Последовавший в начале следующего года провал (арестовано до 40 чел.) снова заставил казанское движение принять привычные ему кустарные формы. Но такая работа уже не удовлетворяла ни рабочих, ни интеллигентов, и осенью 1900 г. организуется вторая по счету «соц.-дем. группа». Она ставит дело шире предыдущей, завязывает сношения почти со всеми казанскими заводами и мастерскими. Деятельность ограничивается вначале исключительно пропагандой, но уже в начале 1901 г., благодаря росту движения, возникает вопрос о переходе от пропаганды к агитации. Однако ни оформить, ни провести в жизнь этого общего желания группе не удалось, так как 19 февраля жандармерией были произведены необычайные для Казани по своим размерам аресты (обыскано 100 чел., арестовано 70); несмотря на это, удачно возникла и прошла стачка булочников, а к 11 марта группой была выпущена прокламация ко всем казанским рабочим с предложением принять участие в уличном протесте студентов против произвола правительства (сведения о демонстрации и результатах ее своевременно были сообщены «Искре»). Майские прокламации не были выпущены группой по независящим от нее обстоятельствам. Затем наступило снова затишье, все усилия были направлены на поддержание оставшихся связей, и только осенью 1902 г. группа настолько усиливается, что, не ограничиваясь старыми связями, заводит новые. Еще осенью группа постановила, не ограничиваясь пропагандой, перейти при первой же возможности к широкой агитации в массах. Поэтому вся вторая половина 1902 года была посвящена пропаганде с целью создать в среде казанских рабочих революционное ядро, которое совместно с членами группы вошло бы в состав предполагаемого Комитета Р. С.-Д. Р. П. Деятельность группы была настолько успешна, что образовавшийся с началом 1903 г. Комитет решил немедленно привести в исполнение осеннее постановление группы о переходе к агитации. С 20 на 21 января по всем заводам (Алафузовский, Крестовниковский, Свешниковский, пороховой, Александровский и др.), а также и почти по всем мастерским и типографиям города были распространены прокламации Комитета «К казанским рабочим» на русском и татарском языке. Кроме того, в это же время Комитетом была выпущена прокламация к казанскому обществу. Прокламация эта была встречена рабочими очень сочувственно, они усиленно разбирали ее и читали, несмотря на всю энергию заводской администрации и полиции, тщетно пытавшихся уничтожить неожиданно появившуюся крамолу. Энергичнее других охраняли от полиции первую выпущенную на их языке прокламацию рабочие из татар. Мысль о необходимости прокламации на татарском языке принадлежит всецело самим казанским рабочим, указавшим на национальную рознь, которую усиленно раздувают предприниматели, а также и на пренебрежительное отношение татар-рабочих к прокламациям на русском языке. Горячий прием, оказанный татарами прокламации на их языке, дает надежду Комитету, что он параллельным выпуском листков на обоих языках не только внесет свет в массы татар-рабочих, но и в корне подорвет ту национальную рознь, которая до сих пор была выгодна только казанским капиталистам, движению же безусловно вредила.

Ростов-на-Дону. В своей корреспонденции, помещенной в № 32 «Искры», я сообщал о том, что некоторые незначительные требования железнодорожных рабочих были удовлетворены администрацией дороги. В настоящее время все опять возвратилось к своему «первобытному состоянию». Мастера Вицкевич и Чернявский опять возвращены к своим «постам».

Ни один пункт требований рабочих не удовлетворен. «Обещали посулить», как говорил один купец в драме Островского, а вышло «совсем напротив». Поворот к старым «отеческим традициям» в железнодорожных мастерских заметен полный после приезда сюда фон-Валя, который, очевидно, преподал в совершенстве местным растерявшимся помпадурам полный курс современной политики центрального правительства по отношению к растущей «крамоле». Во всяком случае, политики «ежовых рукавиц» по отношению к железнодорожным рабочим в настоящее время в полном ходу. С рабочими стали обращаться гораздо свирепее, чем даже до «событий». Во всех действиях железнодорожной администрации заметна скрытая валевская провокация, желание во что бы то ни стало убить в рабочем всякое представление о человеческом достоинстве. Штрафы, как из рога изобилия, сыплются на головы рабочих. В довершение всего весь январь происходила «чистка» рабочих. Теперь не досчитывается уже больше ста человек. Кроме этого, упорно циркулируют слухи, что в непродолжительном времени будет рассчитано около тысячи человек. Этот слух находит себе подтверждение в том, что большая часть работы сдана уже на частные заводы, в мастерских же только в одном цехе производится работа. Рассчитывать рабочих предполагается небольшими группами, постепенно. Все эти «реформы» предприняты с тою, очевидно, целью, чтобы предотвратить новый ожидающийся взрыв негодования среди рабочих, обманутых администрацией дороги, действующей под руководством жандармов и полиции. Расчет на то, что пришлые из других городов рабочие, которые займут место рассчитанных, будут покорнее, окажется, вероятно, ошибочным.

Что же касается ростовских рабочих, то меры, предпринимаемые по отношению к «умиротворению» их посредством «ежовых рукавиц» и посредством реставрирования «добрых отеческих отношений», страшно раздражают их и служат хорошим воспитательным средством даже и для таких слоев рабочих, которые раньше серьезно не задумывались над своим безвыходным положением. Теперь всей массе рабочих становится ясным, где нужно искать своих врагов, а где друзей. Настроение вследствие этого в железнодорожных мастерских крайне возбужденное; рабочие страстно ищут подходящей формы для того, чтобы целесообразно излить свое возмущенное чувство. Все говорят о необходимости повторить осенние «события». В городе также упорно циркулируют слухи, что повторение событий, несомненно, будет в день 19 февр. Боевое настроение среди рабочих поддерживается энергично и Донским Комитетом, за январь месяц выпустившим 15.000 прокламаций.

Начальство также мобилизует свои силы «на случай чего ежели», стягивая казаков в Ростов, который постепенно превращается опять в «военный лагерь». Оно тоже ждет 19 февр. В городе и среди рабочих говорят, что если 19 февраля не удастся, то все равно раньше даже 1 мая они ринутся в «бой». Итак, несмотря на полицейский и жандармский террор, несмотря на все репрессии, ростовский пролетариат идет вперед по пути развития своего классового самосознания. Влияние Донского Комитета на массу рабочих растет с каждым днем.

Недавно Донской Ком. опубликовал свой отчет за 1892 г.[12], из которого видно, что он выпустил 60.000 прокламаций и листков. Это произвело на всех бодрящее впечатление. Прошлые ростовские события всколыхнули весь ростовский пролетариат, почва настолько разрыхлена, что нехватает даже работников социализма, чтобы поспевать за требованием массы. При этом необходимо отметить одну любопытную черту. Прокламации читаются всеми и везде. Рабочие прямо требуют «литературы», которая раскрывала бы глаза на все социальные и политические порядки страны; говорят открыто о «республике» и т. д.

Одним из благоприятных последствий прошлых ростовских событий было то, что женщины-работницы, раньше, по большей части, оставшиеся пассивными,

в настоящее время присоединились к общему рабочему движению. Оживление среди работниц небывалое. Организуются кружки, возбуждается масса животрепещущих вопросов. Словом, можно считать, что отныне и женщины-работницы г. Ростова выступают активно на политическую арену.

Как известно, это оживление вздумали-было поэксплоатировать в свою пользу и соц.-революционеры. Дело не ограничилось только их органом «Рев. Россия», изображавшим «ростовские события», с присущей этому органу хлестаковской развязностью. Рассказанные органом соц.-революционеров разные «небылицы в лицах» про ростовские события смутили души их шустрых последователей. И вот они, ничтоже сумняшеся, «сидя на рогожке, а говоря с ковра», налетели к нам в Ростов, чтобы направить дело на «правильный» путь. Прежде всего они обратились к «экономистскому» Донскому Комитету, чтобы последний дал им свою типографию. Но Комитет, конечно, ответил, что «не сеявшие не имеют права жать». И соц.-революционеры уехали «во-свояси». Очевидно, пролетарский Ростов не годится для скоропалительных настроений гг. соц.-революционеров.

28 января из Ростова отправлен на 3 года в ссылку в Вологодскую губ. по делу Донского Ком. (в 1901 г.) слесарь Ипатий Данилович Ступников.

[Л. С. Федорченко]

Эксплоатация железнодорожных служащих (из «Киевск. Соц.-Дем. Листка», № 7). Доставленные нам сведения о положении служащих в службе сборов Ю.-З. ж. д. показывают, как возмутительно эксплоатируются люди, трудом которых создается богатство этой казенной дороги.

Труд служащих здесь определен заранее, каждому назначается известная работа, вперед на целый год, считая в нем 360 дней. Таким образом, в расчет не приняты праздники, даже такие, как Рождество и Пасха. Подобная каторжная работа оплачивается нищенски: существуют оклады в 180 руб. в год, тогда как служители того же управления получают 240 руб. в год. За сверхурочную работу платят еще меньше (иногда вдвое меньше). Так, если положено за исполнение трех с половиной тыс. накладных 60 руб., то за следующие три с половиной тыс., сделанные вечером, дают 30 руб. Многие не выдерживают, уходят со службы, подают жалобы, но эти жалобы ни к чему не приводят.

Творцом этой прибыльной системы является начальник службы сборов. Управляющий Ю.-З. ж. д. Немешаев оказался не в силах воспротивиться этой эксплоатации, мало чем отличающейся от фабричной. Благодетельное распоряжение его превосходительства о прекращении работ в 2 часа дня накануне праздников осталось втуне, и служащие попрежнему должны корпеть до тех пор, пока не окончат назначенного им щедрой рукой «урока». Вот откуда набираются средства на громадные оклады гг. начальников, столь ревниво высасывающих все, что можно высосать.

Стачка на сахарном заводе. В конце декабря на Александровском сахарном заводе (в с. Александровске, Чигиринск. у., Киевск. губ.) началась стачка всех рабочих — числом около 500 чел. Рабочие держались дружно и энергично поддерживали свои требования, среди которых ими было выставлено требование 8-часового рабочего дня.

1 января прибывшими на завод полиц. и жандарм. властями арестовано 180 ч. рабочих. Эта стачка, как и прошлогодняя, на Черкасском сахаро-рафинадном заводе, свидетельствует о развитии классового сознания даже среди наиболее отсталых слоев русского пролетариата (из Киевск. С.-Д. Листка»).

Мелитополь, Таврич. губ. Здесь с 12 на 13 февр. была разбросана масса прокламаций и гектограф. брошюр, обращенных к рабочим. Вся полиция и жандармерия на ногах; пока идут обыски только среди рабочих.

Чита. Здесь была забастовка железнодорожных рабочих. Стачка выиграна; все требования удовлетворены, были выпущены четыре прокламации.

ИЗ ПАРТИИ

Организационным Комитетом к 19 февраля издано воззвание («4 августа 1789 г. — 19 февраля 1861 г.»), в котором проводится параллель между революционным способом освобождения крестьян во Франции и оппортунистическим — в России.

Вышедший в январе № 11 «Южного Рабочего» содержит 36 столбцов довольно убористого шрифта, так что по размерам превосходит прежние №№ этого издания. Содержание: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих». — Соц.-дем. движение в России в 1902 г.—Две стачки углекопов (Франция и Соед. Штаты).— Ростовские события. — Корреспонденции из Екатеринослава и Харькова. Фельетон: «В борьбе».

Нижегородским Комитетом изданы прокламации в декабре — «К крестьянам» и в январе — «Ростовская стачка». — Вновь образовавшийся Тульский Комитет издал воззвание «О праве сходок» (янв. 1903 г.). — В течение января и февраля изданы Киевск. Комитетом «Письмо раб. жел.-дор. мастерских», «Ко всем булочникам и хлебопекам», «Ко всем типографщикам», «Голос киевских рабочих» и «Киевск. С.-Д. Лист.» № 7. — Петербургским Комит., кроме двух прокламаций по поводу стачки у Штиглица, изданы листок к 19 февраля и 2 больших, хорошо отпечатанных листка: 1) о трэд-юнионизме и социализме и 2) по поводу книжки ген. Богдановича. — Иркутский Комит. выпустил листок по поводу демонстрации на лекции Кулябко-Корецкого. — Одесским Комит. издано: «Ко всем типографским рабочим и работницам» и «К раб. и работницам на табачных фабриках». — Донской Ком. издал в 5.000 экз. листок о бюджете, весьма удачно составленный.

Ко всем социал-демократическим организациям России. Товарищи! Теоретическая приниженность программы, беззаботность и организационный разброд составили длинный смутный период в жизни нашей партии. Полная разобщенность социал-демократов и отсутствие центральной руководящей группы исключали всякую преемственность в революционной деятельности, порождали пренебрежение к вопросам теории, суживали кругозор отдельных практиков-товарищей. В связи с частыми провалами, это приводило к измельчанию типа революционера, к забвению, извращению и игнорированию руководящих начал социал-демократической доктрины, поселяло и узаконяло младенческие формы деятельности и примитивные формы борьбы. При таких условиях, истинно-революционные социал-демократы естественно должны были выделиться, чтобы очистить прекрасную, но засоренную ниву, чтобы начать беспощадную борьбу с шатаниями теории и хаосом практики. Естественно, что они должны были выставить девизом: кто не за нас, тот против нас. И этот боевой клич раздался со страниц «Искры»... Он заставил многих товарищей, плывших по течению, остановиться, забыть программное легкомыслие и отрешиться от взгляда на социал-демократическое движение — «с точки зрения своего прихода»... Не касаясь отдельных эпизодов, мы должны признать, что принципиально выдержанная, чуждая неуверенности и колебаний, «Искра» значительно способствовала уменьшению царившего сумбура. Как врач и друг, она вскрыла самые тяжкие наши язвы...

Со своей стороны, мы солидарны с «Искрой» и «Зарей» по всем вопросам программы, тактики и организации — и признаем их своими руководящими органами, а «Лигу русской революционной социал-демократии» — нашим заграничным представителем. Независимо от этого, мы признаем жгучую необходимость созыва партийного с'езда.

Товарищи! Наблюдая жизнь у «источников» ее, мы видим, как стихийный под'ем революционных сил опережает рост организаций, как немощна социал-демократия для того, чтобы углубить и использовать революционную энергию пролетариата, превратить назревающий смутный

дух мятежа в ясное классовое сознание. Бесспорно, что героические усилия разрозненных «кустарей» ни к чему не приведут, и эту великую и сложную задачу может взять на себя только централизованная партия, могучая своим единством, несокрушимая своей теоретической устойчивостью, дисциплинированная и стройно сорганизованная. Неумолимая логика каждого нового факта нашей старой неподготовленности неизбежно приводит к этому выводу. И мы присоединяем свой скромный голос к хору голосов, взывающих к скорейшей организации партии.

Донской Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии [13].

В помеченной январем 1903 г. прокламации Сибирский С.-Д. Союз [14] об'являет о своем вступлении в Росс. С.-Д. Р. П. в качестве ее комитета. Союз об'являет о «своей солидарности с организацией «Искры» по вопросам принципиальным, тактическим и организационным» и о признании «Искры» руководящим органом.

На первом собрании Казанского Комитета Р. С.-Д. Р. П. было внесено предложение о присоединении к «Искре»; после всестороннего обсуждения этого вопроса была выработана след. резолюция: «Признавая отсутствие между большинством комитетов и групп Р. С.-Д. Р. П. как теоретического, так и практического единения, видя в этом громадный вред для дальнейшего развития в России соц.-демократического дела, признавая в то же время только программу „Искры“ вполне соответствующей чистоте соц.-дем. принципов, а также и практической потребности времени, считая, наконец, организацию „Искры“ единственною, могущею об'единить все современные комитеты и группы под знаменем Р. С.-Д. Р. П., Казанский Комитет постановляет принять без изменения программу „Искры“ и считать ее — „Искру“ — своим руководящим органом.

Казанский Комитет Р. С.-Д. Р. П.» [15].

Нам прислано следующее печатное заявление:

Уфимский рабочий комитет, отделившись с января 1903 г. от Уральского Союза соц.-демократов и соц.-революционеров [16], пришел к заключению о необходимости революционной борьбы под руководством единой общероссийской организации. Поэтому комитет приветствует образование Организационного Комитета, поставившего целью об'единить в одной организации и под одним знаменем русское рабочее движение. Он признает авторитетными для себя дальнейшие решения Организационного Комитета, так как задачи последнего и направление деятельности отвечают целям, намеченным Уфимским комитетом в минувшем январе. Для осуществления задачи об'единения местных рабочих организаций, Уфимский комитет в настоящее время присоединяется к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями и организационными идеями «Зари» и «Искры», признавая эти органы руководящими для русской соц.-демократии.

Уфимский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Петербург. В начале февр. арестованы: Щеглов, Токарев, Полубояринов и мног. другие. — Н.-Новгород. Начиная с первых чисел февраля здесь обыски и аресты чуть не каждый день. Еще в январе арестовано несколько сормовцев. 1 февр. взята М. С. Карасева (служ. в стат.). Выехавшая в этот же день из Нижнего фельдшерица А. М. Кекишева привезена из Москвы. 3 февр. арестов. Ив. П. Ладыжников, заведующ. книжн. магазином. Из рабочих арестованы: Фадеев, Тюменев, Замятин, Постоногов, Рыбников, Воронов, Лебедев, Павлов, Баранов, Кузнецов — все сормовцы; в городе хозяева столярных мастерских Комоловы (отец и два сына) и еще несколько ремесленников. Обыски были в Бабушкинской больнице, магазине «Книжный музей», у всех губернских и некоторых уездных статистиков, а также в у. з. управе. — На Воткинском заводе арестован учитель В. Е. Кривоногов. — Москва. 14—15 февр. арест. 40 лиц: студ. Меж. инст. и др. — Ташкент. В конце декабря и начале января повальные обыски. Арестован бывший студент Михин. — Ростов-на-Дону. 3 февр. вечером на Сенной ул. арестов. случайно сапожник В. Беспалов с литературой «Свободы». Перевезен в Таганрог. С 1 февр. здесь действует охранка.

Бежал из села Тютьковского, Енисейской губ., и благополучно прибыл за границу сосланный по делу «Раб. Знамени» Давид Гершанович.

Нам пишут: «Носятся слухи, что, в виду учащающихся побегов, с проживанием по чужим паспортам, образованы летучие отряды шпионов и жандармов для разыскивания нелегальных. В числе шпионов находится известный на юге Усов, долгое время бывший старшим жандармом при Одесской тюрьме и знающий в лицо не один десяток лиц».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Поправка. В статье «Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату» (№ 34 «Искры») вкрались следующие, извращающие смысл, опечатки: на стр. 2, столб. 2, строка 34 сверху, пропущено слово «не» после слов евреи-рабочие (вместо «организованы» надо читать: не организованы). Там же на строке 38 сверху вместо: «которая должна» следует читать: «который должен» [17].

Получено: От Л. С. Т. на «Искру» 95 руб., из Берлина в пользу беглых и ссыльных по подписным листам 250 мар., из Парижа 303 фр., из — ь 210 фр. 30 с., из Антверпена на издание записок Павлова 18 фр. 50 с., из Цюриха за литературу 67 фр. 15 с., от Цюрихской группы 9 фр., из Винтертура за литературу 8 фр. 25 с.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:
Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Лопатин Герман Ал. (1845—1920) — известный русский революционер, народоволец, член Исполнит. Комитета партии «Народной Воли». Жизнь Л. была полна революционных приключений. Начиная с 1866 г., когда он впервые был арестован по каракозовскому делу, Л. неоднократно подвергался аресту и ссылке, совершил несколько удачных побегов, вывез в 1869 г. находившегося в ссылке в Кадникове П. Л. Лаврова, в 1872 г. предпринял неудавшуюся попытку освободить находившегося в ссылке в Сибири Н. Г. Чернышевского. В 1884 г. Л. приезжает в Россию с целью восстановить разгромленную организацию партии «Народная Воля», но 5 октября этого года его арестуют на улице и после 3-летнего предварительного заключения приговаривают к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Каторгу он отбывает в Шлиссельбурге, откуда его освобождает революция 1905 г. Неоднократно бывая за границей, Л. вступает в ряды I Интернационала и близко сходится с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Под влиянием последних Л. приступает к переводу первого тома «Капитала» на русский язык, впоследствии законченного Н. —оном.

Прим. 2. Гартман Лев Ник. (р. в 1850 г.) — народоволец, участвовал вместе с С. Перовской в неудачном покушении 13/XI—1879 г. на жизнь Александра II посредством взрыва царского поезда (взрывом были опрокинуты два вагона со свитой без человеческих жертв). После этого Г. скрылся за границу, был опознан русскими шпионами и арестован. Русское правительство потребовало его выдачи, но французское министерство Фрейсинэ под влиянием поднятой социалистами кампании протестов отказало в выдаче и в 1880 г. освободило Г. из-под ареста. После этого он переехал в Англию, где был очень радушно принят Марксом.

Прим. 3. Лавелэ Эмиль (1822—1892) — бельгийский буржуазный ученый, автор многих сочинений по политической экономии («Собственность и ее первоначальные формы», «Демократия и политическая экономия», «Современный социализм» и др.), примыкал к катедер-социализму и был защитником мелкого хозяйства и общинного землевладения. В своих трудах о первобытной собственности он приводил доказательства, что право собственности пережило у разных народов различные формы, прежде чем принять ту форму, в которой оно существует в современном капиталистическом обществе. Вместе с этим он доказывал, что общинная форма земельной собственности предшествовала буржуазной собственности. Будучи защитником капиталистического строя, Л. полагал, что буржуазное государство сможет своим посредничеством в борьбе классов устранить недостатки этого строя и обеспечить победу «всеобщего блага» над личным эгоизмом, оказывая поддержку мелкому землевладению.

Прим. 4. Манифест Николая II, изданный 26 февраля, подтверждая «священный обет перед лицом всевышнего и совестью нашей свято блюсти вековые устои державы Российской» и заявляя, что «смута препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния», намечал следующие основные пункты «новой» программы деятельности правительства: 1) укрепление веротерпимости, с сохранением за православной церковью господствующего и первенствующего положения, 2) улучшение имущественного положения православного сельского духовенства, с усилением его участия в духовной и общественной жизни паствы; 3) «укрепление и развитие благосостояния основных устоев русской жизни — поместного дворянства и крестьянства» путем развития деятельности государственных кредитных учреждений, в особенности дворянского и крестьянского банков; 4) завершение трудов по пересмотру законодательства о крестьянах с привлечением к обсуждению этого законодательства в губернские совещания «достойнейших деятелей, доверием общественным облеченных». В основу пересмотра должна быть положена «неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения». Но наряду с этим должны быть изысканы меры «к облегчению отдельным крестьянам выхода из общины»; 5) отмена круговой поруки; 6) реформа губернского и уездного управления «для усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд земской жизни трудами местных людей, руководимых сильной и закономерной властью», «строго ответственной» перед царем; 7) «сближение общественного управления с деятельностью приходских попечительств при православных церквах» и 8) «утверждение в семье, школе и общественной жизни нравственных начал».

Манифест, говоря о «местных людях», имел в виду не выборных от той или иной группы населения, а исключительно местных правительственных чиновников. Образовавшаяся на другой же день после издания манифеста под председательством мин. вн. дел Плеве комиссия по проведению в жизнь «новой» правительственной программы так и поняла слова манифеста. Эта комиссия из 11 правительственных чиновников, среди которых было 7 губернаторов, поставила перед собой два основных вопроса, вытекающих из манифеста: 1) о правильной постановке губернаторской власти для придания ей сильного, закономерного и строго ответственного характера; 2) об «улучшении современного управления губерниею, через усиление способов непосредственного, без обращения к центральным учреждениям, удовлетворения местных нужд». Вместе с этим комиссия пришла к выводу, что губернаторам необходимо предоставить право принимать за счет земств и городов те меры, которые губернаторы признают неотложными, а также снимать с очереди обсуждения органами местного самоуправления вопросы, признанные губернатором «неуместными по отношению к порядку управления».

Прим. 5. Ферри Энрико (р. в 1856 г.) — в начале 900-х годо занимал позицию на левом крыле итальянского социалистического движения, боролся против участия социалистов в буржуазном правительстве и считался в Италии представителем ортодоксального марксизма. Впоследствии Ферри скатился к оппортунизму, соглашательству и стал высказываться за сотрудничество с либеральной буржуазией путем участия в буржуазном правительстве.

Прим. 6. Туратти Филиппо (р. в 1858 г.) — один из самых правых деятелей в итальянском социалистическом движении, убежденный реформист, сторонник классового сотрудничества пролетариата с буржуазией на протяжении своей деятельности, все дальше и дальше отходивший от социализма. Во время войны Т. стал на позицию так называемого «центра». После войны он докатился до полной поддержки буржуазии против пролетариата и в 1920 г. содействовал разгрому революционного движения итальянских рабочих, захвативших фабрики и заводы. После захвата власти фашистами во главе с Муссолини Т. своим поведением содействовал его укреплению.

Прим. 7. В порядок дня.

Прим. 8. Изложение взглядов.

Прим. 9. Символ веры.

Прим. 10. Надеждин Л. — псевдоним Зеленского Е. О. — основал революционно-социалистическую группу «Свобода» и издавал журнал того же названия (1901—1903). Группа занимала промежуточную между с.-д. и с.-р. позицию. Перу З. принадлежит несколько брошюр («Канун революции», «Церковные речи о рабочих невзгодах и волнениях» и др.). После II с'езда З. примкнул к меньшевикам и участвовал в издаваемой редакцией «Искры» газете «Соц.-Демократ». Умер в эмиграции в 1905 г.

Прим. 11. Так в подлиннике. Вероятно: родится.

Прим. 12. В подлинном тексте «Искры» очевидная опечатка. Речь идет об отчете за 1902 г. (а не за 1892 г.).

Прим. 13. Донской Комитет Р. С.-Д. Р. П. возник из соц.-дем. кружков, существовавших в Ростове н/Д. еще в середине 90-х гг. Искровскую ориентацию Д. К. принимает в начале 1902 г. В это время Ростовская организация приобрела большое влияние на рабочих, вступивших на широкий путь массового движения. Растет количество кружков, растет связь с рабочими массами в Таганроге, Тихорецкой, Сулине, Новочеркасске и т. д. Незадолго до начала знаменитой забастовки во Владикавказских жел.-дор. мастерских (в ноябре 1902 г.) Д. К. удается поставить свою подпольную типографию, сыгравшую большую роль во время ноябрьской стачки. 2 марта 1903 г. Д. К. удачно организует большую демонстрацию. Во время этих событий (т. е. в конце 1902 и начале 1903 гг.) в Донской Комитет входили: Я. Д. Драбкин (С. И. Гусев «Павел Степанович»), А. С. Локерман («Адам»), Мочалов («Амвросий»), А. Н. Логачева, И. И. Ставский, Тищенко («Христофор»), А. П. Станчинский («Иван Иванович»), А. Браиловский и др. На втором с'езде Д. К. был представлен Я. Д. Драбкиным (Гусев — большевик) и А. С. Локерманом (Царев — меньшевик). Во второй половине 1903 г., благодаря арестам, от'езду работников, состав Д. К. изменился. В последующие годы (1904—1905) Д. К. находился под влиянием меньшевиков.

Прим. 14. Соц.-демократические организации в разных городах Сибири существовали уже во второй половине 90-х годов. В начале 900-х годов они об'единяются в Сибирский с.-д. Союз, представителями которого на II с'езде партии были

Л. Д. Бронштейн-Троцкий, присоединившийся на с'езде к меньшевикам, и В. Е. Мандельберг-Посадовский, голосовавший с большевиками (впоследствии перешел к меньшевикам).

Прим. 15. Соц.-дем. организации в Казани возникли очень рано; еще в 1888 г. там существовал марксистский кружок, организованный Н. Е. Федосеевым. С некоторыми членами этого кружка имел связи и В. И. Ленин. В 90-х и начале 900-х годов в Казани живут и работают в разное время с.-д. И. Х. Лалаянц, М. Полшин, А. М. Стопани, Н. Э. Бауман. А. С. Кулеш, А. К. Петров, Н. Н. Накоряков, В. Н. Залежский, Еф. Табейкин, А. И. Рыков, Н. И. Редкозубов, Н. А. Семашко, В. Е. Потресов, Н. А. Кролюницкий и др. Но работа эта долгое время носила кружковый характер. Крупные провалы казанских соц.-дем. (в 1895, 1898 и др.) очень затрудняли об'единение отдельных соц.-дем. кружков, возникавших в течение 90-х годов среди рабочих (на Алафузовском заводе, среди наборщиков и пр.) и лишь в 1898 г. в Казани возникает соц.-дем. группа, которая стремится создать единую организацию, но жандармы ликвидировали эту группу, как и следующую группу, возникшую в 1900 г. И лишь в 1902 г. в Казани возникает соц.-дем. группа, которая в начале 1903 г. организует Казанский Комитет Р.С.-Д.Р.П., вынесший на первом своем заседании постановление о своем присоединении к «Искре». Во главе Комитета в это время были: Н. Н. Накоряков, Ибрагим Абуг. Ахшимов (татарин), А. Либинсон, А. П. Ямзин. Но уже в конце марта 1903 г. жандармы сделали новый набег, в результате которого Казанская организация была настолько разрушена, что нечего было и думать о посылке делегатов на II с'езд Р. С.-Д. Р. П. Осенью 1903 г. Аносов, Фирсов, Лебедев, Морозов, сделали попытку восстановить Казанск. Комитет, но и они вскоре проваливаются (в декабре 1903 г.). И лишь в середине 1904 г., когда в Казань прибыли Н. Е. Вилонов (Михаил Заводской), В. В. Адоратский, Н. И. Дамнеров и Л. В. Попов, удалось восстановить разрушенную организацию.

Прим. 16. См. прим. 10-е к № 21 «Искры».

Прим. 17. Опечатки в настоящем издании нами исправлены.

ТРЕТІИ ГОД ИЗДАНІЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 36 | 15 МАРТА 1903 ГОДА | № 36

МАРТОВСКИЕ ИДЫ.

Говорят, что мартовские иды[1] неблагоприятны для тиранов. И если бы наука раз навсегда не осудила астрологических суеверий, то можно было бы «с фактами в руках» доказывать, что тираны, единоличные и коллективные, имеют полное основание трепетать не только в течение мартовских ид, но и в продолжение всего месяца, посвященного Марсу. В марте пал Юлий Цезарь; в марте погиб Александр II; в марте вспыхнула венская революция, положившая конец гнусному режиму Меттерниха; в марте произошло ломбардо-венецианское восстание против австрийского ига, ознаменовавшееся героическими «пятью днями» в Милане; в марте совершилась берлинская революция, нанесшая неизлечимую рану прусскому абсолютизму; в марте парижский пролетариат заставил бежать в Версаль позорное правительство «национальной обороны». Можно подумать, что бог войны, вопреки общераспространенному мнению о нем, очень неравнодушен к свободе. Но, оставляя в стороне вопрос о вкусах этого бога и о таинственном влиянии посвященного ему месяца на внутреннюю жизнь цивилизованных стран, приходится, независимо от каких бы то ни было суеверных соображений, признать, что месяц март всякому, не беззаботному насчет политики человеку напоминает о целом ряде таких исторических событий, которые были и надолго останутся в высшей степени интересными не только для ученого, стремящегося обнаружить причинную связь общественных явлений, но и для деятеля, старающегося извлечь из них практические уроки. Достаточно назвать великое парижское революционное движение 18 марта, которое обязан внимательно изучить и тот, кто хочет составить себе ясное понятие о борьбе классов в современном обществе, и тот, кто принимает деятельное участие в этой борьбе и, отстаивая интересы пролетариата, желает знать, в чем состоит сила этого класса и каковы слабые стороны его революционных восстаний, затрудняющие его победу над неприятелем.

Революционное движение 18 марта, известное также под именем Парижской Коммуны 1871 года, является блестящим подтверждением той истины, которая лежит в основе всей практической деятельности современных социалистов и которая была так хорошо формулирована в уставе Международного Товарищества Рабочих,[2] вышедшем из-под пера Карла Маркса и гласящем, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Движение 18 марта было движением пролетарским по преимуществу. Хотя в нем деятельно участвовала многочисленная мелкая буржуазия французской столицы, однако Парижская Коммуна не издала ни одного постановления для защиты исключительных интересов мелких предпринимателей. Напротив, все принятые ею меры были пропитаны пролетарским духом. В движении 18 марта мелкая буржуазия шла под красным знаменем пролетариата.

Принятые Парижской Коммуной постановления социально-экономического характера не отличались, правда, ни численностью ни решительностью. Их было мало, и они представляли собою довольно робкие шаги на пути решения векового спора между трудом и капиталом. Но действовать решительнее в этом отношении Парижской Коммуне помешали, во-первых, внешние условия: борьба с бандитами буржуазной реакции, укрепившейся в Версали и начавшей оттуда беспрерывные и беспощадные нападения на Париж, оставшийся во власти рабочих. А кроме того, — и это главное, — в движении 18 марта не было всей той сознательности, которая необходима пролетариату для того, чтобы он мог не только убедиться в непримиримой противоположности своих интересов с интересами буржуазии, но также и выработать себе последовательную программу практических действий. Тем нашим революционерам разных цветов, которые еще так недавно с упреком говорили нам, что мы придаем преувеличенное значение сознательности в революционном действии рабочего класса, полезно будет хорошенько поразмыслить над движением 18 марта. Его история с ясностью покажет им, что стихийность, которую они представляют себе могучим ломовым конем, способным вывезти движение из всех затруднений, на самом деле является источником промахов и поражений. Шансы успеха пролетариата в его борьбе с защитниками существующего порядка вещей растут в той самой мере, в какой его движение утрачивает стихийный характер и становится сознательным. И в той же самой мере возрастает влияние на него социальной демократии, планомерные действия которой служат сознательным выражением бессознательного исторического процесса.

Противопоставление стихийности сознательному действию революционной партии может иметь смысл только в том случае, когда сама эта партия, не умея встать на классовую точку зрения, противопоставляет свои субъективные пожелания об'ективному ходу вещей. В этом случае ход идей противоречит ходу вещей и потому оказывается лишенным всякой творческой силы. Мысль опережается жизнью и мало-по-малу утрачивает на нее всякое влияние. Таких случаев можно было бы немало насчитать в истории того доброго старого времени, когда социализм, стоявший на почве утопии, распространялся почти исключительно в среде так называемой интеллигенции. Стихийное движение рабочего класса имело тогда за собою гораздо больше шансов практического успеха, чем сознательные усилия заговорщиков-революционеров или социалистов-реформистов.

Но это доброе старое время само было лишь введением в историю современного революционного движения пролетариата. Дальнейшее развитие этого движения вело к тому, что стихийность все более и более отступала в нем перед сознательностью, которая черпала свою творческую силу именно в правильном понимании об'ективного хода вещей. Противоречие между мыслью и жизнью оказалось тогда разрешенным; социализм переставал быть утопическим и становился научным.

История рабочего движения в эпоху, предшествовавшую Парижской Коммуне 1871 года, как нельзя лучше подтверждает все это. Фридрих Энгельс, сам живший в сороковых годах в Париже и хорошо знакомый с тем, что там происходило, говорит, что уже скоро после июльской революции пролетариат, получивший свое конспиративное воспитание еще в тайных обществах времен реставрации, становится преобладающим элементом в революционных организациях заговорщиков. Тайное общество «Времен Года», с помощью которого Бланки [3] и Барбес [4] вызвали восстание 1839 года, было уже исключительно пролетарским. И таким же пролетарским было общество «Новых Времен Года», которое было основано после неудачи названного восстания и которым руководил Альбер [5]. Но, несмотря на то, что эти общества состояли почти исключительно из пролетариев, их приемы и их тактика имели в себе очень мало пролетарского, будучи целиком заимствованы из эпохи заговоров, составлявшихся буржуазной интеллигенцией. «Само собой понятно, — замечает Энгельс, — что заговорщики не ограничивались организацией революционного пролетариата: они стремились именно к тому, чтобы опередить революционный процесс развития, вызвать в нем искусственный кризис, сделать революцию в такое время, когда еще не было налицо необходимых для нее условий». Да им и не приходилось много думать о необходимых для революции условиях, потому что единственным ее условием являлась в их глазах надлежащая организация заговора. «Они были алхимиками революции, — продолжает Энгельс, — и отличались такою же путаницей понятий и такою же ограниченностью взглядов, какие были свойственны алхимикам старого времени. Они старались делать открытия, которые должны были совершить революционные чудеса: взрывчатые снаряды, адские машины магической силы, восстания, которые должны были действовать тем сильнее и удивительнее, чем менее было у них разумного основания». Поглощенные своей алхимической работой, заговорщики преследовали только ближайшую цель низвержения существующего правительства и пренебрежительно смотрели на дело развития классового самосознания рабочих. Они отличались обыкновенно отчаянной храбростью и значительной революционной сноровкой, строили первые баррикады, грабили оружейные лавки, организовали сопротивление и руководили им, — короче, были офицерами уличных восстаний, но эти решительные люди, эти герои баррикадных битв и самоотверженные организаторы всякого рода террористических, — как сказали бы мы теперь, — действий, уже и тогда представляли собою не будущее пролетарского движения, а его прошлое. По мере того как подвигалось вперед развитие пролетариата, заговорщики утрачивали свое влияние и находили себе опасных конкурентов в тех тайных обществах рабочих, которые ставили себе целью не непосредственное восстание, а организацию сил рабочего класса и развитие его классового самосознания. Коммунистическая пропаганда того времени, равно как и споры, происходившие между коммунистами различных направлений, остались так же мало понятны французским заговорщикам старого закала, как мало понятны были нашим нынешним хранителям революционных преданий семидесятых годов споры между представителями различных направлений русской социал-демократии.

Начатое в 1847 г. правительством Луи-Филиппа дело о бомбах рассеяло, по свидетельству Энгельса, даже самых упорных и наименее осмысленных заговорщиков и толкнуло шедших за ними рабочих на путь чисто-пролетарского движения. Во время февральской революции 1848 г. коммунисты были уже самой сильной фракцией революционного пролетариата. Однако движение 1848 г. потонуло в крови июньских борцов [6], и в продолжение многих лет французский рабочий класс, подавленный своей великой неудачей и лишенный всех политических прав, не выходил из мертвой точки застоя. Только политическая оттепель шестидесятых годов принесла с собою возобновление его освободительной борьбы. Но теперь эта борьба делает новый шаг вперед. Теперь передовые представители французских рабочих становятся под знамя руководимого Марксом Международного Товарищества Рабочих. И хотя большинство этих представителей продолжает подчиняться влиянию утопического социализма, — преимущественно прудонизма, — но старая тактика заговорщиков, с их бунтарством, политическими покушениями и прочей «алхимией», не встречает между ними никакого сочувствия. Практической задачей дня становится выработка классового самосознания рабочих. Эта выработка, без всякого сомнения, значительно замедляется многообразными утопическими пережитками, сохранившимися в головах большинства тогдашних руководителей французского Интернационала. И нельзя не признать, что полезным противовесом этим пережиткам служила стихийность массового рабочего движения, которое было чуждо утопий уже по одному тому, что вообще мало справлялось с какой бы то ни было теорией.

Если в мероприятиях Парижской Коммуны не заметно следов утопизма, то это об'ясняется тем, что об'ективная логика великого революционного движения оказалась сильнее суб'ективной логики его вожаков, и зараженная утопизмом мысль подчинилась, таким образом, властным указаниям общественной жизни. И это было, разумеется, очень хорошо. Но дело приняло бы несравненно лучший оборот, революция 18 марта была бы гораздо более плодотворной, если бы суб'ективная логика людей не расходилась с об'ективной логикой жизни, если бы стихийная сила событий, вместо того чтобы сталкиваться с человеческим сознанием, как с элементом, до известной степени чуждым и противодействующим ей, получила в нем свое точное и ясное выражение.

Успехи французского социализма со времени Парижской Коммуны именно в том и состояли, что это несоответствие между ходом вещей и ходом идей все более и более устранялось благодаря влиянию современного научного социализма. Идеи научного социализма не противоречат стихийной силе вещей и вообще не расходятся с ней, а служат ее сознательным выражением. И чем больше

распространяются эти идеи, тем больше приближается торжество этой силы. Вот почему сторонникам научного социализма остается только пожимать плечами, когда им говорят, что они придают преувеличенное значение сознательности и слишком мало полагаются на силу стихийности.

Во время революционного взрыва 1871 г. стихийная сила вещей, к сожалению, еще не получила надлежащего выражения в человеческом сознании. Этим об'ясняется, между прочим как слабая организованность революционного пролетариата, так и недостаточно энергичное преследование неприятеля, который был на-голову разбит 18 марта. Лиссагарэ[7] рассказывает в своей истории Парижской Коммуны, что в этот день, около трех часов пополудни, многие батальоны национальной гвардии, состоявшие из вооруженных пролетариев, спокойно проходили мимо здания министерства иностранных дел, в котором совещались тогда Тьер[8] и его министры. Если бы революционеры арестовали «чудовищного карлика»[9], то этим предупреждено было бы много несчастий в будущем. Тот же Лиссагарэ рассказывает, что в ночь с 18 на 19 марта генерал Винуа беспрепятственно вывел из Парижа линейные войска и вывез оттуда много оружия, амуниции и боевых припасов. Революционеры без большого труда могли бы склонить солдат генерала Винуа на свою сторону и овладеть его военными припасами. Они этого не сделали, чем опять ослабили свою силу. Наконец, необходимо было преследовать разбитого неприятеля по пятам, а не давать ему утвердиться и заново организоваться в Версали. Об этом тоже, как видно, никто не подумал. Великая стихийная сила движения не нашла надлежащего выражения в сознании людей. Отсюда — отсутствие централизованной организации, напрасная трата драгоценного времени, неумение пользоваться благоприятным стечением обстоятельств.

Но каковы бы ни были недостатки революционного движения, начавшегося 18 марта, оно покрыло своих участников неувядаемой славой и показало, какой длинный путь развития оставил за собою французский рабочий с тех пор, как перестал увлекаться заговорщиками ветхого завета. Историческое значение Парижской Коммуны 1871 г. поистине колоссально. Только тот, кто сумел оценить это значение, видит, как ничтожно в сравнении с ним историческое значение гибели какого-нибудь отдельного представителя деспотической власти, живет ли он в Риме или в Петербурге, называется ли он Юлием Цезарем или Александром II.

«Кровавая» майская неделя, ознаменовавшая собою победу буржуазии над восставшим парижским пролетариатом, дает нам понять, между прочим, как много правды в словах «критиков Маркса», старающихся уверить нас в том, что борьба классов принимает все более и более мягкие формы. На самом деле формы этой борьбы более или менее «мягки» лишь до тех пор, пока она не выходит из пределов «законности», хотя и тут можно указать весьма выразительные исключения. А как только пролетариат перешагнет черту «законности», буржуазия тотчас же забывает все сладкие речи своих идеологов о «мягкости» и обнаруживает такую ненасытную кровожадность, какой устыдились бы самые дикие людоеды.

Тьер и его пособники показали всю силу своей ненависти к освободительным стремлениям рабочего класса. Революционный пролетариат Франции хорошо понял общественный смысл этой ненависти. Но странное дело! Никому из сколько-нибудь видных его представителей не пришло в голову «отомстить» Тьеру каким-нибудь «террористическим» действием. Только анархисты пытались впоследствии взорвать его статую, подложив около нее наполненную порохом коробку из-под сардинок, но и эта мальчишеская выходка, как потом оказалось, была предпринята при любезном содействии парижского префекта полиции Андрие. Почему бесчеловечная жестокость «чудовищного карлика» осталась безнаказанной? Уж не потому ли, что между французскими пролетариями не осталось ни одного самоотверженного человека? Нет, вовсе не потому! Самоотвержение было в такой же мере свойственно передовым французским работникам после Коммуны 1871 г., как и в ее время. И мысль о мести ни на минуту не покидала этих работников. Но отомстить значило для них повалить тот общественный порядок, защитниками которого явились Тьер и его сподвижники, разрушить ту систему, которая основывается на эксплоатации наемного труда капиталом. Всякий другой род мести не останавливал на себе их внимания, как слишком ничтожный. Вот почему никто из них не поднял руки на Тьера. Французское рабочее движение давно уже вышло из пеленок. Сообразно с этим его передовые представители давно уже переросли психологию ветхозаветных заговорщиков. И в этом отношении мы, русские революционеры, можем многому научиться у героических пролетариев Франции.

[Г. Плеханов]

ПО ПОВОДУ НОВОГО ТАМОЖЕННОГО ТАРИФА.

23 января прошлого года учреждено было Особое Совещание для выяснения нужд сельскохозяйственной промышленности и для соображения мер, направленных на пользу этой промышленности и связанных с нею отраслей народного труда. Русский либерал, как подобает либералу, умилился душой перед величием такого начинания. Либералы забыли или не хотели припомнить, что то, что требовалось теперь правительству выяснить, было уже давным-давно на сотни ладов раз'яснено десятками правительственных комиссий и сельскохозяйственных с'ездов, сотнями томов статистических исследований. И вот сведущие люди в уездных комитетах принялись повторять зады и опять и опять указывать правительству, что «никакие агрикультурные технические улучшения, никакие воспособления отдельным отраслям хозяйства частными мерами не в состоянии улучшить положение сельскохозяйственной промышленности, пока не будут устранены коренные препятствия к ее развитию», которые заключаются в «малой культурности населения, в отсутствии у него ясных и прочных прав, в чрезмерном развитии административной опеки, в излишних ограничениях роли и задач местного самоуправления, в неправильном распределении податного бремени, в избытке покровительства мерами финансовой политики обрабатывающей промышленности и, наконец, в неудо-

влетворенности основных нужд крестьян, об'ясняемой существенными недочетами в области поземельной политики» (см. «Русск. Ведом.» № 1, 1903 г.). Кое-кто договорился даже до конституции.

Конституционные вожделения были задушены в полицейских застенках, а все другие заявления будут с такою же бесцеремонностью из'яты губернскими комитетами, где под председательством губернаторов происходит выживание «неблагонадежных» лиц и мыслей. Но еще раньше, чем губернские комитеты успели совершить свою очистительную работу, сам инициатор Особого Совещания, министр финансов, дал в новом таможенном тарифе оригинальную иллюстрацию того, как наше правительство намерено притти на помощь сельскому хозяйству. Новый тариф значит, конечно, повышенный тариф. Это само собою разумеется для русского министерства финансов. Из правительственного сообщения мы узнаем только, что в данный момент имеется целых три мотива для повышения ввозных пошлин: 1) «общие соображения о надобности усиления ресурсов государственного казначейства», 2) «необходимость оказать более существенную поддержку той или другой отрасли производства» и 3) «изменившиеся условия ввоза русских товаров в иностранные государства под влиянием известных правительственных там распоряжений». Видите ли, какая это чудодейственная штука таможенный тариф: он должен наполнить пустые сундуки господина Витте, спасти от банкротства зарвавшихся заводчиков и наказать немцев. Начнем с немцев, так как именно Германию, где недавно принят новый таможенный тариф, имеет в виду пункт третий правительственной мотивировки. Итак, удастся ли нам наказать немцев? Но такими принципами люди руководились разве только в ту эпоху, когда кровавая месть была единственным средством возмездия, когда оком платили за око, зубом за зуб. Повысить пошлины у себя только потому, что они повышены в другой стране, значит совершенно забывать об интересах населения своей страны. Россия вывозит в Германию преимущественно хлеб; в виду повышения пошлин в Германии вывоз туда будет затруднен. Масса русского крестьянства, продающего часть своего хлеба не потому, что она сама в нем не нуждается, а потому, что принуждена платить непосильные налоги, прямые и косвенные, не найдет на рынке достаточного числа покупателей. Цены на хлеб будут падать, и крестьяне принуждены будут продавать больше хлеба, чтобы покрыть все требования государства. А в то же время цены на многие предметы первой необходимости будут повышаться благодаря увеличению ввозных пошлин в России. Если сравнить новый тариф со старым тарифом 1891 года, то мы заметим, что во многих случаях повышение достигает 50 и больше процентов для многих предметов массового потребления. Что таким путем можно поднять культурный уровень обнищавшего населения, — этого не станет утверждать даже русское правительство. Но, — говорят, — протекционизм необходим для развития промышленности и то, что таможенный тариф берет у населения одной рукой, он отдает ему другой и сторицей, доставляя новые заработки. Поддержка промышленности — таков второй мотив министерства финансов. Но не правильнее ли будет сказать: поддержка немногих крупных промышленников? Не к эксплоатации ли массы потребителей кучкой фабрикантов и заводчиков, не к загребанию ли огромной, нигде не виданной прибыли ведет наш протекционизм? Зародившись в такое время, когда покровительствовать собственно еще нечему было, когда близкие и постоянные сношения с индустриальными странами могли бы только содействовать развитию

ЕДИНАЯ РУССКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ИНТЕРЕСЫ ЕВРЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

Сообщая (в № 34) известие о том, что Бунд примкнул окончательно к Орг. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. (и что таким образом инцидент, послуживший поводом к протесту Ц. К. Б., можно считать благополучно законченным), — мы надеялись, что отныне ставшая, очевидно, неизбежной полемика русских соц.-дем. с представителями «новых течений» в Бунде сможет вестись на чисто-принципиальной почве. Такой чисто-принципиальной полемике и была посвящена в № 34 «Искры» статья по вопросу о том, «нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату?»

Наша надежда, к сожалению, не оправдалась. В №№ 109 и 112 «Последних Известий» появилась статьи, писанные в чрезвычайно-вульгарном тоне. Не «Искре», конечно, иметь что-либо против той резкости полемики, которая естественно порождается страстностью отношения спорящих к той идее, которую они отстаивают. Но одно дело — подсказанная страстью резкость тона или даже грубость выражений, и другое дело — вульгарная ругань, источая которую человек, правда, явно показывает, что его вывело из себя, но не старается даже об'яснить, какого рода идеи (идеи, а не ругательства!) он может противопоставить неприятным ему взглядам своего противника.

«Искра» «обрабатывает своего читателя», она «вбарабанивает ему в голову», что она «пуп земли», она «лишний раз подтвердила, что плюет на всякие законности» и ее ссылки на Манифест партии «лицемерны». «Искра» занимается «открытой и подпольной травлей» Бунда и тем довела некоторых своих сторонников до «горячечного бреда» антибундизма. «Искра» повинна в «империализме», и на ее «империалистском лбу надо выжечь» слова, долженствующие выражать ее «полнейшее презрение к еврейскому пролетариату». Если же «Искра», испугавшись подобных последнему обвинений, спешит об'яснить, что она к антисемитизму не причастна и что такие подозрения со стороны бундовцев—результат «болезненно-мнительного чувства», ей свирепо-грозно отвечают: «Это не более как демагогическая пошлость». Дело «не в антисемитизме, а в организационной гегемонии, к которой вы упорно стремитесь и для достижения которой вы не разбираете никаких средств». Причем же все-таки «презрение к еврейскому пролетариату», если дело «не в антисемитизме, в котором никто никогда не думал вас обвинять»? Быть может, стремление к «гегемонии» порождает в «Искре» «презрение» вообще к пролетариату, не только к еврейскому? Подобное обвинение против «Искры» было высказываемо

и росту внутреннего рынка, наш протекционизм с самого начала задерживал, а не содействовал росту промышленности. В интересах фиска, т. е. для ведения бесполезных войн, для развития европейского милитаризма, пошлины все более и более увеличивались, и когда, казалось, промышленность достаточно выросла, чтобы стать на собственные ноги, гипертрофия протекционизма продолжала парализовать ее дальнейший рост, доводя до минимума конкуренцию между предпринимателями, поддерживая дороговизну многих предметов как личного, так и производительного потребления. С начала пятидесятых до середины семидесятых годов пошлины у нас взимались сравнительно низкие, и это оказало очень благодетельное влияние на развитие нашей промышленности. Но затем стали руководствоваться «общими соображениями о надобности усиления ресурсов государственного казначейства». Так, в 1877 году, в самый разгар русско-турецкой войны, введена была уплата таможенных пошлин золотом, что сразу увеличило покровительственные пошлины на 33 процента и соответственно подняло цены на ввозимые товары. В 1881 году пошлины увеличены на 10 процентов, в 1885 г. — опять на 10 процентов и отчасти на 20%, а в 1890 г. последовало всеобщее повышение опять на 20%. Пересмотренный в 1891 г. тариф должен был об'единить все предыдущие повышения и на деле принес новые повышения. Тогда европейская печать находила, что Россия дошла до крайних пределов покровительства, но новый тариф показал, что Европа ошибалась. Уже в 1889 году таможенный доход составлял $36^1/_2$ процентов всей ценности ввоза, т. е. всякая вещь, стоившая за границей $63^1/_2$ коп., пройдя через русскую пограничную таможню, стоила один рубль; в то же время таможенный доход Германии равнялся 8, а таможенный доход Австрии только 6 процент. всей ценности ввоза. Паразитом живущее на народном теле самодержавие высасывает последние соки из народа, заботясь лишь о собственных интересах. Около 60 процентов государственных доходов дают косвенные налоги, и четвертую часть этих последних составляет таможенный доход. Очень небольшая часть этих денег выбрасывается самодержавием на удовлетворение культурных потребностей населения, как собаке бросают обглоданную кость; все остальное идет на содержание армии и флота, на содержание двора, полиции и чиновников. Обобранное население лишено возможности удовлетворять хотя бы насущным потребностям, а когда оно поднимает голос против своих разорителей, то получает в ответ новые налоги, новые пошлины и казацкие нагайки. Впрочем, порядок обыкновенно бывает другой: сначала идут нагайки, а уже за ними вслед всякие другие казни. «После нас хоть потоп!» — думают министры его величества, но они не видят, что потоп гораздо ближе, чем они полагают.

[Д. Кольцов]

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕАКЦИЯ У НОГ РУССКОЙ ПОЛИЦИИ.

19 и 20 марта нового стиля в германском парламенте, при обсуждении бюджета министерства иностранных дел, товарищ Граднауер, от имени социал-демократической партии, запрашивал германское правительство о гнусных услугах, оказываемых им русскому самодержавию. Граднауер указал, что в Берлине существует особое р у с с к о е п о л и ц е й с к о е о т д е л е н и е, специально шпионящее за русскими социалистами (добавим, что, по нашим сведениям, это отделение состоит в определенных отно-

---

г. Надеждиным и другими почтенными лицами. Если же мы повинны специально в презрении к рабочим-е в р е я м, то не об'яснит ли З. К. Б. нам, как совместить это обвинение с утверждением о том, что «в антисемитизме вас никто никогда не обвинял»? Было бы очень желательно, чтобы З. К. Б. не уклонился от ответа на этот ясный вопрос *.

«Искра» дает своим корреспондентам «ордер» — «греметь против Бунда» (почему бы, о, редакция «П. И.», не пойти дальше и не предположить, что корреспонденции просто сочиняются в ред. «Искры»?); «Искра», разумеется, «заведомо неверно цитирует», она «мутит воду и ловит рыбу»; для характеристики ее добросовестности ее позволительно сравнить с «маститым сочинителем Буреиным».

Мы не станем, конечно, разбирать шаг за шагом статью «Посл. Изв.», мы не станем разговаривать о том, является ли «Искра» «пупом земли» (вместе с знаменитым «поганьем», этот перл литературного вкуса З. К. Б. неминуемо перейдет в историю российской словесности) и точно ли она желает эту «мысль» «вбарабанить в голову читателя». Мы лишь вкратце ответим на некоторые из обвинений З. К. Б., которые построены на неверной передаче фактов или на забвении таковых.

Во-первых, «Искра» в № 33 сказала, что «Бунд поддерживал раскол за границей». Ред. «Посл. Изв.» очень... рассержена этими словами и вопит: «До сих пор нам говорили, что «раскол» вызван глубокими принципиальными разногласиями», теперь же хотят свалить всю вину на Бунд. «Это демагогия, господа, и худшего сорта». Где же тут противоречие? Да, «раскол» был вызван принципиальными разногласиями, но ведь вы — З. К. Б. — числились в стане той из разделенных принципиальными разногласиями фракций, которая отстаивала «новое» направление (экономизм), вызвавшее раскол «Союза». А после раскола вы — до осени 1901 г. — состояли в той из расколовшихся сторон, которая поддерживала русский экономизм. Правда ли это, господа? И если правда, то не в праве ли мы сказать, что «вы поддерживали раскол за границей», и отчасти постольку, поскольку сами были заражены «принципиальными разногласиями»? Но З. К. Б. находит, что наши слова об «экономизме» Бунда — злостная клевета. Ибо, если бы «экономизм» числился в историческом пассиве Бунда, то «почему вы («Искра») все время молчали?» Почему вы в течение двух лет своей страстной полемики с «экономизмом» не проронили об этом ни единого словечка?»

* На самом деле, в брошюре «К вопросу о национальной автономии» «Искра» была обвинена в содействии антисемитизму. З. К. Б. хорошо это знает, но он знает также, что слова «это демагогическая пошлость» довольно сильные слова. И он спешит проявить «силу» своего стиля.

шениях к берлинскому полицейскому управлению), что с нынешнего года при приеме русских в германские университеты их документы отсылаются на просмотр русской полиции и, соответственно ее отзыву, студент принимается или нет. Далее, Граднауер коснулся трех инцидентов, в которых проявился союз между русской и германской полицией: это — дела г-жи Кугель, г-жи Бухгольц и П. Калаева. О последнем деле мы уже сообщали в № 25; г-жа Кугель, старуха 65 лет, германская подданная и жена ремесленника, жившего у русской границы в Мемеле, была летом 1901 года арестована на русской стороне, куда перешла по пограничному билету, отвезена в Либавскую тюрьму и выпущена лишь после очень долгого заключения. Обвиняя ее в содействии перевозке русских и латышских соц.-дем. изданий (дело Ролау и Клявы), либавские жандармы требовали от г-жи Кугель, чтобы она дала показания о русских, навещавших ее мужа. Германское правительство не только — несмотря на два запроса соц.-демократов в рейхстаге — не вступилось за свою подданную, но германский консул, навещая ее в тюрьме, сам застращивал ее в том смысле, что если она не даст нужных жандармам показаний, то будет сидеть очень долго.

Дело г-жи Бухгольц еще характернее. Германская подданная, г-жа Бухгольц попала в списки деп. полиции как «член берлинской организации «Искры». Когда она поехала в Россию, русский консул, как водится, визировал ее паспорт, как бы давая тем согласие русского правительства на ее в'езд, что не помешало ей вскоре быть арестованной в Казани и привезенной в Спб., где жандармы могли пред'явить ей только обвинения, касающиеся ее берлинской деятельности. Когда после нескольких месяцев заключения ее решили изгнать из России, то, несмотря на данное германскому послу обещание, что она поедет на свой счет, русские власти отправили ее этапным порядком.

В ответ на запрос Граднауера, особенно напиравшего на предательское поведение германской дипломатии в деле ограждения интересов германских подданных, — мин. иностранных дел самым циничным образом подтвердил, что русская полиция, с согласия германского правительства, следит за русскими в Берлине. Он находил, что поведение русских жандармов в деле г-жи Кугель и петербургских властей в деле г-жи Бухгольц ни в чем не затрагивает чести Германии, а относительно гнусной выдачи Калаева не дал никаких об'яснений, если не считать попытки причислить К. к анархистам, на основании «ужасной» фразы, взятой из одного найденного у него русского издания (слова: «месть палачам»). На возражение о том, что преследуемые русские не имеют ничего общего с анархистами, министр имеет характерный ответ: теоретически, конечно, их надо отличать от анархистов, но надо иметь в виду русские порядки, с точки зрения которых соц.-демократы — государственные преступники. Очень хорошо! Лучше г. Рихтгофен не мог бы выразить той несомненной истины, что он готов бы выдавать турецкому деспоту армянских мучеников и китайскому правительству интеллигентных китайцев, ибо ведь и те и другие, если принять во внимание турецкие и китайские порядки, являются государственными преступниками! Словом, германское правительство недвусмысленно обещает и впредь оказывать подлые услуги русской жандармерии. Оно сможет это делать спокойно, ибо, кроме германской соц.-демократии, никто в стране не протестует против этого позора. Граднауер заклеймил в своей речи немецких профессоров, которые терпят вмешательство русской полиции в дело приема студентов в университеты. Да что профессора! В рейхстаге ни одна

Полно, так ли мы уже молчали? Не припомнит ли автор, что он сам написал двумя столбцами раньше (стр. 3 № 109)? Там он заявил, что в книге Ленина, стр. 44, имеется «извращение» смысла резолюции IV с'езда Бунда. Извращения у Ленина, разумеется, не было, но была полемика против этой резолюции и доказательства того, что она продиктована традициями «экономизма». Ленин мог быть прав или нет, он мог верно передать или «извратить» смысл резолюции бундовского с'езда, но никак нельзя сказать, чтобы он в течение двух лет молчал о причастности Бунда к «экономизму». Согласится ли ред. «П. И.» с нами в этом, признается ли она, что ее слова о нашем былом молчании, якобы доказывающем лживость наших теперешних утверждений, основаны сами на плохой памяти?

Но не один Ленин занимался «экономизмом» Бунда. В статье «Об еврейском рабочем движении», появившейся в № 3—4 «Зари», обстоятельно доказывается, что весь-то русский «экономизм» явно-бундовского происхождения. Верно это или нет, но нельзя отрицать, что автор статьи не «молчал», по крайней мере на протяжении доброго десятка страниц. Но что З. К. Б. промолчал всю эту статью, как в той ее части, где она занимается влиянием бундовской тактики первых лет на создание русского «экономизма», так и в той, которая посвящена «национальной программе» Бунда, — это несомненный факт.

Может быть, после всех наших доводов З. К. Б. все еще уверен, что он с «экономизмом» ни в каком родстве не состоит? Поищем для окончательного его убеждения вполне беспристрастных свидетелей. Мы, пожалуй, вызвали бы небезызвестного г. Г. (см. Vademecum), но боимся, что товарищи из З. К. Б. не захотят оказать нам содействия в отыскании этого свидетеля. Ограничимся поэтому всего одним свидетелем, который недавно произнес след[ующие] слова: «До тех пор, пока основой наших организаций, как теперь в некоторых городах, будет продолжать служить профессиональное движение, до тех пор, пока «кассы» будут держать наших наиболее активных и развитых рабочих в умственном порабощении и отнимать у них все время и все силы, — до тех пор у нас такие (какие рекомендуются автором) революционные организации не разовьются». «Никто не станет отрицать, что до сих пор мы отдавали слишком много сил экономическим организациям и экономической борьбе». «Наши организации до сих пор тратили почти все свои силы на исключительную поддержку этих (профессиональных) союзов». А о прошлом времени свид. говорит: «Везде агитация в массе носила лишь экономический характер... даже политическая агитация тоже велась только на экономической почве». Свидетель этот — автор статьи: «Наша ближайшая орга-

буржуазная партия не подняла свой голос против травли русских борцов за свободу. Только один «свободомыслящий» пропищал несколько слов о том, что напрасно г-жу Бухгольц маяли по этапам. Немецкая буржуазия достаточно прогнила политически, чтобы относиться равнодушно к делу борцов за свободу и цивилизацию.

За несколько дней до дебатов в германском рейхстаге в Австрии был арестован с русскими соц.-демократическими изданиями один русский, которого австрийская полиция готовилась уже выдать России, чему помешало лишь вмешательство т. Дашинского (депутата). Тогда арестованного заключили в тарнопольскую тюрьму, у русинов соц.-дем. в Лемберге (Ганкевича и друг.) произвели обыски, и австрийская прокуратура начала следствие о провозе русской литературы в Россию. Как водится, и тут делаются попытки навязать нам «анархический» образ мыслей. И австрийские власти, подобно германским, проявляют при этом удивительное лакейство перед «наследственным врагом» — Россией. Аресту русского предшествовала с месяц назад конфискация австрийскими властями груза литературы («Искры»), пришедшего на одну пограничную станцию. Крестьяне, явившиеся за получением груза, были арестованы, для присутствия при допросе их приехал русский жандармский офицер. Этот господин, в присутствии австрийских чиновников, пытался подкупить крестьян, склоняя их к тому, чтобы они перешли границу с заранее заготовленными для них паспортами и указали жандармам лиц, которым они намеревались передать литературу. Крестьяне отказались, и их пришлось выпустить.

Случившееся в Австрии, несомненно, представляет один из результатов недавней поездки русского министра иностранных дел графа Ламсдорфа по Австрии и балканским странам. Граф не только «умиротворял» македонскую революцию, он еще договаривался с правительствами о преследовании русских социалистов. После его поездки румынская полиция стала проявлять чрезвычайное усердие в этом направлении, а Болгария наводнилась русскими шпионами. Последние стараются даже проникнуть в болгарскую соц.-дем. партию.

Да что — Балканский полуостров! В конце прошлого года нам пришлось испытать натиск русской жандармерии даже... в Египте. По доносу одного негодяя, русский консул в Александрии отправился на русский пароход «Боржом» (перед его отходом) и произвел обыск вещей матросов, в которых нашел много изданий «Искры» и, кажется, «Свободы». Владелец груза, матрос В., успел бежать. В декабре консул узнал, что В. живет в Александрии в доме американской миссии, и потребовал его выдачи как анархиста, обвиняющегося в убийстве. Повидимому, были сфальсифицированы кое-какие документы для убеждения местных властей. Последние дали приказ об аресте, матрос был заключен в тюрьму и подвергнут допросу консула и какого-то приезжего русского чиновника... К счастью, так как арест произошел в здании миссии, в судьбе матроса, которого собирались уже выдать на русский пароход, принял участие американский консул, который, вкупе с английским консулом, противопоставил лживым утверждениям русской полиции удостоверение в том, что В. — социалист и ни к какому убийству не причастен. Матрос был освобожден. В настоящее время в Александрии множество русских сыщиков, проявляющих великое нахальство.

Наконец, на этих днях произошел арест гг. Гоца и Энгеля в Италии по обвинению русской полицией

низационная задача» в № 28 «Arbeiterstimme» за август 1902 г. *.

Не очевидно ли после всего этого, что «Искра» сочинила басню о былом «экономизме» Бунда? И тот, кто читал цитированную только что статью, не согласится ли с ред. «П. И.», что «Искра» проявила удивительное самохвальство, дав понять, что ее борьба с экономизмом помогла вытравлению этой болезни и из недр самого Бунда? Не правда ли, что эта статья, так решительно порывающая со всяким экономизмом и кустарничеством, написана автором совершенно самостоятельно и что встречающиеся в ней очень часто аргументы и даже выражения, за полгода до того высказанные Лениным, лишний раз свидетельствуют, что писатели «Искры», стремясь «не только к идейной, но и к организационной гегемонии», узурпируют те мысли, которые имеют еще высказать жертвы ее «диктаторского» честолюбия?

Второй пункт. «Искра» (в № 34) обвинила З. К. Б. в ребяческих воззрениях на крупные социальные явления, именно на антисемитизм. «Такого лестного отзыва,— отвечает З. К. Б.,— мы удостоились за след. место из № 105 «П. И.»: «антисемитизм пустил корни и в рабочей массе». Не правда это, господа! Не за это место вас обвинили в ребяческих воззрениях, а за ваше утверждение, что взгляды Екат. Комитета на этот вопрос, взгляды, разделяемые всей револ. соц.-дем. (именно, что антисемитизм есть выразитель интересов определенных буржуазных слоев общества), являются «вредной сказкой». Сказали вы это, господа, в № 105, да или нет? И если к № 112 «П. И.» вы до такой степени устыдились шовинистической своей выходки в № 105, что не желаете напомнить о ней читателю, то поразительной... смелостью является ваша попытка обвинить нас в передержке по этому пункту. Пустил ли антисемитизм корни в рабочей массе или нет,— об этом мы с вами не спорили ни единым словом, и ни на чем не основано ваше утверждение, будто мы вам приписали мысль о «связи антисемитизма с интересами рабочих слоев населения» (эти слова поставлены в № 112 в кавычки, а между тем их нет в тексте № 34 «Искры»). И вот, совершив такое... перемещение пункта спора, З. К. Б. заявляет, что передержка, якобы совершенная «Искрой», может быть квалифицирована как достойная Буренина! Воистину: медведь козу дерет, да сам же и ревет.

Пункт третий. «Искра» заявила, что самостоятельная организация еврейского пролетариата будет «организа-

* Русский перевод статьи издан З. К. Б.; см. стр. 7, 11, 12 и 13.

в соучастии с Балмашевым. Итальянское правительство оказало любезную услугу русским жандармам, и нет сомнения, что содержание взятых у Гоца бумаг станет известно русскому консулу.

Против русского революционного движения, повидимому, готовятся заключить союз реакционные правительства всех стран. Что ж! Этот союз не остановит развития нашего дела, хотя и отзовется на нас новыми жертвами. Но полицейское сотрудничество буржуазной Европы с русским царизмом будет содействовать усвоению русскими революционерами той истины, что вне социалистического пролетариата дело русской свободы не имеет надежных друзей в Европе. Предстоящая России революция будет иметь не национальное только, а мировое значение. Она нанесет смертельный удар всеевропейской реакции, зловреднейшим вдохновителем которой является русский самодержец. Тем самым русская революция будет способствовать более успешному, более быстрому развитию дела социализма на Западе. Сознание великого исторического значения нашего движения поможет нам легко перенести те новые испытания, которыми грозит нам поступление европейских правительств на службу в русский департамент полиции.

[Л. Мартов]

«СОЦИАЛИЗАЦИЯ», «КООПЕРАЦИЯ» И ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА «СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ».

В ряду отличительных черт т. н. «партии соц.-рев.» стоят: «социализация», «кооперация» и обилие популярной литературы. Как ни разноценны эти качества, но мы их об'единили в заголовке нашей заметки, так как, во-первых, хотим произвести краткую качественную оценку популярной литературе соц.-рев., которая до сих пор «оценивалась» только в тысячах экземпляров и в пудах, и, во-вторых, заодно уж посмотреть: в каком виде доходят до мужика те «программные» пункты, которые в «Рев. Росс.» окружены частоколом хищнически надерганных цитат и которые должны обеспечить «партии соц.-рев.» право на самобытное существование.

Эту непривлекательную работу мы нашли нужным произвести в предупреждение действующих в России товарищей. Недостаток соц.-демократической литературы, пригодной для обращения среди крестьян, может натолкнуть иных из товарищей-практиков на популярную литературу соц.-рев. А качества этой последней, говоря мягко, вызывают на размышления. Распространять ее — значит подчас говорить мужику заведомую неправду. Мы ниже покажем это. А сейчас сделаем указание на одну характерную черту соц.-революционной литературы для «народа» — ее нередкое неприличие, свидетельствующее о неуважении к личности читателя. «Рев. Росс.» много говорила о своем органическом отвращении к «приемам вульгарной и пошлой буржуазной прессы» и клялась у алтаря социализма проявить «созидательную силу, творящую новые формы во всех областях мысли и жизни» (№ 11). Но это, очевидно, для господ. А в литературе для народа «созидательная сила», направленная на «новые формы», сказалась только в нецензурных выражениях, каковая нецензурность не имеет никакого отношения к политике.

Смеем думать, что «Центральный Комитет» партии соц.-рев., уже однажды (и притом единственный раз) проявивший свою власть... в цензурной области, должен был бы снова выйти из состояния летаргии и подвергнуть

цией бессилия». З. К. Б. кажется, что, сказав это, «Искра» «забыла всякую осторожность и высказала некоторые свои сокровенные (!) мысли, проливающие много света на физиономию «общерусской организации»; эти слова следует поэтому «выжечь на империалистском лбу «Искры», как свидетельство ее полнейшего презрения к еврейскому пролетариату». Очень сердито. Но уверяем вас, что нет никакой надобности выжигать эти роковые слова на нашем лбу: мы надеемся их часто еще повторять еврейским рабочим. Мы всегда будем твердить им, что «самостоятельная политическая партия» еврейского пролетариата обречена на бессилие в борьбе с русским царизмом; что весь российский пролетариат обречен на такое же бессилие, если распадется на ряд «независимых» политических партий, организованных в пределах одного района или среди одной народности.

Пункт четвертый, резюмирующий все прочие. «„Искра" заговаривает о Бунде только тогда, когда ей представляется случай его лягнуть» (№ 109, стр. 1). Это до такой степени верно, что на стр. 4 того же бюллетеня сказано, что «Искра» называла Бунд «прочной», «большой», «образцовой» организацией и «посылала русских товарищей к ней на выучку». «Ваши эпитеты, господа!»—нравоучительно подчеркивает автор, очевидно, желая «вбарабанить» (ваш эпитет, господа!) читателю в голову, что «Искра» не только «лягала» Бунд, но и в лестных выражениях оценивала его достоинства. Автор к 4-й странице успел забыть, что ему нужно притворяться, будто бы «Искра» только и делает, что «лягает». Следует лучше обдумывать, что пишешь, и сводить как-нибудь концы с концами в своей полемике.

А теперь перейдем к самой сути вопроса, вновь затемненного людьми, не желающими или не умеющими об'ясниться, что называется, начистоту. Нужна ли, в самом деле, «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату в России? Мы, так называемые «империалисты», думаем, что такая отдельная партия не нужна еврейским рабочим, как она не нужна рабочим Уральского или Сибирского района. З. К. Б. с этим не согласен. Но он идет далее: он продолжает утверждать, что такая отдельная политическая партия еврейских рабочих уже существует и что мы или проглядели ее по своей слепоте или злоумышленно ее игнорируем. Странно! А между тем, несомненный факт, что Бунд примкнул к Орг. К. Последний есть «О. К. Росс. С.-Д. Р. П.», название каковой партии значится до сих пор в заголовке некоторых изданий Бунда. Задача О. К. — подготовить организационное единство Росс. С.-Д. Р. П. Входя в его состав, Бунд тем самым берется содействовать этому организационному об'единению. Каким же

цензурному запрету некоторые литературные произведения своей партии *. По «независящим обстоятельствам» воздерживаемся от цитат.

Теперь от формы к содержанию.

В брошюре «Воля Царская и Воля Народная», 1902 г. (изд. «Аграрно-Социалистической Лиги», «примыкающей по своей программе к Крестьянскому Союзу Партии С.-Р». и состоящей с этой партией в федеративных отношениях) вот как резюмируется анализ современных социальных отношений: «Итак, против рабочего народа царь имеет в своих руках две огромные силы: во-первых — армию чиновников, солдат, полицейских и жандармов и во-вторых — крупных землевладельцев и капиталистов-промышленников, денежных людей. Теперь всем стало ясно, что эти две силы — тоже два родные брата, или две руки самодержавного царя (курс. наш), а рука руку моет, и ворон ворону глаз не выклюет. И не кончится эта мука рабочего народа до тех пор, пока все начальство назначается царем, а не выбирается народом, т. е. пока будет на Руси царское самодержавие».

«Нужно заставить царя, чтобы он созвал выборных всего народа в Земский Собор, и какие они порядки установят, так тому и быть, и чтоб царю их слушаться и без их согласия не распоряжаться... Тогда только настанет мир на Руси и тогда только можно будет народу лучше устроиться, ввести больше равнения и справедливости» (стр. 33).

Как все просто! Царь. У царя две руки. Одна рука — землевладельцы, промышленники и денежные люди (капитализм?). Другая рука — жандармерия. Стоит «посадить царя и его министров на отчет» (стр. 41) — и «мука рабочего народа» исчезнет, на Руси настанет желанный мир. «В этом весь и секрет!» — говорит мужику Аграрно-Социал. Лига (стр. 41).

Как все просто! Но вместе с тем: как все... смело! Впрочем, Крестьянский Союз давно уже сказал: «В такие времена, как наши, целесообразна одна смелость!» («Р. Р. № 8).

В брошюре «Ко всему русскому крестьянству — от Крестьянского Союза П. С.-Р.» (1902 г.) развивается такая социальная философия: «Отдельные помещики и богатые — это только малые медвежата. Их можно бы всех побрать голыми руками, да сначала нужно одолеть большого медведя — царя и его правительство. Нужно приготовиться, собраться с силами, сбить большую облаву, с ружьями и рогатинами, чтобы покончить с медведем, а там уже хозяйничай в его берлоге, как умеешь и как знаешь» (стр. 11 и 12). «Социалисты-революционеры, — говорит та же брошюра, — хотят во что бы то ни стало добиться правды на земле» (стр. 15). Очень, очень похвальная цель. Но люди, которые сами говорят неправду, не годятся для осуществления такой задачи.

Средства борьбы, рекомендуемые Крестьянским Союзом, очень разнообразны: «Тут могут послужить и потравы, и порубки, и пожары „от неизвестных причин", и всякие другие способы...» (стр. 22). «Кроме того, мир всегда может... в подрыв кулаку-ростовщику завести свою общественную кассу, общественную сеялку и тому подобное...» (стр. 22). С одной стороны, пожары «от неизвестной причины», с другой стороны — общественная сеялка. Если не ошибаемся, это называется «широтою».

* См., напр., рассказ Сущинского в № 2 «Народное Дело» или брошюру Ивана Вольного «За веру, царя и отечество».

образом Бунд может одновременно составлять часть партии и — «самостоятельную партию»? З. К. Б. отвечает: фактически Бунд является самостоятельной партией. «Бунд, со дня своего образования, вплоть до наших дней, работал и развивался как совершенно самостоятельная организация. Ни у кого не спрашивая (спрашивать не у кого было), справляясь с интересами еврейского пролетариата, он совершенствовал, менял и умножал свои органы, расширял поле своей деятельности, разрешал все (!) вопросы теории (!!) и практики, — как частные, так и общие, — выработал даже свою национальную программу, и когда таким образом выросла самостоятельная партия еврейского пролетариата, „Искра" таращит глаза от удивления» и т. д. Но не замечает ли З. К. Б., что совершенно то же самое может сказать о себе всякий комитет росс. партии? Оглядываясь на свою историю с того времени, как только что образовавшаяся партия оказалась организационно-разрозненной, каждый комитет может сказать, что он «развивался, как совершенно самостоятельная организация», «ни у кого не спрашивая и справляясь с интересами местного пролетариата», как он их понимал, конечно. Каждый комитет самостоятельно «разрешал», конечно, не «все вопросы теории и практики», как Бунд, но, по крайней мере, те вопросы политической практики, которые как-нибудь решить под силу отдельной районной или местной организации. О разрешении вопросов «теории» не могло быть для отдельного комитета речи постольку, поскольку столь узкими рамками сдавленная работа и не требовала определенного ответа на эти вопросы; и мы думаем, что более согласно с истиной и с уважением к теории будет сказать, что если Бунд, как таковой, за время своего обособленного существования, и «разрешал все вопросы теории», то лишь в том смысле, что проходил мимо них. Ведь Бунд, как таковой, не выработал своей особой политической программы — этой сводки в применении к политической практике основных положений партийной «теории»... Несколько программных резолюций, выработанных отдельными с'ездами по вопросам злободневного характера, еще не позволяют говорить о своей «теории» или о своей программе.

И подобно Бунду, не один русский комитет мог бы сказать себе, что, «решая все вопросы дня», он считался лишь с интересами местного движения. Это было неизбежно при условии раздробленности партии, но это-то обстоятельство и завело наше движение в тот тупой переулок, из которого необходимо выйти ценой героических усилий. Это-то и создало в партии ту атмосферу кустарнических точек зрения, местных интересов и микроскопических «задач», в которой движение стало задыхаться и из которой наиболее созна-

Кстати. Мы ничего не знаем о генеалогии Крестьянского Союза. Но надо думать, что в его состав вошли организации, построенные по «Уставу Братства для защиты народных прав», изданному в 1899 г. «Союзом русских социалистов-революционеров». В этом крайне поучительном документе имеется, между прочим, такой пункт: «Все члены дают присягу (sic!) или торжественное обещание свято хранить верность братству» (стр. 16).

Присяга, лесная порубка, царь на учете, общественные сеялки и «уравнительные» пожары от неизвестной причины... «Социалисты-революционеры хотят во что бы то ни стало добиться правды на земле!»

Они так спешат к своей высокой цели, что нередко наступают себе правой ногой на левую. Они отказались, напр., выставить определенную минимальную программу, дабы не впадать в «беспочвенное прожектерство» (в духе «Искры»). Доколе не уничтожено самодержавие, «нам еще рано более детально выяснять будущий характер наших положительных государственных работ» («Рев. Росс.» № 15 (курсив наш). Это для чистой публики. А для «рабочего класса» соц.-революц. выставляют в популярных брошюрах детально разработанные программы, не дожидаясь призыва (в буржуазно-конституционном государстве!) к «положительным государственным работам».

В двух брошюрах Крестьянского Союза: «Несправедливое устройство русского государства» (стр. 30) и «Ко всему русскому крестьянству» (стр. 28) выставлены две программы (по пунктам), которые только тем похожи друг на друга, что обе смешивают минимальные требования с конечной целью. Подробно разбирать эти плоды «беспочвенного прожектерства», долженствующего лечь в основу «социал-революционных» «государственных работ», было бы слишком непроизводительно. Но в обеих программах заслуживает внимания одно обстоятельство, в высокой степени поразительное.

Мы теперь уже доподлинно знаем, что «в аграрной программе-минимум Партии Соц.-Рев. особенно видное место занимают два пункта: требование социализации земли и стремление («пункт») к развитию сельскохозяйственных трудовых товариществ или кооперацій» («Р. Р.» № 14).

Но если мы обратимся к брошюрам и «программам», рассчитанным на мужика, то кооперации тут не сыщем и со свечой, а социализация предстанет перед нами в самом неожиданном виде.

В программе брошюры «Несправедливое устройство...» говорится, правда (п. 1), что землю должно «сделать общественным достоянием», но тут же указано, что «раньше, чем это дело будет закончено, необходимо даром прирезать крестьянам земли, сколько им надо, из лежащих пустыми или сдаваемых частным арендаторам земель».

Чтобы понять, какой «программный» смысл имеет даровая прирезка, нужно взять п. 3, который гласит, что фабрики и заводы должны принадлежать «всему рабочему народу», причем прибавляется, что, «пока удастся это исполнить», необходимо улучшить положение рабочих путем фабричного законодательства.

Таким образом, социализация земли уравнивается с социализацией фабрик и отходит в область конечных целей. В минимальной программе, на-ряду с фабричным законодательством, оказывается... даровая прирезка. Значит, г. Рудин *, против наших «отрезков» стоят

* См. в № 3 «Вестника Русск. Рев.» его статью «К крестьянскому вопросу».

тельные члены партии стараются его вывести. А чтобы вывести движение на новый путь, необходимо покончить с той «самостоятельностью» своего «прихода», при которой каждая отдельная организация «решает все вопросы, ни у кого не спрашивая» и считаясь лишь с «интересами своего пролетариата», и когда важнейшие вопросы теории и программы просто ускользают из поля зрения местных деятелей или же «решаются» применительно к убожеству местных «интересов». Вот почему приходским «патриотам» заботы о действительном об'единении нашей партии должны казаться злоумышлением против их собственной «самостоятельности». Но, к счастью, таких «патриотов» становится у нас все меньше. Большинство местных и районных организаций решительно идет навстречу такому ограничению своей «самостоятельности», которое связано с функционированием единой партии.

В числе прочих «обвинений», выставленных против нас сердитым З. К. Б., стоит такое: вы стремитесь к организационной гегемонии. Друзья мои! Мы готовы открыто признать, что именно к этому мы стремимся, только... к гегемонии чьей? Организация «Искры» взяла на себя подготовительную работу, необходимую для действия об'единенной партии. С завершением этой работы особая организация «Искры» не будет нужна. Плодом ее работы, в которой теперь принимает участие большинство местных организаций, явится централизованная «боевая организация» русской социал-демократии, которая будет представлять партию в целом. Вот именно к «гегемонии» партии в целом над ее многочисленными отдельными частями мы и стремимся. Партия должна руководить работой отдельных своих частей. И Бунд, как одна из таких частей, должен, по нашему мнению, признать над собою такую «гегемонию» всей партии, в определении воли которой он, конечно, будет участвовать. Ставя такое требование, проявляем ли мы «презрение к еврейскому пролетариату?» Уверенные в том, что выделение еврейских организаций в особую партию будет «организацией бессилия» — как бессилия еврейского рабочего движения, так и бессилия всего расколовшегося российского движения, — говоря это, обижаем ли мы какие-либо законные чувства? Неужели вызванная партийной дезорганизованностью обособленность Бунда от прочих частей партии уже успела вырыть между нами такую пропасть, что бундовцы не могут уже понять мотивов, руководящих русскими социал-демократами в их борьбе за «гегемонию» движения в целом над частными движениями евреев, великоруссов, малоруссов, грузин и т. д.?

Отвечая на статью в № 33 «Искры», З. К. Б. заявил, что из всего в ней сказанного он приветствует только след.: «пока мы не стали едины организационно и не

у вас «прирезки», а не социализация? Иначе почему не противопоставлять нашему требованию 8-час. раб. дня вашей социализации фабрик?

Еще поучительнее программа, выставленная в брошюре «Ко всему русскому крестьянству».

Пункт 10 требует, чтобы наемных рабочих «защищали особые законы от произвола и притеснений хозяев»... Пункт 11 — «чтобы такую же законную защиту имели труженики-арендаторы помещичьих земель (значит, остаются?) и чтобы арендная плата могла браться только из чистого дохода»... И пункт 12 — «чтобы, наконец, был принят целый ряд мер для перехода всей земли, всех фабрик, заводов, железных дорог, рудников из рук отдельных хозяев в руки всего народа». Последнее требование похоже на социализм. Но тогда в аграрной программе-минимум остается только контроль над арендными сделками. Это требование имеется и в нашем проекте программы, рядом с преследующим ту же цель возвращением отрезков. Таким образом, нашим отрезкам соответствуют у вас уже и не социализация и не прирезка, а просто... пустое место.

Замечательное дело! Наш проект программы — «кабинетная выдумка». Социализация же с кооперацией вырваны с корнем из крестьянской жизни. Но в популяризации социал-революционной «программы» для мужика кооперация либо совершенно проваливается, либо вместе с социализацией входит составной частью в социалистический строй. Что ж это значит? Г. Рудин, мечущий молнии, видом малые и не смертельные, рекомендует нам отказаться от «односторонней формулы социализации сверху, через пролетаризацию», — тогда как есть путь более прямой: снизу, через кооперацию. Казалось бы, этот путь необходимо, нимало не медля, указать «всему русскому крестьянству». А между тем, Крестьянский Союз тщательно конспирирует от мужика два «наиболее характерных» пункта своей аграрной программы-минимум. Не придет ли таким путем «партия соц.-рев.» к той же «односторонней формуле социализации сверху», но, разумеется, не через «пролетаризацию», а, например, через захват власти небезызвестной Боевой Организацией?... Или, может быть, партия отложит «наиболее характерные» пункты своей программы-минимум до того момента, когда ее призовут к «положительным государственным работам»? Разъясните это недоумение, г. Рудин!

[Н. Троцкий]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая демонстрация в Ростове-на-Дону. Сообщаю вам очень и очень интересную новость: вчера, 2 марта, около 5 часов вечера, у нас состоялась уличная демонстрация весьма внушительных размеров. Дело было так: в 4 часа дня в Темерницкой балке собралось, по обыкновению, очень много народа поглазеть на «кулачки», которые устраиваются там по праздникам. Так как демонстрацию заранее подготовил Донской Комитет, то, по его призыву, туда же явилось несколько сот рабочих и после коротенькой речи развернули два красных знамени и двинулись в город. На знаменах было написано очень ясно и четко белою краскою, на одном: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день», а на другом: «Да здравствует политическая свобода». Полиция, присутствовавшая на кулачках, не будучи ни о чем осведомлена, страшно растерялась и сначала даже не догадалась, что ей делать. Между тем, душ 400 или даже больше рабочих, сопровождаемые многочисленной толпой, вооруженные каменьями, палками и еще кое-чем, с криками «ура», «долой самодержавие» и

встали твердо на верный путь, соединение с нами ничего не даст „всем другим" национальностям». З. К. Б. «готов подписаться под каждым словом этого заявления», но сожалеет, что «Искра» не сделала необходимого вывода из этих слов в применении к предмету полемики. Мы не ошибемся, если скажем, что З. К. Б. имел в виду такую мысль: пока русская социал-демократия не об'единится, соединение с ней «ничего не даст» организованному еврейскому пролетариату. Так рассуждать может лишь тот, кто успел совершенно позабыть о всякой связи между Бундом и русским движением, русской соц.-демократией. Так думать может лишь тот, кто стоит на точке зрения, выражаемой словами: «мое дело — сторона». Мы же думаем, что кровные интересы еврейского пролетариата требуют отказа от такой точки зрения, требуют решительного, не со стороны, а непосредственного участия Бунда в деле организации единой росс. партии. С точки зрения интересов «прихода», такое участие требует больших жертв, — жертв и своей «самостоятельностью», и силами своей организации, и ее денежными средствами. Но точка зрения интересов прихода — ложная точка зрения, оставшаяся как наследие периода организационного кустарничества. С точки зрения действительно партийной социалист-еврей обязан, где бы он ни работал, активно содействовать классовой борьбе русского пролетариата в целом и не дожидаться, пока он составит сильную партию чтобы вступить с ним в «федеративную» связь, а помогать ему образовать такую партию. Самодержавие будет свалено натиском всех сил русского пролетариата, и как бы ни была совершенна организация той относительно незначительной его части, которую составляют евреи, — пока организация громадного большинства пролетариата, крупной промышленности хромает на обе ноги, до тех пор самая интенсивная, самоотверженная работа в своем уголке не приносит и десятой доли тех результатов, которые она могла бы принести. Разве вы не видели этого в прошлом году, когда дикий набег фон-Валя заставил вас подумать даже о том, что правительственная «тактика обесчещения», не встречая победоносного отпора, сможет деморализовать еврейский прол-т и когда в стремлении этому помешать вы схватились-было за «организованную месть»? Неужели вы не подумали тогда о том, что, затратив только часть своих сил на планомерную и активную работу для партии в целом, вы, попав на наиболее обстреливаемый врагами пункт, а вместе с вами и все мы имели бы возможность отвечать правительству победоносным массовым отпором пролетариата всей страны?

В настоящее время в «Бунде» совершается реформа, имеющая целью освободить его от той связи с профессиональными союзами, которая создалась в период

пением «Марсельезы» подошли к Далматовскому переулку. Двое военных, ехавших случайно по улице, увидав шествие, соскочили с извозчика, и один из них бросился в толпу, желая отнять знамя, но его здорово помяли и отбросили в сторону. Та же участь постигла нескольких городовых, пытавшихся сделать то же самое. В них бросали каменьями, которые, пролетая мимо, попадали в окна магазинов, так что у Шпехта и других стекла совсем повыбивали. Так дошли до Таганрогского переулка, где на время шествие приостановилось для того, чтобы собрать рассыпавшихся по сторонам рабочих, и затем, сплотившись, прошли до Соборного переулка, откуда повернули обратно, прошли до Таганрогского и затем снова поднялись наверх, вплоть до Большого проспекта. Все это время перепуганная и растерявшаяся полиция делала попытки приостановить демонстрацию, но, получив сильный и решительный отпор, пошла, в количестве 10 или 12 чел., впереди демонстрантов, изображая собою как бы вожаков демонстрации. Зрелище получилось очень любопытное. Было сделано два холостых выстрела, как говорят, начальником охранного отделения Верещагиным. Это произвело впечатление, и публика пустилась бежать, но, увидев, что выстрелы прекратились, тотчас же остановилась.

На Большом проспекте какой-то офицер приказал извозчикам стать поперек Садовой, и только тогда знамена были спрятаны и центр понемногу исчез. Вся же остальная масса продолжала оставаться на Садовой. Было уже около шести часов вечера, публика вышла как раз на гулянье, и образовалась толпа тысяч в 15—20. Тут только появилась кучка пеших казаков, а потом и конные. Казаки загнали публику на Большой проспект, стали в'езжать на тротуар и разгонять толпу. Около Нового Базара есть навес, под которым обыкновенно нанимают прислугу. Под этот-то навес загнали народ и здорово, проклятые башибузуки, избили несколько человек. Вообще полиция свирепствовала под конец ужасно. Незадолго еще до приезда казаков несколько человек полицейских, выхвативши шашки и держа их горизонтально, бросились на толпу. Затем пристав какой-то ни за что ни про что сильно ударил ученика Пресманской школы, переходившего дорогу. Публика толпилась на Садовой еще часов до восьми. Жандармский полковник Артемьев пришел под конец и, прижавшись к будке на Большом проспекте, смотрел как-то растерянно вокруг. Особенно возмутительно вел себя один шпик, рыжий такой, с еврейской физиономией. Вскочив на лошадь, он промчался по Садовой, вертя нагайкой и выставляя ее напоказ всей публике. Вслед ему посыпались, конечно, угрозы, но он уже больше не появлялся... Озлобление и возбуждение среди рабочих было очень сильное: когда на балконах появились фигуры богачей, вышедших посмотреть на небывалое зрелище, то со всех сторон на них посыпались крики: «кровопийцы, буржуи, обжоры!», подымались кулаки, но дальше этого дело, к счастью, не шло. Шпики метили мелом подозрительных... В общем, можно сказать, что демонстрация удалась как нельзя лучше и впечатление произвела неимоверное. Арестованных на улице рабочих человек двадцать. В демонстрации участвовали и женщины-работницы. Раненых рабочих не знаю сколько, но, кажется, меньше, чем военных. Здорово влетело приставам Антонову и Петровскому и нескольким офицерам. Но что всего хуже, так это то, что арестованных 2 марта на улице рабочих полиция сильно избила в участке.

Из письма другого корреспондента:

Из года в год, великим постом, по воскресеньям у нас за Темерником устраиваются «кулачки». Иногда собирается масса народу от 5 до 6 тысяч. Картина грубая, ужасная.

За некоторое время до «кулачков» Донской Комитет стал устраивать вечерние сходки рабочих в степи. На одной из таких сходок, а именно за день до демонстрации, рабочие были приглашены на «кулачки», разумеется, не драться. Назавтра рабочие стали стекаться за Темерник на «кулачки», это было часа в три. На этот раз «кулачки» были как раз в той балке, где происходили сходки во время стачки. Собралась многотысячная толпа. Д. К. решил использовать момент, и вот, когда «кулачки» приутихли, были выкинуты знамена и оратор обратился с речью, в которой приглашал рабочих пойти в город на демонстрацию. Картина была величественная. Мы окружали оратора, держа его на плечах, над нами развевались знамена. Достаточно было нескольких слов оратора, чтобы вся эта толпа с революционными песнями и криками: «долой самодержавие» и друг. двинулась демонстративно через Темерник в город.

экономизма. Бунд, как он сам заявляет, стремится стать организацией «профессиональных революционеров». Но такая организация, руководящая всей классовой борьбой пролетариата и всей демократической борьбой с царизмом, может сложиться только на широкой арене «общерусского» дела. Ее политическая программа, ее планомерная тактика могут явиться только результатом коллективного творчества всех сил русской соц.-демократии. Близорукие кустари могут, конечно, держаться того золотого правила, что «лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме», и в виду этого желать распадения Рима на несколько более или менее «самостоятельных» деревень. Но тип кустаря вытесняется в нашем движении типом действительного революционера, который, не беспокоясь о том нумере, который ему придется занять в «Риме», энергично работает над достойной революционера задачей — постройкой этого «единого и нераздельного» Рима. И никакие искусственно придуманные ярлычки национализма не устраняют того факта, что сказка о нашем так наз. «империализме» сложилась как результат все той же борьбы между революционерами и кустарями в нашем движении, которая ведется уже не первый год.

Борьба эта приходит к концу. Жизнь своими уроками требует торжества наших «империалистских» принципов. Кустарные точки зрения должны быть сданы в архив нашей партии, иначе их рыцарей ждет насмешка и несочувствие со стороны большинства соц.-демократов. В этом, и только в этом, причины того «широко разлитого настроения» в партии, которое З. К-ту кажется специфической враждой к Бунду. Нет, не противники Бунда, не противники еврейского сознательного движения те, кто говорит ему: вы сделали когда-то много для нашего общего дела, сбросьте с себя последние путы организационного кустарничества и, заняв место в наших рядах, работайте вместе с нами!

[Л. Мартов]

Мы, человек восемь с оратором посредине, шли впереди, в двух шагах за нами красные знамена, а за ними многотысячная толпа с организованными рабочими во главе... Через час город оглашался революционными песнями и возгласами: «долой самодержавие» и т. д. К нам присоединилась масса публики, толпа все росла и росла, сливаясь в один могучий организм. Вот на Братском переулке жандармы и полиция делают попытку отобрать знамена, но, пораженные градом камней, обращаются в постыдное бегство. Мы продолжали шествовать победоносно по Больш. Сад. и добираемся до Таганрогск. просп.; здесь раздаются выстрелы: стреляли околоточные, но, к счастью, никого не убили и не ранили.

Но напрасно было их усердие. Демонстрацию все равно решили прекратить; спрятали знамена и решили расходиться. И вот только теперь полиция пустила в ход свое искусство. Она выхватывала из толпы кого попало и за что попало. Мы защищались очень энергично, многих арестованных отбили. Кроме того, нам удалось хорошо отделаться проволокой, которую мы протянули, когда убегали. Полиция, не видевшая ее, так и падала, путаясь в ней. Вы помните, что нам приходилось переживать во время стачки, теперь нечто еще большее, еще грандиознее. Я никогда не забуду 2 марта. Настроение рабочих и всех нас прекрасное. Мы торжествуем победу.

Томск. Дождался и Томск кровавых дней. Вчера 18 февраля имела здесь место демонстрация, незначительная своими размерами, но могущая стать знаменательной своими последствиями. В камере мирового судьи разбиралось дело одного студента, привлеченного другим студентом, известным шпионом Соловкиным, к ответственности за клевету. При слушании этого дела присутствовало несколько десятков студентов, которые своим явно враждебным отношением к шпиону, своими свистками вызвали столкновение с мировым судьей. Возбужденная группа студентов с пением революционных песен направилась к университету и Технологическому институту, где к ним примкнули многие из товарищей. Всего собралось человек 200. Настроение собравшихся было слишком приподнято, чтобы разойтись по домам, и все горячо приветствовали предложение направиться в город. Красный флаг (у кого-то нашелся красный шарф) взвился над толпой. Раздалось стройное громкое пение. Толпа росла и торжественно медленно подвигалась по главной улице города. Явилась полиция, она присоединилась к демонстрантам и тихо маршировала вместе с ними под звуки «Марсельезы», «Дубинушки», «Сбейте оковы». Прошли версты полторы. Впереди шел полицмейстер и несколько приставов, к концу пути явился и губернатор. Дорога лежала через мост около городской полиции и базарной площади. Здесь-то и была устроена засада: выехавшая пожарная команда, сотни телег извозчиков — легковых и ломовых, задержанные полицией обозы загородили большим полукругом дорогу, оставив значительную площадь для поля битвы. Еще далеко были демонстранты, как полиция заставила базарных торговцев закрыть лавки и двинуть свою рать на битву с бунтовщиками.

Выстроились несколько десятков служителей пожарной команды, десятка два-три жандармов, множество городовых пеших и конных. Замерли последние звуки «Дубинушки»; почти тысячная толпа медленно продолжала двигаться вперед; высоко развевалось красное знамя; минута зловещей тишины, чья-то команда: «вперед» — и глазам представилась ужасная картина. Конные врезались в толпу, топтали упавших, свистели нагайки, в воздухе мелькали шашки. Стали ловить отдельных студентов, пойманных отбивали товарищи, но силы озверевших башибузуков были велики. В этот момент правительство нашло себе поддержку в мелких торговцах и извозчиках,—обещанные рубли делали свое дело, — и избитая толпа, несмотря на горячее, упорное сопротивление, была рассеяна. Много избитых; пятерых немедленно увезли в больницу, один, говорят, умирает. Захвачено было во двор городской полиции 65 человек, в том числе несколько частных лиц. Некоторых, тяжело избитых, потерявших сознание, удалось вырвать и увезти. Много сильно избитых и среди арестованных. Поплатились и враги, но, к сожалению, не так тяжело. Побит полицмейстер, пришлось на долю и губернатора. Один полицейский ранен перочинным ножом, другой получил тяжелый удар дубиной по голове. Арестованных переписали, продержали во дворе до семи часов вечера, а затем отпустили, задержав частных лиц.

Нам наверное известно, что всех намеревались отправить в тюрьму, но тысячная толпа, стоящая перед полицией и увеличивавшаяся с часу в час, заставила ожидать новой демонстрации.

Настроение среди всех более или менее сознательных слоев общества напряженное.

Один студент сообщает о той же бойне: «Я с несколькими вздумали убеждать Вяземского (губернатора) прекратить бойню в таких приблизительно выражениях: „стыдись, постыдись своей седины, не отдавай безоружных зверям; ты забыл, что культура сеется не кулаком“ и т. д. Только теперь я понимаю, насколько глупо было убеждать Вяземского. Он молчал. Били не только студентов, избили прис. пов. Вознесенского; били всех, кого вздумается любому дворнику».

Позднейшее сообщение из Томска говорит об успешном ответе студентов и рабочих на избиение 18 февраля: «День 19 февраля был посвящен пропаганде среди рабочих, а вечером во втором студенческом общежитии была предварительная соединенная сходка с участием представителей от рабочих, которая постановила назавтра, т. е. на 20 февраля, назначить в Технол. институт. и в университете сходку, а после оной демонстрацию. В 11 час. утра 20 февраля в первой аудитории университета собралась грандиозная сходка, превышавшая по численности все до сих пор бывшие у нас. После недолгих прений было решено „выйти на мирную демонстрацию со знаменами, разбрасыванием прокламаций, революционными возгласами и пением, и, сказав подобающие речи, разойтись“. Выйдя из университета, студенты направились к Технологическому, откуда вышли технологи. Все направились очень медленным шагом на Почтамтскую; толпа выросла до грандиозных размеров, сегодня явилась масса рабочих, типографщиков и прочей сочувствующей публики, так что подоспевшая полиция, не имея никакого подкрепления, держала себя пока в высшей степени корректно. Выйдя на Соборную площадь, толпа значительно увеличилась. Были вызваны солдаты в полном вооружении, которые загородили дорогу около магазина Гадалова на Почтамтской ул. Толпа повернула назад. Попытка полиции отделить студентов и оцепить их не увенчалась успехом. Солдаты начали оцеплять студентов около клиники, но студенты вошли в здание и прошли проходными дворами. Тогда солдаты были отпущены в казармы, а вернувшиеся студенты сказали несколько речей публике и разошлись. Демонстрацию можно считать удавшейся как по количеству участвовавших рабочих и публики, так и по тому воспитательному значению, которое она имела. Была разбросана масса прокламаций. — Совет присяжных поверенных подал в суд заявление по поводу избиения 18 февраля их товарища Вознесенского, доктора Штейхера, студентов и публики. В Технологическом об'явлена 20 февраля забастовка, и директор закрыл институт».

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

по делу о Соничеве, Исаеве, Апальникове, Никитасенко, Белоусенко, Дмитриеве, Баскакове, Чубареве, Баскакове, Коростылеве, Виноградове, Бондареве, Чичкине, Лютове, Левченко.

В начале ноября 1902 г. в г. Ростове-на-Дону среди рабочих мастерских Владикавказской ж. д. возникла забастовка и беспорядки вследствие пред'явленных к администрации названной жел. дор. требований о повышении заработной платы, уменьшении штрафов и вычетов и вообще на почве отношений экономического характера. Беспорядки эти вскоре отразились и на раб. жел.-дор. мастерских ст. «Тихорецкая», которые 15 ноября, в 8 час. утра, самовольно прервали работы, покинули мастерские и выразили намерение угрозами и даже открытой силой заставить прекратить работы также в депо, электрической станции и вообще вызвать общую забастовку. В виду сего, в Тихорецк были вызваны из ближайших станиц

две сотни казаков льготного состава, не имеющих огнестрельного оружия, и отправлена из г. Екатеринодара одна сотня 1-го Екатеринодарского казачьего конного полка. 16 ноября приехал в Тихорецкую начальник Кубанской области, который собрал рабочих на сходку, вышел к ним и спросил их о причинах забастовки. На это рабочие заявили, что они недовольны железнодорожным начальством, так как им много вычитают и т. п., причем все время слышались общие заявления толпы: «Хотим того же, что и ростовские; как Ростов, так и мы». Вместе с тем, рабочие категорически заявили начальнику области, что до удовлетворения Владикавказской ж. д. пред'явленных ими требований никто на работы не станет. В ответ на это начальник области об'явил толпе, что заявленные рабочими претензии будут переданы на рассмотрение жел.-дор. администрации, причем от себя лично он обещает даже содействие к их удовлетворению, но под условием, чтобы не было произведено беспорядков и все желающие продолжать службу на дороге стали бы на работы. При этом начальник области добавил, что отныне он безусловно воспрещает дальнейшие сходки и что те из рабочих, кто ослушается такового его приказания, будут немедленно высланы из области, на что из толпы раздался голос: «Не верьте, братцы, это он только пугает». После этого начальник области уехал из Тихорецка, оставив там атамана Кавказского отдела генерал-майора Гетманова. В тот же день были везде расклеены об'явления о том, что 18-го утром (17 ноября было воскресенье) последует в мастерских гудок, по которому те из рабочих, кто желает продолжать службу, обязан стать на работу, а остальные получат расчет. Тем не менее, 17-го утром атаману отдела доложили, что большая толпа рабочих собралась на сходку в версте от вокзала, на улице, отделяющей хутор Тихорецк от жел.-дор. поселка, близ угловой рабочей казармы № 91. Около 11 час. дня он отправился туда в сопровождении атамана Кавказского отд. Ракузы и нач. местного отд. Владикавказского жандармского полиц. упр. ж. д. Мартоса. За ними следовали две сотни конного полка, во главе с командиром названного полка, полковником Хельмицким. Под'ехав к толпе в 700—800 чел., среди которых, кроме жел.-дор. рабоч. и членов их семейств, находились и другие жители Тихорецка, вообще тесно связанные с служащими на дороге свойством, кумовством и проч., атаман отдела обратился к толпе с увещанием разойтись, так как сходка запрещена, а когда в ответ на это услышал дерзкие крики ослушания, об'явил рабочим, что разгонит их военною силой, после чего предложил командиру полка Хельмицкому расстроить сборище. Последний, поставив часть льготных казаков вдоль улицы, отделяющей собственно жел.-дор. поселок от хутора Тихорецка, дабы воспрепятствовать собравшемуся в этой части хутора из любопытства народу присоединиться к сходке, двинулся к ней с конной сотней своего Екатеринодарского полка. Выехав сначала один вперед, полковник Хельмицкий попытался еще раз уговорить рабочих разойтись во избежание боевых действий. Но толпа, стоявшая кольцом перед забором палисадника означенной казармы № 91, будучи, повидимому, почему-то уверена в том, что начальство ограничится одними угрозами, упорствовала и даже начала бранить казаков; причем откуда-то со двора казармы в последних полетели куски мерзлого снега; тогда полковник Хельмицкий от'ехал к своим людям и скомандовал: «шашки вон», повел сотню прямо на толпу, приказав, однако, «не рубить во-всю, а наносить удары плашня» или только «по ушам». Между тем, толпа тесно придвинулась к забору палисадника казармы, стараясь выставлять вперед женщин и детей, причем, когда казаки начали наступать, передние ряды садились или даже ложились на землю, дабы препятствовать действию конницы. Завязалась небольшая свалка, при которой рабочие и женщины хватали под уздцы лошадей офицеров и казаков и бросали в них камни; в то же время из толпы закричали командиру полка: «Отведите казаков, мы разойдемся». Последний приказал отступить и завернул сотню. Но как только казаки несколько отошли, вся масса рабочих с криками: «ура! прогнали войско» бросилась на казаков, осыпая их градом кирпичей, поленьев и всевозможных предметов, в числе которых были даже ухваты, ведра, доски, коромысла и т. п., причем дети раскалывали кирпичи, а женщины подносили их в подолах платья буйствовавшим рабочим для бросания. Тогда полковник Хельмицкий опять вернул сотню на толпу и, спешив первый взвод, скомандовал взять винтовки и приказал хватать главных буянов. Тем временем толпа, под напором казаков, почти вся успела перебраться через забор и калитку казармы № 91 и соседних с нею, и командующий первым взводом хорунжий Ткачев бросился туда, чтобы задержать одного из вожаков толпы, указанного ему полковником. В ту же минуту за Ткачевым захлопнули калитку и на него набросилось несколько человек рабочих, причем кто-то оглушил его ударом палки по голове, а другой топором или каким-то другим острорежущим орудием отсек ему кисть правой руки. Тогда командир полка приказал открыть огонь; но не залпом, а «по назначению», отдельными выстрелами, которых и было выпущено всего 46, притом частью вверх. Вначале в толпе раздались-было крики «пугают», «не бойся, холостыми», но когда увидали раненых, все моментально разбежались и попрятались в казармах, где и было тут же задержано несколько десятков человек. Кроме офицера Ткачева, получившего тяжкое увечье, при описанном столкновении получили легкие раны и повреждения 21 казак. Все изложенное установлено при следствии осмотром места происшествия, а также показаниями свидетелей: Тарашкевича, Ракузы, Мартоса, Хельмицкого, Щербины, Алексеева, Захарьина, Ткачева, Мова, Ямпольского, Шумжина, Хоруженко, Сенянкина, Куликова, Меженного, Дыбова, Ляпина, Лиховицкого, Ролика, Каменика, Хорошкова, Хализова, Золотарева, Коваленко, Буцкого, Самойлова, Палия, Маторного и Величенко, а также протоколами пред'явления и суд.-медицинского освидетельствования.

Пред'явлением при следствии нижепоименованных задержанных рабочих свидетелям-очевидцам выяснилось нижеслед.:

1) Относительно Соничева свидетели есаул Щербина и казаки Золотарев и Сенянкин удостоверили, что он бросал в войска камнями, а свид. казак Лиховицкий, что Сон. хватал за повод лошадь хорунжего Захарьина и хотел ударить последнего. 2) Относительно Исаева свидетели-офицеры Щербина и Захарьин удостоверили, что он бросал в войска камнями, а свид. казак Величко удостоверил, что он бросал камни в войска, когда вели арестованных. 3) Относительно Апалькова свид. Щербина, Захарьин и Золотарев удостоверили, что он бросал в войска камнями, а свид. Сенянкин, что ругал Ткачева. 4) Относительно Никитасенко свид. Щербина, Коваленко и Ролик удостоверили, что он швырял камнями в войска, а свид. Хорошков, Коваленко и Хоруженко — что он бросал в последнего из них и ударил его лошадь камнем. 5) Относительно Белоусенко свид. Захарьин и Хорошков удостоверили, что он бросал в войска камнями: Золотарев и Хализов, — что видели в его руках топор, и Щербина, — что видел его в толпе. 6) Относительно Дмитриева оф. Щербина и казак Сенянкин удостоверили, что он бил камнями лежащего Ткачева, свид. Лиховицкий, Самойлов и Маторный, — что, когда Ткачев вбежал во двор казармы, Дмитриев бросился к нему с топором в руке, а свид. Золотарев, — что Д. ударил топором Ткачева. 7) Относительно Баскакова свид. казаки Палий и Самойлов удостоверили, что он бросал в войска камни, казак Буцкий, — что видел его в толпе с камнями в руках, а свид. оф. Щербина и Захарьин, — что видели его в толпе. 8) Относительно Чубарова свид. Щербина и Захарьин удостоверили, что он находился в буйствовавшей толпе, свид. Лиховецкий, — что он бросил в него, свидетеля, десятифунтовую гирю. 9) Относительно Баскакова свидетели удостоверили, что он бил камнями сбитого с ног хорунжего Ткачева, свид. Щербина и Захарьин,— что видели его среди буйствовавшей толпы. 10) и 11) Относительно Коростылева и Виноградова удостоверили свид. Ракуза и Колесник, как они бросали в войска камни. 12), 13) и 14) Относительно Чичкина, Лютова, Бондарева свидетели удостоверили, что их видели в буйствовавшей толпе и как они бросали камни в войска. 15) Относительно Левченки Сенянкин удостоверил, что он бросил в него, свидетеля, револьвер, каковое показание подтверждает свидетель Хализов, а Золотарев и Колесник показали, что видели обвин. Левченко в буйствовавшей толпе.

Будучи привлечены по 2 ч. 269 ст. Улож. о нак., все вышеупомянутые обвиняемые виновными себя не признали и об'яснили:

1) Соничев — служил в Тихорецких жел.-дор. мастерских токарем, участия в сборище 17 ноября не принимал, случайно столкнулся (с войсками) во дворе казармы, где был и ранен; в войска камней не бросал. 3)[10] Апальков (прессовщик труб) пришел с женой посмотреть на сборище, в котором сам не участвовал, а когда стали наступать казаки, спрятался в казармы, где и был задержан. 4) Никитасенко — на жел. дор. не служил; пришел посмотреть на сборище из любопытства, стоял на другой улице и в сборище и в сопротивлении войскам участия не принимал. 5) Белоусенко (смазчик) — на сходке 17 ноября не был вовсе, а находился в казарме № 113, где и был арестован казаками. 6) Дмитриев — на жел. дор. не служил. Попав случайно в толпу, очутился в палисаднике казармы, но топора в руках не имел и в насильственных действиях против войск не участвовал, а хотел только поднять убитого около него рабочего и был задержан. 7) Баскаков (слесарный ученик) — на сходке был, находился на дворе казармы № 91, но в казаков ничем не бросал, а хотел только поднять раненого товарища и был задержан. 8) Чубарев (слесарь) — на сходке не был, в сборище не участвовал, а был задержан казаками около церкви. 9) Баскаков (слесарь) — попал в палисадник казармы случайно. Один офицер хотел арестовать его, но какие-то бабы оттащили его, и он скрылся в казарме № 91, где и был задержан. 10) Коростылев — служил раньше слесарным учеником, но был рассчитан; проживал у отца в казарме № 91. Войскам не сопротивлялся, а лишь вышел на двор посмотреть на сходку. 11) Виноградов — был котельным учеником; рассчитался, стал извозчиком; под'ехал издали посмотреть на столкновение, был ранен пулею в руку и сам отправился в больницу для перевязки. 12) Бондарев — войскам не сопротивлялся, хотел убежать, но был ранен шашкой. 13) Чичкин (котельщик) — 17 ноября весь день просидел дома, в казарме № 123. 14) Лютов (слесарь) — камней не бросал, а, напротив, сам был ранен в руку. 15) Левченко (слесарь)—17 ноября пошел в гости к знакомым, старался обойти место сборища, но в это время его ранили в руку и ногу, и он был отправлен в лазарет. Револьвера не имел. В насильственных действиях не участвовал.

На основании вышеизложенного, вышеупомянутые лица обвиняются в том, что 17 ноября 1902 г. в хуторе «Тихорецком» Кавказского отд., Кубанской области, принимая участие в публичном скопище, образовавшемся вследствие побуждений экономического свойства, они, в составе толпы в несколько сот человек, соединенными силами оказали насильственное противодействие вооруженной силе, призванной для рассеяния этой толпы, во время какового противодействия участники означенного скопища бросали в офицеров и нижних чинов 1-го Екатеринодарского казачьего полка и казаков льготного состава камни, кирпичи, поленья и т. п., хватали казачьих лошадей за поводья и били казаков палками и другими предметами, причем хорунжий Ткачев получил тяжкое увечье, а 21 казак—легкие раны и телесные повреждения, — т. е. в преступлении, предусмотренном 269 ст. Улож. о наказ. Вследствие сего и на основании 200 и 300 и 1256 ст.ст. Уст. угол. суд. они подлежат суду Екатеринодарского окружного суда.

Суд назначен на 5 марта; из Спб., Москвы и Харькова едут адвокаты. Отметим, что обвинительный акт стыдливо умалчивает о количестве убитых рабочих.

Из Тихорецкой сообщают: Следователь по особо важным делам Бурцев, о котором упоминается в последнем правительственном сообщении, деятельно принялся за расследование дела Золотовой и настолько выяснил его, что взял под стражу помощника станичного атамана и восемь казаков, к которым Золотова перешла в пользование от след. Пуссепа.

А сам Пуссеп, следовательно, все еще на свободе?

Новый удачный побег. (Письмо одесского рабочего.) В субботу, 8 февраля настоящего года, были изданы в Одессе листки «Ко всем пекарям г. Одессы». Я взял около 100 экз. для того, чтобы разнести по своим связям. Дело было в 12 час. дня. Я отправился в одно место, где оставил штук 15, а потом отправился в комиссию. (Была избрана комиссия по устройству за городом массового собрания в 1.000 чел. на 19 февраля, в каковую комиссию и я был избран.) Придя в тот дом, где должна была заседать комиссия, я встретился с одним товарищем на лестнице, который мне сказал, что еще никого нет, а потому-то я предпочел пойти к переплетчикам, с которыми я имел дело, для того, чтобы оставить там листки. Отправляясь туда, я не предполагал даже, что там возможен обыск посреди белого дня. Ничего подозрительного не замечая, ни на улице, ни на дворе, я направился прямо в квартиру, в которой и был сейчас арестован, так как там происходил обыск. При моем появлении надзиратель обратился ко мне со следующими словами: «Еще много людей должны сюда притти на сходку» (там была назначена агитационная сходка), на что я ему, конечно, ответил: «Не знаю, пока только я пришел». — После того надзиратель стал обыскивать и, конечно, забрал у меня листки, записную книжку, брошюру «Что делать?» и, кажется, несколько номеров «Искры». Вскоре туда явился еще один надзиратель, которому первый надзиратель показал, что было у меня найдено, затем они стали между собою перешептываться, после чего один из них вскоре удалился. Спустя некоторое время ушедший надзиратель вернулся и после некоторого перешептывания с другими надзирателями обратился ко мне со следующими словами: «Вас сейчас в тюрьму отправим». Я сейчас же поднялся и отправился с надзирателем. Выйдя на улицу, мы сели на дрожки и поехали. Когда я заметил, что мы едем не в тюрьму, а направляемся совсем в другую сторону, то сейчас заметил своему вожатому, что, кажется, тюрьма не лежит в той стороне, куда мы направляемся, на что он мне ответил, что «мы едем не в тюрьму, а в жандармское управление». Приехав в жандармское управление, мы не застали там ни одного ротмистра. Просидев около часу, мой вожатый обратился к вестовому жандарму и сказал: «Вот мне некогда здесь ждать, поручаю вам этого человека и эту пачку, и когда явится ротмистр, то передайте ему вот это письмо, пачку и человека», — прибавив, что это а р е с т о в а н н ы й. По уходе его я остался с вестовым. Сколько мы там просидели,—не помню, потому что я в ожидании успел выспаться; когда же я проснулся, было уже темно на дворе. Вскорости явился какой-то ротмистр и крикнул: «вестовой», мой сторож поднялся и отправился на зов, оставив меня одного. Оглянувшись и увидав, что возле меня нет никого, я открыл дверь, спустился по лестнице и выбежал на улицу, где вскочил в случайно проезжавший вагон конно-железной дороги. От'ехав квартал, я соскочил и отправился по задним улицам пешком в город, где я уж встретился с двумя товарищами, шедшими из комиссии, которым я передал все происшедшее со мной и которые поспешили меня спрятать на первое время.

Москва. (Сообщение из частного письма из московских Бутырок.) «Нервы, надо сознаться, немного расшатаны, но это немудрено, так как за последнее время пришлось многое вынести и много пережить. Протесты наши не ограничились голодовкой, а пошли дальше; на этот раз дело заключалось в следующем. У нас было 13 человек, приговоренных за нижегородскую и сормовскую демонстрации к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на вечное поселение. И вот, после того как их продержали в нашей тюрьме слишком два месяца, их начали отправлять в Сибирь в одиночку, а не одной специальной партией, как они надеялись. После того как трое из них были уже отправлены, остальные послали депутатов к начальнику и заявили ему, в присутствии тюремного инспектора, что они добровольно вразброд не пойдут, и в таком случае их можно будет взять только силой. За резкий разговор с начальником депутаты были посажены в карцер. У нас, понятно, все заволновались, потребовали для об'яснения начальника; пришел весь синклит в полном составе. После недолгих разговоров к нам пожаловал вооруженный солдатский конвой, но его живо

убрали, и к вечеру товарищи были освобождены. Дня через три снова предназначалась отправка, начальство опять заявило, что пойдут только четверо из нижегородцев. В виду того, что уже было сделано заявление тюремной администрации, что они добровольно не пойдут в одиночку, то началось обсуждение, в какую форму должен вылиться в данном случае протест. Решено было забаррикадировать дверь и потребовать, чтобы в партию были взяты все; койками и столами двери были так ловко забаррикадированы, что в камеру можно было проникнуть не иначе, как предварительно проломав дверь. Администрация раньше пробовала-было увещевать, уговаривать, но ничто не помогло; снова был вызван вооруженный конвой, и дверь была выломана. Предназначенные к от'езду взяты в партию, а двое других товарищей опять отправлены в карцер, где они просидели три дня, после чего их изолировали от нас. Зато администрация проявила всю свою гнусную месть на уехавших: в припадке бешеной злобы их переодели в арестантское платье, обыскали как последних воришек и, по выражению начальства, их не заковали и не обрили голов только потому, что время не позволяло»...

Москва. Во время с'езда представителей общества вспомоществования учащим — местным Комитетом партии было распространено воззвание к делегатам. В воззвании подробно излагается юридическое и фактическое положение народных учителей, характеризуются те стеснительные условия, при которых происходил с'езд, освещается антагонизм между самодержавием и культурным развитием страны и выясняется историческое значение происходящего в России политического движения. Указав на то, что «базисом этой борьбы могут быть только рабочие массы, об'единенные в одну общую Росс. С. Д.-Р. П.», Комитет призывает учителей занять место в рядах армии борцов за политическое освобождение русского народа.

Полтава (конец февраля). Крестьяне, сидящие в местной тюрьме (осужденные за волнения прошлого года), до последнего времени пользовались теми же «привилегиями», что и политические и, между прочим, получали, подобно им, личные свидания. Но на-днях нашим местным самодурам заблагорассудилось запретить крестьянам личные свидания и давать им свидания через решетку (двойную), как уголовным. Крестьяне решили протестовать голодовкой. Через несколько дней примкнули политические, выставляя то же требование, т. е. чтобы крестьяне снова стали получать личные свидания. В настоящее время дело осложняется тем, что в тюрьме появился сыпной тиф и потому начальство запретило в с я к и е свидания. Таким образом, теперь прерваны всякие сношения с тюрьмой, и не известен результат голодовки.

Тверь. Недавно в полицейском уездном управлении уволили за «неблагонадежность» чиновника... Вина его состояла в том, что он списал себе на память революционное стихотворение, изданное Комитетом в числе прочих мелочей. Листок был конфискован где-то в уезде и препровождался при секретной бумаге и — как на зло — попал бедняку в руки!..

Среди фабричных конторщиков ходит курьезный слух, что тому, кто укажет членов Комитета, будет дано 2.000 р. награды (!).

Красноярск. Недели три тому назад одна крестьянская девушка дала в губернском управлении на приеме плюху губернатору. Ее немедленно, конечно, арестовали. Девица эта — член одной инородческой семьи, принявшей православие, живет в деревне Установой, в 25 в. от Красноярска. Ее отец нарубил дров в казенном лесу, за что его приговорили к месячному тюремному заключению. Дочь апеллировала и кассировала, но из всего этого ничего не вышло. Тогда она решила отомстить и подала прошение губернатору, в котором выясняет всю несправедливость «псов» (т. е. судей) и рисует то ужасное положение, в которое поставлены крестьяне «казной». У них все отняли, даже дров негде нарубить. Такая несправедливость вынудила ее отомстить, и она дает пощечину губернатору не как непосредственному виновнику, а как представителю администрации.

Чита. Здесь произошли гимназические волнения. Как сообщают, читинский помпадур Надаров устроил бал для учащихся, но не пригласил евреев. Гимназисты возмутились и гимназия разделилась на две партии: «губернаторцев» и «антигубернаторцев»; первых преследовали ученики, вторых — начальство (гимназическое). Группа учеников в 30 чел. подала начальству заявление о прекращении преследований, под угрозой оставить гимназию. Некоторые из группы протестантов исключены, благодаря чему волнения усилились.

В результате — директор гимназии Еленев и инспектор Сарычев получили от двух гимназистов по пощечине, были названы подлецами и разжигателями национальных чувств.

Эти два гимназиста арестованы, и против них возбуждено преследование в уголовном порядке.

Директор Еленев назначил примирительную лекцию для гимназистов. Многие не явились вовсе, а явившиеся освистали лектора. В результате из 6-го, 7-го и 8-го кл. исключено человек 20.

Женская гимназия поддержала гимназистов. Там, как только стал известен инцидент с директором и инспектором, сочувствие гимназисток выразилось тем, что 6-й, 7-й и 8-й классы демонстративно удалились из гимназии. Из гимназисток никто не пострадал, несмотря на то, что директор Еленев предложил удалить зачинщиц, но он не встретил сочувствия среди преподавателей гимназии (женской).

Якутск, 5 февраля. В Якутске был на-днях обыск у бывшего студента Игоря Будиловича и 4 реалистов. Обыск был вызван следующими обстоятельствами: хозяин квартиры реалиста VI класса Родионова рылся для чего-то в его книгах и нашел доклад Бунда социалистическому конгрессу. Хозяин представил доклад какому-то чиновнику областного правления, а последний вице-губернатору Миллеру. Последний сейчас же телеграфировал деп. пол.; произведены были обыски у названных лиц, причем найдены программа «Искры» и несколько рукописей революционного содержания. Обысканные лица отданы под особый надзор полиции. Родионов исключен из реального училища и взят под стражу. «Дело» ведет полицмейстер Зуев под наблюдением тов. прокурора Сафоревича. Родионов показал, что найденную у него нелегальщину ему дал летом какой-то студент в Олекминске, фамилии которого он называть не желает. В виду этого заявления, прокурор Шульц «секретно» приехал в Олекминск, вел какие-то конфиденциальные переговоры с олекминским исправником, вызывал из Солянки (в 24 в. от Олекминска) отца Родионова, крестьянина Н. Захаренко, и, конечно, ничего не узнал...

Миллер торжествует: наконец-то обнаружена «крамола» и в Якутской области!.. Торжествуют и крестьяне: «не все же нам „нуч“ (русских) возить, — говорят они, — наконец-то, хоть один и у нас нашелся!..»

Из Якутской области просят сообщить, что помещенная в одном из №№ «Искры» (кажется, 25) корреспонденция из Якутска о д е л е Лузина — произвела на всех, знавших дело, крайне неприятное впечатление, которое можно изгладить нижеследующей поправкой: в корреспонденции Лузин возведен чуть ли не в герои, между тем как всем своим предыдущим поведением в ссылке, равно как и последним покушением, которому он старался придать «политический» и даже «анархический» характер, лишь компрометировал в глазах обывателей и администрации почетное звание «государственного ссыльного». К поступку Ергина, убившего заседателя, все отнеслись сочувственно, все оценили его идейный характер, между тем как беспричинное и бессмысленное покушение Лузина вызвало всеобщее недоумение и даже негодование.

К ДВИЖЕНИЮ СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

«Южнорусской группой учащихся средних школ» издано воззвание «К вопросу о программе». Как следует из воззвания, направление группы, с которым мы уже ознакомили читателя и к которому примкнул другой — именно Харьковский — союз учащихся, встретило отрицательное отношение со стороны третьей однородной организации — «Киевского центрального отделения об'единенных организаций и кружков» и т. д. Полемика между «южной группой» и киевлянами достаточно поучительна, и мы приводим почти целиком упомянутое воззвание:

«Центр. отд. не согласно с основною тенденциею нашей программы. По его мнению, „главною и ближайшею задачею каждого кружка учащихся должно быть саморазвитие", лишенное какого бы то ни было политического оттенка, потому что навязывать неподготовленному человеку политические идеи, особенно идеи какой-нибудь действующей партии, — значит догматически направлять его развитие в известную сторону, суживать его умственный кругозор, чего, по мнению Центр. отд., не имеет права делать никакая руководящая группа, как бы ни была сознана ею необходимость трактуемых идей и как бы ни была она подготовлена. Яркая политическая окраска может помешать желательному широкому распространению группы учащихся средне-учебных заведений. Желательно, конечно, чтобы наряду с освещением всевозможных вопросов давалось правильное освещение современных революционных течений, но освещение таковое отнюдь не должно быть преднамеренно-тенденциозным. Нам могут ответить на это, что теперь само собой выходит так, что благодаря положению вещей всякая группа носит ярко-радикальный характер. Мы на это ответим, что то, что является само собой следствием чисто общих причин, то является даже желательным; нежелательной же мы признаем придачу преднамеренно тенденциозного направления саморазвитию в таких кружках их устроителями». — Рассылая различные издания, — говорится в воззвании «К кружкам и организациям средних учебных заведений», — «Центр. отд. не придерживается какой-нибудь определенной политической точки зрения и руководствуется исключительно общественным интересом рассылаемых изданий».

«Разберем все приведенные доводы наших критиков. Все воззвания организаций учащихся средних школ указывают на стихийные стремления к самообразованию, охватившие лучшую часть русской молодежи. Чем вызвана стихийность этих стремлений? Она вызвана, утверждаем мы, все растущим и обостряющимся русским революционным движением, разлившимся в последние годы широкой волною по всей России, заставившим русскую учащуюся молодежь признать необходимость притти на помощь ко всем страждущим и угнетенным в их борьбе с экономическим и политическим гнетом и эксплоатацией. Увидев всю свою неподготовленность к активной борьбе за свободу, русская молодежь энергично и настойчиво занялась самообразованием, стремясь выработать из себя не просто честных и нравственных людей, а стойких и выдержанных общественных деятелей. — „Русскому рабочему народу, — говорил в 70-х годах ткач Петр Алексеев, — остается только надеяться на самого себя и ни от кого не ожидать помощи, кроме одной нашей интеллигентной молодежи. Она одна протянула нам свою руку, она одна откликнулась на все крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и отчего это повсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула нам свою руку и от искреннего чувства желает вытянуть нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все пути для вывода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа, и она неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока не подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда и огражденное солдатскими штыками ярмо царского деспотизма разлетится в прах!" И вот, когда после долгой, мрачной реакции учащаяся молодежь снова начинает готовиться к вступлению в ряды борцов за политическую свободу, за социализм, — когда, подобно кружкам учащихся конца 70-х и начала 80-х годов, начинают стихийно плодиться и множиться кружки самообразования, когда учащаяся молодежь сама уже идет на помощь к рабочим и рабочие горячо приветствуют эту молодежь, — Киевское Центральное отделение клеймит „навязывание этой молодежи политических идей, догматическое направление ее развития в известную сторону". Но в чем же состоит, — спросим мы, — роль сознательной части учащихся, выразителем мнений и стремлений которой явился наш с'езд, как не в том, чтобы, ставши во главе стихийного стремления молодежи, сделать это стремление более сознательным, направить его в известную сторону. И не есть ли отказ Центр. отд. от политической программы, от систематической пропаганды в кружках „служения народу", — не есть ли он результат стремления насильно „суживать умственный кругозор" бессознательно жаждущей этого служения молодежи, стремления тащиться в хвосте движения, а не руководить им?

«Яркая политическая окраска может помешать желательному широкому распространению группы учащихся средних учебных заведений», и потому Центр. отд. „отказывается от какой-нибудь определенной политической точки зрения" и ограничивается скромным пожеланием, „чтобы в кружках давалось правильное освещение современных революционных течений", которое, однако, ни в коем случае не должно быть „преднамеренно-тенденциозным". Это значит, что Центр. отд. желает сделать свою программу достаточно широкой, чтобы никого не испугать, но охватить все наличные и „прогрессивные течения" среди молодежи. И потому: „долой принципы!", но „да здравствует зато широчайшее движение всего и всех!" Мы отказываемся от подобного оппортунизма! Пусть „яркая политическая окраска помешает широкому распространению" нашей группы (чему мы, впрочем, не верим). Но тогда от нашего движения отстанут „все слабые и малодушные, все те, кто перед лицом грозы отрицает идущую грозу". И тогда нам не придется тратить свои молодые силы на создание „ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови" — будущих российских „либералов", а окончательно выйдем на дорогу тернистую и уйдем сами и поведем своих товарищей в стан борцов *.

«Укажем еще на странное и поразительное в программном заявлении противоречие: Центр. отд. признает, с одной стороны, желательным все, „что является само собой следствием „чисто-общих причин". признает также, что „теперь всякая группа, благодаря положению вещей (сама собой), носит ярко „радикальный" характер", но все же считает вредною „яркую окраску" нашей программы, считает нашу пропаганду „служения народу" чем-то непозволительно узким, догматическим. Но если бы Киевское центр. отд. согласилось „навязывать" молодежи политические идеи, то оно сочло бы все-таки непростительно-узким „навязывание" ей идей „какой-нибудь действующей партии" и признало бы достаточным выработать в молодежи только боевое „настроение". Более подробно развивают ту же мысль Киевский Союзный Совет студенческих организаций и Организационный Комитет Киевского Политехникума в воззвании, вышедшем незадолго до программного заявления Киевского Центр. отд. (студенческие организации говорят в нем только о студенчестве, но, по всей вероятности, они держатся того же мнения и о всей русской учащейся молодежи). „Студенчество, как таковое, — говорят они, — не может примыкать всецело ни к партии социал-демократической, ни к партии социалистов-революционеров, студенчество, как таковое, представляет из себя источник, из которого вербуют себе членов как обе указанные партии, так и все другие революционные организации и группы. В силу этого, студенчество не может отдавать предпочтения той или иной революционной фракции» (вернее: партии. Центр. Ком.).

* Организуя кружки среди еще совершенно несознательной части молодежи, наша группа не зовет ее, конечно, в свою организацию, но старается развивать в них жажду борьбы за освобождение пролетариата.

«Мы не можем согласиться со взглядами названн. организаций. Мы считаем, что „вступление в революционные ряды налагает серьезные теоретические обязательства". Мы признаем, что организации наши должны давать возможно более полное и законченное политическое воспитание учащейся молодежи, снабдить ее „оружием революционного мировоззрения, революционной программы, тем главным оружием, без которого она будет бессильна служить своему знамени" («Искра" № 31). А „руководящие" группы должны раз навсегда покончить с шатанием в области программы, чтобы быть достойными стать во главе движения учащейся молодежи.

«Но почему, — может спросить нас Центр. отд., — Южно-русская группа призывает учащуюся молодежь для „служения народу" под знамена российской социал-демократии, а не в ряды мирных культурных деятелей или какой-нибудь другой революционной партии или организации (социалистов-революционеров или либералов)? Потому, — ответим мы, — что, относясь с уважением к культурной деятельности, мы признаем, что в настоящее время все легальные культурные начинания русской интеллигенции, „напрасно старающейся чайною ложечкою вычерпать глубокое, безбрежное море народных страданий", неминуемо разбиваются о солдатские штыки самодержавия, существование которого несовместимо с развитием народа. Потому, что мы ясно видим всю дряблость и бессилие русского либерализма, видим его недостойные заигрывания с правительством; потому, что мы твердо убеждены в том, что „русская революция восторжествует только как рабочая революция или вовсе не восторжествует", что только рабочие „могут разрушить смрадное здание проклятого самодержавия, только они могут вернуть свободу голодной, задушенной Руси". Потому, наконец, что мы убеждены в том, что программа российской социал-демократии наиболее полно выражает интересы русского рабочего класса, что знакомство с царством социалистической мысли убедит всех наших товарищей, что „вне марксизма, как боевой теории пролетариата (который придерживается росс. соц.-демократия), возможны революционные фразы, в лучшем случае революционное настроение, но невозможно научное революционное мышление («Искра»), как мы это и видим у социалистов-революционеров". „А только внимательное, научное изучение общественных явлений может создать прочную основу для страстной деятельности самоотверженного политического борца, только оно способно предохранить его от разочарований, только оно может выработать таких революционеров, которые не падут духом от (временных, частных) неудач (вроде неудачи демонстрации. Ц. К.) и не смутятся временными успехами врагов (вроде п о к а еще безнаказанного сечения демонстрантов. Ц. К.). Короче, только оно одно создает несокрушимых и непобедимых деятелей, революционеров и п о л о г и к е и по чувству" (Плеханов, «Задачи социалистов в борьбе с голодом в России», 1892 г., стр. 4). И мы никогда не перестанем утверждать, что целью каждой организации учащейся молодежи должна быть подготовка возможно большего количества борцов за освобождение пролетариата!— Январь 1903 г.

Центр. Комитет Южно-русской группы учащихся средних школ» [11].

Надо признаться, что иным революционерам не мешало бы кое-чему поучиться у этой молодежи.

Из тайн департамента полиции. Распоряжения департамента полиции о розысках нелегальных, об установлении надзора за неподозревающими того обывателями и т. п. становятся столь многочисленными, что у нас нет возможности предупредить заинтересованных в том лиц частным путем. Поэтому из доставленных нам некоторых секретных циркуляров за прошлый год мы заимствуем для печати некоторые сведения. В циркуляре от 26 апреля 1902 г., за № 3083, извещается о том, что п о полученным из агентурного источника сведениям нижегородский мещанин Николай Сергеевич Лукомский и отставной подпоручик Коротоякск. резервн. батальона Семен Петров Мазуренко, находившиеся в последнее время за границей, в первой половине марта сего года тайно проникли в Россию, причем Мазуренко прибыл по болгарскому паспорту на имя Владимира Стоянова. Передаются биографические сведения об этих лицах и предписывается «в случае обнаружения, учредить за деятельностью их и сношениями самое тщательное, но совершенно секретное наблюдение и немедленно телеграфировать деп. пол.; в случае же, [если] Л. и М. дадут повод опасаться потерять их из виду, то надлежит подвергнуть внимательному обыску, арестовать и телеграфировать деп. для получения дальнейших распоряжений».

В циркуляре от 1 марта 1902 г., за № 1514, такого же рода распоряжение отдается о «выяснении местожительства Этки Вульфовой Абрамович». В том же циркуляре сообщается, что «разыскиваемый циркуляром 12 октября 1901 г., за № 3392, список I, Голландский, по дополнительным сведениям, есть Шмуль Ицик Мордухов Голландский». К тому же циркуляру приложен список лиц, которых следует — по обнаружении их местожительства — подвергнуть негласному надзору полиции: 1) Екатерина Андреевна Андреева, она же Морозова; 2) Анаст. Семен. Ильяшева; 3) А. А. Куоронин; 4) Над. Тим. Крапоткина, урожд. Повало-Швейковская; 5) ее муж М. А. Крапоткин; 6) Осип Антонов Маркунас; 7) Даниил Архипов Мудринин; 8) Еф. Захаров Новаковский; 9) Мих. Сергеев Ракитин; 10) Шиммель Нохимов Рудый; 11) Анна Осип. Туральская; 12) Болес. Алекс. Хорон; 13) Фед. Тим. Шевченко; 14) Иосель Гирш. Шнейдер. Прекратить розыски франц. гражданина Генриха Юлианова Пуарзон («в дальнейшем розыске надобности не предвидится»). В приложении к циркуляру от 1 апр. 1902 г., за № 2447, сообщается, что разыскиваемый по циркуляру от 1 марта 1902 г., за № 1514, мещанин Хаим-Герш Мовшев Вайсман «может проживать по подложному паспорту на имя мещанина местечка Окно, Балтск. у., Подольск. губ., Александра Парфентьева Волоха, от 9 ноября 1901 г., за № 182; в виду сего, надлежит лицо, проживающее по упомянутому паспорту, подвергнуть обыску, арестовать и телеграфировать деп. для получения дальнейших указаний». В том же циркуляре предписывается прекратить розыск М. Ц. Кафиельса и Ал. Ал. Кина, которые, прибыв из-за границы и поселившись: первый — в Вильне, а второй — в Либаве, подчинены там негласному надзору.

В циркуляре от 1 окт. 1902 г., за № 6200, деп. разыскивает: 1) бывш. студента Спб. ун. пот. поч. гражд. П. Ник. Васильева; 2) рабочего-слесаря Никодима Никодимовича Вельтищева; 3) служившего в промыслах Европ. Нефт. Компании (бывш. «Вишау») в Сабунчах Трифона (Семена) Тагизова Енукидзе. По обнаружении установить секретный надзор за деятельностью и сношениями.

В том же циркуляре сообщается, что «у одного из лиц, привлеченных по делу „Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза в Литве, Польше и России", был обнаружен, между прочим, следующий адрес: Ново-Романовская, Широкий пер., дом Крымки, № 8, кв. Брайнона, для Соломона; в виду сего Д. П. просит принять меры к установлению, к какому именно городу может относиться указанный адрес и о последующем уведомить».

В том же циркуляре предписывается — по обнаружении местожительства — установить негласный надзор за: 1) Надеждой Митрофановной Барамовой, урожд. Стопани; 2) Иосифом Ивановым Барамовым; 3) Ив. Ив. Бурогоновым, по некоторым сведениям работает в Москве в разных местах и 4) Францем Августовым Шморель, бывш. студ. Моск. ун.

Циркуляром от 1 ноября 1902 г., за № 6900, разыскивается Петр Лукьянов Бедник, для привлечения к дознанию при Екат. губ. жанд. упр. по ст. 251 Ул. о нак.

Из сопоставления номеров циркуляров видно, что с 1 марта по 26 апреля 1902 г., т. е. менее чем за два месяца, департамент «по особому отделу» разослал 1.500 с лишним секретных циркуляров; с 1 марта по 1 ноября — за 8 мес. — издано их 5.400. Выходит, след., 700 циркуляров в месяц или свыше 20 в день! Неудивительно, что прошлой осенью царь «признал за благо, в в и д у з н а ч и т е л ь н о г о з а п о с л е д н е е в р е м я у в е л и ч е н и я з а н я т и й (милое «занятие»!) д е п а р т а м е н т а п о л и ц и и, усилить действующий штат сего департамента» 30 чиновниками, стоимостью в 59.500 руб. ежегодно.

Спрашивается только, в человеческих ли силах производить одновременно розыски такой массы лиц?

Харьков. В феврале полиция здесь накрыла «тайное собрание», в котором читался реферат о Ницше. Всех присутствовавших (в том числе одного профессора и члена суда Миклашевского) переписали. Дело замято. В драмат. театре недавно брошены с галлереи вниз прокламации по поводу 200-летия русской печати. К 19 февр. полиция и войско готовились очень деятельно. У казаков было даже нечто вроде маневров: боевая стрельба, атака и т. д. Навостряли шашки. В город наехало много жандармов.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Насколько ложны постоянные вопли «официального» органа руссификаторов о «преступной пропаганде и агитации» в Финляндии,—красноречиво доказывает, между прочим, и нынешний «день мрака». Вот уже третий год весь Гельсингфорс в годовщину обнародования преступного манифеста 3 (15) февраля 1899 г. Николая II погружается 5 (18) февраля в глубокий мрак. С 7 часов вечера одни лишь уличные фонари освещали улицы, все магазины были закрыты, во всех окнах темно. По улицам прогуливалась многочисленная толпа. Огромная толпа, состоявшая, главным образом, из мальчишек, останавливалась под теми редкими окнами, в которых светился огонь (по большей части перед отелями), и свистом и криками требовала темноты. Грозно раздавались по мрачным улицам эти справедливые требования, и вскоре они поэтому исполнялись. Толпа по временам разрасталась в несколько тысяч человек. Известный и ненавистный всем финляндцам грубый сторонник Бобрикова, русский книгопродавец — плут Резвой, демонстративно, как ни в чем не бывало, не обращал вначале внимания на толпу, и электрические лампочки освещали окна его магазина, но и этот негодяй, как говорят, по требованию полиции, вынужден был, наконец, закрыть свою лавочку. По словам очевидцев, эта оригинальная ночная демонстрация, продолжавшаяся весь вечер, производила сильное впечатление на зрителей. Полиция арестовала несколько представителей молодежи, которых до следующего утра она продержала в участке.

В предыдущих статьях я уже упоминал о покушении Плеве на финляндскую почту, теперь же я позволю себе сообщить некоторые секретные подробности по этому важному вопросу. Для скрепления подписи нового главного почтдиректора Ямалайнена в его секретном циркуляре почтовым учреждениям Финляндии о вскрытии писем, дословно воспроизводящем известный уже читателям летний циркуляр Плеве, была специально прикомандирована в почтовое управление темная личность Уотило, чиновник Нюландского губернского управления. Все переписчицы главного почтового управления отказались от воспроизведения на пишущей машине преступного циркуляра. Эти факты свидетельствуют о непреодолимых трудностях проведения жандармской реформы в Финляндии. Перед нами вся чрезвычайно интересная переписка бывшего благородного почтдиректора Лагерборга с Бобриковым, его канцелярией и сенатом по вопросу о борьбе почтового ведомства с распространением «противоправительственной литературы». Мы познакомились со всеми документами руссификаторов и финляндского мужественного сановника, но, к сожалению, ограниченный об'ем газетной статьи нам не позволяет почти совсем воспользоваться этим важным и глубоко поучительным материалом, показывающим всю ревность русских администраторов-сыщиков. Уже с весны 1901 г. Бобриков открыл поход на финляндскую почту. Здесь мы приведем с некоторыми сокращениями лишь прошение об отставке Лагерборга.

«6 декабря (23 ноября) 1902 г. Его высокопревосходительству финляндскому г.-губернатору. Секретно. Рапорт.

«В отзыве от 17 (30) ноября сего года за № 5895 канцелярия ген.-губернатора сообщила мне заключение, которое в. в. соизволили выразить по докладе потребованного от меня об'яснения вследствие того, что распоряжение м. в. д. о вскрывании писем, подозреваемых в содержании запрещенных произведений печати, еще не приведено в исполнение.

«В. в. благоугодно было признать мои действия по сему делу отступлением от надлежащего порядка и неисполнением моей служебной обязанности. Горестно пораженный этими заключениями, — первыми, которые достались мне за исполнение службы в 15-летний период, когда финляндское почтовое ведомство было мне вверено, — почтительнейше испрашиваю разрешения в оправдание моих действий доложить о причинах, на которых оно было основано.

«Как бы обширно ни разуметь власть, высочайшим Манифестом 31 мая (12 июня) 1890 г. присвоенную министру в. д. Империи относительно сообщения инструкций чинам финляндского почтового ведомства, невозможно, однако, считать, чтобы м. в. д. этим манифестом было предоставлено возлагать на почтовых чинов действия, запрещенные общим законом и за которые определены наказания. В § 14 гл. 40 Уголовного уложения В. К. Ф. от 19 декабря 1889 г. постановлено: „Если состоящий на службе по почтовому ведомству самовольно вскроет письмо или что-либо иное, вверенное почте... то он подвергнется тюремному заключению не свыше 2 лет или денежному взысканию и, вместе с тем, когда преступление сего заслуживает, исключается из службы". Так как законным владельцем письма считается его податель впредь до выдачи сего письма адресату, то слово „самовольно" в этом постановлении неминуемо обозначает: без дозволения подателя или адресата. То, что в общем законе названо преступлением, не может административным распоряжением превратиться в законное действие. Чтобы в финляндском почтовом ведомстве ввести определение о вскрытии закрытых писем, хотя бы только таких, которые подозреваются в содержании произведений печати, для этого применяется надлежащим образом установленный закон. Порядок поступления с такою же целью в Империи не может служить руководством для соответствующего распоряжения в Финляндии, законы коей изменяются на других основаниях, нежели в Империи.

«Вышеприведенное обстоятельство, именно, что распоряжение м. в. д. касалось правовых вопросов, лежащих вне области почтовых правил, вынудило меня стараться довести этот вопрос до благоусмотрения высочайшей власти...

«Служебный долг также внушил мне вышеупомянутым всеподданейшим обращением к е. и. в. стараться оградить финляндское почтовое ведомство от введения порядка, который в неисчислимой мере повредил бы правильному и быстрому ходу почтовой службы и в глазах публики унизил бы достоинство этого учреждения в то время, как специальная цель, которая этим имеется в виду, не достигалась бы в сколько-нибудь существенной степени. В положительном же результате было бы возбуждение у адресатов, часто напрасно вызываемых в почтовые учреждения для присутствования при вскрытии их писем, острого неудовольствия против почтовых чинов, тем более основательного, если эти распоряжения противозаконны.

«Поэтому считаю долгом в. в. откровенно высказать мое убеждение, что то распоряжение, отмену или, по крайней мере, узаконение которого... представлением я имел в виду, не может в применении приносить ничего иного, кроме вредных последствий, даже если смотреть на это дело исключительно с правительственной точки зрения и не обращать никакого внимания на интересы почтового ведомства, которые, однако, также заслуживали бы принятия в соображение.

«Так как, между тем, выражения в отзыве канцелярии генерал-губернатора за № 5895 дают понять, что в. в. рассчитываете на непосредственное исполнение распоряжения м. в. д. о вскрывании писем, и в виду того, что уже в настоящее время не смею питать надежду на воспоследование закона или изменения означенного распоряжения в таком направлении, чтобы на почтовых чинов не возлагалась какая бы то ни была собственная инициатива при исполнении предначертанных свыше фискальных мер, а также принимая во внимание, что состояние моего здоровья подорвано, я более не в состоянии исполнять крайне обременительную должность главного почтдиректора в Финляндии.

«Почтительнейше докладываю в. в., что я сего числа в подлежащее место подал всеподданнейшее прошение об увольнении из службы.

Подписал: главный почтдиректор Лагерборг».

Этот рапорт не требует никаких комментариев.

* * *

В последней статье я сообщил некоторые подробности об увольнении царем 16 членов абоского гофгерихта (суда второй инстанции). Теперь достоверно известно, что в этом разгроме принял видное участие финляндский сенат, это послушное орудие гг. Плеве, Бобрикова и К°. Судебный департамент сената вошел к Николаю II с докладом или попросту доносом на непокорных судей, не желавших финляндские суды превратить в Шемякин суд и считавших своим долгом дать ход жалобе отдельных лиц, пострадавших от казацкого побоища, на главного виновника его — незаконного губернатора Кайгородова. Таким же «докладом» сената был вызван осенний разгром всех трех финляндских гофгерихтов. Президенту абоского гофгерихта, выказавшему себя изменником, публика устроила шумные демонстрации — на вокзале в Гельсингфорсе и при возвращении его в Або. В Гельсингфорсе в отелях «не оказалось мест» этому славному триумфатору — г. Стренгу. К ночи его пришлось приютить другому изменнику, бывшему его сослуживцу, прокурору сената Ионсону. Бобриков поспешил выразить свою «высочайшую» благодарность новому абоскому губернатору и абоской полиции за то, что последняя якобы «предупредила» своими энергичными мерами демонстрацию. Однако «Финл. Газета» успела раньше чистосердечно разболтать о «повторении диких и оскорбительных манифестаций» по возвращении в Або г. Стренга, которого здесь встретили свистками и оскорбительными криками; «несколько человек гнались за ним на извозчиках с ругательствами и свистом», но были на полпути задержаны полицией. Позже кучка * людей покушалась произвести манифестацию перед квартирой президента, но попытка эта устранена мерами полиции. Как видит читатель, плохо вяжется сообщение органа Бобрикова с констатированием последним мнимого «предупреждения» демонстраций. Вообще финский народ, как он уже имел несколько случаев выказаться, умеет достаточно почтить своих изменников. Апрельская грозная демонстрация в Гельсингфорсе, напр., была протестом против изменников-сенаторов. Несколько времени тому назад азиатский сатрап Финляндии открыто должен был принять под свою защиту главный орган старо-фенноманской партии, который на-ряду с «Финляндской Газ.» подвергался бойкоту: многие почтовые конторы не принимали подписки на сии почтенные газеты. Подобных случаев мы могли бы привести очень много.

Время приближается к новому призыву новобранцев, и правительство чует уже благие результаты пассивного сопротивления. Уже многие общины, по примеру прошлого года, отказались от выбора своих членов в усиленные призывные присутствия. Снова состоялось, в виде «временной меры», прежнее «высочайшее» постановление о том, чтобы считать заседания присутствий по воинской повинности в Финляндии законными при наличности председателя и двух членов (назначаемых правительством). Вообще временщики не стесняются действовать «упрощенными» способами, но все их старания в этом году потерпят, несомненно, еще большее фиаско, нежели в 1902 г. Единственным разумным выходом был бы теперь для правительства отказ от стряпни г. Куропаткина, названной «новым уставом о воинской повинности», и предоставление финляндскому сейму законным порядком решить вопрос о воинской повинности. Разумеется, от дряблого царизма нельзя ожидать благоразумия, что хуже для него самого. Милостивый прием, конечно, был оказан временщиками в Петербурге семи влиятельным крестьянам, принадлежащим к старо-фенноманской партии, которые явились с неудачным проектом об отмене призывов в таких округах, где явится достаточное число добровольцев из призываемых нынешнего года. Этим реакционеры признали законность противозаконного устава 1901 г. о воинской повинности; словом, они поступили со свойственным их партии недальновидным оппортунизмом. Сенат подал еще три подобных петиции. Особенно жалки ссылки старо-финноманов в своей петиции на экономические причины: на нынешний голод в Финляндии и связанные с призывом огромные расходы. Разумеется, безрассудно с чисто экономической точки зрения для набора 140 человек призывать около 20.000 призываемых. Но в данном случае доминирующее значение имеют политические причины. Осуществление этого проекта облегчило бы правительству расправу с оставшимися верными конституции своей родины молодыми людьми, так как оно имело бы дело лишь с частью призываемой молодежи. Подобные недобросовестные вылазки старо-фенноманов встречаются в Финляндии со стороны всех истинных граждан резким осуждением, так как все разумные финляндцы успели уже убедиться в том, что лишь упорная борьба производит должное действие на царское правительство, а отнюдь не уступки и какие-то неуместные переговоры.

На-днях одному из главарей старо-фенноманской партии, архиепископу Иогансону, был доставлен адрес-протест, покрытый 363 подписями женщин Эстерботнии. В нем выражается протест против его политической неустойчивости и выражается пожелание, чтобы он снова примкнул к оставшимся верными ее основным законам. Этому ловкому интригану женщины указывают, как он должен был воспользоваться в прошлом году своим исключительным положением и не оказывать ложного давления на пасторов при обнародовании нового устава о воинской повинности. При дружном отказе в подчинении и правильном влиянии духовенства на народ, новый «закон» непосредственно встретил бы непреодолимое препятствие. Вряд ли на людей, подобных Иогансону, могут подействовать подобные протесты, но, во всяком случае, они имеют огромное общественное значение, так как они доводятся до всеобщего сведения вольной прессой.

Нам постоянно приходится отмечать различные преступные выходки новой гельсингфорсской полиции. В начале марта (н. ст.), известный уже читателю полицмейстер Карлстедт уволил двух городовых за то, что они не воспользовались шашками при ночном столкновении с компанией молодежи. Почти одновременно с приказом Карлстедта по полиции об этом увольнении, губернатор Кайгородов собрал гельсингфорсскую полицию и выразил ей благодарность за ее действия 17, 18 и 27 февраля (н. ст.) * и увещевал городовых пользоваться своим оружием. Он напоминал им, что они — воины, а не полицейские, и обещал их освободить от всякой ответственности, в случае если некоторые из них увлекутся и без нужды пустят в ход шашки. Не правда ли, характерная картина нравов русских чиновников, незаконно назначаемых в Финляндию? Из этих ташкентцев особенно отличается выборгский губернатор Мясоедов, превратившийся в глазах финляндцев в шута горохового. Наша статья и так уже затянулась, поэтому мы откладываем некоторые эпизоды с этим помпадуром до следующего номера.

Недавно состоялся в Выборгской губ. с'езд более 200 представителей пассивного сопротивления из различных местностей Финляндии. Это собрание истинных граждан, принадлежащих ко всем общественным классам, приняло резолюцию ноябрьского с'езда в Гельсингфорсе. Вообще финляндцы не думают отказываться от стойкого пассивного сопротивления.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Тверь. Верстах в сорока от Твери, около ст. Завидово, Никол. ж. д., есть небольшая ковровая фабрика Попова. Это в полном смысле слова — «глухое место». Но на-днях было получено известие, что там вспыхнула

* Курсив наш. Обычное уменьшение числа в «правительственных» сообщениях.

* Об этих днях см. № 35 «Искры».

стачка. Вслед за тем удалось достать письмо, писанное одним тамошним рабочим. Письмо это настолько интересно, как симптом нарастающего боевого настроения рабочей массы, что его следует привести целиком: «Дорогой А! Уведомляю вас, что мы прикончили работу в понедельник 12 числа, в 12 час. дня; кончили работу очень дружно, без всякого скандала. Лавку у нас заперли и хотят нас приневолить работать голодом. Вы не поверите, нас человек 200 — или, может быть, и больше — ходили на станцию собирать, лавка уже третий день заперта, но скандала— боже сохрани! Все друг другу только и наказывают: ребята, не шуметь, не скандалить, — надо тихо и смирно себя вести. Нам на станции наподавали 2 руб. денег и 15 ф. баранок. Лавку нам не отпирают, мы просили раз двадцать, но нам отказывают; говорят: идите на работу, тогда и отопрут. Вы видите теперь, что нас хотят уморить голодом. Разве это не бесчеловечность? А теперь с 15-го на 16-е нам прибыли бумаги, что завтра расчет. Бумаги будто прислали от губернатора, но от расчета отказываются, говоря: отдай нам по Пасху, а на работу итти никто не хочет и не пойдет. Представьте себе теперь наше положение! Эта горсть богатырей и полуголодных как будто решилась умереть, но не сдаваться и не поддаваться обманам!»

Пермь. Февраль месяц у нас полон событий. С начала месяца (второго) были произведены обыски у пяти человек: Е. Вошевой, В. Житковой, А. и Ф. Ягодниковых и Ю. Хлыновой. 3-го числа Вошева и Житкова были вызваны в полицию, оттуда увезены в жанд. упр. для допроса и взяты. 6 февр. были обыски в Мотовилихе * у шести рабочих. На 19 февр. в городе, в черте близлежащих заводов и в Мотовилихе были в большом количестве распространены прокламации Уральского Союза и соц.-дем. Комитета.

При расклеивании прокламаций попались двое рабочих зав. Любимова. За ними взяли еще троих рабочих того же завода, а затем двоих ж.-дорожных. В Мотовилихинском заводе уже давно шло брожение, за эту же зиму оно обострилось, и по отношению к некоторым лицам из начальства (упр. Назаров) принимало даже резкую форму. А тут еще 19 числа были понижены расценки. Это послужило искрой, и стачка вспыхнула раньше ожидаемого времени (20 февр.). Забастовал прежде снарядный цех. С каждым днем число присоединявшихся цехов увеличивалось, и 22 февраля не работало уже десять цехов. Администрация не дремала: из города были вызваны не только жандармы и полицейские, но и две сотни солдат. С рабочими обращались грубо, вызывающе: били шашками, прикладами. До 22-го настроение забастовавших было хорошее. Держались спокойно. Ежедневно, а и то два раза в день, появлялись прокламации мотовилихин. рабочего Комитета и Пермского Комитета Уральск. Союза с.-дем. и соц.-рев. В них описывались события дня (развитие стачки) и излагались требования рабочих — общие и по цехам. В воскресенье, 23-го, зав. начальство расклеило свои об'явления с требованием во вторник выходить на работу и не слушать агитаторов. От вице-губернатора тоже появилось об'явление, повторяющее требование зав. начальства и угрожающее поступить с бунтующими со всею строгостью. Отсутствие каких-ниб. сбережений после масляницы, а также и то, что общие требования долго не были формулированы, арест 22 человек рабочих, — все это сделало свое дело, и в понедельник настроение уже пало, а во вторник уже значительное большинство вышло на работу. Теперь, говорят, начинаются увольнения, будто бы уволили 200 чел. 25 февр. взят техник губ. земства В. Н. Попов.

Екатеринослав. Безработица продолжается, продолжается и систематическое ухудшение положения рабочих, занятых на заводах. Заимствуем из прокламаций местного Комитета некоторые данные, иллюстрирующие положение дел. На Брянском заводе в бессемеровском цехе вместо прежних 600 рабочих теперь ту же работу выполняют 300 человек, причем им часто приходится работать непрерывно 36 час.! В рельсопрокатном цехе рабочие прежде работали 26-27 дней в месяц, теперь 10-12! В том же цехе щедро применяют «брак» продукта (рельсы), за который ничего не платится. Прокламация приводит пример, когда из прокатанных 3.600 пуд. 600 пуд. записали «в брак». В нижнеднепровских ж.-д. мастерских расценки сильно понижены: за ремонт товарного вагона вместо прежних 7 руб. теперь платят 1 руб. 50 коп., на отделку дверей в столярном цехе вместо 18 руб. — восемь. Нижнеднепровские рабочие в своей прокламации жалуются на отсутствие бань, столовой, на то, что паровое отопление функционирует лишь во время проездов какой-либо комиссии, в обычное же время рабочие мерзнут. Плохо поставлена медицинская помощь, в мастерских царствует ругань и грубость со стороны «начальства». На гвоздильном заводе Гантке с конца октября рабочий день сокращен на 3 часа (с 12 до 9 ч.) и сильно понижена поденная плата. Расценки тоже сильно понизились: в механическом цехе за расточку и нарезку прессовой гайки плата спустилась с 27 р. до шести. В механическом цехе теперь один рабочий заменяет двух-трех и более, на двух долбежных работает один, на двух строгальных — тоже один, один же рабочий работает на двух фрезеровальных и трех пилах, так что вместе 4 человека выполняют работу прежних десяти. На заводе процветает не только ругань, но и побои.

В прокламациях к рабочим разных заводов, из которых мы взяли эти факты, рабочие приглашаются давать отпор новым прижимкам капиталистов. Одновременно прокламации раз'ясняют рабочим значение политической борьбы за устранение режима, ограждающего злоупотребления эксплоататоров. Агитация ведется комит. очень энергично, не растрачиваясь по мелочам, но и не игнорируя этих мелочей, очень важных для раз'яснения рабочим на фактах их повседневной жизни всех зол и бедствий современного строя. Мы находим очень целесообразным, что, концентрируя в своих руках о б щ у ю агитацию, Екатеринославский Комитет предоставляет отдельным группам организованных рабочих составление этих ч а с т н ы х листков. Такое расширение самодеятельности работающих под общим руководством Комитета групп весьма желательно и может способствовать внесению в необходимую агитацию на почве профессиональных нужд разных слоев пролетариата больше оживления и оригинальности. Насколько мы знаем, Киевский Комитет установил недавно такой же порядок ведения агитации по ремеслам.

Местный Комитет продолжает выпускать свой периодический «Листок» — род местной газетки, наиболее, повидимому, приспособленный к условиям нашей нелегальной работы. В приложении к № 8 этого листка помещена хорошо написанная статья «По поводу одной катастрофы». Речь идет о пожаре в Аненском руднике Успенского (около Юзовки), жертвой которого погиб шестьдесят один рабочий. Только 16 из работавших в шахте спаслись от ужасного бедствия.

«Кровь наших бедных товарищей, — говорится в статье, — падет на голову тех, для кого нажива и деньги дороже человеческой жизни... кто изо дня в день, из года в год сосет рабочую кровь, кто даром живет рабочим трудом и стремится держать работника в тупой покорности, в рабском подчинении».

Далее рассказывается, что, когда начался пожар, то не оказалось никаких снарядов и инструментов для тушения, не было даже кишки и ведра. Вентиляция шахты — никуда негодная. Горная инспекция состоит в самых дружеских отношениях с горнопромышленниками и сквозь пальцы смотрит на все безобразия в техническом оборудовании шахт. Законопроект об ответственности предпринимателей остается под сукном. Следуемая осиротевшим семьям пенсия задерживается в страховом обществе.

Все издания Екатеринославского Комитета напечатаны в собственной типографии очень недурно.

На ст. Панютино и Лозовой «Группой сознательных рабочих» распространено в феврале воззвание к рабочим и крестьянам под заглавием: «Что такое социалист или социал-демократ?» В воззвании опровергаются буржуазные клеветы на социализм и об'ясняется сущность идеалов социализма.

---

* Пушечный завод близ Перми.

В Тифлисе в январе забастовали раб. завода Яралова — требовали увеличения платы. Требования не удовлетворены; 30 чел. остались без работы.

Из Батума сообщают, что перед Рождеством рабочие всех крупных мастерских и заводов об'явили прекращение работ и взяли расчет Они требовали повышения платы. Но после праздников работы начались на прежних основаниях. Войско, двинутое отсюда в Батум перед праздниками, до сих пор находится там.

По сведениям легальных газет, в Тифлисе 23 февр. была демонстрация. Подробностей о ней мы, к сожалению, пока не получили.

Сувалки. 15 января (письмо рабочего). Сегодня в нашем городе была демонстрация; повод к ней дала смерть 25-летнего рабочего Давида, по профессии кожевника. Демонстрация продолжалась от 3 ч. пополудни до 8 ч. вечера. Рабочие, узнав о смерти товарища, бросили работу и пришли отдать долг покойному. Собралось около 400 человек, в том числе посторонние, желавшие посмотреть на зрелище. В 3 часа шествие двинулось к кладбищу. Покойного несли организованные рабочие, — посторонних не пускали. Когда рабочие очутились на кладбище, они сгруппировались, и здесь были произнесены речи, между прочим, о необходимости политической и экономической борьбы. Речи продолжались около часу и закончились возгласами в память покойного товарища, против самодержавия и в честь политической свободы. Когда гроб был засыпан землей, один рабочий прочел стихотворение, другой сказал надгробное слово, и рабочие хором спели еврейские революционные песни. С кладбища рабочие двинулись процессией по четыре в ряд, прошли по всем главным улицам с пением. Публика, никогда еще не видавшая ничего подобного, пришла в недоумение. Некоторые встречавшиеся офицеры снимали шапки и сочувственно нас приветствовали. Демонстранты прошли до дома покойного с возгласами: «долой полицию, да здравствуют сувалкские рабочие, вечная борьба с правительством!» Арестов не было.

Белосток. На сталелитейном заводе Вечерека началась недавно стачка 500 чел. по следующему поводу: на второй день после демонстрации городовые пришли на этот завод точить свои сабли. Рабочие страшно возмутились и забастовали. Выставили еще след. требования: 1) увеличить плату; 2) не допускать к работе малолетних; 3) не обыскивать при выходе из фабрики... Город все еще находится в состоянии возбуждения. Как днем, так и ночью маршируют патрули с барабанным боем. Между прочим, характерен для переживаемого нами момента такой факт: 15 солдат под командой офицера патрулируют по одной улице. Несколько рабочих стали бросать в них камнями, и все солдаты моментально обратились в бегство. Офицер закричал: «Солдаты, за мной!», но никого уж не было. Командир этого (Казанского) полка получил строжайший выговор, а двух офицеров арестовали на три недели на гауптвахте.

В Казани 19 февр. на заводах Свешникова, Алафузова, Крестовникова и др. распространено воззвание Комит. партии. В воззвании проводится параллель между рабством помещичьим и современным политическим рабством русского народа. — Однородное воззвание издано Воронежской «Кассой Борьбы». Воззвание заканчивается приглашением местных раб. примкнуть к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.

Кострома. В конце января была стачка на фабр. Кашина. Бастовало около 500 человек прядильщиков. Требовали увеличения платы и времени для чая и завтрака. Забастовка продолжалась четыре дня. Арестовано семь рабочих. Требования отчасти удовлетворены, и арестованные по требованию забастовщиков освобождены.

ИЗ ПАРТИИ

ПО ПОВОДУ ПРОТЕСТА ВОРОНЕЖСКОГО КОМИТЕТА [12].

Недавно образовавшийся Воронежский Комитет партии издал подробный протест против «Извещения» Орган. Ком. Помещая ниже обстоятельные ответы О. К. и группы «Южного Рабочего» на нападки, которым Вор. Ком. совершенно неосновательно подверг эти организации, мы, с своей стороны, можем избавить читателя от опровержения кое-каких любезностей, направленных непосредственно против ред. «Искры». Широко пользуясь методом «наведения справок» — иначе, собиранием непроверенных и не поддающихся проверке слухов, — Вор. Ком. пришел к заключению, что Орг. Ком. — плод интриги организации «Искры». Мы сожалеем, что недостаток места не позволяет нам привести все перлы относящихся сюда рассуждений Вор. Ком. Знакомство с ними могло бы иллюстрировать выраженную в письме «Сев. Раб. Союза» (в № 34 «Искры») мысль о «мало-освещенных уголках нашего отечества».

Ответ Организационного Комитета.

В своем извещении Организационный Комитет писал: «отношение комитетов и организаций к О. К. покажет, насколько правильно он понял потребность момента». И О. К. в этом отношении может считать себя вполне удовлетворенным. При поддержке организации «Искры», Бунда, группы «Южного Рабочего», С.-Петербургского Комитета, при признании его Комитетами Московским, Киевским, Харьковским, Екатеринославским, Донским, Северн. Союзом, Одесским и Николаевским он может смело взяться за выполнение поставленной им себе задачи, в полной уверенности, что он доведет ее до желанного конца. О. К., конечно, не скрывал от себя и тех препятствий, которые ему придется встретить на пути в виде всевозможных заподазриваний в тайных замыслах, в виде инсинуации и клеветы; но твердая уверенность в настоятельности поставленной себе задачи позволяла надеяться, что в большей своей части товарищи, работающие над великим делом освобождения пролетариата, придут ему на помощь, забыв всякие счеты, если таковые имеются. И надежда эта нас не обманула. По крайней мере до сих пор перед нами один только факт, который может быть причислен к указанным выше препятствиям: мы имеем в виду листок Воронежск. Ком.

Вор. К., «получив листок, озаглавленный „Извещение об образовании Орг. Ком.“... посвятил специальное собрание на обсуждение» как самого листка, так и затронутых им вопросов... Свои «мнения и прения» Вор. Ком. решил оповестить urbi et orbi. Мы, однако, не приведем здесь этого образца безграмотности, нелогичности и инсинуаций; мы ограничимся лишь резюмированием тех мест, которые относятся к О. К. (в листке достается всем организациям, принимавшим участие в образовании О. К.,—эти организации, вероятно, не преминут ответить Вор. Ком.). О. К., по мнению Вор. К., составлен тенденциозно, по кумовству; крайне опасно, что, помимо созыва с'езда, Орг. К. взялся еще выполнять кое-какие общепартийные функции; такое совмещение двух функций («учредить Временное Правительство и ему же поручить ускорить себе смену созывом с'езда») по мнению В. К., равно тому, «как нашим неответственным министрам поручить собрать с'езд для их контролирования». В виду этого В. К. обращается ко всем с предостережением: «Товарищи, — пишет он, — при росте нашей партии в ее составе окажутся люди с разными темпераментами, характерами, тенденциями и планами, надо зорко следить, чтобы отдельные лица или группы не делали молотом в своих руках (кого?). Надо, чтобы способности товарищей были использованы партией, но чтобы все деятели руководствовались простановлениями с'ездов и работами конференций. В знаменоносцы партия должна выбирать не только людей теоретически осведомленных, не только товарищей с практическими способностями, пре-

данных революционной соц.-дем., но и людей, стоящих на высоте этики, суммирующей культуру человечества»*.

Было бы весьма интересно на примере Вор. Ком. показать, как среда определяет психологию человека: самодержавный режим наложил неизгладимую печать на весь образ мыслей Вор. К. В каждом революционере или революционной группе, стремящейся положить конец господствующему в партии хаосу, он видит «неответственных министров», «правительство», стремление захватить власть и т. д. Жаргон его тоже взят из лексикона полицейского застенка. «Искра» — опричник соц.-дем., полемика ее — плетка и т. д. Но как ни поучителен этот пример отражения общественно-политического строя в сознании людей, О. К. не займется, однако, научными изысканиями, не займется он также разбором философского вопроса, должен ли, действительно, высший нравственный принцип «суммировать культуру человечества». Одно только ясно, что если этика Вор. К. «суммирует культуру человечества», то сам В. К. на собственном примере показал всю несостоятельность этой этики. Ведь нельзя же, в самом деле, признать нравственным — не только с точки зрения «этики, суммирующей культуру человечества», а вообще какой угодно этики — обвинение в безнравственности кого бы то ни было без всяких на то данных, тем более целой организации, которая уже теперь признана большинством комитетов партии и к которой обращается с предложением сам В. К. (см. листок В. К.).

Мы оставим без ответа все эти и тому подобные обвинения и инсинуации, надеясь, что они найдут должную оценку со стороны комитетов и организаций партии, к которым Вор. К. и обратился со своим посланием. Здесь мы ограничимся лишь раз'яснением некоторых фактических сторон, затронутых листком Вор. Комитета.

1) В «Извещении» не указано было, каким организациям поручено было составление О. К., как не указаны еще кое-какие подробности из чисто конспиративных соображений. В настоящее время считаем необходимым сообщить, что ни одна из организаций, которым «конференция» поручила составление О. К., не обойдена, и в настоящее время все они имеют в нем своих представителей. В О. К. конференция выбрала представителей организаций, работающих в России. Поскольку речь идет об «Искре», то имелась в виду русская организация «Искры», поскольку о Бунде,— представитель Ц. К. его, а не Загран. Ком. Бунда. Представитель Союза русских соц.-дем. за границей ** не был конференцией избран в О. К., что вполне понятно, так как эта организация исключительно заграничная.

2) Временное выполнение некоторых общепартийных функций было возложено на О. К. самой конференцией, поэтому весь заряд остроумия В. К. по поводу совмещения двух функций направлен не по адресу: он всецело относится к тем организациям, которые участвовали в конференции. Впрочем, О. К. не откажется принять его и на свой счет. В своем «Извещении» О. К. указывал, что на него необходимо смотреть как на частное учреждение; особенно это относится ко второй части его задачи. Никому он своих услуг не навязывал. Он полагал, что, доставляя комитетам литературу, листки, помогая им связаться между собой, он этим идет навстречу настоятельной потребности. Он полагал, что было бы крайне плачевно, если бы избранные на с'езде центральные учреждения партии нашли tabula rasa, на которой им пришлось бы расписывать узоры. Необходимо для возможности деятельности будущего Ц. К., чтобы он нашел, по крайней мере, зачатки хотя бы технической организации, связывающей разрозненные силы. Без этого мы рискуем опять получить бумажное об'единение, а не фактическое, мы рискуем дискредитировать понятия: с'езд и Ц К., так как без этого постановления с'езда надолго останутся невыполненными, Ц. К. — надолго недееспособным. Это трюизм для всех, кто знает, как трудна и как много времени требует эта техническая сторона нашей деятельности. Если же Вор. К. с этим не согласен, никто не просит его пользоваться нашими услугами. Насильно мил не будешь.

3) Майский листок 1902 г. не был составлен литературными организациями за их подписью, как утверждает В. К. (где он был в это время?), а ред. «Искры», ею в виде проекта отпечатан и разослан, а потом принят конференцией, за подписью которой он и был распространен.

4) Что касается «кумовства», то мы не последуем за В. К. и не предпримем сыска и расследования в консисторских записях. Но, быть может, на языке Вор. К. «кумовство» означает единомыслие? В таком случае, каемся, есть такой грех. В О. К., действительно, господствует солидарность по всем более или менее важным вопросам. Но мы отнюдь не думаем этого скрывать и не считаем это преступлением. Наоборот, мы думаем, что только благодаря этому возможно было составить дееспособную группу. О. К. думает, что и существование партии возможно лишь при наличности, по крайней мере, довольно значительного единомыслящего большинства. Тем более это относится к небольшой замкнутой организации, все равно для какой функции она ни создалась бы. Неужели Ворон. Ком. забыл басню Крылова: «Лебедь, Щука и Рак»? Не мешало бы любителям винегретов по временам перечитывать эту поучительную басню. В назидание Вор. К. сообщим не басню, а быль. Когда прошлой весной конференция хотела выработать общую резолюцию, определяющую отношение присутствующих к животрепещущим вопросам партийной деятельности, чтобы положить ее в основу дальнейшего обсуждения, то ни одна из предложенных резолюций не могла быть принята. Неужели подобная картина особенно приятна сердцу Воронежского Ком.? Разные бывают вкусы.

Организац. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

По поводу листка Воронежского Комитета.

Предоставляя Организационному Комитету и, главным образом, редакции «Искры» ответить на листок Воронежского Комитета в целом, мы считаем необходимым ответить на него только в части, касающейся нашей группы. В виду того, что, с одной стороны, мы не знаем, как далеко разошлось «Воззвание» Вор. Ком. в виду представляемого этим воззванием интереса, с другой — мы полагаем необходимым привести полностью относящиеся к нам краткие, но выразительные строки этого поистине замечательного документа. «Ю. Р.»—очень уважаемая организация, но ее заслуги не принадлежат только ее данному составу. Партийная точка зрения «Ю. Р.», встретившая общее сочувствие, выразилась в его первых номерах, главный литературный работник которых — теперь противник «Искры», но теперешняя редакция «Ю. Р.» заявила, что признает «Искру» своим руководящим органом (по наведенным справкам оказывается, что в таком постановлении не участвовали ни южно-русские комитеты, ни даже все литературные сотрудники «Ю. Р.»). Мы чрезвычайно благодарны Вор. Комитету за оказываемое им группе «Южного Рабочего» уважение, но, к сожалению, совершенно не можем выяснить, относится ли это уважение к прошлому или же мы продолжаем пользоваться им и в настоящем. С первого взгляда кажется, что правильнее последнее понимание, так как говорится о «заслугах» группы. Спорным является только пункт о принадлежности этих заслуг «данному составу группы»*. Отдавая должное заслугам выбывших уже товарищей, мы тем не менее предложили бы Вор. Ком. продолжить «наведение справок», так как таким путем ему удалось бы установить: 1) что один член из «данного состава группы» (resp. редакции) состоит редактором с 3-го номера «Ю. Р.», другой принимает в нем самое близкое участие также с 3-го и с 8-го номера состоит редактором; 2) что лица эти и по настоящее время не изменили той, употребляя не вполне вразумительную терминологию В. К., «партийной точки зрения», которая, по его словам, встретила «общее сочувствие» и выразилась «в первых (курсив наш) номе-

* Воронежцы, вероятно, найдут, что мы с ними жестоко поступили, выхватывая отдельные пикантные места их литературного творения. Думаем, что мы имеем на то право. Каков бы ни был контекст, он ничего не может изменить в приведенных словах: очень уж специфич. у них запах.

** Прим. редакции: Воронежский Комитет в своем листке жалуется на то, что «Союз» не имеет своего представителя в Орг. Комитете.

* Во избежание недоразумений в дальнейшем, считаем долгом раз'яснить Вор. Ком., что «группа Южн. Раб.» и «редакция» его — понятия, не совпадающие. Понятие «группа» шире.

рах „Ю. Р.“»). Последнее чрезвычайно важно, так как, «если верить В. К., ему важны не личности, а представительство принципов» данной организации. И если заслуги «Ю. Р.», как органа состояли в проведении определенных «принципов», то здесь и нашего «хоть капля меду есть». Но, повторяем, мы охотно признаем, что «заслуги» наши в деле приобретения уважения В. К. очень скромны по сравнению с заслугами ушедших по независящим от нас обстоятельствам товарищей. К сожалению, из дальнейшего выходит как будто, что и «заслуги» наши весьма сомнительны по уверению В. К. «Теперешняя редакция „Ю. Р.“ об'явила „Искру“ своим руководящим органом», а «диктатурствующая» «Искра» симпатиями и «уважением» В. К. отнюдь не пользуется. Итак, теряем ли мы «уважение» В. К.? Если важно «представительство принципов» и пр., то, конечно, нет, так как ни взгляды личного состава редакции, ни направление редактируемого ею (в пополненном составе) органа не изменились от первого до последнего номера, в чем можно убедиться, сравнив все номера «Ю. Р.» *. Если же важны не определенные взгляды, а нечто иное, скажем, известный ярлычок, то, несомненно, теряем. Продолжая проводить те же, одинаковые с ненавистной В. К. «Искрой» взгляды, мы бы продолжали пользоваться его «уважением» и по сие время, если бы в один несчастный день не засвидетельствовали официально того, что уже существовало фактически. Кстати, маленькое недоразумение: откуда собственно В. К. вычитал, что «редакция „Ю. Р.“ об'явила своим руководящим органом „Искру“». Если это «оказывается» все по тем же «справкам», то смеем уверить В. К., что справки эти — самый недостоверный источник, так как «редакция» «Ю. Р.» никогда подобного заявления не делала. В этом В. К. убедится, когда прочитает, «пальчиком водя», заявление «группы Ю. Р.», помещенное в 10-м номере органа того же имени и в «Искре». Что же это? умышленно, неведомо в каких целях сделанное искажение или неизвинительное для выступающей с публичными обвинениями организации непонимание? Допускаем последнее, так как вообще все заключения В. К. строятся по принципу «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Не разбираясь в таких тонкостях, как литературное сотрудничество и редактирование, В. К. с угрожающим видом об'являет, что «главный литературный работник» «первых номеров „Ю. Р.“» — теперь противник «Искры». Мы, конечно, не знаем, в каком департаменте наводит свои «справки» В. К., и решаясь положиться на его осведомленность в данном случае, допускаем, что кто-нибудь из бывших сотрудников или даже редакторов «Ю. Р.» в настоящее время и об'явил себя «противником „Искры“». Но, во-первых, рискуя показаться нескромными, осмеливаемся думать, что звание «главного литературного работника» по всей справедливости должно принадлежать работающему и по настоящее время среди нас товарищу, принимавшему самое близкое и непосредственное литературное участие во всех номерах «Ю. Р.», начиная с 3-го. Во-вторых, если бы даже это было не так, то почему собственно В. К. полагает, что взгляды лица (хотя бы и некогда «главного» литературного работника), ничем в настоящее время не связанного с редакцией, должны влиять на ее решения? И больше того: если бы даже это лицо состояло не только в числе сотрудников, но даже в числе редакторов, то почему его именно мнением должна была бы руководствоваться редакция? Повторяем, процессы мышления в головах «авторов» листка В. К. идут какими-то неведомыми нам путями. В интересах истины считаем долгом сообщить В. К. «отрывок из прошлого „Ю. Р“». Было некогда в числе редакторов «Ю. Р.» лицо, не вполне солидарное со взглядами «Искры». Лицо это участвовало в редактировании четырех номеров «Ю. Р.» (только не первых) и, правда, занимало видное место по своим литературным дарованиям. Но, как легко убедится всякий, внимательно читавший нашу газету читатель, эти особенные взгляды названного лица ничем не отразились на направлении органа. В настоящее время лицо это редактором не состоит, и каковы его взгляды теперь, — мы не знаем. Думаем, что это именно лицо имел в виду В. К., когда с грозным видом говорил о главном литературном работнике первых номеров, положившем будто бы такой отпечаток на первые номера «Ю. Р.».

В заключение не можем не порекомендовать В. К. поставить дело революционного сыска поаккуратнее. Иначе ему с «наведением справок» придется еще не раз садиться в лужу. Думаем, что было бы гораздо приличнее и проще не «наводить» этих таинственных «справок», а обратиться прямо к группе Ю. Р. или к южным комитетам. Группа об'яснила бы ему, что она никого в заблуждение вводить не желала (разве только людей, недостаточно умных, чтобы разобраться самим, или недостаточно добросовестных, чтобы обратиться за раз'яснениями к товарищам, а это уж не ее вина), об'являя от своего только лица о солидарности с «Искрой». А комитеты прибавили бы, что после неудачной попытки об'единения южных комитетов и организацией редакция «Ю. Р.» об'явила южным комитетам, что она отказывается от наименования себя «органом союза южных комитетов и организаций» и продолжает существовать в виде самостоятельного предприятия, как существовала до возникновения союза южных комитетов и организаций. Что касается утверждения, будто не все литературные сотрудники «Ю. Р.» из'явили свое согласие на опубликование заявления группы, то это просто ложь. Все сотрудничающие в «Ю. Р.» в настоящее время лица приняли это заявление (что, впрочем, официально и не обязательно, ибо заявление сделано от имени группы, в состав которой «сотрудники» не входят).

Группа «Южного Рабочего».

В феврале этого года Главное Правление (Центр. Ком-т) «Социал-Демократии Царства Польского и Литвы» выпустило и распространило в 2.500 экз. прокламацию о ноябрьских событиях в Ростове. Приводя полностью текст известного воззвания Донского Комитета «Ко всем гражданам в России», польские товарищи раз'ясняют значение выступления на политической арене русского пролетариата, как той силы, которая в союзе с пролетариатом всех национальностей, обитающих Россию, нанесет самодержавию смертельный удар. «И в то время, как польские буржуазные классы заодно с русскими эксплоатируют рабочий люд во всем государстве, польский пролетариат в братском союзе с рабочим классом всей России сокрушит позорное, дикое самодержавие царского правительства. Тогда-то соединенный пролетариат всего государства не только освободит себя от политического рабства, пробивая себе путь к социализму, но и освободит весь польский народ и другие подвластные царю народы от национального угнетения, и проложит польской цивилизации путь к развитию.

...От имени борющегося польского рабочего класса мы выражаем свою полную солидарность борющемуся пролетариату русскому, героям же рабочим Ростова и Тихорецкой и Донскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. шлем братское поздравление».

Вышли в свет след. новые издания Лиги рев. русск. соц.-рем.:

1) Каутский. Эрфуртская программа.

2) Тун. История революционного движения в России. С предисловием Г. Плеханова и приложением статей Кольцова (о конце «Нар. Воли»), Плеханова (о русской социал-демократии), П. Лаврова и Стефановича (из «Черного Передела» — о Чигиринском деле).

3) Амвросий, член Донского Ком. Росс. С.-Д. Р. П. Правда о ростовских событиях.

4) Г. Плеханов. Н. А. Некрасов (к 25-летию его смерти).

Печатаются и вскоре выйдут в свет:

1) Л. Мартов. Рабочее движение в России. Второе переработанное издание.

2) Милитаризм и рабочий класс.

3) Ленин. К деревенской бедноте (опыт популяризации для крестьян соц.-дем. программы).

4) К. Каутский. Социальная реформа и революция.

5) Пролетарский праздник.

---

* 2-й номер мы, пожалуй, совсем бы исключили из рассмотрения в виду того, что после провала оригинала этого номера он был по памяти воспроизведен заведующим техникой и, следовательно, редактированию не подлежал.

Подготовляются к печати:
1) В казарме (из записок солдата социал-демократа).
2) Л. Мартов. Красное знамя в России (второе издание).

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

В европейских газетах телеграмма от 28 (15) марта сообщает о новом ужасном побоище, имевшем место в Златоусте во время стачки на казенном заводе. Судя по этому сообщению, рабочие напали на дом, в котором находился уфимский губернатор, и требовали освобождения трех арестованных товарищей. Солдаты стреляли, убили 28 раб., ранили 50!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Екатеринослав. В феврале арестована женщина-врач Вольфенсон (во второй раз).

Казань. Еще в конце декабря прошлого года было около 70 обысков. Были арестованы: наборщик Беляевский, братья Кролюницкие (студент и бывший студент), Витман, Кибардин (бывший студ.), Краева (курс., вып.), Деханова (курс.), Леви (курс.), сестра ее и еще 12 раб. (почти все выпущены). Роль провокатора играл наборщик губернской типографии Купидонов, привлекавшийся в 1901 г. по политическому делу. 8 февраля арестован студ. Фортунатов, бывший ученик местного технического училища Залежанский, два семинариста и еще два лица.

Киев. На Демиевке в феврале арест. сходка из 47 рабочих. Толпа человек в 300 устроила демонстрацию перед участком, требуя их освобождения. — Ростов-на-Дону. В связи с демонстрацией 2 марта арестов.: Браиловский, Рейзман, Локерман, Елена Рогачева, рабочий Солом. Борохов и мн. др.

Москва. В ночь с 14 на 15 февраля арестованы: курсистки: Манасевич, Гефтер, Нина Баумштейн Иевлева, Четвераков, Шарова; студенты: Шмидт, Вендрих, Цыханович, Львов, Андреев, Четвераков, Славицкий, Подгорный, Кропачев, Лугин, Михайлов, Никифоров, Кантакузен; землемеры: Гурович и Шаров; прис. пов. Кохмеров, студент Межев. инст. Плетнев; бывш. гимназ. Прозен; Кравцов, учитель Власов, Шибаев. — Во время недавних волнений в Межевом институте выслано человек 40 студентов. Студенты Бурмистров, Балмотов и Мантиев выделились в качестве доносчиков. — В Харькове арест.: телеграфисты Доброскок и Коняев, студенты Костяков и Якобсон (последний по приказу из Варшавы), врач Леонов. Из тюрьмы выпущены Вл. Цедербаум и студ.-технолог Ефименко. Бывший студ. Баумштейн по делу о крестьянских беспорядках в Полтавск. губ. сослан на 5 лет в В. Сиб. В конце февраля арестованы г-жи Миргородская и Смирнова и 11 раб. — Иркутск. В 20-х числах января были обыски среди рабочих ж.-д. депо и мелких мастерских. Арестовано около 10 раб. Взяты также кладовщик Общества потребителей Забайк. дор. Аншелес, его сестра и служащий в о-ве потребителей Решетов. 11 февраля был обыск в квартире учениц фельдшерской школы Бажедомовой и А. Гершанович. — Кишинев. По делу о пропаганде в 1901 г. приговорены к ссылке в В. Сибирь на 4 г. Григорий Финкельштейн и Алекс. Яндовский; к 6 мес. «Крестов» Лейз. Либерман и Шика Кушнир; к 3 мес. тюрьмы — Тимофей Яндовский. — Ярославль. 19 февр. распространялись листки, что вызвало аресты; взяты: студ. Соболев, Магистров и несколько рабочих.

Содержавшийся в ст. Каменской в тюрьме Ив. П. Брагин нервно расстроен и переведен в новочеркасский дом умалишенных. У него мания преследования. На развитие болезни, несомненно, оказали влияние скверные условия Каменской тюрьмы, хотя обращение с ним было сравнительно недурное. Уже больного Ив. П. держали 17 дней в тюрьме, где над ним потешались уголовные. Мать Брагина ходатайствует о переводе больного в Москву.

Сосланы: Лидия Маркова (по д. Пет. Союза Борьбы 1901 г.) на 3 года в Волог. губ. и Герасимович, студ. (по Смоленскому соц.-дем. делу 1902 г.), на 3 года в Архангельскую губ. Из Ростова-на-Дону сослан в Вост. Сибирь до приговора бывший студ. Харьк. унив. М. Серебряков, несколько раз уже привлекавшийся и в последний раз арестованный в марте 1902 г. Из Спб.: А. Хавский — в Якут. обл., Чарушников—в имение брата, Александр Крупский—на 3 г. в Вост. Сиб., Дм. Зайцев — на 5 лет в Вост. Сиб., Дм. Тагеев — на 3 г. в Вост. Сиб., В. Семенов — в Ковенск. губ. на 3 г., Фессалоницкая — на 5 лет из столиц, Моисей Лурье (бывший эмигр.) — в Вост. Сиб., Леонид Буланов, бывший прежде на поселении в Вост. Сиб. по делу «Земли и Воли» и ар. в 1902 г. в Саратове, увезен из Петр. креп. неизвестно куда.

Из Одессы сообщают, что известный провокатор рабочий Гандер вновь появился на горизонте. Несмотря на то, что этот господин уже неоднократно был опубликован как шпион, находятся люди, относящиеся к нему по-товарищески. Стыдно, господа!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Читателям. В мою статью «Социальная демократия в России», напечатанную в приложении к только что вышедшей на русском языке книге А. Туна «История революционных движений в России», закралась следующая, искажающая смысл, опечатка. На стран. 271, в последней строке, напечатано: социализма политике. Бунтари отрицали ее во имя «агитации». Должно быть: социализма политике. Лавристы защищали «пропаганду»; бунтари отрицали ее во имя «агитации».

Исправить эту опечатку я очень прошу всех читателей, которым попадет в руки книга Туна. Г. Плеханов.

Осипу и Трудолюбцам. Пришлите новые адреса для писем: очевидно, наши не доходят.

Жаку. Когда же вы свяжетесь непосредственно с нами?

Искровцу. Статья об ограничении самодержавия отложена за недостатком места.

Получено: Из Москвы через Е. 50 руб.; из Берна в февр. за лит. 179,70 фр.; с бала 105 фр.; из Женевы 58,20 фр.; от друзей 20 руб.; из Томска от Ком. 30 р.; из Берлина собр. 19 февр. в пользу арест. 18,20 м.; из Полтавы 130 м. Через Женеву: из Вены за литер. 15 крон, из Ш. за лит. 10,55 ф., из Давоса по листу № 101 100 ф., из Карлсруэ с веч. 70 м., с реферата в Фрейберге 20 м., из Ма за лит. 37 ф., из Вост. Сиб. от врача Короткова 10 р., от Цюр. Сиб. Кас. 25 р. и 40 ф. От прибалтийцев на «Искру» 27,80 руб., Г. О. 7 р., от Грин ежемесячно 5 р.

Отчет Сибирской Кассы с 22 июля 1902 г. по 6 февраля 1903 года.

Приход (во франках и сант.). В кассе к 22 июля оставалось 4,63. Из Цюриха: членских взносов 69,00, собрано по листкам 103,25, пожертвовано 45,05, доход с бала 763,26. Через г. Аксельрода: от «друзей из Вяземской лавры» 13,53, из Л. с вечера у К. С. 30,00, из Лиона 25,80, из Л. через М—скую 4,00, через Юлия 10,00. Из Моритца от Фр. Бифи (по воззванию) 15,00, из Винтертура 66,80, из Давоса (12,50 и 15,00) 57,50, из Германии по листку С. К. и Б. через В. 21,00, из Льежа (77,00 плюс 250,00, плюс 120,00, из них 100,00 «от старых и молодых революционеров») 447,00, из Нью-Йорка 87,50, из Берна чер. Ф. 8,00, из Давоса чер. г. Аксельрода 184,00, из Митвайды 89,00 (из них 39,00 собрано за декабрь и 50,00 собрано в пользу пострадавших от стачки в Ростове, Новороссийске и Тихорецкой), из Лозанны в пользу пострадавших от стачки по подписному листу 25,00, членских взносов в Цюрихе 14,00, пожертвовано в пользу заключ. 2,40. Долги с бала 15,40.

Расход (во франк. и сант.). Печатание воззваний 12,500, послано в Одессу для ссыльн. и заключ. 15,00, в Енисейскую губ. 40,00, через Бунд эмигр. (в счет буд. сбора) 100,00, в Верхоленск ссыльному 45,00, то же 55,00, в В. Сибирь через П. Соц.-Дем. 50,00, на Сахалин (75 руб.) 199,10, в Иркутскую губ. чер. К. (100 р.) 265,50, 4 эмигрантам (в счет будущего сбора по разосланным листкам) 100,00, больному рабочему-эмигранту по подписному листу 76,75, в Москву ссыльн. и заключ. через Соц.-Дем. 200,00, почтовые расходы 17,10 и 3,25, в Енис губ. ссыльн. чер. Бунд 200,00, пострад. от стачки в Ростове, Новоросс. и Тихорец. чер. «Свободу» 50,00, пострад. от стачки чер. «Рев. Росс.» 25,00, за локал 2,00.

Всего прихода 2.101,12. Всего расхода 1.591,20. В кассе к 6 февраля 1903 г. — 509,92.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Древние римляне называли идами день среди месяца, приходившийся на 15-е число в марте, мае, июле и октябре и на 13-е число в остальные месяцы.

Прим. 2. Международное Товарищество Рабочих — название Первого Интернационала, основанного 28 сент. 1864 г.

Прим. 3. См. прим. 6-е к № 18 «Искры».

Прим. 4. Барбес Арман (1809—1870) — французский революционер, участник ряда заговоров и восстаний в 30-х годах во Франции. Вместе с Бланки Б. основал подпольное «Общество времен года», члены которого являлись последователями французского коммуниста XVIII столетия Бабефа и сторонниками заговорщицкой тактики. После неудачного восстания в 1839 г был приговорен к смертной казни, замененной ему пожизненной тюрьмой. Освобожденный революцией 1848 г., Б. основал политический Клуб Революции и был избран в Национальное Собрание. Поддаваясь настроениям мелкой буржуазии, Б. ведет ожесточенную борьбу с Бланки, но движение рабочих масс увлекает его влево, и 15 мая 1848 г. он участвует в попытке рабочих разогнать Национальное Собрание. Вместе с Бланки, Альбером он снова арестован и приговорен к тюремному заключению. Освобожденный из тюрьмы Наполеоном III, Б. протестует против этой непрошенной милости, и из тюрьмы его выводят силой. После освобождения Б. удалился в добровольное изгнание и умер в Гааге в 1870 г.

Прим. 5. Альбер-Александр Мартэн (1815—1895)—рабочий металлист, французский революционер, примыкавший по своим взглядам к мелкобуржуазному, утопическому социализму. В 30-х годах участвовал в тайных обществах и заговорщицких восстаниях. В 1840 г. издавал газету «L'atelier» («Мастерская»), в которой производительные ассоциации рассматривались как панацея от всех социальных зол. Во время революции 1848 г. был членом буржуазного Временного Правительства. Временное Правительство назначило Альбера вместе с Луи Бланом руководить работой так называемой Люксембургской Комиссии («социалистической синагоги», по выражению К. Маркса), которая по мысли своих организаторов должна была разрабатывать различные проекты улучшения положения рабочих, а в действительности служила буржуазии средством для одурачивания пролетарских масс. После неудачной попытки рабочих разогнать контр-революционное Национальное Собрание (15 мая 1848 г.) Альбер был приговорен к заключению в тюрьме, откуда освободился в 1859 г. по амнистии. В 1871 г. он принял участие в Парижской Коммуне, но не пользовался в ней большим влиянием.

Прим. 6. Июньское восстание рабочих во время французской революции 1848 г. было вызвано агрессивной политикой реакционного Учредительного Собрания по отношению к пролетариату, который 15 мая 1848 г. сделал неудачную попытку разогнать его. Поводом к восстанию был декрет (21 июня 1848 г.) правительства, обязывавший всех находящихся в Париже безработных в возрасте от 18 до 25 лет поступить на военную службу или отправиться в провинцию на земляные работы. Несколько десятков тысяч вооруженных рабочих 23 июня покрыли значительную часть Парижа баррикадами. Буржуазия двинула против рабочих войско и национальную гвардию во главе с Кавеньяком. Борьба продолжалась четыре дня (23—26 июня). Пролетариат, несмотря на геройское сопротивление, был разбит. Началась жестокая расправа. Захваченные пленные тысячами бросались в погреба Пале Рояля, где они задыхались от недостатка воздуха, страдали от жажды и умирали от ран. В бою погибло около 4.000 рабочих. 5.000 человек было осуждено на каторгу, тысячи рабочих были высланы из Парижа.

Прим. 7. Лиссагарэ Проспер Оливье (р. в 1838 г.) — участник Парижской Коммуны 1871 г., автор «Истории Парижской Коммуны».

Прим. 8. Тьер Луи-Адольф (1797 — 1877) — французский буржуазный историк и государственный деятель, монархист. В 1834 г., будучи министром внутр. дел при Людовике-Филиппе, жестоко расправился с восстаниями в Лионе и в Париже, издав приказ «истреблять по возможности молодое отродье». В 1848 г. стоял за диктатуру генерала Кавеньяка. В 1871 г. он был назначен Национальным Собранием главой исполнительной власти, заключил тяжелый для Франции мир с Германией и потопил в море крови Парижскую Коммуну. В августе 1871 г. был избран президентом Французской республики, в 1873 г. подал в отставку и ушел от политической деятельности. Написал «Историю Великой Французской Революции».

Прим. 9. Прозвище Тьера.

Прим. 10. В подлинном тексте «Искры» пункт второй пропущен.

Прим. 11. Южно-русская группа учащихся средних школ — была основана в Ростове-на-Дону летом 1902 года. Вскоре же после основания группы состоялся ее первый с'езд, принявший резолюцию: «С'езд считает невозможным коренную реформу средней школы без изменения всего социально-политического строя России. С'езд признает задачей российской интеллигенции внесение в среду трудящихся классов пропаганды социалистических принципов». В № 29 «Искры» напечатан манифест Центр. К-та этой группы, заканчивающийся призывом учащихся стать «под гордо развевающиеся красные знамена российской социал-демократии». Против определенно выраженной партийности группы выступила со статьей «Рев. Россия», противопоставив ее программе нефракционную программу других учащихся организаций, девизом которых, был клич: «К свету, к стремлению развить самосознание». На это в № 43 «Искры» был напечатан: «Ответ „Революционной России“», написанный С. Гурвичем, членом Ц. К. группы и одним из ее активнейших работников. В рассвет своей деятельности группа была связана с 11 городами: Таганрог, Новочеркасск, Ставрополь, Екатеринодар, Новороссийск. Воронеж, Феодосия, Керч и ряд др. В начале января 1904 года на заседании Ц. К. группы было принято решение о роспуске этой организации и о передаче работы среди молодежи общепартийной организации. Заявление Ц. К. группы об этом было напечатано в № 62 уже новой меньшевистской «Искры». В современной литературе эта организация известна еще под названием «Южно-Русский Союз Молодежи».

Прим. 12. В 1901—1903 гг. Воронежский Комитет Р. С-Д. Р. П. находился в руках «экономистов» во главе с Лидией Махновец. В напечатанной выше заметке речь идет о выступлении Воронежского Комитета против Орг. Комитета по созыву II с'езда партии. Характеризуя О. К. как интригу «Искры», Воронежский Комитет оспаривал законность его полномочий по созыву с'езда. Исходя из этого, О. К. не послал Воронежскому Комитету приглашения на с'езд. С'езд одобрил действия О. К., и Воронежский Комитет не имел своих делегатов на с'езде.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 37 | 1 АПРЕЛЯ 1903 ГОДА | № 37

РУССКИЕ БОНАПАРТИСТЫ В ФИНЛЯНДИИ.

Геройская борьба, которую ведет небольшой финляндский народ против русского царизма, имеет важное политическое значение для судеб России. Русскому обществу представляется возможность изучить на практике, чем может, чем должна быть упорная и стойкая борьба с насилием самодержавия и как бессильно последнее в борьбе с мужественной и серьезной политической оппозицией. Русскому либералу стоит также вдуматься в значение финляндских событий, чтобы понять, как беспочвенны всякие надежды на мирное сожительство самодержавия с какими бы то ни было началами европейского правового порядка. И всей русской либеральной и социалистической оппозиции следует на финляндской политике русского правительства изучать все характерные черты позорящего Россию режима, — того режима, который ухитрился совместить в себе азиатскую жестокость с иезуитским коварством.

С первых же дней той отчаянной борьбы, которая завязалась между финской нацией и русским самодержавием, последнее прибегло к тактике заигрывания с неимущими классами Финляндии, дабы приманить их к себе обещанием «экономических» подачек и натравить против имущих классов Финляндии, поскольку последние борются за конституционную свободу. Известно, что подобной тактики в течение известного времени держался во Франции Людовик Наполеон Бонапарт (Наполеон III). После того как Николай Романов, по его примеру, растоптал ногами ту самую конституцию, которой он торжественно поклялся в верности, — ему было совершенно к лицу сдобрить «искони-русскую» политику кнута и нагайки бонапартистской демагогией.

Дело началось с сельского финляндского пролетариата (торпарей) и продолжилось средним крестьянством, которое шпионы и агенты русского правительства бунтовали против городской буржуазии, интеллигенции и землевладельцев, боровшихся за конституцию. После того как русский царизм испробовал свои бонапартистские способности в отечественной «зубатовщине», он мог дерзнуть на решительный шаг в сторону финляндского городского пролетариата.

Но в России размах зубатовского бонапартизма волей-неволей суживается под влиянием страха перед мощью «всероссийского купечества». Поэтому, при всей своей кричащей наглости, зубатовские эксперименты носят довольно неуверенный характер. Все помнят, как струсил Зубатов, когда его агенты было не на шутку разожгли стачечное движение в Москве. Спекулируя на классовой вражде между русским пролетариатом и русской буржуазией, самодержавие не решается позволить ей развиться до тех пределов, за которыми эта буржуазия будет вынуждена поднять знамя возмущения против устоев полицейского самодержавия. Другое дело — в Финляндии, где русскому самодержавию уже нечего терять в симпатиях какой бы то ни было части населения, где глубокая, непримиримая ненависть к нему уже стала первым требованием гражданской чести. В Финляндии бонапартисты царизма могут себе позволить пуститься во все тяжкие.

Выждав удобный момент, шайка, предводительствуемая Бобриковым, на-днях протанцовала под звуки «Боже, царя храни» самый разухабистый бонапартистский канкан.

Дело было 2 марта, в то самое воскресенье, когда русский пролетариат в Ростове-на-Дону оглашал улицы города криками: «долой самодержавие!», а пролетариат нашей южной окраины — в Баку — при тех же криках победоносно отражал казаков, избивал представителя царской власти — вице-губернатора — и наглядно показывал русскому царизму, что кавказский рабочий не верит сказке о «демократической» подкладке той обрусительной политики, которую самодержавие ведет на Кавказе так же, как и в Финляндии, в борьбе с армянской буржуазией так же, как и с финской и шведской.

Факты таковы. Безработные г. Гельсингфорса, обратившиеся в городской магистрат (городская управа) за помощью, получили в ней отказ. Тогда рабочие направились к назначенному русским правительством (незаконно, противоконституционно назначенному) губернатору Кайгородову, тому самому губернатору, который в прошлом году устроил первое в истории Финляндии избиение мирных демонстрантов (в том числе и рабочих) и который за это — по финляндской конституции наказуемое — преступление был бы непременно осужден, если бы царь не запретил судьям его судить (см. №№ 35 и 36 «Искры»).

«Разумеется, русский губернатор по-русски и встретил финских рабочих», — рассказывает корреспондент «Московских Вед.». Читатель ошибается, если подумает, что г. Кайгородов «по-русски» обругал рабочих, обратившихся за помощью к правительству. Нет, «он выразил прежде всего сожаление, что к нему так поздно обратились, и обещал сделать все от него зависящее для облегчения нужды». Дело было доложено обер-палачу Финляндии Бобрикову, и последний приказал «Красному Кресту» уже через два дня открыть две столовые для раздачи горячей пищи нуждающимся рабочим. «Предположено также учредить раздачу денег для выкупа заложенного платья, белья и рабочего инструмента». Во главе особой комиссии, заведующей этим делом, стоит помощник ген.-губернатора Дейтрих. В первый день обеды выданы 300 чел., во второй — 600, а с третьего дня уже тысяче человек ежедневно.

Открытие столовых произошло 2 марта с чрезвычайной торжественностью. Тайный советник Дейтрих в речи к рабочим сказал, что «сердцу русского царя столь же близки его верноподданные финны, как и жители средних русских губерний, и он не дозволит умереть с голоду никому из своих верноподданных». В ответ на эту речь печник Филипп Лайне, «член Рабочего Комитета», «выражал глубокую благодарность за быструю и сердечную помощь» и т. д. Словом, повидимому, «клюнуло». С свойственным им цинизмом, «Моск. Вед.» указывают, что гельсингфорсские рабочие долго крепились прежде, чем обратиться за помощью к врагу своей родины, но, говорят они, «голод не тетка, а нужда не свой брат», — и финляндские пролетарии (предварительно отплюнувшись) пошли к Кайгородову.

Буржуазия всегда остается буржуазией, и нас не удивляет то отношение, какое гельсингфорсские рабочие встретили со стороны магистрата. Несомненно, что на гельсингфорсскую буржуазию падает добрая доля ответственности за происшедший 2 марта политический скандал, за то, что новая демагогическая выходка генерала Бобрикова увенчалась известным успехом. Но вина, падающая на буржуазию, нисколько не ослабляет печального впечатления, которое производит поведение части гельсингфорсских рабочих. Что «голод не тетка», — мы хорошо знаем, и мы последними бросили бы камень в того, кого крайняя нужда толкнула на неверный шаг. И, тем не менее, мы должны выразить глубокое сожаление, которое разделит с нами весь сознательный русский пролетариат, — сожаление о том, что часть финских рабочих попалась в ловушку, подставленную ей царским правительством.

Буржуазия всегда остается буржуазией, и даже в моменты крайнего патриотического и оппозиционного напряжения она способна скорее рисковать потерей политической позиции в борьбе с дикой реакцией, чем уступить голодному пролетарию крохи из прибавочной стоимости. Но политика сознательного пролетариата не может в своих основных чертах определяться большей или меньшей черствостью, большей или меньшей степенью классового эгоизма, который проявляет в данный момент буржуазия. Политика сознательного пролетариата имеет более глубокие, более устойчивые корни в его классовых интересах. Сознательный пролетариат не становится менее революционным в своем отношении к имущим классам оттого, что эти последние по тем или другим соображениям бросили ему подачку своей филантропической помощи; но он и не разменивает своего глубоко-революционного отношения к буржуазии на мелкое и недостойное «подсиживание» ее услугами ее политическому противнику (тем более, если этот противник в то же время и еще более — враг самого пролетариата). Словом, сознательный пролетариат не превращает своего классового протеста в орудие демагогической игры реакционных партий; он не продает своего революционного права за чечевичную похлебку «экономической помощи».

Нет сомнения, что передовые элементы финляндского пролетариата укажут своим менее сознательным товарищам на всю недостойность и политическую опасность той роли, какую они приняли на себя в фарсе, разыгранном Бобриковым и его слугами. Финляндский пролетариат, доселе стоявший в первых рядах борцов против царского произвола в Финляндии, обманет расчеты высокопоставленных зубатовцев.

Финляндская рабочая партия раз'яснит также прогрессивной финской буржуазии всю политическую опасность той деморализации народной массы, к которой — на пользу Бобрикову и его шайке — должно привести своекорыстно-кулацкое отношение к бедствиям пролетариата.

Наше дело — указать русским рабочим на приемы царской политики в Финляндии, на ее демагогический характер. Наше дело — воспользоваться для просвещения классового самосознания русского пролетариата тем агитационным материалом, какой доставляет и еще будет доставлять политика царизма на окраинах.

В борьбе с свободолюбивыми элементами Польши самодержавие заигрывало с польским крестьянством и, чтобы отрезать польскую революцию от польского мужика, облегчало ему условия освобождения от крепостной зависимости в то самое время, когда в России, под защитой царских штыков, производилось ограбление крестьян дворянами и бессовестное урезывание крестьянских наделов.

Чтобы ослабить оппозицию балтийских помещиков и горожан-немцев, самодержавие выступало в роли защитника эстонских и латышских крестьян, в роли попечителя об их экономических нуждах, об их национальных интересах.

Чтобы расстроить ряды единодушного в борьбе за свои конституционные вольности финского народа, самодержавие через наемных агентов раздувало классовую ненависть в безземельном крестьянстве Финляндии, тщетно пытаясь выступить в роли его покровителя.

Теперь обагренное кровью русских, польских, латышских, еврейских, армянских и грузинских рабочих, самодержавие думает фигурировать перед пролетариатом финским в ореоле «социальной политики» — политики «сердечного попечения».

Вы забыли, господа, что теперь каждое ваше политическое действие станет известно сотням тысяч поднявшегося русского пролетариата и что каждое слово, в демагогических целях брошенное вами в Финляндии, станет исходной точкой для соц.-демократич. агитации в России.

«Русский царь не дозволит умереть с голоду ни одному из своих верноподданных», — сказал помощник ген.-губернатора Дейтрих 2 марта в Гельсингфорсе. Запомните эти слова, русские рабочие!

Несомненно, царь не любит, чтобы голодающие русские рабочие умирали с голоду. Он предпочитает... чтобы они умирали от пуль и штыков христолюбивого воинства, как это опять было в Златоусте.

Царь не только «не дозволяет умереть с голоду» своим «верноподданным», он «не дозволяет» им думать о голодной смерти своих собратьев, он запрещает всякую общественную самодеятельность в деле помощи тем миллионам голодающих, которых плодит его политика, его финансовая система, его покровительство эксплоататорам!

Чтобы не дать умереть с голоду своим «верноподданным» финским рабочим, царь открывает в Гельсингфорсе столовые для безработных. Почему же только в Гельсингфорсе? Почему вдесятеро большие массы безработных в Петербурге и Киеве, Москве и Ива-

нове, Екатеринославе и Баку, Ростове и Саратове, — почему они не слышат ничего о подобных мерах помощи жертвам промышленного кризиса? Почему «Красный Крест», вместо того чтобы употреблять собранные по всей России средства на дело политического подкупа в Финляндии, не затратит их на устройство столовых для безработных в русских городах? Лицемерие царской двойной бухгалтерии хорошо иллюстрируется тем фактом, что в то самое время, как тысяче гельсингфорсских рабочих выдаются бесплатные обеды, казенный оружейный завод в Туле разом рассчитывает 1.500 рабочих, обрекая их на голодное существование (см. прокламацию Тульск. Ком.).

В достаточно отвратительном свете выступает «царское правительство», когда оно полицейским насилием отводит руку помощи от голодающего, когда оно запрещает рабочим организовывать помощь своим нуждающимся товарищам. Но еще отвратительнее, когда то же самодержавие, подобно старому развратнику, покупает ласку своих «верноподданных», выдавая голодному «пособие» под условием присяги на измену делу свободы *.

Для русских рабочих будет также интересно узнать, что организацию раздачи бесплатных обедов русское правительство передало Гельсингфорсскому Рабочему Союзу. Наши русские рабочие союзы к такой любезности со стороны властей не привыкли. Наши рабочие союзы преследуются, члены их высылаются, деньги конфискуются. Несомненно, такой же «порядок» самодержавие заведет в Финляндии, если ему удастся ее «обрусить», упразднив ее конституцию и распространив на нее действие всех русских законов и всего самодержавного беззакония. Но на пути к этой благородной цели русское правительство, не моргнув глазом, вступает в официальные переговоры с финским рабочим союзом, как с легальным представителем рабочего класса. Это делает то самое правительство, которое в России не признает за рабочими даже права выбирать официальных депутатов для передачи их требований во время стачек. Русские рабочие увидят на этом факте, что царизм не исповедует никаких политических принципов и что, преследуя профессиональную борьбу русских рабочих, он просто обнаруживает свою интимную близость с интересами русских капиталистов.

Политическая комедия, разыгранная в Гельсингфорсе 2 марта, является новым эпизодом в развитии той «зубатовщины», которая, ярко обличая бессилие царизма в его борьбе с народом, в свою очередь чрезвычайно ускоряет разложение самодержавного порядка.

На зубатовские эксперименты в России пролетариат снова дал выразительный ответ политическими демонстрациями в Ростове и Томске, Белостоке и Батуме, Баку и Тифлисе. И мы с полным правом можем сказать финской демократии, против которой направлен новый шахматный ход Бобрикова и Дейтриха: держитесь твердо и всеми силами отстаивайте свою оборонительную позицию до тех пор, пока русский народ могучим напором свалит трон русского деспота и снимет осаду с ваших крепостей. Этот момент не за горами.

* «Все нуждающиеся, — сказал, по словам «Моск. Вед.», печник Лайне, — постараются... повиновением властям отблагодарить за оказываемую помощь».

* * *

P. S. Иностранная печать заговаривает о предстоящем введении в Финляндии, как выражаются газеты, «военной диктатуры», т. е. о предоставлении финляндскому генерал-губернатору Бобрикову неограниченных полномочий по упразднению всякой законности в Финляндии. Русские бонапартисты, как и подобает вообще бонапартистам, быстро идут к полному государственному перевороту, к переведению конституционной страны на положение самых бесправных русских «окраин». Финляндия не примирится с таким позорным положением. Пусть же она ищет из него выхода там, где он только и возможен: в деятельной поддержке русской революции!

[Л. Мартов]

ОГРАНИЧЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ.

Попытки ограничения деспотизма предпринимались в России еще в ее средневековый период. Начало положено при Иоанне IV в виде «ближнего совета», созданного кн. Курбским, Адашевым и Сильвестром; это «дерзновенное» предприятие ограничить «древле-богоданную» власть блестяще изображено в переписке Грозного с Курбским, в этой боевой полемике русского самодержавия с феодализмом.

С прекращением дома Рюриковичей, когда боярство начало возводить на престол царей, оно стало брать с них «опасные грамоты». До нас дошли тексты грамот, данных Иваном V [1], Шуйским и польским королевичем Владиславом; они гораздо выше первой английской хартии, данной Генрихом I, которая явилась основой Великой Хартии Вольностей.

О Михаиле Романове сохранились лишь упоминания у Котошихина [2], что с него «грамотку брали». Про Алексея Михайловича тот же автор говорит, что «этого так на престол пустили, ибо тишайшим почитали». Но у жены тишайшего царя родился сын *, гений которого, как обыкновенно считают, дал России цивилизацию; теперь же можно с уверенностью сказать, что его самого вынес поток западнического движения, и Петр только придал этому просветительному движению деспотическую окраску, — дав России главных врагов народа: централизацию правительственной власти и постоянные войска, а первой ревизией официально закрепостив крестьян.

Со смертью Петра начались «происки честолюбцев»: был учрежден верховный совет и в 1730 г., при возведении на престол Анны Иоанновны, этот совет решил «себе полегчить» и «воли прибавить». И сказка, распускаемая некоторыми историками, что дворянство уничтожило ограничительные «пункты», пожелав иметь самодержавную государыню, не верна, — дворянство представило свои проекты конституции, только более демократические, потому что верховный совет уделял слишком мало места простому шляхетству, а падение месячной конституции совершилось при содействии гвардии и духовенства.

* Петр не был сыном А. М. и знал это; однажды он спросил Тихона Стрешнева: «Скажи по правде, ты ль мой отец?» — Кто его знает, Петр Алексеевич,—ответил боярин:—в те времена многие были вхожи к царице Наталье Кирилловне.

Большинство иностранных послов приветствовали новое правление на манер «швецкого и английского». Эта попытка могла бы, несомненно, сыграть крупную роль в русской истории, но она не удалась, благодаря забитости средних классов, и невольно вспоминаются слова главы тогдашних конституционалистов, Д. М. Голицына: «Трапеза была уготовлена, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дела. Так и быть, пострадаю за отечество, — мне уже немного осталось, и те, которые заставляют меня плакать, будут плакать долее моего».

После свержения миропомазанного «скомороха» — Петра III — была сделана последняя временно-удачная попытка ограничения самодержавия: по инициативе гр. Панина Екатерина была возведена на престол с титулом «правительницы» и с обязательством организовать представительство; за образец была взята, как и при Анне Иоанновне, шведская конституция, — но и этот проект остался под сукном.

Далее идут свободолюбивые мечты Александра I, подарившего Россию Аракчеевым; тени декабристов, тени тысячей замученных жертв, и в этом мраке светлым лучом мелькает лишь первое марта, взрыв бессильной мести, последний удар кучки героев, припертых к стене.

Теперь снова поднимается старый вопрос об ограничении самодержавия, как намекает манифест 26 февраля,—об его падении, скажем мы. «Новые ноты звучат в этом манифесте», — замечают заграничная печать и русский обыватель; «видна неизвестная рука», — размышляет либерал, перебирая в уме царедворцев. «На этот манифест наложила печать рука революционной партии, это — мускулистые руки миллионов рабочего люда», — скажем мы.

Давно мы не слыхали упоминаний о революционной партии в высочайших манифестах, да еще таким торжественным тоном. А вдумайтесь в самый текст: на первом плане такая широкая принципиальная мера, как свобода вероисповеданий, рядом улучшение положения духовенства. Что это значит? — то, что все слои русского населения недовольны, а потому нужно успокоить хоть некоторые, — это новая политика; прием Победоносцева,— отвлечение народа в сторону религии, — не удался, пробуют другое *. Эта мера имеет глубокий смысл: в России около 20 милл. раскольников и около 7 милл. сектантов **, веротерпимость может успокоить эту страшно раздраженную часть населения ***. Но мать святая церковь живет безгрешными доходами с еретиков, вот почему ей жалуют воспомоществование. Насколько удастся эта мера, сказать трудно, но во всяком случае социально-мистические секты, т. е. весь юг России, пойдут дальше— к революционерам, а раскольники, если и успокоятся, то скоро получат временные правила в редакции «лисицы православия».

Еще принципиальный пункт: расширение местного самоуправления... под руководством сильной власти. Этим и либералов не обманешь: бюрократические вожделения прикрыты слишком наивно. Остальные меры

---

* Черниговское и саровское комедные[3] действия могут быть об'яснены только стремлением сеять фанатизм.

** По официальным данным их значится, конечно, меньше.

*** Разумеется, фразой о «веротерпимости» самодержавие думает только надуть сектантов и раскольников: как это хорошо раз'яснили «Моск. Вед.» и «Миссионерское Обозрение», веротерпимость в духе «основных законов» означает самое изуверское преследование «отпавших от православия» и распространяется (и то чуть-чуть) только на официальные внеправославные церкви.

Прим. ред.

УБИЙСТВО СИПЯГИНА—В ПРОВИНЦИИ.

(К годовщине второго апреля.)

Я жил в одном провинциальном большом городе, когда совершено было убийство Сипягина. Официальная весть об этом убийстве дошла в наш город только к полудню следующего дня, т. е. 3 апреля. Первый, из уст которого я услышал об убийстве, был прокурор местного окружного суда, с которым я встретился случайно в аптеке. «Сипягин убит»,—сказал прокурор, обращаясь ко мне почти на ухо, и в голосе его дрогнула та неуловимая смешанная нотка, которой обыкновенно прикрывают русские бюрократы перед обывателем свои настоящие чувства. В самом деле, все лицо прокурора превратилось в сплошную улыбку, а тон его слов был иезуитски грустен. Но что меня особенно поразило, так это то, что прокурор ограничился только лаконическим сообщением факта без обычной в таких случаях квалификации поступка «преступника». Я вышел из аптеки, ошеломленный не только известием, но и прокурором, передавшим это известие. Прокурор этот среди горожан слыл за «каторжного», вследствие своих обвинительных речей, и, значит, был далеко не из либеральствующих...

В местных газетах не было еще телеграммы об убийстве, таковая пришла только к вечеру этого дня, и потому таинственность, в которую облек прокурор свои сообщения, становилась для меня ясной. Когда я шел по улицам города, переживая впечатления только что слышанного, навстречу мне шел городской мировой судья, и по сияющему его лицу я мог уже догадаться, что он намерен передать мне что-либо очень важное. Действительно, не успел он мне еще подать руки, как из груди его вырвался восторженный звук голоса: «Знаете, батенька, новость! Сипягина убили! Вот это я понимаю, это не то, что ваши социал-демократы, марксисты!». Судья был очень добродушный человек и часто любил уколоть в моих глазах социал-демократию... Сангвинический по своему темпераменту, судья засыпал меня целым потоком своих чувств по поводу убийства. «Собаке собачья и смерть»,—заключил он, озираясь по сторонам, нет ли где-нибудь «царевых ушей», так называл он шпионов, которых, к слову сказать, в нашем городе был особенно большой наплыв.

Распрощавшись с судьею, я сел на извозчика и поехал в частный коммерческий банк, где у меня в этот день было небольшое дело. В банке было очень много самого разнообразного народа. Я ожидал своей очереди и стоял в хвосте кучки клиентов, но был неожиданно заинтересован довольно оживленной беседой одного

«улучшения», как-то: мелкий кредит, уничтожение круговой поруки, выход из общины, приход, как самостоятельная единица, — это меры фискально-экономические, мы их оставляем в стороне, заметим только, что учреждение приходов пахнет проектом Мещерского, — приходские начальники, т. е. умножение земских до бесконечности.

Да и все это только декорации; центр тяжести лежит в строках о «смуте» и «крамоле», — они вызвали «историческое событие», по поводу которого теперь скачут и ликуют нововременские публицисты; но в голосах даже этих холопов слышится что-то особенное. Теперь уже не то блаженное время, когда после подобных манифестов, также вызванных революционерами, в газетах всех оттенков, от Каткова до Гаммы (г. Градовский), раздавалось дружное «ату! души крамолу!» История не повторяется, — утверждаем мы в противоположность некоторым доморощенным теоретикам. Настоящий момент особенно связан «с идеей рабочего сословия», оно недавно призвало к порядку русских чиновников, насиловавших личность, — близко время, когда оно призовет на суд весь современный строй. Все чувствуют это: с высоты престола пишут об успокоении возбужденных умов, заграничные газеты твердят о вступлении России на новый путь, либеральные сурки копошатся в своих норах, официозные публицисты вместо призыва к борьбе с крамолой тонко намекают на лучи восходящей зари и томно задумываются, а Николай II втихомолку заказывает своему учителю хоть куцую, а все-таки конституцию *. Ясно, что русское самодержавие хочет вступить на путь компромиссов, но теперь уже поздно; есть лишь два выхода: демократическая конституция или столкновение, в результате которого никто не сомневается, и мы его предпочтем. «Пролетарии ничего не могут потерять в борьбе кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир».

[В. Северцов - В. В. Филатов]

* Нам известно из достоверного источника, что проф. Ключевскому официально заказано написать историю Земских Соборов.

Г. СТРУВЕ, ИЗОБЛИЧЕННЫЙ СВОИМ СОТРУДНИКОМ.

№ 17 «Освобождения» принес много приятного для «Искры» вообще и для пишущего эти строки в особенности. Для «Искры» потому, что ей приятно было видеть некоторый результат своих усилий подвинуть г. Струве влево, приятно встретить резкую критику половинчатости у г. сс., приятно читать о намерении «освобожденцев» создать «открыто и решительно конституционную партию» с требованием всеобщего избирательного права в программе. Для пишущего эти строки — потому, что г. сс., «принимавший выдающееся участие в выработке заявления „от русских конституционалистов“ в № 1 „Освобождения“», и, след., являющийся не простым даже сотрудником, а до некоторой степени хозяином г. Струве, оказал неожиданно большую услугу в полемике против г. Струве. Я позволю себе начать с этого, второго пункта. В № 2-3 «Зари» я полемизировал в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» с г. Р. Н. С., автором предисловия к известной записке Витте[4]. Я показал там двусмысленность всей позиции г. Р. Н. С., говорившего об аннибаловой клятве борьбы с самодержавием и в то же время обращавшегося с елейными речами к власть имущим, к мудрым консерваторам, в то же время выдвигавшего «формулу»: «права и властное земство» и т. д. и т. д. Публика узнала теперь из второго издания «записки»,

---

высокого молодого человека с служащими банка, стоявшими по соседству со мной у отверстия небольшой банковой конторки. Как оказалось, беседа шла об убийстве Сипягина, весть о котором уже дошла и сюда. Молодой человек, как оказалось потом, был премьер местной драматической труппы и передавал свои впечатления об убийстве служащему банка. Мало-по-малу возле разговаривающих образовалась порядочная кучка клиентов, заинтересованных громкой и оживленной беседой. «Сипягина убили за то, что больно крут был, — произнес артист своим грудным высоким голосом, привыкшим к декламации. — Вряд ли кто пожалеет о нем, — продолжал он дальше: — кому его жалеть? Разве что дворянам, но, например, хотя я и дворянин, но я всех людей люблю, а он жалел только дворян!», — закончил он. Служащий, видимо, испугавшись той откровенной почвы, на которую перешел неожиданно разговор с артистом, ничего ему не отвечал. Но зато в разговор вмешался стоявший сзади артиста местный купец, ведущий довольно широкую торговлю в городе. «Да что и говорить, — сказал он, — министр, царствие ему небесное, заслужил своей смерти. Мы от него много натерпелись. Собачник, а не человек», — закончил купец свою реплику. Личность убившего, повидимому, мало интересовала разговаривавших. Но интереснее всего то, что среди собравшихся в банке публики не слышно было ни одного слова сожаления и осуждения по поводу убийства Сипягина Весть здесь все приняли как должное, как нечто, чего уж ждали.

Артист, поразивший меня своею откровенностью и оценкой факта, скоро ушел. Когда же я кончил свое дело и направился к выходу, то меня остановил директор банка и начал интерпеллировать по поводу «сенсационного убийства». «Кто может быть убийцей?» — спросил у меня директор. Я сказал, что я знаю об убийстве только от прокурора. «Знаете, кто бы он ни был, а важен факт, что таких личностей, как Сипягин, действительно нельзя ставить во главе такого ответственного перед страной министерства, как мин. вн. дел. Возьмите хотя бы его последние циркуляры о 600 высланных в Сибирь студентах Московского университета, согласитесь, что это абсурд, дикий абсурд, чего не может быть при умном министре. Пусть этот факт послужит правительству предостережением при выборе заместителя», — закончил мой собеседник. Я ничего не возражал этому коммерческому дельцу, я знал его как ярого поклонника Витте и его надувательской финансовой системы.

Возвращаясь из банка, я встречал на улице много знакомых, и оказывалось, что все они уже были осведомлены об убийстве Сипягина также из частных источников. Стоустая молва разнесла известие во все концы города,

что г. Р. Н. С. — это г. Струве. Моя критика в высшей степени не понравилась г. Струве, и он обрушился на меня с предлинным и пресердитым «примечанием к примечанию».

Посмотрим на доводы г. Струве.

Первым примером «неосновательности и несправедливости» моих «полемических красот» является то, что я говорил об антипатии г. Струве к революционерам, несмотря на его «совершенно, якобы, ясное заявление». Приведем это заявление полностью. «Аттестат, выданный земству самой бюрократией, — писал г. Струве, — служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности». В примечании к этой тираде г. Струве оговаривался: «этими словами мы вовсе не хотим задеть революционных деятелей, в которых нельзя не ценить прежде всего нравственного мужества в борьбе с произволом».

Таковы «документы по делу» о неосновательной и несправедливой критике. Предоставляем читателю судить, кто прав: тот ли, кто находил это заявление совершенно ясным, или тот, кто говорил, что г. Струве поправляется из кулька в рогожку, «задевая» (не названных им точно) революционеров «анонимным» (неизвестно против кого направленным) не только обвинением в невежестве, но еще и предположением, будто пилюлю обвинения в невежестве их можно заставить проглотить, если позолотить ее признанием их «нравственного мужества».

Я же, с своей стороны, скажу лишь: разные бывают вкусы. Многие либералы считают верхом такта и мудрости раздавать революционерам аттестаты за мужество, третируя в то же время их программу просто как фразу, как проявление недостаточного образования, и не давая даже разбора по существу их воззрений. По нашему, это не такт и не мудрость, а недостойная увертка. Дело вкуса. Русским Тьерам, конечно, нравятся салонно-приличные, парламентски-безупречные оппортунистические фразы настоящих Тьеров.

Пойдем дальше. Я, изволите видеть, «притворился непонимающим, что формула „властное всероссийское земство“ означает требование конституции», и мои рассуждения об этом «лишний раз подтвердили (для г. Струве) широкое распространение в нашей заграничной литературе подлинной революционной фразы, и притом еще злобно-тенденциозной» (этот непривлекательный литературный стиль особенно процветает на страницах «Искры» и «Зари», стр. XII второго издания «Записки»). Ну, что касается до злобной тенденциозности, то нам об этом трудно спорить с г. Струве: для него попреком кажется то, что нам кажется комплиментом. Тенденциозностью называют либералы и многие радикалы непреклонную твердость убеждений, а резкую критику ошибочных взглядов они называют «злобой». Тут уж ничего не поделаешь. Mea culpa, mea maxima culpa! [5] и был и пребуду «злобно-тенденциозным» по отношению к гг. Струве. А вот другое обвинение — по существу. Притворялся я непонимающим или не понимал на самом деле, да и нельзя было понять? Вот вопрос.

Я утверждал, что формула «права и властное земство» есть недостойное заигрывание с политическими предрассудками широкой массы русских либералов, что это не «знамя, позволяющее отделять врагов от союзников» (это заметьте!), а «тряпка, которая поможет только примазаться к движению самым ненадежным людям» (стр. 95 в № 2-3 «Зари»). Я спрашиваю всех и каждого: при чем тут мое «притворство»??

Встречаясь в этот день со многими обывателями и делясь впечатлениями, я вынес то убеждение, что все рады убийству и с нескрываемыми симпатиями относятся к своему неизвестному еще тогда по имени избавителю. Один чиновник акцизного ведомства, у которого я когда-то имел урок и которого я никогда бы не заподозрил в каких-либо «превратных толкованиях», встретившись со мною в этот день, начал передавать мне свою радость по поводу убийства. «Одним мерзавцем меньше стало» — заключил он свое известие об убийстве. «Когда мы узнали об этом в акцизном управлении, то многие согласны были отслужить молебен по случаю избавления от супостата». — «Да, но ведь другой негодяй займет его место», — сказал я, продолжая удивляться в глубине души такому неожиданному повороту в моем акцизном. «Другой все же побоится так сделать, как убитый», — ответил мне на это мой акцизный. Заинтересовавшись дальше психологической эволюцией чиновника, я предложил ему вопрос: «Да почему же вы недовольны Сипягиным-то были?» «Как чем? Разве мы ничего не видели? А „временные правила“, а студенческие волнения, ведь и у меня, чай, сын студент и потерпел ни за что ни про что».

Я пытался возразить, что, покуда будет жить известная политическая система, с необходимой последовательностью рождающая Сипягиных, до тех пор надеяться, что после Сипягина будет легче, крайне неосновательно. Но чиновник мой был на этот раз тверд и непоколебим и стоял на своем. Мы разошлись. Впечатления этого дня были настолько разнообразны и, быть может, новы для меня, что я положительно устал и до самого вечера просидел у себя в комнате. Вечером собрались ко мне мои знакомые самых разнообразных общественных рангов и настроений. Был здесь и городской врач, сохранивший радикальный образ мыслей до седых волос, человек очень преданный своему делу, его жена, тоже из бывших радикалок, местные присяжные поверенные, студенты и курсистки, один служащий в банке, два провинциальных журналиста, двое поднадзорных из бывш. студентов.

Несмотря на разношерстность собравшейся у меня публики, беседа в этот вечер завязалась сразу очень непринужденная и оживленная. Конечно, центром, около которого вращались все разговоры, было известие об убийстве Сипягина, которое приподняло настроение у всех присутствующих. Все чувствовали себя бодрее и живее, обычная сутолока серых обывательских будней, державшая всех моих гостей в своей нераздельной власти, куда-то отлетела далеко прочь в этот памятный вечер. Большинство собравшихся склонялось к той мысли, что убийство Сипягина должно собой знаменовать поворот в русской революционной деятельности к традициям ста-

Я прямо говорю, что считаю это знамя — тряпкой, а мне отвечают: вы притворяетесь непонимающим! Да ведь это не что иное, как новая увертка от разбора вопроса по существу, от разбора вопроса: годится ли «формула» больше для знамени или больше для тряпки!

Мало того. Я могу теперь, благодаря любезной помощи г. сс., доказать фактически нечто гораздо большее. Я могу доказать, что «недостойное заигрывание» было со стороны г. Струве не только в смысле филистерского доктринерства, желающего умилить правительство своею скромностью, не только в смысле неразумного желания об'единить «либералов» на минимуме, но и в смысле прямого, непосредственного «заигрывания» с известными г. Струве сторонниками самодержавия. Г. сс. разоблачает г. Струве беспощадно и бесповоротно, говоря, что «неясный и двусмысленный (слушайте!) славянофильский [6] лозунг «земский собор» выдвигается в целях удобства «ненатурального союза» либералов-конституционалистов и либеральных сторонников идеального самодержавия. Г. сс. называет это не больше не меньше, как «политической эквилибристикой»!! И г. Струве расписывается в получении... называя лозунг земского собора «неопределенным и своею неопределенностью ценным (курсив наш!) и в то же время опасным».

Не правда ли, хорошо? Когда социал-демократ называл еще более двусмысленный лозунг (властное земство) недостойным заигрыванием, — тогда г. Струве рядился в тогу оскорбленной невинности и жеманно говорил о притворном непонимании. А когда либерал, г. сс., повторил то же самое, г. Струве любезно раскланялся и расписался в получении! Неопределенный лозунг именно своею неопределенностью и был ценен для г. Струве, который нисколько не стесняется признать, что он готов пускать в ход и опасные лозунги, смотря по ветру. Кажется сильным и авторитетным г-н Шипов [7], — и редактор либерального органа будет говорить о властном земстве. Показался сильным и авторитетным г. сс., — и редактор либерального органа будет говорить о конституции и всеобщем избирательном праве! Недурная картинка политических нравов и политической нравственности в либеральном лагере... Г. Струве забывает только подумать, какую цену будут иметь его заявления после этой великолепной метаморфозы: в январе 1901 г. г. Струве требует «прав и властного земства»; в декабре 1902 г. г. Струве об'являет «притворством» непонимание того, что это означает требование конституции; в феврале 1903 г. г. Струве заявляет, что по существу он никогда не сомневался в справедливости всеобщего избирательного права и что неопределенный лозунг земского собора именно своею неопределенностью и был ценен. Спрашивается: какое право имеет теперь любой политический деятель, любой русский гражданин утверждать, что завтра г. Струве не выдвинет нового, «ценного своею неопределенностью», лозунга??

Перейдем к последнему пункту ответа г. Струве. «Разве не революционная фраза, — спрашивает он, — или совершенно безжизненное доктринерство рассуждения г. Т. П. о значении земства, как орудия укрепления самодержавия?» Г. Струве видит тут и усвоение идеи славянофилов, и согласие с Горемыкиным, и геркулесовы столбы мертвой доктрины. Г. Струве совершенно не в состоянии понять революционного отношения к половинчатым реформам, предпринимаемым для избежания революции. Г. Струве всякое указание на двойную игру реформаторов сверху кажется славянофильством и реакционностью, — тоть-в-точь так, как все

рого народовольчества, которые находили себе симпатии среди некоторых моих гостей и раньше этого. Доктор, читавший либеральную легальную газету, а из нелегальной прессы — «Искру» и всегда восторженно отзывавшийся о последней за ее серьезный и научный тон в политических и социальных вопросах, на этот раз, под влиянием событий, начал возражать «Искре» на ее статью против террора, помещенную в первых номерах ее. Вообще нужно еще сказать, что доктор этот, являвшийся поклонником «Русских Вед.», мало следил за общей прессой за отсутствием у него свободного времени. Если же выдавалась свободная минута, то он посвящал ее по старой памяти нелегальной прессе, среди которой отличал только «Искру» и часто с нетерпением ожидал эту газету и руководящую в ней статью по одному из волнующих его вопросов, не удовлетворяясь постановкой их в «Р. Вед.». «Посмотрим, — говорил он обыкновенно в таких случаях,—что скажет по этому поводу „Искра“». Теперь же он решительно утверждал, что «Искра», наверное, должна будет переменить свое отношение к террору. Ему вторили его жена и один из студентов. Жена доктора была известной и завзятой культурницей и не было, кажется, в городе ни одного просветительного учреждения, в котором бы она не принимала живейшего участия. Служащий из банка, обыкновенно казавшийся мне малоинтересным человеком и только из любопытства интересовавшийся время от времени «политикой», сведения о которой он черпал из московского «Курьера», на этот раз, однако, казался особенно возбужденным. «У нас в России, по моему мнению,—говорил он,—только и возможно добиться чего-нибудь от правительства посредством убийства лиц, стоящих во главе правительства; поэтому убийство Сипягина мы должны особенно приветствовать как начало новой эры в нашем освободительном движении, а пропаганда и агитация в массах ни к чему не приведут. Только террор и военные заговоры могут дать плодотворные результаты для всего общества и народа». Со стороны слушателей посыпались разного рода возражения. Доктор и юристы утверждали, что без масс ничего не поделаешь с озверевшим правительством. Пусть идет агитация и пропаганда в народе, но,— говорили они,—параллельно с этой деятельностью должна существовать деятельность по острастке правительства. Вообще,—говорили они,—пора уже давно бросить ту, усвоенную русскими марксистами узкую точку зрения, по которой выходит, что только один рабочий народ в состоянии произвести у нас революцию. Надо напрячь все силы русского общества на борьбу с царизмом,—заключил один присяжный поверенный, славившийся своим либерализмом. Надо заметить, что всеми присутствовавшими читались кое-какие нелегальные издания, хотя в нашем городе «Рев. России», которая, наверно, нашла бы себе многих поклонников

европейские Ивы Гюйо [7] об'являют реакционной социалистическую критику частной собственности! Неудивительно, конечно, что, ставши реформатором, г. Струве утратил способность понимать двусторонний характер реформ и значение их, как орудия укрепления господства правящих, — укрепления ценой октроирования реформ. Но... было время, когда г. Струве понимал эту удивительно хитрую механику. Давно это было, когда он был «чуть-чуть марксистом» и когда мы вместе с ним сражались с народниками на страницах покойного «Нового Слова» [9]. В июльской книжке этого журнала за 1897 г. г. Струве писал про Н. В. Водовозова: «Я помню, в 1890 г. у нас на улице — я только что вернулся тогда из летнего, обильного новыми и сильными впечатлениями путешествия по Германии — зашел разговор о политике и реформаторских планах Вильгельма II. Водовозов придавал им значение и не соглашался со мной, для которого уже тогда (а теперь и подавно) вопрос о значении факта и идеи так называемой „социальной монархии" был бесповоротно решен в отрицательном смысле. Водовозов брал идею социальной реформы отвлеченно от творящих ее реальных общественных сил. Вот почему католический социализм для него главным образом — своеобразное идейное движение в пользу социальной реформы, а не специфическая форма предохранительной реакции европейской буржуазии и отчасти обломков европейского феодализма против растущего рабочего движения»... Вот видите: в давно-прошедшие времена, в эпоху молодых увлечений, г. Струве понимал, что реформы могут быть предохранительной реакцией, т. е. предохраняющей правящие классы от падения мерою, которая направлена против революционного класса, хотя и улучшает положение этого класса. И я спрашиваю теперь читателя: кто же прав? Я ли сказал «революционную фразу», разоблачая реформистскую однобокость в отношении г. Струве к такой реформе, как земство? или г. Струве поумнел и «бесповоротно» ушел от когда-то защищаемой им (бесповоротно будто бы) позиции революционера? Я ли стал сторонником славянофилов и Горемыкина или у г. Струве «сильных впечатлений» от путешествия по социалистической Германии хватило всего на несколько лет??

Да, да, разные бывают представления о силе впечатлений, о силе убеждений, о значении убеждений, о совместимости политической нравственности и политической убежденности с выставлением ценных своею неопределенностью лозунгов...

В заключение не могу не отметить некоторых заявлений г. Струве, значительно «омрачающих» приятное впечатление от его поворота влево. Выставив только одно демократическое требование (всеобщей подачи голосов), г. Струве спешит уже говорить о «либерально-демократической партии». Не раненько ли? Не лучше ли было бы сначала точно указать все те демократические преобразования, которых безусловно требует партия не только в аграрной и рабочей, но и в политической программе, а потом уже наклеивать ярлык, потом уже претендовать на повышение из «ранга» либералов в ранг либеральных демократов? Ведь всеобщая подача голосов есть тот минимум демократизма, который признан даже некоторыми консерваторами, примирившимися (в Европе) с выборами вообще. А дальше этого минимума г. Струве почему-то не идет ни в № 17 ни в № 18. Мы отметим далее, мимоходом, курьезное замечание г. Струве, что проблема социализма должна быть совершенно оставлена в стороне либерально-демократической партией «прежде всего потому, что социализм в самом деле только еще проблема». А не потому, по-

среди обывателей своей пресловутой «программной широтой», у нас еще не было, за исключением № 4. Но этот № 4 «Рев. Росс.» почти никому не понравился главным образом своим, как говорили обыватели из либералов, ходульным, неискренним революционным пафосом, и сравнивали при этом ее с «Нар. Волей», причем сравнение было далеко не в пользу «Рев. Росс.». «Искра» же нравилась очень многим из читавших ее главным образом своею «серьезностью и деловитостью», и потому она распространялась в нескольких экземплярах между либеральными элементами из горожан. Отнюдь того же нельзя сказать про постановку принципиальных вопросов в «Искре». С этой точки зрения находили, что «Искра» низводит все классы, за исключением рабочего, к ничтожеству, и потому, мол, не права, хотя, несмотря на это, все ждали нового номера «Искры» с особенным интересом. Она даже читалась в чиновничьей среде. Но здесь находили, что нехорошо, мол, что «Искра» ругает всех министров без разбора и не подчеркивает преимущества одного перед другим.

Некоторые мои знакомые, уходя от меня с вечера и недовольные моими возражениями по поводу террора, говорили: «Посмотрим, что скажет по этому поводу „Искра"».

На другой день, когда появились в местных газетах телеграммы об убийстве и обстановке, при которой оно произошло, главный интерес обывателей сконцентрировался уже не на личности убитого министра, а на таинственной личности убившего. Телеграмма сообщала столько неожиданного для обывательского ума, что дала ему обильную пищу для самых нелепых и фантастических построений. То обстоятельство, что фамилия убившего не была сообщена, послужило к тому, что обыватель глубокомысленно заключал: «тут что-нибудь не спроста». И пошли догадки. На всех перекрестках провинциальные Добчинские и Бобчинские трубили, что в убийстве Сипягина кроется какая-то «дворцовая интрига» и что убивший, как многозначительно сообщил мне мелочной торговец, — «сам великий князь»... Были вариации на эту же тему в продолжение почти целого месяца. То говорили, что убивший действительно ад'ютант; то, что он армейский офицер; то, что князь какой-то Оболенский и т. п. Наконец, убийство об'яснялось какими-то адюльтерными похождениями министра, который и был убит своим соперником. Этот последний слух особенно упорно циркулировал среди мещанства и городской бедноты. Наконец, спустя уже неделю, когда я случайно попал на заседание местного общества грамотности, то там уже говорили, что убийца — Малышев, как сообщил местный инспектор народных училищ, только что вернувшийся из Петербурга, и что убийство несомненно политическое. Публика, около 150 чел.,

чтеннейший г. Струве, что «либерально-демократические» элементы русского общества выражают интересы классов, противящихся социалистическим требованиям пролетариата? Это — мимоходом, повторяю, чтобы отметить новые приемы «отрицания» социализма гг. либералами. По существу же дела, разумеется, г. Струве прав, что либерально-«демократическая» партия не есть партия социалистическая и не прилично было бы для нее корчить из себя таковую.

Насчет тактики новой партии г. Струве выражается как нельзя более уклончиво. Это очень жаль. И еще более жаль, что он опять и опять повторяет и подчеркивает необходимость «двуединой тактики» в смысле «умелого, гибкого и неразрывного совмещения» легального и нелегального приемов действия. В лучшем случае это — отговорка от настоятельных вопросов о приемах нелегальных действий. А вопрос этот настоятелен, потому что только систематическая нелегальная деятельность определяет на деле физиономию партии. В худшем же случае это — повторение того вилянья, которым отделывался г. Струве, когда он писал о «правах и властном земстве», а не об открыто и решительно конституционной и «демократической» партии. Всякая нелегальная партия «совмещает» нелегальные и легальные действия в том смысле, что она опирается на массы не участвующих прямо в «нелегальщине» людей, что она поддерживает легальные протесты, пользуется легальными возможностями пропаганды, организации и проч. Это общеизвестно, и не об этом говорят, когда говорят о тактике нелегальной партии. Говорят о бесповоротном признании этой партией борьбы, о выработке способов борьбы, об обязанности членов партии не ограничиваться легальными протестами, а все и вся подчинять интересам и требованиям революционной борьбы. Если нет систематической нелегальной деятельности и революционной борьбы, то нет и партии, которая бы могла действительно быть конституционною (не говоря уже о том, чтобы быть демократическою). И нельзя принести большего вреда делу борьбы, как смешивая революционную работу, опирающуюся на широкую массу, использующую широкие организации, помогающую политическому воспитанию легальных деятелей, с работой, ограничивающейся рамками легальности.

[Н. Ленин]

СНОВА КРОВЬ...

9 марта батумские рабочие демонстрировали против самодержавия, расстрелявшего около года тому назад 13 их товарищей, которые требовали освобождения арестованных стачечников. А через четыре дня на другом конце России, в Златоусте, по такому же поводу солдаты убили 28 рабочих и ранили пятьдесят человек (по правительственному сообщению!).

Уфимский губернатор не только «превзошел» кутаисского в деле массового убийства безоружных, но и вообще «побил рекорд» в этом благородном спорте. Еще ни разу в России не убивали в один день такую массу рабочих во славу самодержавия!

Кровожадность больших и маленьких самодержцев, правящих Россией, принимает какой-то чудовищный, «сверхчеловеческий» характер. И преступность терзающего Россию правительства как нельзя лучше выступает в том поразительном факте, что для совершения своих самых кровавых оргий оно выбирает моменты экономической борьбы рабочих, — борьбы, непосредственно не

собравшаяся на это заседание, в перерывах все время толковала об этом известии на разные лады. Но все сходились на том, что «так нужно было поступить с негодяем», что общество «должно гордиться тем, что в его среде находятся еще люди, способные протестовать», как говорил один довольно крупный судейский чиновник, в обычное время проводивший за карточным столом весь свой досуг. Несмотря на то, что на заседании присутствовали и крупные чиновники, ни слова осуждения убившему Сипягина здесь не было произнесено. Наоборот, со всех сторон сыпались осуждения убитому министру, начиная от самой осторожной, замаскированной формы до открытого порицания его образа действий. Местное общество грамотности было центром, вокруг которого группировались самые различные элементы местного интеллигентного общества, и потому, несомненно, услышанные здесь мнения по поводу убийства являлись типичным выражением мнений местного интеллигентного общества. Но мне хотелось бы отметить здесь ту разницу впечатлений, которая сказалась на местном обществе по поводу убийства Сипягина и бывшей за год демонстрации у Казанского собора и затем студенческих волнений. Помню, что, когда дошли сюда первые известия о студенческих волнениях и демонстрации 4 марта, то общество местное, с верхов и до низов его, все встрепенулось и как будто на миг готово было приступить к самодеятельности. Постоянные сообщения из Петербурга и других городов о студенческих забастовках в связи с поддержкой их рабочими пробудили здесь столько розовых иллюзий, что местные старожилы не могли припомнить ничего подобного в жизни местного общества даже во времена самой горячей, самой страстной террористической борьбы. Действительно, возбужденность здесь дошла тогда до такой степени, что местные адвокаты устроили несколько вечеринок с целью собрать средства на помощь студентам и демонстрантам, чего почти не встречается в летописях современного провинциального города. Особенно возбужденность местного общества возросла после того, как проник, оказавшийся потом ложным, слух о том, что в Москве и Петербурге примкнули к движению все местные представители либеральных профессий, образовав собой «Комитет общественной безопасности», во главе с одним выдающимся современным литератором. Говорилось, что уже набрано около 15 тыс. подписей под петицией, требующей конституции, и что под ней уже подписались все литераторы. Это обстоятельство вызвало здесь настоящие приготовления к конституции, и все почти местное общество ждало и своей очереди. Все жили лихорадочной, нервной жизнью. Даже среди местных педагогов возникли различного рода предположения. Помню, один учитель местной духовной семинарии, встретив меня на улице,

преследующей политических целей. Один этот факт лучше десятка статей разоблачает гнусное лицемерие зубатовской сказки о том, что рабочие, отказавшись от политики, избавятся от преследований правительства.

Вспомните наиболее яркие проявления самодержавного разгула последнего времени. Во всех случаях, где царское воинство кололо и стреляло, трагический оборот событий неизбежно вызывался или—всего чаще—арестом участников стачки, либо попыткой властей насильственно разгонять собрания стачечников. Именно арест стачечников вызвал те «беспорядки», которые привели к первым убийствам рабочих в течение этого царствования (в Ярославле). Такие же аресты привели к трагическому концу стачки Домбровскую (1897 г.), Максвельскую (1898), Рижскую, Мариупольскую (1899), Батумскую (1902) и нынешнюю Златоустовскую. С другой стороны, стремление во что бы то ни стало помешать собраниям стачечников было причиною бойни на Обуховском заводе (1901) и в Ростове и Тихорецкой (ноябрь 1902 г.).

Всеми мерами, вплоть до расстрела рабочих, самодержавие стремится раздавить экономическую борьбу рабочих, вырвать с корнем стачечное движение. Но, как свидетельствует царский министр Витте в своей прошлогодней записке (см. «Самодержавие и стачки», изд. Лиги, стр. 17), «всякая забастовка, составляющая несомненно нарушение обычного, нормального порядка работ в промышленном заведении, не составляет еще нарушения порядка общественного... Крайне трудно допустить, чтобы рабочие решились на столь убыточное для них средство, как стачка, без достаточных к тому поводов» (стр. 19). «Забастовка есть совершенно естественное явление, органически связанное с современными экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд, и не могущее быть устраненным при помощи подавления и пресечения отдельных случаев его проявления» (стр. 20). «История забастовок, происходивших в течение последнего десятилетия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления к быстрому подавлению возникающих осложнений какой бы то ни было ценой» (стр. 24).

Так говорит Витте, и эти слова бесповоротно осуждают преступное правительство, продолжающее убивать стачечников. Лучше нельзя было, чем это сделал Витте, признать, что русское самодержавие стоит в коренном противоречии с теми потребностями народной жизни, которые неизбежно создаются современными экономическими условиями. И если правительство, уже сознав всю неизбежность стачек, как результата капиталистических отношений производства, продолжает, тем не менее, средствами дикого насилия превращать всякое «мирное» столкновение труда с капиталом в «беспорядки», сопровождаемые кровавой бойней,— то оно лишь свидетельствует о своей полнейшей неспособности обеспечить «порядок» в управляемой им стране. Устранение такого правительства является поэтому делом, в котором заинтересованы все классы населения: как пролетариат, так и буржуазия.

Еще ни одной освободительной революции не предшествовало столько злодеяний бьющейся в агонии реакции, сколько их предшествует приближающейся русской революции. И львиную долю в издержках этой последней ставки реакции приходится уплачивать своею кровью русскому пролетариату. Тем неумолимее, тем грознее он

сказал мне: «Наконец-то, мы подвигаемся к конституции». Везде шли денежные сборы, на заседаниях думы и в благотворительных обществах читались студенческие воззвания и воззвания, подписанные «Группа старых радикалов в Спб», частью отгектографированные, частью отпечатанные. По улицам были разбросаны переписанные на месте на пишущих машинах те же воззвания, которые читались даже в офицерском клубе. Сбитая с толку полиция не знала, что делать, и пустилась на тщетные поиски «крамолы». Эти воззвания ходили по рукам и в местных гимназиях. То обстоятельство, что слухи, шедшие через местных студентов из Петербурга и Москвы, приписывали важное значение участию рабочих в студенческих волнениях, особенно сильно действовало на обывательские умы. Везде говорилось о том, что мы переживаем «канун революции».

Теперь же происходило совершенно обратное. Обыватель, как громом пораженный убийством Сипягина, старался выставить себя современным передовым человеком и потому преклонялся перед героизмом убившего, но в мыслях у него и тени того не было, что мы переживаем «канун революции». Он рад избавлению от деспота-министра, но у него проскальзывает уже мысль, что «моя хата с краю»; особенно ярко это сказалось после того, как остыло первое впечатление после известия об убийстве. Начала замечаться полная индифферентность даже к случившемуся. Когда я встретился с одним довольно видным обывателем города, играющим крупную роль в местной думе, то он, так симпатично отнесшийся к факту убийства Сипягина в первый момент, теперь, через короткое время, совсем уж этим не интересовался и говорил довольно долго на тему о том, что мы «ох, как далеки от конституции». То же приблизительно настроение царило почти во всех сферах местного общества. Интерес к убийству Сипягина постепенно ослабевал и только в великосветских гостиных он давал обильную пищу для разговоров. Говорили тогда, что местный губернатор и некоторые высшие чиновники из мин. вн. дел были особенно рады тому обстоятельству, что «карающая рука убрала с их дороги ненавистного министра», и ждали от его ближайшего заместителя очень многого для своей служебной карьеры. Ждали здесь в местных сферах, что слух о том, что министром будет назначен Витте, осуществится, и это обстоятельство приводило в неописуемый восторг местного управляющего акцизными сборами, которого местные обыватели уже прочили на пост губернатора в одну из внутренних губерний. Но когда стало известным, что министром назначен Плеве-вешатель, многие из чиновничества были разочарованы, так как их мечта относительно «повышений» оставалась неопределенной, как неопределенен был для них и сам Плеве. После известной «исто-

выступит в последней схватке между Россией и царизмом, тем вернее будет тот смертельный удар, который он нанесет монархии.

[Л. Мартов]

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

От редакции. Предлагаемая статья, написанная польскими товарищами для нашей газеты, дает ценные указания по важному для партии вопросу о взаимных отношениях между соц.-демократами разных наций в пределах одного государства. Взгляды авторов статьи совпадают с нашими собственными.

* * *

Вопрос о формах организации и об отношении к другим национальностям, так живо интересующий теперь русских соц.-демократов в виду предстоящего им об'единения, занимал недавно также и немецких соц.-демократов. Читателям «Искры», наверно, небезынтересно будет поэтому познакомиться с результатами, к которым пришли наши товарищи в Германии, составляющие авангард интернационального социалистического пролетариата.

Поводом для разбора этих вопросов послужили серьезные разногласия с группой польских социалистов, организованных в Польскую Социалистическую Партию (П. П. С.). История этих разногласий вкратце следующая.

После падения исключительного закона о социалистах правление немецкой соц.-демократии решило обратить серьезное внимание на агитацию среди польских рабочих, которая до этого находилась в самом плачевном состоянии. Конгресс в Галле в 1890 г. решил по предложению Бебеля основать еженедельную польскую газету, которая действительно начала скоро выходить на средства немецкой партии. В первые годы польские социалисты не составляли особой организации и входили, как отдельные члены, в местные немецкие политические группы. В 1893 г. они создают с согласия правления немецкой партии польскую организацию (П. П. С.), руководствуясь при этом соображениями чисто практического характера — необходимостью урегулировать агитацию.

С середины девяностых годов, однако, среди польских товарищей (которые до этого, уже имея, подобно баденским, гессенским и др. немецким соц.-демократам, свою собственную организацию, оставались вполне на почве программы и организации германской социал-демократической партии и признавали конгрессы и правление последней высшими инстанциями) начинает сказываться влияние течения, охватившего значительно раньше польскую социалистическую эмиграцию за границей и часть движения в русской Польше,—течения, которое считает восстановление самостоятельного польского классового государства главной и ближайшей задачей польского пролетариата. По мере того, как это новое требование занимает все более видное место в агитации, в П. П. С. начинает проявляться и усиливаться сепаратизм по отношению к немецким товарищам. Члены П. П. С. настаивают в 1897 г. на Гамбургском конгрессе на назначении специально польских кандидатов при выборах в рейхстаг, ведут пропаганду в пользу устройства особых польских отделений рабочих союзов наперекор стараниям последних постоянно соединять в общих профессиональных организациях всех рабочих независимо от национальности, резко выступают против присылки немецких агитаторов в польские провинции и их деятельности, выставляя их «агентами» немецкой партии, и кончают обвинением немецкой соц.-демократии в германизаторских стремлениях и шовинизме по отношению к полякам.

Нападки эти заставили правление немецкой партии вникнуть, хотя и по частному поводу, в дело, и в конце 1900 г. оно созвало для разбора разногласий специальную конференцию, состоявшую из польских и немецких соц.-демократов в Познани и горной Силезии, из представителей от П. П. С., а также из делегатов Генеральной Комиссии (центрального комитета) соединенных рабочих союзов. «Факты, которые были при этом (на конференции) установлены, — говорит Генеральная Комиссия в своем печатном отчете Штуттгартскому конгрессу рабочих союзов 1902 г. (см. прот. конгресса, стр. 12 — 13), — говорили очень не в пользу правления польской партии»... «Ни рабочим союзам, — продолжает она, — ни правлению (немецкой) партии никогда и в голову не приходило делать германиза-

---

рической» речи г. Плеве местное общество начало ее комментировать на разные лады. Одни радовались назначению Плеве, другие же не высказывались по этому поводу определенно. Некоторые обыватели, даже из тех, кто приветствовал убийство Сипягина, усмотрели в знаменитой речи Плеве «новый, более легкий» курс внутренней политики и поэтому не менее рады были и этому обстоятельству. Когда же в «Русск. Вед.» появилась одна из тех характеристик Плеве, которыми русские либералы, якобы, спасают свою шкуру, сделанная наспех по традиционно-либеральному принципу: «применительно к подлости», то местное общество совершенно примирилось с Плеве, а юристы увидели в том, что Плеве—юрист по образованию, для себя нечто провиденциальное. Председатель местного окружного суда, с традициями 60-х годов, приветствовал вступление Плеве в министерство как «знамение времени». Так смотрели на дело очень многие даже и тогда, когда в газетах появилось распоряжение о предании дела об убийстве Сипягина военно-окружному суду, и это в глазах местного общества нисколько не говорило против Плеве, так как к этому времени здесь циркулировал упорный слух о нежелании Плеве приговаривать убившего к смертной казни.

Личностью убившего стали еще меньше интересоваться, только из Малышева он превратился в сына егермейстера Балашева. Правда, продолжали еще говорить о нем, но тон разговоров даже в либеральных сферах постепенно стал понижаться, и только мои близкие знакомые из революционной среды, случайно и временно проживавшие здесь, очень искренно относились к той высоко-героической личности, имя которой правительство почему-то пожелало скрыть от общества до дня смертной казни.

Та эволюция настроений местного общества, которую оно пережило под влиянием убийства Сипягина, повидимому, нисколько не отразилась на настроении мелкого городского обывателя и ремесленника. По крайней мере, тот индиферентизм к этому событию, который был заметен в этой среде в самый момент извещения об убийстве, нисколько не изменился впоследствии. Мне пришлось столкнуться с тремя ремесленниками-столярами, и они решили почему-то, что Сипягин был убит не «из-за любовных своих похождений», а из-за студентов... «Оно, должно быть, его студенты убили, — говорил мне знакомый столяр, — потому, стало быть, некому больше». Когда я стал возражать, что Сипягина убили за то, что он мучил народ, и что убивший его — святой человек, столяр, казалось, мало понял меня и перешел уже к другим вопросам и стал расспрашивать у меня про харьковские и полтавские беспорядки, слух о которых начал проникать тогда в местную народную среду. Оказывалось, таким образом, что слух этот касался более

торские попытки. Они всегда выступали за то, чтобы каждому человеку предоставлено было право свободного употребления родного языка и чтобы национальные особенности были уважаемы и признаны. Угнетенные всех стран нашли в современном рабочем движении энергичного защитника. Но это рабочее движение стремится не к созданию новых государственных формаций, а к тому, чтобы обеспечить всему пролетариату, независимо от искусственно созданных политических границ, более высокий уровень существования и окончательное освобождение от ига капитализма. Оно не обращает внимания на то, к какой нации принадлежит эксплоатирующий капиталист или эксплоатируемый рабочий, а борется против первого и старается защитить последнего, безразлично, принадлежит ли она к русской или японской национальности. Поэтому жалкой попыткой являются старания правления польской партии создать антагонизм между говорящими по-польски и говорящими по-немецки борцами за освобождение пролетариата и заподозривать агитаторов немецкого рабочего движения».

Правление немецкой соц.-демократии высказалось по этому поводу не менее решительно. «На этой конференции, — пишет оно в своем отчете Любекскому конгрессу 1901 года (см. проток., стр. 26), — польские товарищи развивали взгляды, в виду которых для правления партии стало обязанностью прекратить всякую дальнейшую помощь польской организации. Об успешной работе рядом и совместно друг с другом нечего было и думать.

Нужно заметить, что П. П. С. получила от немецких товарищей, как это констатировал Бебель на конгрессе, в течение десяти лет около 40 тысяч марок.

В 1901 г. П. П. С. сделала последний шаг на пути сепаратизма, решив на своем с'езде порвать организационную связь с немецкой соц.-демократией, и, выступая отдельно, как самостоятельная независимая партия, выставить в местностях с преобладающим польским населением при выборах в рейхстаг собственные кандидатуры. Это решение было направлено не только против немецких, но также против польских социал-демократов, так как нужно заметить что в П. П. С. организована только часть польских социалистов в Германии, в то время как другая их часть, имеющая за собою организацию в сердце немецкой Польши — в Познани, с самого начала решительно выступила против внесения в программу требования восстановления Польши и сепаратизма П. П. С. и продолжала оставаться попрежнему в теснейшей организационной связи с немецкой соц.-демократией. Таким образом, когда в прошлом году П. П. С. назначила, согласно своему решению, в восьми округах горной Силезии своих кандидатов, а немецкие и польские товарищи, принадлежащие к общей партии, назначили, как в прежние годы, своих, — отчасти поляков, отчасти немцев, — то получился факт, небывалый в истории социалистического движения в Германии со времени соединения лассальянцев с эйзенахцами: двойные социалистические кандидатуры в одних и тех же округах, причем в некоторых польские кандидаты, выбранные немецкими товарищами, противостояли польским же кандидатам, поставленным Польской Социалистической Партией (П. П. С.). Борьба национальная между поляками и немцами приняла форму борьбы между двумя фракциями польского социализма.

На Мюнхенском конгрессе немецкой социал-демократии была принята резолюция Розы Люксембург с прибавлением Бебеля, указывающая на полную солидарность интересов польского и немецкого пролетариата, на полную равноправность польских социалистов в рядах германской соц.-демократии и поддержку, которую они всегда находили в немецких товарищах, и об'являющая, в виду всего этого, «отдельные группы, называемой П. П. С., от общей партии, поступком, которого нельзя оправдать». Резолюция «строго осуждает двойные кандидатуры, выставленные П. П. С., и поручает правлению партии попытаться достигнуть соглашения». Последние слова представляют дополнение к резолюции, предложенное Бебелем, которое об'ясняется тем, что П. П. С. обратилась накануне конгресса к правлению с предложением войти в соглашение.

В октябре прошлого года была созвана конференция представителей заинтересованных в деле организаций для обсуждения спорных вопросов и, прежде всего, вопроса об организац. отношениях П. П. С. к немецкой социал-демократии. Представители первой добивались от немецких товарищей признания их организации автономной частью общегерманской партии, решающей свои внутренние дела совершенно самостоятельно. Признавая решения общих

понятных для моего собеседника вопросов... Пришлось мне также говорить с мужиками из близлежащих к городу деревень, но оказалось, что об убийстве Сипягина они услыхали в первый раз только от меня. За неделю до смертной казни интерес к делу об убийстве Сипягина у местного общества опять пробудился, но не надолго. Откуда-то,—как говорили, через местных студентов из Петербурга,—проник слух, что убивший после совершения убийства бежал, что его не арестовали, а увезли его его же товарищи, переодетые в жандармов. Передавали, что когда Сипягин упал, то об этом дали знать жандармам, через десять минут уже подкатила карета с жандармами и убившего увезли. Все будто бы думали, что его арестовали настоящие жандармы, но когда через несколько минут после мнимого ареста явились другие, уже настоящие жандармы, то все увидели себя мистифицированными. Этот слух, как и другой, о том, что убивший в момент ареста отравился, казался тогда правдоподобным, тем более, что правительство упорно скрывало имя убившего. Так думало все местное общество. Ходили слухи после этого о том, что в убийстве Сипягина действовала какая-то организация, но никто ничего положительного сказать не мог. Вскоре после этого, однако, правительственное сообщение лаконически уведомило русского обывателя о смертной казни над Степаном Валериановичем Балмашевым, избавившим Россию от министра Сипягина. Это сообщение прошло здесь совершенно незаметно, никто на нем не останавливался, только местная университетская молодежь, учившаяся в Киевском университете, узнала в казненном своего товарища и послала русскому правительству не одно искреннее проклятие. Либеральная публика была этим сообщением как будто пришиблена. Спустя немного времени к нам дошли слухи, что поступок казненного взяла на себя партия социалистов-революционеров, о существовании которой до тех пор даже среди интересовавшихся течениями революционной общественной мысли были самые смутные представления. Этот слух, однако, не произвел в местном обществе никакой перемены в отношении к казненному герою, поступок которого здесь, как и в других городах, был признаваем за единоличное решение глубоко-чувствующей молодой честной души, решившей казнью Сипягина избавить русское общество от тех неслыханно дерзких преступлений, которыми запятнал себя Сипягин в глазах всех честно-мыслящих русских людей.

А. Светлов [Л. С. Федорченко]

конгрессов в вопросах, касающихся всего государства, обязательными также для себя, они требовали в то же время, чтобы на общих конгрессах немецкие делегаты воздерживались от голосования в делах, которые касаются поляков, причем последние, со своей стороны, отказываются от голоса в делах, касающихся только населения немецкой национальности. Польскими делами заведует только правление польской партии. В округах со смешанным населением полякам предоставляется право назначать своих делегатов на общие конгрессы особо от местных немецких товарищей.

Трудно точно определить, какой формы организации добивались делегаты П. П. С. — автономной или федеративной, так как в их приведенных нами окончательных требованиях недостает некоторых существенных моментов партийной федерации. Правление немецкой партии не сочло, однако, возможным согласиться на предложение П. П. С., настаивая, со своей стороны, также по отношению к польским членам партии на строгом проведении централистических начал, на которых построена организация германской социал-демократии.

Сообразно с этим оно предложило следующую основу для соглашения:

«Признание польской организации под условием, что она должна заниматься агитацией и организацией среди польского населения Германии.

«Принадлежность польской организации к общей социал-демократической партии Германии. Признание ею программы немецкой партии и партийных инстанций (т. е. конгрессов и правления).

«Выбор делегатов на немецкие конгрессы на основании немецкого организационного устава.

«Право польской организации основывать свои секции».

Смысл приведенных условий ясен: они распространяют на П. П. С. организационный устав германской соц.-демократии, причем конгресс и правление последней представляют высшую иистанцию также при решении польских дел и ограничивают в этом отношении компетенцию польского правления и с'ездов.

Далее, польская организация, как таковая, не имеет особого представительства на общих конгрессах, так как по уставу партии делегаты могут представлять только отдельные избирательные округа. Кроме того, во всех польских округах население смешанное, и поэтому делегаты, будь то поляки или немцы, должны быть выбираемы немецкими и польскими соц.-демократами совместно в общих собраниях. То же самое относится к кандидатурам при выборах в рейхстаг, которые назначаются таким же способом. Как особая организация, поляки кандидатур не выставляют. Кандидаты-поляки выбираются также местными немецкими товарищами, а кандидаты-немцы получают голоса поляков.

Ставя эти условия, правление немецкой партии исходило из того взгляда, что интересы рабочих в Германии, поляки ли они или немцы, совершенно однородны и что в рядах партии они фигурируют не как поляки или немцы, а только как соц.-демократы. Германизационная политика прусского правительства по отношению к полякам не может и не должна, по мнению немецких товарищей, создавать в глазах польских социалистов почву для программного и организационного сепаратизма, так как последние могут вести борьбу против насильственной германизации успешнее всего именно в рядах общей партии, которая «считает своей обязанностью», как это констатировала мюнхенская резолюция, «защищать польский рабочий класс также против национальных притеснений и всегда эту обязанность по мере сил исполняла».

Уже в 1900 году на своем Майнцском конгрессе немецкая партия приняла без дебатов резолюцию Розы Люксембург, возлагающую на соц.-демократическую фракцию обязанность протестовать и бороться в рейхстаге против безобразий прусского правительства в польских провинциях, и с этих пор фракция энергично выполняет полученный ею мандат. В 1902 г. представители от Германии в Интернациональном Социалистическом Бюро провели в заседании последнего протест против безобразий прусских властей во время известных врешенских событий.

Но эта борьба немецкой соц.-демократии против германизации не имеет ничего общего с программным сепаратизмом П П. С. и ее требованием восстановления Польши. Это было доказано еще лишний раз той же конференцией. Представители польских соц.-демократов, принадлежащих к немецкой партии, равно как и немецких товарищей в Познани, Силезии и Горной Силезии, противопоставили на конференции предложениям П. П. С. свой проект соглашения, сформулированный тов. Люксембург.

Признавая, подобно правлению немецкой партии, необходимость подчинения польской организации общепартийным инстанциям, проект этот требовал, кроме того, от П. П. С. ясного отказа от программного сепаратизма. В переговорах, последовавших за конференцией и имевших целью довести до конца начатое дело соглашения, правление немецкой партии имело случай высказаться по этому вопросу. В сообщении познанским и силезским организациям (мы заимствуем его из бреславльского партийного органа «Volkswacht» от 12 января с. г.) оно заявляет:

«По поводу выраженного немецкими и особенно энергично познанскими товарищами желания, чтобы управление польской партии признало 2-й пункт проекта Люксембург и тов., который гласит:

„Программой польской партии является Эрфуртская программа. Требование независимости польского государства не должно считаться обязательной политической программой партии и не может быть применяемо в агитации“,

правление немецкой партии приняло следующее решение:

«Требование, формулированное во 2-м пункте проекта Люксембург, заключается уже в следующих двух строках проекта немецкого партийного правления:

„Принадлежность польской организации к общей партии Германии. Признание ею партийной программы и партийных инстанций“.

«Если польская организация представляет только составную часть немецкой соц.-демократии, то для нее, конечно, обязательна только немецкая, т. е. Эрфуртская, программа. А так как последняя ничего не знает о независимом польском государстве, то, следовательно, это требование не может быть ни выставляемо, ни применяемо польской организацией. Все какие бы то ни было решения, принятые раньше польской организацией и противоречащие Эрфуртской программе, теряют с момента соглашения всякую силу.

«Таким образом, правление немецкой партии вполне разделяет взгляды тех товарищей, которые считают важным особое признание приведенного пункта в проекте Люксембург, оно находит только излишним подчеркивать вещь, которая сама собой разумеется».

На своем с'езде во время Рождества 1902 г. П. П. С. решила принять перечисленные нами условия, поставленные правлением немецкой партии на конференции. Последнее, однако, заявило в «Vorwärts'е» вскоре после польского с'езда, что соглашение может считаться состоявшимся лишь тогда, когда об этом появится с его стороны официальное сообщение. До сих пор такого сообщения не последовало, но каков бы ни был результат всего дела, состоится ли соглашение или нет, в решениях немецких товарищей мы находим точное выражение тех взглядов, которых придерживается немецкая соц.-демократия насчет организационных отношений разных национальностей, входящих в ее состав.

Впрочем, если взгляд правления немецкой партии на национальный вопрос, выразившийся по поводу столкновений с П. П. С., несомненно может послужить ценным указанием также социалистам других стран уже в виду высокого морального и политического авторитета этой партии, доказавшей много раз свое глубокое понимание требований международного социализма, то, конечно, дело обстоит не так просто по вопросу об организационных формах. Так как в этом вопросе приходится считаться с условиями, совершенно различными в разных странах: со степенью территориальной разграниченности национальностей, с полити-

ческими формами страны и ее государственной структурой и, наконец, со стадией развития самого рабочего движения в данной стране, то шаблонное перенесение организационных отношений из одной страны в другую вряд ли возможно и желательно. Однако и тут постановка вопроса у немецких товарищей, с которой мы познакомились, настоятельно обращает наше внимание на тот основной принцип, от степени применения которого зависит совершенство каждой соц.-демократической партии. Этот принцип заключается в возможно более тесном организационном сплочении пролетариата данной страны, независимо от национальности и отдельных его частей.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

К ростовской демонстрации 2 марта. Хорошо обдуманная и вполне удачно проведенная, последняя ростовская демонстрация имеет все шансы проложить новый путь в практике наших организаций. Умело воспользовавшись опытом последних лет движения, наши донские товарищи второй уже раз наглядно показали, в каких разнообразных формах может проявиться массовое рабочее движение, руководимое соц.-демократией, и как нетрудно энергичным революционерам преодолеть все препятствия к развитию движения вширь, которые нагромождает перед нами современый русский режим. В виду выдающегося интереса ростовских событий мы, в дополнение к сообщениям в № 36, приведем выдержки из наиболее интересных описаний, присланных нам очевидцами демонстрации 2 марта.

«Желая провести демонстрацию удачно, Д. К. сообщил о своем плане только организованным рабочим и знакомым лицам из городской интеллигенции, пригласив их в „балку". Таким образом, тайна была сохранена, и ни один полицейский, ни один шпион не знал о демонстрации до тех пор, пока не увидал на Садовой улице тысячную толпу с красными знаменами.

«Благодаря такой тактике Комитета, полиция совершенно не была подготовлена к отпору (полиция усердно „готовилась" к демонстрации 19 февраля; о 2 марта она даже и не думала).

«В назначенный для демонстрации день, воскресенье 2 марта, установилась прекрасная погода. К трем часам в „балку" собралось для „кулачек" 5-6 тысяч ничего не подозревавшего народу, который и расположился по обеим сторонам этого огромного амфитеатра. Зрелище очень напоминало знаменитые рабочие митинги, которые происходили здесь же во время стачки, — но только „на стачке" толпа стекалась сюда послушать оратора, теперь же она, идя сюда, имела в виду только лишь полюбоваться видом истязающих друг друга „кулачников".

«Сверху был великолепный вид на толпу: море человеческих голов по обоим склонам огромной балки с жадным вниманием следило за возжающеюся где-то в середине кучкою „кулачников". Толпа громкими криками выражала свой восторг, когда кто-либо из „кулачников" „угостит" другого или сам упадет под „угощением" другого...

«Вдруг на одном склоне „балки" раздались сильные крики „ура". Когда толпа обернулась по направлению криков, она, к удивлению своему, увидала, как в воздухе вольно развевались три красных знамени, с надписью на одном — „Да здравствует политическая свобода", на другом — „Да здравствует восьмичасовой рабочий день" и на третьем — „Донской Комитет", а между ними стоял поднятый на руках оратор. Толпу с трудом удалось успокоить, и оратор произнес небольшую речь, в которой заявил, что „силы у рабочих накопилось много, она тратится даром и Донской Комитет приглашает рабочих в город на демонстрацию". Толпа возгласила „ура", из'явив этим свое согласие, и все 5-6 тысяч, как один ,человек, с революционными песнями, криками „ура" и пронзительным свистом двинулись вперед, предводительствуемые организованными рабочими с знаменами в центре (третье знамя с надписью „Донской Комитет", неловко привязанное, сорвалось с древка, его спрятали, и пришлось демонстрировать с двумя знаменами). Через десять минут толпа беспрепятственно достигла города и торжественно, с пением, вступила на Садовую улицу. В эту минуту произошло первое столкновение с полицией: откуда ни возьмись очутились перед толпой пристав, 8 городовых и два жандарма (на местном рабочем языке — „жанглоты"); едва только пристав с увещеваниями подступил к толпе, как в него и в его свору градом посыпались камни; избитый пристав едва спасся от народной ярости, юркнув в первую попавшуюся подворотню, а городовые и „жанглоты", подобрав свои полы, быстро пустились на утек. Победоносная толпа шествует дальше, уже не не встречая на своем пути препятствий.

«Следуя дальше, число демонстрантов с быстротой увеличивалось все новыми и новыми толпами гуляющей публики, вышедшей на Садовую по случаю прекрасной погоды, так что, когда подходили к Городскому саду, в толпе можно было смело насчитать до десяти тысяч народу.

«Грандиозное зрелище: десятитысячная толпа, запрудившая широкую Садовую улицу во всю ее ширину, с развевающимися красными знаменами, шествующими посреди дороги; кого только тут не было! Рабочие в праздничных одеждах; „кулачники", в пылу увлечения демонстрацией забывшие застегнуть ворот своей рубашки, как в драке; тут же около них „публика" в котелках, мягких шляпах, женщины из интеллигентных слоев, работницы, босяки, появившиеся во множестве с базара, мальчишки (знаменитые мальчишки, сыгравшие свою роль „на стачке", любители сильных ощущений; тут для них был полнейший праздник!)— все это пело, свистело, орало „ура"; „да здравствует свобода", „долой самодержавие"... Появлявшийся красный околыш тотчас же удалялся, сопровождаемый улюлюканьем, бранью и насмешками толпы; кругом раздавались возгласы: „к тюрьме, к тюрьме!" напоминавшие сильно знаменитые возгласы „к Бастилии!"; у всех почти в руках были дубинки, камни...

«Демонстранты дошли до Городского сада, затем повернули назад и прошли до Таганрогского проспекта, откуда направились опять вверх по Садовой. В это время толпа на Садовой увеличилась новыми тучами народа, притекавшими со всех улиц. На протяжении почти двух кварталов Садовая улица во всю ширину была запружена народом. Не видно было ни одного казака.

«Улица уже полтора часа находилась в руках народа; демонстранты с знаменами дошли уже до Большого проспекта; под давлением толпы решили итти к тюрьме, но дальше Большого проспекта не могли двинуться: полиция забаррикадировала Садовую — она поставила во всю ширину улицы в несколько рядов извозчичьи пролетки. Демонстранты не успели дойти до Большого проспекта, как послышались приказания руководителя: „Знамена убрать!" Едва только успели спрятать знамена, как послышались военные команды „в шашки", „в нагайки" — и на толпу внезапно напали полицейские и стали рубить голыми шашками по головам, тотчас же наступили и конные казаки с нагайками. Толпа оказала небольшое сопротивление: пошли в ход дубинки, камни, под ноги полиции бросали проволоку. Но две сотни рассвирепевших полицейских и казаков были лучше вооружены: толпа обратилась в бегство. Когда толпа убегала вниз по Садовой, откуда-то появился у Казацкого переулка полицейский пристав Антонов и стал задерживать бежавших, но в это время один из демонстрантов „задержал" его изо всех сил острым концом железной палки прямо в висок, отчего тот тут же упал, обливаясь кровью (через два дня пристав, как говорят, умер в больнице, как признают врачи, от воспаления мозга).

«Со стороны демонстрантов также много избитых: рассвирепевшие полицейские не жалели ударов, но можно сказать, что полицию побили больше, чем демонстрантов.

«Знамена и знаменщики остались целы; цел также и весь центр, группировавшийся около знамени, состоявший из организованных рабочих; в числе арестованных и избитых находится „публика", босяки и „кулачники", которых впрочем, на второй и третий день выпускали.

«Следующие два дня непрерывно шли обыски и аресты. В настоящее время в тюрьме сидят 30 человек. Настрое-

ние в городе очень оживленное; все толкуют про демонстрацию, все озлоблены на полицию и хвалят демонстрантов. Теперь по улицам положительно нельзя проходить: по указанию шпионов массами берут прямо с улицы.

«Демонстрация 2 марта, в своем роде, единственная в России: ее активными участниками явились не только организованные рабочие или интеллигентная публика, как это везде бывает, — здесь преобладающее число состояло из самой широкой «массы», которой навсегда останутся памятны эти полтора часа народной воли.

«На другой день полиция ожидала стачки в железнодорожных мастерских, для предупреждения которой поставили на кочегарные около гудка десяток вооруженных жандармов. Но никаких попыток со стороны рабочих к стачке не было...».

Другой очевидец пишет: «Вот полный огня слесарь запевает „Варшавянку" и знакомые революционные звуки подхватываются тысячной толпой. Мы идем чуть ли не две версты беспрепятственно, победоносно... „Долой самодержавие! Кровопийцы! Долой буржуазию!" — вот крики, бросаемые по адресу буржуазии, заполнявшей балконы. „Вихри враждебные"... несется из одной группы, подхватывается другими и все сливается в одну шумную, грозную песню... Пора расходиться и предупредить возможные жертвы, предложено опустить знамена и разойтись, но толпа рвется вперед. „К тюрьме! к тюрьме, к товарищам!" Вот пристав начинает что-то говорить знаменоносцам и задерживает движение: но ударом палки его сбивают с ног, и он, окровавленный, падает на землю, а толпа все идет и идет».

О свалке, происшедшей в конце демонстрации между полицией и рабочими, пишет еще один корресподент. «Трамвай рабочие остановили, протянув через улицу проволоку. Пучки проволоки бросали под ноги полиции, она путалась в ней и при общей свалке валилась с ног... Рабочие вырывали колья из оград, деревья и защищались, чем попало. Полиция остервенела и стала бросаться, как зверь, главным образом, на рабочих. Казаки били нещадно всех без разбору. Рабочие бросали камнями и защищались геройски; между ними было много женщин. Хотя демонстрация закончилась в 7 час., но публика, несмотря на зверства полиции, долго еще не расходилась».

Интересно, что правительство, сообщив о демонстрациях в Баку, Тифлисе, Батуме, Белостоке и о бойне в Златоусте, ни словом не упомянуло в печати о ростовской демонстрации.

Баку. Второго марта этого года здесь была устроена политическая демонстрация в ознаменование мартовских событий предыдущих лет, подготовленная и организованная Бакинским Комитетом. Местное рабочее движение, несмотря на свою молодость (существует только два года), успело уже два раза выразить свой открытый протест против самодержавного правительства, гнет которого особенно ощутителен для нас, окраинцев. Цель теперешней демонстрации была — ясно и открыто заявить, насколько политически зрел наш пролетариат и как он готов в любой момент по первому призыву Комитета выйти на улицу и под красным революционным знаменем социализма бросить открытый вызов самодержавию. Потому и днем демонстрации было выбрано 2 марта, так как с этим месяцем связаны воспоминания о найболее славных периодах нашей революционной борьбы против царского правительства.

Средством для развития в массах классового и политического самосознания служили главным образом агитационные массовые собрания и местные листки. Всего за период с конца декабря прошлого года до дня демонстрации было выпущено Комитетом шесть листков, отпечатанных в типографии Комитета. Первым был издан, по 600 экземпляров на русском и армянском языках, вступительный листок, напоминающий рабочим о ростовских событиях и призывающий их к политической борьбе. Затем, к новому году был выпущен, также по 600 экземпляров на русском и армянском языках, второй листок, поздравительный, содержащий хронику рабочего движения в России за последний год и указывающий на те меры, которые принимало правительство с целью задушить это движение.

Первого января в местном театре Тагиева во время спектакля были разбросаны печатные поздравительные карточки с надписями: «С новым годом», «Долой самодержавие», «Да здравствует рабочее движение». В январе же был выпущен листок к количестве двух тысяч экземпляров на русском языке, комментирующий доклад министра финансов о государственной росписи. Следующей была, также в числе 2.000 экземпляров, прокламация к гражданам, призывающая их к активной политической борьбе с самодержавием. К 19 февраля был выпущен на двух языках по 1.500 экз. листок по поводу освобождения крестьян. Наконец, перед самой демонстрацией вышла прокламация в количестве 3.400 экземпляров (на двух языках), указывающая на значение мартовских дней в революционном движении России и призывающая рабочих на политическую демонстрацию. Для разброски на демонстрации были отпечатаны на красной бумаге в числе 6.000 экз. листки с надписями на русском и армянском языках: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода», «Да здравствует социализм» (эти же надписи были на знаменах) и, кроме того, еще около двух тысяч листков с рисунками, изображающими рабочего с флагом в одной руке и молотом в другой, одной ногой стоящего на груди упавшего с трона Николая. В ночь на первое марта было произведено до 15 арестов, но это не повлияло на ход событий.

В назначенный день демонстрация началась в городе шествием рабочих под красным флагом с пением «Марсельезы» и разбрасыванием к толпе листков. Полиция пыталась разогнать манифестантов, но была отброшена несколько раз градом камней. Со стороны казаков было сделано несколько холостых выстрелов. Начавшись в городе, демонстрация продолжалась в Балаханском районе, где почти двухтысячная толпа в продолжение двух часов шла со знаменем под звуки «Марсельезы». Здесь полиция не только не вмешалась, но была невольным участником, так как пристав и несколько казаков осторожно подвигались за демонстрантами. Финалом событий этого дня была разброска в театре во время вечернего спектакля листков с упомянутыми надписями и рисунками. На четвертый день после демонстрации был выпущен на двух языках краткий листок по поводу совершившихся событий. На демонстрации задержаны 18 человек, между прочим 15-летний мальчик, который страшно избит.

В настоящее время настроение рабочих очень бодрое. Чувствуется только большой недостаток в периодической и агитационной литературе, кот. здесь не получалась за всю зиму.

Правительство в бессильной злобе набросилось на мирные культурные учреждения: через неделю после демонстрации по приказу главноначальствующего закрыли библиотеку-читальню Армянского Человеколюбивого общества впредь до особого распоряжения. Вся вина этой читальни заключается в том, что недалеко от нее происходила демонстрация. В городе сильное возбуждение.

Бакинский Комитет
Росс. Соц.-Дем. Р. П.

Баку, 2 марта (частное письмо). В десять с половиною часов толпа рабочих с дубинами в руках стала собираться на площади Парапет. Человек 20 казаков, целая рота солдат и масса полицейских окружили весь Парапет. Весь г. Баку был тут. Но напрасно полицейские ждали тут демонстрации. Они были обмануты. Большинство рабочих стало собираться у Молоканского сада, где, понятно, был и я. В 11 часов у Молоканского сада восемь барышень, без шляп и в красных кофтах, подняв красное знамя социализма и с криками: «товарищи, соединяйтесь под красное знамя!» двинулись на площадь, где раньше стоял цирк Василия Вятского. Рабочих было больше 2.000. Здесь, взобравшись на возвышенности, стали держать народу речи. Прокламации так и летели по воздуху. Все улицы были наполнены ими. Казаки, стоявшие у Парапета, узнав, что демонстрация у Молоканского сада началась, прискакали сюда. Но они тотчас же бросились в бегство (сколько хохоту было, ты не можешь себе представить) перед громадной толпой рабочих, поднявших свои дубины и дружно певших. Между тем, другая партия рабочих, подняв красное знамя, двинулась на набережную. Казаки пустили в ход

свои нагайки. Тогда только рабочие, рассвирепев и вынув свои револьверы, топоры и дубины, напали на казаков. Вице-губернатору разбили голову. Шествие продолжалось около трех часов. Из рабочих арестованы около 12 человек, сверх того, два реалиста и один гимназист, остальные успели скрыться. Дорогой N., всего так не напишешь, как оно было в действительности, да и слов не найдется, но картина восхитительная. Вообрази себе! Несколько красных знамен с надписями; громадная толпа рабочих, вооруженных дубинами; камни сыплются градом и среди всего этого крики: «Ура! Да здравствует социализм!» и т. д.

О демонстрации в Тифлисе 23 февр. очевидец пишет:

«23 февраля в Тифлисе имели место волнения. На Головинском проспекте рабочие жел.-дор. мастерских и всех фабрик и заводов г. Тифлиса пытались устроить демонстрацию, но предупрежденное войско и полиция старались разгонять демонстрантов; к счастью, в это время шла похоронная процессия по Головинскому проспекту; рабочие и демонстранты, как бы следуя за процессией, вышли на проспект, развернули знамя и кричали: „Долой самодержавие, да здравствует свобода!“ Полиция и казаки ворвались в толпу демонстрантов. Произошла схватка, а в это время в другом месте подняли другое знамя».

В прокламации, изданной после демонстрации, местный Комитет пишет:

«Кто бы мог подумать, что почти все рабочие местных фабрик и заводов, числом до 6.000, явятся на демонстрацию? Кто бы мог допустить мысль, что наша либеральная и радикальная интеллигенция, учащаяся молодежь и другие слои общества, до этого дня скептически относившиеся к нашим силам и средствам борьбы, не оповещенные о дне и характере демонстрации, не только выйдут на улицу, но и упорно будут отказываться исполнять требования полиции разойтись?.. Манифестация показала воочию, на какие наличные силы мы можем рассчитывать... Их организованность, как нельзя лучше, была доказана тем обстоятельством, что эта громадная толпа под дождем стеной гуляла по Головинскому проспекту в течение более двух часов, терпеливо ожидая условленного сигнала, чтобы сплотиться и провозгласить анафему и смерть гнусному самодержавию, и ни одним движением, неосторожным словом или взглядом не дала повода полиции начать наступление».

Как сообщает далее прокламация, «стоило только кучке демонстрантов выкинуть знамя и крикнуть: „долой самодержавие!“, как усиленный состав хваленой полиции на Эриванской площади разбежался в панике в противоположную сторону, призывая усиленную помощь свистками».

Батум. 8 марта закончился разбор дела о прошлогодних батумских беспорядках. Благодаря блестящей защите, даже царские слуги принуждены были почти оправдать рабочих. 9 марта, в годовщину прошлогодних беспорядков, рабочие устроили грандиозную демонстрацию. С четырьмя развернутыми флагами рабочие обошли весь город с пением и с криком: «да здравствует политическая свобода!», по дороге разбрасывали прокламации и стреляли из револьверов; перебили стекла местной человеконенавистнической газете «Черноморский Вестник». После этого рабочие, числом свыше 3.000 чел., направились к вокзалу; остановили на ходу поезд, в котором ехал весь состав окружного суда и двое из защитников рабочих; защитникам была устроена трогательная овация; поезд стоял семь минут. Власти окончательно растерялись. Полиция и войска бегали за толпой, но ничего не могли поделать. Они не смели прибегать к решительным мерам, так как громадная часть рабочих была вооружена и предвиделось отчаянное с их стороны сопротивление. И в конце концов рабочие свернули знамена и мирно разошлись, празднуя свою победу над растерявшимися властями.

Томские события. Мы уже сообщали в прошлом номере о попытке демонстрации, устроенной 18 февраля томскими студентами, о последовавшем избиении студентов и публики и о внушительной демонстрации, организованной студентами и рабочими 20 февр. в виде протеста. Об этой последней сообщается в изданной «Группой революционн. соц.-дем.» прокламации:

«Студенчеством и соц.-дем. группами было заготовлено свыше 4.000 прокламаций „к народу“, „к лишенным прав“, „к рабочим“. Городской почтой разослан был ряд писем с призывом к активному участию в демонстрации. 20 февраля, в десять часов утра, в Технологическом институте и в университете состоялись сходки, на которых присутствовало в общем до 1000 чел. Громадным большинством голосов было решено немедленно устроить демонстрацию. Выйдя на улицу, технологи и университанты с восторженными возгласами соединились вместе и, образовав толпу до 700 чел., двинулись с революционными песнями к Соборной площади. Взвился принесенный рабочими красный флаг, с одной стороны которого была надпись: „Долой самодержавие“ с другой — „Да здравствует социализм“. Собравшийся на площади народ двинулся навстречу студентам, толпа демонстрантов быстро росла, и, когда она приблизилась к зданию железнодорожного управления, численность ее дошла до двух-трех тысяч человек. Из открытой форточки окна управления послышался возглас: „долой самодержавие“, подхваченный восторженными „ура“ толпы, и через несколько минут все здание управления, вмещавшее несколько сот служащих, опустело. У управления была произнесена речь, выяснявшая значение демонстрации, а затем двинулись вперед. Пройти пришлось немного, впереди показался местный батальон, который вскоре тесным строем преградил дальнейший путь. Оставалось или прорвать цепь, или итти назад. Толпа все более и более росла, число идущих достигло уже четырех-пяти тысяч человек, всего же на площади было не менее 12—15 тысяч чел. Неумолкаемые возгласы „долой самодержавие“, „долой царизм“, „да здравствует политическая свобода“, „да здравствует социализм“ поддерживались восторженным „ура“ многочисленной толпы. Сбоку суетился вице-губернатор барон Дельвиг, революционные возгласы были ему совсем не по душе. Время от времени слышался его отчаянный вопль: „они кричат „долой самодержавие“, я не позволю кричать „долой самодержавие“, и слова „долой самодержавие“ из уст царского сатрапа уносились далеко, далеко в толпу. Еще несколько возгласов из толпы, и чаша терпения барона переполнилась. Раздалась команда солдатам: „оцепляй их, братцы“. Начала работать и полиция, усиленно расталкивая и прося постороннюю публику удалиться: „будут стрелять“; в результате этого маневра оцепленным у дверей клиники оказалось небольшое ядро в 400—500 человек. Казалось, не было никакого выхода: еще момент, оцепленные кинулись бы прорывать цепь, началась бы бойня, которая далеко затмила бы собою бойню 18 февраля. Солдаты стояли с заряженными ружьями, были вооруженные и среди оцепленных. Но исход был найден. Двери клиники раскрылись, и через несколько минут оцепленным оказалось почти пустое пространство. Солдаты были отосланы, а прошедшие через клинику вышли в университетский двор, а оттуда на улицу и собрались перед воротами университета. Туда же пришла и вся масса запоздавших рабочих. Вскоре явились туда же барон Дельвиг, барон Бруннов и полиция. Но увещевание баронов встречалось громким свистом. Требование со стороны демонстрантов об удалении полиции было удовлетворено, и весь полицейский штат, подвергшись всяческому оплеванию и сраму, под оглушительным свистом направился обратно к клиникам. На этом обратном пути полицейские выдумали было арестовать одного рабочего, но дружный напор демонстрантов заставил их отказаться от своего намерения. С удалением полиции в этой небольшой сравнительно толпе в 700—800 чел., где не было зрителей, где оцепленный у клиники студенческий центр слился воедино с массою разночинцев и рабочих, все чувствовали особый праздничный под'ем духа. Здесь закреплялся крепкий союз между рабочими и студентами для дружной, совместной борьбы на пути к достижению ближайшей общей цели — свержения ненавистного ига деспотизма. На тему о необходимости этого единения было произнесено много речей с той и с другой стороны. Таким образом, демонстрация закончилась своего рода народным собранием, которое и разошлось совершенно добровольно около четырех часов вечера...

«Одновременно со второй демонстрацией было созвано экстренное заседание профессоров университета и Техно-

логического института. Было решено послать телеграмму в Петербург о назначении судебного разбирательства по поводу насилий, совершенных местной полицией над студентами высших учебных заведений. Об этом решении гласили вывешенные во всех витринах об'явления за подписью ректора. Такой же протест выразили и местные присяжные поверенные... Наконец, подобное заявление подало и местное общ. врачей. Только четыре человека из всего общ. протестовало против подачи заявления».

Студенты заявили, что если власти начнут преследование против демонстрантов, они приступят к забастовке, и потребовали увольнения из университета шпиона Соловкина, из-за которого поднялась вся эта буря. Ректор университета Судаков дал слово, что совет займется этим вопросом. Между тем, в Томск прибыли «для разбирательства» фон-Валь и тов. мин. нар. просвещения Лукьянов. «Знаменитый» виленский палач, разумеется, предписал розыски «зачинщиков». Человек восемь студентов было арестовано (по слухам, их предают суду по 252 ст.). Тогда 28 февраля в Технологическом институте сходка в 220 чел. об'явила забастовку. О дальнейшем у нас пока нет известий.

Замечательный документ.

Не подлежит оглашению.

Приказ по войскам

Московского Военного Округа

Москва. 28 февр. 1903 г. №...

Рядовой 238-го Клязьминского резервного батальона Александр Панферов, идя в управление 60-й резервной бригады, куда был назначен дежурным по телефону, встретил на улице прилично одетого господина, который, заговаривая с ним, повел речь о тягости службы и о возможности выйти из этого положения; из дальнейшего разговора Панферов узнал, что у незнакомца этого есть сообщники, которые в ближайшее воскресенье соберутся у него на квартире на совещание, куда незнакомец приглашал и Панферова, обещая снабдить запрещенными книгами для прочтения и раздачи товарищам.

Придя в управление бригады, Панферов рассказал о происшедшем старшему писарю, а на другой день, после смены, доложил обо всем ротному командиру.

В следующие дни Панферов встречался несколько раз с тем же господином. О каждой такой встрече он подробно докладывал своему ротному командиру. Благодаря этому могли быть приняты надлежащие меры местной полицией, которой удалось, при деятельном участии Панферова, связанном с большим риском для него, проникнуть в указанный им дом и арестовать участников преступного совещания, среди которых задержан важный политический преступник.

Высоко ценя правильное понимание Панферовым служебного долга и святости присяги на верность престолу и отечеству, я вошел с ходатайством о награждении его знаком отличия ордена св. Анны и о выдаче ему соответствующей денежной награды.

Стойкость убеждения и находчивость, проявленные при этом Панферовым, свидетельствуют вместе с тем о прекрасном влиянии ближайших его начальников и высоком воинском духе той части, которая воспитала такого молодца.

Об'являя Панферову мое сердечное спасибо за молодецкую службу, благодарю также командира Клязьминского резервного батальона, командира 1-й роты и молодца фельдфебеля за образцовый порядок. По окружному штабу. Подписал:

Командующий войсками генерал-ад'ютант Сергей.

Печатая этот удивительный документ, мы не знаем, чему более дивиться: наглости ли правительства, об'являющего самую гнусную провокацию высшей гражданской добродетелью, или той забитости и гражданской невменяемости офицерского корпуса, которая допускает, чтобы власти обращались к офицерам с подобными позорящими их похвалами.

Из офицерского источника, правда, сообщают нам, будто вся история, изложенная в приказе, «подстроена нарочно для „укрепления" воинского духа». Как ни чудовищно такое предположение, оно не лишено вероятия, ибо в Севастополе подобные «подстроенные» поимки «революционеров» уже практиковались: роль революционеров играли сыщики, за «поимку» которых при раздаче прокламаций солдат получал награду, о чем и об'являлось войскам округа для возбуждения соревнования.

Как видно, царское правительство при всей своей «приверженности» к «вековым устоям державы Российской» не отказывается при случае от приемов настоящей «американской» рекламы!

Образчик генеральской словесности.

Не подлежит оглашению.

Приказ по войскам

Сибирского военного округа.

Омск. 10 февр. 1903 г. № 36.

«В одном из городов вверенного мне округа, в помещении общественного собрания, по окончании чтения лекции, кучка злонамеренных людей произвела противоправительственную демонстрацию, вызывающе заявляя о ниспровержении основного устоя жизни Русского Государства — Самодержавия.

«Присутствовавшие на лекции офицеры гарнизона, судя по рапортам их, мне представленным о сем происшествии, ничем другим не заявили себя, как торопливостью при начале беспорядка выбраться из зала и уйти домой.

«Некоторые из офицеров даже видели, как одинокий представитель порядка, чиновник полиции, ринулся в толпу для прекращения беспорядка, но и тогда ни у кого не екнуло солдатское сердце...

„Через минуту, — говорится в одном рапорте, — все бывшие в зале офицеры очутились у вешалок!"

«Затем не могу не засвидетельствовать, что во всех рапортах достаточно „словесности", доказывающей заботливость каждого подчеркнуть свое личное „тут ни при чем". Были даже такие, что когда валился на них дождь листков с дерзкими словцами, то даже не поинтересовались ими и, не читая, рвали эти листки.

«Конечно, ни в одном уставе, ни в одном томе свода законов не найти точных указаний, что должны были сделать и как должны были поступить офицеры в приключившейся обстановке; но я был бы счастлив об'явить в приказе, что присутствовавшие офицеры, со старшим во главе, были у вешалок не в числе первых, а самыми последними.

«Несомненно, что беспорядок был произведен по сговору; несомненно, что межеумки, недоучки и разные инородцы были сплочены в кучу, действовали по лозунгу, — в этом была их сила; тогда как слушатели лекции разных классов и слоев общества, случайно собравшись, чтобы послушать талантливого лектора, ничем не были об'единены, и совершенно естественно, раз начался беспорядок, что публика стала уходить, причем, как говорится в одном рапорте, „держала себя скромно и спокойно". Но в этой публике были гг. офицеры, без всяких сговоров всегда об'единенные воинским мундиром и превыше всего тою особою клятвою, которая ими дана на присяге, которая должна побуждать их при малейшем посягательстве на основные устои России мгновенно сплачиваются и становиться на изготовку. Не скромно и спокойно уходить, как это сделала публика, должны были гг. офицеры, а энергично и твердо выразить свою решимость быть готовыми на всякие случайности, раз нужно делом доказать исповедание своей веры.

«Что могло затем последовать? Кто может ответить на этот вопрос?

«Уверен в одном, что если бы благонамеренные и благожелательные проявляли по личному почину сплоченность и решительность, давно бы мы покончили с безобразным террором кучек, действующих, шумящих, кричащих по вражескому лозунгу.

«Не сомневаюсь, что ни один из бывших на лекции офицеров в других случаях возможных трудных обстоя-

тельств, когда задели бы честь жены, семьи, батальона или мундира, не уклонились бы от риска потерять даже жизнь... Но не превыше ли всего этого — рисковать всем на защиту от дерзкого поношения основ бытия нашей России? Случайно бывшему на лекции достойному и опытному служаке ставлю, как старшему, на вид, что в минуту испытания он не оказался на высоте положения и вместе с другими очутился среди публики, стремившейся к вешалкам, а не на посту, т. е. ставлю ему в упрек, что он не стал центром, возле которого сплотились бы все, носящее военный мундир.

Подписал: Командующий войсками округа
ген.-лейтенант Сухотин».

* * *

В этом любопытном литературном произведении обращает на себя особое внимание твердое намерение ген. Сухотина во что бы то ни стало втянуть офицеров в «политику», вопреки обычному взгляду, что армия должна быть чужда «политике». Правда, армия применяется для усмирения всяких народных движений, но в этих случаях она действует каждый раз на основании приказания, с соблюдением предписанных законом условий, не на основании своих политических симпатий, но в силу своего подчинения правительственной власти. Поэтому, если бы иркутские офицеры (о которых идет речь в приказе) утешили ген. Сухотина и бросились на помощь полиции, водворявшей в собрании «порядок», то они поступили бы совершенно незаконно и такое участие их в свалке между гражданами и чинами полиции было бы, по существу, самоуправством и нарушением общественной тишины и порядка. Какого рода «работы» желал бы ген. Сухотин от подчиненных ему офицеров, — об этом дают представление рассказы о недавних демонстрациях в Тифлисе и Ростове-на-Дону, где ретивые офицеры-добровольцы бросались в толпу рабочих, рубили шашками и стремились выбить пролетарское знамя, — словом, вели себя, как вульгарные лабазники в Томске.

Из литературного произведения ген. Сухотина явствует также, что в глазах убежденного и активного сторонника самодержавия не заслуживают никакого уважения те офицеры, которые до такой степени пассивны и индифферентны, что «даже не интересовались листками и, не читая, рвали эти листки». Такая пассивность и такой индифферентизм не понятны преданному слуге престола. Будь ген. Сухотин в иркутском клубе, он сначала прочел бы «сыпавшиеся дождем листки», потом «сделался бы, как лев» (как говорил о себе один свидетель в саратовском процессе демонстрантов) и бросился бы уничтожать внутреннего врага. Правда, — как это знает ген. Сухотин, — такое поведение не предусмотрено никакими уставами, а потому он вынужден апеллировать к смыслу воинской присяги (не к ее букве, ибо эта буква требует лишь повиновения приказам начальства, а никак не партизанской войны с его врагами). Но когда речь идет не о простом выполнении «уставов», а о самостоятельном участии офицера в политике, как о выполнении гражданского долга, то нельзя уклониться и от вопроса о выборе между двумя враждующими сторонами. Тем более нельзя, что, когда мы апеллируем к «смыслу» присяги, то мы не можем забыть, что эта присяга дается на верность не только престолу, но и отечеству. Но политическая борьба, в которой ген. Сухотин предлагает офицерам принять рукопашное участие, есть именно борьба между царским престолом и нашим русским отечеством. Присоединяясь от всей души к призыву ген. Сухотина выйти из пассивного состояния и занять место в политической борьбе, мы, с своей стороны, предлагаем офицерам вникнуть в ценность той и другой враждующих сторон и сделать свой выбор. В одном случае их ждут лавры, которые теперь достаются «одиноким представителям порядка» — полицейским и жандармам — вплоть до ордена св. Анны, украшающего ныне за полицейские заслуги иудину грудь рядового Панферова; в другом случае — «только» почетная слава сподвижников Пестеля и Бестужева, Суханова и Штромберга.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС.

Вслед за демонстрантами — распространители «преступных воззваний». Это вполне логично, и мы, по этой логике, благополучно катимся назад, к тем блаженным временам, когда за передачу одной брошюры приговаривали к четырем годам каторги (Бутовская), за напечатание пары листков — к каторге долгосрочной (Долгушинцы), а за хранение «террористических изданий» — просто вешали (Розовский в 1880 году).

Печатаемый нами обвинительный акт открывает собой, очевидно, новую серию политических процессов. Как пишет нам наш корреспондент из Екатеринослава, обвинительный акт вручен уже четырем товарищам, арестованным за прошлогоднюю майскую демонстрацию в этом городе. Поговаривают о суде над студентами-участниками недавней томской демонстрации. Некоторым «нелегальным», арестованным в прошлом году по делу «Искры», тоже упорно грозят судом, двое революционных рабочих на Урале попали на скамью подсудимых в процессе о нападении толпы безработных на заводские здания, в качестве, якобы, подстрекателей к этому нападению (обвин. акт по этому делу сообщим в № 38).

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о мещанине Пантелеймоне Иванове Денисове, о крестьянах Павле Степанове Тимашеве и Александре Сильвестрове.

В виду наблюдавшегося весною 1902 г. распространения в г. Саратове различного рода и весьма большом количестве сочинений преступного содержания, а также появившихся в начале мая указаний о готовящейся 5 того же мая в Саратове уличной демонстрации с противоправительственными целями, местной полицией был предпринят в означенную ночь (с 4 на 5 мая) усиленный уличный дозор, во время которого выслежены и задержаны три человека, занимавшиеся расклеиванием и разбрасыванием по улицам преступных прокламаций и воззваний... Задержанные оказались: мещ. П. И. Денисов и кр-не П. С. Тимашев и А. Р. Сильвестров. На произведенном по сему поводу в порядке 1035 ст. Уст. уг. суд. дознании установлено, что около двух часов ночи на 5 мая 1902 г. на углу Казарменной и М.-Царицынской улиц г. Саратова, окол. надз. Шадрин и унтер-квартальный Петров заметили троих неизвестных, вышедших из калитки одного дома и показавшихся им подозрительными. Следуя за этими лицами и обратив внимание, что они останавливались на некоторое время у будки сада Сервье, Шадрин и Петров вскоре потеряли их, однако, из виду и вслед за этим встретили околоточного надзирателя Синягина с унтер-кварт. Шориным, от которых узнали, что ими снята сейчас свеже-наклеенная на стену около завода Шиллера прокламация под названием «1 мая». При этом караульщик означенного завода сообщил, что трое каких-то неизвестных только что перед тем прошли от завода к Московской площади. Продолжая преследование в этом направлении, Синягин и Шорин на Нижней улице, около ночлежного дома, настигли разыскиваемых и задержали одного из них, кр-на Ал. Сильвестрова, у которого обнаружили в руке противоправительственное воззвание «Ко всем саратовским рабочим и ремесленникам». Вслед за сим, на выстрелы, произведенные Шориным, и крики его обратили внимание находившиеся на Московской площади окол. надз. Кольбау и унтер-квартальный Винокуров, которые настигли убегавших товарищей Сильвестрова и арестовали их, причем задержанные оказались мещ. П. Денисовым и кр. Тимашевым. В то время когда последние бежали, они выбросили на Нижней улице пачку прокламаций, приглашение на уличную демонстрацию 5 мая в г. Саратове и склянку с клейстером. Кроме того, по пути следования Денисова, Тимашева и Сильвестрова найдены: около будки сада Сервье сверток преступных воззваний, у ночлежного дома наклеенное на красной бумаге большого формата об'явление о готовящейся 5 мая демонстрации; на Цыганской улице наклеены в двух местах противоправительственные листки «1 мая» и на Аткарской ул. такое же воззвание. По осмотре упомянутых преступных воззваний, они оказались след.: 1) большое гектографированное на красной бу-

маге об'явление, приглашающее «рабочих и ремесленников, и всех, кому дорога свобода и ненавистен произвол и насилие» на «демонстрацию 5 мая»; на левой стороне этого об'явления изображен рабочий с красным знаменем в одной руке и флагом—в другой, на флаге помещена надпись: «Политическая свобода», а внизу: «Свобода, равенство и братство! Да здравствует социализм!»; 2) печатное воззвание: «1 мая, ко всем рабочим и работницам», с эпиграфом: «Вставай, подымайся, рабочий народ» и с подписью: «Типография партии социалистов-революционеров». Воззвание это составлено по поводу празднования рабочими первого мая и заканчивается словами: «Самодержавная царская власть и полицейский произвол должны быть уничтожены прежде всего», и 3) воспроизведенная на пишущей машинке и напечатанная при помощи мимеографа прокламация «Ко всем саратовским рабочим и ремесленникам», со штемпелем: «Саратовский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. Апрель 1902 г.», заключающая в себе весьма резкое осуждение существующего государственного и общественного строя, утверждающая, что «русский царь принадлежит к классу миллионеров и эксплоататоров», и приглашающая к борьбе с самодержавием «для достижения политической свободы и народного правительства». Привлеченные к дознанию в качестве обвиняемых, Денисов и Тимашев сознались в совершении приписываемого им преступления, а Сильвестров свою виновность отрицал, и при этом они об'яснили: 1) Денисов, — что, получив вечером 4 мая от лица, назвать которое он не желает, около 20 прокламаций для распространения их, он уговорил Тимашева и Сильвестрова пойти с ним по улицам и расклеивать воззвания, причем это и было ими исполнено в эту ночь: 15 воззваний они успели расклеить и разбросать, пять остались у них, а когда они заметили, что за ними следит полиция, то бросили их; 2) Тимашев,—что Денисов, предупредив их о предстоящей уличной демонстрации и о содержании имевшихся у него воззваний, пригласил его и Сильвестрова участвовать в расклейке этих воззваний и что, когда они пошли ночью на 5 мая по улицам, то Денисов намазывал воззвания клеем, Тимашев прицеплял их к стенам, а Сильвестров наблюдал, не идет ли кто-нибудь, и, кроме того, и сам в некоторых местах разбрасывал прокламации; вместе с тем Тимашев признал, что во время преследования полицией он действительно, выкинул несколько оставшихся у него листков, и 3) Сильвестров, — что участия в распространении воззвания не принимал и хотя понял, что Денисов и Тимашев расклеивают запрещенные об'явления, но содержания не знал; отобранную же у него прокламацию поднял на улице и положил себе в карман, чтобы прочитать ее утром. — Из дела усматривается, что все они ранее сего привлекались к дознаниям политического характера, а именно: 1) Денисов — при Моск. Г. Ж. У. по обвинению в принадлежности к моск. кружку «интеллигентов-пропагандистов», причем по высочайшему повелению, последовавшему в 31 день декабря 1900 года, подчинен гласному надзору полиции сроком на три года; 2) Тимашев — в 1899 г. при Спб. Г.Ж.У. по делу о социально-революционной группе рабочих и, на основании выс. повеления от 21 февраля 1901 г., дознание это разрешено в административном порядке с тем, чтобы подвергнуть Тимашева гласному надзору полиции на два года в избранном им месте жительства, за исключением столиц, столичной и Таврической губерний, университетских городов и фабричных местностей, а засим в том же 1901 году Тимашев привлечен при Сар. Г.Ж.У., каковое дознание еще не разрешено, и 3) Сильвестров — при Моск. Г. Ж. У. по обвинению в пропаганде среди московских рабочих, за что, согласно высочайшему повелению, воспоследовавшему 2 мая 1901 г., подчинен гласному надзору полиции на четыре года в избранном им месте жительства, за исключением столиц, столичной и Таврической губерний и местностей фабричного района. — На основании вышеизложенных данных мещ. г. Тулы П. И. Денисов, 24 лет, и крестьяне: Тульской губ., Каширского уезда, Ростовецкой вол., дер. Гритчиной, П. С. Тимашев, 23 лет, Московской губ., Серпуховского уезда, Хатумской вол., деревни Глотоевской А. Р. Сильвестров, 34 л. — обвиняются в том, что по взаимному между собою уговору в ночь с 4 на 5 мая 1902 г. распространяли по улицам города Саратова посредством наклеивания и подбрасывания прокламации и об'явления, заведомо для них содержащие в себе дерзостное порицание государственному порядку и законному образу правления и даже оспаривание неприкосновенности прав верховной власти, т. е. в преступлении, предусмотренном 2 ч. 252 ст. Ул. о нак., а посему и на основании 2 п. 1030 ст. Уст. угол. суд., Денисов, Тимашев и Сильвестров подлежат суду Сарат. судебн. палаты в усиленном составе, с участием сословных представителей. Составлен 22 февраля 1903 г. в Саратове. Подлинный за надлежащ. подписом. Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию по делу о Денисове и других, обвиняемых в государственном преступлении. Обвиняемые: 1) мещ. П. И. Денисов, под стражей в Царицынской тюрьме; 2) крестьянин П. С. Тимашев, в г. Саратове; 3) кр. Ал. Р. Сильвестров — с. Зуево-Орехово, Моск. губ. Свидетели: пристав 1-й части г. Саратова Попов; 2) окол. надз. Синягин; 3) унт.-кварт. Шорин; 4) окол. надз. Шадрин; 5) крестьян. Петров; 6) окол. надз. Кольбау; 7) унт.-кварт. Винокуров; 8) цеховой Ширшов; 9) ночной караульщик староста Взовсков; 10) кр. Шепелев.

Екатеринослав, 12 марта. С 4 марта началась забастовка в Екатеринославском высшем горном училище. Произошла она по след. поводу: недели две тому назад стали известны приговоры екатеринославским демонстрантам (декабрь 1901 г. и февраль 1902 г.): студ. Костюшко и Полушкин — 4 и 5 лет Вост. Сиб., девице Жмуркиной — 3 года, рабочим Косареву, Гольденберг (женщ.), Дворецкому и Ерманку—по 4 и 5 лет Вост. Сиб. Все эти лица до сих пор содержались в тюрьме; и приговор, хотя и показался чересчур суровым, однако никого не удивил. Но вдруг 3 марта арестовывают студ. горного уч. Кравцова, обвинявшегося по делу о демонстрации, давно уже освобожденного и продолжающего обучаться в уч., чтобы отправить его в Вятку. Это событие сильно подействовало на студентов, и на 4 марта была созвана сходка, на которой из 240 студентов горн. уч. присутствовало 160 ч. Большинством двух третей голосов (113) была принята резолюция, резко порицающая бессмысленный и жестокий приговор студентам-демонстрантам и об'вляющая прекращение занятий впредь до удовлетворения выставленного сходкой требования — предания демонстрантов гласному суду. Администрация училища, во главе с директором, всполошилась, сама созвала сходку, на которой умоляла студентов вести себя лойяльно, обещая студентам содействие в достижении ими легальными средствами их требований.

Видя, что ничего не помогает, директор поехал к губернатору (гр. Келлеру), прося как-нибудь помочь делу. Губернатор ответил директору, чтобы тот уговорил студентов успокоиться, пока еще не поздно, т. е. пока не начались уличные беспорядки, которых, по мнению гр. Келлера, можно ожидать. Директор вместе с губернатором отправляются к жандармам, кот. об'являют, что для Полушкина и Костюшко ничего сделать нельзя, но что Кравцов, Карпов, Шахнович и Владыкин (последние трое находились в таком же положении и должны были быть, как об'явили жандармы, арестованы со дня на день) могут спасти себя только подачей телеграммы мн. вн. дел с просьбой ходатайствовать у царя о помиловании. Убежденный губернатором и жандармами, директор отправляется в училище, зовет к себе трех упомянутых студентов в кабинет и предлагает им подать телеграмму мн. вн. дел, говоря, что арестованный Кравцов тоже сделал это (это факт). Те, недолго думая, решили подать телеграмму (вот ее текст: «Мин. вн. дел. Покорнейше ходатайствую у вашего высокопрев. о предстательстве перед его импер. вел. о помиловании меня от наказания и дать возможность продолжать высшее образование»), но это не прекратило забастовки: студенты были возмущены поведением своих четырех товарищей и решили продолжать выставлять свое требование—предание демонстрантов гласному суду. Все это время Орг. Ком. учил. выпускал листки за своею подписью с резко политической окраской, а также другие революционные издания (между прочим прокламацию О. К. Росс. С.-Д. Р. П. о юбилее печати). 10-го ночью демонстрантов должны были отправить в Сибирь: студенты и рабочие решили пойти проводить их. На вокзале собралось около, 50 чел. студентов, рабочих и прочей публики. Но прово-

дить не удалось, так как отсылаемых отправили не с тем поездом. Тогда провожавшие пошли толпой по проспекту и, пройдя два квартала, запели «Варшавянку», но тотчас же были арестованы следовавшими за ними с вокзала казаками и полицией. Всего арестовано 32 ч., которые административно приговорены к аресту от 2 до 7 дней. Забастовка продолжается.

День 19 февр. прошел спокойно, хотя полиция довольно деятельно готовилась к этому дню (были приготовлены солдаты и казаки). День этот был отпразднован двумя собраниями (одно в 45, другое в 70 чел.), на которых ораторы говорили на тему о значении 19 февраля для России, для пролетариата и т. д. Собрания прошли оживленно.

Четырем рабочим, привлекавшимся по делу о демонстрации 5 мая 1902 г., вручен обвинительный акт по обвинению их по 252 ст.; дело будет разбираться в Харьк. суд. палате (когда, — еще неизвестно). Остальные привлекавшиеся по этому делу, за недостатком улик, выключены из дела. Из обвиняемых старшему 20 лет, младшему — 16.

Тверская губ. В Новоторжском уезде земские либералы, во главе с своим предвод. дворянства — молодым Петрункевичем, праздновали юбилей своего исправника. На юбилее говорили ему комплименты в том смысле, что с его властью он мог бы приносить вред, а между тем не приносил. Спустя короткое время уездная управа по ошибке получила из канцелярии губернатора на свое имя пачку доносов исправника-юбиляра и инспектора народных училищ Лелянова. В доносах указывается на наличность «социального брожения» в уезде, на совещания управы с учителями и пропаганду земцев среди учителей и т. п. Управцы пожаловались губернатору, заявив свою обиду, но губернатор расшаркался и уволил несколько человек из своей канцелярии. Этот Лелянов, вообще, отличается в деле сыска: он подговаривает квартирохозяев следить за учителями, допрашивает возниц о том, куда учителя ездят на собрания, при учениках распекает учителей за безбожие и т. п. Некоторых учителей он допрашивал об их участии в убийстве волостного старшины Василевской волости. Убедившись, что допрашиваемый учитель ни при чем, Лелянов заявляет ему: «Все же из разговора с вами я убедился, что придется вас удалить».

Об этом убийстве известно следующее: в Василевской волости оказался убитым среди улицы новый старшина; деньги, часы и пр. оказались при нем. Старшина был назначен земским начальником, вопреки желанию крестьян, и молва указывает на это обстоятельство как на причину убийства.

Вообще брожение среди крестьян сильное. Недавно были расклеены самодельные прокламации (произведены гектографом, сделанным на клее и дающим пять оттисков). Попы говорят проповеди о фабричных «мышах», дурно влияющих на деревню. Недавно в одной из чайных Тверской губ. арестован простой крестьянин за то, что читал «призывным» толстовскую «памятку».

Москва, 12 марта. Месяца полтора тому назад на Коломенский вагоно-строительный завод приехал министр Хилков по случаю выпуска трехтысячного вагона (или паровоза?). Он произнес перед собравшимися рабочими речь, в которой благодарил их за то, что они всегда стояли в стороне от «злонамеренных элементов», и уверял, что улучшения своего положения они могут добиться лишь законным путем. Затем он проявил свою благосклонность тем, что уничтожил «стесняющие их» обыски, сократил по субботам рабочий день на два часа и подарил всем, кто прослужил «беспорочно» десять лет, серебряные часы. Затем он ввел особую книгу, где будут записываться все «беспорочные служащие» для соответственных наград.

С месяц тому назад в газетах сообщалось, что у управляющего Даниловской мануфактурой исчезла дочь. Затем в «Московских Ведомостях» появилось письмо настоятеля соседнего мужского монастыря, где, «в виду распространившихся слухов, будто исчезнувшая девушка находится у них в монастыре», это решительно опровергается. Теперь выяснилось следующее. Девушка была похищена монахами, изнасилована и находилась в монастыре. Когда рабочие узнали об этом (а новый управляющий, порядочный человек, пользуется их расположением), они собрались толпой и хотели пойти разгромить монастырь. Но управляющий удержал их, говоря, что он заявил уже прокурору и делу дан законный ход. Но на-днях, говорят, митрополит Владимир ездил к царю и исходатайствовал прекращения дознания по этому делу. Между тем рабочие остыли и дело, вероятно, кончится ничем (этот факт передают со слов одного из товарищей прокурора). Имя похищенной — Роза Волей.

Теперь начинаются осложнения в Бутырках. Политических вдруг начали притеснять при свиданиях. Прекратили общие свидания, наконец, прекратили личные свидания и теперь разрешают только свидания за двойной решеткой, в виду того, будто бы, что прежде на свиданиях политических передавалось много запрещенного. Все заключенные отказались от свиданий, и теперь сообщение с тюрьмой прервано.

Здесь обнаружился новый опасный провокатор — Петр Глебович Ярков (он же Гордеев), «раскаявшийся» рабочий.

Вологда. Новый вол. губернатор Ладыженский, начавший свою деятельность либеральной речью в земском собрании и заигрыванием с политическими ссыльными, за-последнее время все более и более выясняет свою настоящую физиономию, являясь таким же самодуром, как и его достойный предшественник Муравьев, прославившийся в свое время закрытием дворянского клуба.

Подвиги нового помпадура начались следующим инцидентом. Явившись на закрытие земского собрания, Л. усмотрел великое оскорбление своему помпадурскому достоинству в том, что находившаяся в зале публика (бол. частью ссыльные) сидела в его присутствии. Когда помпадур высказал свое недовольство поведением публики провожавшему его председателю собрания Андрееву, последний, возвратясь в зал, обратился к публике с речью, в коей в крайне грубой форме упрекал ее в непонимании приличий. В ответ на это ссыльный Дрелинг, бывший в числе публики, от лица последней заявил: «Г. председатель! Мы не сочли нужным вставать, ибо губернатор обращался с речью вовсе не к нам, а к гласным. Что же касается до правил вежливости, то они известны нам не менее, чем вам и гг. гласным». Андреев в тот же день сообщил о поступке Дрелинга губернатору, а последний немедленно выслал Дрелинга в Кадников, несмотря на то, что у него был опасно болен ребенок и, кроме того, оставался всего месяц до окончания срока ссылки. Эта высылка произвела большое возбуждение не только среди товарищей Д., но и среди обывателей, также негодовавших на донос Андреева и самодурство губернатора. «Мы думали, что Андреев только идиот, а он еще и мерзавец. Да и Ладыженский хорош!» — говорили многие. Когда эти слухи дошли до А., то он начал ездить по своим знакомым и уверять их, что он, сообщив губернатору о поступке Д., вовсе не желал принести Д. вред, а просто необдуманно сбрехнул и теперь готов искупить свою вину: если бы был какой-ниб. повод, то он охотно с'ездил бы к губернатору и упросил бы его вернуть Д. в Вологду. Но так как никакого повода для поездки к помпадуру не нашлось, а беспокоить такое сиятельное лицо из-за одного только этого инцидента глубоко постигший все тонкости этикета А. не решился, то он и ограничился только этим заявлением в кругу своих знакомых. Повидимому, и на Л. слухи о возбуждении среди ссыльных и вол. интеллигенции оказали свое действие, и он, опасаясь скандала, начал раскаиваться в своем опрометчивом распоряжении. Как раз в это время к нему явилась жена Д. и об'яснила, что публика не вставала в собрании не потому, что хотела устроить демонстрацию, а просто потому, что не считала это нужным; что всякий на месте ее мужа поступил бы так же, как и он, ибо А. оскорбил публику; что она полагает, что дело передано в извращенном виде, и надеется, что теперь, когда она выяснила недоразумение, ее муж будет возвращен, — тем более, что сам А. раскаивается в своем поступке. Через три дня после этого об'яснения Д. был возвращен в Вологду. Нужно заметить, что с высылкой Д., повидимому, связано и следующее обстоятельство: за несколько дней до нее у ссыльных была отобрана подписка в том, что им

воспрещается «посещение вокзалов и пароходных пристаней для встречи и проводов своих товарищей-ссыльных».

Вскоре после истории с Д. вызывают к губернатору ссыльного А. Луначарского (литератор) и об'являют, что он высылается в г. Тотьму за то, что его корреспонденции в «Сев. Крае», как заявляет об этом управляющий акцизным округом Миквиц, вносят недовольство в среду рабочих Волог. винного склада. На самом деле эти корреспонденции носили совершенно невинный характер: касаясь спектаклей, устраиваемых для рабочих винн. склада и нося в общем сочувственный им характер, корреспонденции констатировали, что на этих спектаклях рабочие стоят в углу, а все места заняты администрацией и ее знакомыми *. После длинного об'яснения с губернат., последний дал слово Луначарскому, что его не вышлют из Вологды. Между прочим: Лунач. была назначена по приговору Вятск. губ., которая, согласно его прошению, была заменена мин. вн. дел г. Вологдой. Через два дня Луначарский был снова вызван в полицию, где ему вручили проходное свидетельство в г. Тотьму. Когда он стал требовать об'яснений, то ему сказали, что мотивы высылки может знать только губернатор, который только что выехал в Петербург. Луначарск. удается захватить помпадура на вокзале. На вопрос Лунач., почему его высылают, когда ему было дано слово оставить его в Вологде, помпадур отвечал, что тогда он действительно обещал, а теперь «передумал». «Имеются новые факты», — добавил он многозначительно, но назвать эти факты отказался. На другой день Лунач., несмотря на его требования отсрочки, чтобы собраться в дорогу, должен был отправиться в Тотьму.

В январе в городском театре предполагалось поставить пьесу Амфитеатрова, о чем было уже заявлено в афишах, но губернатор запретил ставить ее, опасаясь, что учащиеся устроят автору сочувственную демонстрацию.

В половине февраля был арестован ссыльный Саммер для отбывания наказания. Летом при обыске у него нашли нелег. лит., возбудили по этому поводу дело, и в настоящее время получен приговор — 1 мес. ареста при полиции. Саммера поместили во 2-й части в кабинете пристава, но через два дня приехал прокурор и приказал перевести его в камеру для пьяных, в высшей степени грязную, темную и душную. Тогда Саммер об'явил голодовку, отказался от книг и свиданий, требуя перемены камеры; через два дня голодовки его пришлось отправить в больницу в виду сильного нервного расстройства.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Трагедия в Златоусте. Вот что пишут нам о бойне 13 марта:

«В начале марта рабочим казенного завода в Златоусте были предложены новые расчетные книжки с измененными правилами. Этими новыми правилами вводились денежные взыскания за поломку инструментов, станков, машин; крупные штрафы за опоздание и т. п. и угроза тюремным заключением за разные нарушения правил. Рабочие отказались принять книжки и бросили работу. 12 марта, после нескольких дней стачки, в Златоуст прибыл уфимский губернатор с войсками и, запретив рабочим собираться, приказал выбрать депутатов для переговоров с ним. В тот же день были выбраны четыре депутата, которые и изложили требования рабочих о сохранении прежних условий. В ночь с 12-го на 13-е марта все депутаты были арестованы и куда-то увезены из Златоуста. На утро возбужденная толпа, тысяч в пять, подкрепленная рабочими из соседнего Кусинского казенного завода, где также началась забастовка (с теми же требованиями), собралась на площади. Когда вышел губернатор, рабочие сняли шапки и заявили, что они просят возвратить арестованных. Жена одного из арестованных привела детей и обратилась к губернатору со словами: „Вы взяли моего мужа, теперь мне нечем кормить моих детей, берите и их“. Ее обругал какой-то офицер, она его ударила и была избита за это шашками. Возбуждение росло. На отказ губернатора вернуть депутатов, послышались из толпы угрожающие возгласы: „мы вас всех перебьем“ и т. п. Этого было достаточно, чтобы войскам был дан знак стрелять. Сделано было два залпа (двести выстрелов); в результате — более ста раненых и много убитых (точная цифра убитых пока неизвестна; в разных показаних она колеблется от 20 до 69!). В числе убитых есть женщины и дети. После двух залпов толпа рассеялась, но когда трупы были свезены на кладбище, туда собрались рабочие и разнесли их по домам.

«В Уфе, в предупреждение беспорядков по поводу златоустских событий, предполагается расквартировать казаков. В рабочей части города — Софроновке — был опрос, сколько может там поместиться казаков в каждой квартире. Запасным чинам дано предписание быть готовыми к оказанию содействия войскам».

Позднейшее сообщение:

«Во время переговоров рабочих с губернатором, последний схватил одного рабочего, стоявшего в передних рядах, и пытался его вытащить из толпы, очевидно, чтобы арестовать. Толпа не дала его, причем, отнимая, повалила губернатора. После этого губернатор вбежал на крыльцо и дал знак стрелять. Стреляли с двух сторон. Говорят, что и сам губернатор стрелял из револьвера. Действительно, у мальчика Лысова была вынута из колена револьверная пуля.

«Число убитых выяснилоь теперь точно: 15 марта похоронили шестьдесят девять (69) человек, убитых наповал и умерших от ран. Перед похоронами их принесли на площадь, где жил губернатор, и там отслужили панихиду. Присутствовало все население завода и много пришлых — до двадцати тысяч человек. Чувствовалось, что в воздухе собралась гроза. Достаточно было малейшего повода, чтобы общее настроение вылилось в самые бурные проявления. „Не остановились бы ни перед чем“,— говорили впоследствии рабочие. Но нигде не было видно ни одного полицейского, ни одного солдата (их спрятали во дворах и в арсенале). Губернатор не показывался.

«Работа возобновилась с 14 марта только потому, что было об'явлено о закрытии завода, если стачка продолжится. Но книжек рабочие не принимают.

«Теперь по отношению ко всем приезжающим в Златоуст приняты исключительные меры: на вокзале их останавливают жандармы и требуют записи на особом листе целого ряда показаний (кто? откуда? к кому? зачем приехал? и пр.)».

* * *

От редакции. Новое подробное правительственное сообщение о златоустовском преступлении показывает, что даже холопы самодержавия смущены неслыханным по размерам кровопролитием 13 марта. Губернатор пытается свалить вину на «подпольную агитацию» и натравить общественное мнение против агитаторов, как нравственных виновников происшедшего. Представители этой агитации могут противопоставить этим утверждениям тот, констатированный правительством факт, что рабочие Златоуста шли на штыки и под пули, требуя освобождения этих «подпольных агитаторов», которых они научились ценить как своих предводителей. Они, по словам правительственного сообщения, требовали выдачи агитаторов рабочим «под личное их покровительство». И находящимся под «покровительством» такой городской массы социалистам-агитаторам не страшны клеветы и инсинуации, распускаемые правительством!

Губернаторское сообщение теперь уже признает наличность 45 убитых (28 на месте и 17 от ран) и 100 раненых (включая этих 17). Наш корреспондент сообщает, что хоронили 69... Из числа убитых двое и из числа раненых 18 (шесть тяжело) — не рабочие, а любопытные зрители, следовательно, убитые за то, что «попались под руку».

* Помимо этого, установлено, что никаких волнений среди рабочих склада нет и не было.

Наконец, губернатор, в извращенном виде представив все дело, успокаивает публику известием, что о всех раненых тщательно заботится усиленный медицинский персонал при содействии «Красного Креста». О, их постараются вылечить, это несомненно! Постараются для того, чтобы предать продажному суду, — не правда ли, ваше превосходительство?

Уфа. Уфимский Комитет Росс. С.-Д. Р. П. по соглашению с Самарским Комитетом 19 февраля выпустил на гектографе две прокламации за одной общей подписью обоих комитетов; одна из них составлена Уфимским Комитетом, другая — Самарским. Прокламации в ночь на 19-е были расклеены и разбросаны по городу в количестве более 500 экземпляров и разосланы в письмах по городу и губернии в количестве около ста экземпляров. Полиция ожидала, что 19 февраля не пройдет без революционной агитации, и накануне 19-го вечера она уже сделала свои набеги на квартиры рабочих, произведя в ночь на 19-е с восьми часов вечера до шести часов утра около десяти обысков; по городу в эту ночь была усиленная слежка: ночью видели монахов, которые утром направлялись к жандармскому управлению. Все это, однако, не помешало успешному распространению прокламаций, хотя полиции все-таки удалось задержать на улицах трех рабочих. Обыски в квартирах оказались безрезультатны.

ПИСЬМО В «ИСКРУ»

Тульского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии [10].

С начала 1902 года Тульская группа партии вступила на путь массовой пропаганды. Она стала заниматься собственным издательством листков на разные темы. Это не были прокламации в собственном смысле, т. е. не были изредка появляющиеся агитационные, призывающие к какому-либо действию листки; это были в большинстве случаев хотя и приноровленные к тем или другим злобам дня листки, но скорей об'ясняющие то или другое интересное явление, чем призывающие к тому или другому действию. Воспроизведение этих листков было поставлено плохо и обходилось неимоверно дорого, несмотря на все усилия руководителей группы. Об'ясняется это той общей причиной, что всякой местной группе, предоставленной самой себе, крайне трудно удовлетворять хорошо всем своим потребностям, так как этих потребностей очень много и с каждым годом их становится все больше и больше. Всего за год было выпущено около десяти листков. Считаем в том числе такую брошюру, как «Пауки и мухи» и некоторые другие важные для местной работы издания. В начале года издавали преимущественно на мимеографе, а затем, к сожалению, пришлось перейти к гектографу по разным более или менее случайным, но достаточно серьезным причинам. Весь год, с самого его начала и до самого конца, сильнейшим образом ощущался недостаток в общей (брошюрной и журнальной) литературе. На заботы о добыче литературы тратилось чрезвычайно много сил, времени и денег, а литературы до самого последнего времени все-таки не было. Людям, стоящим не у самого центра этих забот, казалось даже, что Комитет бездействовал. Такое мнение высказывалось отчасти и потому, что Комитет не считал правильным выпускать много листков, не подготовив некоторых условий, обеспечивающих непрерывность местной работы, например, не организовав преемственность в этой работе. При приближении первого мая буквально все население Тулы ждало в этот день «бунта». Никакого «бунта», конечно, не было. Весь год настроение среди рабочих было очень подавленное, благодаря сильнейшей безработице, все более и более обостряющейся. В городе чрезвычайно усилились нищенство и грабежи. А увольнения рабочих все продолжаются, и конца этому не предвидится. Так, например, с оружейного завода увольняют постепенно целыми тысячами. Кустари же буквально голодают. Сознательная часть рабочего населения лихорадочно следит за ужасным процессом усиливающейся безработицы и глухо волнуется; было два отдельных случая расправы с начальством: в начальника железнодорожных мастерских Баумана стрелял кто-то из рабочих; мастера Конышева с фабрики Теплова избили до полусмерти (ни в том ни в другом случае задержан никто не был). В то же время сознательные рабочие все более и более планомерно организуются, что, вероятно, в скором времени пригодится им на деле. Во втором полугодии местный Комитет партии составил и издал (прилагаемый) «План организации» местной группы, а в самом конце года выработал и «план действий» на следующий 1903 год; этот план содержится, конечно, в тайне. В 1902 г. тульская полиция произвела два набега на местных жителей: в апреле и в декабре. Кроме того было арестовано несколько человек в разное время порознь. В январе был арестован Харахорин и скоро освобожден. В феврале был арестован конторщик оружейного завода Федоров (просидел восемь месяцев в тюрьме, что и вменено ему в наказание). В апреле были арестованы одновременно: Е. Литкенс, А. Литкенс, С. Луначарская, И. Розин, А. Шпанов, А. Малевский. В апреле же в Тульскую тюрьму была привезена М. Иваницкая. В мае арестован Чудов. В августе — В. Кислов и Дронов. В декабре — опять А. Шишков, Колюжный, Панченко и Мышецкая. Кроме четырех последних, все освобождены, просидевши в тюрьме разные сроки, от одной недели до восьми месяцев.

В заключение просим вас напечатать следующее: еще в первом полугодии по всей России распространился ни на чем не основанный слух, что в Туле солдаты отказались стрелять в рабочих и «подняли на штыки» своего офицера. Мы твердо убеждены, что недалеко то время, когда солдаты так именно и будут поступать, но пока у нас, по крайней мере в Туле, этого не было, и кто сочинил эту довольно правдоподобную сказку, — не знаем. Наш безотрадный обзор 1902 года не помешает нам бодро смотреть вперед и работать с твердой уверенностью в том, что лучшие времена не за горами.

Январь 1903 г.

Тульский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Комитет просит опубликовать следующую резолюцию, которая, по независящим обстоятельствам, попала к нам с опозданием: Тульский Ком. Российск. С.-Д. Рабоч. Партии постановил выразить через «Искру» всем ростовским и тихорецким товарищам, принимавшим участие в ноябрьских забастовках и сходках, свое искреннее сочувствие, глубокое уважение и братское спасибо за хороший пример смелого заявления своих правильных требований.

Ростов-на-Дону (писано до демонстрации 2 марта). Надежды местной полицейской орды на 19 февраля, когда она ожидала пожать лавры и тем возместить себя за «осенние события», совершенно не оправдалась. А она ли не старалась для того, чтобы вызвать желанные для нее в настоящее время «события» и «поступки». В самом деле, ею, совместно с местной «средиземной эскадрой», были пущены в ход все меры провокации. Но в результате вышла одна смешная контр-демонстрация, развеселившая всех обывателей города. С 9—10 часов вечера 19 февраля от Таганрогского проспекта до Соборного переулка сновали целые толпы городовых и переодетых жандармов. Настроение шпионов было чрезвычайно приподнятое, и они метались, как угорелые, выглядывая «неприятеля». Но «неприятеля» не было видно, несмотря на то, что для предполагавшегося «усмирения» его было наготове 6 сотен казаков, вызванных к 19 февраля. Растерявшееся начальство думало, что события непременно должны были произойти, как и в прошлом году, в этот день. Но — увы! — напрасно помпадуры почесывали свои зудевшие руки. «Крамола ростовская», судя по возрастающему революционному настроению среди рабочих, охарактеризованному отчасти в прошлой моей корреспонденции, несомненно проявится, только не тогда и не в том месте, как это желательно «попечительной» жандармерии, а только тогда, когда для этого будет достаточно революционных оснований. Несмотря на то, что здесь уже функционирует охранное отделение, которое завело систему «стационарного выслеживания», работа революционная среди рабочих кипит по всей линии.

Почти под носом шпионов и жандармерии происходят громадные собрания, ростовская пролетарская революция рвется на поверхность общественно-политической жизни, вопреки всем жандармским происках. На-днях за городом были три сходки, каждая по 350—450 человек. На сходках этих под открытым небом горячо дебатировались самые разнообразные политические темы. На одной из них обсуждалось значение 19 февраля для общественных отношений России и, в частности, значение его для рабочего класса; указывалось в речах говоривших ораторов на особенно неблагоприятные условия освобождения в России, где оно произошло не революционным способом, а оппортунистическим, и т. д. На последней сходке оратор знакомил рабочих с пресловутой партией социалистов-революционеров, указывал рабочим на оппортунистический и буржуазный характер программы «неуловимых» социалистов-революционеров, и в заключение своей речи оратор указал те позиции, на которых должны стоять рабочие по отношению к социалистам-революционерам, которые для рабочих должны являться не идейными союзниками, а идейными противниками, пренебрегающими их классовыми интересами и затемняющими их социальное сознание посредством «неуловимого террора и тех жалких оппортунистических потуг, которые именуются у соц.-рев. революционной программой. Речь эта на рабочих произвела громадное впечатление. Вообще нужно отдать справедливость Донскому Комитету за умелое и толковое воздействие на рабочих. Нужно заметить, что о сходках полиция узнала только через несколько дней, так как она была расстроена неудачей с 19 февраля.

Одесса. Здесь была в день 19 февраля оживленная сходка 700 рабочих, на которой говорились речи. Нагрянувшей полицией задержано только 4 рабочих.

Харьков. На паровозостроительном заводе вновь назначено к расчету 300—400 человек. Рабочие посылали к новому фабричному инспектору Рюмину — ставленнику кн. Оболенского — своих делегатов, прося сделать что-нибудь для смягчения нужды. Конечно, Рюмин ничего не сделал.

Местный Комитет партии издал прокламацию, приглашая рабочих завода требовать, чтобы наличный контингент не был сокращаем, а работа была распределена между всеми при устранении всяких сверхурочных работ и уменьшении рабочего дня до 8 часов.

С Урала. Март. На Михайловском листопрокатном заводе (Екатеринб. у.) большая стачка: требуют увеличения заработной платы до размеров, при которых возможно было бы существовать не только рабочему, но и его семье. Держатся дружно, но трудно ожидать победы. Сбыта на листовое железо почти нет, и заводоуправление может вовсе прекратить на время работы.

Из Польши (из «Красн. Знамени», орг. польск. соц.-дем., № 4). В Ченстохове в начале февраля забастовало в ткацком отделении джутовой фабрики «Варта» 120 женщин и 20 мужчин. Рабочие требовали прекращения обсчитывания, практиковавшегося благодаря отсутствию точных правил о расценках. Попытка полиции раз'единить стачечников не привела ни к чему. Стачка кончилась победой рабочих.

Такой же победой кончилась трехнедельная стачка 120 еврейских портных в г. Полоцке.

Новочеркасск (март). Здесь был арестован и сидел раб. Костылев, взятый по сулинскому делу. После беспорядков на заводе Пастухова (ст. Сулин, Ю.-В. ж. д.), бывших прошлогодней масленицей, там были произведены аресты, не затронувшие организованных рабочих. Содержатель пивной, как-то выведав у посетителей-рабочих, что у них есть кружок, выдал их жандармам. Рабочие — народ молодой и неопытный—на допросах разговаривали и оговорили некоторых товарищей, в том числе и Костылева, которого взяли уже в Новочеркасске, где он тогда работал. Сидел он с октября 1902 г. до 7 февраля 1903 г., когда его выпустили под залог (500—1000 руб.). Железнодорожные мастерские в Новочеркасске приняли его вновь на службу. — В здешних мастерских работает до 300 чел. Здания мастерских довольно ветхие, крытые толем, сквозь который сильно протекает вода, так что весной и осенью приходится работать, стоя в воде или на мокром деревянном полу, в котором многие доски прогнили. В холодное время топят (отопление паровое), но лишь с приходом рабочих, так что воздух нагревается только к 5—6 часам, когда приходит пора уже расходиться. Штрафы не слишком сильны, хотя всецело зависят от сварения желудка мастера. Рабочий день — десять с половиною часов, с обедом и завтраком — 12 час. Рост сознательности замечается с 1901—1902 гг., под влиянием близости Ростова-на-Дону (2 часа по жел. дор.) и событий последних лет. За последнее время ходко идут и требуются прокламации Донского Комитета. Носильщики на этой станции получали пять руб. в месяц от дороги и чаевые от кассиров. Теперь получено от управляющего дорогой предписание выгнать всех носильщиков и заменить их новыми, но без всякой платы от дороги, а также перевести кондукторов на поденную плату, что равно сильному понижению заработной платы. Распоряжение это вызвало такой протест, что начальник не решился привести его в исполнение и поехал в Воронеж за инструкциями. Ростовское охранное отделение прислало сюда своих агентов искать типографию Донского Комитета. Прокламация последнего о 19 февраля «Предательское освобождение», развенчивающая царя-батюшку Александра II из его роли «бескорыстного» освободителя, распространена была здесь в большом количестве. Второго и третьего марта было вызвано отсюда по сотне казаков, а четвертого послана еще сотня в Ростов.

ИЗ ПАРТИИ

ЗАЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОНОГО КОМИТЕТА.

В последнее время между Центр. Комитетом Бунда, Заграничным Комитетом Бунда и «Искрой» по поводу образования Организационного Комитета возникла полемика, которая может бросить тень на взаимные отношения Орг. Ком. и Бунда.

В виду этого Орг. Ком. в совещании своем, в котором принимали участие представители всех образовавших его организаций («Искры», Бунда, «Южн. Раб.» и Петербургск. Комит.), обсуждал этот печальный инцидент и решил довести до сведения всех организаций Росс. С.-Д. Р. П., что весь этот инцидент является плодом недоразумения. Ни со стороны Орг. Ком. не было намерения устранить Бунд от участия в нем, ни со стороны Бунда не было желания мешать деятельности Орг. Ком. Во избежание подобных недоразумений Орг. Ком. просит, чтобы отдельные организации не выступали с печатными заявлениями по организационным делам Комитета, не снесясь с ним и не испытав предварительно возможности выяснить недоразумения организационным путем.

13 марта 1903 г.

Орган. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Мы получили след. заявление:

«Согласно постановлению Орг. Ком. от 13 марта не считаю возможным ответить на письмо в редакцию «Искры» («Искра» № 33) делегата Орг. Ком., который вел со мной переговоры по поводу присылки „Извещения“.

Член Центрального Комитета Бунда — член Орг. Комитета».

Заявление Тульского Комитета Росс. Соц.-Дем. Р. П.

Будучи вполне согласен с «Искрой», как в вопросе о терроре, так и в аграрном вопросе, Тульский Комитет считает нужным заявить «Искре», что он, конечно, согласен с принципами напечатанного ею в № 21 «проекта программы» (о деталях в другой раз). Если же по организационным вопросам и оказались бы какие-либо разногласия, то Комитет уверен, что эти разногласия окажутся незначительными и лишь временными. Во всяком случае Тульский Комитет горячо приветствует все начинания «Искры», направленные к скорейшей окончательной организации единой Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, и желает видеть «Искру» и «Зарю» руководящими органами этой партии.

Два слова о «социалистах-революционерах»: мы считаем, что полемика с ними со стороны «Искры» более, чем достаточно, корректна, считаем, что она полезна в смысле разжевывания различных теоретических и тактических вопросов, но советуем не выдвигать эту полемику на первый план газеты, считая, что это слишком почетно для такой несостоятельной теоретически партии, как «партия социалистов-революционеров».

Январь 1903 г.

Тульский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Приветствуя выступление Сибирского Социал-Демократического Союза как Комитета Партии с определенной, ясно выраженной, революционно-социал-демократической программой, приветствуя заявление Союза о его полной «солидарности с организацией „Искры" по вопросам принципиальным, тактическим и организационным», — Иркутский Комитет в свою очередь открыто признает газету «Искра» своим руководящим органом, выражает полную готовность оказывать этому органу в его агитационной и организационной работе как материальную, так и духовную поддержку и всеми силами способствовать Сибирскому Союзу — Комитету Партии в проведении им на практике принципов революционной социал-демократии.

Приветствуя это заявление, по существу значительно разнящееся от программы Союза, опубликованной два года тому назад, Иркутский Комитет выражает полную уверенность, что такое открытое, определенное и решительное заявление в духе революционной социал-демократии послужит могучим толчком к оживлению и укреплению социал-демократической работы в Сибири.

Комитет решил отчислять в пользу организации «Искры» минимум 10 проц. ежемесячных поступлений.

Февраль 1903 года, Иркутск.

Иркутский Ком. Росс. С.-Д. Р. П.

Заимствуем некоторые интересные данные из «Отчета о деятельности Донского Ком. Р. С.-Д. Р. П. за 1902 г.». Комитетом было издано 46 прокламаций в количестве 60.000 экз., из коих две в феврале, две в марте, пять в апреле, одна в мае, 12 в сентябре и октябре до начала стачки и 23 в течение стачки. Сверх того, изданы майская брошюра и брошюра Либкнехта «Пауки и мухи» в 4.500 экз. «Надо заметить, что до 1902 года за все время существования местной соц.-дем. организации ею выпущено всего 19 прокламаций в количестве, приблизительно, 10.000 экз.».

Бюджет Комитета составил в 1902 г. 5.000 рублей. Связи Комитета сильно расширились, впервые положено основание организации женщин-работниц, созданы небольшие рабочие организации в тяготеющих к Ростову городах и заводских поселениях, образовано общество «Красного Креста» и заведена собственная типография, так блестяще себя зарекомендовавшая во время стачки и последовавшего за ней периода усиленного жандармского сыска.

В течение 1902 года были устроены две демонстрации (19 февраля на улице и 13 марта в театре) и сделана неудачная попытка демонстрации 19 апреля.

«С твердой верой вступаем мы в 1903 г. Мы глубоко верим, что этот год несет не только рост революционных сил, но и рациональную организацию и использование этих сил. Мы надеемся, что этот год принесет нам фактическое об'единение нашей партии, прекратит недостаточное шатание умов в рядах соц.-демократии, положит предел внутренним распрям и несогласиям, от которых, как от жандармских набегов, страдает наша деятельность». Такими словами заканчивает Комитет свой обзор революционного года, в котором его деятельности принадлежит столь почетное место.

За последнее время деятельность Екатеринославского Комитета Росс. С.-Д. Раб. Партии выразилась в распространении след. листков: «19 февраля», «О ростовских событиях», «О юбилее печати» (изд. Орг. Ком.) — первые в колич. 3-6 тыс. экз., третий — в 1.500 экз.; был издан № 8 «Летучего листка» (4 тыс.) и распространено по рукам большое количество всякого рода нелегальной литературы (главным образом изд. «Искры» и «Южный Рабочий»). В последнее время сильно растет спрос на нелег. литер. в близлежащих городах (Кривой Рог, Александровск, Павлоград и др.). Екатер. Ком. по мере возможности удовлетворяет эти требования и рассылает туда.

Петерб. Ком. изд. прокламации: 1) о зубатовщине («Волк-оборотень»), 2) о сельско-хоз. ком. и 3) доклад старшего фабр. инспектора упр. отд. промышленности. О последнем документе, в виду его интереса, мы расскажем подробнее в след. ном. Тифлисским Ком. выпущен прокламации к солдатам и листок о демонстр. 23 февр. — Иркутским Комитет. — листок «К обществу» об арестах в Иркутске. — Сибирским Ком. (Ком. Партии) переиздано в собственной тип. «Извещение Орг. Ком.» и издан листок о приказе ген. Сухотина.

Харьковским Комитетом партии изданы воззвания: 1) к рабочим паровозостроит. завода, 2) по поводу первого марта, 3) о ростовской демонстрации, 4) «Маску долой» (о фабр. инспект. Рюмине), 5) «Откуда берет правительство деньги и на что их тратит». — Тульским С.-Д. Ком.: листок об увольнении 1.500 рабочих с оружейного завода и воззвание: «К крестьянам от тульских рабочих».—Нижегородским Ком.: письмо Заломова из тюрьмы (приведенное в № 35 «Искры»); Саратовским Ком.: о 19 февраля; Северным Союзом — по тому же поводу; Комитетом Кишиневской соц.-дем. организации: о первом марта; Соц.-дем. союзом горнорабочих: листок № 5 (о безработице); другой листок с призывом к поддержке «Союза» (в 2.000 экз.) и «Пауки и мухи» Либкнехта (в 8.000 экз.). Все три листка, равно как и вышедшие раньше, хорошо отпечатаны в собственной типографии. — Одесским Ком. изд. листок о 19 февраля. Бакинским Ком. в марте выпущена прокламация по поводу удавшейся демонстрации. «Бундом» издан № 31 «Голос Рабочих» (янв. 1903 г.).

Вышел № 4 «Красного Знамени», органа Социал-Демократии Польши и Литвы (март 1903 г.), Содержание: Памяти Маркса. — Бурный месяц. — Речи русских рабочих на суде. Корреспонденции из Польши и из России. Заграничная хроника.

В феврале издан № 2 «Соц.-Дем. Обозрения», научного органа той же партии. Содержание: Польские почитатели царя. — Памяти «Пролетариата», Розы Люксембург. — Профессиональные союзы в Германии, С. Адамского. — Русские социал-демократы о польском и национальном вопросе. — Корреспонденции. — Журнальное обозрение. — Критика и библиография. — Общественно-политическая хроника.

Вышли издания «Лиги рев. русской соц.-дем.»: 1) Милитаризм и рабочий класс и 2) Пролетарский праздник.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Тверь. Арест. Рагозин; в Торжке вторично арестован пом. земск. агронома Кузнецов (выпущен после допроса).—

Екатеринослав. В февр. арест.: Ямпольский (поднадзорный, выпущен), бывш. семин. Евгений Беззабава (увезен в Спб.) и др. — Новороссийск. Из арестов. за ноябрьскую стачку рабочих сидят до сих пор: Величкин, Битнер, Шевелев, Кривомазов, Зозулин, Ермаков и др., всего 17 чел. Стоящий под особым надзором Иосиф Петрушкевич приговорен к трем месяцам тюрьмы. Кроме него, здесь отбывают надзор: Ник. Ильин (дело Брянск. зав.), Павел Точисский (дело Моск. Ком. Росс. С.-Д. Р. П. 1899 г.), Валентин Фомин (киевское дело соц.-рев.). 17 февр. арест. Кристити, служащий Владикавказск. ж. д. Говорят, найдено много литер. 18 февр. арестовано 7 раб. из ж.-д. маст. Все отправлены в Екатеринодар. — Таганрог. В половине февраля пришел приговор по делу рабочих, арестованных 25 марта 1902 г. Преданы были Росляковым. Обвинялись в организации кружков и пропаганде среди рабочих. Солдатову — ссылка в Архангельскую губ. на 4 года, Новикову, Жилину и Качанову — по 6 мес. тюремн. заключения. — Иркутск. Арест. раб.: Стижинский, Фураев, Яныкин, Глушков и др.; гимназист 7-го кл. Рубинштейн (вып.), учит-ца фельдш. школы Суссер и ссыльная М. Гутовская. — Якутск. «Прощенный моск. студ. Игорь Будилович сослан на 5 лет в отдаленнейшие места области (по оговору местного реалиста). — Москва. В тюремной больнице находится литератор Бунин. В феврале, кроме уже упомянутых, арестованы: курс. Андреева, студенты Гуров, Страхов, Ануфриев; слуш-ца фельдш. курс. С. Штаден; рабочие: Филиппов (с Прохор. мануф.), Хитров, Туманов, Истоминский. — Ярославль. 10 февр., кроме упомянутых раньше, арестов. рабочий Гричин, ученики торгово-промышленной школы Китаев и Дубинин; обыски у Дидрикиль и Воронина. — Харьков. В начале февраля арестов.: Крамаревская, Пузанова, Левандовская, Перли, Зайкин, Лагун, рабочие Карпенко и Никитин; в конце февраля — акушерка Горячева. С 9 на 10 марта — Циглер, Огарев и несколько рабочих. — Одесса. В янв. и феврале арестованы: Шухад (экстерн), Копчинский (сапожник), Баскин (цирульник), Вишняцкий (переплетчик), Беликов (слесарь), Мильнер (портной), Айзенберг (апт. учен.), Вильнер (наборщик), Аренштейн (токарь), Грановский (экстерн), Аванченко Макар (заводск. р.), Басов (экстерн), Горнштейн (электротехн.), Миллин (сапожн.), Шейнис (чернораб.), Людвинский, Кац (портной), Сызранцев (зав. раб.), Никифор Зерчук (столяр), А. Копилевич (пекарь), И. Копилевич (портной), Гройсман (столяр). На-днях из здешней тюрьмы выслано 15 чел. (в том числе одна девица). Из них — Израиль Кочуровский (по делу о динамите) и Л. Гринблат — в Москву, Иос. Кричевский — в Тулу, Анна Барышник — неизвестно куда. Выслали внезапно, не дав возможности снестись с родными. — Кишинев. Последовала новая, столь же суровая серия приговоров по старым делам. Интелл. Григ. Коф сослан на 5 л. в В. Сиб., пятеро рабочих, арестованных вместе с ним, выслано в Сибирь на 4 года. Выпущен приказчик Беленький. Режим в тюрьме все более невыносим. 14 марта арест. Могилевский с 6 пудами лит. (соц.-рев.), тогда же взяты студ. Панфилов, Кречмар, раб. Корнблит и еще 6 раб. — Гродно. 16 янв. арест. на улице Ш. Качульский; 22 февр. за демонстрацию на похоронах Бенецкого — три брата Вольгели и еще двое рабочих. Из Ковно в здешнюю тюрьму привезен Орловский, из Крынок — рабочие Диамант, Лидер и еще двое, из Белостока — 26 демонстрантов (в том числе учен. ком. училища Вольфсон и гимн-ка Розенталь). Сидевшие по одесскому делу Бернштейн и Бронштейн сосланы до пригов. в Вост. Сиб. — Козловский уезд, Тамбовской губ. 14 февраля в дер. Кочетовке арестован А. Алешковский, братья Лукины, сестры Никитниковы, учителя Кошкаров и Солопанов, д-р Никулин, студ. Семилетов и более 20 крестьян. — Ростов-на-Дону. После демонстрации взяты Нагель, раб. Нагель и д-р Азов. — Елисаветград. В середине января 10 обысков, 14 февраля на одной квартире арест. 6 рабочих; седьмой скрылся. — Екатеринбург. В январе арестовано 11 человек: двое рабочих и учительница из Нижне-Таг. завода, инт. В. Киснимский, Медведев. Остальные екатеринбургские и верхнеисетские рабочие. Много обысков. В начале марта пять обысков на Алапаевск. заводе, арест. чертежник Мунчук. — Орлов, Вятской губ. Какие-то мальчуганы расклеили здесь «преступные» прокламации. По этому случаю полиция сделала обыски у мальчуганов. У двух из них нашли две нелег. брошюры и два листка. Один начал болтать, в конце концов, произвели обыск у полит. ссыльного К. Попова. В Нолинске обыватель передал полиции пришедшие на его имя один пуд 14 фунт. литературы, причем оговорил ссыльного Николаева, как истинного, будто бы, адресата. В Малмыжском и Елабужском уездах были аресты по деревням, причем в первом уезде несколько крестьян арестовано. — Баку. С первого на второе марта арест.: Богдан Кнуньянц (в четвертый раз), Тигрин, вольноопред. (в третий раз), Голикова (во второй раз), студент Хунтадзе, акушер. Данюшевская, Козаренко (рецид., сотрудник «Бак. Изв.»), землемер Соколовский, Крейнум (сионист), раб.: Вишневский, Самараев (во второй раз), Майнер, Гинзбург и др. Почти все выпущены. — Кременчуг. В середине марта арест. Анчилавский, Виленский и г-жа Залковер, приехавшие из Одессы; раб. Данилов, Брагинский и еще один; в арестах замешан провокатор — столяр «Гришка».

В феврале из Александровской (в Ирк. губ.) пересыльной тюрьмы отправлена «зимняя» партия в девять чел.: рабочие из Севастополя Трофим Коротков и Абрам Кремшевер—на пять лет в Якутскую обл. по делу соц.-рев. в Севастополе, Гатовский — на пять лет в Якутск. обл. по делу Раб. партии политич. осв. Росс., раб. М. Грабб — из Минска по делу Бунда — на четыре года, М. Берлин, вольноопред. из Киева за попытку освободить заключенного Урицкого — на четыре года, Ал. Крупский — на пять лет в Якутск. обл. по делу Паули, Арон Залкинд, раб., был в ссылке в с. Знаменке, за хранение нелег. лит., набавлен один год ссылки; Голленштейн, одесск. рабочий по с.-д. делу и Бродская следует за муж. (по Николаевск. с.-д. делу).

Сосланы: из Уфимск. губ. на 5 л. в Якутск. обл. пом. прис. повер. М. Б. Смирнов, бывший в ссылке по делу «Раб. Знам.»; из Чернигова на 5 л. В. Сиб. г-жа Мандельштам (по пет. делу «Искры», дек. 1901 г.).

Бежал из Иркутска и благополучно прибыл за границу студ. Моск. унив. Киселев, которого местная жандармерия бросилась арестовать после собрания, на котором Кулябко-Корецкий читал свою лекцию и где ему был прочитан адрес от ссыльных студентов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

—ъ. Отчего ничего не присылаете? Адрес, которым вы пользовались раньше, годится. — Солдату. Вырезка получена.

Чернильнице. Получено. Просим и впредь пользоваться тем же адресом для всяких присылок и сообщений.

Корресп. из Финляндии отлагается за недостатком места.

Получено: А. В. 90 р., ВС. 50 р., СД. 60 р., в О. К. от искровца из П. 156 р., чер. Г. С. Д. 341,10 мар., из них чер. Цеткину в пользу О. К. 78,45 мар., из Лозанны с реферата Александрова 20,55 фр. и с вечера в память Маркса 90 фр., чер. Кольцова 150 р., из Брюсселя 67,50 фр., от русск. с.-д. кружка в Лондоне 1 ф. ст., от Ф. из Нью-Кестля на «Искру» 10 шилл., за «Искру» из России 3 р., чер. Женеву из Екатер. 3 р., из Мюнхена 200 мар., из Монпелье для стачечников фабр. Штиглица 25 фр., из Цюриха с бала 100 фр., с вечеринки 13 фр., из Вены за лит. 23,95 фр., за майскую лит. 30,30 фр.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. В тексте явная ошибка, так как Иван V (1666—1696), сын царя Алексея Михайловича, никаких грамот не давал.

Прим. 2. Котошихин Гр. К. — под'ячий посольского приказа при царе Алексее Михайловиче. В 1664 г. К. был прикомандирован к армии кн. Долгорукова и, не поладив с ним, бежал в Швецию, где написал свой труд о России, ставший одним из важнейших исторических памятников XVII в.

Прим. 3. В подлиннике, очевидно, опечатка; следует: «комедийные». Под черниговскими и саровскими комедийными действиями здесь подразумеваются открытия «нетленных мощей», произведенные официальными руководителями православной церкви с большой торжественностью.

Прим. 4. Речь идет о конфиденциальной записке мин. фин. С. Ю. Витте с предисловием и примечаниями Р. Н. С. (П. Струве), выпущенной в 1901 году «Зарей» под заглавием «Самодержавие и земство».

Прим. 5. Моя вина, моя величайшая вина!

Прим. 6. См. прим. 4-е к № 28 «Искры».

Прим. 7. Шипов Д. Н. (р. в 1851 г.)—земский деятель, в 1893—1904 гг. председатель Московской губернской земской управы, теоретический и практический руководитель правого крыла земских либеральных деятелей, хотел добиться созыва правительством совещательного представительного органа. Во время первой русской революции Д. Н. Шипов примкнул к октябристам. Впоследствии был членом Ц. К. партии мирного обновления. Шипов умер в период гражданской войны.

Прим. 8. Гюйо Ив. — французский буржуазный писатель, социолог и госуд. деятель конца XIX в. В 1889 — 1892 гг. был министром общественных работ. Начав с радикализма, он потом перешел в буржуазно-консервативный лагерь и боролся против социализма.

Прим. 9. Журнал «Новое Слово», издававшийся О. Н. Поповой, был передан ею в начале 1897 г. в руки марксистов Начиная с марта 1897 г. «Новое Слово» об'единяло на своих страницах революционных марксистов (Ленина, Плеханова, Мартова, Потресова, Засулич) и «легальных» марксистов (Струве, Булгакова, Туган-Барановского, Бердяева). В декабре 1897 г. журнал был закрыт.

Прим. 10. Соц.-демокр. организация в Туле ведет свое начало от с.-д. кружков, созданных там в начале 90-х годов членами Брусневской группы: Мефодиевым, Буяновым, Минаковым, Можайским (член «Сев.-Русс. Раб. Союза» С. Халтурина) и др. В 1893—1894 гг. эти кружки были разгромлены жандармами, но с.-д. работа все-таки в Туле не прекратилась. В течение 90-х годов в Туле работают соц.-дем.: И. И. Савельев, А. А. Малиновский (Богданов), В. А. Руднев (Базаров), Величкины, Бойковы П. А. Симяренко и др.